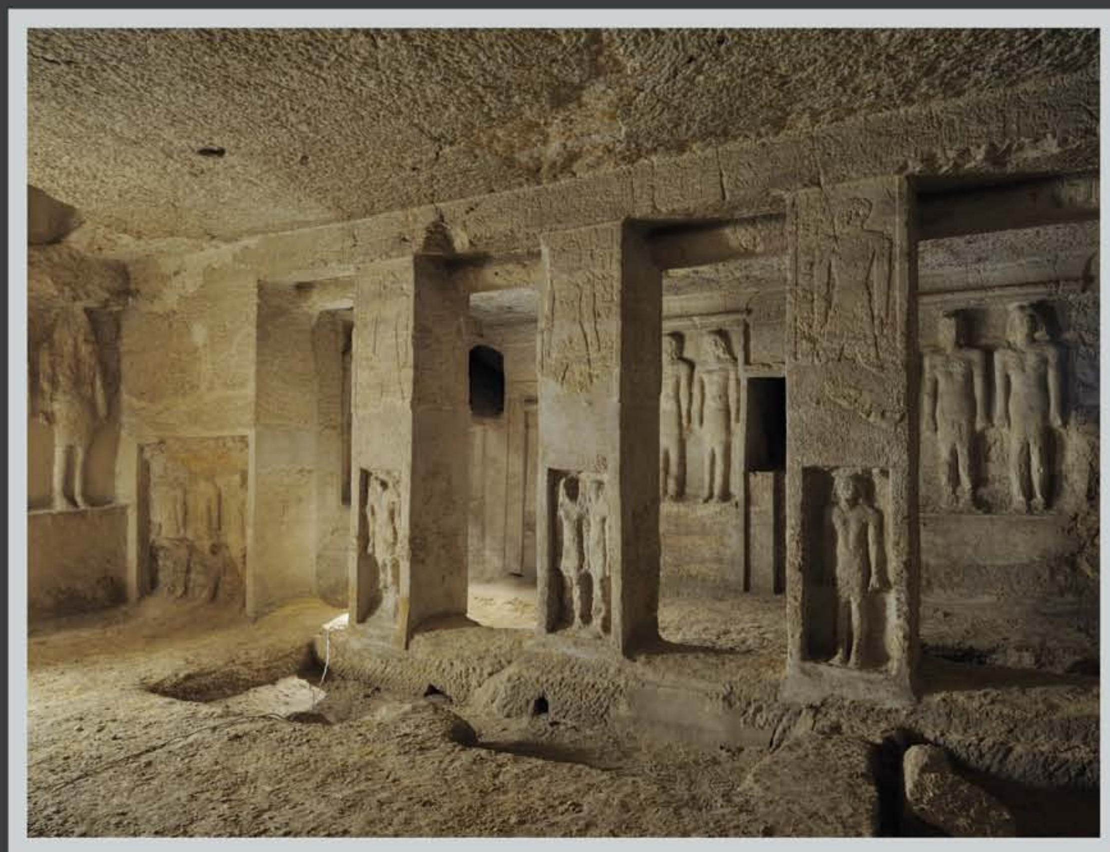
ISSN 2618-7302

ВЕСТНИК
Института востоковедения РАН

3
2019

ВЕСТНИК Института востоковедения РАН 2019 №3

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2019

3 (9)

Журнал выходит четыре раза в год

Основан в феврале 2018 года

Москва
ИВ РАН

ISSN 2618-7302 Периодическое издание

Рецензируемый научный журнал Института востоковедения РАН
Учрежден Ученым советом Института востоковедения РАН
Зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации

Главный редактор

Научный руководитель Института востоковедения РАН, академик РАН
В. В. Наумкин

Редакционная коллегия

В. П. Андросов
А. В. Акимов
Л. Б. Алаев
Ю. Г. Александров
А. К. Аликберов
В. М. Алпатов
С. Э. Бабкин
А. Г. Белова
В. Я. Белокреницкий
С. А. Бурлак
Е. Ю. Ванина
Д. Д. Васильев
А. В. Воронцов
А. В. Демченко
А. С. Десницкий
А. Ю. Другов
А. С. Железняков
А. О. Захаров
И. Д. Звягельская
Т. А. Карасова
Е. Л. Катасонова
А. И. Кобзев
В. А. Кузнецов
Ю. В. Любимов
Н. М. Мамедова
Д. В. Микульский
Д. В. Мосяков
В. Н. Настич
К. В. Орлова
С. А. Панарин
Н. И. Пригарина
Н. Г. Романова (*зам. гл. редактора*)
А. В. Сарабьев
В. Н. Саутов
З. М. Шаляпина
Т. Л. Шаумян

Редакция

Д. В. Дубровская (*ответственный секретарь*)
С. Е. Малых (*научный редактор*)

E-mail: vestnikivran@yandex.ru
ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12, комн. 251

Дизайн обложки – *С. В. Ветохов*; макет и верстка – *С. Е. Малых*

На обложке: Египет, Гиза, культовое помещение скальной гробницы Кахерптаха (XXIV–XXIII вв. до н. э.) (*фото С. В. Ветохова*)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

JOURNAL
of the
Institute of Oriental Studies RAS

2019

3 (9)

Published quarterly

Founded in February, 2018

Moscow
IOS RAS

Peer-reviewed journal of the Institute of Oriental Studies RAS

The journal was founded by the Academic Council of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation

Editor-in-Chief

Academic Supervisor of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Vitaly V. Naumkin

Editorial Board

V. P. Androsov
A. V. Akimov
L. B. Alaev
Y. G. Aleksandrov
A. K. Alikberov
V. M. Alpatov
S. E. Babkin
V. Y. Belokrenitskiy
A. G. Belova
S. A. Burlak
A. V. Demchenko
A. S. Desnitskiy
A. Y. Drugov
T. A. Karasova
E. L. Katasonova
A. I. Kobzev
V. A. Kuznetsov
Y. V. Lyubimov
N. M. Mamedova
D. V. Mikulskiy
D. V. Mosyakov
V. N. Nastich
K. V. Orlova
S. A. Panarin
N. I. Prigarina
N. G. Romanova *(deputy ed.-in-chief)*
A. V. Sarabyev
V. N. Sautov
Z. M. Shalyapina
T. L. Shaumyan
E. Y. Vanina
D. D. Vasilyev
A. V. Vorontsov
A. O. Zakharov
A. S. Zheleznyakov
I. D. Zvyagelskaya

Editorial Group

Dinara V. Dubrovskaya *(Executive Editor)*
Svetlana E. Malykh *(Scholarly Editor)*

Вестник Института востоковедения РАН. № 3 (9). — М.: ИВ РАН, 2019. — 328 с.

ISSN 2618-7302

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН, редколлегии и редакции журнала.
Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
bld. 12, Rozhdestvenka st., Moscow, Russia, 107031, room 251

© ФГБУН ИВ РАН, 2019
© Редакция журнала «Вестник Института востоковедения РАН» (составитель), 2019

Опубликованные в журнале «Вестник Института востоковедения РАН» статьи прошли процедуру анонимного рецензирования и экспертного отбора. Научное содержание публикаций, наименование и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующей группе научных специальностей:

07.00.00 Исторические науки и археология

07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)

07.00.06 Археология

07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

07.00.15 История международных отношений и внешней политики

10.00.00 Филологические науки

10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)

10.01.08 Теория литературы, текстология

10.02.20 Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

10.02.22 Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки

23.00.00 Политические науки

23.00.01 Теория и философия политики, история и методология политической науки

23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

23.00.05 Политическая регионалистика. Этнополитика

23.00.06 Конфликтология

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ. СИРИЙСКИЙ КРИЗИС

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ В XXI ВЕКЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ВОСТОЧНЫЕ ЯЗЫКИ

ПЕРЕВОДЫ И КОММЕНТАРИИ

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ

ХРОНИКИ КОНФЕРЕНЦИЙ

IN MEMORIAM

CONTENTS

HISTORICAL AND POLITICAL SCIENCES

POLITICAL CONFLICTOLOGY. SYRIAN CRISIS

ECONOMY AND POLITICS OF ASIAN AND AFRICAN COUNTRIES IN THE 21ST CENTURY

PHILOLOGICAL SCIENCES

ORIENTAL LANGUAGES

TRANSLATIONS AND COMMENTARIES

ACADEMIC EVENTS

CRITICAL AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

IN MUSEUM COLLECTIONS

CHRONICLES OF CONFERENCES

IN MEMORIAM

ОТ РЕДАКЦИИ

В грядущем году «Вестнику Института востоковедения РАН» исполнится два года. Готовясь к этой скромной дате, журнал стремится лучше соответствовать требованиям научных информационных систем, в связи с чем немного меняет рубрикатор и предоставляет авторам и читателям информацию о научных специальностях журнала. В остальном «Вестник» продолжает оставаться лицом и зеркалом старейшего гуманитарного академического института России, о чем свидетельствуют как всегда разнообразные, свежие и актуальные публикации третьего номера за 2019 год.

На этот раз мы не станем перечислять все интереснейшие темы номера, позволив вам взглянуть лишь на несколько цитат из источников, с которыми работали авторы публикаций, и анонсируя читательский *квест*: те, кто первыми найдут статьи, из которых взяты эти цитаты, получат небольшие призы от редакции. Итак:

1. *Он снял дорогую шапку и нижнее платье и передал все это вознице. Тогда белый конь упал на колени, целуя его ноги и проливая слезы, похожие на жемчужное ожерелье. Возница в глубоком горе пошел по дороге, громко рыдая и оглядываясь на царевича, который, переодевшись в накидку из оленьей шкуры, уже пошел вдаль.*

2. *Только что вернулся от Лукьяновых. Боже мой, какие неприятные характеры. Шпильки без конца. В общем я ужасно не люблю мужчин с писклявыми теноровыми голосами.*

3. *Я не знаю ничего более некомфортного для деликатных желудков, чем созерцание этой процедуры, разве что очень распространенный способ приготовления тостов, когда растопленное масло размазывается по хлебу тем же пучком, а то и вовсе куском старой тряпки! Что до процеживания супа через грязные лоскуты, то это — в порядке вещей.*

Итак, если вы нашли эти отрывки в статьях третьего номера, пишите на почту журнала, заходите в 251 комнату на втором этаже Института востоковедения, и мы расскажем, что будет дальше.

Ваша редакция «Вестника Института востоковедения РАН»

ГИПОТЕЗА О «ЗЕМЛЕ ИЗЛИЯНИЯ РЕКИ»: К ПРЕДЫСТОРИИ 1-ГО ПОРОГА В КОНТЕКСТЕ ГИДРОЛОГИИ СРЕДНЕГОЛОЦЕНОВОГО НИЛА. ЧАСТЬ I

© 2019

Д. Б. Прусаков*

Так называемые нильские пороги, которые до сравнительно недавнего плотинно-водохранилищного гидростроительства на величайшей африканской реке составляли шесть основных участков и множество отдельных стремнин, являются отличительной геологической чертой русла Главного Нила на его «нубийском» отрезке от Хартума до южных границ Египта. В истории Древнего мира 1-й нильский («сиенский») порог, располагавшийся в нескольких километрах выше современного Асуана, известен прежде всего как территориальный рубеж между фараоновским Египтом и Нижней Нубией — страной, простиравшейся вверх по Реке до северной оконечности 2-го порога близ Вади Хальфа. В додинастический период предыстории фараонов в IV тыс. до н. э. торгово-хозяйственные взаимоотношения египтян (традиция Нагада) и «эфиопов» (Группа А) были настолько тесными, словно никаких границ не существовало, и Верхний Египет «продолжался» в Нижнюю Нубию, образуя с ней единое социо-культурное пространство с регулярным товарооборотом сырья и ремесленных изделий, схожими каменными постройками и общими чертами погребений; здесь же обнаружены древнейшие изображения «царей в белых коронах» и другие признаки зарождения раннеегипетской государственности. Этот доисторический культурный и этнический «симбиоз» впоследствии резко разделившихся стран и народов складывался в додинастический амратский период (Нагада I, первая половина IV тыс. до н. э.), когда Верхний и Нижний Египет, «Обе Земли» будущего централизованного государства фараонов, напротив, не имели регулярных взаимных контактов и представляли отличные друг от друга разновидности неолита.

Ключевые слова: Нил, голоцен, гидрология, 1-й порог, Нижняя Нубия, Верхний Египет, додинастический период, Группа А, Нагада I–III.

THE HYPOTHESIS OF THE “LAND OF OUTPOURING OF THE RIVER”: ON THE PREHISTORY OF THE FIRST CATARACT IN THE CONTEXT OF HYDROLOGY OF THE MID-HOLOCENE NILE. PART I

Dmitry B. Proussakov

The so-called Nile cataracts, which numbered six major sections and a lot of single rapids before recent hydraulic construction on the greatest African river, are the distinctive geological feature of the Main Nile along its “Nubian” channel from Khartoum to the southern limits of Egypt.

* Дмитрий Борисович ПРУСАКОВ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; dmprusakov@mail.ru

Dmitry B. PROUSSAKOV, DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; dmprusakov@mail.ru

In the history of the Ancient World, the First (“Siennian”) cataract, several kilometers south of modern Aswan, is famous primarily as a territorial border of Pharaonic Egypt and Lower Nubia, the land upstream towards Wadi Halfa at the northern extremity of the Second cataract. During the Egyptian Predynastic period in the Fourth millennium BC, trade and economic relations between Egyptians (Naqada tradition) and “Ethiopians” (A-Group) were so close as if no borders have existed, and Upper Egypt “continued” into Lower Nubia, both together having formed a single socio-cultural region with regular circulation of raw materials and goods, similar stone buildings and burials; hereabout the most ancient images of the “kings in white crowns” and other signs of emergence of the early Egyptian statehood were discovered. This prehistoric cultural and ethnical “symbiosis” of the countries and peoples that have later been separated abruptly arose in the Predynastic Amratian period (Naqada I, the first half of the Fourth millennium BC) when Upper and Lower Egypt, “the Two Lands” of the future centralized Pharaonic state, on the contrary, lacked regular mutual relations and developed distinct forms of Neolithic life.

Keywords: the River Nile, Holocene, hydrology, the First cataract, Lower Nubia, Upper Egypt, Predynastic period, A-Group, Naqada I–III.

Нильские пороги («катаракты»), отмечающие в целом весьма пологий, со средним уклоном 0,15 м/км, 1847-километровый путь Реки от «тройного города» Хартума, Северного Хартума и Омдурмана через песчаники Нубии к Асуану, представляют собой уступчатые участки выходов на поверхность коренных гранитов общей протяженностью около 565 км и суммарным падением свыше 200 м; до развернувшегося на Главном Ниле в прошлом веке капитального гидростроительства[1] их насчитывалось шесть, с принятой геологами, географами и историками нумерацией, убывающей вниз по течению (*илл. 1*).

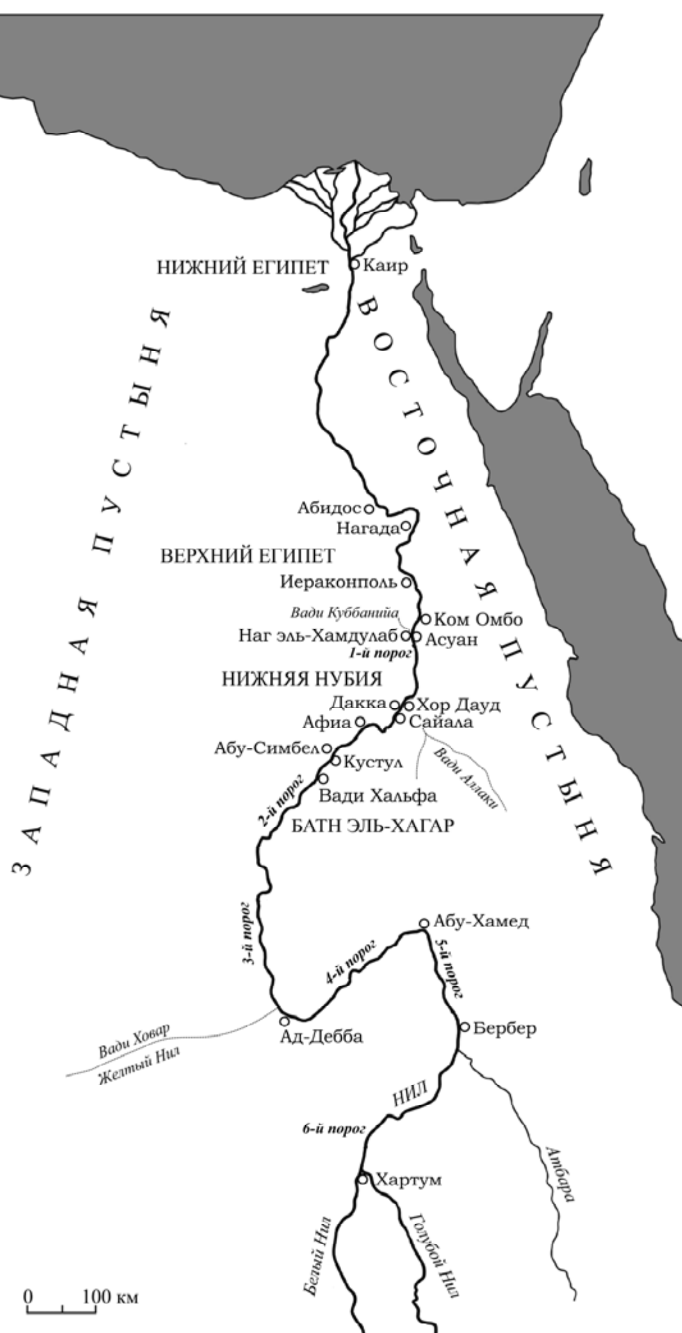
Лежащий в 85–86 км от Хартума 6-й, он же Шаблукский, порог 18-километровой длины и перепадом 6 м [Willcocks, 1904] — на взгляд крупнейшего египетского геолога Р. Саида, «вовсе не порог», а всего лишь затруднительный речной сегмент, где навигация, особенно в межень, осложнена многочисленными островами и перекатами, — заключен в ущелье шириной 400 м с отвесными стенами высотой более 100 м, ставшее на заре голоцена, с завершением формирования современного нильского русла, «воротами, через которые воды Судана вышли к Средиземному морю» [Said, 1993]. Между Шаблукским и 5-м порогами Нил принимает свой последний приток, сезонную Атбару с истоками на Эфиопском нагорье, «повторяющую в очень малом масштабе то, что делает Голубой Нил в Хартуме» [Willcocks, 1904]. Дальше, в 45 км ниже Бербера, простирается 160-километровая область 5-го порога, где Река падает на 55 м (в среднем 0,34 м/км). От Абу-Хамеда прихотью геологии этого региона Нил «неожиданно» обращается едва ли не вспять, на юго-запад, чтобы, вновь повернув к северу в районе Ад-Деббы, прочертить на карте Африки гигантскую S-образную кривую полной протяженностью от Шаблукских стремнин до впадения в водохранилище Насер (Асуанское) с приближением к судано-египетской границе. На «попятном» 300-километровом участке, ровно посередине, еще в недавнем прошлом тянулся, опускаясь на 57 м, 110-километровый 4-й порог, когда-то самый крутой (до 0,52 м/км) и труднопроходимый на «нубийском» Ниле, теперь поглощенный 170-километровым, площадью около 500 км^2, водохранилищем возведенной в 2004–2008 гг. гидроэнергетической плотины Мерове. Поворачивая после нее широкой дугой на север

[1] См.: [Прусаков, 2019].

к 3-му порогу, Река более 300 км течет по равнине с плавным уклоном 0,08 м/км, практически таким же, какой наблюдался между 2-м и 1-м порогами до строительства асуанских плотин [Willcocks, 1904]. За этим поворотом неподалеку от Старой Донголы в Главный Нил с запада по ныне сухому Вади Ховар в раннем и среднем голоцене вливался полноводный приток — так называемый Желтый Нил, от которого еще в эпоху фараоновского Древнего царства (III тыс. до н. э.) сохранялась цепь глубоких пресных озер [Pachur, Kröpelin, 1987; ср.: Keeling, 2000]. Расположенный в полутора сотнях километров ниже устья Вади Ховар 70–80-километровый 3-й порог имеет по отношению к остальным «нубийским катарактам» минимальное падение, не превышающее 20 м, в этом сегодня уступая только Шаблукским перекатам. Уже через 110–120 км от него начинается опускающаяся примерно на 66 м к Вади Хальфа 200-километровая скалистая область 2-го порога, «неприступная и безлюдная», усеянная множеством быстрин (Амара, Даль, Семна, Абка и др.) и из-за исключительной навигационной опасности и постоянных судовых крушений прозванная арабами Батн эль-Хагар — «каменное чрево». Здесь русло Главного Нила, прежде направлявшееся в узкую долину между отвесными гранитными и песчаниковыми утесами, теряется в «озере Нубия», суданской части 500-километрового водохранилища Насер, образованного Высотной Асуанской плотиной, построенной над 1-м порогом в Египте [Said, 1993; Shahin, 1985].

1-й нильский порог, лишившийся оригинального облика под асуанскими быками и бьефами, уже больше столетия недоступен «аутентичному» наблюдению, как московская Неглинка в своем коллекторе. Характерно, что в публикациях современных археологов и историков о нем вспоминают самыми общими словами, как о месте, где Река когда-то мчалась «через стремнины и мели»[2], без рассмотрения и учета его подлинных, «доплотинных» морфометрических величин: высот, глубин, уклонов и т. п. При этом сохранившиеся старинные свидетельские описания «Сиенского катаракта», которые, казалось бы, должны сравнительно адекватно передавать его былые физические черты и масштабы, порой удивляют просто фантастическими сведениями: так, финансировавшийся французским королевским двором путешественник конца XVII — начала XVIII вв. Поль Люка, побывав в Верхнем Египте, сообщал, что тамошние «знаменитые водопады», слышные за много лье от Сиены, «низвергаются в нескольких местах с горы высотой более двухсот футов… В одном замечательном месте водная поверхность шириной добрых 30 футов образует при падении нечто вроде свода, под которым можно пройти, не промокнув». Как автору, «имевшему честь» (или нахальство) преподнести Людовику XIV еще и собственноручно нарисованную карту с этой диковинной горой, удалось отыскать на верхнеегипетском Ниле «порог» выше «британской» Асуанской дамбы и Ниагарского водопада, остается загадкой. Словно не довольствуясь ошеломляющим впечатлением, которое должны были произвести на читателя шумно обрушивающиеся с такой высоты водные потоки, Люка добавлял: «Мне рассказывали, что варвары спускаются по ним на плотах» [Voyage, 1714].

[2] См., например: [Seidlmayer, 1996].

Илл. 1. Главный Нил с порогами (*рис. автора*)

Нечто подобное в свое время писал Страбон о местных «лодочниках», развлекавших римское оккупационное начальство экзотическим зрелищем: «Катаракт расположен посредине реки; это как бы выступ скалы, плоский на вершине, так что он принимает на себя воды реки, но оканчивается обрывом, по которому низвергается вода; по обеим сторонам скалы по направлению к суше идет поток, по которому как раз можно плыть вверх по течению. Таким образом, лодочники, проплыв сначала вверх по этому потоку, плывут затем вниз, увлекаемые течением к катаракту, потом низвергаются

с челном в обрыв и, наконец, выходят невредимыми вместе с ним» [Страбон, XVII, I, 49]. С точки зрения сегодняшних любителей спортивно-туристического сплава по порожистым рекам, это обходимое с двух сторон скальное препятствие представляло собой одиночный слив с бочкой, максимум средней категории сложности. Правда, Страбон говорит здесь о «малом катаракте», который лежал чуть выше острова Элефантина, т. е. у самого подножия 1-го порога, откуда Река уже «спокойно течет на север» [Seidlmayer, 1996]. Напечатанное в России в конце XVIII в. переведенное с немецкого языка «Статистическое, географическое и топографическое описание Египта, собранное из новейших и наилучших известий разных путешествий» называет порог у Сиены «большим», информируя нас, что при посещении сих мест Р. Пококом (1737 г.) и Дж. Брюсом (1768 г.) расположенный непосредственно над ним остров Филэ выступал из Реки на 20–30 футов, тогда как гранитные глыбы катаракта поднимались на 30–40 футов при ширине Нила «у водопада» не более «полчетверти мили» [Статистическое, 1795].

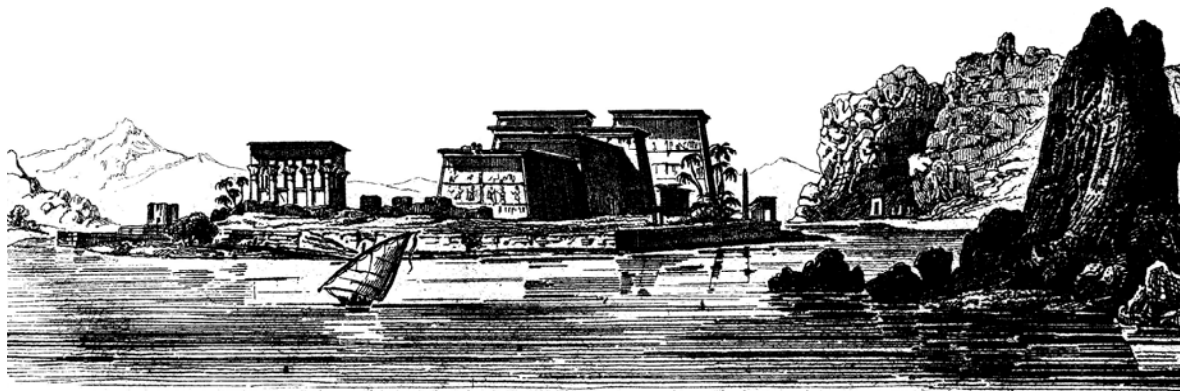
Для сравнения, Ж.-Ж. Шампольон-Фижак, французский историк, палеограф и старший брат гениального дешифратора египетской иероглифики Жана-Франсуа Шампольона, в своем труде «Древний Египет» приводит наблюдения неких «дружных с истиной, а не со сказками» свидетелей, которые лицезрели и измеряли 1-й порог, характеризуемый сочинителями вроде Поля Люка как «огромный провал, чей грохот поражал окрестных жителей глухотой»: «Это русло неровное, усеянное гранитными скалами, более или менее высокими, более или менее тесно расположенными, образующими рифы, из коих некоторые представляют собой крупные острова; эти скалы поднимаются из воды и перегораживают Нил во всех направлениях; задерживаемый этими препятствиями, речной поток подается назад, вздымается и перекатывается через них; так он образует последовательность небольших каскадов, каждый из которых имеет высоту полфута или меньше. Пространство заполнено водоворотами и пучинами, и шум разбивающейся воды слышен на некотором расстоянии. Этот путь был бы очень опасен для навигации, но род фарватера создан у левого берега; во время высокой воды все рифы с этой стороны потока оказываются затопленными, и она превращается в судоходный канал; во время низкой воды лодки поднимаются по течению бечевой, прижимаясь к берегу; спускаясь, они сносятся течением с большой скоростью. Таков в действительности знаменитый Сиенский катаракт, который ограничивается несколькими уступами, распределенными на некотором протяжении местности, и где вода Нила на его входе в Египет падает в целом едва на несколько футов» [Champollion-Figeac, 1839]. К этому «натурному» описанию, примечательному прежде всего разительно отличающимися от «сказок» Люка, но также вызывающими вопросы сведениями о высоте падения катаракта, прилагается рисунок О. Ф. Лемэтра[3], дающий о нем, по мнению Шампольона-Фижака, «весьма достоверное» представление (*илл. 2*). На другом рисунке того же мастера остров Филэ, господствовавший над 1-м порогом, запечатлен посреди речной глади с безмятежно скользящей по ней фелюкой (*илл. 3*), нисколько не ассоциируясь с обрывистой ступенью, где Река производит «такой страшный рев, что почти можно заглушиться» [Статистическое, 1795]. Мало того, видный английский исследователь

[3] Огюстен Франсуа Лемэтр — известный французский гравер и литограф XIX в.

нильского бассейна, член Королевского географического общества С. Бейкер во время плавания на парусной лодке из Каира в Короско (Судан) 8 мая 1861 г. отмечал в путевом дневнике, что «в окрестностях» острова Филэ Нил, устремляясь в далекий Нижний Египет, вовсе не грохочет, а «тихо (silently) течет меж своих суровых скальных стен» [Baker, 1867] (в разгар межени голос «Сиенского катаракта» заметно приумолкал?).

Илл. 2. 1-й порог Нила (по: [Champollion-Figeac, 1839, pl. 3])

Илл. 3. Остров Филэ (по: [Champollion-Figeac, 1839, pl. 4])

Английский египтолог и писатель, в начале прошлого века главный инспектор древностей Верхнего Египта в Луксоре А. Вейгалл, не вдаваясь в иные подробности, отзывался о 1-м пороге как об урочище, где вода обтекает дюжину безжизненных темных гранитных скал [Weigall, 1913]. Его протяженности касался выдающийся английский гидролог, «Отец Нила» Г. Херст в очерке о малой Асуанской плотине, возведенной в 1898–1902 гг. «у начала первого порога (катаракта), который простирается

еще на несколько километров к северу» [Херст, 1954]. Один из проектировщиков этой дамбы, крупный британский инженер-гидростроитель У. Уилкокс, приводил ряд технически точных цифр: до создания всех асуанских плотин и водохранилищ длина нильского отрезка между 2-м и 1-м порогами составляла 345 км, средняя ширина Реки на нем — 500 м, средняя глубина — 2 м в межень и 9 м в разлив; собственно 1-й порог имел длину 5 км и падение 5–6 м, причем за последние 2–3 тысячи лет здесь не произошло существенного размыва (понижения) речного русла [Willcocks, 1904]. Таким образом, своей крутизной «Асуанский катаракт» значительно превосходил остальные пороги Главного Нила и, наверное, мог стать естественным барьером между лежавшими к северу и югу от него «египетским» и «нубийским» поречьями с их населением (ср.: [Janssen, 1978]), хотя его резкий уклон компенсировался кратчайшим сливом, легко и быстро преодолимым в обход по суше и к тому же судоходным (подтверждено У. Уилкоксом) в сезон половодья (ср.: [Kees, 1961]).

Являясь наименьшим, безопаснейшим и самым исхоженным вверх и вниз среди всех известных древним египтянам нильских катарактов, 1-й порог в эпоху фараонов, однако, был овеян сугубой мифологической таинственностью: где-то здесь в глубоких пещерах под защитой огромного змея обитал андрогинный нильский бог Хапи, источавший из двух сосудов на Обе Земли Египта свои животворные воды и разливы [Baines, 1985]. О неких «бездонных» ключах Нила близ Элефантины якобы рассказывал Геродоту писец храма Нейт в Саисе на западе Дельты [Геродот, II, 28], но еще Страбон скептически замечал, что «отец истории», повторяя туземные легенды об истоках Реки около островов у Сиены и о «неизмеримой» глубине русла в тех местах, «болтает нелепости» [Страбон, XVII, I, 52]. Египтяне, уже в додинастические времена постоянно присутствовавшие в Нижней Нубии [Midant-Reynes, 2000b], совершавшие на нее набеги при ранних династиях, достигавшие завоеваниями в эпоху Среднего царства районов 2-го, а в период расцвета «империи» Тутмесидов–Рамессидов — 4-го порога [Steindorff, Seele, 1957], конечно же, знали, что их возлюбленный Нил не изливается из «преисподней» (Дуата) в пене катаракта между островами Филэ и Элефантина, а притекает сюда от очень далеких и никому не ведомых южных пределов. Некоторые исследователи, на мой взгляд, справедливо полагали, что «дезинформировавший» Геродота высокопоставленный саисский жрец, человек образованный, имел в виду не источник Нила, а совсем другое, например, начальный участок вступления Реки и ее паводков в Египет — «верхнеегипетский Нил, что у Биге», ибо египтяне также различали орошавший Дельту «нижнеегипетский Нил, который выходит из Гелиополя»[4] [Sethe, 1907–1908]. Остров Биге располагался рядом с Филэ над катарактом, и, по одной из исторических традиций, именно их, а не Элефантину или 1-й порог, египтяне считали действительной границей своей страны или «нейтральной территорией», за которой простиралась чужбина [Weigall, 1913; Wainwright, 1953].

Вместе с тем это будто самой природой созданное древнее пограничье, со следами сторожевой крепости I династии на Элефантине [Kaiser et al., 1993], оставалось полосой смешанного проживания египтян и нубийцев: «Выше Элефантины живут уже эфиопы, и остров этот наполовину заселяют они, а наполовину египтяне» [Геродот, II, 29]; «немного выше катаракта лежит остров Филы; это — совместное поселение

[4] В данной связи обращают на себя особое внимание важнейшие ниломеры на островах Элефантина и Рода (Каир).

эфиопов и египтян, устроенное подобно Элефантине» [Страбон, XVII, I, 49]. Выдвигалась даже версия, что в архаический период Элефантина была «иноземной колонией» раннеегипетского государства, вошедшей в его состав лишь при III династии [Helck, 1974; ср.: Прусаков, 2001]. Район с порогом — 1-й верхнеегипетский ном, называвшийся Та-сети — противополагался Дельте как южная оконечность Египта, но топоним мог идентифицировать и «чужую землю на юге», или Нубию [Wb. III, S. 488]. Французский египтолог П. Монтэ в своей «Географии» толковал его как «землю минерала сети» («нубийской охры»? [Faulkner, 1991]) и относил не только непосредственно к ному, но и к долине Нила вверх по течению «до рубежей, которые пока нельзя уточнить», специально отмечая детерминатив при иероглифах *&A-sty* в форме «пустого или содержащего несколько точек овала» (знак Z8 у А. Гардинера [Gardiner, 1976]): этот определитель маркировал, помимо названий ряда иноземных стран, «имена больших водных пространств», в частности, морского — «Великой зелени» (*WAD-wr*) [Wb. I, S. 269]; на рельефе знаменитой каменной палетки царя 0-й династии Хора-«Нармера» [Quibell, 1898] фигурирует такой «овал» с отрезанной человеческой головой и колосящимися стеблями папируса, что, вероятно, символизировало военный триумф верхнеегипетского правителя над аборигенами Дельты [Montet, 1961] (которая, по моей гипотезе, в эпоху «Нармера» была на десятки километров от побережья подтоплена «Великой зеленью» Средиземного моря и подпруженным ею Нилом, переполненным среднеегипетскими озерными водами [Прусаков, 1994; 2006; 2018а; 2018б]). Однако характерная для иероглифических написаний «Та-сети» идеограмма «нубийский лук» [Montet, 1936] (Aa32 [Gardiner, 1976]), встречающаяся в них постоянно — по крайней мере, чаще, чем «крупицы», обозначающие минеральные вещества (N33 [Gardiner, 1976]), — склоняла большинство исследователей к кажущемуся самым логичным топонимическому прочтению — «Земля лука» (ср.: [Vinogradov, 2000]), которая задокументирована на ярлыке черного дерева основателя I династии Хора-Аха (исторически синхронно началу укрепления Элефантины) в качестве чужой враждебной страны (*илл. 4*) (см.: [Valbelle, 1990]). Археологи территориально отождествляют ее с ареалом нубийской неолитической Группы А [5], на подъеме которой между Верхним Египтом и Нижней Нубией *отсутствовала четкая граница*, и Та-сети представляла собой область тесных повседневных контактов Группы А — главной нижненубийской культуры того времени [Leclant, 2000] — и египетской додинастической традиции Нагада [Gatto, Tiraterra, 1996; Seidlmayer, 1996]; в итоге, как писал академик Б. Б. Пиотровский, «государство Древнего Египта возникло на

Илл. 4. Та-сети. Ярлык Хора-Аха (по: [Petrie, 1901b, pl. III.2])

[5] См., например: [Hofmann, 1967; Nordström, 1972; Rampersad, 1999; Török, 2009].

рубеже IV и III тысячелетий до н. э. на обширной территории Верхнего Египта, включавшей и Северную Нубию» [Пиотровский, 1983].

Американский археолог Дж. Э. Райзнер, благодаря которому понятие «нубийской Группы А» вошло в научный обиход (хотя в его 350-страничном фундаментальном «докладе» категория «A-group» встречается лишь дважды, теряясь среди других выделенных им же на нубийско-египетском Ниле «археологических групп» под литерами B, C, D, E и X), хронологически соотносил эту культуру с фараоновским «раннединастическим периодом — первыми тремя или четырьмя династиями» [Reisner, 1910; см. также: Firth, 1912]. Последующие перекрестные датировки по найденным в ее контексте артефактам (керамике, орудиям и др.) скрупулезно «калиброванной» египтологами традиции Нагада [Kaiser, 1957; 1990; Köhler, Smythe, Hood, 2011] и независимые (пока сравнительно немногочисленные) радиоуглеродные измерения значительно понизили «историческую шкалу» Дж. Э. Райзнера, установив для Группы А календарный интервал 3800/3700–2900/2800 гг. до н. э. [Bonnet, 1997; Gatto, 2006; Nordström, 2004; Smith, 1991; Török, 2009] — или, в терминах археологической хронологии древнейшего Египта, от амратского (Нагада I) до архаического периода, когда она «неожиданно исчезла» в конце I — начале II династии [Midant-Reynes, 2000b; Wengrow, 2006]. На раннем этапе своей эволюции, в неолитический амратский период египетской додинастики, Группа А, отслеживаемая по маловнятным остаткам поселений и хорошо сохранившимся могильникам, занимала пространство от ныне затопленного водохранилищем Насер устья Вади Аллаки на севере Нубии в 115 км выше Асуана, в районе Дакка–Сайала (где, по одной из версий, она и зародилась [Gatto, 2002]), до устья Вади Куббанийа в 10 км ниже Асуана; по некоторым данным, ее проникновение вдоль Нила в Египет в те времена могло достигать расположенной еще в четырех десятках километров вниз по течению просторной аллювиальной равнины в окрестностях Ком Омбо [Gatto, 2005], и даже высказывалась мысль, что тогдашняя нубийско-египетская «этническая граница» подступала не к Асуану, а скорее к Гебель Силсиле [Smith, 1991], в таком случае вплотную приближаясь к будущей северной государственной границе 1-го верхнеегипетского нома (см.: [Montet, 1961]). В дальнейшем, по-видимому, на протяжении додинастического энеолитического герзейского периода (Нагада II), происходил отток Группы А от Верхнего Египта на юг до порогов Батн эль-Хагара[6], с чем согласуется, в частности, тот факт, что позднейшие герзейские и протодинастические (Нагада III) захоронения в районе Куббанийа не содержали «туземного» нубийского инвентаря и «ничем не отличались от современных им верхнеегипетских погребений» [Török, 2009].

«Не может быть сомнений в том, что Группа А являлась продуктом культурного прорыва Нагады» [Midant-Reynes, 2000b]. Это не означает, что она была детищем экспансии додинастического Верхнего Египта в Нижнюю Нубию (ср.: [Fairservis, 1962]) или «амратским побегом» (ср.: [Trigger, 1965]): ее безусловно местные корни просматриваются в контактах с клонившейся к упадку неолитической культурой Абка [Adams, 1977], которая в V–IV тыс. до н. э. осваивала область 2-го порога [Myers 1958; 1960] и гипотетически могла, как «итог длительной эволюции», восходить к нубийской микролитической традиции Кадан, возникшей у Вади Хальфа 14000–12500 некалибр.

[6] О синхронном появлении Группы А в Западной пустыне см., например: [Gatto, 2001; Lange, 2003].

л. н. (XV–XIII тыс. до н. э.) [Shiner, 1968]. В изначально присваивающем хозяйстве культуры Группы А, носители которой вели в основном полуоседлый образ жизни [Quintana, 2012], преобладали охота, рыболовство и сбор речных моллюсков, и лишь ближе к «финальной фазе», т. е. к концу IV тыс. до н. э. (едва ли существенно раньше, не говоря уже о шатких «доказательствах» ее исконной сельскохозяйственной специализации), она стала практиковать в своем не очень пригодном для этого естественном ареале скотоводство и «мелкомасштабное» земледелие, очевидно, привнесенные из Египта[7]. С кладбищ Группы А, во многом перенявшей похоронные обычаи Нагады [Midant-Reynes, 2000b], археологами прослеживается систематическое египетское влияние на общий облик нубийских погребений: их устройство, трупоположение, размещение сопутствующих предметов и др. [Williams, 1991]; обсуждалась и вероятная обратная связь: например, наличие характерных для Группы А захоронений животных (собак, коз, крупного рогатого скота)[8] в так называемом элитном до- и раннединастическом некрополе HK6 в Иераконполе [van Neer, Linseele, Friedman, 2004]. С этим «государствообразующим» протогородом [Adams, 1974; Hoffman, 1982], как и с Верхним Египтом в целом, Группа А находилась в теснейших товарообменных отношениях, контролируя ключевой участок и играя важную (и явно весьма прибыльную) посредническую роль на дальних торговых путях между верхнеегипетской Долиной, нубийской Восточной пустыней и субсахарской черной Африкой [Török, 2009]. От 2-го до 1-го порога по западному берегу Нила (Абу-Симбел, Афиа, Дакка и др.) тянулась цепочка ее поселений с несколькими «жилыми постройками» из песчаника[9], привилегированные (?) владельцы которых, в отличие от большинства «бродячих» соплеменников, довольствовавшихся временными (сезонными) стоянками с тростниковыми и т. п. хижинами на деревянных шестах, похоже, вели преимущественно оседлое существование (см.: [Rampersad, 2003]); исследователи вопроса полагают, что это были перевалочные пункты или фактории на узловом маршруте хорошо организованной, если не централизованной торговли с Египтом, служившей «главным двигателем» благосостояния и социально-культурного развития Группы А [Török, 2009]. Подконтрольный ей нубийский бартер в Египет включал в основном качественное «экзотическое» сырье, такое как эбеновая древесина и слоновая кость; возможно, экспортировались также полудрагоценные камни и, в умеренном количестве, золото, получаемые от «номадов» Восточной пустыни[10]. Из Верхнего Египта прибывали готовые изделия: каменные сосуды и ножи, «косметические» палетки и пигменты, костяные гребни и шпильки для волос, в больших глиняных кувшинах «с волнистыми ручками» [Petrie, 1901a] — пиво и вино, по-видимому, к столу туземной «знати»; неподалеку от устья Вади Аллаки на правом берегу Нила с конца амратского — начала герзейского периода (Нагада IIa–b) до появления египетского раннего государства функционировал «торговый или редистрибутивный центр» Хор Дауд[11], где археологами не найдено следов постоянного поселения, но расчищено 578 или 588 хранилищных ям, из них 65 с находками «артефактов Нагады»

[7] Ср.: [O'Connor, 1993; Rampersad, 1999; Reinold, 2000; Shinnie, 1996].
[8] См.: [Flores, 2003].
[9] См., например: [Smith, 1962].
[10] Ср.: [Klemm, Klemm, 1994].
[11] Подробнее см.: [Мерперт, Большаков, 1964; Piotrovsky, 1967; Большаков, 1992].

среди множества разнообразных керамических сосудов для местной и ввозимой продукции: масла, растительных и молочных напитков, возможно, сыра [Midant-Reynes, 2000b]. Подобные «центры» предположительно действовали тогда же на острове Элефантина, частично заселенном представителями Группы А [Kaiser et al., 1999], и к югу от Асуана, где на правобережных террасах Хор Бахана располагалось богатое до- и раннединастическое кладбище 17 с почти сотней могил, обнаруживших первые в Нубии медные изделия (иголки и т. п.) и массово разграбленных еще в древности искателями «драгоценных металлов и украшений» [Reisner, 1910].

«Успешная организация дальнего товарообмена подразумевает наличие социальной организации» [Török, 2009]. Присутствие в археологическом контексте средней и поздней Группы А цилиндрических печатей и их оттисков[12] специалисты считают признаком зарождения в Нижней Нубии во второй половине IV тыс. до н. э. «элементов централизованной административной структуры», заимствованных из Египта, где названные документирующие артефакты (чьих небесспорных месопотамских истоков [Frankfort, 1939] я здесь касаться не буду[13]) восходят к раннегерзейскому периоду (Нагада IIb–c) [Boehmer, 1974; Podzorski, 1988]; эти печати, по мнению и терминологии венгерского археолога Л. Тёрёка, могли не только «официально» выделять из неуправляемого полупервобытного оборота «государственные» товары, указывая на их производителей, собственников (разного рода бигменов) и т. п., но и отмечать пробный (так и не состоявшийся) шаг к нубийскому письму на основе уже формировавшейся египетской иероглифики [Török, 2009].

«Судя по некоторым поселениям и погребениям» [Midant-Reynes, 2000b], Группа А параллельно претерпевала иерархизацию, о чем, возможно, свидетельствуют ее поздние каменные дома — например, раскопанное в местечке Афиа на полпути от 2-го к 1-му порогу прямоугольное шестикомнатное сооружение площадью около 200 м^2, со следами стенной штукатурки и связующего раствора из нильской глины и песка [Smith, 1962], формой напоминающее протогородские постройки египетской Нагады I–II (см.: [Midant-Reynes, 2000a]): допускалось, что такие доисторические стационарные объекты на территории Нижней Нубии являлись жилищами здешних вождей, обогащавшихся и повышавших свой общественный статус на «коммерческих» (в т. ч. дарообменных?[14]) операциях с северными соседями [Trigger, 1965].

Синхронные могилы Группы А недвусмысленно говорят о продвинутой социальной дифференциации [Gatto, 1998; Nordström, 1996]. Чрезвычайно показателен в этом отношении чудом сохранившийся фрагмент богатого, как минимум двойного захоронения 1 «последних лет додинастического периода» на разграбленном кладбище 137 близ Сайалы — «частном месте упокоения нижненубийского вождя и его семьи» [Firth, 1927]. На северной стороне почти трехметровой могильной ямы удачно просела песчаниковая плита перекрытия, утаив под собой от расхитителей «превосходную группу предметов» сопутствующего инвентаря: медные орудия (топоры или тесла, долота, гарпун), каменные и керамические сосуды, пару больших «сланцевых» палеток, каждая с двумя симметричными птичьими головами по верхнему контуру, глазурованный кварцевый амулет в форме изящной львиной морды и др. Жемчужиной

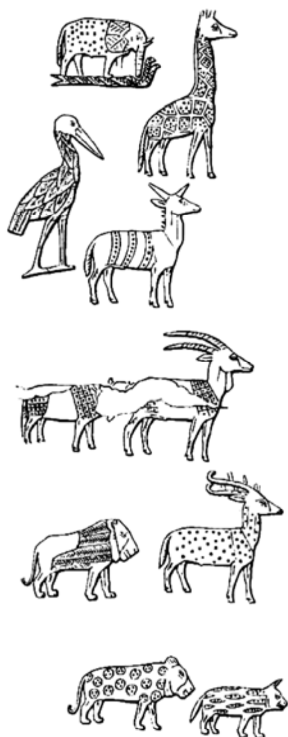
[12] См.: [Björkman, Säve-Söderberg, 1972; Kelley, 1973].
[13] См.: [Прусаков, 2011].
[14] См.: [Mauss, 1925].

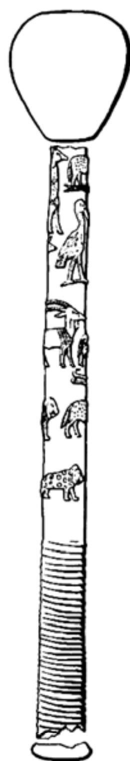
клада стали две булавы с грушевидными каменными (розовый кварц и бело-серый мрамор) навершиями и деревянными (?)[15] рукоятками разной длины, обернутыми в тисненую золотую фольгу с практически незаметными стыками; меньший (21–22 см) из этих бесценных «чехлов», пропавший из Каирского музея летом 1920 г., украшали выпуклые рельефы животных, стилистически ассоциировавшихся с резьбой на «палетках царствования Нармера»: слона, стоящего на двух змеях, жирафа, аиста или журавля, антилоп, льва, леопарда, гиены (*илл. 5*). По воспоминаниям очевидцев, ювелирностью выделки этот шедевр ремесла и искусства затмевал выполненный в том же стиле и примерно в те же времена «звериный» орнамент (см.: [Raffaele, 2010]) на аналогичной золотой обкладке рукояти знаменитого кремневого ножа «из Гебель Тарифа» (CG 14265 Каирского музея), раздобытого египетскими феллахами в неустановленном месте, возможно, в окрестностях Абидоса [de Morgan, 1896; Peet, 1915] (*илл. 6*). При всей миниатюрности утерянного экземпляра с животными (тонкая рукоятка едва достигала половины длины бедренной кости найденных рядом человеческих останков), «такая булава является традиционным оружием, с которым раннединастические цари изображались убивающими своих врагов» [Firth, 1927]. По одной из бытующих политантропологических версий, регалии из могилы 137/1 у Сайалы (ср.: [Williams, Logan, 1987]) были «дипломатическим» даром верхнеегипетского правителя южному вождю как сакральные символы престижа и власти в условиях роста материального достатка и социальной организации Группы А, переходившей к «более сложной форме чифдома» при увеличении численности нижненубийцев, расселившихся до Батн эль-Хагара и продолжавших в той или иной мере контролировать район 1-го порога — «ворота в Египет» [Nordström, 2004; Török, 2009].

В специальной литературе обсуждался вопрос о единой, а то и не одной [Gatto, 1997; 2000] нижненубийской «политии» эпохи зрелой Группы А (конец IV тыс. до н. э.) в терминах «сложное вождество», «протоцарство, сравнимое с позднедодинастическими политиями Верхнего Египта», и даже «монархия»[16]. К последней идее (ср.: [De Vries, 1977; Seele, 1974]) некоторых ученых подтолкнули раскопки насчитывавшего до трех десятков захоронений и датируемого периодом Нагада II–III кладбища L в Кустуле к северу от 2-го порога, на восточном берегу Нила почти напротив Абу-Симбела, выделявшегося «в контексте уникального богатства» своего культурного среза рядом огромных прямоугольных ям длиной до 30 футов, «очень похожих» на могилы представителей египетской 0-й династии Ири-Хора, Ка и «Нармера» в царском некрополе B около Абидоса (Умм эль-Кааб) [Dreyer et al., 1990; Kaiser, Dreyer, 1982] и на близкую по времени «пригодную для царя»[17] гробницу 2 «элитного» некрополя HK6 в Иераконполе [Adams, 2000; Hoffman, Lupton, Adams, 1982]. Явно привилегированное кладбище L, хотя и сильно разграбленное, прославилось несколькими предметами, относимыми к важнейшим археологическим находкам *in situ* на территории древней Нубии, в первую очередь раритетными каменными «церемониальными курильницами для благовоний» из погребений 11 и 24, не имеющими аналогов в Египте, но несущими на своих боковых цилиндрических поверхностях резной орнамент типично фараоновской иконографии: лодки «в форме священных барок» с высоко загнутыми

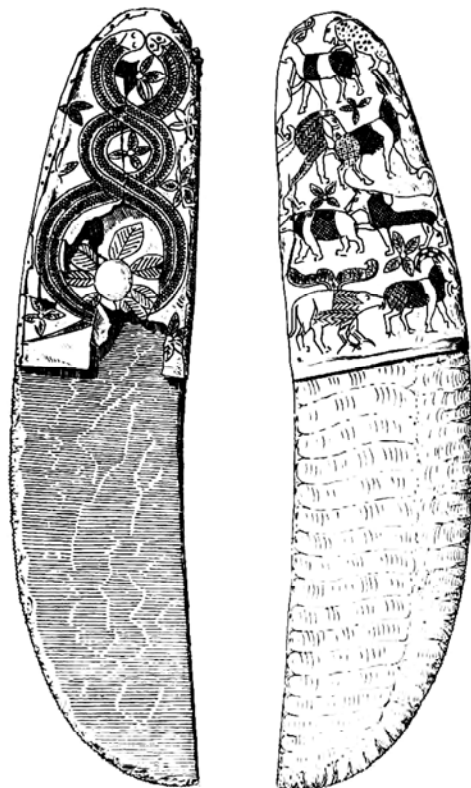
[15] «Могли быть сделаны из полос гибкого дерева или даже из шкуры гиппопотама» [Firth, 1927].
[16] См., например: [Adams, 1985; O'Connor, 1993; Wilkinson, 1999; Williams, 1980].
[17] "…Some even suggest it belonged to King Scorpion!" [Paulson, 2015].

носовыми и кормовыми штевнями (см.: [Прусаков, 2015]); сидящих соколов, венчавших *серехи* — начертания хоровых имен прото- и раннединастических царей, и «дворцовые фасады», изображавшиеся в их основаниях[18]; «розетку»-*Hrrt*, напоминающую звезду или цветок [Wb. III, S. 149] и толкуемую как «альтернативное» архаическое обозначение царя-Хора (см.: [Loprieno, 1995]); и главное: «белую корону Верхнего Египта» (ср.: [Roeder, 2003]) на голове человека с характерной накладной бородкой и цепом (?), восседающего в лодке на подобии трона (*илл. 7*).

Илл. 5. Малая булава из Сайалы (по: [Firth, 1927, fig. 8])

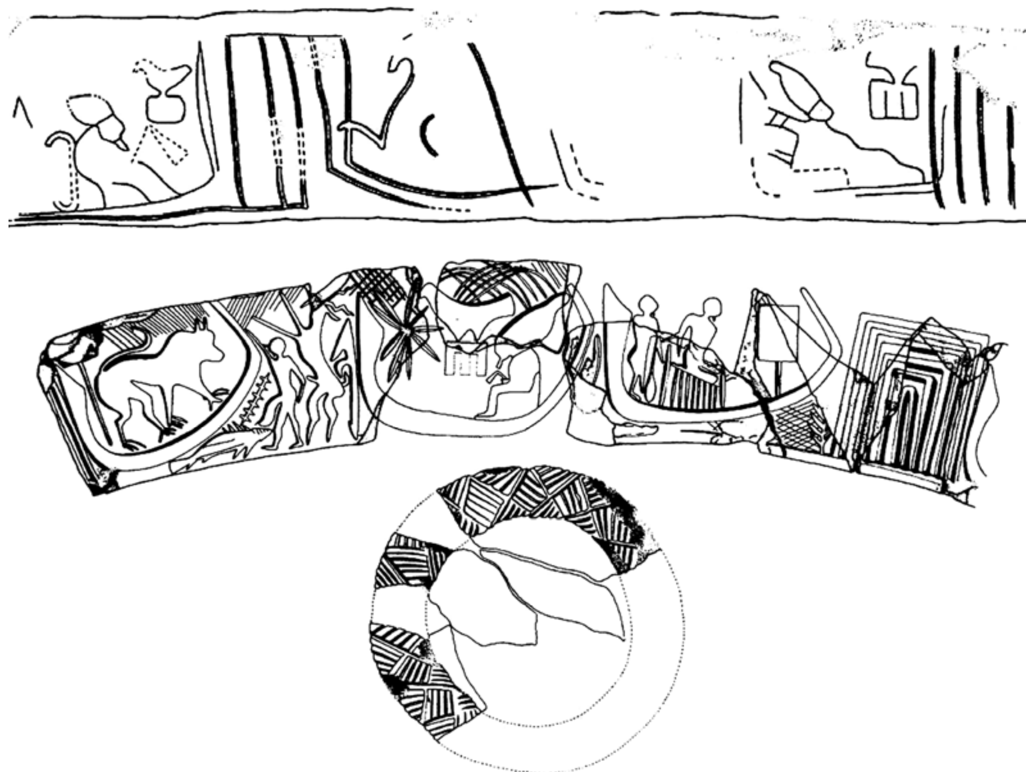

Илл. 6. Нож «из Гебель Тарифа» (по: [de Morgan, 1896, fig. 136])

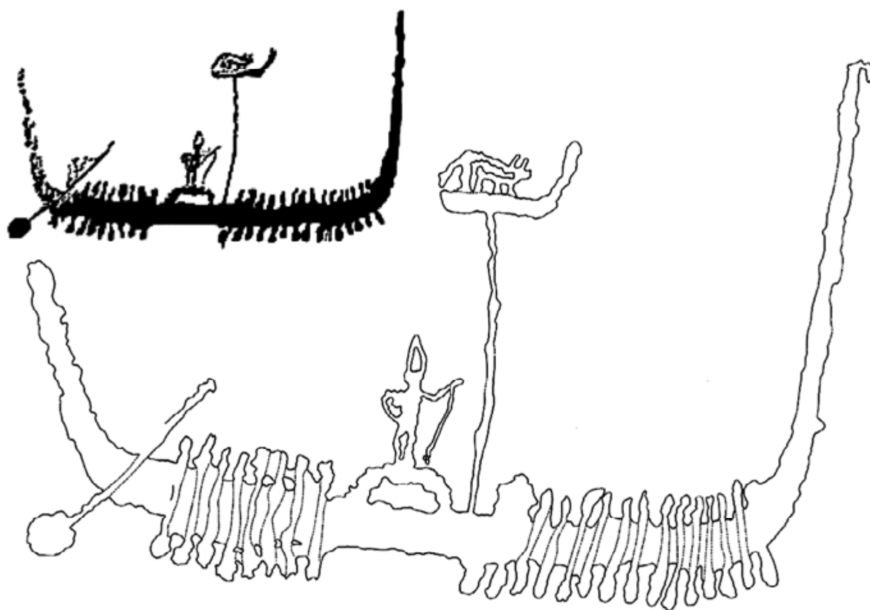
По смелым оценкам и расчетам американских археологов из Восточного института Университета Чикаго, нашедших и исследовавших «кустульские курильницы», это не «провинциальные подражания» каким-то неизвестным науке египетским артефактам, а оригинальные автохтонные, причем *первые в долине Нила* «царские памятники», которые запечатлели фараона собственной персоной, также впервые связав его образ с белой короной, соколом-Хором, «дворцовым фасадом» и «священной ладьей»: достойные мéста в одном ряду с такими фундаментальными археологическими источниками древнего Египта, как «навершие булавы» Скорпиона и палетка «Нармера», нубийские резные курильницы из могил кладбища L Группы A в Кустуле, где упокоилось «несколько поколений» туземных правителей, «на несколько поколений старше» любого царского погребения протодинастических некрополей U и

[18] См., например: [O'Brien, 1996].

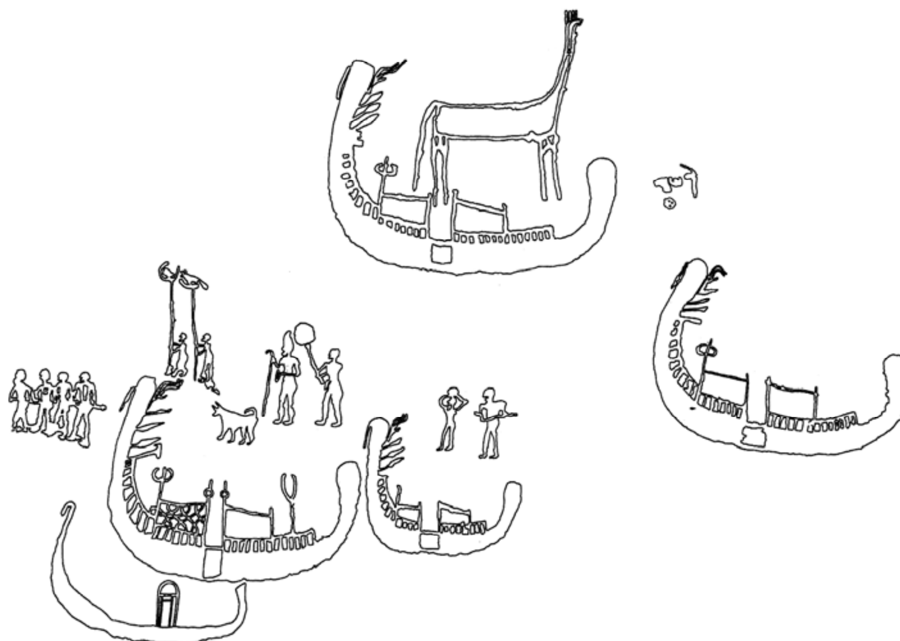
В близ верхнеегипетского Абидоса [Williams, 1986]. По этой «афроцентричной» версии (NB: [Williams, 1989]), лица, захороненные в крупнейших ямах кладбища L «земли Та-сети», сами были фараонами, принадлежавшими «преднулевой» «династии основателей Египта», которая якобы захватила и объединила страну. В Вади эль-Фарас и близ местечка Наг эль-Хамдулаб на левом берегу Нила, примерно в 5–6 км севернее Асуана, на скалах сохранились датируемые ориентировочно протодинастическим периодом петроглифы царственных фигур в белых коронах, одна из которых стоит в ладье с высокими штевнями, аналогичной лодкам кустульских «фараонов» на рассмотренных курильницах [Storemyr, 2009] (*илл. 8*), еще одна шествует под опахалом среди таких же «прямоугольных» (см.: [Winkler, 1938]) ладей [Hendrickx et al., 2009] (*илл. 9*). Даже если совершенно отбросить спорную чикагскую гипотезу о нубийских истоках раннеегипетского государствогенеза, в свете сказанного в этой части статьи нельзя избавиться от мысли, что Нижняя Нубия и Верхний Египет, между которыми в области 1-го порога в итоге появилась тщательно охраняемая и особо мифологизируемая египтянами территориальная граница, до того составляли общее социо-культурное пространство — «одну страну» (!) [Reisner, 1910] — с тенденцией к этнополитическому объединению, наметившейся в амратский период (Нагада I), когда Верхний и Нижний Египет — будущие Обе Земли фараонов, напротив, не имели тесных взаимных контактов и отличались «разными формами неолитического образа жизни» [Wengrow, 2006].

Илл. 7. Курильницы из погребений L 11 (*а*) и L 24 (*б*) в Кустуле (по: [Williams, 1986, pl. 33–34])

Илл. 8. Петроглиф в Вади эль-Фарас
(по: [Storemyr, 2009, fig. 11; Hendrickx, Darnell, Gatto, 2012, fig. 8])

Илл. 9. Петроглифы Наг эль-Хамдулаб (по: [Darnell, 2015, fig. 5])

Литература / References

Большаков А. О. Нубийская экспедиция АН СССР // *Вестник древней истории*. 1992. № 4 (203). С. 150–153 [Bolshakov A. O. The Nubian Expedition of the USSR Academy of Sciences // *Vestnik drevnei istorii* (*Journal of Ancient History*). 1992. 4 (203). Pp. 150–153 (in Russian)].

Геродот. *История в девяти книгах*. М., 1993 [Herodotus. *The Nine Books of the History*. Moscow, 1993 (in Russian)].

Мерперт Н. Я., Большаков О. Г. Раннединастическое поселение Хор-Дауд в Северной Нубии // Пиотровский Б. Б. (ред.). *Древняя Нубия. Результаты работ археологической экспедиции АН СССР в Объединенной Арабской Республике. 1961–1962*. М.–Л., 1964. С. 83–177 [Merpert N. Y., Bolshakov O. G. The Early Dynastic Settlement Khor-Daud in the Northern Nubia // Piotrovsky B. B. *Ancient Nubia. The Results of Works of the Archaeological Expedition of the USSR Academy of Sciences in the United Arab Republic*. Moscow, Leningrad, 1964. Pp. 83–177 (in Russian)].

Пиотровский Б. Б. *Вади Аллаки — путь к золотым рудникам Нубии. Древнеегипетские наскальные надписи*. М., 1983 [Piotrovsky B. B. *Wadi Allaki — the Route to the Gold Mines of Nubia. Ancient Egyptian Rock Inscriptions*. Moscow, 1983 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. Социально-природный кризис и образование государства в древнем Египте // *Восток (Oriens)*. 1994. № 3. С. 21–33 [Proussakov D. B. Socio-Natural Crisis and State Formation in Ancient Egypt // *Vostok (Oriens)*. 1994. 3. Pp. 21–33 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. *Раннее государство в древнем Египте*. М., 2001 [Proussakov D. B. *The Early State in Ancient Egypt*. Moscow, 2001 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. Люди и скот в дельте Нила накануне цивилизации: палеоэкология, геоархеология и ценз булавы «Нармера» // Большаков А. О. (ред.). *Петербургские египтологические чтения 2005. Доклады*. СПб., 2006. С. 116–142 [Proussakov D. B. People and Cattle in the Nile Delta on the Eve of Civilization: Palaeoecology, Geoarchaeology, and Census of the "Narmer" Macehead // Bolshakov A. O. (ed.). *St. Petersburg Egyptological Readings 2005. Papers of the Conference*. Saint Petersburg, 2006. Pp. 116–142 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. «Династическая раса»? К природе «вторжений» в доисторический Египет // Большаков А. О. (ред.). *Петербургские египтологические чтения 2009–2010. Доклады*. СПб., 2011. С. 203–226 [Proussakov D. B. A "Dynastic Race"? On the Nature of "Invasions" in Prehistoric Egypt // Bolshakov A. O. (ed.). *St. Petersburg Egyptological Readings 2009–2010. Papers of the Conference*. Saint Petersburg, 2011. Pp. 203–226 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. *Додинастический Египет: лодка у истоков цивилизации*. М., 2015 [Proussakov D. B. *Predynastic Egypt: The Boat at the Origins of Civilization*. Moscow, 2015 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. Озера на доисторическом Ниле: «гидрологические» перспективы египетской археологии // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018(а). № 1. С. 70–80 [Proussakov D. B. Lakes on the Prehistoric River Nile: "Hydrological" Outlook for Egyptian Archaeology // *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN* (*Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*). 2018(a). 1. Pp. 70–80 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. «Голоценовое море» в Среднем Египте: к независимым обоснованиям гипотезы // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018(б). № 6. С. 72–85 [Proussakov D. B. A "Holocene Sea" in Middle Egypt: Independent Validations of the Hypothesis // *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN* (*Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*). 2018(b). 6. Pp. 72–85 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. Нил до гидростроительства: речной бассейн и предыстория «водохранилищ столетия» (к проблеме «голоценового моря» в Среднем Египте) // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019. № 2. С. 74–90 [Proussakov D. B. The Nile Before the Hydraulic Construction: The River Drainage Basin and Prehistory of the "Century Storage" (to the Problem of "Holocene Sea" in Middle Egypt) // *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN* (*Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*). 2019. 2. Pp. 74–90 (in Russian)].

Статистическое, географическое и топографическое описание Египта, собранное из новейших и наилучших известий разных путешествий. СПб., 1795 [*Statistical, Geographical and Topographical Description*

of Egypt Compiled from the Newest and Best Reports of Different Travels. Saint Petersburg, 1795 (in Russian)].

Страбон. *География в 17 книгах*. М., 1994 [Strabo. *The Geography, Books 1–17*. Moscow, 1994 (in Russian)].

Херст Г. *Нил. Общее описание реки и использование ее вод*. М., 1954 [Hurst G. *The Nile. A General Account of the River and the Utilization of Its Waters*. Moscow, 1954 (in Russian)].

Adams B. *Ancient Hierakonpolis*. Warminster, 1974.

Adams B. *Excavations in the Locality 6 Cemetery at Hierakonpolis 1979–1985*. Oxford, 2000.

Adams W. Y. Doubts About the Lost Pharaohs // *Journal of Near Eastern Studies*. 1985. 44. Pp. 185–192.

Adams W. Y. *Nubia: Corridor to Africa*. Princeton, 1977.

Baines J. *Fecundity Figures: Egyptian Personification and the Iconology of a Genre*. Warminster, Chicago, 1985.

Baker S. W. *The Nile Tributaries of Abyssinia, and the Sword Hunters of the Hamran Arabs*. London, 1867.

Björkman G., Säve-Söderberg T. Seals and Seal Impressions // Nordström H.-Å. *Neolithic and A-Group Sites*. Part 1. Stockholm, Uppsala, 1972. Pp. 117–118.

Boehmer R. M. Das Rollsiegel in prädynastischen Ägypten // *Archäologischer Anzeiger*. 1974. 4. S. 495–514.

Bonnet C. A-Group and Pre-Kerma // Wildung D. (ed.). *Sudan: Ancient Kingdoms of the Nile*. Paris, 1997. Pp. 37–47.

Champollion-Figeac M. *Égypte ancienne*. Paris, 1839.

Darnell J. C. The Early Hieroglyphic Annotation in the Nag el-Hamdulab Rock Art Tableaux, and the Following of Horus in the Northwest Hinterland of Aswan // *Archéo-Nil*. 2015. 25. Pp. 19–43.

De Vries C. E. The Oriental Institute Decorated Censer from Nubia // Johnson J. H., Wente E. F. (eds.). *Studies in Honor of George R. Hughes*. Chicago, 1977. Pp. 55–74.

Dreyer G., Boessneck J., Driesch A. von den, Klug S. Umm el-Qaab. Nachuntersuchungen im frühzeitlichen Königsfriedhof. 3./4. Vorbericht // *Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts, Abteilung Kairo*. 1990. 46. S. 53–89.

Fairservis W. A. *The Ancient Kingdoms of the Nile, and the Doomed Monuments of Nubia*. New York, 1962.

Faulkner R. O. *A Concise Dictionary of Middle Egyptian*. Oxford, 1991.

Firth C. M. *The archaeological Survey of Nubia. Report for 1908–1909*. Vols. 1–2. Cairo, 1912.

Firth C. M. *The archaeological Survey of Nubia. Report for 1910–1911*. Cairo, 1927.

Flores D. V. *Funerary Sacrifice of Animals in the Egyptian Predynastic Period*. Oxford, 2003.

Frankfort H. *Cylinder Seals: A Documentary Essay on the Art and Religion of the Ancient Near East*. London, 1939.

Gardiner A. H. *Egyptian Grammar*. Oxford, 1976.

Gatto M. C. A-Groups: A Complex Society of Lower Nubia (Egypt, Sudan) // Alhaique F., Arias C., Barich B. E., Beck C. W., Conard N. J., De Grossi Mazzorin J., Heyworth M., Krzyzaniak L., Martini A., Masseti M., Negroni Catacchio N., Patou-Mathis M., Raynal J. P., Striedter K. H., Tagliacozzo A., Tillet T., Vannucci S., Wendorf F. A., Peretto C. (eds.). *Proceedings of the VIII*[th] *Congress IUSSP: Workshops*. Forlì, 1998. Pp. 515–519.

Gatto M. C. Ceramic Traditions and Cultural Territories: the "Nubian Group" in Prehistory // *Sudan & Nubia*. 2002. 6. Pp. 8–19.

Gatto M. C. Nubians in Egypt: Survey in the Aswan — Kom Ombo Region // *Sudan & Nubia*. 2005. 9. Pp. 73–76.

Gatto M. C. Regional Differences in the So-Called A-Group Culture of Lower Nubia // Barich B. E., Gatto M. C. (eds.). *Dynamics of Populations, Movements and Responses to Climatic Changes in Africa*. Rome, 1997. Pp. 105–111.

Gatto M. C. The Most Ancient Evidence of the "A-Groups" Culture in Lower Nubia // Krzyzaniak L., Kroeper K., Kobusiewicz M. (eds.). *Recent Research into the Stone Age of Northeastern Africa*. Poznan, 2000. Pp. 105–117.

Gatto M. C. The Nubian A-Group: A Reassessment // *Archéo-Nil*. 2006. 16. Pp. 61–76.

Gatto M. C. Two Predynastic Pottery Caches at Bir Sahara (Egyptian Western Desert) // *Sahara*. 2001. 13. Pp. 51–60.

Gatto M. C., Tiraterra F. Contacts Between the Nubian "A-Groups" and Predynastic Egypt // Krzyzaniak L., Kroeper K., Kobusiewicz M. (eds.). *Interregional Contacts in the Later Prehistory of Northeastern Africa*. Poznan, 1996. Pp. 331–334.

Helck W. *Die altägyptischen Gaue*. Wiesbaden, 1974.

Hendrickx S., Darnell J. C., Gatto M. C. The Earliest Representations of Royal Power in Egypt: The Rock Drawings of Nag el-Hamdulab (Aswan) // *Antiquity*. 2012. 86. Pp. 1068–1083.

Hendrickx S., Swelim N., Raffaele F., Eyckerman M., Friedman R. F. A Lost Late Predynastic — Early Dynastic Royal Scene from Gharb Aswan // *Archéo-Nil*. 2009. 19. Pp. 169–178.

Hoffman M. A. *The Predynastic of Hierakonpolis: An Interim Report*. Cairo, Macomb, 1982.

Hoffman M. A., Lupton C., Adams B. Excavations at Locality 6 // Hoffman M. A. (ed.). *The Predynastic of Hierakonpolis: An Interim Report*. Macomb, 1982. Pp. 38–60.

Hofmann I. *Die Kulturen des Niltals von Aswan bis Sennar, vom Mesolithikum bis zum Ende der christlichen Epoche*. Hamburg, 1967.

Janssen J. J. The Early State in Ancient Egypt // Claessen H. J. M., Skalnik P. (eds.). *The Early State*. The Hague, 1978. Pp. 213–234.

Kaiser W. Zur Entstehung des gesamtägyptischen Staates // *Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts, Abteilung Kairo*. 1990. 46. S. 115–119.

Kaiser W. Zur inneren Chrohologie der Naqadakultur // *Archaeologia Geographica*. 1957. 6. S. 69–77.

Kaiser W., Arnold F., Bommas M., Hikade T., Hoffmann F., Jaritz H., Kopp P., Niederberger W., Pätznick J.-P., Pilgrim B. von, Pilgrim C. von, Raue D., Rzeuska T., Schaten S., Seiler A., Stalder L., Ziermann M. Stadt und Tempel von Elephantine: 25./26./27. Grabungsbericht // *Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts, Abteilung Kairo*. 1999. 55. S. 63–236.

Kaiser W., Bommas M., Jaritz H., Krekeler A., Pilgrim C. von, Schultz M., Schmidt-Schultz T., Ziermann M. Stadt und Tempel von Elephantine: 19./20. Grabungsbericht // *Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts, Abteilung Kairo*. 1993. 49. S. 133–187.

Kaiser W., Dreyer G. Umm el-Qaab. Nachuntersuchungen im frühzeitlichen Königsfriedhof. 2. Vorbericht // *Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts, Abteilung Kairo*. 1982. 38. S. 211–269.

Keeling B. New Data on the Holocene Occupation of the Wadi Howar Region (Eastern Sahara/Sudan) // Krzyzaniak L., Kroeper K., Kobusiewicz M. (eds.). *Studies in African Archaeology*. Vol. 7. *Recent Research Into the Stone Age of Northeastern Africa*. Poznan, 2000. Pp. 89–104.

Kees H. *Ancient Egypt: A Cultural Topography*. Chicago, 1961.

Kelley A. L. Cylinder Seals in Predynastic Egypt // *Newsletter of the Society for the Study of Egyptian Antiquities*. 1973. 4.2. Pp. 5–8.

Klemm R., Klemm D. D. Chronologischer Abriss der antiken Goldgewinnung in der Ostwüste Ägyptens // *Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts, Abteilung Kairo*. 1994. 50. S. 189–222.

Köhler E. C., Smythe J. C., Hood A. Naqada IIIC–D. The End of the Naqada Culture? // *Archéo-Nil*. 2011. 21. Pp. 101–110.

Lange M. A-Group Settlement Sites from the Laqiya-Region (Eastern Sahara, North-West-Sudan) // Krzyzaniak L., Kroeper K., Kobusiewicz M. (eds.). *Cultural Markers in the Later Prehistory of Northeastern Africa and Recent Research*. Poznan, 2003. Pp. 105–127.

Leclant J. Preface // Midant-Reynes B. *The Prehistory of Egypt. From the First Egyptians to the First Pharaohs*. Oxford, 2000. Pp. xi–xiii.

Loprieno A. *Ancient Egyptian. A Linguistic Introduction*. Cambridge, 1995.

Mauss M. *Essai sur le don. Forme et raison de l'échange dans les sociétés archaïques*. Paris, 1925.

Midant-Reynes B. The Naqada Period (c. 4000–3200 BC) // Shaw I. (ed.). *The Oxford History of Ancient Egypt*. Oxford, 2000(a). Pp. 44–60.

Midant-Reynes B. *The Prehistory of Egypt. From the First Egyptians to the First Pharaohs*. Oxford, 2000(b).

Montet P. *Géographie de l'Égypte ancienne*. Part 2. *La Haute Égypte*. Paris, 1961.

Montet P. L'arc nubien et ses emplois dans l'écriture // *Kêmi: Revue de philologie et d'archéologie égyptiennes et coptes*. 1936. 6. Pp. 43–62.

Morgan J. de. *Recherches sur les origines de l'Égypte. L'âge de la pierre et les métaux*. Paris, 1896.

Myers O. H. Abka Again // *Kush*. 1960. 8. Pp. 174–181.

Myers O. H. Abka Re-Excavated // *Kush*. 1958. 6. Pp. 131–141.

Neer W. van, Linseele V., Friedman R. F. Animal Burials and Food Offerings at the Elite Cemetery HK6 of Hierakonpolis // Hendrickx S., Friedman R. F., Ciałowicz K. M., Chłodnicki M. (eds.). *Egypt at Its Origins: Studies in Memory of Barbara Adams*. Leuven, 2004. Pp. 67–130.

Nordström H.-Å. *Neolithic and A-Group Sites*. Part 1. Stockholm, 1972.

Nordström H.-Å. The Nubian A-Group: Perceiving a Social Landscape // Kendall T. (ed.). *Nubian Studies 1998*. Boston, 2004. Pp. 134–144.

Nordström H.-Å. The Nubian A-Group: Ranking Funerary Remains // *Norwegian Archaeological Review*. 1996. 29. Pp. 17–39.

O'Brien A. A. The Serekh as an Aspect of the Iconography of Early Kingship // *Journal of the American Research Center in Egypt*. 1996. 33. Pp. 123–138.

O'Connor D. *Ancient Nubia: Egypt's Rival in Africa*. Philadelphia, 1993.

Pachur H.-J., Kröpelin S. Wadi Howar: Paleoclimatic Evidence from an Extinct River System in the Southeastern Sahara // *Science*. 1987. 237. Pp. 298–300.

Paulson J. Tomb 2 at HK6: Now in 3D (No Glasses Required) // *Nekhen News. The Hierakonpolis Expedition's Newsletter*. 2015. 27. Pp. 10–11.

Peet T. E. The Art of the Predynastic Period // *Journal of Egyptian Archaeology*. 1915. 2. Pp. 88–94.

Petrie W. M. F. *Diospolis Parva: The Cemeteries of Abadiyeh and Hu, 1898–1899*. London, 1901(a).

Petrie W. M. F. *The Royal Tombs of the Earliest Dynasties*. Part 2. London, 1901(b).

Piotrovsky B. B. The Early Dynastic Settlement of Khor-Daoud and Wadi-Allaki, the Ancient Route of the Gold Mines // *Fouilles en Nubie (1961–1963)*. Le Caire, 1967. Pp. 127–140.

Podzorski P. V. Predynastic Egyptian Seals of Known Provenience in the R. H. Lowie Museum of Anthropology // *Journal of Near Eastern Studies*. 1988. 47. Pp. 259–268.

Quibell J. E. Slate Palette from Hieraconpolis // *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde*. 1898. 36. S. 81–84.

Quintana C. The Socio-Economical Character of the A-Group in Lower Nubia (c. 3700–2800 BCE) // *Buried History*. 2012. 48. Pp. 27–36.

Raffaele F. Animal Rows and Ceremonial Processions in Late Predynastic Egypt // Raffaele F., Nuzzolo M., Incordino I. (eds.). *Recent Discoveries and Latest Researches in Egyptology*. Wiesbaden, 2010. Pp. 244–283.

Rampersad S. R. A Re-Analysis of A-Group Habitation and Settlement Patterns // *Beiträge zur Sudanforschung*. 2003. 8. S. 89–105.

Rampersad S. R. *The Origin and Relationships of the Nubian A-Group*. Toronto, 1999.

Reinold J. *Archéologie au Soudan. Les civilisations de Nubie*. Paris, 2000.

Reisner G. A. *The Archaeological Survey of Nubia. Report for 1907–1908*. Vol. 1. *Archaeological Report*. Cairo, 1910.

Roeder H. Der bringende König. Ansatz einer Neudefinizion des Nisut und der Weißen Krone — ein Resümee // Gundlach R., Rössler-Köhler U. (Hrsg.). *Das Königtum der Ramessidenzeit. Voraussetzungen — Verwirklichung — Vermächtnis*. Wiesbaden, 2003. S. 99–106.
Said R. *The River Nile: Geology, Hydrology, and Utilization*. Oxford, 1993.
Seele K. C. University of Chicago Oriental Institute Nubian Expedition: Excavations between Abu Simbel and the Sudan Border. Preliminary Report // *Journal of Near Eastern Studies*. 1974. 33. Pp. 1–43.
Seidlmayer S. J. Town and State in the Early Old Kingdom. A View from Elephantine // Spencer A. J. (ed.). *Aspects of Early Egypt*. London, 1996. Pp. 108–127.
Sethe K. Die Namen von Ober- und Unterägypten und die Bezeichnungen für Nord und Süd // *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde*. 1907–1908. 44. S. 1–29.
Shahin M. *Hydrology of the Nile Basin*. Amsterdam, 1985.
Shiner J. L. The Cataract Tradition // Wendorf F. A. (ed.). *The Prehistory of Nubia*. Vol. 2. Dallas, 1968. Pp. 535–629.
Shinnie P. L. *Ancient Nubia*. London, 1996.
Smith H. S. *Preliminary Report of the Egypt Exploration Society's Nubian Survey*. Cairo, 1962.
Smith H. S. The Development of the "A-Group" Culture in Northern Lower Nubia // Davies W. V. (ed.). *Egypt and Africa: Nubia from Prehistory to Islam*. London, 1991. Pp. 92–111.
Steindorff G., Seele K. C. *When Egypt Ruled the East*. Chicago, 1957.
Storemyr P. A Prehistoric Geometric Rock Art Landscape by the First Nile Cataract // *Archéo-Nil*. 2009. 19. Pp. 121–150.
Török L. *Between Two Worlds. The Frontier Region between Ancient Nubia and Egypt 3700 BC — AD 500*. Leiden, 2009.
Trigger B. G. *History and Settlement in Lower Nubia*. New Haven, 1965.
Valbelle D. *Les Neuf Arcs: l'égyptien et les étrangers de la préhistoire à la conquête d'Alexandre*. Paris, 1990.
Vinogradov A. K. On the Rendering of the Toponym &A stj // *Chronique d'Égypte*. 2000. 75. Pp. 223–234.
Voyage du Sieur Paul Lucas au Levant. Tome Premier. *Contenant la description de la haute Egypte, suivant le cours du Nil, depuis le Caire jusqu'aux Cataractes; avec une Carte exacte de ce Fleuve, que personne n'avoit donnée*. Paris, 1714.
Wainwright G. A. Herodotus II, 28 on the Sources of the Nile // *The Journal of Hellenic Studies*. 1953. 73. Pp. 104–107.
Wb. = Erman A., Grapow H. (Hrsg.). *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*. Bd. I–V. Leipzig, 1926–1931.
Weigall A. E. P. *Travels in the Upper Egyptian Deserts*. Edinburgh, London, 1913.
Wengrow D. *The Archaeology of Early Egypt: Social Transformations in North-East Africa, 10,000 to 2650 BC*. Cambridge, 2006.
Wilkinson T. A. H. *Early Dynastic Egypt*. London, 1999.
Willcocks W. *The Nile in 1904*. London, 1904.
Williams B. B. A Prospectus for Exploring the Historical Essence of Ancient Nubia // Davies W. V. (ed.). *Egypt and Africa: Nubia from Prehistory to Islam*. London, 1991. Pp. 74–91.
Williams B. B. *Excavations Between Abu Simbel and the Sudan Frontier*. Part 1. *The A-Group Royal Cemetery at Qustul: Cemetery L*. Chicago, 1986.
Williams B. B. The Lost Pharaohs of Nubia // *Archeology*. 1980. 33.5. Pp. 14–21.
Williams B. B. The Lost Pharaohs of Nubia // Van Sertima I. (ed.). *Egypt Revisited (Journal of African Civilizations)*. 1989. 10. Pp. 90–104.
Williams B. B., Logan T. J. The Metropolitan Museum Knife Handle and Aspects of Pharaonic Imagery before Narmer // *Journal of Near Eastern Studies*. 1987. 46. Pp. 245–285.
Winkler H. A. *Rock-Drawings of Southern Upper Egypt*. Part 1. *Sir Robert Mond Desert Expedition, Season 1936–1937. Preliminary Report*. London, 1938.

СЕРДАБ В ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ СКАЛЬНОЙ ГРОБНИЦЕ КАХЕРПТАХА (G 7721) В ГИЗЕ: НОВЫЕ ДАННЫЕ

© 2019

С. В. Ветохов*

Скальная гробница Кахерптаха (G 7721) в Гизе долгое время привлекала внимание специалистов, но, оставаясь не до конца раскопанной, по-прежнему сохраняет целый ряд вопросов. Время правления древнеегипетской VI династии, к которому относится сооружение данной гробницы, характеризуется большой вариативностью размеров, мест размещения и содержания *сердабов* — небольших помещений для статуи владельца гробницы. Плохая сохранность памятника, усугубленная наличием массовых перестроек, относящихся к позднему времени, а также проведенная сравнительно недавно египетскими мастерами реставрация, закрывшая многие детали, усложняет определение времени ее сооружения, выявление оригинальной планировки гробницы, определения первоначального назначения некоторых помещений и др. Но к любому памятнику Древнего Египта можно возвращаться многократно, каждый раз обнаруживая новые детали. Так, предпринятые в 2017 г. Российской археологической экспедиции Института востоковедения РАН в Гизе (РАЭГ) архитектурно-археологические обмеры позволили более пристально изучить сохранившиеся детали сооружения и заставили усомниться в предположении ранних исследователей гробницы о месте *сердаба*. Ранее неизвестные современным специалистам детали гробницы, обнаруженные внутри ее часовни в ходе археологических работ экспедиции, позволили сделать предположение о первоначальной конфигурации входной зоны гробницы. На примере других скальных гробниц в Гизе и на анализе тенденций в оформлении гробниц указанного временного периода выдвинуто предположение об оригинальном расположении *сердаба* в гробнице чиновника царской администрации Кахерптаха в Гизе, что позволило по-новому взглянуть на особенности поминального культа в данной гробнице.

Ключевые слова: Древний Египет, Древнее царство, некрополь Гиза, архитектура, скальные гробницы, *сердаб*.

SERDAB IN THE ANCIENT EGYPTIAN ROCK-CUT TOMB OF KAIKHERPTAH (G 7721) AT GIZA: A NEW DATA

Sergey V. Vetokhov

The rock-cut tomb of Kaikherptah (G 7721) at Giza for a long time attracted the attention of specialists, but, remaining not fully excavated, retains a number of questions. The reign of the Ancient Egyptian Dynasty VI, to which belongs the construction of this tomb, is characterized by great variability in size, location and content of *serdabs*. The poor preservation of the monument, endangered by multiple rebuilds of the later epochs, as well as the comparatively recent restoration by the Egyptian conservation specialists, obscured many details and complicated the dating of the monument construction, the original layout of the tomb, the initial appointment of certain areas, etc. However,

* Сергей Вячеславович ВЕТОХОВ, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; veto@list.ru

Sergey V. VETOKHOV, PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; veto@list.ru

one can revisit any Ancient Egyptian monument repeatedly, each time discovering new details. Thus, architectural and archeological surveys conducted by the Russian Archaeological Mission at Giza (RAMG) in 2017 inside the chapel, allowed to study preserved details of the structure more closely and led to question the supposition of the early explorers of the tomb on the location *serdab*, accommodating the statue of the tomb's occupant. Previously unknown for modern specialists details of the tomb, discovered inside its chapel during the archaeological work of the expedition, allowed to make an assumption about the original configuration of the entrance area of the tomb. Basing on the other rock-cut tombs of Giza and on the analysis of trends in the design of the tombs of the specified time period, the author makes an assumption about the original location of *serdab* in the tomb of royal official Kaikherptah in Giza, which allows a new look at the features of the funeral cult in the tomb.

Keywords: Ancient Egypt, Old Kingdom, Giza Necropolis, architecture, rock-cut tombs, *serdab*.

Гробница Кахерптаха (G 7721) располагается в сорока метрах к востоку от самой крупной мастабы Восточного плато древнеегипетского некрополя Гиза — мастабы Анххафа (G 7510). Пологий склон и низкое качество скалы, в которой она размещается, по-видимому, явились причинами того, почему данный участок практически не застроен скальными гробницами, в то время как к югу и северу от гробницы Кахерптаха скальные гробницы размещаются плотными рядами в несколько ярусов.

Кахерптах – представитель царской администрации, а его гробница в литературе датируется широким интервалом как V, так и VI династиями [Porter, Moss, 1974, p. 203; Kendall, 1981, p. 111], хотя нам представляется более верным относить ее ко времени правления VI династии, возможно, даже поздней ее части.

Основной отличительной особенностью данной гробницы являются 29 статуй, вырезанных в массиве скалы, доминирующих в ее оформлении и занимающих практически все стены (*илл. 1, цветная вклейка, фото 1–3*). Так, часовня гробницы, состоящая из двух основных помещений (А и В), объединенных четырьмя проходами и разделенных тремя квадратными в сечении колоннами-пилларами[1] между ними, имеет только одну свободную от статуй стену — восточную, в восточном помещении (А), содержащую рельефные изображения на всю ее длину. Кроме того, редкой особенностью оформления часовни являются статуи, врезанные во все три существующие колонны-пиллары, что встречается только в нескольких гробницах в Гизе[2]. Подобное рискованное решение мастеров, со всей очевидностью ослабляющее колонны-пиллары, и без того высеченные в скале изначально невысокого качества, впоследствии привело к их значительному разрушению в нижней части.

Часовню с трех сторон — с запада, севера и юга — окружают по меньшей мере семь помещений (*илл. 2*, помещения 10–16) прямоугольной формы, различного размера и с плохо выровненными стенами. Все помещения, кроме помещения 16, находятся выше уровня пола часовни, в которые ведут проходы из самой часовни. Учитывая

[1] В англоязычной литературе колонна квадратного сечения, как правило, именуется термином *pillar*, а круглого — *column* [Arnold, 2003, p. 53, 176]. Между тем, в русскоязычной литературе термина *пиллар* (аналогичного англоязычному *pillar*) не существует (не следует путать его с другим значением данного термина, используемого для названия рекламной стойки), по причине чего было принято решение ввести данный термин в научный оборот для обозначения колонн квадратного сечения.

[2] В гробницах Кахерптаха и Дебехни. Правда Т. Кендалл упоминает еще два незавершенных случая подобного решения: в гробнице Хамерернебти II (G 8978) и в неопознанной гробнице из электронного архива Дж. Райзнера, фото B8593_NS [Kendall, 1981, p. 105].

низкое качество сооружения данных помещений и ведущие в них проходы, вырезанные поверх архитектурных элементов и рельефных изображений, оформляющих гробницу, можно предположить, что они являются поздними включениями, предназначавшимися для дополнительных погребений.

Общее состояние гробницы на данный момент вызывает опасения. Так разрушенная верхняя половина стены в северо-восточном углу помещения А, в месте входа в часовню, оставляет только предполагать, как он был оформлен. На входе не сохранились ни архитрав, ни барабан, ни даже место установки последнего. Очевидно, причинами такого сильного разрушения явились тонкое скальное перекрытие часовни и низкое качество скалы на данном участке. Практически все статуи в двух помещениях часовни имеют сильные повреждения — как из-за природной эрозии, так и из-за действий вандалов, целенаправленно уничтоживших лица у всех статуй.

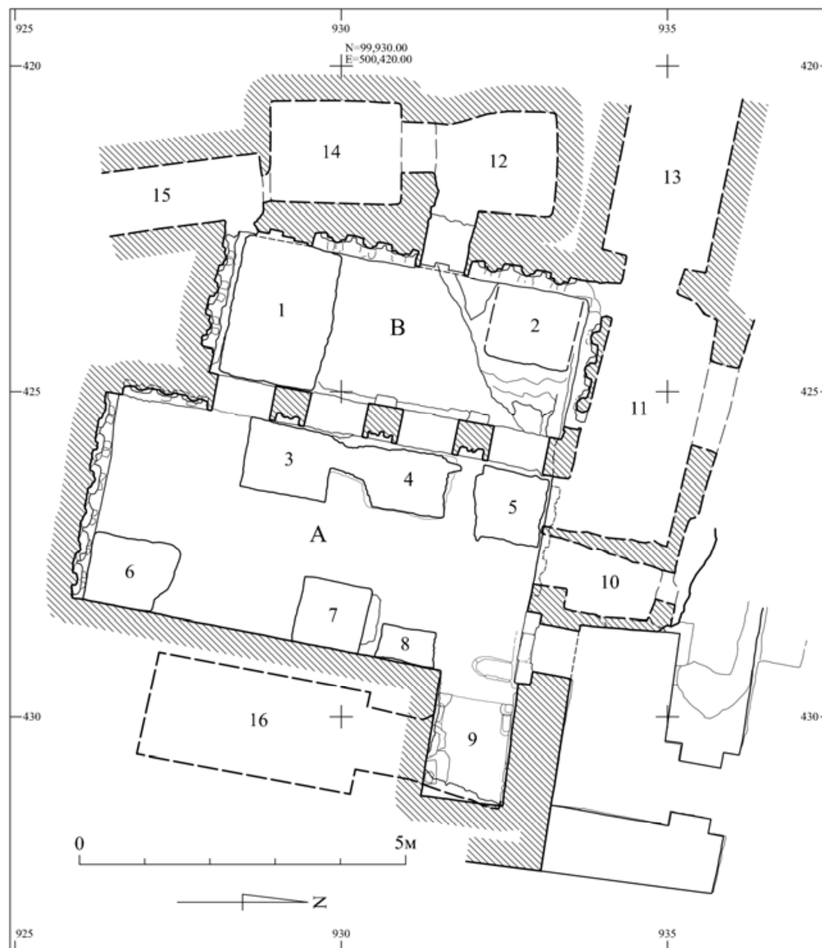

Илл. 1. Интерьер гробницы Кахерптаха (G 7721) (*фото автора*)

Постановка проблемы

Вход в часовню гробницы осуществляется с севера через открытый S-образный в плане проход (2,91 x 1,51 м). На западной стене прохода виднеется неправильной формы отверстие (ок. 0,80 x 1,00 м), ведущее в помещение 10 (1,35 x 1,02 м), примыкающее к часовне с севера. На месте данного отверстия, как предполагал американский исследователь гробницы Т. Кендалл, изначально располагалось окно в

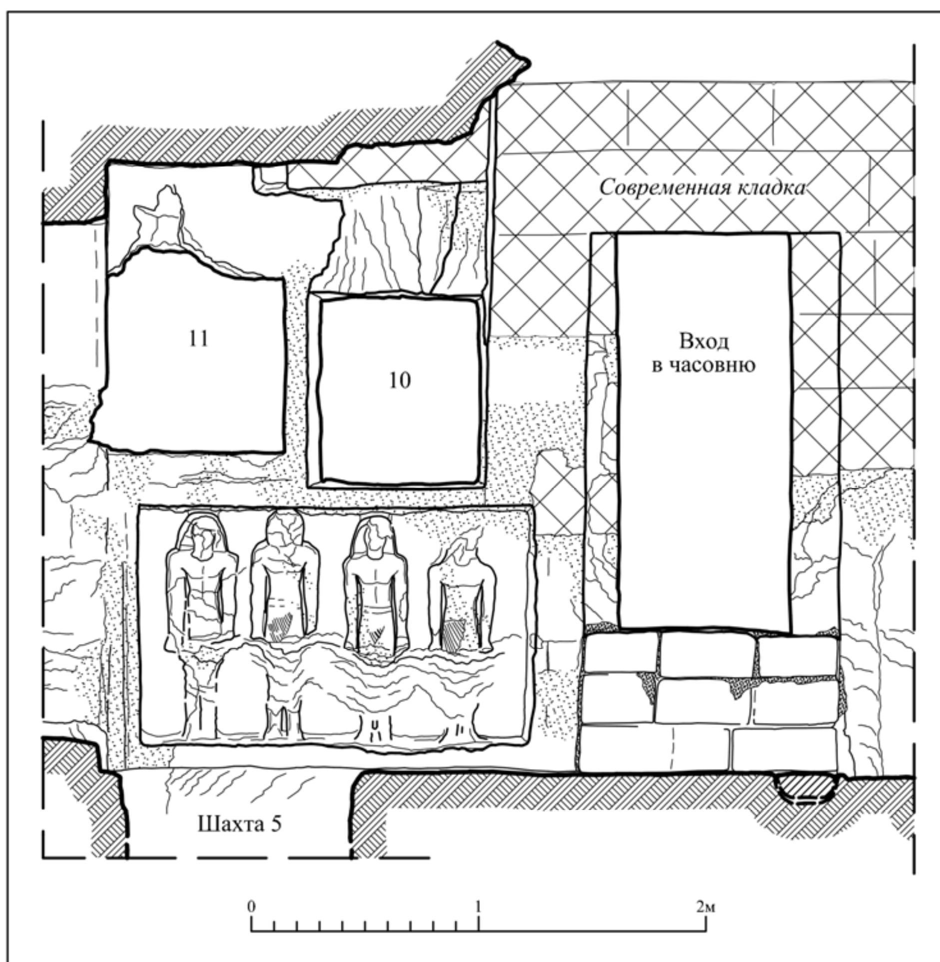
сердаб[3], в котором размещалось несколько статуй небольшого размера [Kendall, 1981, p. 105]. О том, как выглядит отверстие в помещение 10, на основании чего Т. Кендалл сделал предположение о его первоначальном назначении, можно увидеть на фотографии PDM_1993.069.13 с сайта Музея изящных искусств Бостона[4], сделанной в 1993 г., вероятно, перед началом современной реставрации гробницы. На фотографии видно, что данное отверстие является именно проломом, образовавшимся, по-видимому, в позднее время, и не имеет следов правильной формы узкого окна сердаба.

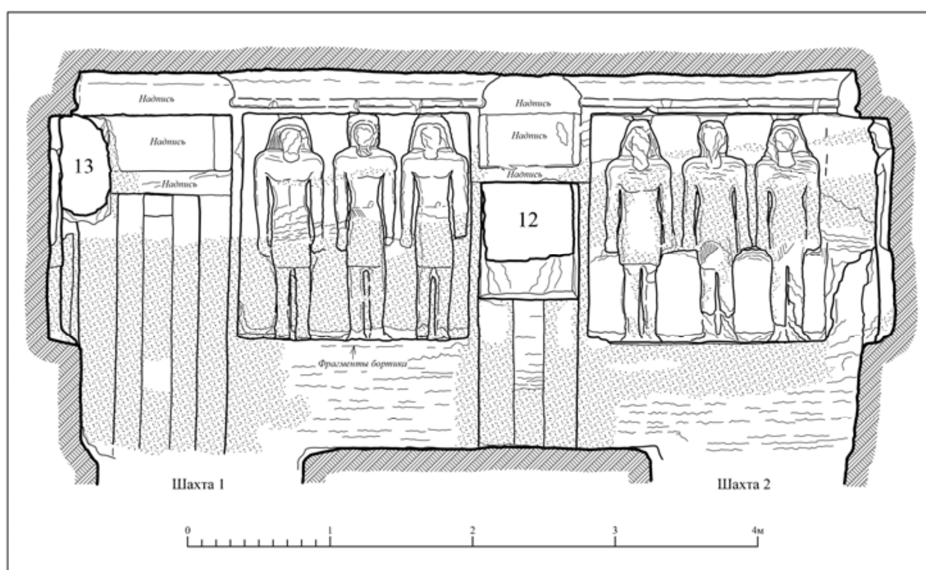
Илл. 2. План гробницы Кахерптаха (G 7721)
с окружающими ее поздними помещениями 10–16 (*рис. автора*)

[3] Термин *сердаб* происходит от араб. «подвал» и используется в египтологии для обозначения небольшого замурованного помещения в гробнице, предназначавшегося для статуи ее владельца. Для обеспечения сакральной связи *Ка* (двойника) хозяина гробницы, который мог вселяться в статую, с культовым пространством гробницы — т. е. ее часовней, где совершались жертвоприношения, — устраивалось небольшое сердабное окно, обычно на уровне глаз статуи.

[4] На сайте хранятся фотографии совместной экспедиции Гарвардского университета и Бостонского музея изобразительных искусств (1904–1947) в некрополе Гиза, данные о недавних работах Музея в Гизе, а также некоторые материалы других экспедиций, музеев и университетов, работавших в этом древнеегипетском некрополе эпохи Древнего царства. Сайт см.: *The Giza Archives*. URL: http://www.gizapyramids.org/ (дата обращения 06.09.2019).

Илл. 3. Северная стена помещения А в гробнице Кахерптаха (G 7721) (*рис. автора*)

Илл. 4. Западная стена помещения В в гробнице Кахерптаха (G 7721) (*рис. автора*)

Доступ в предполагаемый Т. Кендаллом сердаб, перестроенный для погребения в позднее время, вел из помещения А через проход прямоугольной формы (0,78 х 0,85 м и 0,53 м в длину), расположенный в центре северной стены помещения А на высоте 1,26 м от пола часовни. Но данный проход высечен таким образом, что разрушил полукруглый карниз и валик, венчающие нишу с группой из четырех статуй. Данный факт вряд ли может относить сооружение прохода к изначально задуманной планировке гробницы (*илл. 3*). Кроме того, остальные аналогичные проходы, ведущие из помещений А и В, имеют схожие размеры, высоту от уровня пола и также высечены поверх оригинального оформления часовни. Так, проход, ведущий в помещение 12, имеющий размер 0,68 х 0,82 м, длину 1,02 м и высоту от пола 1,04 м, вырезан поверх ложной двери, расположенной посередине западной стены помещения В, повредив нижнюю часть ее нижнего архитрава и уничтожив барабан (*илл. 4, цветная вклейка, фото 4*). А проход в помещение 11, имеющий размеры 0,75 х 0,76 м, длину 0,27 м и высоту от пола 1,40 м, сделан поверх рельефных изображений, предположительно оформлявших верхнюю часть северной стены помещения А.

Предположение о том, что верхняя часть северной стены помещения А, большей частью уничтоженной сооружением двух проходов в погребальные камеры 10 и 11 уже в позднее время, изначально была покрыта рельефными изображениями, строится на аналогичной ситуации, наблюдаемой на западной стене этого же помещения, в южной части которой размещается такая же невысокая ниша с группой из трех статуй с фрагментами рельефного оформления над ней. Аналогичный пример, когда над невысокой нишей с группой статуй располагаются изображения, можно наблюдать, например, в скальной гробнице Ниуджаптаха, расположенной на Западном плато [Abu Bakr, 1953, fig. 90, 95A].

Целый ряд моментов мешает уверенно согласиться с предположением Т. Кендалла о назначении помещения 10 как сердаба: 1) переиспользование данного помещения для погребения в позднее время, повредившее его оригинальную конфигурацию, 2) современная реставрация, закрывшая окно предполагаемого сердаба и скрывшая тем самым его детали, 3) само помещение до сих пор остается нераскопанным.

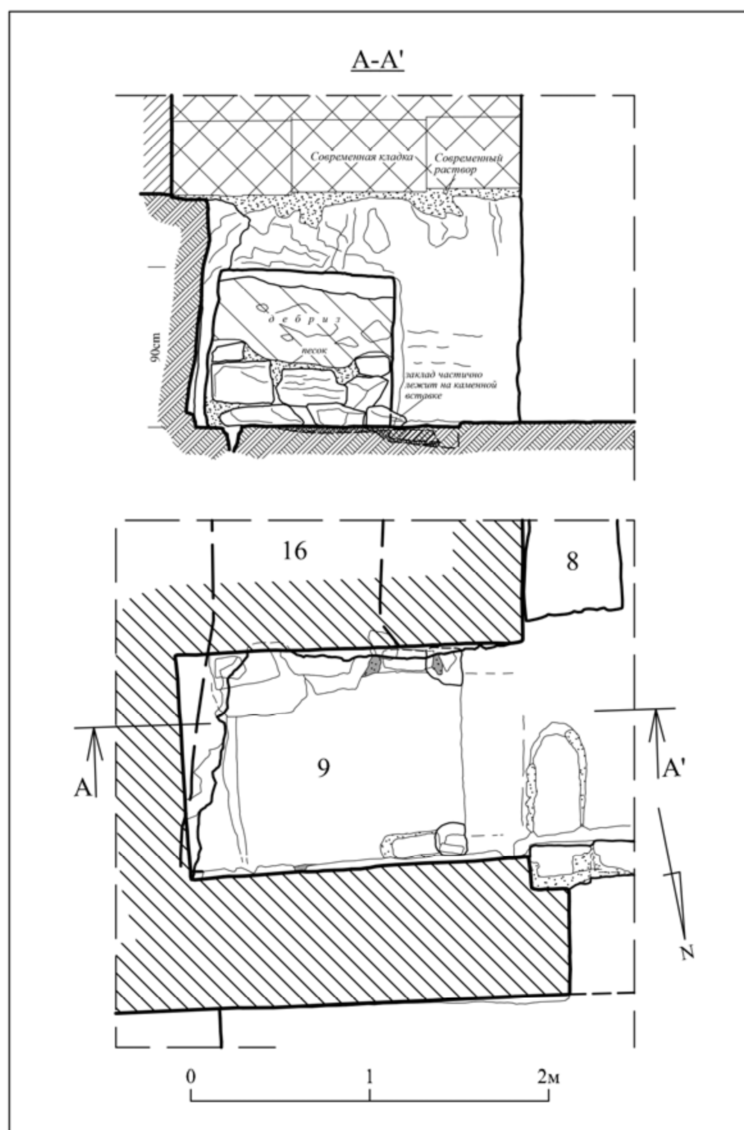
Новые данные

Археологические раскопки российской экспедиции в гробнице Кахерптаха, начавшиеся в 2017 г., открыли ряд деталей, позволившие сделать предположение о действительном оригинальном расположении сердаба.

Расширение помещения А в восточном направлении в северной части восточной стены – ниша 9 (1,20 х 1,85 м в плане) имеет выровненный пол в одном уровне с помещением А. В полу ниши, в 20 см от ее начала вдоль боковых стен размещаются два углубления с продольными пазами для установки двухстворчатой деревянной двери, открывающейся внутрь ниши. Пазы закрыты известняковыми вставками, закрепленными белым раствором, указывающими на то, что дверь когда-то была установлена (*илл. 5*).

На южной стене ниши выявлен грубо выровненный горизонтальный проход (1,04 х 0,90 м), идущий в южном направлении и ведущий в помещение 16, остающееся на данный момент нераскопанным. Два ряда каменной кладки, сохранившейся от

заклада, первоначально блокировавшего проход, частично лежат на известняковой вставке, закрывающей южный паз для установки одной из створок двери в нишу, что также может говорить о более позднем времени сооружения помещения 16 и заклада в него, вероятно, даже тогда, когда ниша 9 уже перестала использоваться по своему первоначальному назначению. В то же время наличие места и деталей для установки двери может говорить о принадлежности ниши 9 к оригинальной планировке гробницы, вероятно, даже использовавшейся как сердаб. Данная ниша могла содержать одну или несколько статуй, ориентированных в сторону открываемой двери, но также просматриваемых через узкое сердабное окно, расположенное напротив входа в S-образный проход, сразу напротив входящего посетителя. Но стена, где могло располагаться данное окно, сохранилась на высоту не более чем 1,40 м, что не позволяет нам с уверенностью говорить о его первоначальном наличии.

Илл. 5. План и южная стена ниши 9 в гробнице Кахерптаха (G 7721) (*рис. автора*)

Аналогии

Если мы примем версию, что ниша 9 являлась сердабом для размещения одной или нескольких статуй владельца гробницы, то возникает несколько вопросов:
1) целесообразность дополнительных статуй в отдельном помещении при уже имеющихся 29 статуях, вырезанных в массиве скалы в основных помещениях часовни (А и В);
2) назначение двери в сердаб;
3) причина расположения сердаба именно в помещении А на восточной стене, а не в главном культовом помещении (В), возле ложных дверей.

Большое количество статуй в гробничной часовне и их назначение. Моду на большое количество статуй в поминальных сооружениях задал царь Хафра: только в его нижнем (долинном) храме размещалось 23 царских статуи в полный рост, демонстрировавших, что они являются основной декоративной программой, в противовес рельефному оформлению стен [Flentye, 2017, p. 134]. Ни один пирамидный храм Древнего царства не имел такого большого количества статуй и такого масштаба [Hawass, Lehner, 2004, p. 68]. Таким образом, именно после правления Хафра наблюдается появление большого количества статуй в частных гробницах, особенно в скальных, относящихся к поздней IV династии и располагающихся на Восточном и Центральном плато Гизы. Например, скальная часовня мастабы царицы Мересанх III (G 7530), расположенной на Восточном плато и относящейся ко второй половине IV династии, была оформлена 20 скальными статуями. Несколько отдельно стоящих статуй, по-видимому, первоначально находившихся во внешних сердабах [Flentye, 2017, p. 139], было найдено перед входом в ее часовню[5]. Схожую ситуацию мы наблюдаем и в часовне гробницы Кахерптаха, где статуи доминируют над рельефным оформлением стен, демонстрируя, вероятно, их бóльшую значимость для загробной жизни хозяина гробницы.

Несмотря на наличие в гробнице такого большого количества вырезанных в скале статуй, существование сердаба для размещения еще одной, но уже отдельно стоящей статуи, является нередкой ситуацией. Так, например, в гробнице Дебехни (LG 90 / G 8090), расположенной на Центральном плато Гизы, находится по меньшей мере 16 статуй, вырезанных в скале, но, между тем, в самой часовне располагаются четыре помещения, предположительно, служившие сердабами, одно из которых, за южной стеной, имело проход шириной 0,70 м с углублениями в полу и потолке для установки одностворчатой деревянной двери [Hassan, 1943, p. 172]. Другой пример можно наблюдать в часовне гробницы Кара (G 7101), расположенной на Восточном плато Гизы, в которой размещается 7 статуй, вырезанных в массиве скалы, но имеется полноценный сердаб для статуи, косое окно в которое располагается на западной стене основного (входного) помещения [Simpson, 1976, fig. 1]. Таким образом, большое количество скальных статуй не исключало наличие одного или даже нескольких сердабов, о вероятном назначении которых пойдет речь далее.

[5] Американский археолог Дж. Райзнер обнаружил в дебризе (перемешанном балластном слое) перед входом в скальную часовню Мересанх III известняковую парную статую царицы Хетепхерес II и самой Мересанх III, известняковую статую стоящей Мересанх III и несколько известняковых статуй, изображающих слуг [Flentye, 2017, p. 139].

Назначение двери в сердаб. В подавляющем большинстве случаев сердаб представлял собой недоступное для прохода помещение с узким окном, связывающим его с местом для жертвенных даров, возле ложной двери [Brovarski, 1984, p. 874]. Также существовала практика размещения сердаба непосредственно возле входа в гробницу. Вообще, различное размещение сердаба — возле входной зоны и/или в культовом помещении, вероятно, может указывать и на разное назначение статуй, заключенных в сердабы, — для посетителей, например, для родственников или жрецов — служителей поминального культа. Наличие двери может указывать на необходимость доступа к статуе, вероятно, для проведения ритуальных действий над ней. Но каких действий?

Сердаб с распашной дверью мы встречаем не у ложной двери — главного культового места в гробнице, а возле помещения общего доступа (вестибюля), предназначенного для посетителей гробницы. Например, в мастабе Мерерука в Саккаре статуя владельца гробницы в нише за двухстворчатой дверью с жертвенным столом перед ней размещается во дворе с шестью пилларами, где могли собираться родственники покойного. Двери в сердаб можно наблюдать в уже упомянутой ранее гробнице Дебехни на Центральном плато Гизы или в часовне Мересанх III, где сердаб представляет собой отдельное помещение с десятью скальными статуями, закрывающееся двумя деревянными панелями в боковых проходах и двухстворчатой дверью в центральном. Во всех приведенных примерах дверь сердаба выходит в вестибюль, но не в главное (культовое) помещение.

Также следует упомянуть случаи, когда стена, за которой размещается сердаб, оформляется рельефом, имитирующим настоящую деревянную распашную дверь. Например, в часовне мастабы Сешемнефера II на Западном плато Гизы на восточной стене располагалось пять изображений, во всех деталях имитирующих настоящие деревянные двери, за которыми размещалось четыре отдельных замурованных помещения для статуй [Junker, 1938, S. 188, Abb. 34]. Трудно сказать, какую задачу решали изображения дверей, выполняли ли они ту же роль, что и ложные двери, расположенные на западной стене, но интересно, что в часовне Кахерптаха уже настоящая деревянная дверь в предполагаемый сердаб также располагалась на восточной стене.

Другой пример размещения ниши, закрывающейся двухстворчатой дверью и также расположенной на восточной стене, можно наблюдать в гробнице Раура (G 8988), где в нише № 14 размещается алебастровая панель с изображением владельца гробницы (JE 66626) [Hassan, 1932, pl. XXVII]. Иной подобный случай размещения панели с изображением хозяина гробницы за распашной дверью нам неизвестен. Но сам факт наличия двери, за которой размещалось плоское или объемное изображение хозяина гробницы, говорит, что она могла открываться только в какой-то особый момент, например, во время проведения ритуальных церемоний.

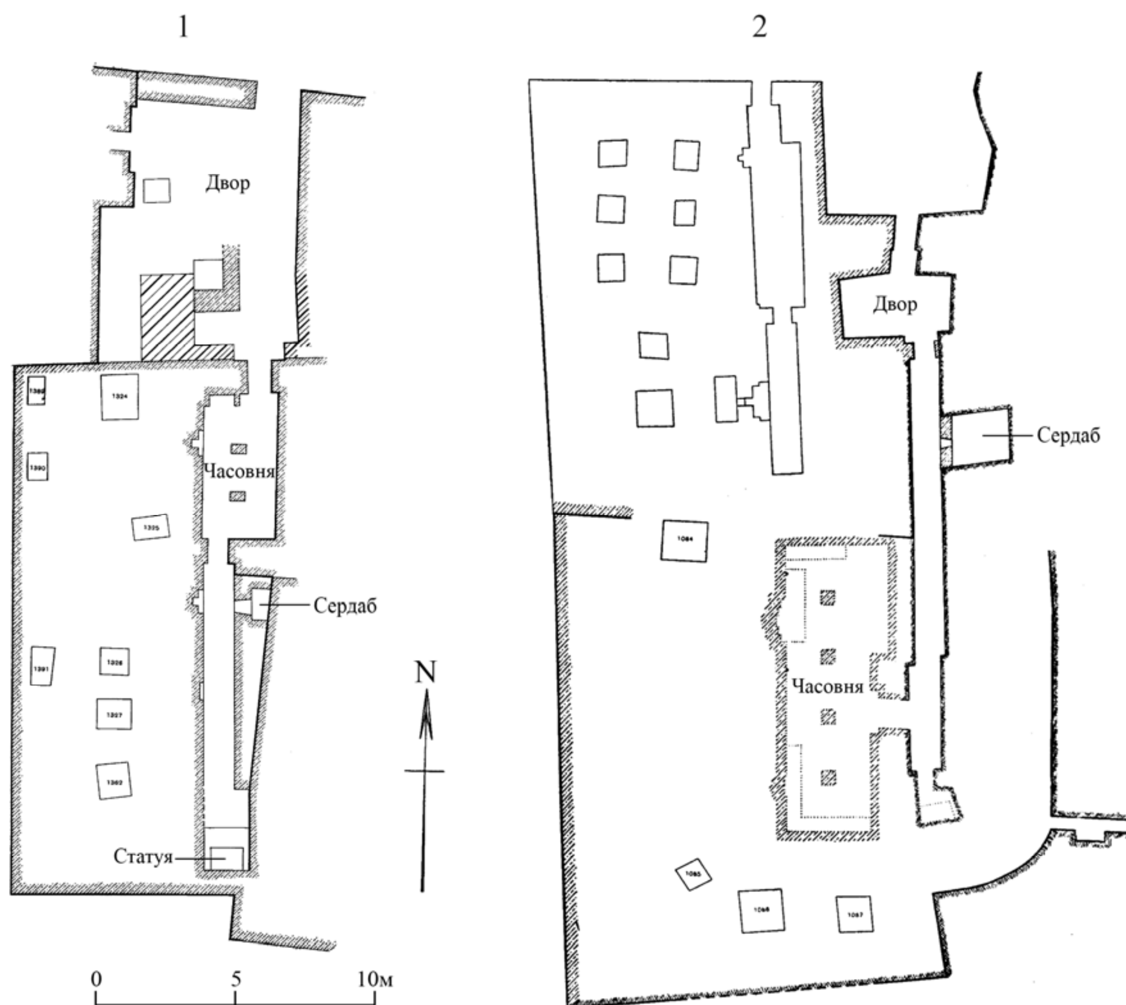
Дверь в сердаб, открывающая доступ к статуе владельца гробницы, вероятно, позволяла начать отправлять культ его *Ка* (Двойника), тем самым происходило отгораживание готового культового пространства от еще неоконченных помещений еще при жизни ее владельца [Большаков, 2001, с. 120–141] и до завершения масштабных строительных работ в часовне, когда культовые действия в западном помещении, где размещались ложные двери и шахты, проводить было рано, так как погребальные камеры были еще пусты. Также, возможно, свободный доступ к статуе

позволял произвести обряд «отверзания уст и очей» на финальной стадии ее изготовления [Wengrow, 2006, p. 225–226], хотя, по мнению А. О. Большакова, данный обряд проходил непосредственно в мастерской скульптора [Большаков, 2001, с. 89].

Традиция размещения сердаба. На протяжении всего Древнего царства размещение сердаба, так же, как размер и количество заключенных в него статуй, не было постоянным. Многое зависело от конкретных условий места сооружения гробницы, а также состоятельности и личных предпочтений хозяина гробницы. Однако, как было сказано ранее, основным критерием для размещения сердаба внутри гробницы и его ориентации, вероятно, было различное назначение статуй, заключенных в них: размещавшиеся в вестибюле были предназначенных для обычных посетителей; расположенные у главного культового места — для служителей поминального культа.

Видимо, первый случай появления в гробнице отдельно стоящих статуй в поминальной архитектуре — в гробнице S 3505 в Саккаре, относящейся еще ко времени правления царя I династии Каа, где английским археологом У. Б. Эмери были обнаружены две деревянные статуи [Emery, 1958, p. 10, pl. 27]. Это еще не был полноценный сердаб, как в более позднее время, но интересно, что статуи были найдены в нише, расположенной на пути, ведущем в часовню, и, таким образом, видимые посетителю. Самый первый случай сердаба как изолированного помещения зафиксирован в часовне гробницы QS 2304 в Саккаре, относящейся к ранней III династии. Данный сердаб располагался за ложными дверьми, то есть за западной стеной в культовом помещении [Barta, 1998, p. 66–67]. М. Барта выделяет две основные традиции размещения сердаба, сложившиеся к ранней IV династии: в южной части коридора, ведущего в поминальную часовню и в южной части самой поминальной часовни [Barta, 1998, p. 74]. Впоследствии, уже при IV–VI династиях, резко возросшее количество частных гробниц и, соответственно, их плотность в некрополе Гизы приводит к более свободному размещению сердаба, во многих случаях вынужденному, когда близость соседнего сооружения или нехватка места внутри гробницы вынуждает расположить его в противовес традиционному. Поэтому достаточно примеров, когда сердаб размещается на восточной стене, как в культовом помещении, непосредственно напротив ложной двери, так и на восточной стене вестибюля. Например, в мастабе Инкаефа на Центральном плато [Hassan, 1950, fig. 116] сердаб расположен на восточной стене строго напротив ложной двери — главного культового места в гробнице, размещенной на западной стене. Или, например, в мастабе Тесена, также расположенной на Центральном плато, сердаб располагается на восточной стене в коридоре, ведущем в культовую часовню [Hassan, 1944, fig. 118] (*илл. 6*).

На протяжении всего Древнего царства эволюции подвергалось не только место расположения сердаба — от размещения у ложной двери до расположения у устья шахты и даже в стене шахты, но и его содержание — размер статуй, их количество и комбинация с иными функциями, например, с нишей для жертвенных даров [Ветохов, 2016, с. 81].

Илл. 6. 1 — план мастабы Инкаефа (по: Hassan, 1950, fig. 116);
2 — план мастабы Тесена (по: Hassan, 1944, fig. 118)

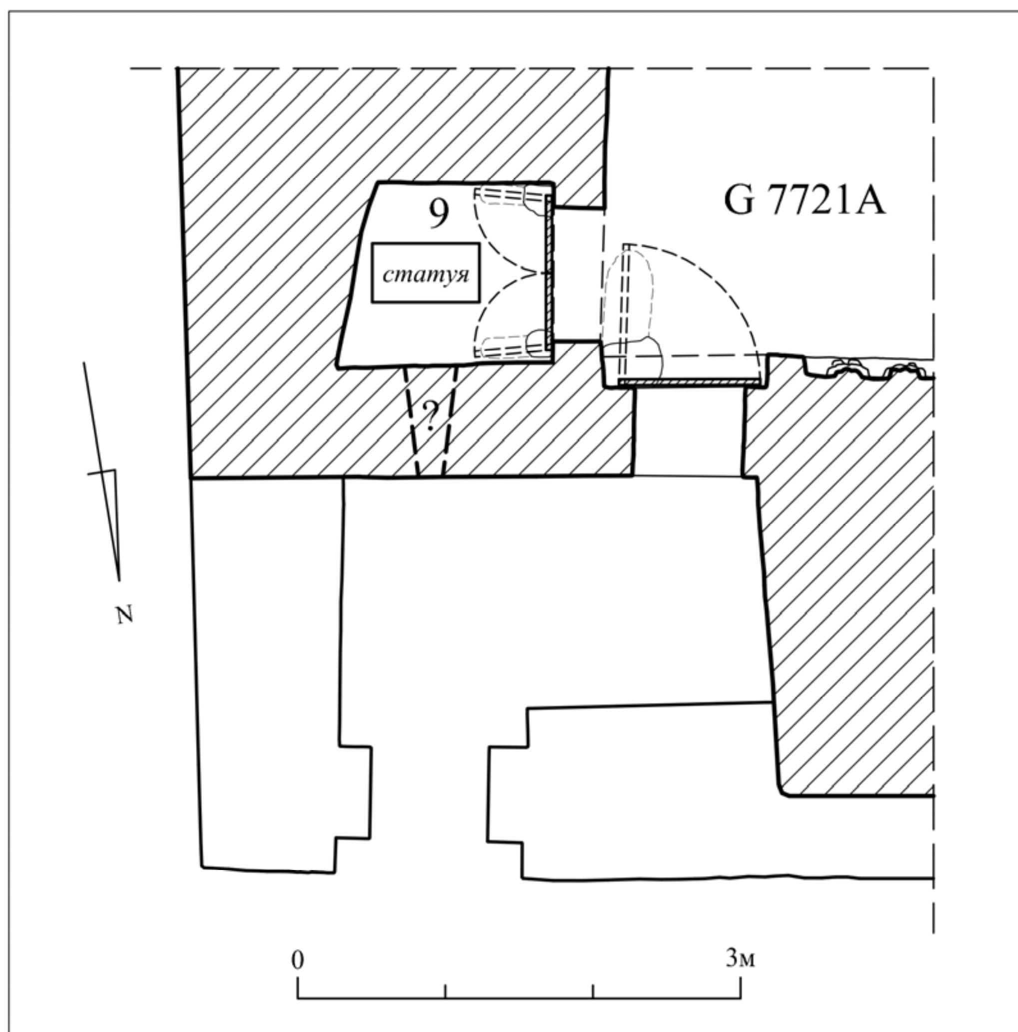
Реконструкция

Назначение статуи определяло местоположение сердаба внутри гробницы и, соответственно, наличие двери или ее отсутствие, открывающей доступ к ней. Поэтому, возможно, причина, по которой сердаб с заключенной в него одной или несколькими статуями в гробнице Кахерптаха размещен именно в помещении с пилларами (A), а не в западном помещении с ложными дверьми (B), в том, что помещение A предназначалось для общего доступа, а помещение B — для культовых действий.

В итоге, ориентация предполагаемого сердаба в нише 9 могла быть в двух направлениях — в сторону распашной двери, т. е. в помещение A, и в сторону входа в S-образный в плане проход через узкое окно, т. е. направлена на входящего в часовню (*илл. 7*).

Основной причиной сложности интерпретации многих архитектурных решений является не только индивидуальность практически всех скальных гробниц в Гизе, наличие поздних перестроек в большинстве из них, но и низкая сохранность самих

памятников, усложняющих понимание первоначально задуманных решений. Это касается и скальной гробницы Кахерптаха, где наслоение элементов различного времени и значительные повреждения скалы, в которой она высечена, затрудняют интерпретацию назначения ряда помещений. Но пример с гробницей Кахерптаха продемонстрировал, что к изучению памятника можно возвращаться многократно, каждый раз находя как новые детали, так и переосмыслить обнаруженные раннее данные, но уже на базе нового опыта. Так, проведение тщательных археологических исследований в часовне гробницы Кахерптаха и выполнение детальных архитектурно-археологических обмеров позволили обнаружить новые детали в часовне, пересмотреть версию ранних исследователей гробницы о расположении сердаба, назначении ряда помещений и времени их сооружения, а также под новым углом взглянуть на особенности поминального культа в ней.

Илл. 7. Реконструкция входной зоны в гробницу Кахерптаха (G 7721) (*рис. автора*)

Литература / References

Большаков А. О. *Человек и его Двойник. Изобразительность и мировоззрение в Египте Старого царства.* СПб., 2001 [Bol'shakov A. O. *The Man and His Double. Fine Art and Worldview in Egypt of the Old Kingdom.* Saint-Petersburg, 2001 (in Russian)].

Ветохов С. В. Ниши в египетских скальных гробницах Гизы эпохи Древнего царства как датирующий признак // *Вестник НГУ.* 2016. № 5. С. 70–84 [Vetokhov S. V. Niches in Egyptian Old Kingdom Rock-Cut Tombs of Giza as the Dating Feature // *Vestnik of NSU.* 2016. 5. Pp. 70–84 (in Russian)].

Arnold D. *The Encyclopedia of Ancient Egyptian Architecture.* Princeton, 2003.

Abu-Bakr A.-M. *Excavations at Giza 1949–1950.* Cairo, 1953.

Bárta M. Serdab and Statue Placement in the Private Tombs down to the Fourth Dynasty // *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo.* 1998. 70. Pp. 65–75.

Brovarski E. Serdab // *Lexikon der Ägyptologie.* Bd. V. Wiesbaden, 1984. Pp. 874–879.

Emery W. *Excavations at Saqqara Great Tombs of the First Dynasty III.* London, 1958.

Flentye L. Royal and Non-Royal Statuary of the Fourth Dynasty from the Giza Necropolis // Barta M., Coppens F., Krejčí J. *Abusir and Saqqara in the Year 2015.* Prague, 2017. Pp. 123–144.

Hassan S. *Excavations at Giza.* Vol. I. Oxford, 1932.

Hassan S. *Excavations at Giza.* Vol. IV. Cairo, 1943.

Hassan S. *Excavations at Giza.* Vol. V. Cairo, 1944.

Hassan S. *Excavations at Giza.* Vol. VI. Cairo, 1950.

Hawass Z., Lehner M. The Sphinx. Who Build it, and Why? // Rose M. (ed.). *Secrets of Ancient Egypt.* New York, 2004. Pp. 67–79.

Junker H. *Giza: Bericht über die von der Akademie der Wissenschaften in Wien auf gemeinsame Kosten mit Dr. W. Pelizaeus untergenommenen Grabungen auf dem Friedhof des Alten Reich bei den Pyramiden von Giza.* Bd. III. Wien, Leipzig, 1938.

Kendall T. An Unusual Rock-Cut Tomb at Giza // Simpson W. K., Davis W. M. (eds.). *Studies in Ancient Egypt, the Aegean, and Sudan.* Boston, 1981. Pp. 104–114.

Porter B., Moss R. L. B. *Topographical bibliography of ancient Egyptian hieroglyphic texts, reliefs, and paintings. III. Memphis.* Part 1. *Abû Rawâsh to Abûsîr.* Oxford, 1974.

Simpson W. K. *Giza Mastabas.* Vol. 2. *The Mastabas of Qar and Idu. G 7101 and 7102.* Boston, 1976.

Wengrow D. Theatres of Sacrifice: Dynastic Constructions of Death // *The Archaeology of Early Egypt: Social Transformations in North-East Africa, 10,000 to 2650 BC.* Cambridge, 2006. Pp. 218–258.

Электронные ресурсы

Архив Дж. Райзнера. *The Giza Archives.* URL: http://www.gizapyramids.org (дата обращения 06.09.2019).

ОСОБЕННОСТИ ЭЛЛИНИЗИРОВАННЫХ ЕГИПЕТСКИХ КУЛЬТОВ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

© 2019 **В. З. Куватова***

В настоящем исследовании сделана попытка выявить особенности распространения египетских культов на территории Римской империи и основные причины их популярности в метрополии. Во многом это было связано с тем, что к эпохе эллинизма и, тем более, *Pax Romana* архаические, «гомеровские» представления в значительной степени устарели. Ранние античные представления о смерти и посмертном существовании были достаточно пессимистичны. В обществах, управляемых, в первую очередь, военными элитами, путь в *vita felix* открывался преимущественно для немногочисленных героев. Однако, по мере усложнения общественного устройства античного мира, фундаментальная мировоззренческая потребность в вере в возможность посмертного воскресения к счастливой загробной жизни способствовала снижению интереса к ряду традиционных культов в пользу тех, которые, в представлении античного человека, давали такой шанс. Все плотнее соприкасаясь в процессе расширения границ *Pax Romana* с культурой Египта, с ее трехтысячелетними представлениями о посмертной жизни и детально отработанными религиозными ритуалами, нацеленными на благополучный транзит в загробный мир, античный мир во многом нашел временный ответ на свой главный мировоззренческий запрос. В свою очередь, традиционные египетские божества, в силу своей мифологической многофункциональности и иконографического полиморфизма, были изначально предрасположены к процессам синкретизма. Некоторые из них ассоциировались у греков и римлян сразу с несколькими божествами античного пантеона и, как следствие, постепенно принимали на себя функции своих античных «аналогов», принимая все более универсалистский характер. В римскую эпоху интерес к божествам египетского происхождения в провинциях дополнительно усиливался за счет влияния культуры метрополии, уже включившей их в свой пантеон.

Ключевые слова: Египет, Римская империя, египетские культы, культ Исиды, синкретизм, римское искусство, религия Древнего Рима.

CHARACTERISTICS OF HELLENIZED EGYPTIAN CULTS IN THE ROMAN EMPIRE

Valeria Z. Kuvatova

This study attempts to figure out specific ways of expansion of Hellenized Egyptian cults around the Roman Empire and the main reasons for their conspicuous popularity in the metropole. By the Hellenistic, and especially Imperial Roman period, the pessimistic "Homeric" beliefs in respect to the afterlife had long been outdated. The *vita felix* in societies governed by military elites was predominantly reserved for the great heroes. These beliefs were challenged by sustainable development

* Валерия Зуфаровна КУВАТОВА, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kintosha@mail.ru

Valeria Z. KUVATOVA, Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; kintosha@mail.ru

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 17-01-00321 «Египет и Нубия — контактная зона между Средиземноморским миром и Африкой».

of the social organization that triggered a basic change in the cultural certainties. The fierce fundamental demand in an equal chance for the happy afterlife shifted the focus of people belonging to the Greek and Roman cultural milieu from their traditional cults to the newly adapted ones that were believed to offer such an opportunity. The increasing contacts of the Romans with the Egyptian culture and its three thousand years old beliefs in the happy afterlife as well as detailed rites aimed at providing safe transit to the Netherworld helped them to temporarily find the answer to their worldview question. On the other hand, the multifunctional mythological character and polymorphic iconography of Egyptian deities naturally enhanced their syncretic potential. The Greeks and Romans associated some of the Egyptian gods with quite a knot of their Graeco-Roman matches, transferring functions of the latter to the form. Thus, the Romanized Egyptian deities evolved towards universality.

Keywords: Egypt, Roman Empire, Egyptian cults, Isis cult, syncretism, Roman art, ancient Roman beliefs.

Персидское, греческое и римское завоевания последовательно лишили Египет его цивилизационной роли. Тем не менее мощная египетская религиозная традиция, пройдя определенную трансформацию, не только выстояла, но и получила широчайшее распространение в римской ойкумене. Предрасположенность египетского пантеона к синкретизму во многом способствовала такой устойчивости, а функциональная многозначность египетских божеств — их удивительной популярности на территории *Pax Romana*. В период интенсивных контактов с развитыми древними культурами греко-римский пантеон значительно преобразился под влиянием процессов синкретизма.

Походы Александра, а позднее стремительное расширение Римской империи стали, по сути, первой волной культурной глобализации, в ходе которой происходило активное смешение и заимствование религиозных и культурных традиций различных регионов, от Британских островов до Индии, от германских земель до Южной Нубии. Средиземноморье же стало «плавильным котлом» для различных культур.

Возвышение в греко-римском пантеоне божеств египетского происхождения связано с целым комплексом причин. К IV–III вв. до н. э. все большую роль в обществе играли культы божеств, обладавших властью над смертью и способных «обеспечить» людям счастливую загробную жизнь. Во многом их популярность была связана с тем, что изначально античный мир, в отличие от Египта, не сформировал представлений о *vita felix*. Гомеровское царство мертвых было местом скорби, а не счастливой вечности. Однако со временем фундаментальная духовная потребность в посмертном возрождении стала одним из основных импульсов к развитию античного мировоззрения, в том числе благодаря знакомству с теми культурами, в которых представления о счастливом загробном мире были органической частью картины мира. Очень часто божества, связанные с возрождением в загробном мире, также покровительствовали плодородию, которое играло важнейшую роль в аграрных экономиках Средиземноморья.

Вторая группа божеств, игравших особо важную роль в периоды становления новых династий, а также при выстраивании империи, — это боги, связанные с царским культом. Именно «функционал» предопределял возвышение в греко-римском мире одних божеств и постепенное забвение других, а также основные направления процесса синкретизма.

Египетские божества обладали той «многофункциональностью», которая упрощала их слияние с представителями греко-римского пантеона, обогащая традиционную античную семантику особыми коннотациями. Иконографическая полиморфность божеств, позволявшая создавать синкретические визуальные образы, также способствовала их популярности в *Pax Romana*. Кроме того, эллинизированная римская культура в значительной степени воспринимала египетское влияние опосредованно, в культурных формах эллинизированного же Египта. У интереса античного мира к Египту долгая история: самый ранний известный храм богини Исиды был основан в Афинах в IV в. до н. э. [Dunand, 2000, p. 156]. Кроме того, в провинциальной греческой культуре существовала длительная традиция сопоставления Деметры и Исиды, а в Александрии практически с момента основания города у греческой богини появился свой храм [Dunand, 2000, p. 153]. Тем не менее именно эллинизм стал общим знаменателем культурного обмена между метрополией и ее провинциями, в том числе Египтом.

Важнейшие эллинизированные египетские божества римского пантеона

Универсалистским египетским божеством, связанным с плодородием природы и ее ежегодным возрождением (и, как следствие, с посмертным возрождением человека в загробном мире), была Исида — богиня, почитаемая во всем Египте, в отличие от многих других богов, культ которых оставался в географических рамках тех или иных регионов. В паре с Осирисом она легко ассоциировалась с влиятельными греческими и анатолийскими богинями — Персефоной и Аидом, Кибелой и Аттисом.

Выдающаяся роль Исиды в птолемеевском, а затем и римском пантеоне во многом связана с ее изначальной полисемией. В египетской традиции Исида выступала и как богиня-волшебница, обладательница магического знания, и как жена владыки загробного царства Осириса, и как мать великого царя-воина, Хора. Через свои отношения с Осирисом она ассоциировалась с плодородием и погребальным культом, через образ магической богини — с мистериальными культами, обеспечивающими счастливую загробную жизнь. Богиня, способная воскресить мужа (и таким образом преодолеть роковую судьбу), со временем стала восприниматься как божество счастливой судьбы (*Agathe Tyche* / *Bona Fortuna*). Выступая одновременно в роли юной волшебницы и преданной жены и матери, Исида стала близкой египетской аналогией целого ряда греческих и римских женских божеств и постепенно обретала все большую универсальность. Культ Исиды играл значительную роль как на государственном уровне, так и в частной жизни жителей всех провинций Римской империи. В эпоху Птолемеев богиня «взяла на себя» важнейшую функцию покровительства мореплаванию, и в этом качестве она также была воспринята римлянами. Роль покровительницы моряков, чья деятельность связана с изменчивостью погодных условий и зависимостью от стихии, усилила восприятие Исиды как богини счастливой судьбы, Исиды-Фортуны.

Отражая множественность ее функций, иконография богини также стремится к разнообразию. В различных иконографических типах проявляются разные ипостаси ее божественной власти. Уже Геродот сравнивал Исиду с Деметрой, и эта устойчивая параллель нашла отражение в иконографическом типе богини, держащей в руках

атрибуты Деметры — факел и снопы из колосьев пшеницы. Сохранилась надпись, подтверждающая совместный культ богинь в Элевсине [Bogh, 2013, p. 229]. Функциональную близость между Исидой и Деметрой обеспечивала и роль обеих богинь как покровительниц зерновых культур — основы древних цивилизаций. Кроме того, обе были любящими матерями. Этот аспект божественности Исиды приобрел особую популярность в греко-римском мире. Иконография *Isis lactans*, богини, кормящей грудью своего сына Хора, получила широкое распространение на всей территории Римской империи. Исида стала божеством мистериальных культов, отправление которых способствовало формированию многочисленных ритуалов. В своей культовой ипостаси она изображалась, как правило, в тунике, завязанной на груди особым «узлом Исиды», с систром и продолговатым сосудом-ситулой в руках. Сохранились свидетельства, что уже в IV в. до н. э. Исида ассоциировалась с еще одной греческой богиней плодородия, Афродитой [Bogh, 2013, p. 229]. Иконографический тип Исиды-Афродиты подчеркивает визуальные аспекты, связанные с плодородием: богиня изображалась обнаженной (либо одетой в тунику, которую она приподнимает к талии, обнажая нижнюю часть тела), с распущенными волосами и калафом преувеличенного размера. Возможно, ассоциация с Афродитой способствовала возникновению синкретической связи Исиды с финикийской богиней любви Астартой [Roussel, 1916, p. 82, 194]. По-видимому, параллели между Исидой и Хатхор, египетской покровительницей любви и сексуальности, также внесли свой вклад в отождествление Исиды с греческой и финикийской богинями. Возможно, у Афродиты и Астарты, ассоциируемых с морем, Исида позаимствовала одну из своих самых важных функций — покровительство мореплаванию. Династия Птолемеев, могущество которой обусловливалось, в том числе, господством на море и морской торговлей, вероятно, способствовала распространению культа Исиды Пелагии («морской») [Bricault, 2007, p. 247]. Иконографический тип Исиды Пелагии, сформировавшийся уже в римскую эпоху [Lipka, 2009, p. 92], предусматривает профильное изображение шагающей вперед богини, которая держит двумя руками и одной ногой раздувающийся парус.

Особая роль в греко-римском мире принадлежала Исиде-Тюхе (римской Исиде-Фортуне). По-видимому, следствием беспрецедентного расширения греческой ойкумены при Александре стал слом традиций и рост индивидуального чувства неуверенности, которое вынуждало людей обращаться к богам в поисках защиты от изменчивого рока. Об этом свидетельствует выросший в то время интерес к астрологии и оракулам [Bogh, 2013, p. 231]. Исида-Тюхе очень рано обрела огромную популярность, и в этой ипостаси она как богиня счастливой судьбы (*Agathe Tuche* / *Bona Fortuna*) противостояла образу судьбы-рока (*Tuche* / *Fortuna Fatum*). Исида-Тюхе изображалась в характерной короне-базилеоне, с рогом изобилия в руке. Второй рукой она опиралась на корабельный руль.

Исида также ассимилировала функции и атрибуты других эллинистических божеств — Артемиды, Селены (богини Луны), Кибелы (матери всех богов), Ники (богини победы), Немесиды (богини возмездия). Фактически, ее божественная сила распространялась на все основные сферы жизни человека и общества. Она покровительствовала важнейшим областям деятельности — земледелию и мореплаванию, заботилась о семье и деторождении. Как богиня-волшебница, Исида обладала силой излечивать от болезней. Но важнейшими ее божественными

свойствами была способность преодолевать рок, изменять судьбы людей и даровать бессмертие в счастливом загробном мире. Люди обретали шанс на бессмертие, участвуя в мистериальных культах Исиды, как ранее — в орфических и дионисийских культах. Через участие в мистериях Исиды человек избегал печальной участи мертвых, описанной в гомеровских мифах.

Таким образом, бессмертие в греко-римском мире обреталось не через неукоснительное соблюдение погребального ритуала, как этого требовали автохтонные египетские религиозные представления, а через прижизненное приобщение к мистериальному культу Исиды. Исключение, по-видимому, составлял сам Египет. Как минимум, египетская хора сохранила приверженность Осирису и, соответственно, воспринимало Исиду в ее изначальной ипостаси.

Ипостась Исиды-Термутис стоит особняком в ряду воплощений богини в греко-римском мире. Иконографический тип Исиды-Термутис — единственный, в котором богиня изображается не в антропоморфной, а в зооморфной или миксоморфной форме.

Змея — символ хтонических сил и мощи — всегда играла амбивалентную роль как в Египте, так и на Ближнем Востоке, хотя в ближневосточной традиции коннотации, связанные с образом змеи, были в целом намного негативнее, чем в египетской культуре.

Что касается Египта, то, судя по нарративным источникам и иконографическим программам храмов и гробниц, змея ассоциировалась с властью и плодородием. Кроме того, некоторым зооморфным змеиным божествам (например, Уаджит), приписывался апотропеический потенциал. В то же время, египетская традиция сформировала и негативный образ змеи (прежде всего, змей Апоп). Змеиные культы были составной частью культа плодородия, и постепенно и мужские божества, и богини-матери в змеиной ипостаси приобрели функции покровительства плодородию [Franci, 2015, p. 35].

Богиня Уаджит достаточно рано приняла на себя функции покровительства царю Нижнего Египта. В большинстве случаев она изображалась в зооморфной форме, иногда (обычно вместе с Нехбет) — в антропоморфной [Franci, 2015, p. 36].

Примером предрасположенности египетских божеств к синкретическим процессам может служить богиня-змея Меритсегер. Изначально она воспринималась как персонификация вершины холма над Фиванским некрополем и обеспечивала магическую защиту жителей Дейр эль Медина. Со временем Меритсегер начала ассоциироваться с Рененутет и Хатхор [Bruyère, 1930]. Рененутет покровительствовала сельскому хозяйству, в частности, культивированию злаковых. Она была связана с божеством Непри и изображалась как змееголовая богиня-мать, кормящая грудью ребенка [Franci, 2015, p. 37].

Позднее появилась Исида-Термутис, ставшая в Птолемеевский период синкретической репрезентацией двух богинь, Исиды и Рененутет. Синкретический процесс завершился уже в эпоху правления династии Птолемеев [Sfameni, Gasparro, 2006, p. 49], и на первый план вышла функция плодородия. Однако важнейшей особенностью богини является ее связь с царской властью в Египте. Роль покровительницы династии Птолемеев она выполняет совместно с зооморфной

ипостасью бога Сераписа. В этой форме божества получают распространение в римской живописи, в первую очередь, в иконографических программах ларариев.

Божественный супруг Исиды — Серапис — также занял свое место в культуре Римской империи, хотя его популярность была несравнима с популярностью богини. Вероятно, образ Сераписа изначально был связан с Аидом, греческим аналогом египетского Осириса, однако уже в ранний Птолемеевский период Серапис начал трансформироваться во все более многофункциональное божество. Как покровитель Александрии и династии Птолемеев, он представляет аспекты, связанные с Зевсом, как александрийский аналог Осириса — является богом загробного царства и богом плодородия. Кроме того, Серапис принимает на себя функции Асклепия как божества-врачевателя, покровителя здоровья. Интересно, что верховное александрийское божество, совмещая в себе аспекты двух главных греческих богов — Зевса и Аида, не ассоциировался у александрийцев (и, позднее, римлян) с третьим представителем триады — Посейдоном. Возможно, это связано, в том числе, с тем, что функцией покровительства мореплаванию была наделена его божественная супруга — Исида.

Ассоциации с Сераписом как покровителем династии Птолемеев выражались в его иконографическом типе, близким к типу верховных божеств греко-римского пантеона, и обеспечивали преемственность культа в эпоху Римской империи. Некоторые римские императоры (Веспасиан в 69 г. н. э., Адриан в 130 г. и Септимий Север в 199–200 гг.) приезжали в Египет не только с военно-политическими, но и с религиозными целями. Веспасиан специально посещал александрийский Серапеум. Септимий Север был настолько предан культу Сераписа, что его собственные официальные изображения были ориентированы на иконографический тип божества [McCann, 1968, p. 114–116].

Один самых почитаемых египетских богов, сын Исиды и Осириса Хор, в одной из своих ипостасей также находит свое место в птолемеевском, а позднее римском пантеоне. Аспекты воина и верховного божественного правителя Египта были размыты уже в Позднем периоде, и в птолемеевскую эпоху приходит образ ребенка — Харпократа. Видимо, он ассоциировался в греческой среде с Аполлоном, и с этим связан иконографический тип Харпократа, сидящего на цветке лотоса. Согласно египетской космогонической традиции, из цветка лотоса ежедневно рождается солнце. Поскольку египетский бог-лотос Нефертум традиционно изображался либо в виде цветка лотоса, либо в виде юноши с короной-лотосом, то в Поздний период закономерно произошло сближение иконографических типов Нефертума и Харпократа. Известны примеры, когда Нефертум представлен в виде ребенка, сидящего на цветке лотоса в короне-*хемхем* [Hall, 1977, p. 55, pl. XXIV.2]. Именно этот тип позднее найдет признание в греко-римском мире. Популярность Харпократа в Римской империи связана как с его близостью к божественной матери, так и с собственным синкретическим потенциалом: как юное божество, связанное с ежедневным возрождением солнца, он ассоциируется с Аполлоном; магические свойства и юный возраст создают параллель с Дионисом, а через ипостась младенца он принимает на себя аспекты сына Афродиты Эроса (тем более, что его божественная мать Исида ассоциировалась у греков и римлян с Афродитой).

Функции Харпократа сформировались через эти множественные синкретические сплетения. Юный бог был связан с мистериями Исиды, и в этом

качестве он помогал людям обрести счастливую загробную жизнь. В частных культах Харпократ выступал в роли защитника и спасителя, не в эсхатологическом, а во вполне земном контексте. Как и его мать Исида, он защищал от злых сил, помогал обрести здоровье и богатство.

Иконографическая традиция чаще всего представляет Харпократа обнаженным ребенком с характерным локоном на бритой голове, который прижимает большой палец к губам в жесте молчания. Часто он изображается в том или ином головном уборе: с солнечным или лунным диском, уреем, а также в различных коронах — *атеф*, *хемхем*, *псхент* (ψχεντ). Встречаются также примеры с короной Амона и *немесом*. Большинство изображений Харпократа (как и Исиды-Фортуны) представляют собой мелкую пластику. Иногда его можно увидеть на фресках, а также на геммах. Как правило, статуи Харпократа входят в состав скульптурных групп, посвященных нескольким божествам. Чаще всего юное божество встречается в компании Исиды и Сераписа, нередко — в обществе Беса.

Харпократ получил заметное место в греко-римском мире по двум причинам: во-первых, благодаря тесной связи с Исидой (в иконографическом типе *Isis lactans*), во-вторых, благодаря своей апотропеической, магической ипостаси. Египет ассоциировался в Риме с магическим знанием. Возможно, для того чтобы подчеркнуть египетскую сущность и происхождение Харпократа, его иконография всегда включала в себя отчетливо египтизирующие черты, даже несмотря на постепенную утрату ряда таких атрибутов, как египетские короны и характерный локон. Однако с течением времени к ней добавлялись и греко-римские детали, как, например, рог изобилия.

Особенности распространения культов египетского происхождения

В III в. до н. э., в связи с политической и военной активностью Птолемеев, египетские культы в их эллинизированной форме начали распространяться в Греции и Восточном Средиземноморье, в первую очередь там, где стояли птолемеевские гарнизоны, которые десятилетиями квартировали в одних и тех же местах. Как правило, для военных строились святилища (или храмы), посвященные египетским божествам[1]. Наиболее заметными центрами почитания (и распространения культа) Исиды стали Родос и Делос. В то же время в Фессалонике уже II в. до н. э. функционировал Серапеон — храм, посвященный Серапису [Amoroso, 2017, p. 42]. Другим путем распространения стали торговые контакты Александрии. По-видимому, именно таким образом культы египетских божеств (а также увлечение александрийскими архитектурными мотивами в римской живописи второго стиля [McKenzie, 2007, p. 105–112]) проникли и закрепились в Кампанье и Лации. Культ Исиды достиг Рима во II в. до н. э., причем в живописи италийского полуострова богиня изображалась как в паре с Сераписом, так и с Осирисом.

По-видимому, изначально культы египетских богов носили характер домашнего почитания, дополняя собой культы местных божеств и отвечая на определенные

[1] Glomb T., Mertel A., Pospíšil Z., Stachoň Z., Chalupa A. Ptolemaic military operations were a dominant factor in the spread of Egyptian cults across the early Hellenistic Aegean Sea // *PLoS ONE*. 2018. 13(3). URL: https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0193786 (дата обращения 11.08.2019).

духовные и психологические запросы, которым по тем или иным причинам не удовлетворялись с помощью местных божеств. На Аппенинском полуострове и в римских провинциях изображения Исиды встречались, в основном, в иконографических программах частных святилищ и других помещений, связанных с отправлением культа.

Исида-Фортуна также оказалась в числе наиболее популярных божеств домашних культов фактически на всей территории Римской империи. Бронзовые статуэтки Исиды-Фортуны чаще всего находят в специальных святилищах и, что интересно, в ларариях, причем наибольшее их количество обнаружено в Помпеях и Геркулануме [Amoroso, 2017, p. 47]. Эти находки косвенно подтверждают тесные связи между Южной Италией и Александрией. Часто в тех же ларариях обнаруживаются фигурки других египетских божеств (Сераписа, Харпократа, Беса, быка Аписа, агатодаймонов), а также римских божеств (лар, гениев, Асклепия, Меркурия, Минервы) [Amoroso, 2017, p. 51–53]. В ларариях же часто встречаются изображения Исиды-Термутис и Сераписа в зооморфной форме. Появление зооморфной пары эллинистических египетских божеств в традиционно римских святилищах объясняется, скорей всего, их функциональным и иконографическим сходством с римскими хтоническими змеями-гениями, связанными с культом лар. Хтонические змеиные божества играли апотропеическую роль, и в этой же роли выступают мигрировавшие в Рим птолемеевские агатодаймоны и зооморфные Исида и Серапис. Иконография пары достаточно устойчива: две змеи в геральдических позах фланкируют небольшой цилиндрический алтарь. Как правило, Исида изображалась с рогатым модиусом на голове, а Серапис — как бородатый змей в калафе [Poole, 2016, fig. 101][2]. В то же время агатодаймоны, также встречающиеся в ларариях, показываются без корон, однако змеиная голова мужского божества украшена петушиным гребнем и бородой, как, например, на фреске из ларария Дома криптопортика в Помпеях [Guzzo, 2003, p. 67].

Государственный культ Исиды и Сераписа был введен уже после того, как частные культы получили широкое распространение в Римской империи. В I в. до н. э., в период правления Суллы (88–78 гг. до н. э.) культ божественной пары поощрялся властями, при Первом триумвирате (около 43 г. до н. э.) вышел декрет о строительстве в Риме храма Исиды и Сераписа. Однако, начиная с эпохи Октавиана, культы Исиды и прочих египетских божеств преследовались и, как минимум, были крайне непопулярны у высших слоев общества [Bogh, 2013, p. 231–232]. Лишь Калигула (37–41 гг. до н. э.) утвердил официальный культ Исиды [Peterson, 2016, p. 10], приказав построить храм богини на Кампо Марцио, и с этого времени ее популярность в Римской империи лишь росла вплоть до момента христианизации.

О культе Исиды и других египетских божеств в римский период известно не так много. Важная информация содержится в труде Плутарха *De Iside et Osiride* и 11-ой книге «Метаморфоз» Апулея. Археологические свидетельства включают храмы и небольшие святилища, росписи римских вилл, а также много предметов скульптуры и мелкой пластики. Знаменитая роспись на восточной стене северного портика храма Исиды из Геркуланума, датируемая I в. н. э. [Ling, 1991, p. 162, fig. 174] [3], изображающая сакральный ритуал, свидетельствует о том, что культ Исиды оказался, по-видимому, не

---

[2] Например, мраморный рельеф I в. до н. э. — II в. н. э., Египетский музей Турина, C. 7149.

[3] В настоящее время находится в Археологическом музее Неаполя, инв. 8924.

настолько тайным, насколько недоступными для непосвященных были дионисийские и орфические культы. Об этом же говорит достаточно подробное описание обрядов, связанных с инициацией, в книге XI «Метаморфоз» Апулея [Apuleius, 11: 24–27].

Важным ритуальным празднеством, посвященным Исиде, было так называемое *Navigium Isidis*. Праздник отмечался 5 марта и был связан с началом навигационного сезона. Вторым важным праздником, отмечавшимся в ноябре, стал *Inventio Osiridis* — возвращение частей тела Осириса и его последующее воскрешение. Он символизировал начало разлива Нила и очередного вегетативного периода.

В большинстве случаев римская иконография Исиды предусматривала солнечный диск на голове, обычно (но не всегда) фланкированный рогами коровы. Нередко богиня изображалась с систром, рогом изобилия, сосудом или уреем. Гиматий богини обычно завязан на груди характерным узлом. Часто компанию ей составляли Осирис, Серапис или Хор-Харпократ, а также прислуживающий богине Анубис. Осирис, впрочем, редко встречается в римской живописи, Серапис явно был намного более популярен. В большинстве случаев он изображался как крупный бородатый мужчина с кудрявыми волосами. Нередко встречаются репрезентации пары в виде змей с головами мужчины и женщины либо со змеиными головами, увенчанными коронами. Изображения Хора характеризуются головой сокола, Харпократа — жестом правой руки, прижимающей указательный палец к губам, Анубиса — головой шакала. Корова рядом с Исидой означала богиню Хатхор, бык — Аписа, посвященного Исиде. Кроме того, в монументальной живописи встречаются изображения бога Хапи, а также Беса, божества-карлика, наделенного апотропеическими функциями.

Жрецы Исиды назначались пожизненно и занимались только отправлением культа в храмах. Они брили головы и носили одежду из льна, их часто изображали с систрами в руках. Изначально жрецами Исиды и Сераписа могли быть лишь мужчины, однако впоследствии появились и женщины, что нашло отражение в монументальной живописи. Обычно жрицы изображались с сосудами и систрами в руках, в одеяниях, завязанных на груди узлом Исиды.

Необходимо отметить, что в Римской империи Исида отчетливо осознавалась как египетская богиня, а ее культ — как культ египетского происхождения.

В эпоху Адриана в Александрии получил распространение совместный культ Исиды-Термутис и Сераписа в их змеиной ипостаси [Dunand, 2000, p. 31]. Ф. Дюнан предполагает, что устойчивость иконографического типа, в котором они изображаются совместно, обусловливается их сходными функциями [Dunand, 2000, p. 31]. Иконография Сераписа менее разработана, чем иконография Исиды-Термутис, легко узнаваемой по рогатому диску и систру. Видимо, в зависимости от контекста и функционального назначения памятника, коронованный змей выступал то в ипостаси Сераписа, то в ипостаси агатодаймона.

В Геркулануме, где монументальная живопись свидетельствует о значительном влиянии александрийского искусства, вторым по популярности египетским божеством после Исиды стал Харпократ [Tran Tam Tinh, 1973, p. 21–22]. В основном его изображения представлены в форме круглой скульптуры, рельефов, фресок и малой пластики (амулеты). В городе было обнаружено множество статуэток иконографического типа *Isis lactans*, причем иконография младенца Харпократа утрачивает египетские иератические черты. Иногда встречаются его изображения в

короне-*псхент*, однако, судя по ее виду, этот символ к тому времени уже потерял свой изначальный смысл и воспринимался просто как египтизирующий элемент.

Довольно часто в Геркулануме можно встретить иконографический тип Харпократа с маленькими крыльями за спиной и рогом изобилия в одной руке, в то время как палец другой руки приложен к губам в характерном жесте. Такая ассоциация закономерна: синкретическое единство Исиды и Венеры стало предпосылкой к синкретическому слиянию Харпократа и Эрота.

Еще одним божеством, нашедшем свое место в римском варианте культа Исиды, стал Анубис, который в эпоху Ранней империи фигурировал преимущественно в культовой живописи и изображался как собакоголовый мужчина в римском жреческом одеянии (например, на фреске из храма Исиды в Помпеях, датируемой третьей четвертью I в. н. э. [Ling, 1991, p. 162], в настоящее время находящейся в Археологическом музее Неаполя [Poole, 2016, p. 104]). Сохраняя в религиозных представлениях римского периода связь с загробным миром, Анубис приобрел коннотации Гермеса. И тот, и другой выполняли роль психопомпов в египетской и, соответственно, греко-римской концепциях загробного мира. Впрочем, в эпоху поздней античности акцент постепенно сместился на другую ипостась греческого бога — его интеллект и мудрость. В результате Гермес и египетский бог письменности и мудрости Тот постепенно слились в новое божество синкретического характера.

Помимо упомянутых божеств, фактически включенных в римский пантеон, в культуру Римской империи вошло немало других сакральных элементов египетского происхождения. Часть из них была воспринята римскими домашними культами: как уже упоминалось, многочисленные объекты мелкой пластики, посвященные разнообразным египетским божествам, были найдены в ларариях. Среди них часто встречаются изображения Беса, а также Хора, Тота, Аписа, Собека — преимущественно, в зооморфной, намного реже — в миксоморфной ипостаси. Вероятно, они в значительной степени ушли от своих египетских прототипов и взяли на себя апотропеическую роль традиционных римских домашних божеств.

Заключение

Римская империя, деятельно расширявшая свои границы и открытая влиянию многочисленных культур, с которыми она контактировала, проявила исключительный интерес к египетской религии. Несмотря на популярность ряда малоазийских, восточно-средиземноморских и парфянских богов (в первую очередь, Кибелы и Митры), по-настоящему универсальным стал культ египетской Исиды, который способствовал активному проникновению в римскую культуру и других египетских божеств. Предпочтение, которое римляне отдавали египетским божествам, объясняется целым комплексом причин.

1. Природа египетских божеств с их множественными, часто пересекающимися и взаимодополняющими функциями и разнообразием иконографических типов, обусловливала изначальную предрасположенность к синкретизму.

2. Беспрецедентное расширение античной ойкумены и, как следствие, интенсивные культурные контакты создали благоприятные предпосылки для культурного обмена, в том числе в области религиозных представлений.

3. Высокий статус египетской культуры, религиозных ритуалов и представлений о загробном мире и счастливой жизни после смерти способствовали распространению египетских божеств в античном мире, где они подвергались синкретической трансформации.

4. В эпоху поздней Римской империи античный мир переживал постепенный слом цивилизационной парадигмы. Такой период сам по себе способствовал смене религиозных представлений, активным духовным поискам, заимствованию из других культур и синкретическим процессам.

Литература/References

Amoroso N. The roles of Isis in Roman Domestic cults. A study of the “Isis-Fortuna” bronze statuettes from the Vesuvian area // *Archive für Religionsgeschichte*. 2017. 18–19.1. Pp. 37–74.

Bogh B. The Graeco-Roman cult of Isis // Christensen L. B., Hammer O. (eds.). *The Handbook of Religions in Ancient Europe*. Durham, 2013. Pp. 228–241.

Bricault L., Versluys M. J. (eds.). *Power, Politics and the Cults of Isis: Proceedings of the Vth International Conference of Isis Studies, Boulogne-sur-Mer, October 13–15, 2011*. Leiden, 2014.

Bruyère B. *Mert Seger à Deir el Mèdineh* (*MIFAO* 58). Le Caire, 1930.

Dunand F. The factory of gods // Jacob C., de Polignac F. (eds.). *Alexandria, Third Century B.C. The Knowledge of the World in a Single City*. Alexandria, 2000.

Franci M. Isis-Thermouthis and the anguiform deities in Egypt: a cultural and semantic evolution // *Journal of Intercultural and Interdisciplinary Archaeology*. 2015. 2. Pp. 35–40.

Guzzo P. G. *Pompei, Ercolano, Stabiae, Oplontis. Le città sepolte dal Vesuvio, Electa*. Napoli, 2013.

Hall E. S. Harpocrates and Other Child Deities in Ancient Egyptian Sculpture // *Journal of the American Research Center in Egypt*. 1977. 14. Pp. 55–58.

Ling R. *Roman Painting*. Cambridge, 1991.

Lipka M. *Roman Gods. A Conceptual Approach*. Leiden, Boston, 2009.

McCann A. M. *The Portraits of Septimius Severus, AD 193–211*. Rome, 1968.

McKenzi J. *The Architecture of Alexandria and Egypt. 300 BC – AD 700*. New Haven, 2007.

Poole F. (ed.). *Il Nilo a Pompei. Visioni d’Egitto nel mondo romano*. Modena, 2016.

Roussel P. *Les mites egyptiens de Delos du IIIme au Ier siecle av. J.-C.* Paris, Nancy, 1916.

Sfameni Gasparro G. The Hellenistic face of Isis // Bricault L., Versluys M. J., Meyboom P. G. P. (eds.). *Nile into Tiber: Egypt in the Roman World. Proceedings of the IIIrd International Conference of Isis Studies*. Leiden, 2006. Pp. 237–270.

Tran Tam Tinh V., Labrecque Y. *Isis lactans*. Leiden, 1973.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Glomb T., Mertel A., Pospíšil Z., Stachoň Z., Chalupa A. Ptolemaic military operations were a dominant factor in the spread of Egyptian cults across the early Hellenistic Aegean Sea // *PLoS ONE*. 2018. 13(3). URL: https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0193786 (дата обращения 11.08.2019).

Peterson L. H. The Places of Roman Isis: Between Egyptomania, Politics, and Religion // *Oxford Handbooks Online*. 2016. https://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199935390.001.0001/oxfordhb-9780199935390-e-128 (дата обращения 11.08.2019).

К ВОПРОСУ ОБ ИЗОБРАЖЕНИИ ЖИВОТНЫХ НА АЛЕКСАНДРИЙСКИХ ГЕММАХ ГРЕКО-РИМСКОГО ЕГИПТА

© 2019

Н. В. Сафонова*

Целью данной статьи является изучение синтеза эллинистических элементов с египетской изобразительной традицией на примере изображений животных на александрийских геммах греко-римского Египта. В этих произведениях глиптики нашла свое продолжение традиция древнеегипетских амулетов, которая в греко-римский период оказала влияние на широко распространившиеся «магические» и «гностические» геммы. Амулеты появились в самом начале египетской цивилизации и использовались в магических и ритуальных обрядах, которые служили для достижения и поддержания всеобщей гармонии и стабильного миропорядка. Жить в гармонии с всеобщим порядком — *маат* — и противостоять хаосу помогало ношение амулетов. Наиболее уязвимыми для сил хаоса египтяне ощущали себя после смерти, поэтому уже в неолите амулеты были связаны с погребальными традициями. Фигуры животных изображались на древнеегипетских амулетах, начиная еще с додинастической эпохи. В эпоху Древнего царства были распространены амулеты в виде животных или иероглифических символов, в Среднем царстве появляются фигурки божеств, а в Новом царстве увеличивается количество форм и типов, которые становятся все более разнообразными в I тыс. до н. э. В Поздний период местная традиция смешалась с греческой, для которой были характерны свои особенности как в изображении животных, так и в изображении богов, героев и повседневных сцен. Начиная с архаического периода древнегреческие геммы претерпели значительные изменения в форме, стилистике изображений, а также в выборе материала. Анализируя подобные характерные черты, можно выявить как факторы преемственности египетской традиции, так и этапы, и формы ее изменения.

Ключевые слова: эллинистические геммы, древнеегипетские амулеты, эллинистический и греко-римский Египет, глиптика.

THE IMAGES OF ANIMALS ON ALEXANDRIAN GEMS OF GRECO-ROMAN EGYPT

Natalia V. Safonova

The purpose of the article is to study the synthesis of Hellenistic elements with the Egyptian fine tradition on the example of animals' images on Alexandrian gems. The tradition of ancient Egyptian amulets can be traced in gems. This tradition influenced the "magical" and "Gnostic" gems in Greco-Roman Period. Amulets appeared at the very beginning of Egyptian civilization and used in magical and ritual rites in order to archive and maintain the universal harmony and stability. Wearing the amulets helped to live according to the general order — *Maat* and resist chaos. The Egyptians felt most vulnerable to the forces of chaos after death, therefore starting from the Upper Paleolithic,

* Наталия Вячеславовна САФОНОВА, лаборант-исследователь Института востоковедения РАН, Москва; safonovanat@gmail.com

Natalia V. SAFONOVA, Research Assistant, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; safonovanat@gmail.com

amulets were involved in funerary practices. The figures, mainly of animals were placed on Ancient Egyptian amulets dating back to the Pre-dynastic era. In the Old Kingdom, amulets in the form of animals or hieroglyphic symbols were widespread. In the Middle Kingdom gems with figures of various deities appeared. During the New Kingdom the number of forms and types increased and continued to become more and more diverse in the Late Period. By that time the local tradition happened to be mixed with Greek that had its own special features: In a mode of depicting animals, in presence of gods and heroes images and popularity of everyday scenes. From the Archaic Period Greek gems underwent significant changes in form, style and material. Analyzing these features it is possible to define elements of the Egyptian tradition and its formation stages.

Keywords: Hellenistic gems, ancient Egyptian amulets, Hellenistic and Greco-Roman Egypt, glyptic.

Эллинистический период в Египте, называемый также Птолемеевским (332–30 гг. до н. э.) характеризуется смешением различных культурных традиций. Новые городские центры, такие, как Александрия, стали центром эллинистической культуры, черты которой проникли и в изобразительное искусство, особенно в глиптику. Если храмовые и гробничные изображения, носящие сакральный характер, во многом следовали египетской традиции, освященной каноном, то глиптика производилась для разных слоев населения, и благодаря своей многофункциональности была открыта для влияний различных традиций.

Искусство глиптики представлено, в первую очередь, геммами, которые различаются по виду и назначению. В зависимости от способа нанесения изображения геммы делятся на инталии (с врезанным изображением) и камеи (с выпуклой резьбой). Практически со своего появления геммы использовались как печати[1], украшения, для выражения социального статуса и, наконец, некоторые обладали магическими функциями, т. е. служили амулетами. На последние часто наносились символические изображения мифических персонажей или животных.

На примере греческих гемм хорошо видно, какое художественное развитие они претерпели. От минойских — с линеарными, дробными изображениями животных, до классических — объемных, со сложными сценами мифологического содержания, где персонажами были преимущественно антропоморфные боги и герои, фигуры которых сохраняли ясность классических пропорций и сложность поз.

В эпоху эллинизма стиль стал более помпезным, геммы увеличились в размерах; появились жанровые сцены, отображающие любовь к буколикам и идиллическим сельским пейзажам. Изменился и выбор тем: количество изображений греческих героев сократилось. Популярными остались сцены из повседневной жизни, где в изображениях человеческих фигур виден интерес к индивидуальности.

Форма греческих гемм, начиная с архаической эпохи — это, как правило, скарабеи или скарабеоиды[2], которые были заимствованы из Египта и Передней Азии.

[1] В эпоху греческой архаики геммы изготавливались в большом объеме и использовались как печати, а в эпоху классики кольца стали делать на заказ и носить как украшения. По этой причине до нашего времени гемм классического периода сохранилось сравнительно немного.

[2] В архаическую эпоху геммы производились в мастерских многочисленных колоний. Именно на этом этапе формируется привычный для нас репертуар тематики и основные стилистические особенности. Многое было заимствовано греками у своих соседей египтян, финикийцев, жителей эгейских островов и Ионии. «Но заимствования ассимилируются и неузнаваемо преображаются под резцом эллинских художников» [Неверов, 1982, p. 18]. Анималистические сюжеты на геммах не менее распространены, чем в

Они помещались в золотую или серебряную оправу, в них были просверлены узкие отверстия для ношения: их необязательно носили на пальце, а могли использовать как печать на подвеске [Richter, 2006, p. 18]. В эпоху эллинизма появляется новая форма для таких гемм — кабошон — т. е. сильно выпуклая гемма с гравированным изображением. Кабошоны были особенно популярны для нанесения портретов их владельцев и широко распространились в эпоху Птолемеев.

Другие темы изображений отличались многообразием: ритуальные и сцены из повседневной жизни, боги, демоны, герои, животные и символы, портреты предков, друзей или правителей. Иногда на них наносилось имя владельца или художника.

С течением времени менялись не только стиль и форма, но и материал, из которого изготовлялись геммы. Наиболее популярным по все времена были различные разновидности кварца: сердолик, халцедон, агат, сардоникс, а также яшма красного и зеленого цветов. В эллинистическое время большое распространение получают гранат и аметист.

В греко-римский период большую популярность приобрели изображения восточных, в особенности, египетских богов на магических геммах, которые сопровождались ритуальными надписями. Их художественное исполнение чаще всего не отличалось высоким качеством, так как они предназначались для широких слоев общества разного достатка. Для магических гемм использовались определенные виды камней, которые сами по себе обладали силой, данной им природой, а изображение или текст на гемме раскрывали и усиливали природные свойства камня.

Уже Аристофан говорит о «медицинских кольцах», которые врачи продавали своим клиентам. Эти кольца могли защищать от злого глаза и охранять от змей [Nagy, 2012, p. 75–82]. Плиний Старший в своей «Естественной истории» дает длинное перечисление магических свойств камней. Например, алмаз лечит безумие, напрасные страхи и уберегает от действий отравителей; аметист уберегает от пьянства, а если на нем выгравировать солнце и луну и повесить его на шею с волосами киноцефала или перьями ласточки, то он становится антидотом от ядов и предотвращает град и саранчу. Такой же эффект дает изумруд с выгравированным на нем орлом. Определенный тип агата помогает от укусов пауков и скорпионов [Plin., Nat. Hist, XXXVII.10, 21(6), 40, 54][3]. Таким образом, древние считали, что камни сами по себе обладали целебными и магическими свойствами, но по-настоящему магический характер им придавали выгравированные надписи и изображения. Именно по надписям (заклинаниям) и изображениям геммы выделяются в категорию «магических». Однако эти характеристики стали свойственны египетским геммам только в Римский период (30 г. до н. э. — 395 г. н. э.), тогда же на них появляются и изображения синкретических и египетских божеств.

эгейской глиптике, но место фантастических устрашающих чудищ теперь чаще занимают реальные, нередко домашние животные.

[3] Pliny the Elder. The Natural History: Book XXXVII: The natural history of precious stones. URL: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Plin.+Nat.+toc (дата обращения 13.09.2019).

Изображения животных на древнеегипетских амулетах

С магическими геммами связана традиция древнеегипетских амулетов, для которых также выбирались особые виды камней, в зависимости от предназначения амулета [4]. Египетские амулеты — это небольшие по размеру предметы, которые обладали защитной силой, приносили удачу или способствовали общему благополучию и обновлению жизненных сил, защищали в загробной жизни. Виды египетских амулетов из камней разнообразны: это специально отшлифованные камни для ожерелий, браслетов, колец; маленькие фигурки, как правило, различных божеств из драгоценных и полудрагоценных камней. Популярные породы камней — это аметист, гранат, оникс, лазурит и бирюза, также активно использовались металлы — золото, медь, в меньшей степени серебро. Не только форма, но и материал, цвет, степень детализации и текст имели значение для формирования и характера магической силы, заложенной в амулете. Материал также зависел от уровня материального дохода заказчика: если богатые люди использовали дорогие камни, то средний класс и бедняки заказывали изделия из фаянса, дешевого стекла или глины. В эпоху Древнего царства были распространены амулеты в виде животных или иероглифических символов, в Среднем царстве появляются фигурки божеств, в Новом царстве увеличивается количество форм и типов, которые продолжают становится все более разнообразными и в Позднее время.

Таким образом, амулеты появились в самом начале египетской цивилизации и были свидетелями тех магико-ритуальных практик, которые египтяне совершали, ощущая себя частью природы и общего космического цикла, олицетворявшего собою всеобщую гармонию и стабильность. Жить в гармонии со всеобщим порядком — *маат* — и противостоять хаосу помогало ношение амулетов. Наиболее уязвимыми для сил хаоса египтяне ощущали себя после смерти, поэтому уже в верхнем палеолите амулеты были связаны с погребальными традициями и сохранили эту традицию до конца [Germond, 2005, p. 18]. В Древнем царстве на них появляются надписи, содержавшие обращение к богу Амону, к богам-покровителям, а также формулы, обеспечивающие защиту [Ходжаш, 1999, с. 7].

Характер изображений на амулетах свидетельствует о процессе «демократизации» культа с течением времени: так, образ львицы, воплощающий с древних времен силу и бывший покровителем-защитником исключительно царя, в качестве амулета становится защитником обычного человека — чиновника или жреца. Независимо от того, для представителя какого класса общества предназначался амулет, на него наносились формулы-штампы, именно они обеспечивали защитой: индивидуальные надписи были не нужны.

Амулеты, как правило, вырезались в форме скарабея. Чаще всего на таком амулете гравировали изображение жука-скарабея для удвоения магического значения, а по сторонам от него наносились формулы благопожелания. Со временем пантеон изображенных на геммах животных расширился, а также пополнился фигурами людей,

[4] Stünkel I. Ancient Egyptian Amulets // *Heilbrunn Timeline of Art History. The Metropolitan Museum of Art.* URL: http://www.metmuseum.org/toah/hd/egam/hd_egam.htm (дата обращения 05.09.2019).

различных богов с зооморфными головами и фигурами, символизирующими абстрактные понятия, такие как *анх*, *джед*[5] и другие.

Амулеты выполняли роль защитников и помощников, обладали особой магической властью, чтобы налаживать равновесие *маат* (предотвращать болезни, неурожаи), т. е. они имели дело с тем, что нарушает нормальный ход вещей.

Каменные цельные амулеты начинали действовать сразу же, как только выходили из мастерской[6]. Однако было необходимо соблюдение некоторых условий: во-первых, в некоторых случаях, свершение определенного жреческого ритуала[7]; во-вторых, амулет должен постоянно носиться владельцем; в-третьих, при его изготовлении важно придерживаться определенного материала[8] и формы[9]. Если нужна была защита при родах, то амулетом служила фигура богини-бегемота Таурт; от укуса крокодила защищал крокодилоголовый Себек; персональный покровитель писцов был бог с головой ибиса Тот, ремесленников — Птах и т. д. Определенные виды материалов сочетались с конкретными формами: сердолик подходил для амулетов в форме птиц, красная яшма для сердец, бирюза для быков[10].

Цвет был важен с ранних времен, и его символизм проследить нетрудно. Такие камни, как амазонит и бирюза, были символами жизни и возрождения и использовались со времен Древнего царства. Цвет этих камней близок к зеленому — цвету растений, символу роста и обновления, поэтому амулеты способствовали изобилию и деторождению. Сердолик, а также красный цвет других камней ассоциировался с кровью и, с одной стороны, означал движение и подвижность вселенной, а с другой, был символом бога Сета — бога красной пустыни и разрушительных сил. Лазурит — цвет ночного неба, предназначался для амулетов, способствовавших достижению радости и блаженства.

---

[5] Для абстрактных понятий амулетами служили иероглифические символы, например, *джед* означал стабильность и твердость, исходя из своего первоначального значения «позвоночник бога Осириса», таким образом, амулет с этим иероглифом давал гарантии умершему в воскресении после смерти.

[6] Для производства амулетов считалось благоприятным время в начале нового года, когда вся вселенная обновлялась. Принцип работы этих магических по своей сути предметов основывался на том, что они содержали в себе *нечер,* т. е. определенную связь с божественной силой, благодаря которой люди могли получить помощь и защиту бога без посредничества жреческих ритуалов.

[7] Сохранились тексты на папирусах, которые должны были читаться над амулетами, также для этих целей существовала специальная жреческая должность. При этом ритуал требовался в том случае, если амулет представлял собой не цельный предмет, а, например, бусы или узлы Исиды из ткани, предполагавшие наличие промежутков между частями объектов. Так как амулеты часто служили в медицинских целях и защищали от болезней, то ритуалы могли проводить и целители. Arico A. F., Foley K. Ancient Egyptian Amulets // *Johns Hopkins Archaeological Museum.* URL: http://archaeologicalmuseum.jhu.edu/the-collection/object-stories/ancient-egyptian-amulets/ (дата обращения 05.09.2019).

[8] Выбор материала прописан в некоторых заклинаниях египетской «Книги Мертвых», например, есть указания, что *джед* должен быть сделан из золота (заклинание 155). Однако на деле это не означало, что все амулеты-*джед* изготовлялись только из этого драгоценного металла, гораздо чаще они были сделаны из голубого фаянса.

[9] Роль заклинания была высокой: в качестве амулета могли выступать части папируса или ткани с магическими надписями.

[10] В период неолита материалы, которые использовали египтяне, были преимущественно органические, также часто в качестве амулетов использовались кости или зубы животных, раковины моллюсков. В додинастический период эти формы продолжали воспроизводиться уже при использовании полудрагоценных камней. [Germond, 2005, p. 22].

Определить схему классификации амулетов достаточно трудно. Среди них существовали те, которые подходили и были нужны всем, как например, глаз бога Хора *уджат*, но были и «профессиональные», и «гендерные» типы амулетов: для писцов — бог Тот, для женщин — богиня Таурт.

Египтологи пытаются предложить различные типологические схемы. Например, Ханс Боннет предложил разделись амулеты на восемь групп:

1. естественные объекты (раковины, зубы животных);
2. узлы;
3. боги и демоны;
4. животные и части животных;
5. части человеческого тела;
6. символы, короны и знаки власти;
7. орнаменты;
8. погребальный инвентарь.

Он также различает надписи, вырезанные на амулетах, от надписей и изображений на печатях по тому признаку, что на печатях они вырезались так, чтобы быть видными на оттиске [Bonnet, 2000, S. 28–30].

Амулеты в виде животных или с их изображениями

Помимо того, что животные постоянно были рядом с человеком и в земной, и в последующей жизни, они еще могли являться вместилищами добрых или злых сил, были «живущей душою бога», носителями *нечер*. Некоторые животные рассматривались как священные и считались видимым воплощением божества.

Один и тот же зверь мог представлять различные божественные аспекты. Образ львицы изначально означал неконтролируемые опасные солярные силы, но успокоенная и умиротворенная, она была символом оживляющего разлива Нила и победы над силами хаоса.

Рассмотрим значения некоторых конкретных животных.

Баран. Известен с доисторического времени и являлся знаком оживляющей и рождающей силы. Его рог был включен в разные виды царских корон, символизируя нерушимую бесконечную силу богов и их наследников — фараонов. Был вместилищем нескольких богов (Амона, Ра), при этом, в Мендесе появлялся в чисто животной форме. Был известен как бог Хнум на Элефантине и выступал в роли Великого Творца.

Бык. Символ власти, размножения и плодородия. Многие боги выбирали себе это животное для пребывания на земле, например, знаменитый бык Апис в Мемфисе. Апис изображался с солнечным диском с уреями между рогами. Позже его культ сливается с культом Осириса и появляется Осирис-Апис, или Серапис.

Лев и львица. Символ творческой силы, отсюда эпитет солнца как бога-создателя — Великий Лев, который потом перешел к царю. Сфинкс — символ слияния божественной и царской власти в одном земном правителе.

Львица — солярный знак, где Сехмет — деструктивная сила солнца, а Хатхор — позитивная. Хранители двух горизонтов — символ солнечного возрождения, символы дня вчерашнего и завтрашнего — лев Акер. Таким образом, амулеты в виде этих

животных обращались к божественной и царской власти для защиты и служили для благополучного загробного возрождения.

Дикая собака — инкарнация бога смерти Анубиса. В греко-римский период появляются амулеты в виде дикой собаки женского пола, олицетворяющей звезду Сириус.

Обезьяна (павиан). Самые ранние его изображения сделаны из зеленого фаянса. Символизировал защитную силу и воспроизведение рода. Также павиан являлся символом бога Тота и в этом виде был покровителем писцов, судей и жрецов. Этот бог связан с луной, отсюда частое изображение лунного диска на голове сидячего павиана.

Змея. В египетской мифологии упоминается около 30 различных видов змей. Опасных змей боялись из-за укусов, особенно гадюк. Этот страх отразился в образе змея Апопа, врага бога Ра, который мешал продвижению солнечной ладьи по загробному миру. Тогда как неопасные змеи выступают в образе хранительниц Дельты, Уаджит и Рененутет. Амулет с головой змеи защищал от смертельных укусов. На амулеты из сердолика наносилось имя хозяина, и тогда он, согласно 34-му заклинанию из «Книги Мертвых», мог противостоять укусу змеи в Царстве мертвых. Уреи и кобры защищали от врагов, и их фигурки были обязательной частью головных уборов царей и богов.

Скарабей. Как и иероглиф *хепер*, воплощал идею воспроизведения жизни и обновления. Был также воплощением бога Хепри, солнечного демиурга, который возрождал сам себя каждое утро. На нижней стороне амулета мог быть нанесен дополнительный символ или же записано царское имя, которое выполняло защитную функцию для владельца. Большой скарабей-сердце клался на место сердца мумии, на нем была записано 30-е изречение из «Книги Мертвых», чтобы сердце умершего не свидетельствовало против него на суде Осириса.

В форме скарабеев или скарабеоидов выполнялись также печати. Они, с одной стороны, имели чисто функциональное значение, но также и ритуальное. Имя владельца, а в ранние времена это чаще всего был царь, воспроизводилось в оттиске множество раз и, следовательно, обеспечивало царя вечной жизнью через повторение его имени. В последующие времена это послужило тем, что скарабеоиды с именем царя стали использоваться как амулеты.

Помимо вышеперечисленных изображений, на амулетах часто присутствовали следующие животные: заяц, сернобык, рыба, гиппопотам, сокол, лягушка, гусь, кошка, шакал, ихневмон, антилопа, осел; а также фантастические сфинксы и грифоны. Разнообразие животных и сцен увеличивалось с течением времени — особенно в период Нового царства произошло значительное добавление персонажей. Стиль также был разным, варьируясь от условных и геометрических изображений животных по типу иероглифов до многоплановых композиций с пластичными, реалистичными фигурами [Ходжаш, 1999, с. 24–25].

Таким образом, мы видим, что древнеегипетские амулеты в виде животных, как правило, носили защитный характер и одновременно были связаны с конкретным божеством.

Изображения животных на геммах в Греции

Животных на греческих геммах начинают изображать с древнейшего периода[11]. Изначально это были реальные животные, а не фантастические. Некоторые из них были связаны с загробным миром, например, дельфины и морские коньки (гиппокампы): считалось, что они помогают покойному переправиться в загробный мир [Неверов, 1983, с. 26].

Другие животные на геммах также принадлежали местной фауне или были персонажами мифов: это львы (обычно в сцене охоты), собаки (отпугивали злых духов), козлы (возможно, персонажи дионисийских мифов), олени (символ долголетия и обновления природы, сопровождали Деметру), лошади (ассоциировались с Деметрой-Персефоной, Дионисом, Афиной, Гераклом и другими богами), бодающийся бык (по одной из версий, в сюжете отражена легенда о поиске Гераклом критского быка) [Островерхов, 2010, с. 92], бык с опущенной головой и согнутым коленом, а также пасущийся, идущий, дерущийся с другим быком; грифоны (защитники), крылатые львы, свиньи, насекомые, морские обитатели, змеи и лягушки, петухи (иногда бои петухов), сернобыки. Многообразие изображаемых животных велико: возможно, это связано, с тем, что греки, в отличие от египтян, не были жестко связаны с традицией изображать одних и тех же животных, исторически связанных с конкретными богами. Другая причина — гораздо большая ойкумена в силу распространения греческих колоний, а, следовательно, более разнообразная фауна.

В эллинистическое время круг зооморфных персонажей еще больше расширился. Появились фантастические животные: единорог, сфинкс, грифон, гиппокамп, гриллои[12], а также сложные повествовательные сцены, например: два муравья, запряженные в колесницу, на которой стоит мышь с кнутом в лапах. Помимо этого, в сценах с животными часто присутствовали астрологические знаки: звезды[13], полумесяц.

Что касается изображений животных на эллинистических геммах, то, суммируя, можно отметить следующие отличительные особенности от предыдущих исторических периодов: во-первых, увеличилось разнообразие представителей животного мира, широкое распространение получили гриллои; во-вторых, стали частыми изображения групп животных в одной сцене с различными символами: астрологическими или атрибутами богов: оливковая ветвь, венок, алтарь, рог изобилия, крылатый солнечный диск, узел Исиды и т. д. Появились также интересные комбинации греческих, месопотамских и египетских сюжетов и иконографии: например, изображения бога Беса, держащего в каждой руке по льву, или Беса-Горгоны.

Произошли изменения в форме гемм и в характере нанесенного изображения. Если в архаический период фигуры животных были схематичными, то в

---

[11] Изображения животных можно разделить на хищников, травоядных и мифологических животных, что соотносится с троичной моделью мира, где птицы связывались с небом, копытные — с реальным земным миром, а хтонические животные — с подземным царством [Островерхов, 2010, с. 87].

[12] *Гриллои* — композитные зооморфные изображения, например, существо с головой слона с рогами барана.

[13] Звезда часто помещалась на геммах с изображением собаки, которая тогда становилась олицетворением Сириуса, и, таким образом, амулет служил сразу нескольким функциям: он и защищал, и способствовал процветанию и благополучию.

эллинистический их изображения становятся выпуклыми, телесно осязаемыми, выполненными в канонах классического искусства, где ощущается влияние Скопаса, Праксителя и Лисиппа. Фигуры показывались со всех возможных углов, в разнообразных и сложных позах [Spier, 1992, p. 59].

Изменения в форме гемм также были существенными: скарабеи-пронизки и скарабеоиды почти полностью заменились цельными камнями в кольцах. Наконец, гравировка гемм часто выполнялась исключительно в декоративных целях, появились камеи, оправленные в металл, носившиеся как перстни. Есть мнение, что родиной камей является столица Птолемеевского Египта — Александрия [Spier, 1992, p. 135].

После походов Александра Македонского греки стали использовать в глиптике большое количество ранее неизвестных им камней — изумруды, гранаты, аквамарины, также в широком употреблении было стекло с коричневым затемнением.

На магических геммах чаще стали наноситься надписи. В поздний эллинистический и ранний Римский периоды произошли серьезные изменения в функционировании магических амулетов[14]. Это было связано с изменениями, которые произошли в «магической сфере» жизни. Так, традиционные виды храмовой и защитной (против демонов, змей и скорпионов) магии начали исчезать или гораздо реже использоваться. Они постепенно заменялись более популярными видами предсказательной магии: видениями богов, толкованием сновидений, предсказаниями оракулов. Появилась черная магия (вредительская, привороты), магические ритуалы для привлечения личного успеха и достижения личной привлекательности, записанные в сборники — филактерии. Этот сдвиг не говорит об уменьшении роли храмов, но об изменении запроса и увеличении роли магов-практиков. Египетские практикующие маги конкурировали с греко-говорящей средой, и отход от традиционных амулетов, которые уже демонстрировали типологические изменения в эллинистический период к «магическим», был обусловлен потребностями рынка [Gordon, 2012, p. 43].

В эллинистическое время начинается интерес, позднее наиболее полно выразившийся в римское время, к предсказательной астрологии. Греческий «математический» папирус (PGM) содержит информацию об индивидуальной астрологии, возникшей еще в III в. до н. э. [Dungern, 2012, p. 82]. На геммах стали изображаться знаки зодиака в комбинации с греческим солнечным богом Гелиосом или египетским богом-ребенком Харпократом[15]. Эти боги, как правило, окружены знаками из египетской системы Додекауроса, известной по записям I в. до н. э. На мраморной пластине были приведены соответствия греческих зодиакальных знаков египетским животным. Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей и Рыбы соотносятся соответственно с сидящим котом, собакой, змеей, идущим львом, козой, быком, соколом, павианом, ибисом, крокодилом [Dungern, 2012, p. 84].

[14] Во время правления Птолемеев (IV–I вв. до н. э.), судя по Бруклинскому папирусу (IV–III вв. до н. э.), а также по стилю и форме амулетов, большинство магических практик и представлений были еще традиционными [Gordon, 2012, p. 43].

[15] Харпократ — это греческая передача имени бога Хора в ипостаси ребенка. Его культ приобрел особенную популярность в греко-римское время, благодаря соединению нескольких сюжетов египетской и греческой мифологии в мифе об Осирисе и Исиде. Важным эпизодом мифа является исцеление маленького Хора Исидой. В этом качестве Хор изображался на целительных стелах, где выступал защитником от злых сил и целителем [Васильева, 2009, с. 155].

Другой греческий «математический» папирус содержал реминисценции из Додекауроса, но в нем, были приведены соответствия зодиакальных животных часам дня и ипостасям бога-солнца: например, Гелиос в виде кота в первом часу, в виде собаки — во втором, змеи — в третьем и т. д. Приводимые соответствия — это еще одна демонстрация прямого египетского влияния. Животные изображались по кругу, каждое в количестве трех для передачи значения множественности, что также является заимствованием из египетской числительной системы.

На разных зодиакальных изображениях одни и те же животные могли быть изображены в разных частях круга, но, как правило, они имели топографическое соотношение: скарабей — утро и Восток, сокол — полдень, воздух и Юг, коза — вечер, земля и Север, змея или крокодил — ночь, вода и подземный мир, Запад.

Астрологические знаки начали наноситься и на обычные амулеты с животными, например, сцена с изображением Эроса на льве (Эрос ассоциировался с Харпократом) [Dungern, 2012, p. 86], над которым расположены две звезды, а названия планет и деканов записаны на обратной стороне.

В позднеэллинистический период на некоторые геммы с животными добавились надписи, что адаптировало их к «классическому» магическому использованию. Появились композиционные схемы, включающие в себя животное, астрологический знак и надпись, при этом животное могло являться зодиакальным знаком, а могло им и не быть. Выбор цвета и породы камня, как правило, следовали устойчивым древним образцам.

Благодаря развитию медицинской астрологии использование камней в медицинских целях, как в Греции, так и в Египте стало шире. В этой науке телесный микрокосмос соотносится с макрокосмосом планет и звезд, который и задает определенный порядок жизни и здоровья человека. Эта теория была разработана эллинистическими авторами на египетской почве, начиная с Болоса из Мендеса и заканчивая Гермесом Трисмегистом[16]. По этой теории каждая часть человеческого тела соответствовала определенному созвездию в зодиакальной системе, которое управляло или влияло на ее состояние.

Увеличению разновидностей амулетов способствовал также и спрос покупателей. Появились «специализированные» амулеты против разнообразных и специфических опасностей. Гемма была тем дороже, чем более узконаправленным магическим характером она обладала. Усиливал их магический характер надписи в сочетании с астрологическими знаками. Иногда в этих надписях встречаются ошибки, что говорит о том, что они были взяты из письменного источника [Gordon, 2012, p. 41]. Часто в помощь призывались египетские и греческие боги.

Таким образом, геммы с изображением животных в эллинистический период были во многом связаны с египетской традицией: появление надписей, обращение в них к богам, существование связи между определенным материалом и символическим значением изображения, появление таких персонажей как сфинкс, собака (как знак Сириуса), скорпион, крокодил, гиппопотам и др. Стоит также отметить возможное влияние сюжетов египетских остраконов на появление таких сцен, как муравьи,

[16] Имеются в виду трактаты Болоса «Физика» и «Кираниды» Гермеса, в которых указывалось природное свойство камня, которому соответствовало его функциональное назначение.

запряженные в колесницу. На возникновение композитных образов «гриллои» также могла повлиять египетская традиция изображения богов с зооморфными головами. Астрологические сцены, в которых двенадцать животных соответствуют часам дня, а бог Гелиос принимает различные ипостаси, характерные для каждого часа, имеют египетское происхождение.

Животные, имеющие большое значение и изначально распространенные в Египте, такие как гиппопотам и лягушка, в качестве символов плодородия распространяются по всей ойкумене.

Медицинская астрология в эллинистическое время становится продуктом египетского и греческого влияний: с одной стороны, теория микро- и макро- космоса из теории Болоса и Гермеса, а с другой — «магические кольца» Аристофана.

Для эллинистического покупателя, который уже был знаком с различными традициями, было важно, чтобы амулет включал в себя все возможные свойства, которые сделают его действенным: так египетская магическая традиция смешалась с новыми сюжетами из популярной греческой мифологии и астрологии. Все это способствовало увеличению типов и видов гемм, расширению круга сюжетов, усилению изображения магическими надписями и включению в сцены новых персонажей.

Литература / References

Васильева О. А. «Потерянный ребёнок» Исиды: к проблеме интерпретации мифа об Исиде и Осирисе в позднеантичной традиции // *Вестник древней истории*. 2009. № 1. С. 150–160 [Vasilieva O. A. «The lost child» of Isis: problems of interpreting the myth of Isis and Osiris in Late Antique tradition // *Vestnik drevnei istorii* (*Journal of Ancient History*). 2009. 1. Pp. 150–160 (in Russian)].

Неверов О. Я. *Геммы античного мира*. М., 1983 [Neverov O.Ya. *Gems of the Ancient World*. Moscow, 1983 (in Russian)].

Островерхов А. С. Материалы к Корпусу глиптики Ольвии Понтийской (VI–I вв. до н. э.) // *Вестник древней истории*. 2010. № 3 (274). С. 85–112 [Ostroverkhov A. S. Glyptic of Olbia of Pontus (VI–I centuries BC) // *Vestnik drevnei istorii* (*Journal of Ancient History*). 2010. 3 (274). Pp. 85–12 (in Russian)].

Ходжаш С. И. *Древнеегипетские скарабеи: Каталог печатей и скарабеев из музеев России, Украины, Кавказа и Прибалтики*. М., 1999. [Hojash S. I. *Ancient Egyptian scarabs: Catalog of seals and scarabs from the museums of Russia, Ukraine, the Caucasus and the Baltic*. Moscow. 1999 (in Russian)].

Bonnet H. *Reallexikon der agyptischen Religiongeschichte*. Berlin, 2000.

Dungern S. M. Studies on Magical Amulets in the British Museum // *'Gems of Heavens'. Recent research on Engraved Gemstones in Late Antiquity*. London, 2012. Pp. 82–88.

Germond P. *The symbolic world of Egyptian amulets: From the Jacques-Édouard Berger collection*. Milan, 2005.

Gordon R. Archaeologies of Magical Gems // *'Gems of Heavens'. Recent research on Engraved Gemstones in Late Antiquity*. London, 2012. Pp. 39–50.

Middleton J. H. *The Engraved Gems of Classical Times*. Cambridge, 2010.

Nagy A. M. Magical Gems and Classical Archaeology // *'Gems of Heavens'. Recent research on Engraved Gemstones in Late Antiquity*. London, 2012. Pp. 75–82.

Richter G. M. A. *Catalogue of Engraved gems, Greek, Etruscan and Roman. The Metropolitan Museum of Art*. New York, 2006.

Smith A. H., Murray A. S. *Catalogue of the engraved gems in the British Museum (Department of Greek and Roman antiquities)*. London, 1888.

Spier J. *Ancient gems and Finger rings. Catalogue of the Collections the J. Paul Getty Museum*. California, 1992.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Arico A. F., Foley K. Ancient Egyptian Amulets // *Johns Hopkins Archaeological Museum*. URL: http://archaeologicalmuseum.jhu.edu/the-collection/object-stories/ancient-egyptian-amulets/ (дата обращения 05.09.2019).

Pliny the Elder *The Natural History: Book XXXVII: The natural history of precious stones*. URL: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Plin.+Nat.+toc (дата обращения 13.09.2019).

Stünkel I. Ancient Egyptian Amulets // *Heilbrunn Timeline of Art History. The Metropolitan Museum of Art*. URL: http://www.metmuseum.org/toah/hd/egam/hd_egam.htm (дата обращения 05.09.2019).

КЕРАМИКА ИЗ МАЛОГО СВЯТИЛИЩА МЕРОИТСКОГО ХРАМА В АБУ ЭРТЕЙЛЕ (СУДАН): ДАТИРОВКА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

© 2019

Малых С. Е.*

Статья посвящена интерпретации керамического материала, обнаруженного Российско-итальянской экспедицией в Абу Эртейле (Судан) в помещениях 24, 34–36, с юга примыкающих к святилищу мероитского храма. Архитектурные особенности раскопанных залов удостоверяют их сакральную функцию, а найденный керамический материал, относящийся преимущественно к I–III вв. н. э., в том числе предметы импорта (фрагменты винных амфор из египетского города Асуана), — культовую и бытовую активность мероитов. Это напрямую взаимосвязано с аналогичными находками, сделанными в главном святилище храма в Абу Эртейле и свидетельствует о торговых связях царства Мероэ с соседствующей с ним провинцией Римской империи. На других памятниках Мероитского царства были выявлены керамические изделия, близкие по форме и декору найденным в Абу Эртейле, что свидетельствует о единстве материальной и художественной культуры этого африканского региона, расположенного на территории от 1-го до 6-го порогов Нила, находившегося под единой властью царя, руководившего с помощью разветвленной сети чиновничьего и жреческого аппарата. Отдельные сосуды были вторично использованы как печи, установленные в одном из залов, что говорит об изменении первоначальной функции помещения с ритуального на бытовое (кухонное). Некоторые типы найденной кухонной утвари имеют более позднюю датировку IV вв. н. э., тем самым свидетельствуя, что процесс приспособления помещений храма под жилые пространства продолжился и дальше, хотя и не носил массового характера; храм постепенно приходил в упадок и был заброшен.

Ключевые слова: древний Судан, Мероэ, Абу Эртейла, мероитские храмы, мероитская керамика, история древнего гончарства.

POTTERY FROM THE MINOR SANCTUARY OF THE TEMPLE IN ABU ERTEILA (SUDAN): DATING AND INTERPRETATION

Svetlana E. Malykh

The article focuses on the interpretation of ceramic material discovered by the Italian-Russian Mission in Abu Erteila (The Republic of the Sudan) in the rooms 24, 34–36, adjacent to the south from the sanctuary of the Meroitic temple. The architectural features of the excavated halls confirm their sacred function, and the found ceramic material, dating mainly to the 1st–3rd centuries A.D., including imports (fragments of wine amphorae from Egyptian town Aswan), the cult and everyday activity of Meroitic peoples. This is directly interconnected with similar finds uncovered in the main sanctuary of the temple in Abu Erteila and testifies to the trade relations of the Kingdom of Meroe

* Светлана Евгеньевна МАЛЫХ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; malyh2002@mail.ru

Svetlana E. MALYKH, PhD (Egyptology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; malyh2002@mail.ru

with the neighboring province of the Roman Empire. The presence of close analogues on shape and decor to the ceramic products found in Abu Erteila in other parts of the Meroitic Kingdom testifies to the unity of the material and artistic culture of this African region, located on the territory from the 1st to the 6th cataracts of the Nile River, which was under the unified authority of the king, who led by using of an extensive bureaucratic and priestly system. Some vessels were reused as ovens installed in one of the halls, which demonstrates a changing of the initial function of the room from the ritual to the household (kitchen). Some types of kitchen utensils have a later dating from the 4thcentury A.D. and testify that the process of adapting the temple premises for living spaces continued even further, although it was not of a mass nature; the temple gradually declined and then was abandoned.

Keywords: ancient Sudan, Meroe, Abu Erteila, Meroitic temples, Meroitic pottery, history of ancient ceramics.

В статье [Малых, 2019] мы обратились к керамическому материалу, обнаруженному в ходе археологических исследований 2015–2017 гг. Российско-итальянской экспедиции (ИВ РАН — ISMEO) центральных частей мероитского храма в Абу Эртейле (Судан) – наоса (помещение 26), пронаоса (25) и гипостильного зала (27). Однако в 2017 г. было установлено, что культовые помещения храма не ограничивались указанными залами: с южной стороны к наосу примыкало помещение 36 (*илл. 1*), пол которого, так же, как и пол наоса, был вымощен плитами из темного и плотного железистого песчаника. Как отметил М. А. Лебедев, «это помещение, судя по всему, вряд ли сильно уступало по значению комнате 26. Помимо каменного пола, в нем были найдены две подставки под священные предметы»[2]. Таким образом, помещение 36 можно рассматривать как дополнительное (малое) святилище храма в Абу Эртейле.

К востоку от помещения 36 располагались еще три небольших зала (помещения 34, 35 и 37), в одном из которых (помещение 35) был расчищен сложенный из обожженного кирпича и покрытый белой штукатуркой наофорный алтарь, а перед ним — небольшой прямоугольный жертвенник, также сложенный из обожженного кирпича и оштукатуренный (*цветная вклейка, фото 5*). Таким образом, помещение 35 можно рассматривать как еще один ритуальный зал храма в Абу Эртейле[3].

В восточной части помещения 34 была обнаружена сложенная из обожженного кирпича платформа, западная и южная стенки которой были оштукатурены и расписаны, при этом рисунок, вероятно, имитировал облицовку под фактурный слоистый камень типа агата[4] или кальцита (египетского алебастра). Назначение платформы пока не установлено [Лебедев, 2019, с. 51], хотя можно предположить, что она служила для жертвенных даров.

С запада к культовому залу 36 примыкало небольшое помещение 24, которое, следуя логике расположения храмовых помещений, располагалось за эти залом и

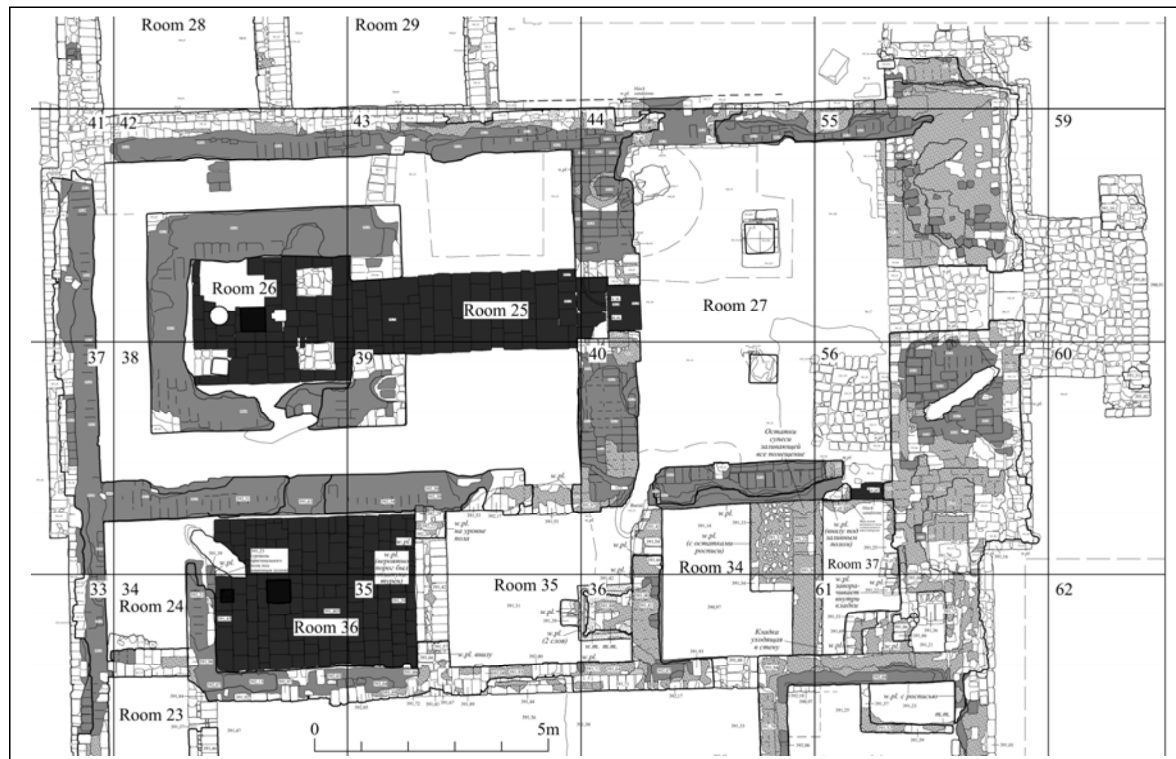
---

[2] [Лебедев, 2019, с. 49]. Подробнее о двух подставках из темного песчаника под статую и священную барку из помещения 36 см.: [Кормышева, 2018, с. 39–79].

[3] О возможном назначении помещения 35 см.: [Кормышева, 2018, с. 63–64, илл. 11].

[4] Роспись, имитирующая кальцит или агат, была распространена в Птолемеевском Египте, особенно для отделки стен гробниц александрийской знати. Агат, как и кальцит (травертин, египетский алебастр), был хорошо известен египтянам, которые добывали его в Восточной и Западной пустынях [Лукас, 1956, с. 583]. Вероятно, именно из Египта мероиты могли заимствовать моду на подобные настенные росписи, имитирующие фактуру камня.

потому могло быть небольшим храмовым хранилищем для наиболее ценных предметов.

Илл. 1. План центральной части храмового комплекса на Коме II в Абу Эртейле с главным и малым святилищами (*рис. С. В. Ветохова*)

Керамика из зала с подставками для священных предметов (помещение 36) (*илл. 2*)

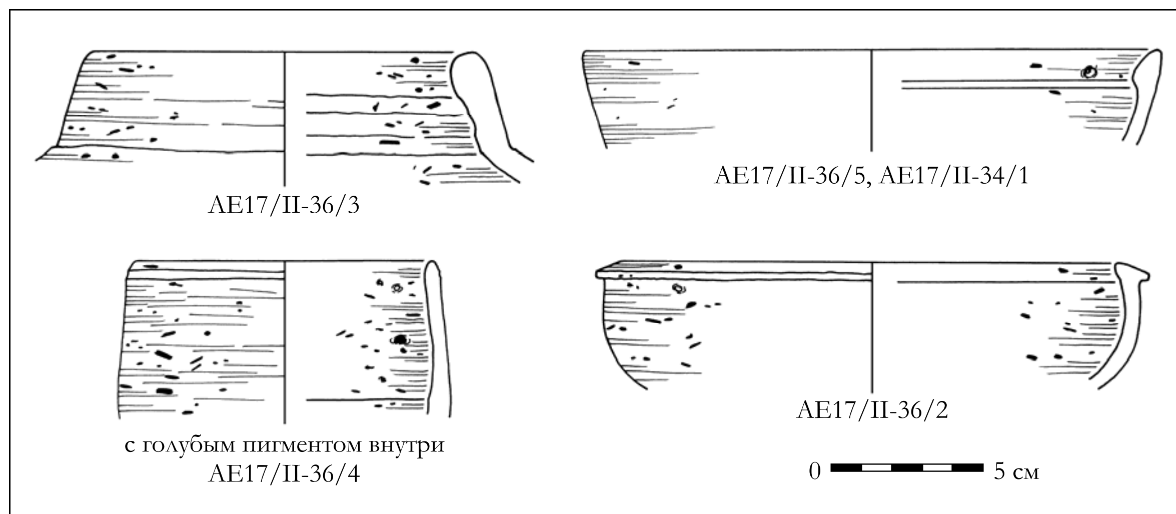
В процессе расчистки помещения 36 было обнаружено 76 керамических фрагментов, большинство которых (77 %) принадлежит сделанным на гончарном круге цилиндрическим кувшинам Позднемероитского периода (в том числе венчик AE17/II-36/3 II–III вв. н. э.[5]). Красноангобированные круговые чаши и кубки различных форм составляют 20 %. Чаша AE17/II-36/2 на основе имеющихся морфологических параллелей[6] может быть датирована II в. н. э. 3 % приходится на лепные чернолощеные чаши, получившие свой цвет в результате восстановительного обжига.

Изготовленная на гончарном круге краснолощеная чаша AE17/II-36/5, AE17/II-34/1, собранная из двух фрагментов, найденных на разных уровнях (391,56 м и 392,05 м), имитирует лепные образцы [7], обычно имеющие черный или темно-коричневый цвет за счет обжига в восстановительной атмосфере печи. По форме эта чаша может быть датирована финальной частью Мероитской эпохи[8] (III — середина

[5] Аналоги см.: [Fitzenreiter, Seiler, Gerullat, 1999, S. 71, Abb. 53 (c.1)].
[6] [Edwards, 1998, p. 144, fig. 6.13 (no.12701); 1999a, p. 24, pl. VIII (no.732); Bashir, David, 2011, p. 123, fig. 3.1].
[7] См., например, лепную чашу из храма B 560 в Напате (Гебель Баркал) [Bagińska, 2018, p. 497, fig. 13b].
[8] Аналоги из Хор эль-Бушарии: [El-Tayeb, 2013, p. 87, fig. 26].

IV в. н. э.). Кубок AE17/II-36/4 Мероитского времени (I–III вв. н.э.)[9] содержал небесно-голубой пигмент, предназначенный, по-видимому, для росписи стен храма в Абу Эртейле, в цветовой гамме которых присутвует и указанный тон.

Таким образом, несмотря на архитектурные особенности помещения 36, указывающие на его культовое назначение, керамический материал, однозначно интерпретируемый как утварь для совершения храмовых обрядов, не был найден.

Илл. 2. Керамика из помещения 36 храма в Абу Эртейле (*рис. автора*)

КЕРАМИКА ИЗ ЗАЛА С НАОФОРНЫМ АЛТАРЕМ (ПОМЕЩЕНИЕ 35) (*илл. 3–4*)

В процессе археологического исследования помещения 35 было обнаружено 249 фрагментов керамики, из них 12 сосудов, собранных из 69 фрагментов, представляют интерес. Как и в помещении 36, большинство фрагментов (65 %) принадлежит большим позднемероитским цилиндрическим кувшинам II–III вв. н. э. (в том числе венчик AE17/II-37/12); на долю красноангобированных круговых чаш и кубков Мероитского времени[10] приходится 21 %. 6 % составляют чернолощеные круговые чаши, имитирующие лепные нубийские изделия (AE17/II-37/7) и бытовавшие в Позднемероитское (ок. 150–350 гг. н. э.) и Постмероитское время (350–550 гг. н. э.) [Lenoble, 1987b, p. 233–235, fig. 11.4]. Лепная керамика составляет всего 7 %. Менее 1 % принадлежит подставкам для курильниц Мероитского периода и шарообразным кувшинам Позднемероитского периода[11] (AE17/II-37/6).

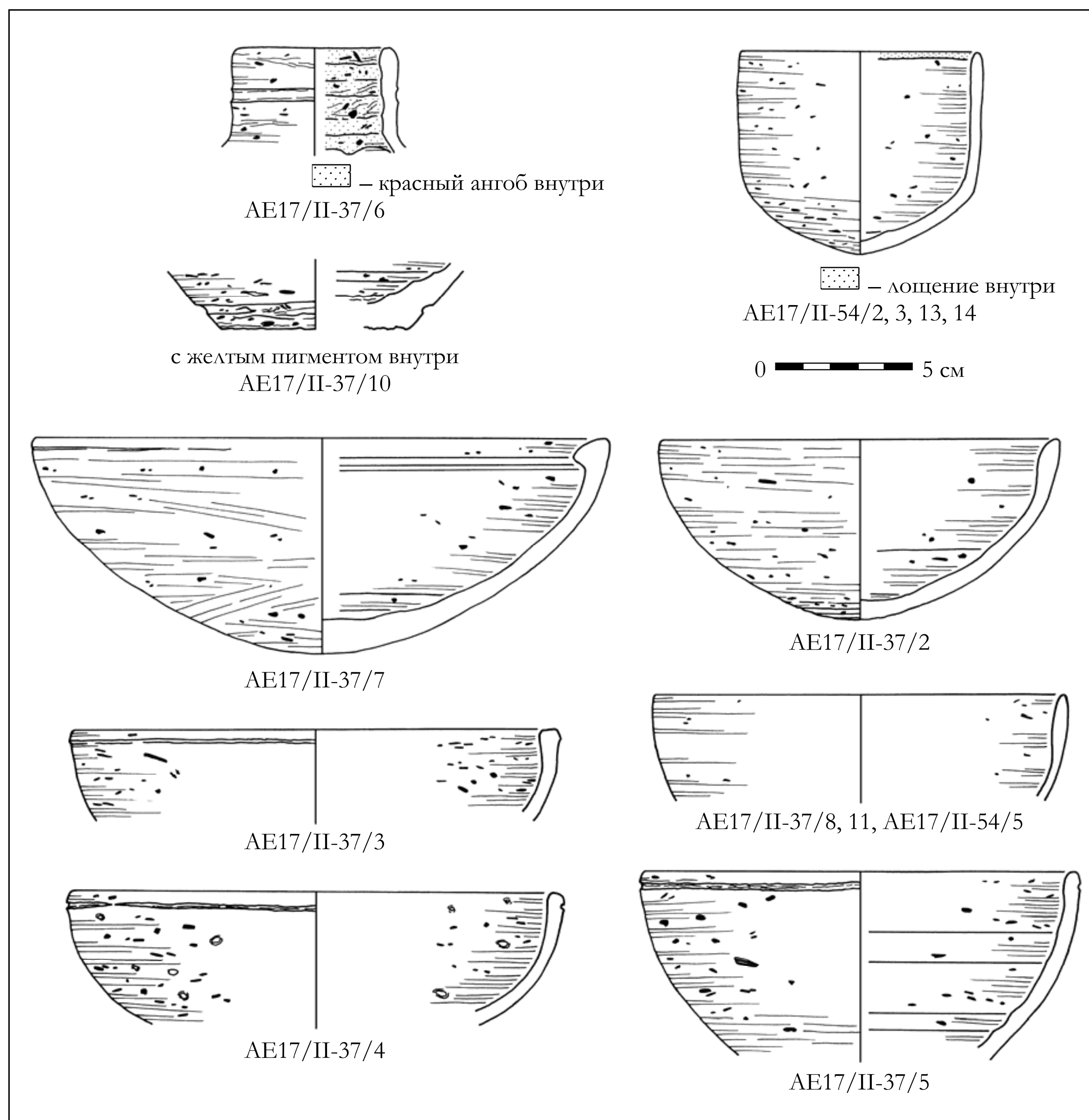
[9] Схожий кубок найден в Мусавварат эс-Суфре и датирован Мероитским периодом [Fitzenreiter, Seiler, Gerullat, 1999, S. 69, Abb. 47 (a.1)].

[10] Аналоги см.: [Lenoble, 1987a, p. 91, pl. IV (no.30); Hintze, 1993, S. 325, Abb. 392; Edwards, 1999a, p. 24, pl. VII (no.727); Evina, David, 2011, p. 308, fig. 1.8; Bagińska, 2018, p. 493, fig. 6c–d].

[11] Датировка по: [Geus, 1978, p. 42, pl. XVI; Edwards, 1999b, p. 61, fig. 78–79; Lenoble, 1987a, p. 91, pl. VII (no.16); 2018, p. 34, fig. 12].

Илл. 3. Керамика из помещения 35 храма в Абу Эртейле (*рис. автора*)

Илл. 4. Керамика из помещения 35 храма в Абу Эртейле (*рис. автора*)

На внутренней стороне донца так называемой "one-minute" [12] чаши AE17/II-37/10 Мероитского времени [13] сохранились следы желтой охры, возможно, использовавшейся для фресок храма. Другая чаша AE17/II-37/2 имеет следы копоти внутри и, по-видимому, использовалась для воскурения благовоний во время храмовых обрядов.

[12] Термин введен Дж. Робертсоном и Э. М. Хиллом [Robertson, Hill, 2004, p. 111–112].

[13] Аналоги см.: [Edwards, 1998, p. 144, fig. 6.13 (no.906/59); Fitzenreiter, Seiler, Gerullat, 1999, S. 69, Abb. 50 (a.2); Robertson, Hill, 2004, p. 111–112].

В юго-восточном углу помещения 35 (в яме 163P) была обнаружена разбитая нижняя часть большого цилиндрического кувшина AE17/II-37/1 с копотью внутри. Такие сосуды первоначально использовались для хранения различных сухих и жидких продуктов [Wolf, Nowotnick, Hof, 2014, p. 733; Malykh, 2017a, p. 142–144]; они имеют параллели в керамике из столицы царства – Мероэ, в Хамадабе и Мусавварат эс-Суфре[14]. Копоть внутри указывает на вторичное использование кувшина AE17/II-37/1 в качестве печи, видимо, в то время, когда храм постепенно пришел в упадок, и часть его залов стала использоваться для жилья. Горящие угли помещались внутрь таких сосудов, и на них можно было поставить котел или миску для приготовления пищи, или просто использовать такой сосуд-печь для обогрева помещения в холодное время года. В других помещениях храма на Коме II, а также на соседнем Коме I Абу Эртейлы, мы также выявили значительное количество больших цилиндрических кувшинов, переиспользованных в качестве печей[15]. На данный момент нам удалось установить технику их использования: нижняя или верхняя часть крупного сосуда аккуратно отбивалась и вкапывалась в пол помещения по углам или вдоль стен. Через некоторое время сосуд-печь разрушался от неоднократного прокаливания, и на его место устанавливался новый сосуд. При этом черепки предыдущего могли оставаться в грунте. Таким образом, в Абу Эртейле (на Коме I) мы имеем последовательность из четырех сосудов, установленных один внутрь другого. Радиоуглеродный анализ углей из одного из таких сосудов дает калиброванную дату использования сосудов-печей в Абу Эртейле II — начало III вв. н. э. [Fantusati, Kormysheva, Malykh, 2014, p. 70]. Подобные последовательности вкопанных сосудов-печей найдены в храмах и административных зданиях в Мусавварат эс-Суфре, Вад Бен Наге, Мувейсе и Хамадабе [Hintze, 1962, p. 201, pl. LXVIIb; Onderka, Vrtal, Gatzsche, 2017, p. 98; Baud, 2015, p. 109, pl. 7; Wolf et al., 2011, S. 233–234; Wolf, Nowotnick, Hof, 2014, p. 727; 2015, p. 129–131, fig. 9, 13f]. Во всех случаях исследователи предполагают, что помещения с такими сосудами были перепрофилированы под кухни.

Помимо цилиндрического кувшина AE17/II-37/1, собранного из 21 фрагмента, в помещении 35 было найдено 135 стенок и 3 донца от других кувшинов с копотью внутри. Можно предположить, что прежде здесь было установлено как минимум четыре сосуда-печи, но затем они были разрушены. Во всяком случае, мы можем сделать вывод, что во II — начале III вв. н. э. некоторые помещения мероитского храма в Абу Эртейле стали использоваться как жилые комнаты, а помещение 35, вероятно, было преобразовано в кухню.

Среди фрагментов цилиндрических кувшинов найдена часть плеча сосуда AE17/II-37/9 с меткой, нанесенной белым пигментом. Знак в форме петли напоминает древнеегипетский иероглифический знак *Sn* (выполнен в форме петли веревки и часто используется в словах со значением «окружать» [Gardiner, 1957, p. 522 (V7)]). С другой стороны, он напоминает мероитский знак *ne* [Baud, 2010, p. 145, fig. 192]. На данный момент атрибутировать метку не представляется возможным.

---

14 [Robertson, Hill, 2004, p. 138, pl. IIIa (112 (F1b); Wolf, Nowotnick, Hof, 2014, p. 733, fig. 7; Fitzenreiter, Seiler, Gerullat, 1999, S. 71, Abb. 54 (c.2), 57].

15 Подробнее см.: [Fantusati, Kormysheva, Malykh, 2012, p. 37–40, pl. 13–16; 2014a, p. 69–70, 78, pl. IV.1, IX.1; Malykh, 2017a, p. 142–144, fig. 4–5].

Таким образом, в помещении 35 сохранились как остатки культовой керамики (курильницы и подставки под них), относящиеся ко времени функционирования храма, так и поздняя утварь, оставшаяся от того времени, когда храм постепенно пришел в упадок, а часть его залов стала использоваться как жилища и кухни.

КЕРАМИКА ИЗ ЗАЛА С РАСПИСНОЙ ПЛАТФОРМОЙ (ПОМЕЩЕНИЕ 34) (*илл. 5*)

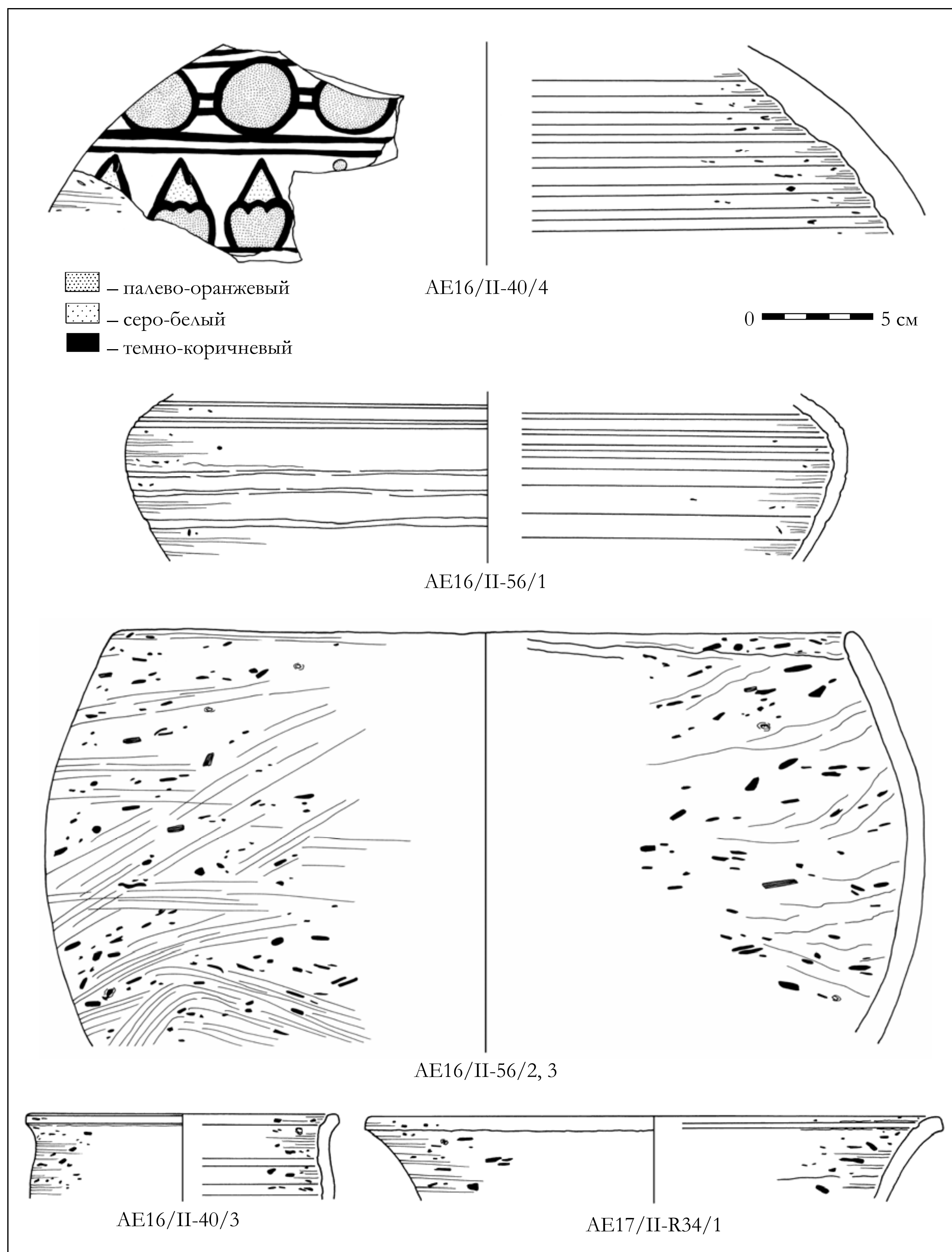
В процессе археологического изучения помещения 34 было обнаружено 95 фрагментов глиняных сосудов; 72 % из них принадлежит большим цилиндрическим сосудам, а на внутренней поверхности некоторых черепков видна копоть, что говорит, что некоторые из них принадлежали кувшинам, вторично использованным как печи. Красноангобированная круговая керамика открытых форм (в частности, чаша AE16/II-40/3) составляет 13 % и имеет параллели в керамике Мероитского времени из Мусавварат эс-Суфры и Габати [Edwards, 1998, p. 24, fig. 2.9 (no.511); Fitzenreiter, Seiler, Gerullat, 1999, S. 69, Abb. 49 (f.1)]. 5 % принадлежит шарообразным кувшинам, сформованным на гончарном круге, 2 % — винным амфорам из египетского города Асуана (Сиены), включая фрагменты AE16/II-56/1 и AE16/II-40/1. Последние были также обнаружены и в главном святилище храма в Абу Эртейле [Малых, 2019, с. 60, 63].

Асуанские винные амфоры найдены в мероитских храмах и некрополях знати в Мероэ, Напате, Фарасе, Южном Аргине, Наг Гамусе, Селибе, Седеинге [16]; они датируются интервалом от I до III вв. н. э. [Adams, 1964, p. 131, 160 (ware IVA), fig. 5.4 (тип G4); Gempeler, 1992, S. 189, Abb. 120.5 (тип K703)].

О возможности применения в мероитских обрядах привозного вина из другой страны — в данном случае сиенского из Египта, свидетельствует и изображение на прямоугольном каменном жертвеннике из мероитского некрополя в Фарасе [Griffith, 1925, p. 84–85, pl. XXVIII.1]. Здесь показан ритуал возлияния, совершаемый богами Анубисом и Мерит, стоящими с небольшими кувшинами в руках по обе стороны от алтаря, на котором находится крупная амфора, по форме похожая на асуанскую, и висящий на ней черпак. Изображение сопровождается надписью мероитским курсивным письмом.

Число грубой бытовой утвари, как круговой, так и лепной, достигает 6 % (среди них лепной чан AE16/II-56/2, 3 с копотью снаружи, на основе аналогий датированный II–IV вв. н. э. [Bagińska, 2018, p. 498, fig. 16c]). 2 % принадлежит керамике с бежевым ангобом: такая обработка поверхности зафиксирована в Абу Эртейле гораздо реже, нежели красный ангоб, но в помещении 34 были обнаружены два керамических предмета с подобной отделкой поверхности — шарообразный кувшин AE16/II-40/4 и миска AE17/II-R34/1 с декоративной полосой бордового цвета снаружи под венчиком и следами желтой охры внутри. Аналогичные миски происходят из храмового комплекса в Мусавварат эс-Суфре и датируются широким интервалом Мероитского периода [Hintze, 1993, S. 298, Abb. 256; Edwards, 1999a, p. 24, pl. VII (no.775)].

[16] [Bagińska, 2005, p. 19, 22–23; 2015, p. 253; Bąkowska-Czerner, 2018, p. 510, fig. 3, pl. 2 (no.828); Griffith, 1924, p. 151, pl. XXIV (тип XLIXc); Adams, 2018, p. 305, fig. 4; David, Francigny, 2018, p. 259, fig. 8, 10].

Илл. 5. Керамика из помещения 34 храма в Абу Эртейле (*рис. автора*)

Наиболее примечательным является фрагмент шарообразного (пивного) кувшина AE16/II-40/4, покрытого бежевым ангобом, на плече которого имеется роспись в виде серии окружностей палево-оранжевого цвета, соединенных горизонтальными темно-коричневыми линиями, и бутонов лотосов, окрашенных в палево-оранжевый и серовато-белый цвета (*рис. 5, цветная клейка, фото 6*). Мотив в виде кругов, соединенных линиями или более мелкими окружностями, был популярен в Мероитском царстве с III в. до н. э. по III в. н. э. [Adams, 1964, p. 144, 149 (style g), fig. 11 (no.37–42); Adams, 1973, p. 25, fig. 4b]: аналогичный декор отмечен на керамике из Мероэ, Напаты, Караногa и Шаблула[17] (*цветная вклейка, фото 7–8*). Чаще всего такой орнамент наносили на шарообразные кувшины, но также на сосуды с овальным туловом, лекифы, полусферические чаши и кубки[18]. На основе имеющихся аналогий по форме и орнаменту расписной кувшин AE16/II-40/4 может быть датирован I–III вв. н. э.

Керамика из помещения 24 (*илл. 6*)

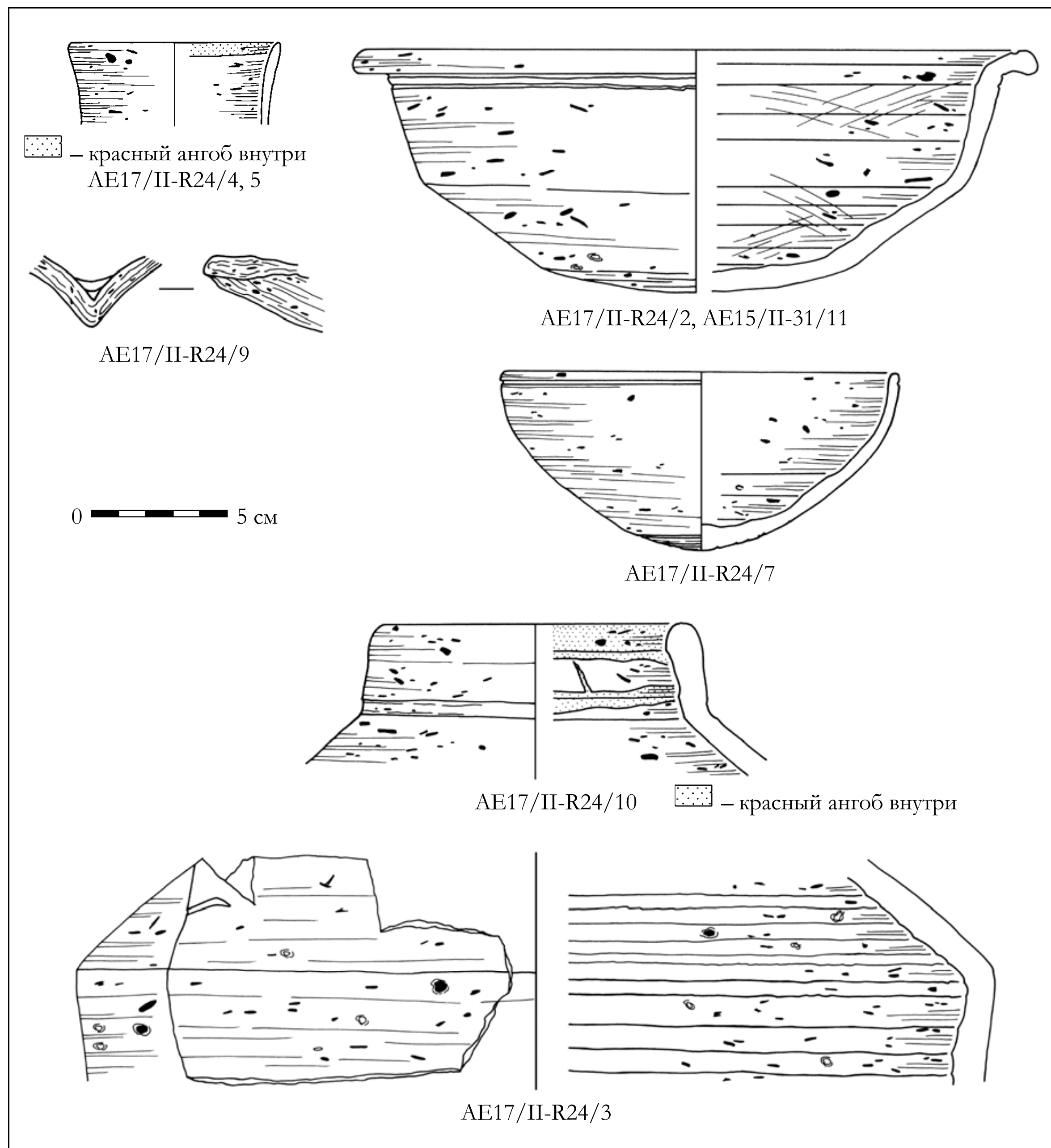
В процессе расчистки помещения 24 было обнаружено 177 фрагментов керамики; 71 % принадлежит самому массовому типу гончарных изделий Абу Эртейлы — большим цилиндрическим кувшинам (экземпляры со следами копоти внутри единичны). Среди находок присутствует венчик AE17/II-R24/10 и плечо AE17/II-R24/3, последнее с фрагментом гончарной метки неясной формы. Оба предмета можно датировать II–III вв. н.э. Здесь же был найден еще один фрагмент цилиндрического кувшина со знаком, нанесенным белым пигментом — AE17/II-R24/1. Впоследствии он соединился с фрагментом AE17/II-R25/1 из помещения 25 [Малых, 2019, с. 61–62, илл. 4] и удалось выяснить, что знак имеет форму солнечного диска и характерен для I–II вв. н. э. Все указанные фрагменты не имеют следов копоти внутри, что говорит о том, что кувшины использовались для хранения продуктов, но не были переиспользованы как печи. Возможно, небольшое по размерам помещение 24 (площадью около 5 кв. м) служило хранилищем при храмовом святилище.

Фрагменты круговых чаш, мисок и кубков, покрытые красным ангобом, составляют 25 % керамических находок, в том числе кубок AE17/II-R24/4, 5, AE17/II-59/2 и полусферическая чаша AE17/II-R24/7. По аналогиям в литературе они могут быть датированы I–III вв. н.э. [Edwards, 1998, p. 31, 146, fig. 2.11 (no.5509), 6.16 (no.3806); Bagińska, 2018, p. 493, fig. 6c]. Находки керамики других типов носят эпизодический характер: оставшиеся 4 % приходятся на круговые шарообразные кувшины, тонкостенную белоглиняную (каолиновую) керамику типа “egg-shell ware”, чаши из местной пустынной глины, но покрытые белым ангобом и, по-видимому, имитировавшие более дорогую каолиновую посуду (в том числе AE17/II-R24/6), чернолощеные круговые чаши и лепные изделия. К последним можно отнести

[17] [Woolley, Randall-MacIver, 1909, p. 40, pl. 24 (no. 11); 1910, p. 55, pl. 44, 46–48, 53, 55, 56, 63, 65–67, 70–72, 74, 79, 81, 82, 88, 94, 95; Garstang, 1911, p. 45, pl. LI; Ciampini, Bąkowska-Czerner, 2014, p. 698, pl. 1.2; Bąkowska-Czerner, 2015, p. 68, pl. II, fig. 5].

[18] [Woolley, Randall-MacIver, 1910, pl. 44 (no.8262), 46 (no.8303), 47 (no.8290), 48 (no.8294), 53 (no.8154), 55 (no.8179), 56 (no.8184), 63 (no.8222), 65 (no.8237), 66 (no.8244), 67 (no.8246), 70 (no.8271), 71 (no.8278), 72 (no.8291), 74 (no.8305, 8306, 8308), 79 (no.8279, 8473), 81 (no.8473), 82 (no.8618), 88 (no.8682), 94 (no.8938), 95 (no.8943)].

необычный для Абу Эртейлы поильник AE17/II-R24/9, от которого сохранился лишь носик. Исследователи логично предполагают, что такие сосуды служили для кормления маленьких детей [David, Evina, 2016, p. 114, fig. 32], соответственно, наш экземпляр, скорее всего, относится к поздней фазе функционирования храма, когда часть его помещений была перестроена и приспособлена под жилища.

Илл. 6. Керамика из помещения 24 храма в Абу Эртейле (*рис. автора*)

Показательны обстоятельства обнаружения ритуальной чаши-курильницы AE17/II-R24/2 с копотью внутри, чей тип характерен для Мероитского времени

[Adams, 1964, p. 131, fig. 2.9]: два фрагмента были найдены в помещении 24 в 2017 г., а еще два (AE15/II-31/11) были выявлены двумя годами ранее — примерно в 10 м к юго-востоку. Обработка поверхности необычна для керамики Абу Эртейлы: внутренняя часть чаши покрыта молочно-белым ангобом, тогда как внешняя поверхность более типична и покрыта ровным красным ангобом. Такую же отделку описывает Г. Баковская-Чернер у чаши близкой формы из дворца царя Натакамани в Гебель Баркале (I–II вв. н. э.) [Bąkowska-Czerner, 2018, p. 507–508, 511, fig. 2 (no.840)].

Сходна ситуация с местом находки небольшого краснолощеного тонкостенного кубка AE17/II-R24/4, 5 типа "egg-shell ware": в помещении 24 было выявлено четыре фрагмента, но один (AE17/II-59/2) находился более чем в 20 м к северо-востоку, перед храмовым пилоном. Все это говорит о значительных разрушениях мероитского храма, произошедших после того, как он был заброшен.

В помещении 24 был найден еще один фрагмент сосуда типа "egg-shell ware" — стенка кубка AE17/II-R24/8 с сетчатым орнаментом, нанесенным коричневой краской. Такой геометрический декор был весьма популярен для мероитской керамики [Woolley, Randall-MacIver, 1909, p. 40, pl. 25 (no. 7); Adams, 1964, p. 144, 150, fig. 12].

Заключение

Керамический материал, найденный в ходе археологического исследования малого святилища храма на Коме II в Абу Эртейле (помещения 24, 34–36), весьма разнообразен по форме и датируется в целом I–III вв. н. э. — т. е. интервалом функционирования храма. Лишь единичные предметы можно датировать несколько точнее — II или II–III вв. н. э., что свидетельствует о культовой и бытовой активности в указанных помещениях храма. Среди обнаруженных сосудов присутствуют как предметы, предназначавшиеся для совершения храмовых ритуалов (например, чаши для воскурения благовоний и колонновидные подставки для них), так и использованные в процессе росписи стен храма по завершении его строительства или в ходе подновления фресок: некоторые чаши содержали желтый и голубой пигменты.

Примечательно присутствие в залах малого святилища фрагментов винных амфор I–III вв. н. э., привезенных из египетского города Асуана (Сиены), что напрямую взаимосвязано с аналогичными находками, сделанными в главном святилище храма в Абу Эртейле и свидетельствует не только о торговых связях царства Мероэ с соседствующей с ним провинцией Римской империи, но и о возможности применения в храмовых ритуалах иноземного вина.

Наличие близких аналогов по форме и декору найденным в Абу Эртейле керамическим изделиям в других частях Мероитского царства — в Мероэ, Напате (Гебель Баркале), Хамадабе, эль-Кададе, Габати, эль-Хассе, Мувейсе, Вад Бен Наге, Мусавварат эс-Суфре, Бербере, Караноге, Шаблуле — свидетельствует о единстве материальной и художественной культуры этого африканского региона, расположенного на территории от 1-го до 6-го порогов Нила[19], находившегося под единой властью царя, руководившего с помощью разветвленной сети чиновничьего и

[19] Отдельные находки мероитских изделий сделаны и южнее — в Сеннаре и Абу Гейли на Голубом Ниле, однако аналогов публикуемому в данной статье керамическому материалу на данных памятниках не выявлено.

жреческого аппарата. На это косвенно указывает и однообразие маркировки местной керамической тары — либо прочерченными до обжига знаками, либо нарисованными белой краской после обжига. Последние имеют явные солярные коннотации, а использование подобных символов для обозначения собственности или содержимого вряд ли позволялось простым ремесленникам или рядовым мероитским крестьянам и скотоводам.

Некоторые части малого святилища храма в Абу Эртейле, по-видимому, потеряли свои сакральные функции во II или начале III вв. н. э.: так, помещение 35 с наофорным кирпичным алтарем было перепрофилировано под кухню, о чем свидетельствует обнаружение сосуда-печи. Редкая кухонная керамика конца Мероитского и раннего Постмероитского времени (IV вв. н. э.) указывает на то, что процесс приспособления помещений храма под жилые пространства продолжился и дальше, хотя и не носил массового характера; храм постепенно приходил в упадок и вскоре был заброшен.

Литература / References

Кормышева Э. Е. Еще две подставки для священной барки и статуи из Абу Эртейла // *Эпиграфика Востока*. Вып. XXXIII. М., 2018. С. 39–85 [Kormysheva E. E. Two More Stands for a Sacred Barque and Statue from Abu Erteila // *Epigraphy of the Orient*. XXXIII. Moscow, 2018. Pp. 39–85 (in Russian)].

Лебедев М. А. «Сделал он памятник этот»: строительные слои мероитского времени в храме Абу Эртейлы (Судан) // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019. № 2. С. 39–55 [Lebedev M. A. "I Made This Monument": Construction Layers of the Meroitic Period in a Temple at Abu Erteila (Sudan) // *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN* (*Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*). 2019. 2. Pp. 39–55 (in Russian)].

Малых С. Е. Вещественная сторона функционирования мероитского культового комплекса на керамическом материале из главного здания храма в Абу Эртейле (Судан) // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019. № 2. С. 56–73 [Malykh S. E. The Material Aspect of the Functioning of the Meroitic Cult Complex Based on the Ceramics from the Main Building of the Temple in Abu Erteila (Sudan) // *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN* (*Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*). 2019. 2. Pp. 56–73 (in Russian)].

Adams W. Y. An Introductory Classification of Meroitic Pottery // *Kush*. 1964. XII. Pp. 126–173.

Adams W. Y. Progress Report on Nubian Pottery. 1. The Native Wares // *Kush*. 1973. XV. Pp. 1–50.

Adams W. Y. The Aswan Wares in Nubia, AD 1–1500 // David R. (ed.). *Céramiques Égyptiennes au Soudan ancien. Importations, imitations et influences. Cahiers de la Céramique Égyptienne* 11. Le Caire, 2018. Pp. 303–328.

Bagińska D. Amphora Imports in Nubia // *Gdańsk Archaeological Museum African Reports*. 2005. 3. Pp. 15–36.

Bagińska D. Meroitic Pottery from Temple B 560 at Jebel Barkal // Honegger M. (ed.). *Nubian Archaeology in the XXIst Century. Proceedings of the Thirteenth International Conference for Nubian Studies, Neuchâtel, 1st–6th September 2014*. Louvain, 2018. Pp. 489–504.

Bagińska D. The Meroitic pottery from Selib // Zach M.H. (ed.) *The Kushite World. Proceedings of the 11th International Conference for Meroitic Studies. Vienna, 1–4 September 2008. Beiträge zur Sudanforschung.* Beiheft 9. Vienna, 2015. Pp. 455–464.

Bąkowska-Czerner G. Meroitic pottery from Napata. The Hellenistic Influence // Kousoulis P., Lazaridis N. (eds.). *Proceedings of the Tenth International Congress of Egyptologists, University of the Aegean, Rhodes, 22–29 May 2008*. Vol. II. Leuven, 2015. Pp. 65–76.

Bąkowska-Czerner G. Meroitic Pottery from Natakamani's Palace in Jebel Barkal: Preliminary Report on the Results of Seasons 2011–2013 // Honegger M. (ed.). *Nubian Archaeology in the XXIst Century. Proceedings of the Thirteenth International Conference for Nubian Studies, Neuchâtel, 1st–6th September 2014*. Louvain, 2018. Pp. 505–512.

Bashir M. S., David R. Meroitic Pottery from Excavations of the Cemetery at Berber // *Der antike Sudan. Mitteilungen des Sudanarchäologischen Gesellschaft zu Berlin e.V.* 2011. 22. S. 121–128.

Baud M. Trois saisons à Mouweis: Premier bilan archéologique // Zach M. H. (ed.). *The Kushite World. Proceedings of the 11th International Conference for Meroitic Studies. Vienna, 1–4 September 2008*. Vienna, 2015. Pp. 97–110.

Baud M. (ed.). *Méroé. Un empire sur le Nil.* Paris, 2010.

Ciampini E. M., Bąkowska-Czerner G. Meroitic kingship and water: the case of Napata (B2200) // Anderson J. R., Welsby D. A. (eds.). *The Fourth Cataract and Beyond. Proceedings of 12th International Conference for Nubian Studies.* Leuven, Paris, Walpole, 2014. Pp. 695–701.

David R., Evina M. Introduction à l'évolution des chaînes opératoires des céramiques méroïtiques // *Journal of Nubian Studies*. 2016. 3. Pp. 83–126.

David R., Francigny V. Les céramiques importées à Sedeinga et la question des «échanges à longue distance» dans le royaume de Méroé // David R. (ed.). *Céramiques Égyptiennes au Soudan ancien. Importations, imitations et influences. Cahiers de la Céramique Égyptienne* 11. Le Caire, 2018. Pp. 255–278.

Edwards D. N. *Gabati. A Meroitic, post-Meroitic and medieval cemetery in central Sudan*. Vol. 1. Oxford, 1998.

Edwards D. N. Meroitic Ceramic Studies I: A Preliminary study of the Meroe West Cemetery // *Meroitic Newsletter.* 1999(b). 26. Pp. 53–77.

Edwards D. N. *Musawwarat es Sufra III. A Meroitic Pottery Workshop at Musawwarat es Sufra. Meroitica* 17,2. Wiesbaden, 1999(a).

El-Tayeb M. *Funerary traditions in Nubian Early Makuria.* Gdańsk, 2013.

Evina M., David R. Patrice Lenoble à el-Hassa. Étude de la céramique du temple à Amon 2000–2005 // Rondot V., Alpi F., Villeneuve F. (eds.). *La pioche et la plume. Hommages archéologiques à Patrice Lenoble.* Paris, 2011. Pp. 303–315.

Fantusati E., Kormysheva E., Malykh S. Abu Erteila — An Archaeological Site in the Butana Region // Lohwasser A., Wolf P. (Hrsg.). *Der antike Sudan. Ein Forscherleben zwischen den Welten Zum 80. Geburtstag von Steffen Wenig.* Berlin, 2014. S. 65–94.

Fantusati E., Kormysheva E., Malykh S. Abu Erteila: Preliminary Results of the Italian-Russian Archaeological Mission Excavations, Seasons 2009–2010 // *Beiträge zur Sudanforschung.* 2012. 11. Pp. 21–59.

Fitzenreiter M., Seiler A., Gerullat I. *Musawwarat es Sufra II. Die kleine Anlage. Meroitica* 17,1. Wiesbaden, 1999.

Gardiner A. H. *Egyptian Grammar.* Third Edition. London, 1957.

Garstang J. *Meroë. The city of the Ethiopians: being an account of a first season's excavations on the site, 1909–1910.* Oxford, 1911.

Gempeler R. D. *Elephantine X. Die Keramik römischer bis früharabischer Zeit.* Mainz am Rhein, 1992.

Geus F. *Service des Antiquités du Soudan, Section Française de Recherche Archéologique. Rapport Annuele d'Activite pour 1976–1977*. Lille, 1978.

Griffith F. L. Oxford Excavations in Nubia. Classification of the Meroitic graves at Faras // *Annals of Archaeology and Anthropology.* 1925. XII. Pp. 57–172.

Griffith F. L. Oxford Excavations in Nubia. The Meroitic cemetery at Faras // *Annals of Archaeology and Anthropology.* 1924. XI. Pp. 141–180.

Hintze F. (Hrsg.). *Musawwarat es-Sufra* I, 1. *Der Löwentempel. Textband*. Berlin, 1993.

Hintze F. Preliminary Report on the Excavations at Musawwarat Es Sufra, 1960-1 by the Institute of Egyptology, Humboldt University, Berlin // *Kush*. 1962. X. Pp. 170–202.

Lenoble P. Quatre tumulus sur mille du Djebel Makbor // *Archeologie du Nil Moyen*. 1987(b). 2. Pp. 207–119.

Lenoble P. Trois tombes de la région de Méroé. La clôture des fouilles historiques d'el Kadada en 1985 et 1986 // *Archeologie du Nil Moyen*. 1987(a). 2. Pp. 89–119.

Malykh S. Late Meroitic pottery of Abu Erteila: local traditions and foreign influence // *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2017(a). 27. Pp. 137–180.

Onderka P., Vrtal V., Gatzsche A. Preliminary Report on the Thirteenth Excavation Season of the Archaeological Expedition to Wad Ben Naga // *Annals of the Náprstek Museum*. 2017. 38.2. Pp. 93–104.

Robertson J. H., Hill E. M. The Meroitic Pottery Industry // Shinnie P. L., Anderson J. R. (eds.). *Meroitica* 20. *The Capital of Kush* 2. *Meroë Excavations 1973–1984*. Wiesbaden, 2004. Pp. 109–212.

Wolf P., Nowotnick U., Hof C. Hamadab — insights into development and lifestyle of a Meroitic urban settlement // Zach M. H. (ed.). *The Kushite World. Proceedings of the 11th International Conference for Meroitic Studies. Vienna, 1–4 September 2008*. Vienna, 2015. Pp. 123–139.

Wolf P., Nowotnick U., Hof C. The Meroitic urban town of Hamadab in 2010 // Anderson J. R., Welsby D. A. (eds.). *The Fourth Cataract and Beyond. Proceedings of 12th International Conference for Nubian Studies*. Leuven, Paris, Walpole, 2014. Pp. 719–737.

Wolf S., Wolf P., Onasch H.-U., Hof C., Nowotnick U. Meroe und Hamadab — Stadtstrukturen und Lebensformen im afrikanischen Reich von Kush // *Archäologischer Anzeiger*. 2011. 2. S. 213–245.

Woolley C. L., Randall-MacIver D. R. *Areika*. Oxford, 1909.

Woolley C. L., Randall-MacIver D. R. *Karanòg: The Romano-Nubian Cemetery*. Philadelphia, 1910.

КОНЬ БЕЗ ВСАДНИКА И ДЕРЕВО *ДЖАМБУ*: К ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕЛЬЕФА НА ВОСТОЧНЫХ ВОРОТАХ БОЛЬШОЙ СТУПЫ В САНЧИ

© 2019

Н. В. Александрова*

В центре внимания статьи находится одно из изображений на воротах ступы № 1 в Санчи, которое отражает сюжет «великого ухода» (*абхинишкраманы*) будущего Будды, покидающего царский дворец, чтобы встать на путь подвижничества. Рассмотрение этого изобразительного нарратива в сопоставлении с индийским текстовым материалом вызывало недоумение первых исследователей (Дж. Маршалл, А. Фуше), поскольку присутствие такого элемента, как дерево *джамбу,* не соответствует сюжету и, более того, отсылает к другому эпизоду («первая медитация»), который индийские жизнеописания относят традицией к периоду «жизни Бодхисаттвы во дворце». Однако обращение к агиографическому памятнику, сохранившемуся в китайском переводе (III в. н. э.), дает возможность объяснить такое соединение элементов изображения: эпизод первой медитации в этой версии жития Будды включен в историю «великого ухода», и последовательность развития событий в этом рассказе соответствует изобразительному повествованию. Выявление «следов» такого варианта предания в позднейших индийских версиях («Лалитавистара»), свидетельствующих о постепенных изменениях в трактовке сюжета, также подкрепляет сделанные выводы. Сцена почитания дерева, помещенная в середину изображения, получает таким образом сюжетное наполнение, прочтение которого бывает затруднительно при отсутствии фигуры Будды в раннем буддийском искусстве. Сопоставление этого изобразительного материала с текстовыми свидетельствами актуально для оценки китайской сутры как отражающей индийскую традицию, а также позволяет сделать вывод о широком хождении в индийском буддизме этого раннего варианта предания, дошедшего до нас лишь через китайский канон.

Ключевые слова: искусство Индии, буддизм, буддийские тексты, агиографическая литература.

THE HORSE WITHOUT RIDER AND *JAMBU* TREE: TOWARDS THE INTERPRETATION OF THE RELIEF IMAGE AT THE EASTERN GATE OF THE GRATE STUPA IN SANCHI

Natalia V. Aleksandrova

* Наталия Владимировна АЛЕКСАНДРОВА, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН; старший научный сотрудник Института классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва; surnevo@mail.ru

Natalia V. ALEKSANDROVA; PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS; Senior Research Fellow, Institute of Oriental and Classical Studies, National Research University — Higher School of Economics, Moscow; surnevo@mail.ru

The article is concerned with one of the relief images of the Stupa 1 in Sanchi representing "The Great Renunciation" (*abhiniṣkramaṇa*) of the future Buddha: the hero is leaving his royal palace to take the path of ascetism. The first researchers of this visual narrative (John Marshall, Alfred Foucher) were surprised comparing it to the Indian Buddhist texts, because the *jambu* tree presented in the middle of this composition does not fit the plot and usually is an element of the other story, which was connected with "Bodhisattva's life in the palace". However, if we turn to the early hagiographic text preserved in Chinese translation (IIIrd century A.D.), we get the opportunity to explain this combination of image elements: in this version of the Buddha's biography the episode of the first meditation is included into the story of *abhiniṣkramaṇa*, so the sequence of events in this story corresponds to the pictorial narrative. Trying to detect any "traces" of such a variant of tradition in later Indian versions we can find some features in the Lalitavistāra's story which can be the evidence of gradual changes in the interpretation of the plot. The scene of veneration of the tree placed in the middle of the image thus gets the certain content, while the understanding of such images is difficult because of the absence of the figure of the Buddha in early Buddhist art. Moreover, the comparison of Chinese text to the relief image from Sanchi gives proof, that this version of Buddha's story was widespread in Ancient India.

Keywords: Indian art, Buddhism, Buddhist literature, hagiographic literature.

Изучение соотношений между изобразительными и текстовыми нарративами буддизма связано с целым рядом проблем и трудностей. Одно из таких препятствий на пути исследователя — неполнота материала, что больше всего относится, конечно, к материалу текстов, поскольку текстовая традиция, бывшая поистине обильной в период расцвета буддизма в Индии, дошла до нашего времени лишь фрагментарно. Тем не менее уже по имеющимся в нашем распоряжении памятникам словесности можно наблюдать разнообразие версий буддийского предания. Такую же вариативность предполагают и изобразительные источники, буддийские повествования в камне, сохраняющиеся в коллекциях различных музеев мира, однако далеко не всегда можно сопоставить эти нетекстовые рассказы с текстовыми, поскольку последние могут быть утрачены.

В этой связи большое значение имеют переводные памятники, которые сохранились в китайском буддийском каноне или в тибетских вариантах и дают нам возможность хотя бы частично восполнить пробелы в наших знаниях о литературе индийского буддизма. Также и проблемы интерпретации индийских изображений в каких-то случаях могут быть преодолены с помощью привлечения сюжетов, содержащихся в переводных версиях.

В статье проводится анализ одной из композиций, сохранившейся на воротах Большой Ступы в Санчи, и будет предложена интерпретация ее сюжета на основе сопоставления с текстовой традицией, включая ранние китайские переводные сутры.

Комплекс изображений на воротах ступы № 1 в Санчи отличается удивительной полнотой и относится к тому периоду развития буддийского искусства (I в. до н. э. — I в. н. э.), когда рельефные композиции приобретают качество повествовательности. В наибольшей степени это проявляется в изображениях на архитравах ворот, которые благодаря вытянутости по горизонтали позволяют выстроить развернутые композиции. Эта возможность реализуется разным образом. Достаточно часто мы видим вариант, при котором главное событие сюжета занимает центральное положение, и действие разворачивается в двух встречных направлениях: так, на среднем внешнем архитраве западных ворот в центре композиции помещено «колесо дхармы», указывающее на

событие первой проповеди, а движение слушателей и почитателей направлено с двух сторон навстречу друг другу. Другой вариант демонстрирует средний внутренний архитрав тех же ворот: главный объект, к которому направлено движение — город, — сдвинут в самый конец полосы, а движущийся поток людей и животных обращен в эту левую сторону, достигая городских ворот. Так, например, представлено нападение войск на Кушинагару в сюжете войны за реликвии[1].

Рельеф, на котором мы сосредоточим свое внимание (средний архитрав внутренней стороны восточных ворот), также построен на движении через всю полосу — слева направо (*илл. 1, цветная вклейка, фото 9*). Изображение городских ворот сдвинуто влево, движение последовательно идет от них прочь и затем, как бы оттолкнувшись от противоположного конца, поворачивается в обратном направлении. Здесь разворачиваются события *абхинишкраманы*, «великого ухода» царевича Сиддхартхи, покинувшего родной город Капилавасту, чтобы стать подвижником и отправиться в путь, который приведет его к просветлению. Он уходит под покровом ночи, и при нем присутствуют лишь верный слуга Чхандака и конь Кантхака.

Илл. 1. Сюжет «великого ухода». Рельеф на среднем архитраве восточных ворот Ступы № 1 в Санчи (*фото автора*)

Первый момент «ухода» передан как проход коня через ворота: фигура коня видна частично, над его спиной поднят зонт, что означает присутствие всадника-царевича, который в этот период не мог изображаться в виде человека — на его участие в действии указывают лишь условные знаки. Около коня находятся божества, поддерживающие его за ноги, чтобы звук копыт не разбудил обитателей дворца.

Дальнейшее продвижение коня с невидимым всадником передано через повторы — мы можем наблюдать как будто остановленные кадры еще четырежды, и каждый раз (кроме последнего) вся группа вместе с конем воспроизводится заново — те же четыре фигуры божеств расположены ниже коня. Благодаря такому приему изображения продолжающихся событий через повторы решается также художественная задача — достигается многофигурность, характерная и для других архитравов Большой Ступы. Повторяющаяся группа из спутников коня образует ленту, заполненную фигурами и

---

[1] В монографии о визуальных нарративах в искусстве раннего буддизма Видья Дехеджиа предлагает свое разделение на типы изображений, присутствующих на архитравах Санчи: “synoptic”, предполагающий объединение нескольких сцен, “continuous”, соответствующий продолжающемуся действию, и “non-narrative”, использующий комбинации символов [Dehejia, 2005, p. 114–121].

идущую внизу архитрава, а присутствие сонмов божеств, явленных в небесах и повторяющихся таким же образом, дает многофигурную полосу, протянувшуюся поверху. Средняя линия благодаря повторам фигуры коня больше всего привлекает взгляд и создает впечатление прохода слева направо, до тех пор, пока не происходит кульминационное событие. Оно обозначено двумя ступнями: имеется в виду, что Бодхисаттва спешился и встал на землю, теперь он отправится дальше, за пределы видимости. Над ступнями точно так же, как и над конем, видны знаки царственности — зонт и опахало. Лишь теперь конь виден движущимся в обратном направлении — так передано возвращение коня, причем над ним уже нет ни зонта, ни опахала, и его больше не поддерживают за ноги, поскольку подразумевается, что всадник уже отсутствует (*илл. 2, цветная вклейка, фото 10*).

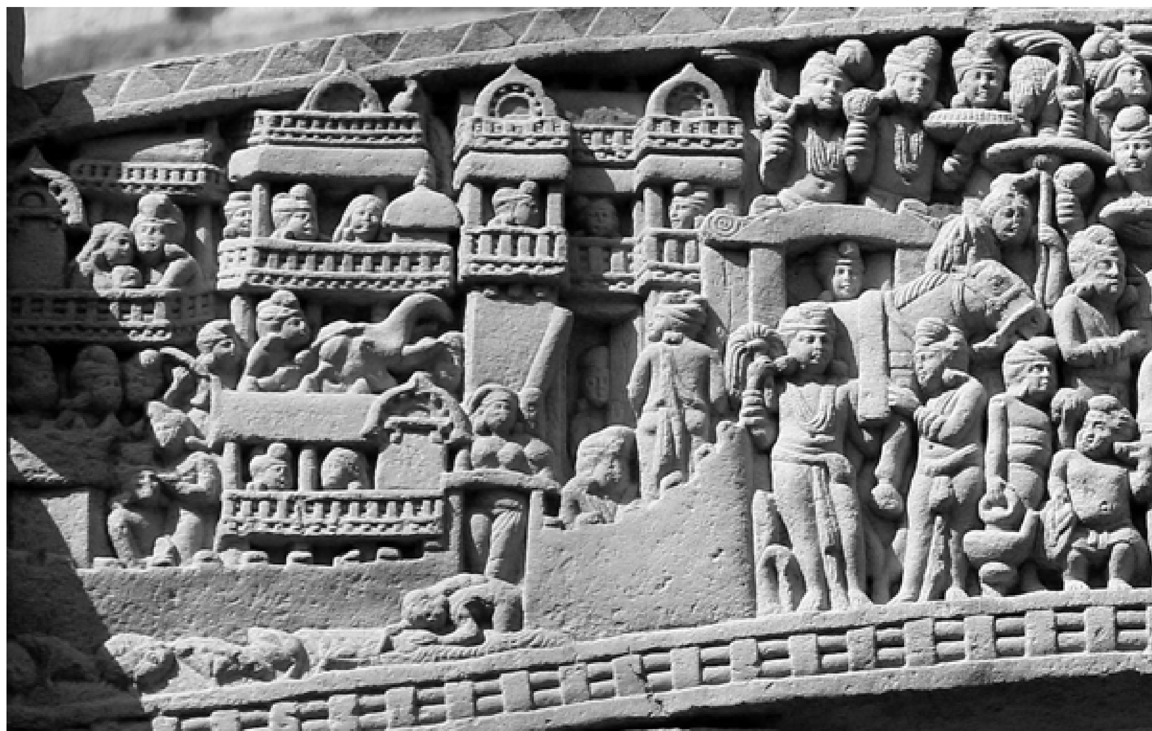

Илл. 2. Прощание с Бодхисаттвой. Рельеф на архитраве восточных ворот, деталь (*фото автора*)

Интерпретация этого изображения как передающего сюжет *абхинишкраманы* дана уже в первых описаниях Большой Ступы, в публикациях Дж. Маршалла и А. Фуше [Marshall, Foucher, 1983, vol. I, p. 126, 202–204, vol. II, pl. 40]. В позднейших работах понимание этого изобразительного нарратива воспроизводится с очень небольшими вариациями. Так, персонаж, несущий зонт, может рассматриваться как Чхандака [Marshall, Foucher, 1983, vol. I, p. 126], хотя в этом случае не совсем ясно, кем является персонаж с опахалом. Несущий зонт и несущий опахало присутствуют при коне вдвоем, что противоречит всем версиям рассказа, хотя соответствует другим подобным изображениям. Можно заметить, что ведет коня в обратном направлении именно персонаж с опахалом, уже опущенным вниз и свернутым, и он же, похоже, прощается с

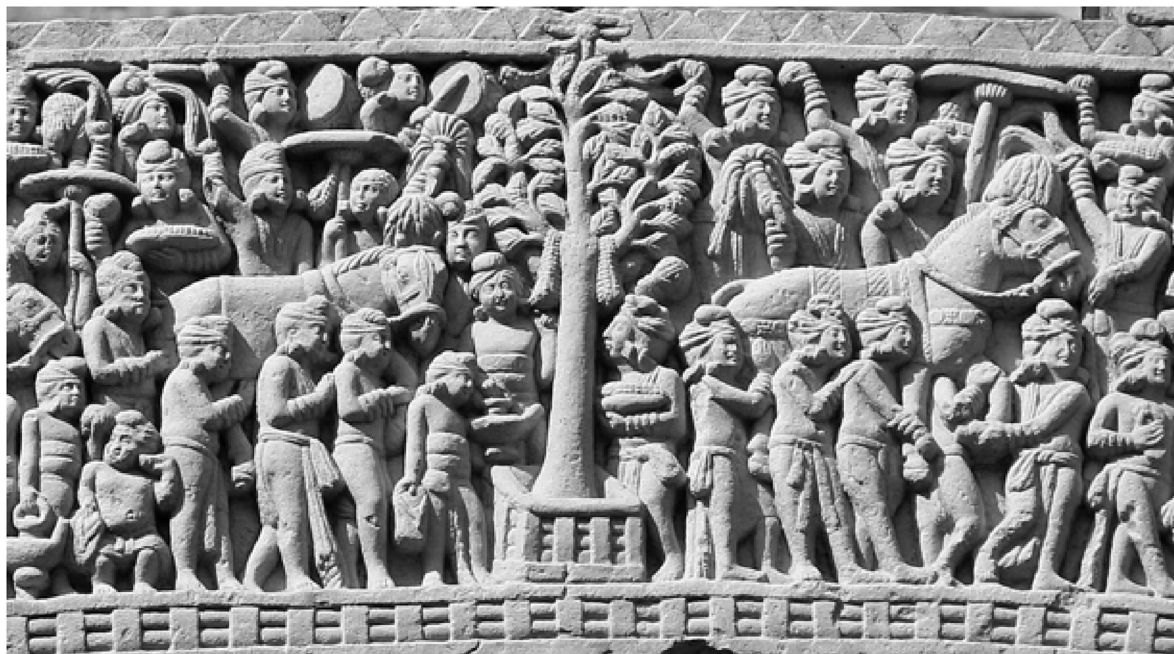
уходящим царевичем, поскольку держит в руках нечто вроде рукояти. Поскольку в этой роли может выступать только Чхандака, то именно он стоит у ворот при выходе коня из города, в то время как персонаж с зонтом возвышается над конем — можно предположить, что зонт держит присутствующее божество. Такова же расстановка фигур, например, на рельефе из Питалкхоры, представляющем *абхинишкраману* — впереди коня идет человек с опахалом, а зонт держит некто другой [Dhar, 2010, p. 15, fig. 1.18].

Можно обратить внимание также на изображение города и происходящих в нем событий (*илл. 3*). В пространство ниже городских стен помещены спящие люди — они лишь обозначают сюжетную ситуацию: боги усыпили всех обитателей царского дворца, чтобы царевич мог беспрепятственно покинуть город. Однако, подняв взгляд выше, мы видим, что из городских окон смотрят оживленные лица, и в одном окне видна пара за распитием вина. Здесь нет несоответствия, поскольку эта картина не предполагает одновременности действия, как это можно наблюдать и на остальных частях рельефа. Бурная жизнь во дворце, по-видимому, относится к предыдущим событиям жизни царевича. Кроме того, изображение города выполнялась по определенному шаблону, который не мог быть изменен, множественные окна требовали и множества выглядывающих лиц, и такую картинку можно встретить не только на многочисленных буддийских рельефах, но и в буддийской литературе. Так, у Ашвагхоши (эпизод «четырех встреч» в «Буддхачарите») в сцене проезда царевича по улице мимо дворцовых стен главное внимание уделено женским лицам, которые видны во всех окнах (Aśvaghoṣa III.12–21). Здесь, на архитраве, мы видим в окнах и женские, и мужские лица.

Илл. 3. Выезд из города. Рельеф на архитраве восточных ворот, деталь (*фото автора*)

Однако, как нам представляется, наиболее интересная деталь этого рельефа — дерево. Оно выглядит как совершенно неожиданный элемент, причем находящийся в центре композиции вместе с группой окружающих его персонажей (*илл. 4*). В некоторых работах, включающих описание этого изображения, оно понимается как дерево *бодхи* [Parimoo, 1982, p. 75] — по-видимому, исходя из того представления, что такое изображение дерева в ограде типично для дерева просветления (можно привести в качестве примера такое дерево из Бхархута, *илл. 5*). Однако и Дж. Маршалл, и А. Фуше еще в самом начале исследования материалов из Санчи обращали внимание на то, что по своей иконографии это дерево *джамбу*, обычно ассоциируемое с сюжетом первой медитации [Marshall, Foucher, 1983, vol. I, p. 126, 202–204, vol. II, pl. 40], который относится к более раннему периоду жизни царевича (во время прогулки он оказывается на краю поля у дерева и входит в медитацию, что поражает его отца, который осознает, что его сын — необыкновенное существо). Во всяком случае, присутствие дерева в этом сюжете вызывает недоумение, что побуждало исследователей к попыткам дать объяснение этому элементу изображения.

Илл. 4. Сцена у дерева *джамбу*. Рельеф на архитраве восточных ворот, деталь (*фото автора*)

В главной публикации материалов из Санчи Дж. Маршалл и А. Фуше высказали предположение, что дерево здесь помещено «с целью украшения»[2]. В работе А. Фуше, посвященной раннему буддийскому искусству, это желание разгадать «загадку дерева» приводит к целому рассуждению. Его идея сводится к тому, что художник «смог остроумно скомбинировать» события, произошедшие в начале юношеского устремления к уходу в подвижничество (первая медитация у дерева *джамбу*), и события,

[2] "The first meditation is suggested merely by a tree placed, mainly for decorative reasons, in a very middle of the mid-lintel, the whole of which (but for this addition) is taken up by the 'Great Departure'" [Marshall, Foucher, vol. I, p. 202].

которые из этого устремления выросли (уход из дома). Более того, продолжая эту мысль, автор высказывает даже такое предположение (правда, неуверенное): если здесь могут быть скомбинированы два события, то нет ли соединения и с другими эпизодами — например, не обозначает ли четырехкратное повторение образа коня «четыре встречи» (царевич выезжает на прогулки и встречает больного человека, старца и похоронную процессию, убеждаясь в существовании страданий и смерти, а затем видит подвижника, что побуждает его к уходу от мирской жизни)[3].

Это последнее предположение неубедительно, поскольку именно такая передача идеи прохода коня от начала пути (городских ворот) до сцены прощания выглядит очень цельно и производит впечатление единого действия (эпизоды «четырех встреч» подразумевают четыре выезда царевича из городских ворот); кроме того, здесь есть и сцена возвращения коня вместе с Чхандакой, который несет полный мешок — царевич отдал ему свои украшения и драгоценности (*илл. 2*), что соответствует именно сюжету «ухода из дома в подвижничество», *абхинишкраманы*.

Высказывается также идея о том, что дерево помещено здесь как «напоминание» о событии первой медитации, и художник, «рассказав» историю бегства царевича из города, делает “flash-back”, возвращая зрителя к эпизоду из детства царевича и увязывая его с основной темой изображения [Dehejia, 2005, p. 16].

Однако очевидная цельность сюжета, передаваемого на этой «ленте событий», предполагает, что именно в этом изобразительном нарративе образ дерева играет значимую роль, причем дерева породы *джамбу* — хотя его присутствие действительно вызывает недоумение, если мы обращаемся к индийской литературе.

Прослеживая, как излагается история «великого ухода» в различных индийских памятниках, можно наблюдать развитие сюжета, насколько это позволяет сохранившийся материал. В суттах Палийского канона, по-видимому, отражающих наиболее архаичную традицию, обнаруживаются лишь самые краткие сообщения об уходе царевича из дома. Это «Арияпариесана-сутта» и «Махападана-сутта», где эпизод «ухода» обозначен буквально одной фразой, которая почти дословно совпадает в обеих суттах и звучит как kesamassuṃ ohāretvā kāsāyāni vatthāni acchādetvā agārasmā anagāriyaṃ pabbajji «срезав волосы и надев <u>желтые</u> одежды, ушел из дома в бездомность»[4]. Здесь нет предыдущих сцен, нет передвижения от города до места совершение обряда «ухода», и, видимо, это передвижение не предполагается: судя по тексту «Арияпариесаны», срезание волос и перемена одежды происходят во дворце, поскольку говорится, что родственники при этом плачут (mātāpitūnaṃ assumukhānaṃ rudantānaṃ)[5].

Лишь в палийском тексте «Ниданакатхи» картина становится развернутой и во времени, и в пространстве, и именно здесь уже употребляется слово «*абхинишкрамана*». Бодхисаттва покидает город вместе с Чхандакой и конем Кантхакой, находящееся в воротах божество открывает их, бог Мара пытается препятствовать уходу царевича, но безуспешно. Царевич движется дальше, сопровождаемый многочисленными

[3] “Thus the artist has been able to combine most ingeniously in one and the same picture a summery indication of the commencement, and a detailed representation of the denouement, of the religious vocation of the Predestined” [Foucher, 1917, p. 106–107], см. также: [Marshall, Foucher, p. 202].

[4] Dīghanikāya, Mahāvagga 1.54; Majjhimanikāya, Mūlapaṇṇāsa 6.277 // *Pāli Tipiṭaka*. URL: https://tipitaka.org/ (дата обращения 01.07.2019).

[5] Majjhimanikāya, Mūlapaṇṇāsa 6.277 // *Pāli Tipiṭaka*. URL: https://tipitaka.org/ (дата обращения 01.07.2019).

Илл. 5. Дерево *ашваттха*, символ просветления Будды Шакьямуни. Рельеф из Бхархута (*фото автора*)

божествами, и с неба дождем сыплются цветы. Так они добираются до реки Анома, конь перепрыгивает через реку, и здесь происходит прощание. Глядя на царевича и понимая, что больше его не увидит, конь плачет и падает замертво. Затем царевич отдает Чхандаке свои дорогие одежды и украшения, и тот уходит в слезах. Только когда царевич остается в пустынном месте один, он мечом сам срезает себе волосы вместе с диадемой, и боги подхватывают эти реликвии и уносят их на небеса [The Jātakāṭṭhakathā, 1976, p. 100–106; Buddhist Birth-Stories, p. 172–179].

Если обратиться к санскритским памятникам, то аналог кратким палийским вариантам *абхинишкраманы* можно обнаружить в «Махавасту», с тем же словоупотреблением, что и в палийских суттах — agārasyānagāriyaṃ pravrajito «удалился из дома в бездомность» [Mahāvastu Avadāna, 2004, vol. 2, p. 81]. Однако в этом памятнике сюжет «великого ухода» приведен дважды. Второе повествование продолжается дальнейшими событиями — рассказ возвращает нас во дворец Шуддходаны, и после «четырех встреч» снова даются события «великого ухода». Сюжет теперь разворачивается со всеми подробностями, и примечательно, что употребляется другой глагол — если в кратком варианте был глагол pra-vraj — «покидать, уходить [из дома]», то теперь именно abhi-niṣ-kram. Бодхисаттва отправляется в путь на коне, его сопровождает Чхандака. Они попадают в страну маллов, останавливаются, и происходит прощание [Mahāvastu Avadāna, 2004, vol. 2, p. 106–110; The Mahāvastu, 1952, p. 155–161].

Два варианта «ухода», последовательно соединенные в одном тексте «Махавасту» и создающие путаницу, по-видимому, свидетельствуют о том, что здесь собраны разные традиции, которые имели хождение в буддийских кругах и развивались из разных истоков. При этом можно видеть, что первая версия дословно повторяет вариант палийских сутт, а вторая по составляющим элементам сюжета похожа на версию «Лалитавистары».

Соответствующее повествование «Лалитавистары» отличается обилием восхвалений и диалогов. Пассажи, отражающие собственно действия героя, коротки и несколько теряются среди этого украшенного текста, но в целом события идут в такой же последовательности, как в «Махавасту». Боги спускаются с небес и занимают позиции при четырех воротах города, а верховный бог Шакра по воздуху совершает обход вокруг города. Царевич садится на коня и, после серии чудес, движется через

земли шакьев и маллов, затем останавливается, отдает Чхандаке коня и украшения, срезает волосы и получает монашескую одежду [Lalitavistara, 1987, p. 171–187]. Ранний вариант «Лалитавистары», дошедший до нас в переводе Фа-ху (T0186), дает в целом такую же картину.

Если в «Лалитавистаре» не уделяется внимания моменту выезда из ворот, то в поэме Ашвагхоши эта сцена присутствует и напоминает вариант Ниданакатхи. Здесь действуют и духи, которые помогают коню ступать бесшумно, однако ворота открывает не божество, они чудесным образом открываются сами (svayaṃ). Последующие эпизоды — прощание, отрезание волос, получение одежды — присутствуют в полном наборе (Buddhacarita V.67–87, VI.1–68 [Aśvaghoṣa's Buddhacarita or Acts of the Buddha, 1984, p. 54–76, 74–91]).

Как можно видеть из этого обзора, в эпизоде путешествия царевича от ворот города к месту прощания с конем и Чхандакой нет такого момента, который связан с деревом, что и вызывало недоумение первых исследователей. Однако таковой присутствует в раннем переводном китайском тексте, посвященном биографии Будды — «Сутре о благом явлении царевича», переведенной Чжи-цянем в III в. н. э. [Matsuda, 1988, p. 489–480; Nattier, 2008, p. 118–121; Александрова, 2017, с. 86–88].

Соответствующий фрагмент сутры выглядит таким образом:

Сосредоточившись на этих помыслах, он поднялся и стал смотреть на звезду Пушья (沸星). Когда наступила середина ночи, он увидел богов в вышине — сложив руки, они убеждали его уходить. Он тотчас позвал возницу и повелел снарядить коня, поднял полы одежды и сел верхом. Проехав по двору, он помедлил и подумал — если открыть ворота, то будет шум. Царь богов Вэйшань[6], давно уже зная о его замысле, привел духов, которые стали поддерживать ноги коня и понесли на руках возницу.

Он перескочил через городскую стену и направился к дереву *джамбу* (閻浮樹), стоявшему у царского поля. Наутро во дворце все переполошились, не понимая, где царевич. Тысяча колесниц и десять тысяч конников лавиной устремились в погоню. Царь же, направившись к полю, издалека увидел царевича, сидевшего под деревом. Солнце жарко пылало, но дерево склонило ветви, чтобы тенью накрыть его тело. Царь был испуган и ошеломлен, поняв, что он святой. Не зная, [что делать], он сошел с коня и поклонился ему. Царевич тотчас встал перед ним и почтительно сказал: «Хотя я и твой сын, но намерен покинуть страну, и сейчас как раз должное время для этого… Я не отступлюсь от этого замысла». Царь, поняв, что его намерение непоколебимо, от огорчения не знал, что сказать…

Тем временем царевич, ухватившись за ветвь дерева, стал смотреть на пахоту. На вспаханной земле выползли черви, и птицы принялись их клевать. Он был поражен

[6] Царь богов Вэйшань — 天王維睒, где 維睒 (Weishan), очевидно, нестандартный вариант передачи имени Вайшравана, по аналогии с 毗沙, сокр. вариант от 毗沙門 Vaiśravaṇa [Hirakawa, 1997, p. 627] (維, присутствующий в данном тексте, передает санскритский слог vi/vai, также как и 毗, обычный для таких транскрипций: 維衛佛 или 毗衛佛 «будда Випашьин» [Soothill, Hodous, 2005, p. 427]). Вайшравана, или Кубера, почитался как один из богов-хранителей четырех сторон света (mahārājika 天王), которые и принимали участие в событиях *абхинишкраманы*, поддерживая ноги коня, чтобы не было слышно стука копыт, и тем самым помогая беглецу при выезде из города. О божестве *Вэйшань* см.: [Arlt, Satomi Hiyama, 2016, p. 190–200].

тем, что живые существа во множестве поедают друг друга, не ведая добрых чувств и тем еще более усиливая страдания. После смерти они попадают на «дурные пути»[7] и [снова] пытаются выйти из мучений. И боги, хотя пребывают в блаженстве, тоже не вечны…

Он тотчас поднялся, сел на коня и вместе со своим возницей проследовал десять *ли*…

Проследовав десять *ли*, он встретил двух охотников. Царевич подумал про себя: «Я покинул свой дом и пребываю среди диких гор. Мне не следует, подобно мирским людям, носить дорогое платье и предаваться желанию красиво выглядеть». Он сбросил с себя дорогие меха и поменялся с охотником, получив его накидку из оленьей шкуры. Перед тем как отправиться далее, он сошел с коня и повелел вознице вернуться домой. Возница же встал на колени и сказал: «Я последую за [тобой], Великим Божеством! Я не могу вернуться один». Царевич сказал: «Ты должен отправиться в обратный путь, с почтением передать разъяснения великому царю и принести извинения моей супруге — [сказать], что ныне я устремился к отрешению и великому просветлению (大道), и не следует печалиться обо мне». Он снял дорогую шапку и нижнее платье и передал все это вознице. Тогда белый конь упал на колени, целуя его ноги и проливая слезы, похожие на жемчужное ожерелье. Возница в глубоком горе пошел по дороге, громко рыдая и оглядываясь на царевича, который, переодевшись в накидку из оленьей шкуры, уже пошел вдаль[8].

В этом тексте эпизод первой медитации царевича действительно занимает непривычное место — он оказывается включенным в события *абхинишкраманы*, причем, если представить себе соответствующее передвижение удаляющегося на коне беглеца, то сцена у дерева *джамбу* видится посредине пути. При всей необычности такого сочетания эпизодов «первая медитация» здесь выглядит органично вписанной в сюжет, хотя здесь несколько меняется расстановка акцентов. Если воспринимать сцену у дерева в том контексте, который предлагает эта сутра, то ее роль в последовательности событий и перекличка смыслов с дальнейшим даются иначе: царь бросается в погоню, и ему в образе сидящего под деревом царевича явлено объяснение, почему он ушел и что будет дальше, а для самого Бодхисаттвы это созерцание мучительного труда, которое укрепляет его в его намерении избавить мир от страданий, и он произносит соответствующую речь.

Возвращаясь к изображению на архитраве ворот, мы видим, что присутствие дерева, расположенного на середине пути, обозначенном повторяющимся образом коня, вполне соответствует такому варианту сюжета *абхинишкраманы*, соединенного с первой медитацией у дерева *джамбу*. Надо отметить, что это не единственный случай, когда «первая медитация» смещается на иное место в расположении эпизодов первой части биографии Будды. Согласно индийским источникам, его позиция в последовательности событий может меняться: в «Ниданакатхе» и «Махавасту» это происходит с царевичем в младенческом возрасте, в «Лалитавистаре» и «Буддхачарите» — в период юности. Для юности также есть вариации: в тексте «Лалитавистары» «первая

---

[7] «Дурные пути» — 惡道, санскр. durgati, перерождения в облике страдающих существ — обитателей ада, животных или вредоносных духов, постоянно испытывающих голод (см. также: [Александрова, Русанов, Комиссаров, 2017, с. 160, 597]).

[8] T0185, 03.0475b19–0476a06 // *The SAT Daizōkyō Text Database*. URL: http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/ (дата обращения 01.03.2019).

медитация» помещена перед «школой», а в поэме Ашвагхоши — уже после «трех встреч» [Комиссаров, 2011, с. 61–62]. Во внутреннем наполнении эпизода также могут быть некоторые различия: царевич выезжает из города и отправляется в селение земледельцев вместе с царем («Ниданакатха» и «Махавасту») или же уходит без отца («Лалитавистара»).

Вариант «Лалитавистары» в контексте нашего рассмотрения особенно интересен. Здесь можно обратить внимание на эпизод ухода царевича на прогулку, во время которой произойдет «первая медитация». Согласно этой версии, Сиддхартха покидает город вместе со своими друзьями и, увидев «прекрасное, чарующее дерево *джамбу*» (jambuvṛkṣamapaśyat prasādikaṃ darśanīyaṃ) [Lalitavistara, 1987, p. 100], садится под ним и входит в медитацию. Царь же, обнаружив, что сын исчез, посылает людей на поиски, и его находят у дерева сидящим в сосредоточении. Особенно выразительно этот момент потери царевича выражен в стихах (обычно отражающих более раннюю версию): царь ищет его повсюду в доме, спрашивает сестру матери, спрашивает дворецкого и привратника, куда он мог уйти. Получив ответ, он тоже покидает город и уже вблизи деревни видит сияющего Бодхисаттву — тогда царь совершает ему поклонение [Lalitavistara XI.25–28; Lalitavistara, 1987, p. 103].

Такой эпизод потери царевича, ушедшего для первой медитации, чрезвычайно напоминает ситуацию потери царевича при окончательном уходе его из дома, уже в контексте *абхинишкраманы*, что сближает оба сюжета и может свидетельствовать о том, что первоначально они были нераздельны. Именно такой вариант мы находим в «Сутре о благом явлении царевича», который, в свою очередь, находит аналог в изобразительном нарративе из Санчи. Выстраивается цепочка соответствий («Лалитавистара»: «следы» включенности эпизода первой медитации в сюжет «великого ухода»; «Сутра о благом явлении царевича»: соединенность этих двух историй; рельеф из Санчи: включение дерева *джамбу* в повествование об «уходе»). С одной стороны, указанные текстовые свидетельства дают возможность объяснить построение изобразительного нарратива на восточных воротах; с другой стороны, изобразительный вариант подкрепляет эти текстовые свидетельства, что особенно актуально для оценки китайской сутры как отражающей индийскую традицию. В тексте Чжи-цяня просматривается влияние предшествующих переводных сутр и включение некоторых пассажей из более ранних переводов [Matsuda, 1988, p. 486–484], и «проверка» его на соответствие индийским источникам необходима; это имеет большое значение, поскольку данный памятник относится к очень раннему периоду развития буддийской агиографии и может дать материал для понимания ее развития.

Во всех версиях предания о первой медитации есть непременные составляющие — это дерево *джамбу* в центре внимания всех участников происходящих событий, а также обязательная сцена поклонения царя своему сыну, когда он увидел его подобным божеству. Если на рассматриваемом изображении присутствие дерева *джамбу* понимать как указание на включенность эпизода первой медитации в сюжет «ухода из дома», то сцену почитания дерева, которая ясно читается на рельефе, надо воспринимать именно как отражение этого момента прихода царя. Соответственно, можно предположить, что самая значительная фигура в этой группе — с выражением величия на лице, в высоком тюрбане — царь Шуддходана, пришедший поклониться сыну (*илл. 4*). В отличие от других персонажей, которые повернуты в ту же сторону, куда движется вся процессия, и

как будто лишь задержались в пути, царь обращен в противоположную сторону, именно к дереву, и он держит блюдо с цветами, принесенными для подношения. Он не пойдет дальше, эта встреча у дерева *джамбу* открывает ему глаза на то, ради чего сын его покинул. Такая же роль этой встречи для царя подчеркивается в стихах «Лалитавистары» (в эпизоде у дерева *джамбу*): «верно говорили великие риши, царевич действительно покинул дом ради просветления!» [Lalitavistara XI.28]. Эта «оговорка» также может указывать на «след» иной версии.

Наблюдаемое здесь совершение действа у дерева свидетельствует о том, что включенность дерева в ленту изображения не является простым знаком присутствия Бодхисаттвы, как это бывает в раннем буддийском искусстве — в таких случаях этот знак не имеет окружающей его группы фигур, отдельной от остальной сцены. Это знак события, разделяющего путь бодхисаттвы на две половины и указывающий на присутствие Бодхисаттвы именно в этой центральной сцене (зонт расположен в данном случае над деревом) – на остальных участках пути такими знаками служат зонт над спиной коня и ступни в конце всего прохода.

Илл. 6. Медитация у дерева *джамбу*. Рельеф из Нимограма (по: Sardar, 2017, p. 120)

Надо отметить, что порода дерева всегда указывает на определенное событие предания. Так, на одной из композиций на стамбхе северных ворот Большой Ступы в центре находится дерево манго, что является знаком чуда в Шравасти, и таким образом вся сцена со слушателями, обращенными к дереву, понимается как проповедь в Шравасти [Marshall, Foucher, 1983, vol. I, p. 221; vol. II, pl. 34 (a1)]. Каждое дерево, играющее некую роль в буддийском предании, имеет свою иконографию, и дерево *джамбу* также имеет свой канон изображения — с парными противолежащими листьями и четкими прожилками на листьях. Такими особенностями действительно обладает реальное дерево джамбу, называемое также джамун (Syzygidum cumini) — у него плотные блестящие листьями с прожилками, расположенными парами [Krishen, 2006, p. 86–87]. Цветы джамуна — светлые и лучистые, и такой вариант его изображения, в виде цветов, тоже встречается в композициях, передающих сцену «первой медитации», если обратиться к гандхарскому искусству, где Бодхисаттва уже присутствует в виде сидящей фигуры. На нашем рельефе размещение дерева в середине архитрава является и решением художественной задачи. Все три архитрава внешней стороны восточных ворот объединены темой дерева — на верхнем архитраве деревья, чередующиеся со

ступами, обозначают череду будд прошлого, на нижнем центральное место занимает дерево бодхи. Поэтому сцена «великого ухода» с деревом посредине выбрана здесь неслучайно и с точки зрения общей композиции внешней стороны ворот.

Последний вопрос, который можно было бы поднять в связи с таким пониманием данного изображения — существуют ли аналоги этого изобразительного варианта *абхинишкраманы*. Интересен в этом отношении гандхарский рельеф из Нимограма в долине Свата [Sardar, 2017, p. 120]. В середине композиции представлен Бодхисаттва, сидящий под деревом в медитации, слева — сцена пахоты, главный объект его созерцания, а слева на переднем плане — конь и ведущий его слуга, над ними — летящие божества (*илл. 6*). Эту двойную сцену можно понимать двояким образом: 1) царевич сошел с коня для медитации на краю поля, в какой бы момент его жизни это ни происходило; 2) это событие происходит в контексте *абхинишкраманы*. Однако в канонических индийских вариантах сюжета «первой медитации» («Ниданакатха», «Махавасту», «Лалитавистара») нет коня и слуги, такое соединение можно наблюдать только поэтическом сочинении Ашвагхоши, хотя в этой поэме выезд к месту у дерева *джамбу* непосредственно примыкает к «уходу» и помещен в главе, посвященной *абхинишкрамане* [Buddhacarita V.2–23]. Таким образом, изображение из Нимаграма может соответствовать либо варианту Ашвагхоши, либо, что более вероятно, отсылает нас к иной истории, и здесь присутствуют Кантхака и Чхандака, персонажи сюжета «великого ухода». Такая расстановка действующих лиц позволяет предположить, что данное изображение также было основано на версии, в которой то и другое событие предания соединены.

Таким образом, возможности для интерпретации изображений, относящихся к раннему периоду развития буддийского искусства, расширяются за счет привлечения все большего круга текстов, в том числе сохранившихся в китайских переводах. Существование раннего варианта сюжета *абхинишкраманы*, в который включен эпизод «первой медитации у дерева джамбу», выявляется в «Сутре о благом явлении царевича», сохранившейся в переводе III в. н. э. Нахождение соответствий этой версии в изобразительном нарративе не только помогает интерпретировать изображения, но и, наоборот, дает возможность утверждать, что текст этой переводной сутры действительно отражает традицию, которая имела хождение в Индии, и выявляет ее ранние пласты.

Литература / References

Александрова Н. В. От Урувильвы до মригадавы. Эволюция сюжета о первой проповеди Будды // *Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность*. 2017. № 5. С. 85–94 [Aleksandrova N. V. From Uruvilvā to Mṛgadāva: The Evolution of the Plot of the Buddha's First Sermon // *Vostok (Oriens)*. 2017. 5. Pp. 85–94 (in Russian)].

Александрова Н. В., Русанов М. А., Комиссаров Д. А. *Лалитавистара. Сутра о жизни Будды. Рождение*. М., 2017 [Aleksandrova N. V., Rusanov M. A., Komissarov D. A. *Lalitavistāra. The Sutra of Buddha's Life. The Birth*. Moscow, 2017 (in Russian)].

Комиссаров Д. А. Сюжет о первой медитации в буддийской агиографии // *Вестник РГГУ. Серия «Востоковедение. Африканистика»*. 2011. № 2. С. 47–71 [Komissarov D. A. The Story about the First Meditation of Buddha in Buddhist Hagiography // *Vestnik RGGU. Seriya*

“Vostokovedeniye. Afrikanistika (*Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series “Oriental Studies. African studies”*). 2011. 2. Pp. 47–71 (in Russian)].

Arlt R., Hiyama S. New Evidence for the Identification of the Figure with a Bow in Depictions of the Buddha’s Life in Gandharan Art // *Distant Worlds Journal*. 2016. 1. Pp. 187–205.

Aśvaghoṣa’s Buddhacarita or Acts of the Buddha. Complete Sanskrit Text with English Translation. Cantos I to XIV Translated from the Original Sanskrit Supplemented by the Tibetan Version together with the Introduction and Notes by E. H. Johnston. Delhi, 1984.

Buddhist Birth-Stories (Jataka Tales). The Commentarial Introduction Entitled Nidāna-kathā. The Story of the Lineage. Transl. by T. W. Rhys Davids. London, 1880.

Dehejia V. *Discourse in Early Buddhist Art. Visual Narratives of India.* Delhi, 2005.

Dhar P. P. *The Toraṇa in Indian and Southeast Architecture*. New Delhi, 2010.

Foucher A. *The Beginnings of Buddhist Art and Other Essays in Indian and Central-Asian Archeology*. Paris, London, 1917.

Hirakawa A. *Buddhist Chinese-Sanskrit Dictionary*. Tokyo, 1997.

Krishen P. *Trees of Delhi. A Field Guide*. Delhi, 2006.

Lalitavistara. First edition ed. by P.L. Vaidya, second edition ed. by Shridhar Tripathi. *Buddhist Sanskrit Texts*. No. 1. Darbhanga, 1987.

Mahāvastu Avadāna. Ed. by Dr. S. Bagchi. Darbhanga, 2004.

Marshall J., Foucher A. *The Monuments of Sāñchi.* Vols. I–III. Delhi, 1983.

Matsuda Y. Chinese Versions of the Buddha’s Biography // *Journal of Indian and Buddhist Studies*. 1988. 1 (37). Pp. 489–480.

Nattier J. *A Guide to the Earliest Chinese Buddhist Translations. Texts from the Eastern Han* 東漢 *and Three Kingdoms* 三國 *Periods*. Tokio, 2008.

Parimoo R. *Life of the Buddha in Indian Sculpture (Ashta-Maha-Pratiharya)*. New Delhi, 1982.

Sardar B. Narrative Stone Reliefs from Nimogram Buddhist Complex Swat, Pakistan: Its History and Analysis // *FWU Journal of Social Sciences*. 2017. 11.1. Pp. 115 –131.

Soothill W. E., Hodous L. A. *Dictionary of Chinese Buddhist Terms with Sanskrit and English Equivalents*. Delhi, 2005.

The Jātakāṭṭhakathā. Ed. by Dr. Mahavir Sharma. Vol. I. Nalanda, 1976.

The Mahāvastu. Transl. from the Buddhist Sanskrit by J. J. Jones. Vol. I. London, 1952.

Электронные ресурсы / Electronic sources

*The SAT Daizōkyō Text Databas*e. URL: http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/ (дата обращения 01.03.2019).

Pāli Tipiṭaka. URL: https://tipitaka.org (дата обращения 01.07.2019).

КУЗНЕЦЫ ЯПОНИИ ЭПОХИ КАМАКУРА: ЯМАСИРО РАЙ КУНИТОСИ

© 2019

Д. В. Печалов*

«Золотым Веком» кузнечного искусства Японии традиционно считается период Камакура (1185–1333): именно тогда появились многие великие мастера в таких школах, как Ямато, Бидзэн и Ямасиро, и даже распространившееся господство школы Сагами не остановило этот процесс. Показательна работа в течение практически одного периода времени сразу трех величайших мастеров *танто*: Синтого Кунимицу в Камакура, Тосабуро Ёсимицу в Аватагути и Рай Кунитоси в Киото. Исследование в основном сфокусировано на вопросах возникновения и развития школы Рай и посвящено одному из самых ярких ее представителей — Рай Кунитоси. Среди работ этого кузнеца есть произведения с очень высоким статусом: Национальное Сокровище (Кокухо), Важный Объект Культуры (Дзюё Бункадзай) и Важный Объект Искусства (Дзюё Бидзюцухин). Также можно отметить семнадцать работ категории Особо Важный Меч (Токубэцу Дзюё Токэн) у Рай и Низи Кунитоси (в основном Нидзи), что, безусловно, подтверждает высочайший уровень этого мастера. Относительно споров о количестве поколений Кунитоси приведены данные в пользу «теории одного поколения» мастера, однако обсуждение этого вопроса, скорее всего, не прекратится и будет продолжено. Со времен Тоётоми Хидэёси (ок. 1583–1598 гг.), мечи, выкованные Кунитоси, тщательно хранились и сберегались с большим почтением, а также использовались в качестве особенно ценных даров приближенным вассалам и родственникам.

Ключевые слова: Нихонто, японский меч, кузнечное искусство, школа Рай, Ямасиро-Дэн, Рай Кунитоси, Нидзи Кунитоси.

JAPANESE SWORDSMITHS OF THE KAMAKURA PERIOD: YAMASHIRO RAI KUNITOSHI

Dmitry V. Pechalov

The golden age of sword smithing art in Japan is commonly considered to be the Kamakura period (1185–1333). During this time there were many great smiths in the schools of Yamato, Bizen and Yamashiro and as the period began to wane the rise of the Soshu-Den was no exception. There was a moment during the Kamakura when the three greatest makers of tanto to have lived were working in their prime. They are: Shintogo Kunimitsu in Kamakura,Yoshimitsu in Awataguchi, and Rai Kunitoshi in Kyoto. The course of study focused on the period of origin and development of the Rai School and one of the most flamboyant Rai's sword smith: Kunitoshi. There are Kokuho (National Treasure) class works, as well as Juyo Bunkazai (Important Cultural Object) and Juyo Bijutsuhin (Important Art Object) by this smith. In addition, there are an impressive seventeen Tokubetsu Juyo Token (Extraordinary Important Sword) works listed in the "*Juyo Token Index*" between Rai Kunitoshi

* Дмитрий Владимирович ПЕЧАЛОВ, кандидат социологических наук, инструктор по кендо и кобудо клуба «Катори» (Кендо: III дан, кобудо: черный пояс), Федерация кендо, Москва; dvs1570@mail.ru

Dmitry V. PECHALOV, Ph.D. (Sociology), Kendo and Kobudo Instructor of the"Katori club" (Kendo: Dan III, Kobudo: black belt), Kendo Federation, Moscow; dvs1570@mail.ru

and Niji Kunitoshi (the majority Niji Kunitoshi), all confirming the high reputation and masterful quality of his work. From a context, regarding a debate over the number of generations of Kunitoshi, the author informed that the argument was near to sealed in favor of the "one generation theory", but it seems it may be something that will continue to be argued about forever. One has to read the available literature and make a personal decision on what to believe. Since Toyotomi Hideyoshi (reign period 1583–1598), Kunitoshi swords have been carefully preserved, hoarded, held in highest esteem, presented as gifts of the highest rank, were rewards to the most beloved retainers and relatives.

Keywords: Nihonto, Japanese sword, sword smithing art, Rai School, Yamashiro-Den, Rai Kunitoshi, Niji Kunitoshi.

Школа кузнечного искусства Рай (来) стала пользоваться большим успехом практически с самого момента своего возникновения в провинции Ямасиро (山城). В ней выросло сразу несколько мастеров очень высокого уровня. Школа Рай была сонована в Киото в середине периода Камакура (鎌倉; 1185–1333) и ее основателем и предшественником считается Куниёси (国吉). Согласно приданиям, Куниёси родился в государстве, существовавшем в то время на части корейского полуострова с названием Корё (高麗). «Кото Мэйдзукуси Тайдзэн»[1] [Оги, 1792, т. 2, с. 2/1] приводит следующие сведения о его жизни: «Куниёси родился в 1-м году Сёдзи (正治, 1199), умер на 57-м году жизни в 7-м году Кэнтё (建長, 1255)». Из Кореи Куниёси переселился в Японию. Считается, что в названии школы Рай заложено напоминание о переселении ее основателя. Иероглиф[2] «рай» (来) можно перевести как «приходить, прибывать».

Тем не менее в большинстве источников основателем школы Рай называется старший сын Куниёси — Райтаро Куниюки (来太郎国行). Такое мнение, безусловно, игнорирующее информацию из записей в старых книгах, сложилось вследствие того, что работы Куниёси до нашего времени не дошли. Согласно «Кото Мэйдзукуси Тайдзэн» [Оги, 1792, т. 2, с. 2/1], Куниюки родился в 1-м году Дзёкю (承久; 1219) и умер в возрасте 79-ти лет в 5-м году Эйнин (永仁; 1297). Сохранились противоречивые сведения как о месте работы Куниюки, так и о том, кто учил его кузнечному мастерству. Так, согласно одним источникам, он работал в поселении под названием Нисиока (西岡) в окрестностях храма Мукай-Миёдзин (向井明神), согласно другим — в поселении Тюдо-дзи (中堂寺), расположенном в непосредственной близости от ворот города Киото с названием Сюдзаку (朱雀). В старых хрониках сохранилась информация о секретной подписи Куниюки — Дайгэнки (代元鬼), которая могла быть его буддистским именем или иным вариантом так называемого «секретного имени». В отношении обучения Куниюки кузнечному делу сохранились сведения, что его учителем мог быть Аянакодзи Садатоси (綾小路定利).

[1] Энциклопедия мастеров: Старый меч. 9-ти томное издание, 1792 г., автор Оги Ёри Сугавара Хирокуни (仰木伊織菅原弘邦), рукописный манускрипт времен Эдо, отпечатанный ксилографическим методом. Здесь и далее цитируется по оригиналу 1792 г.

[2] Здесь и далее использован термин «иероглиф», хотя для обозначения знаков, имеющих происхождение из китайского алфавита, больше подходит термин «*кандзи*».

Справедливости ради необходимо отметить и то, что некоторые старые источники[3] называют имя еще одного легендарного предшественника школы Рай: Куниёри (国頼), работавшего в период эры Бундзи (1185–1190). В настоящее время существует несколько сохранившихся работ этого мастера. В частности, известны два меча: один с подписью «Рай Сама (но) Дзё Минамото Куниёри» (徠左馬尉源国頼) и другой с подписью «Сама (но) Дзё Куниёри» (左馬徠国頼). Обращает на себя внимание, что в первом варианте подписи присутствует иероглиф «рай», написанный в архаичном стиле: 徠. Если считать, что использование этого иероглифа было намеренным и было связано с именем школы, необходимо признать, что название школы имеет гораздо более древнее происхождение и никак не связано с путешествием Куниёси из Кореи в Японию. Таким образом, согласно этой версии, корни школы Рай имеют вполне национальное (японское) происхождение. Однако современные источники причисляют этого мастера к родоначальникам школы Аватагути, а вовсе не Рай. Современные авторы предпочитают интерпретировать иероглиф «рай» как «дзин» (陣) и усматривать в двух сохранившихся предметах сходство стиля изготовления с принятой в школе Аватагути кузнечной традицией. Надо признать, что основания для этого имеются, а иероглиф «рай» в подписи на *танто* (разновидность короткого меча) работы Куниёри читается чрезвычайно плохо и допускает различные толкования.

Наиболее часто генеалогию кузнецов школы Рай представляют следующим образом:

В «Кокон Мэйдзукуси Тайдзэн»[4] [Такэя, 1778, т. 1, с. 3–4] генеалогия школы Рай представлена несколько иначе (*илл. 1*).

[3] Такие, как «Кото Мэйдзукуси Тайдзэн», «Кокон Мэйдзукуси Тайдзэн».

[4] Энциклопедия мастеров всех времен. 8-ми томный рукописный манускрипт времен Эдо, собранный на основе записей семьи Такэя (известный клан оценщиков мечей), издан в 1778 г. с использованием ксилографического метода печати.

Илл. 1. Генеалогия школы Рай [Такэя. 1778, т. 1, с. 3–4]

«Кото Мэйдзукуси Тайдзэн» [Оги, 1792, т. 2, с. 2/1], содержит следующие сведения о Кунитоси: «Кунитоси, сын Куниюки, родился в 1-м году эры Ниндзи (仁治; 1240) и умер на 105-м году жизни в 3-м году эры Коэй (康永; 1344)». Конечно, предположить такой продолжительный период жизни у человека, жившего в то время, достаточно трудно, однако это не единственный пример упоминания столь длительного жизненного периода в этом манускрипте. Достаточно вспомнить, что продолжительность жизни Итимондзи Сукэдзанэ обозначена в нем 113 лет, а Дайсинбо — вообще 131 год. Скорее всего, это следствие некоторых ошибок, связанных с неправильным прочтением автором издания некоторых иероглифов из старых свитков или неправильной привязкой к какой-либо из опорных дат. Тем не менее бесспорным является тот факт, что Кунитоси прожил долгую и плодотворную жизнь, и подтверждением этому могут являться его работы с подписями:
«– сделано в 4-ом году Сёва (1315 г.) в возрасте 75 лет»;
«– сделано в 1-ом году Бунпо (1317 г.), возраст 78 (лет)».

Этот же источник говорит о том, что у Кунитоси был ученик и последователь, носящий такое же имя, считающийся вторым поколением мастеров: «Кунитоси 2-е поколение, ученик Кунитоси 1-е поколение; во времена эры Кэммю [建武; 1334–1338] ему было 35 лет; он родился 1-ом году эры Сёан (正安; 1299) и умер в возрасте 41 года в 3-ем году эры Рякуо [暦応; 1340]»[5].

[5] «Кото Мэйдзукуси Тайдзэн» [Оги, 1792, т. 2, с. 2/1].

Имя Кунитоси является одним из известнейших в истории кузнечного дела Японии, его смело можно поставить в один ряд с такими именами, как Масамунэ, Го Ёсихиро и Аватагути Ёсимицу. Мастер Кунитоси очень часто упоминается в японских литературных произведениях различных эпох.

Рейтинг Кунитоси по системе, созданной в свое время Фудзисиро Ёсио (藤代義雄) — *сайдзё-саку* (最上作; высший уровень мастерства); кроме того, в книге «Нихон Токо Дзитэн» (Словарь японских кузнецов) Фудзисиро указывает и рейтинг этого мастера по так называемой системе «Вадзамоно»[6]. Обычно мастера эпохи Кото (старых мечей), описанные в книге Ёсимицу, не содержат данных о присвоении рейтинга «Вадзамоно», но у Кунитоси он присутствует — О-Вадзамоно (отличный — разрубил на 90 %). Рейтинг Кунитоси (как 1-го, так и 2-го поколения) по системе Токуно[7] — 2000 ман иен, что демонстрирует чрезвычайно высокий уровень: «ман» в данном случае условно означает 10000 иен, таким образом, автор считает, что меч работы Кунитоси должен стоить не менее 20 млн. иен. Конечно, это весьма условная оценка, применимая только к мечам, имеющим сертификацию ниже уровней «Национальное Сокровище» (Кокухо) и «Важный Объект Культуры» (Дзюё Бункадзай), определение стоимостных характеристик которых представляет большую сложность. Кроме того, существует очень большой разброс цен для подписанных и неподписанных работ, а также для коротких и длинных мечей.

Имя Кунитоси прочно связано с «золотым веком» кузнечного мастерства Японии — периодом Камакура. Именно поэтому, как это часто бывает, повышенное внимание к его творчеству породило большие споры относительно самой личности Кунитоси, не прекращающиеся и по сегодняшний день. Главный объект дискуссии — реальное количество поколений мастеров, существовавших на самом деле.

Дело в том, что до нашего времени дошло относительно большое количество работ, подписанных Кунитоси, позволяющих достаточно подробно и с высокой долей достоверности определить период его деятельности, а также выделить основные характеристики и черты этих работ. Для кузнецов середины периода Камакура, отстоящего от нашего времени почти на 800 лет, такое положение дел — редкость. Однако одновременно с преимуществами в этом вопросе есть и существенный недостаток. Сохранилось несколько вариантов подписи Кунитоси, содержащих два основных типа обозначения мастером своего имени: двумя иероглифами — «Кунитоси» (国俊) и тремя иероглифами — «Рай Кунитоси» (来国俊). На дошедших до нашего времени работах Кунитоси можно увидеть следующие варианты подписей:

– Кунитоси (国俊),
– Рай Маготаро саку (来孫太郎作),
– Рай Минамото Кунитоси (来源国俊),
– Рай Кунитоси (来国俊).

6 Была создана Ямада Асаэмон Ёсимицу (山田浅右衛門吉睦, 1767–1823). Сам термин был создан мастером *Но* (классическая музыкальная драма) Дзэами Мотокиё для обозначения чего-то, что исключительно хорошо делает то, для чего был изначально создан. Мотокиё имел в виду актера, хорошо вжившегося в свою роль.

7 Опубликован в книге Токуно Кадзуо [Токуно, 1977, с. 378].

Различные варианты подписей Кунитоси в виде калькированных рисунков, сделанных с реальных мечей, можно найти, например, в «Цутия Осигата» [Цутия, 1926, т. 1, с. 51–57] (*илл. 2*).

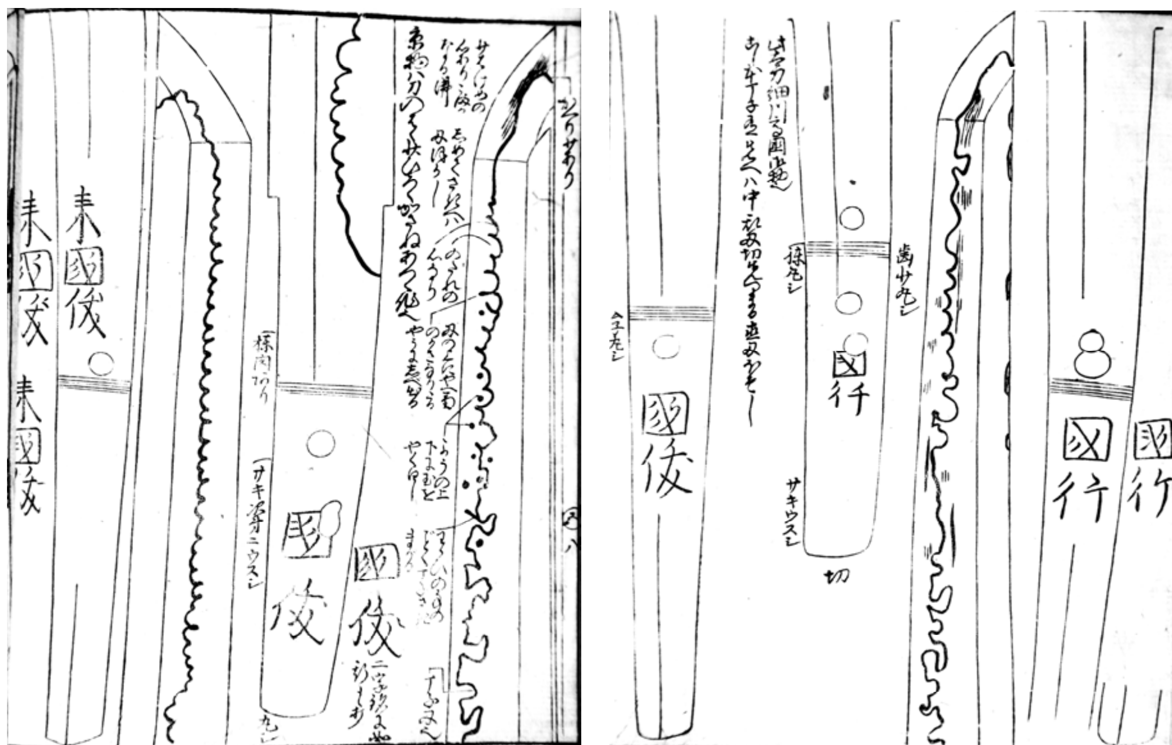
Илл. 2. Варианты подписей Кунитоси [Цутия. 1926, т. 1, с. 51–57]

В силу этого-то и родилась теория о двух поколениях мастеров Кунитоси. Необходимо признать, что эта теория возникла достаточно давно, хотя большого распространения среди экспертов она не получила. Сторонники теории двух поколений выделяют работы с очень выразительным рисунком *хамон* (линия, обозначающая границу закаленной и незакаленной частей клинка) в стиле *тёдзи* (рисунок, по форме напоминающий гвоздику), подписанные двумя иероглифами (*ни-дзи*) и относят их к **первому поколению** мастера, обозначая его как *Нидзи Кунитоси*. Другие работы,

выполненные в стиле *сугуба* (прямая линия) в более спокойном и элегантном стиле, чем-то напоминающем мечи периода Хэйан (平安; 794–1185), подписанные тремя иероглифами с использованием названия школы — Рай, относятся ко **второму поколению**, обозначаемому как *Рай Кунитоси*. По такому же принципу структурируются и все укороченные и неподписанные работы мастера.

На протяжении своего долгого творчества Кунитоси действительно достаточно сильно изменил стиль, правда, происшедшие изменения касались в основном стиля закалки. Тем не менее основная проблема состоит в том, что далеко не каждый меч из числа дошедших до нашего времени содержит дату изготовления, более того, датированные работы крайне редки. В связи с этим утверждение о том, что изменение стиля работ мастера произошло в определенный конкретный период, основано только на наличии нескольких датированных работ, сделанных в одном стиле и нескольких (тоже датированных), изготовленных в другом. Конечно, это утверждение представляется условным, учитывая то, что датированные работы не превышают нескольких процентов от общего количества сохранившихся мечей. Утверждать, что Кунитоси не применял тот или иной способ закалки в течение другого, «нехарактерного» для него временного периода, нельзя; вполне возможно, что неподписанные работы, отнесенные экспертами, например, к более позднему периоду, на самом деле были произведены гораздо раньше.

Существуют различные варианты подписи Кунитоси в «Кокон Мэйдзукуси Тайдзэн» [Такэя, 1778, т. 5, с. 8] (*илл. 3*).

Илл. 3. Варианты подписей Кунитоси [Такэя. 1778, т. 5, с. 8]

Работы **Кунитоси**, условно относящиеся к более **раннему** периоду имеют следующие основные характеристики[8]:

Сугата: длинные мечи характеризуются глубоким *сори*; *касанэ* достаточно толстое; высота *ёри-мунэ* — средняя; *тю-киссаки*.

Китаэ: *ко-итамэ хада*, насыщенная *дзи-низ*; черноватый оттенок стали.

Хамон: в основном *ко-мидарэ* и *тёдзи-мидарэ* (в стиле сочетания школ Бидзэн и Итимондзи) или смесь этих двух типов *хамон*; встречаются работы с *хамон* на основе *тёдзи*. Иногда рисунок *хамон тёдзи* напоминает зерна папоротника. *Хамон* имеет в своей основе *низ-дэки*, при этом некоторые работы могут иметь *ниои-дэки*. На всем протяжении линии закалки можно увидеть активность элементов в виде *ё* и *аси*.

Боси: наиболее часто можно встретить закалку в виде *якидзумэ* (почти без *каэри*), редко — в форме *мидарэ-коми* со слабым *каэри*.

Накаго: хвостовик часто имеет сужение в сторону своего обуха; *ясуримэ* выполнено по форме *ёко*. Подпись выполнялась двумя иероглифами (*ни-дзи*), вырезанными резцом ниже первой *мэкуги-ана*. Возможно, некоторые работы, подписанные в стиле *нидзи-мэй* делались учениками под наблюдением мастера, и такая подпись называлась *дайсаку-мэй* (代作).

Работы **Рай Кунитоси**, условно относящиеся к более **позднему** периоду творчества, имеют следующие основные характеристики.

Сугата: *тати* выглядят более «стройными»; *тори-дзори* (пик изгиба в центре клинка); *синоги* относительно широкое; *ёри-мунэ* относительно низкое. Для *танто* характерна небольшая длина режущей кромки, а также присутствие *такэноко сори* (обратного изгиба) или вообще отсутствие изгиба.

---

[8] При описании характеристик использована следующая специальная терминология: *сугата* — общий вид клинка; *сори* — изгиб клинка (в 1 см от осевой линии до точки максимального прогиба); *касанэ* — толщина клинка; *ёри-мунэ* — форма обуха в вине конька крыши; *тю-киссаки* — средний размер вершины клинка; *китаэ* — структура ковки клинка; *хада* — узор стали внешней поверхности клинка; *ко-итамэ* — мелкий рисунок в форме овалов неправильной формы, напоминающий структуру спила дерева; *дзи-низ* — видимые зерна в волокнах стали, расположенные выше закаленной части клинка; *хамон* — *лит.* «рисунок клинка», полоса, образуемая границей закаленной и незакаленной участками клинка; *ко-мидарэ* — мелкий хаотичный рисунок линии закалки; *тёдзи-мидарэ* — смесь мелкого хаотичного рисунка с рисунком в форме бутона гвоздики; *низ-дэки* — по всей поверхности клинка преобладают зерна *низ* (видимые крупные зерна мартенсита в структуре стали — *лит.* «кипение»); *ниои-дэки* — преобладание по поверхности зерен ниои (*лит.* — аромат, зерна мартенсита настолько мелкие, что по отдельности невооруженным взглядом неразличимы и воспринимаются сплошной белесой линией, похожей на Млечный путь); *ё* — *лит.* «листва», *аси*, нерегулярно распределенные отдельно от линии закалки (ниже ее); *аси* — *лит.* «ноги», тонкие линии *ниои*, немного отходящие от линии закалки в сторону режущей кромки; *боси* — вершина клинка, по другому называемая *киссаки*; *якидзумэ* — линия закалки касается обуха прямо и без разворота; *каэри* — разворот назад линии закалки после прохождения пика в районе кончика; *хоримоно* — гравировка, в том числе и вырезанный дол; *накаго* — хвостовик, рукоятка меча; *ясуримэ* — опиловка на хвостовике; *ёко* — горизонтальные следы от напильника; *мэкуги-ана* — отверстие на хвостовике, обычно, круглой формы для клинышка фиксации рукоятки; *мэй* — подпись, имя мастера; *синоги* — боковая грань ромбовидного профиля клинка; *наси-дзи хада* — узор стали, напоминающий свежий срез груши; *сугуба* — прямая линия закалки; *гуномэ* — равномерная волнистая линия закалки; *тогари* — линия закалки с ярко выраженной вершиной игловидной формы; *каки-нагаси* — дол заходит на хвостовик и оканчивается на нем, не проходя насквозь.

Китаэ: *ко-итамэ хада* или *наси-дзи хада*; в целом наблюдается более высокое качество *хада*, по сравнению с Куниюки и Кунитоси, правда, в тех местах, где присутствуют области *дзи-ниэ*, качество подготовки стало более слабое.

Хамон: наиболее часто встречается *сугуба*; редко можно встретить вариации *ко-мидарэ* и *тёдзи-мидарэ*; еще реже можно встретить *гуномэ-мидарэ*. Широкая линия *ниоигути*, с вкраплениями *ко-ниэ*; отмечается наличие *аси*.

Боси: *ко-мару* (в форме маленького полукруга); обычно присутствует *каэри*. У *танто* иногда можно встретить легкое *тогари,* и в этом случае поворот линии закалки достаточно глубокий.

Хоримоно: широкий дол (по типу *каки-нагаси*); у *танто* встречается *кэн* (различные формы изображения меча), *бондзи* (санскритские символы), *гомабаси* (неглубокие параллельные линии-долы, доходящие до середины клинка).

Накаго: обух хвостовика выполнен по типу *каку-мунэ* (плоское); *ясуримэ* — по типу *ёко*. Подпись в большинстве случаев выполнена тремя иероглифами (*санмэй*); можно отметить довольно своеобразное написание иероглифа «рай». Верхние наклонные штрихи (\ /) радикала изображались в виде параллельной линии — «ити» (一). То есть иероглиф 来 или 徠 превращался в 耒. Иногда встречается подпись с использованием официального титула мастера: «Рай Минамото Кунитоси», которая, как считается, применялась Кунитоси уже в преклонном возрасте.

В общем, можно отметить, что среди работ разных временных периодов встречались как слабые, так и сильные работы (такой вывод можно сделать проанализировав все работы, фотографии которых опубликованы в справочниках мечей категорий Дзюё и выше). Поэтому не совсем верной представляется точка зрения, признающая работы раннего периода произведениями более низкого качества. Можно говорить только об изменении стиля и только в некоторой степени — кузнечных технологий, применяемых при ковке. Конечно, результатом явился несколько иной продукт на выходе, но сравнение двух разных стилей в данном случае больше относится к вопросам вкуса и индивидуальных предпочтений, чем к категории качества.

Большинство старых источников времен Эдо (江戸; 1603—1868)[9], описывая творчество Кунитоси, представляют информацию в следующем виде: идет описание мастера с именем Кунитоси, с указанием его учеников и последователей, а затем рядом указывается другое имя — Рай Кунитоси, приводится данное ему при рождении — Маготаро (孫太郎) имя и список датированных работ, известных автору источника. То есть, в данном случае, описывается один кузнец с указанием тех же годов жизни, без разделения на первое и второе поколение.

Таким образом, большинство старых источников придерживаются так называемой версии одного поколения Кунитоси, указывая при этом разные варианты его подписи и выделяя два основный способа: *нидзи* (двумя иероглифами) и *сандзи* (тремя иероглифами). Такого же мнения придерживается и Хонма Дзюндзи — один из самых авторитетных современных экспертов в области оценки японского меча. Танобэ-сэнсэй (Танобэ Митихиро) также придерживается мнения об одном поколении мастера и считает деление на Нидзи Кунитоси и Рай Кунитоси условным, сделанным только для

[9] Например: «Кото Мэйдзукуси Тайдзэн» и «Кокон Мэйдзукуси Тайдзэн».

того, чтобы обозначить ранний (*нидзи*) и поздний (*рай*) периоды его долгой кузнечной карьеры.

Как уже отмечалось, сохранились две работы, подписанные с использованием трех иероглифов и датированные 1315 и 1317 гг., т. е. сделанные мастером в 75 и 78 лет соответственно. Самая ранняя из известных нам датированных работ **Рай Кунитоси** относится к 1289 г. (возраст мастера — около 49 лет). Самая ранняя датированная работа **Нидзи Кунитоси** относится к 12-му месяцу 1278 г., то есть меч был изготовлен мастером в возрасте 38 лет. В данном случае мы имеем дело с наложением двух временных отрезков, что дает возможность рассматривать этот факт как одно из подтверждений существования только одного поколения — самого мастера. Трудно себе представить, что в одно и то же время существовало два мастера примерно одного возраста, обладавших самым высоким уровнем мастерства и таланта, к тому же работавших в схожем стиле и подписывавшихся почти одинаково. Гораздо легче поверить в существование кузнеца среднего возраста и на пике своих творческих возможностей, который активно экспериментирует. В результате этих кузнечных экспериментов мастер в течение какого-то периода времени использует как различные типы закалки, так и различные варианты подписи.

Качество работ Нидзи Кунитоси высоко ценилось представителями воинского сословия и знати; мечи часто использовались в качестве подарков в ходе официальных церемоний (упоминания о таких фактах можно встретить в «Хрониках Дома Токугава» [Yamanaka, 1994–2001, vol. 4]. Ниже приведены несколько наиболее характерных эпизодов[10].

1 апреля 1611 г.: Овари Ёсинао и Ёринобу прибыли в Осака, для того чтобы встретится с Хидэёри и извиниться перед ним за доставленные год назад неудобства в замке Нидзё. Они подарили ему *тати* и другие дары… Хидэёри подарил в ответ… Ёринобу *тати* Нидзи Кунитоси.

6 февраля 1624 г.: Хидэтада посетил Мито Ёрифуса в его владениях… и подарил ему *тати* Нидзи Кунитоси.

29 апреля 1629 г.: Хидэтада посетил Маэда Тосицуна в его владениях и подарил… Мицутака[11] *тати* Итимондзи и *катана* Нидзи Кунитоси.

13 декабря 1632 г.: Иэмицу подарил Сакаи Тадамаса *вакидзаси* Кагэмицу, в качестве ответного дара Тадамаса подарил сёгуну *катана* Нидзи Кунитоси

22 декабря 1648 г.: Набэсима Окисукэ на церемонии в честь своего совершеннолетия получил титул Дзю Ён И Сита и изменил свое имя на Мацудайра Танго но Ками Мицусигэ. Он преподнес сёгуну дары: лошадь, монеты серебром и *катана* Куниюки. В качестве ответного дара он получил *катана* Нидзи Кунитоси.

11 ноября 1692 г.: сёгун нанес неожиданный визит в имение Хиномотосё Инаба но Ками Мунэсукэ и подарил ему *катана* Са Садаёси… В качестве ответного дара Мунэсукэ подарил сёгуну *тати* Нидзи Кунитоси.

Кунитоси внес значительный вклад в формирование кузнечных традиций школы Рай, а сама школа в период ее расцвета могла похвастаться довольно внушительным списком известный имен. Тем не менее необходимо признать, что

---

[10] Упоминания обо всех перечисляемых ниже событиях можно найти в местах хроник, посвященных соответствующему году и месяцу [Yamanaka, 1994–2004, vol. 4].

[11] Мицутака — представитель клана Маэда, присутствовавший на церемонии.

именно Кунитоси является самым известным представителем школы Рай и по праву считается самым искусным мастером этой школы. Кунитоси, изготавливавший как длинные (*тати* и *катана*[12]), так и короткие мечи (*танто*), считается одним из лучших мастеров *танто* за всю историю кузнечного дела Японии. Его искусство в этой области можно поставить в один ряд с такими признанными грандами, как Синтого Кунимицу, Аватагути Ёсимицу, Эттю Норисигэ и Самондзи. Вероятнее всего Кунитоси прожил долгую жизнь и его творчество было отмечено достаточно длинным промежутком времени. В течении своей длительной кузнечной карьеры мастер менял как стиль ковки, так и способ подписания своих работ. Тем не менее, анализ особенностей всех сохранившихся до нашего времени работ Кунитоси, а так же старых манускриптов, описывающих его жизнь и деятельность, позволяют считать наиболее вероятным предположение об одном поколении мастера, внесшего значительный вклад в развитие кузнечного искусства Японии.

Приложение 1
Характеристики *катана* мастера Нидзи Кунитоси

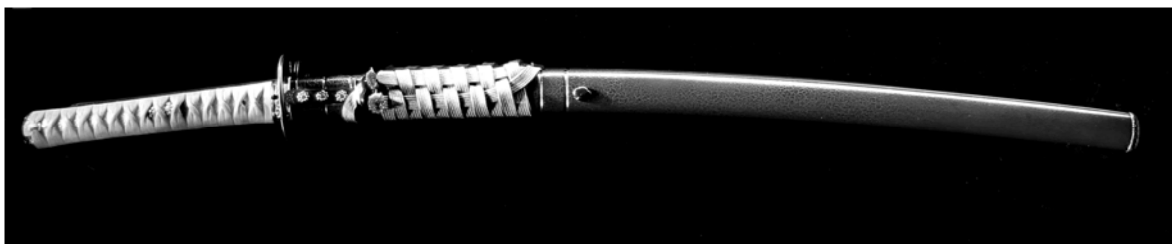
Дзюё токэн дэн Нидзи Кунитоси *катана*[13]

Нагаса[14]	69,6 см
Мотохаба[15]	2,8 см
Сакихаба[16]	1,8 см
Сори	1,8 см

Дзюё Токэн[17] № 43, 30 октября 1997 г., *катана*, укороченная, неподписанная, атрибутирована как Нидзи Кунитоси. *Саягаки*[18] на старой *сирасая*[19]: Хонъами Ринга (*илл. 9*), *саягаки* на новой *сирасая* (*илл. 8*): Танобэ Митихиро (Тандзан), выполнена в декабре 2003 г. Происхождение: Клан Уэда (上田), Япония; Уэда Ясухиро (上田泰弘) префектура Канагава; Ник Колик (Nick Kolick), США.

Косираэ[20]: аутентичная, изготовленная в период Мэйдзи (明治, 1868–1912) с использованием металлических элементов оправы, изготовленных в период Эдо с фамильными гербами клана Уэда (*илл. 4*). Возможно, оправа была изготовлена в одно и то же время, что и старая *сирасая.* Так же возможно, что изготовление оправы и написание *саягаки* производилось в мастерской Хонъами Ринга в одно и то же время.

[12] *Тати*, *катана*, *вакидзаси* и *танто* — разновидности соответственно длинных (первые два) и коротких (последние два) мечей.
[13] Далее следует подробное описание примера работы Кунитоси – меча (*катана*), имеющего статус Дзюё Токэн (Важный меч) и документально подтвержденное происхождение из клана *даймё* Уэда.
[14] Длина режущей кромки (как проекция от кончика до «ступеньки» перед хвостовиком).
[15] Максимальная ширина клинка, измеренная на участке перед хвостовиком.
[16] Минимальная ширина клинка, измеренная на участке перед вершиной.
[17] Важный меч.
[18] Надпись эксперта с атрибутами оценки меча и его характеристиками.
[19] Специальные нелакированные ножны для хранения меча, сделаны из очень мягкого дерева (магнолия).
[20] Оправа меча.

Илл. 4. Косираэ для *катана* Нидзи Кунитоси с фамильными гербами клана Уэда (*фото автора*)

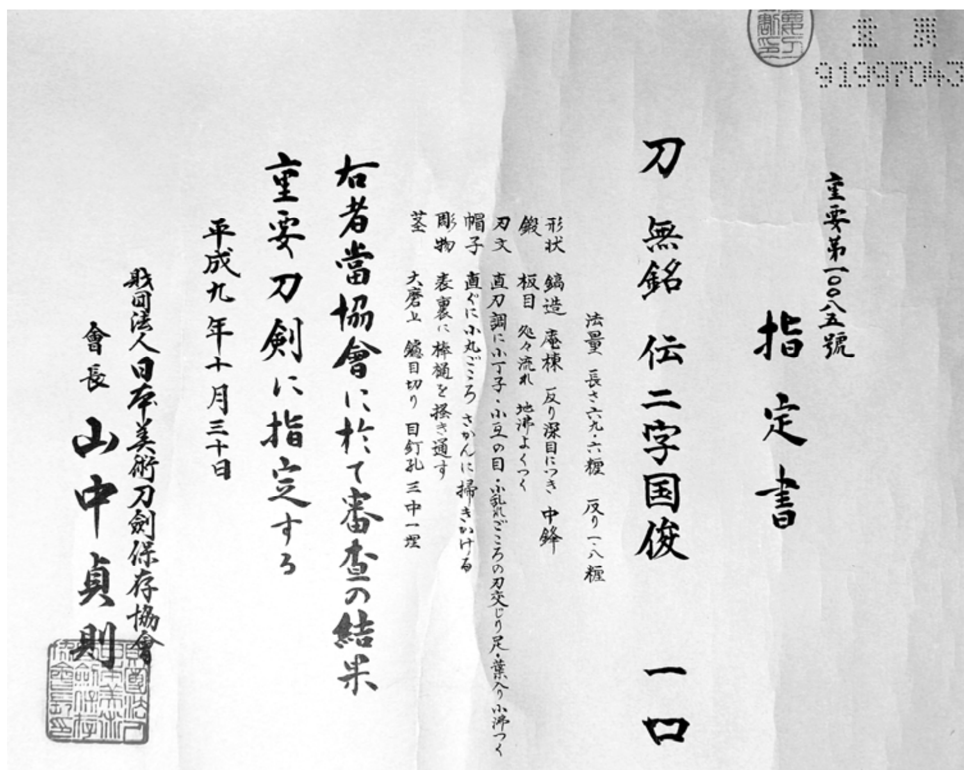
Перевод сертификата NBTHK[21] (*илл. 5*):
«*Дзюё* № 10085 СЕРТИФИКАТ
Катана, без подписи: Дэн Нидзи Кунитоси
Размеры: *нагаса* 69,6 см, *сори* 1,8 см.
Сугата: *синоги-дзукури*, *ёри-мунэ*, глубокое изгиб, *киссаки* среднего размера.
Китаэ: *итамэ*, смешанное со слабо выраженным *нагарэ*, дополненное обилием *дзи-низ*.
Хамон: *сугуха-тё*, смешанный с *ко-тёдзи*, *ко-гуномэ* и *ко-мидарэ*. Присутствуют *аси* и *ё*, закалка произведена в стиле *ко-ниэ-дэки*.
Боси: *сугу* (прямая линия) с *ко-мару-каэри* и обилием *хакикакэ* (лит. след от широкой метлы).
Хоримоно: наличие *бо-хи* (широкий дол) на обеих сторонах клинка, который заходит на хвостовик по типу *каки-нагаси*.
Накаго: сильно укорочено, *куридзири* (обрез хвостовика закругленной формы), три *мэкуги-ана* (одно запаяно сплавом на основе олова).

По результатам заседания экспертного комитета NBTHK, этот меч был признан аутентичным с присвоением статуса *Дзюё Токэн*.

30 октября 1997 г.
NBTHK, Яманада Саданори (山中貞則)».

Перевод обратной стороны сертификата (*илл. 6*):
«Владелец: Уэда Ясухиро (上田泰弘).
Адрес: Префектура Канагава, город Дзама, Мидоригаока 3-48-9.
Дата выдачи: 25 декабря 1998 г.».

[21] Этот сертификат выдается NBTHK (Nippon Bijutsu Touken Hozon Kyokai — Общество по сохранению Искусства Японского Меча) и является документом, подтверждающим подлинность меча и его атрибуцию (авторство).

91997043

重要第一〇〇八五號

指定書

刀 無銘 伝二字国俊 一口

法量 長さ六九・六糎 反り一・八糎

形状 鎬造 庵棟 反り深目につき 中鋒

鍛 板目 処々流れ 地沸よくつく

刃文 直刃調に小丁子・小互の目・小乱れごころの刃交じり足・葉入り小沸つく

帽子 直ぐに小丸ごころ さかんに掃きかける

彫物 表裏に棒樋を掻き通す

茎 大磨上 鑢目切り 目釘孔三中一埋

右者當協會に於て審査の結果

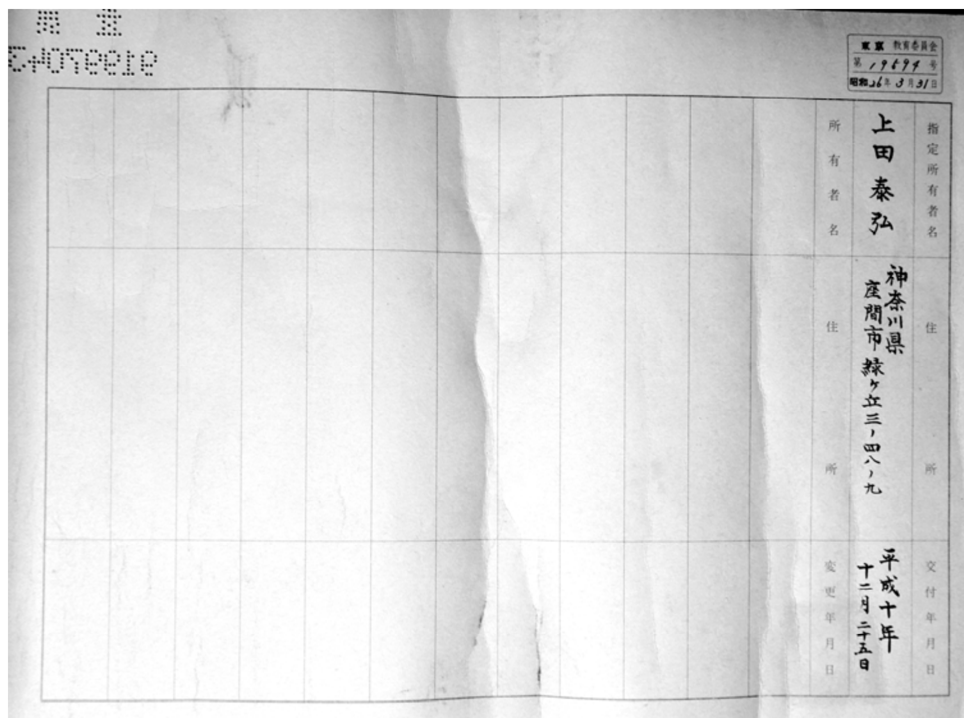
重要刀剣に指定する

平成九年十月三十日

財団法人日本美術刀剣保存協會

會長 山中貞則

Илл. 5. Сертификат *Дзюё Токэн* NBTHK для *катана* Нидзи Кунитоси (*фото автора*)

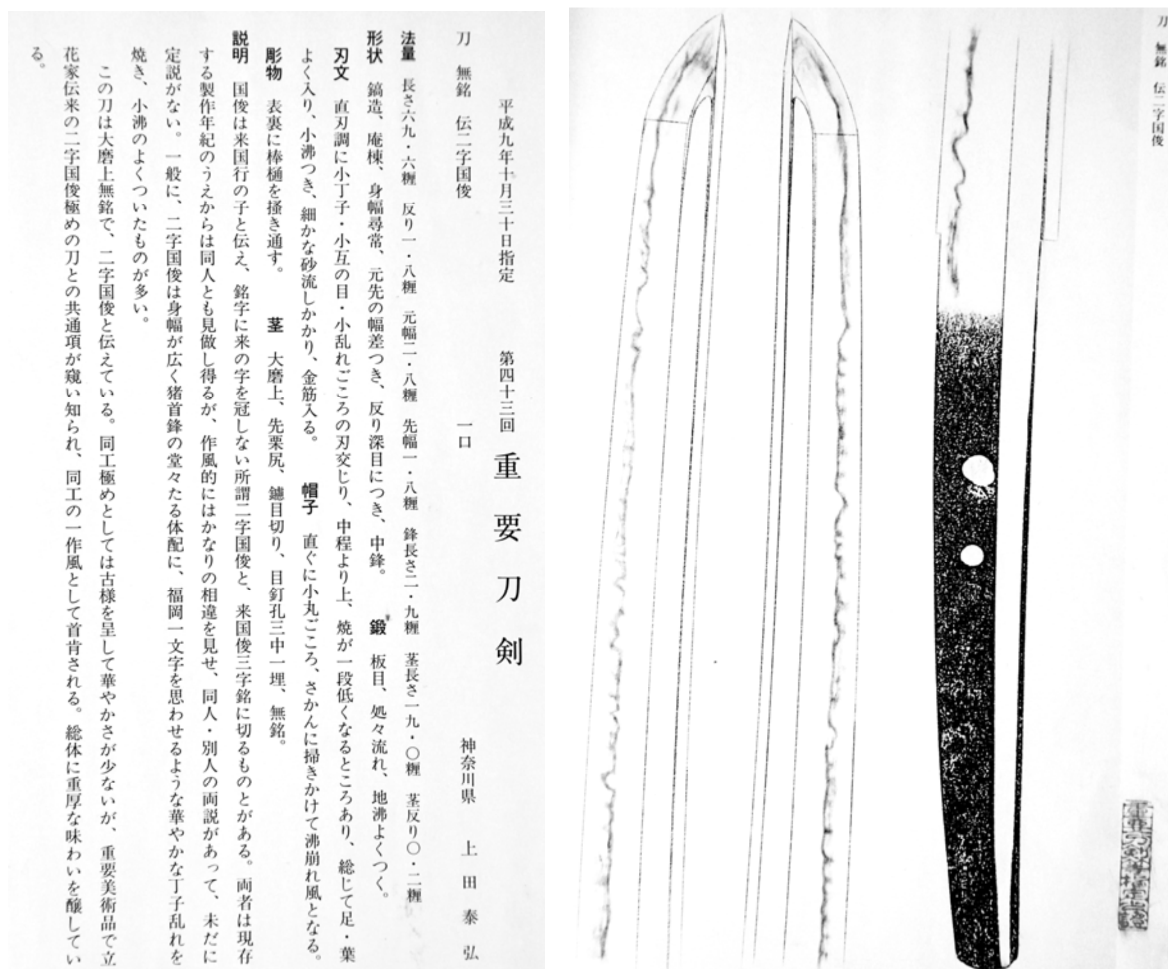
91997043

東京 教育委員会
第19694号
昭和26年3月31日

指定所有者名	住所	交付年月日
上田泰弘	神奈川県座間市緑ケ丘三ノ四八ノ九	平成十年十二月二十五日

所有者名	住所	変更年月日

Илл. 6. Обратная сторона сертификата *Дзюё Токэн* NBTHK *катана* Нидзи Кунитоси (*фото автора*)

平成九年十月三十日指定 第四十三回 重要刀剣

刀 無銘 伝二字国俊 一口 神奈川県 上田泰弘

法量 長さ六九・六糎 反り一・八糎 元幅二・八糎 先幅一・八糎 鋒長さ二・九糎 茎長さ一九・〇糎 茎反り〇・二糎

形状 鎬造、庵棟、身幅尋常、元先の幅差つき、反り深目につき、中鋒。 **鍛** 板目、処々流れ、地沸よくつく。

刃文 直刃調に小丁子・小互の目・小乱れごころの刃交じり、中程より上、焼が一段低くなるところあり、総じて足・葉よく入り、小沸つき、細かな砂流しかかり、金筋入る。 **帽子** 直ぐに小丸ごころ、さかんに掃きかけて沸崩れ風となる。

彫物 表裏に棒樋を掻き通す。 **茎** 大磨上、先栗尻、鑢目切り、目釘孔三中一埋、無銘。

説明 国俊は来国行の子と伝え、銘字に来の字を冠しない所謂二字国俊と、来国俊三字銘に切るものとがある。両者は現存する製作年紀のうえからは同人とも見做し得るが、作風的にはかなりの相違を見せ、同人・別人の両説があって、未だに定説がない。一般に、二字国俊は身幅が広く猪首鋒の堂々たる体配に、福岡一文字を思わせるような華やかな丁子乱れを焼き、小沸のよくついたものが多い。

この刀は大磨上無銘で、二字国俊と伝えている。同工極めとしては古様を呈して華やかさが少ないが、重要美術品で立花家伝来の二字国俊極めの刀との共通項が窺い知られ、同工の一作風として首肯される。総体に重厚な味わいを醸している。

Илл. 7. Заключение (*сэцумэй*) NBTHK для *каната* Нидзи Кунитоси (*фото автора*)

Приложение 2
Перевод заключения (*сэцумэй*) NBTHK (*илл. 7*).

«*Катана*, не подписана, Дэн Нидзи Кунитоси, *синса* №43, 30.10.1997,

Представлен на экспертный совет Уэда Ясухиро, Канагава.

Сугата: *синоги-дзукури*, *ёри мунэ*, нормальная ширина клинка, глубокий изгиб, *киссаки* нормального размера.

Хамон: в основе — *сугуха-тё*, однако присутствуют элементы *ко-тёдзи*, *ко-гуномэ* и *ко-мидарэ*. В некоторых местах волны опускаются ниже, чем обычно. В целом на всем протяжении линии закалки хорошо представлены *аси*, *ё*, *ко-ниэ*, прекрасные *сунагаси* и *кинсудзи*.

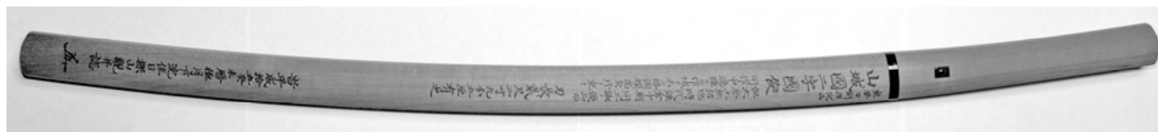
Китаэ: *итамэ-хада*, присутствуют элементы *нагарэ*, хорошо видны *дзи-ниэ*.

Боси: с тенденцией к *ко-мару*, очень активное *хакикакэ* в районе кончика, напоминающее *ниэ-кудзури*.

Накаго: сильно укорочен, кончик выполнен по типу *куридзири*, *ясуримэ* по типу *кири*, три *мэкуги-ана* (одно запаяно), без подписи.

Кунитоси считается сыном Рай Куниюки. Существует два имени (два кузнеца с именем) Кунитоси. Одно, так называемое, Нидзи Кунитоси без Рай, а другое — *сандзи* с использованием трех иероглифов — Рай Кунитоси. Вероятно, Нидзи Кунитоси и Рай Кунитоси — это один и тот же кузнец, если рассматривать период времени, в течение которого были изготовлены существующие в настоящее время работы. Однако довольно существенные различия можно обнаружить в этих двух стилях. Одни эксперты считают, что это были два разных мастера, другие — что это один и тот же мастер. Единой теории в настоящее время не существует. В целом, работы Нидзи Кунитоси характеризуются широким клинком, *икуби киссаки* (вершина в форме шеи дикого кабана), превосходным *тёдзи-мидарэ*, напоминающем школу Фукуока Итимондзи, насыщенным *ко-ниэ*.

Этот сильно укороченный, неподписанный меч по оценке (и сведениям из старых источников) был выкован Нидзи Кунитоси. Меч изготовлен в старом стиле, который характеризуется как «более спокойный», по сравнению с другими работами мастера. Однако в этом мече представлены многие характерные черты, которые можно встретить в других работах Нидзи Кунитоси, например, в известном мече со статусом Дзюё Бидзюцухин (фамильное наследие клана Татибана). Таким образом, подтверждено, что этот меч, имеющий такие характерные отличительные черты, является одной из работ Нидзи Кунитоси»[22].

Илл. 8. Сирасая с *саягаки* Митихиро Танобэ (*фото автора*)

Приложение 3
Перевод надписей, сделанных экспертами на *сирасая*

***Саягаки* Танобэ-сэнсэй** (*илл. 8*), **литературный постолбцовый перевод:**

重要刀剣指定品 — Предмет, относящийся к категории Важный меч.

山城國二字國俊 — Ямасиро (но) Куни Нидзи Кунитоси.

但大磨上無銘也時代鎌倉中期 — Хотя меч и не подписан, время его изготовления определяется как середина периода Камакура.

同工極ノ優品而 — Это прекрасный экземпляр подлинной работы Нидзи Кунитоси.

同作中穏雅ナル — Этот меч выделяется среди других работ мастера спокойствием и элегантностью…

作域ヲ示シ格調頗高 — …и демонстрирует благородство высочайшего уровня.

珍々重々 — Самые высокие оценки и уважение.

刃長貳尺ニ寸九分五厘有之 — *Нагаса* 2 *сяку*, 2 *сун*, 9 *бу* и еще немного (69,8 см).

平成拾五癸未暦極月下浣佳日 — Хорошим днем последней декады декабря 2003 г.

探山観并誌（花押） — Произвел оценку и написал Тандзан (Танобэ Митихиро), *као* (персональная монограмма).

---

[22] При переводе максимально сохранена стилистика документа.

***Саягаки* Хонъами Ринга** (*илл. 9*), **литературный постолбцовый перевод:**
大磨上 — Сильно укорочен.
伝来國俊 — Дэн Рай Кунитоси[23].
肥後上田家伝来 — Фамильное наследие клана Хиго Уэда.
本阿弥琳雅先生添書有 — Хонъами Ринга-сэнсэй написал это.
?? Саягаки Хонъами Ринга, сделано во времена периода Мэйдзи.

Илл. 9. Сирасая с *саягаки* Хонъами Ринга (*фото автора*)

Приложение 4
Резюме относительно меча Нидзи Кунитоси

Описываемый меч Нидзи Кунитоси без всякого преувеличения является одной из самых красивых его работ. Так называемый «старый стиль» просматривается во многих элементах, начиная с внешнего облика меча. Стройные и стремительные формы делают его легким и очень маневренным. Конечно, он не приспособлен для боя против воина в тяжелом доспехе, но прекрасно подходит для применения против воина, одетого в обычное кимоно. Широкий дол (*бо-хи*) изготовлен очень искусно и был вырезан в процессе изготовления меча, а не добавлен позже, как это часто случалось. Дол достаточно глубокий (у большинства мечей он не демонстрирует такой глубины) и эта, несколько нехарактерная черта, создает очень звонкий и сильный свистящий звук при маховом движении мечом. Такая глубина дола более обычного облегчает меч и создает большую упругость вследствие так называемого эффекта двутавра.

Изготовление такого глубокого дола возможно только в исключительных случаях — для этого мастеру нужно быть абсолютно уверенным в совершенном качестве проковки всех слоев металла: внутреннего и внешнего. Кроме того, нужно быть уверенным, что эти слои сварены между собой методом кузнечной сварки однородно на всем протяжении клинка и без скрытых дефектов. В противном случае, эти дефекты непременно вышли бы наружу в виде трещин или каверн, образующихся при попадании микроскопических частичек шлака между слоями стали. Это, безусловно, повлияло бы на боевые свойства и эстетические характеристики меча.

Меч характеризуется очень красивым и выразительным рисунком *дзи-хада* и контрастным по сравнению с ним рисунком *хамон*. То есть спокойный рисунок *хамон* соседствует с ярким и выразительным рисунком металла *дзи*.

Однако, самой важной характеристикой этого меча является документальное подтверждение истории его происхождения. Этот меч являлся фамильным наследием клана Хиго Уэда (肥後上田)[24], еще со времен Эдо. Подтверждение содержится в трех документах:

[23] Хонъами Ринга относит этот меч к творчеству Рай Кунитоси, что несколько отличается от мнения современных экспертов (Танобэ-сэнсэй и NBTHK).
[24] Более подробную информацию об истории клана Уэда можно получить из открытых источников.

- надпись, сделанная Хонъами Ринга на старой *сирасая* меча (скорее всего в процессе полировки и оценки меча в конторе Хонъами Ринга),
- запись, сделанная в *сэтсумэй* NBTHK, свидетельствующая, что меч находится в собственности Уэда Ясухиро,
- запись на обороте сертификата NBTHK о собственнике меча: Уэда Ясухиро.

Это один из очень редких случаев, когда владение мечом кланом *даймё*[25] можно подтвердить документально. Более того, подтверждается и то, что этим мечом владели представители прямой линии клана Уэда не только во времена Эдо и Мэйдзи, но и в настоящее время, т. е., как минимум до самого конца 1998 г. (дата выдачи сертификата *Дзюё Токэн* собственнику) меч являлся фамильным наследием клана Уэда. Меч представлялся для получения статуса *Дзюё Токэн* лично владельцем — Уэда Ясухиро. То, что документы NBTHK сохранили имя собственника, само по себе уникальное событие, свидетельствующее о том, что продажа этого меча представителями клана не планировалась. В противном случае, меч на *синса*[26] представлялся бы от имени посредника или сведения о собственнике были бы старательно удалены с оборота сертификата, что является весьма распространенной практикой.

Какие именно события привели к продаже этого редкого предмета искусства представителями клана, неизвестно, однако знание имен, вовлеченных в этот процесс, открывает большие возможности для дальнейшего исследования его истории.

Приложение 5
Краткая справка по эксперту из клана Хонъами

Хонъами Ринга (本阿弥琳雅) (Сэйдзэн) родился в 1859 г. и получил при рождении имя Ямамото Наонодзё (山本直之丞). Он был приемным сыном Хэйдзуро и стал представителем мастеров конторы Кои Хонъами в 16-ом поколении (*илл. 10*). В 1911 г. он сменил имя на Ринга. Считается, что это имя дал ему Сугияма Сигэмару (杉山茂丸, 1846–1935). Хонъами Ринга умер 23 сентября 1927 г. Жена Ринга, носящая имя Коинэ (小稲), в свое время была гейшей. Позже она открыла собственный дом под названием Хории (堀井), расположенный в Эдо, где оказывались услуги гейша. Его жена в силу специфики работы обладала обширными связями среди высокопоставленных лиц Японии того времени.

Илл. 10. Персональная монограмма (*као*) Хонъами Ринга (*фото автора*)

[25] Крупнейшие военные феодалы времен средневековой Японии.
[26] Экспертный совет, выносящий решение о присуждении мечу или другим объектам того или иного статуса.

Сохранилась интересная легенда. Однажды, Коинэ приобрела очень ценный меч работы одного из лучших мастеров эпохи синто (новые мечи) Иноуэ Синкай (井上真改), который в последствие было решено продать известному политику, а впоследствии и Премьер Министру Японии, барону Курода Киётака (黒田清隆, 1840–1900 гг.). Киётака считался большим мастером *тамэсигири* (тестовое разрубание) и много времени уделял соответствующим практикам и упражнениям с мечом. После того как Ринга представил ему меч Иноуэ Синкай, Киётака осмотрел его и сказал, что он выглядит хрупким и по его мнению может легко сломаться. Ринго, понимая, что его репутация как оценщика мечей поставлена под сомнение, сказал, что Киётака может испытать этот меч прямо сейчас. Надо признать, что такое предложение, ввиду очень большой стоимости меча, несло серьезный риск для Ринга. Киётака достал меч из ножен, поднял его в позицию *дзё-дан* (высоко вверх над головой) и со всей силы нанёс удар по бронзовой вазе для цветов, стоящей у него во дворе. Меч разрубил вазу и без каких-либо для себя повреждений. Киётака был очень смущен.

Литература / References

Печалов Д. В. *Японский меч: Шедевры Сосю-Дэн.* Калининград, 2019 [Pechalov D. V. *Japanese Sword: Soshu-Den Masterpieces*. Kaliningrad, 2019 (in Russian)].

Yamanaka A. *Nihontō Newsletter*. San Francisco. Vol. 4.1994–2004.

Оги Ёри Сугавара Хирокуни. *Кото Мэйдзукуси Тайдзэн* (古刀銘尽大全). *Энциклопедия мастеров: Старый меч.* В 9-ти тт. Т. 2. Б.м., 1792 (на японском языке).

Такэя. *Кокон Мэйдзукуси Тайдзэн* (古今銘盡大全). *Энциклопедия мастеров всех времен. Собрано на основе записей семьи Такэя.* В 8-ми тт. Т. 1, 5. Б.м., 1778 (на японском языке).

Токуно Кадзуо. *Токо Тайкан* (刀工大鑑). *Большое обозрение кузнецов.* Токио, 1977 (на японском языке).

Фудзисиро Ёсио, Фудзисиро Мацуо. *Нихон Токо Дзитэн* (日本刀工辞典). *Словарь Японских кузнецов.* В 2-х тт. Т. 1. Токио, 1987 (на японском языке).

Хонма Дзюндзи, Сато Канъити. *Нихонто Тайкан* (日本刀大鑑). *Большое обозрение Японского меча.* Т. 1. Токио, 1966–1972 (на японском языке).

Цутия Харунао. *Цутия Осигата* (土屋押形). *Сборник рисунков мечей Цутия.* В 3-х тт. Т. 1. Осака, 1926. (на японском языке).

О:ТА ГЮ:ИТИ И ЕГО «ЗАПИСИ О КНЯЗЕ НОБУНАГА»: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ В ЯПОНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

© 2019

С. А. Полхов*

В статье представлен обзор исследований японских историков второй половины XX — начала XXI вв., посвященных хронике «Синтё:-ко: ки» («Записи о князе Нобунага»), ключевому источнику по истории Японии 2-й половины XVI в., и её автору О:та Гю:ити. Рассмотрены как основные результаты, так и не решенные вопросы изучения биографии О:та Гю:ити и его сочинения. Гю:ити, не занимая наивысших позиций в вассальной иерархии в доме Ода, был знаком с ключевыми фигурами в окружении Ода Нобунага и был достаточно хорошо информирован. На службе Нобунага он постепенно переключился на исполнение административных функций, а после гибли Нобунага перешёл на службу Тоётоми Хидэёси. Изучая сохранившиеся рукописи «Записей о князе Нобунага», японские ученые не только выявили автографы Гю:ити, но и выделили наиболее важные копии. Остаётся дискуссионным вопрос о времени создания «Начального свитка» и его присоединения к 15 книгам «основной части» «Записей о князе Нобунага». По оценке многих японских историков О:та Гю:ити начал составлять заметки, позднее вошедшие в его труд, ещё при жизни Нобунага. В то же время высказано предположение, что вначале каждый из томов его хроники мог быть отдельным сочинением. Появление первых версий «Синтё:-ко: ки», вероятно, можно отнести к рубежу XVI–XVII вв. В японской историографии довольно прочно утвердилось представление о том, что произведение Гю:ити нельзя считать дневником, так как объединяя в одно произведение свои записи, он впоследствии их расширял и редактировал.

Ключевые слова: Японская историография, «Синтё:-ко: ки», О:та Гю:ити, Ода Нобунага, Сэнгоку дзидай.

ŌTA GYŪICHI AND HIS «SHINCHŌ-KŌ KI»: SOME RESULTS OF STUDYING IN JAPANESE HISTORICAL SCIENCE

Svyatoslav A. Polkhov

The article provides an overview of the research of Japanese historians of the second half of the 20th — beginning of the 21st centuries, devoted to «Shinchō-kō ki» chronicle, a key source on the history of Japan of the second half of the 16th century, and its author Ōta Gyūichi. Both the main results and the unresolved issues of studying the biography of Ōta Gyūichi, as well as his composition are considered. Ōta Gyūichi, not occupying the highest positions in the vassal hierarchy in Oda's house, was familiar with key figures which surrounded Oda Nobunaga and was fairly well informed. In the service of Nobunaga, he gradually switched to performing administrative functions, and after the death of Nobunaga he became the vassal of Toyotomi Hideyoshi. Studying the preserved manuscripts

* Святослав Александрович ПОЛХОВ, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; cjr-ran@yandex.ru

Svyatoslav A. POLKHOV, PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; cjr-ran@yandex.ru

of «Shinchō-kō ki», Japanese scholars not only discovered Gyūichi's autographs, but also identified the most important copies. There remains a debatable question about the time of the creation of the «Initial Scroll» and its accession to 15 books of the «main part» of «Shinchō-kō ki». According to many Japanese historians, Ōta Gyūichi began to create some parts of his work during the lifetime of Nobunaga. It has been suggested that at first each of the volumes of his chronicle could be a separate entity. The appearance of the first versions of «Shinchō-kō ki» can probably be attributed to the very end of 16th – beginning of 17th centuries. In Japanese historiography, the notion that the work of Gyūichi cannot be considered a diary is rather firmly established, since by combining his notes into one work, he subsequently expanded and revised them.

Keywords: Japanese Historiography, «Shinchō-kō ki», Ōta Gyūichi, Oda Nobunaga, Sengoku Jidai.

«Синтё:-ко: ки» (信長公記; «Записи о князе Нобунага») справедливо причисляют к важнейшим историческим источникам, насыщенным богатейшей информацией о периоде «воюющих княжеств» (*Сэнгоку дзидай*; 1467–1573), а также о жизни и деятельности полководца и «объединителя» Японии Ода Нобунага (織田信長; 1534–1582). Редкая монография или коллективный труд, посвященные истории Японии второй половины XVI в., обходятся без упоминания или цитирования «Записей о князе Нобунага» (далее — «Записи»). Не будет преувеличением сказать, что образ самого Нобунага в современной японской историографии в немалой степени сложился под влиянием «Записей».

Ученые используют многообразные источники для изучения политической истории Японии в периоды *Сэнгоку* и *Сёкухо:* (1573–1603) — дневники киотоской знати, государственные законы и указы, эпистолярное наследие, частную документацию, наставления воинов, отчеты и сочинения христианских миссионеров, побывавших в Японии и др. «Синтё:-ко: ки» без преувеличения предоставляет в распоряжение историков уникальные сведения, нередко отсутствующие в других источниках, которые к тому же отличаются высокой степенью достоверности, особенно на фоне более поздних военных повестей периода Токугава.

Японские историки не прекращают углубленное исследование хроники Гю:ити с 1960-х гг.: найдены новые списки, определены датировки разных редакций, предложена их генеалогия, выяснены новые факты из жизни Гю:ити[1]. Опубликованы десятки статей и несколько коллективных монографий. Реализован исследовательский проект Токийского историографического института, посвященный «Записям». Его итоги подведены в коллективной монографии, за ней последовал фундаментальный труд Канэко Хираку, руководившего этим проектом [«Синтё:-ко: ки» о ёму, 2009; Канэко, 2009].

---

[1] Биография О:та Гю:ити и история создания «Записей о князе Нобунага» рассмотрены во введении к переводу «Записей» на английский язык [Elisonas, Lamers, 2011, p. 17–47]. Однако это введение в строгом смысле не является историографическим обзором. Его авторы Ю. Элисонас и Й. Ламерс сочли возможным не упоминать о некоторых важных проблемах, связанных с изучением списков «Синтё:-ко: ки». Кроме того, с момента публикации англоязычного перевода прошло почти восемь лет, увидели свет новые важные исследования на японском языке, которые Ю. Элисонас и Й. Ламерс, разумеется, учесть не могли. «Записи о князе Нобунага» как источник по истории и культуре Японии также изучен в работе А. Коваленко, предваряющей его первый перевод на восточнославянские языки знаменитого труда О:та Гю:ити [Коваленко, 2013, с. 71–100].

О жизни автора «Записей о князе Нобунага», О:та Гю:ити (太田牛一) известно на удивление мало. О себе Гю:ити в собственных сочинениях почти не упоминал. Собранные по крупицам сведения о нем происходят в основном из:

1) колофонов в списках различных его произведений;
2) документов времен правления Нобунага и Тоётоми Хидэёси (1536/1537–1598);
3) немногих отрывочных упоминаний о Гю:ити в дневниках его современников;
4) некоторых источников периода Токугава, в частности, родословных семьи О:та, составленных двумя ветвями потомков Гю:ити[2].

Гю:ити родился в 1527 г. (7-м году девиза правления Дайэй) в деревне Адзики в уезде Касугаи провинции Овари[3] и умер, предположительно, в 1613 г. (18-й год девиза правления Кэйтё:). Год рождения указан в одном из колофонов в списке рукописи О:та Гю:ити, а год смерти — в родословной клана О:та из княжества Кага [Накамура, 2013, с. 70]. Таким образом, ему посчастливилось прожить долгую жизнь: он пережил своего господина Ода Нобунага, его преемника Тоётоми Хидэёси и стал свидетелем основания сёгуната Токугава.

Самураи эпохи Муромати (1333–1573) помимо родовой фамилии обладали несколькими именами. Детское имя они переставали носить по достижении совершеннолетия. Взрослые имели общераспространенное имя или «прозвище» (*цусё:* 通称), а также настоящее (официальное) имя (*имина,* 諱). Детское имя Гю:ити неизвестно, его *цусё:* — Матасукэ (又助, 又介). С определенного момента О:та Гю:ити стал титуловать себя «управителем земли Идзуми» (Идзуми-но ками, 和泉守). В его время подобное именование было весьма распространенным среди воинов. Самураи периода *Сэнгоку* получали эти громкие звания, восходившие к должностной номенклатуре государства законов (*рицурё: кокка*) периода Нара, не от императорского двора в Киото, а от своих сюзеренов — даймё или же просто передавали их из поколения в поколение в своем роду. Неизвестно, удостоился ли О:та Гю:ити этого титула от своего господина Нобунага или унаследовал от отца.

Кроме того, в документах периода правления Тоётоми Хидэёси упоминается его официальное имя — Нобусада (信定)[4]. С какого-то момента создатель «Записей» сменил его на другое имя — Гю:ити (牛一). Среди историков нет единого мнения о том, как читаются иероглифы 牛一, существуют гипотезы, согласно которым этот бином следует транслитерировать как Усикадзу, Усикацу или Гоити [Хори, 2009, с. 2; Вада, 2017, с. 66]. Прочтение 牛一 как Усикацу или Усикадзу основано на том, что знак 牛, входивший в имена потомков автора «Записей», прочитывался как *уси* (Усицугу, Усиаки, Уситэру).

Заслуживает внимания догадка Вада Ясухиро: автор «Записей о князе Нобунага» был начитан в китайской классике и, выбрав такое имя, уподобил себя «одному волоску с девяти быков» (кит. 九牛一毛) [Вада, 2012, с. 73]. Это выражение согласно «Большому

---

[2] Родословные рода О:та («О:та кэйдзу», 太田系図) были созданы отпрысками двух линий О:та: потомками О:та Гю:ити, служившими в княжестве Кага, а также его потомками из княжества Асада (провинция Сэтцу).

[3] Земли, соответствовавшие провинции Овари, сейчас входят в префектуру Аити.

[4] Иероглиф Нобу (信) в имени **Нобу**сада автор «Записей», вероятно, получил из имени господина — Ода **Нобу**нага. Пожалование «частей» имен от сюзерена вассалу было в то время знаком благосклонности.

китайско-русскому словарю» означает «капля в море, ничтожно мало» и т. п. Возможно, такое имя должно было подчеркнуть скромность или самоуничижение О:та Гю:ити. Согласно другому предположению имя Гю:ити напоминает имена средневековых японских сказителей военных эпопей. В период Муромати существовала школа сказителей *итиката-рю:*, восходящая к Нёити (如一). Исполнители *итиката-рю:* (一方流) под аккомпанемент лютни бива, как *бива-хоси* периода Камакура (1185–1333), распевали отрывки из «Сказания о доме Тайра» («Хэйкэ моногатари»)[5]. При этом вторым элементом их имен был знак 一 (*ити*). Таким образом, автор «Записей», вероятно, мог ассоциировать себя со сказителями эпохи Муромати [Кодзима, 1969, с. 567–568].

Согласно записям храма Сэйсю:дзи в провинции Овари О:та Гю:ити воспитывался в Дзё:гандзи (成願寺), храме школы Тэндай, а повзрослев, вернулся в мир и перешел на службу Ода Нобунага [Вада, 2018, с. 12][6].

В то же время колофон в списке «Записей», изначально хранившемся в клане потомков Гю:ити (список дома О:та), возможно, говорит о том, что он не сразу стал вассалом Нобунага. В этой приписке О:та Гю:ити называет себя «вассалом Буэй» (Буэй синка 武衛臣下). Буэй — иное название Управы дворцовой охраны (Хё:эфу 兵衛府). В эпоху Муромати (1333–1573) титул Сахё:э-но ками (глава Левой Управы дворцовой охраны) носили главы рода Сиба, из которого назначались *канрэй,* своего рода канцлеры при сёгунах Асикага. Одновременно Сиба были военными наместниками (*сюго*) нескольких провинций, в том числе Овари. Исходя из этого Буэй, упоминаемый в колофоне, — это военный наместник из клана Сиба. Примечательно, что в «Начальном свитке» (см. ниже) «Записей о князе Нобунага» Сиба Ёсимунэ (斯波義統 ?–1553), *сюго* Овари, именуется «его милость Буэй» (Буэй-сама 武衛様). Таким образом, О:та Гю:ити, вероятно, некоторое время был его вассалом, и лишь после гибели Ёсимунэ в 1553 г. поступил на службу в дом Ода [Канэко, 2009, с. 91–92].

О:та Гю:ити в колофоне в 12-м свитке «Записей» списка дома Икэда перечисляет своих «сюзеренов», называя себя вассалом (*синка;* 臣下) князя внутреннего министра[7] Нобунага, князя *тайко:* Хидэёси[8] и князя правого министра Хидэёри[9] [Накамура, 2013, с. 67]. В других произведениях О:та Гю:ити — «О:та Идзуми-но ками ки» («Записи О:та Идзуми-но ками») и «Сэкигахара онкассэн со:си» («Записи о битве при Сэкигахара»), которые, как и список дома Икэда, дошли в виде автографов, содержится похожая отметка [Фудзимото, 2003, с. 20; Канэко, 2009, с. 90].

Автор мимоходом упоминает себя лишь в «Начальном свитке» «Записей» и только в трех эпизодах. В сообщении о нападении на замок Киёсу в 18-й день 7-й луны

---

[5] Сказители *итиката-рю:* распевали баллады, представлявшие собой положенные на музыку отрывки из «Хэйкэ моногатари» (*хэйкёку* 平曲).

[6] «Сэйсю:дзи коки» («Старые записи [храма] Сэйсю:дзи» 政秀寺古記) были составлены в поминальном храме Хиратэ Масахидэ (平手政秀 , 1492–1553) — вассала Ода Нобунага. Время их создания неизвестно.

[7] Внутренний министр (*найдайдзин*) — одна из должностей императорского двора, Нобунага был ее удостоен в 1577 г. (11-я луна, 21 день 1576 г. по лунному календарю).

[8] Тайко: — титул, который получали канцлеры (*кампаку*) дома Фудзивара, оставлявшие свой пост и передававшие его преемнику.

[9] Тоётоми Хидэёри (豊臣秀頼, 1593–1615) — сын и наследник Тоётоми Хидэёси. Правый министр (*удайдзин*) — один из наивысших постов при императорском дворе.

1553 г. войска под началом Сибата Кацуиэ (1522–1583), тогда вассала Ода Нобукацу (младшего брата Нобунага, ?–1558), перечисляются шесть воинов из отряда легковооруженных пехотинцев *асигару* (*асигару-сю:* あしがる衆), и среди прочих О:та Матасукэ [«Синтё:-ко: ки», 1996, с. 34][10]. В другом эпизоде рассказывается о посещении Тэнтаку, монахом школы Тэндай, резиденции даймё Такэда Сингэн (1521–1573) в провинции Каи. Рассказ не имеет определенной временной привязки. Тэнтаку, по просьбе Сингэн описывая характер и обыкновения Ода Нобунага, вспоминает и о «шести воинах» (六人衆) — трех копейщиках и трех лучниках, которые были отобраны им лично и служили при его особе. Среди трех лучников фигурирует О:та Матасукэ [«Синтё:-ко: ки», 1996, с. 50]. Наконец, его имя снова появляется на страницах «Записей» при описании штурма замка До:бора в провинции Мино, датируемого 1564 или 1565 г., во время завоевания Ода Нобунага провинции Мино. О:та Матасукэ, забравшись на крышу высокого дома, стрелял из лука по врагам. Увидев его искусную стрельбу, Нобунага, согласно «Записям», похвалил Матасукэ, трижды отправлял к нему своего посланца, и, в конце концов, пожаловал в награду новое владение [«Синтё:-ко: ки», 1996, с. 79]. Первый фрагмент «Записей» может свидетельствовать о том, что О:та Матасукэ был какое-то время служилым человеком Сибата Кацуиэ [Танигути, 2010, с. 95][11]. Однако в двух остальных сообщениях «Записей» он уже предстает как вассал Нобунага. Ни в одном из колофонов в автографах и копиях рукописей Гю:ити не упоминает о том, что он когда-либо был вассалом Сибата Кацуиэ. Если даже он и служил Сибата после гибели Сиба Ёсимунэ, то, видимо, весьма непродолжительное время и довольно скоро стал вассалом Нобунага.

Имя О:та Идзуми-но ками встречается в «Синтё: ки» («Записях о Нобунага») Одзэ Хоан (小瀬甫庵; 1564–1640) — автора нескольких широко известных в эпоху Токугава исторических сочинений. О:та Идзуми-но ками причисляется к самураям из *умамавари* (*оумамавари;* 御馬廻) — своего рода личной гвардии Нобунага из прямых вассалов. О:та Идзуми-но ками, согласно сообщению Одзэ Хоан, вместе с другими самураями, помогал арьергарду войска Ода во главе с Сасса Наримаса (?–1588) отступать в 1570 г. с севера провинции О:ми [«Синтё: ки», 1981, с. 121].

Таким образом, вначале О:та Гю:ити служит Нобунага как воин: он находится возле особы господина, участвует в боевых действиях. Можно говорить об удачной военной «карьере» Гю:ити: начиная службу *асигару*, он становится лучником, а впоследствии и *умамавари* Нобунага. В то же время, являясь прямым вассалом даймё, Гю:ити не относился к узкому кругу высокопоставленных полководцев.

Позднее Гю:ити, судя по всему, отходит от роли воина и в большей степени переключается на исполнение политико-административных, «гражданских» по своему характеру функций. В «Записях» встречается немало различного рода документов: указов, писем и уложений Нобунага, описей пожалованных и полученных даров и т. д. Видимо именно эта особенность хроники заставила в 1881 г. Хокияма Кагэо (1829–1884) предположить в предисловии к первому изданию «Записей», что О:та Гю:ити был

---

[10] В тексте источника указан лишь месяц и день нападения Сибата на замок Киёсу (7-я луна, 18-й день). Танигути Кацухиро датирует событие 1553 г. [Танигути, 2002, с. 37]. В замке Киёсу заперлись родственники Нобунага из ветви Киёсу, ранее убившие Сиба Ёсимунэ (?–1553), *сюго* Овари.

[11] Есть и другая точка зрения, согласно которой О:та Матасукэ в момент атаки на замок Киёсу в 1553 г. был лишь *ёрики* — временно подчиненным Сибата Кацуиэ [Канэко, 2009, с. 91].

писцом или своего рода «секретарем» («правой кистью» — *ю:хицу*, 右筆) при Ода Нобунага. Однако на сомнительность этой гипотезы указывал еще Кувата Тадатика (1902–1987): не обнаружено ни одной грамоты, написанной Гю:ити по приказу Нобунага [Кувата, 1965, с. 83–84][12]. Сугисаки Юми пытается показать, что О:та Гю:ити не имел прямого доступа к документам, исходившим от Нобунага, и не мог их копировать. В то же время Гю:ити располагал довольно точными сведениями о дарах, преподносившихся Нобунага [Сугисаки, 2007, с. 4][13].

Согласно «Родословной О:та», составленной потомками Гю:ити из княжества Асада, он служил при Ода Нобунага, получив земли с доходом 3 тыс. *кан мон*[14]. Но Ивасава Ёсихико счел эту цифру завышенной — такой доход собирали с целого уезда, а Гю:ити не был столь именитым вассалом. Вероятно, Гю:ити было пожаловано лишь 3 тыс. *хики* (30 *кан мон*) [Ивасава, 1983, с. 3].

Исследование собрания документов святилища Камигамо[15] пролило новый свет на жизнь О:та Гю:ити. Было показано, что упоминаемый в этих документах О:та Матасукэ Нобусада (太田又助信定) и Гю:ити — один и тот же человек. Иероглиф *нобу* (信) Гю:ити, судя по всему, взял из имени своего господина – Нобунага (信長). Творец «Записей», являясь с одной стороны прямым вассалом Нобунага, с другой стороны состоял в подчинении могущественного вассала дома Ода — Нива Нагахидэ (1535–1585) и был его *ёрики* (与力)[16]. *Ёрики* — самураи, переводившиеся Нобунага в подчинение более высоким по статусу вассалам для выполнения военных и иных задач. Как правило, подобные связи поддерживались длительное время. Вместе с тем Гю:ити и после перевода под начало Нагахидэ, судя по всему, сохранял статус *умамавари* Нобунага [Ивасава, 1983, с. 8, 17].

О:та Гю:ити, как стало ясно из документов Камигамо дзиндзя, был тесно связан с этим святилищем, выполняя роль посредника между ним и Нива Нагахидэ, а также другими могущественными вассалами Нобунага. В 5-й день 5-й луны 1574 г. Нобунага пришел посмотреть на скачки лошадей (*курабэума,* 競馬), проводившиеся в святилище Камигамо. Среди гостей, которых принимали жрецы Камигамо, был и «господин О:та» (О:та доно 太田殿). Позднейшее известие о том, что Нобунага назначил О:та Гю:ити распорядителем (*бугё:*) скачек считается заслуживающим доверия [Канэко, 2009, с. 100–101; Вада, 2017, с. 68].

---

12 В настоящее время тезис о том, что Гю:ити не был приближенным Нобунага или его «секретарем», разделяется практически всеми исследователями. См. например: [Сугисаки, 2007, с. 18].

13 В работе Сугисаки приводится несколько сопоставлений писем Нобунага и сообщений «Синтё-ко: ки». Так, автор рассматривает получение Нобунага даров от даймё Датэ Тэрумунэ (1544–1585) в 1575 г. Сугисаки приходит к заключению, что Гю:ити не видел и не читал благодарственного письма Нобунага, адресованного Тэрумунэ, в котором упомянуты дары. При этом создатель «Записей» знал о самих дарах [Сугисаки, 2007].

14 *Кан* — счётная единица для *мон* — медных монет. В 1 *кан* было примерно 1000 *мон*.

15 Святилище Камигамо дзиндзя (上賀茂神社), или Камо-вакэ-икадзути дзиндзя (賀茂別雷神社) является частью комплекса Камо дзиндзя в Киото. Считается, что святилище Камигамо было построено в 678 г. [Боги, святилища, обряды Японии, 2010, с. 179]. Имя О:та Матасукэ встречается в документах святилища Камигамо уже с 1569 г. [Канэко, 2009, с. 102].

16 Ивасава допускал, что Гю:ити мог стать *ёрики* Нива Нагахидэ во время завоевания Нобунага провинции Мино, в котором Нагахидэ сыграл важнейшую роль. В этой связи частое упоминание Нагахидэ на страницах «Записей» не кажется случайным [Ивасава, 1983, с. 9].

В 1581 г. О:та Матасукэ Нобусада (О:та Гю:ити) вместе с Нарита Сигэмаса (?–?) подписали судебное постановление, разрешавшее спор о сенокосных угодьях между двумя деревнями в провинции О:ми [Ивасава, 1983, с. 8].

Таким образом, статус Гю:ити в вассальной иерархии был не столь высоким, он не обладал обширными землями или многочисленными служилыми людьми, не влиял на принятие ключевых решений, не являлся ближайшим сподвижником своего сюзерена [Накамура, 2013, с. 72; Ивасава, 1983, с. 10; Канэко, 2009, с. 20; Сугисаки, 2007, с. 18]. Тем не менее автор «Записей» лично знал самого Нобунага и многих его видных полководцев и приближенных, принадлежал к *умамавари* и выполнял достаточно ответственные административные и иные поручения своего господина.

После гибели Нобунага в 1582 г. он ненадолго затворился в Мацуто: в провинции Кага[17] (совр. префектура Исикава, город Хакусан), и, возможно, некоторое время служил и получал жалованье от Нива Нагахидэ [Канэко, 2009, с. 110]. Уже в 1589 г. О:та Гю:ити находился на службе в доме Тоётоми, где исполнял обязанности «гражданского чиновника» [Ивасава, 1983, с. 2–3]. В 1589 и 1590 гг. Гю:ити руководил составлением земельных описей (*кэнти*) на землях святилищ Камо и Ёсида (провинция Ямасиро). В 1590 г. он был управляющим (*дайкан*) в доменных землях Хидэёси в некоторых районах провинций Ямасиро и О:ми [Ивасава, 1983, с. 2; Канэко, 2009, с. 112]. В это время О:та Гю:ити жил в замке Ёдо и кроме проведения земельных обмеров, видимо, служил Тятя (茶茶)[18] — наложнице Тоётоми Хидэёси и ее сыну Цурумацу (鶴松) [Канэко, 2009, с. 113].

В 1592 г. в связи с начавшимся вторжением в Корею Хидэёси прибыл в свою военную ставку в Нагоя на Кюсю. О:та Гю:ити также направился в Нагоя, сопровождая жену Хидэёси — Кита-но Мандокоро и одну из его наложниц — Мацуномару[19] (по другой версии он был в свите Тятя). При этом Гю:ити был одним из ответственных лиц, руководивших строительством замка Нагоя [Канэко, 2009, с. 113–114]. Во время знаменитого выезда Хидэёси в храм Дайго для любования цветами сакуры в 1598 г. Гю:ити сопровождал паланкин «ее светлости» Мацуномару [«Тайко:-сама», 1965, с. 218]. Не являясь непосредственным участником военной кампании, в 1594 г. он отвечал за прием послов империи Мин [Вада, 2017, с. 69], с которой Япония вступила в переговоры после провала первой военной экспедиции на Корейский полуостров.

Таким образом, О:та Гю:ити, судя по всему, пользовался доверием Хидэёси, который поручал ему заботиться о своих наложницах и время от времени выполнять иные дипломатические (прием послов) и административные (строительство замка) задачи.

О периоде жизни создателя «Записей» на службе Тоётоми Хидэёри, наследника Хидэёси, мало что известно. Судя по всему, именно тогда Гю:ити пишет новые и редактирует старые свои сочинения.

---

[17] Об этом свидетельствует колофон, сделанный О:та Гю:ити в сочинении, известном под названием «Старые записи О:та Гю:ити» («О:та Гю:ити кю:ки», 太田牛一旧記) [Канэко, 2012, с. 319].

[18] Тятя (Ёдогими; 淀君, 1567–1615) — младшая дочь даймё Адзаи Нагамаса (1545–1573), впоследствии ставшая наложницей Тоётоми Хидэёси и родившая ему двух сыновей — Цурумацу и Хидэёри.

[19] Госпожа Мацуномару — наложница Тоётоми Хидэёси, младшая сестра военачальника Кё:гоку Такацугу (京極高次, 1563–1609).

Известно, что у Гю:ити было два сына — Усицугу (牛次, он же Матаситиро: 又七郎) и Коматасукэ (小又助). Усицугу служил Тоётоми Хидэёри, и его сыновья (внуки Гю:ити) пали во время осады Осака войсками Токугава Иэясу. Впоследствии род О:та разделился на две ветви: одна, происходившая от Коматасукэ, служила даймё Маэда (前田) в княжестве Кага (Кага-хан 加賀藩), другая, родоначальником которой был Усицугу, — даймё Аоки (青木) в княжестве Асада (Асада-хан 麻田藩) [Канэко, 2009, с. 107, 126].

Таким образом, О:та Гю:ити лично знал «объединителей Японии» Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси, а также был тесно связан с Нива Нагахидэ, одним из видных военачальников Нобунага. Судя по упоминаниям в дневниках столичной аристократии имени О:та Матасукэ, автор «Записей» был знаком с придворной знатью. Его связи позволяли при необходимости получать надежную информацию, включая документы, вошедшие в текст «Записей о князе Нобунага». Возможно, не самое высокое положение О:та Гю:ити в административно-политической системе Нобунага закрывало ему доступ к конфиденциальной информации и письмам Нобунага. Однако следует учесть, что окончательный вид «Записи» приобрели уже после гибели Нобунага, когда Гю:ити получил возможность дополнить свои заметки, используя в том числе переставшие быть «секретными» материалы. Точное и квалифицированное описание военных кампаний и битв в «Записях» обусловлено военным опытом, приобретенным Гю:ити в начальный период его службы Ода Нобунага.

Помимо «Записей о князе Нобунага» О:та Гю:ити оставил еще целый ряд ценных сочинений, автографы и копии которых сохранились до наших дней. Практически все они созданы в годы девиза правления Кэйтё: (1596–1615). В «Тайко: сама гунки-но ути» (大かうさまくんきのうち) описывается самоубийство канцлера (*кампаку*) Тоётоми Хидэцугу (1568–1595), а также некоторые события правления Хидэёси. Сочинение «Записи О:та Идзуми-но ками» («О:та Идзуми-но ками ки», 太田和泉守記), также известное как «Сэкигахара гокассэн-но со:си» (関ケ原御合戦双紙), посвящено битве при Сэкигахара (1600 г.), окончившейся победой Токугава Иэясу, а также последующим событиям (до 1607 г.). «Тоёкуни даймё:дзин риндзи госайрэй кироку» (豊国大明神臨時御祭礼記録) повествует о походе Тоётоми Хидэёси в Корею, об основании святилища, в котором он почитался как синтоистское божество Тоёкуни даймёдзин («Великое пресветлое божество Тоёкуни»), а также о пышных церемониях и священнодействиях, устроенных по приказу Тоётоми Хидэёри в честь нового божества в 1604 г. [Мацубаяси, 1997, с. 213–214]. В «Кондо-но кугэ со:си» (今度之公家双紙) рассказывается о двух инцидентах, случившихся в 1607 и 1609 гг., когда были раскрыты недозволенные связи придворных аристократов (*кугэ*) с фрейлинами и дамами императорского двора[20].

Ученые не пришли к общему мнению относительно изначального наименования труда О:та Гю:ити. Автор данного обзора оперирует названием «Записи о князе Нобунага» («Синтё:-ко: ки» 信長公記), которое является достаточно

[20] Сохранились автографы всех четырех упомянутых сочинений. «Тайко: сама гунки-но ути» приблизительно было написано в 1605–1610 гг. [Ябэ, 2012, с. 150]. Первоначальный набросок «Тоёкуни даймё:дзин риндзи госайрэй кироку» датируется 1604 г., автограф «Сэкигахара гокассэн-но со:си» — 1607 г., автограф «Кондо-но кугэ со:си» — 1610 г. [Канэко, 2009, с. 122].

устоявшимся. Но многие авторитетные исследователи, например Канэко Хираку, предпочитают иной вариант — «Записи о Нобунага» («Синтё: ки», 信長記)[21]. Разночтения возникают по той причине, что пока не удалось установить, какое же заглавие дал своему сочинению сам Гю:ити: «внешние» названия двух автографов «Записей» — «Синтё: ки» (список Икэда) и «Синтё:-ко: ки» (список святилища Такэисао) — присвоены потомками, а не самим Гю:ити. Более того, нет неопровержимых доводов в пользу того, что имя Нобунага в названии этого памятника надо читать по верхнему чтению (*онъёми*) составляющих его иероглифов, как сейчас делает большинство историков (Синтё:), а не по нижнему чтению (*кунъёми*) [Вада, 2017, с. 55]. В справочнике *гунки* (военных повестей) приведены два варианта чтения: «Синтё:-ко: ки» и «Нобунага-ко: ки» [Мацубаяси, 1997, с. 6].

Я вслед за Вада Ясухиро принимаю распространенную и сейчас в научной литературе транслитерацию — «Синтё:-ко: ки» — из соображений удобства: так проще отличить сочинение «Гю:ити» от «Записей о Нобунага» («Синтё: ки», 信長記), написанных врачом и конфуцианцем Одзэ Хоан.

В общей сложности сохранилось 79 списков «Записей о князе Нобунага», однако в это число включены не только «полные», но и краткие версии и отрывки, а также извлечения, соответствующие лишь одному эпизоду «Записей», являющиеся тем не менее самостоятельными рукописями [Вада, 2009, с. 63]. В эпоху Токугава «Записи» переписывались от руки, а ксилографических изданий не было. Первое издание памятника, набранное типографским шрифтом, увидело свет уже в период Мэйдзи в 1881 г.

Из 79 списков к автографам (*дзихицубон,* 自筆本) «Записей» относят лишь четыре: список дома Икэда — «Записи о Нобунага» («Синтё: ки»; 信長記) из 15 книг; список святилища Такэисао («Синтё:-ко: ки»; 信長公記) также из 15 книг; «Записи одиннадцатого года Эйроку» («Эйроку дзю:ити нэнки»; 永禄十一年記) из одной книги; «Старые записи О:та Гю:ити» («О:та Гю:ити кю:ки»; 太田牛一旧記) из одного свитка. «Записи одиннадцатого года Эйроку» соответствуют первому тому «Синтё:-ко: ки» и повествуют о походе Нобунага на Киото в 1568 г. «Старые записи О:та Гю:ити», датируемые 1609 г., представляют собой рассказ о военной кампании Нобунага против Исияма Хонгандзи и некоторых других событиях.

Дошедшие до нас списки «Записей» имеют разные «внешние» названия[22] — «Адзути никки» («Дневниковые записи Адзути»; 安土日記), «Адзути ки» («Записи

[21] Сборник статей, посвященный О:та Гю:ити и его хронике, изданный в 2009 г., называется «Читая Синтё:-ко: ки» [«Синтё:-ко: ки» о ёму, 2009], тогда как другой коллективный труд на ту же тему, увидевший свет в 2012 г., озаглавлен «“Синтё: ки” и эпоха Нобунага и Хидэёси» [«Синтё: ки» то Нобунага, 2012]. Вада Ясухиро предпочитает именовать сочинение Гю:ити «Синтё:-ко: ки», а его коллега Канэко Хираку — «Синтё: ки» [Вада, 2018, с. 4; Канэко, 2009, с. 394].

[22] В японской текстологии оперируют терминами «внешнее название» (*гэдай*, 外題) и «внутреннее название» (*найдай*, 内題) той или иной рукописи. «Внешнее название» надписывали тушью на обложке сброшюрованной книги или свитка, туда же могли приклеить полоску из бумаги или ткани с его указанием. «Внешнее» наименование на полоске бумаги или материи также называют *дайсэн* (題簽). «Внутреннее название» обычно ставили в начале текста, но оно могло быть записано и на титульном листе, в оглавлении, предисловии, в конце рукописи.

Адзути»; 安土記), «Ода ки» («Записи Ода»; 織田記) и др. При этом «Синтё:-ко: ки» и «Синтё: ки» — самые распространенные наименования. Это неслучайно — именно так названы уже упомянутые рукописи дома Икэда и святилища Такэисао [23], два сохранившиеся автографа, созданных О:та Гю:ити на склоне лет, с которых были скопированы многие другие списки.

Список дома Икэда (Икэда-кэ бон; 池田家本), датируемый 1610 г., принадлежал семье Икэда, а в 1949 г. был передан ею с другими документами в дар библиотеке Университета Окаяма, где и хранится по сей день [24]. Рукопись была написана О:та Гю:ити по заказу даймё Икэда Тэрумаса (1564–1613), который, узнав о сочинении Гю:ити, пожелал сначала получить копию 13-й книги, а потом и всего текста [Исида, 1980, с. 68]. Интерес, проявленный Тэрумаса к произведению Гю:ити, не был случайным. В 13-й книге рассказывается о первом военном походе молодого Тэрумаса, который в 1580 г. вместе с отцом и старшим братом осаждал замок Ханакума в провинции Сэтцу, где заперлись сторонники военачальника Араки Мурасигэ (1535–1586), поднявшего мятеж против Нобунага.

Другая рукопись, находившаяся в святилище Такэисао в Киото, (список святилища Такэисао — Такэисао дзиндзя бон 建勲神社本 [25]), — в настоящее время передана на хранение в Государственный музей Киото. Списки дома Икэда и святилища Такэисао неоднократно копировались в период Токугава [26]. «Внешнее название» списка дома Икэда — «Синтё: ки», а списка святилища Такэисао — «Синтё:-ко: ки», однако и то и другое наименование, как считают историки, даны не самим О:та Гю:ити: бумажные полоски с названиями были приклеены к обложкам рукописей уже после его смерти [Канэко, 2009, с. 132, 392].

Список святилища Такэисао, похоже, принадлежавший потомкам Гю:ити, был передан в княжество Кайдзю: [27], которым правили отпрыски рода Ода. Уже в период Мэйдзи рукопись попала к настоятелю святилища Тацута, который в 1910 г. подарил ее святилищу Такэисао [Исида, 1980, с. 62, 64; Канэко, 2009, с. 248].

О существовании этих двух рукописей было известно, но лишь в 1975 г. Исида Ёсихито (1926–1996) установил, что список дома Икэда — оригинал, созданный самим Гю:ити (кроме 12-го свитка этой рукописи). В 1976 г. Найто: Акира показал, что список святилища Такэисао — автограф О:та Гю:ити [Канэко, 2009, с. 46–47]. Большинство копий восходит к этим двум рукописям.

Вышеуказанные автографы и копии «Записей» отличаются друг от друга: описанием некоторых событий, наличием или отсутствием фраз или небольших

[23] Такэисао дзиндзя (Кэнкун дзиндзя) было основано в 1869 г. по рескрипту императора Мэйдзи, здесь почитается обожествленный Ода Нобунага.

[24] Вместе с тем, 12-я книга этой рукописи признана копией, не принадлежащей кисти Гю:ити.

[25] Многие ученые считают, что этот список появился позднее списка дома Икэда [Исида, 1980, с. 62; Вада, 2018, с. 9]. Если эта точка зрения верна, то список Такэисао можно датировать 1610–1613 гг.

[26] Сейчас обе рукописи отнесены японским государством к важному культурному достоянию.

[27] Княжество, образованное в 1615 г. в провинции Ямато, называлось Кайдзю: хан (戒重藩), так как в Кайдзю: была резиденция даймё. В 1713 г. оно было переименовано в Сибамура хан (芝村藩), а в 1745 г. резиденция князя была перенесена в Сибамура. Княжеством управляли сначала потомки Ода Нагамасу (1547–1622), младшего брата Нобунага, а затем потомки Ода Нобукацу (1558–1630), одного из сыновей Нобунага.

фрагментов текста, перечнями имен, оценкой численности войск или потерь при описании военных действий и т. п.

Пожалуй, наиболее значительным отличием разных копий является наличие «Начального свитка» («Сюкан», 首巻)[28]. Рукописи дома Икэда и святилища Такэисао состоят из 15 книг, однако сохранились и списки из 16 книг: они содержат те же 15 книг, а также так называемый «Начальный свиток». 15 книг — это хроника 15 лет деяний Ода Нобунага с момента его прибытия в Киото (1568–1582), причем каждая книга представляет собой описание одного года его деятельности. В то же время «Начальный свиток» — изложение событий, предшествовавших вступлению Нобунага в Киото: с его отрочества до похода на Киото в 1568 г. «Сюкан» предваряет 15 книг в списках из 16 книг.

Как уже было сказано, в автографах «Записей» из 15 книг «Начального свитка» нет, он содержится только в списках-копиях из 16 книг. Его подлинник утрачен. В связи с этим высказывается сомнение, действительно ли автор этой части «Записей» — О:та Гю:ити. Дело в том, что по манере изложения «Начальный свиток» не похож на «основной текст» из 15 книг: хронологический принцип повествования не везде выдерживается; мало где проставлены точные даты сообщений; встречаются довольно грубые ошибки в хронологии[29]. В самом начале текста есть та же приписка, которая содержится в каждой из 15 книг: «О:та Идзуми [-но ками] сложил это». Таким образом, О:та Гю:ити указывается как автор «Начального свитка», хотя ни заглавие, ни время создания не обозначены[30]. Многие исследователи все же не сомневаются, а другие вполне допускают, что «Начальный свиток» создан О:та Гю:ити и, вероятно, первоначально был отдельным самостоятельным произведением [Танака, 1947, с. 153; Накамура, 2013, с. 76]. Одним из весомых доказательств авторства Гю:ити является дословное совпадение фрагментов текста в «Начальном свитке» и другом сочинении О:та Гю:ити — «Тайко: сама гунки-но ути», в которых описывается жизнь Сайто: До:сан (1494–1556), даймё провинции Мино [«Синтё:-ко: ки», 1996, с. 66–67; «Тайко:-сама», 1965, с. 170–171].

К наиболее важным спискам «Записей о князей Нобунага» помимо уже ранее перечисленных четырех автографов относятся копии:

1) «Дневник Адзути» («Адзути никки») из книгохранилища Сонкэйкаку[31];

2) «Записи о Нобунага» («Синтё: ки»), происходящие оттуда же;

---

28 Это условное название, которое было дано в предисловии первым издателем «Записей о князе Нобунага» Хокияма Кагэо в 1881 г., поскольку «Начальный свиток» располагался перед I томом «основной части» из 15 книг [Вада, 2017, с. 54].

29 Так, сражение при Окэхадзама датируется в «Начальном свитке» 21-м годом девиза правления Тэмбун (1552 г.), годом Крысы и Старшего брата воды, тогда как на самом деле оно произошло в 3-м году девиза правления Эйроку, году Обезьяны и Старшего брата металла (1560 г.), в 19-й день 5-й луны.

30 Накамура констатирует, что Гю:ити, будучи на семь лет младше Нобунага, в «Начальном свитке» описывал отрочество и юность Нобунага с чужих слов, а не как очевидец [Накамура, 2013, с. 72]. Вместе с тем неточная хронология «Сюкан», скорее всего, говорит о том, что до 1568 г. Гю:ити даже эпизодически не делал датированных записей, а создал «Сюкан» значительно позднее на основе собственных воспоминаний, услышанных от других сведений, и может быть, каких-то письменных источников.

31 Сонкэйкаку бунко (尊経閣文庫) — собрание книг и документов дома Маэда, правившего в период Токугава княжеством Кага. Книгохранилище основал пятый даймё этого дома — Маэда Цунанори (前田綱紀, 1643–1724). Сейчас эта коллекция книг и документальных материалов находится в Токио.

3) «Записи о Нобунага» («Синтё: ки»), (рукопись хранится в Историческом музее Осака);
4) «Записи о Нобунага» («Синтё: ки»), в настоящее время хранящиеся в библиотеке Университета Тэнри;
5) «Синтё:-ко: ки», принадлежавшие Матида Хисанари (1838–1897);
6) «Синтё:-ко: ки» из библиотеки Ё:мэй («Ё:мэй бунко бон») и некоторые другие рукописи.

Неизвестно, когда был скопирован «Дневник Адзути» [32], сохранившийся не полностью и состоящий лишь из одной книги, частично соответствующей 11-му и 12-му тому «Записей». В этом источнике изложены события, происходившие с 1-го дня 1-й луны 6-го года девиза правления Тэнсё: (1578 г.) до 6-го дня 8-й луны 7-го года девиза правления Тэнсё: (1579 г.). Оригинал «Дневника» должен был быть создан раньше как уцелевших автографов, так и протографов других копий «Записей» — незадолго до или сразу после гибели Нобунага. В тексте «Дневника» к имени «объединителя» Японии добавляется почтительное именование «повелитель» (*уэсама,* 上様), свидетельствующее о том, что Гю:ити на момент его написания все еще осознавал себя вассалом Нобунага и стремился выразить свое почтение к господину. Для более поздних по происхождению версий текста характерно более отстраненное величание — «князь» (*ко:*, 公). Как полагал Танака Хисао (1913–1997) в основу «Дневника» могли быть положены заметки Мураи Садакацу (?–1582), высокопоставленного вассала Нобунага, созданные после осмотра замка Адзути в 1579 г., или же записи самого О:та Гю:ити, сопровождавшего тогда Садакацу. Так или иначе, текст «Адзути никки», вероятно, восходит к первоначальным наброскам Гю:ити, из которых позднее выросли «Записи» [Танака, 1947, с. 149–150; Накамура, 2013, с. 70]. О раннем происхождении «Дневника Адзути» свидетельствует и сообщение об инциденте с Токугава Нобуясу (1559–1579), сыном будущего первого сёгуна Токугава Иэясу. Согласно «Дневнику», Иэясу и старейшие вассалы клана Токугава, узнав, что Нобуясу замыслил измену, обвинили его в неподобающем поведении в отношении «повелителя» (Ода Нобунага) и отослали на окраину провинции Микава[33]. В 12-й книге списка дома Икэда эти события изложены иначе: Нобуясу внезапно тронулся умом и потому его заточили в одном из замков провинции То:то:ми. В списке святилища Такэисао описания этого инцидента нет вообще. Видимо, работая над двумя последними рукописями, Гю:ити должен был учитывать возможную реакцию дома Токугава и в одном случае подправил, а в другом умолчал об этом происшествии. В то же время полное описание опалы Нобуясу в «Дневнике Адзути» говорит о том, что он появился раньше списков дома Икэда и Такэисао — в то время, когда Токугава Иэясу еще не стал самым могущественным человеком Японии, а был «младшим союзником» Ода Нобунага, которому служил Гю:ити [Фудзимото, 2003, с. 56–57; Вада, 2009, с. 56].

В «Записях о Нобунага» из 15 книг из библиотеки Сонкэйкаку также содержатся весьма ранние по происхождению части текста, некоторые из них не обнаруживаются в других списках памятника. «Начального свитка» в этой редакции «Записей» нет. Сама

[32] По предположению Канэко, список мог быть создан в начале эпохи Эдо [Канэко, 2009, с. 81].
[33] Токугава Нобуясу, владевший замком Окадзаки в провинции Микава, был женат на дочери Ода Нобунага. В 1579 г. Нобуясу был принужден к самоубийству своим отцом Иэясу, заподозрившим его в измене. Иэясу поставил в известность Нобунага о происшедшем, но решение о судьбе сына, скорее всего, принял он сам. По всей вероятности, Иэясу заподозрил его в сговоре с врагами из дома Такэда. Подробнее см.: [Хираяма, 2017, с. 323–329].

копия была сделана, предположительно, в 1719 г., но ее оригинал, судя по колофону, датируется 1613 г. — годом смерти Гю:ити [Вада, 2018, с. 8]. Рукопись, возможно, передавалась среди его потомков, служивших в княжестве Кага. Особенностью этого списка является наличие фрагментов, отсутствующие в автографах. В списках дома Икэда и святилища Такэисао хроника обрывается сообщением о том, как Токугава Иэясу после гибели Нобунага в 1582 г. спешно отплыл из Кувана в провинции Исэ и прибыл в порт Ацута в провинции Овари. В то же время в тексте списка из библиотеки Сонкэйкаку повествование на этом не оканчивается, следуют дополнения, рассказывающие о начале возвышения Тоётоми Хидэёси [Канэко, 2009, с. 80–81, 297, 314].

Еще одна ценная рукопись — «Синтё: ки» («Записи о Нобунага») — передавалась в другой ветви рода Гю:ити — О:та из княжества Асада (провинция Сэтцу). Оригинал списка дома О:та (О:та-кэ бон 太田家本) также не дошел, осталась лишь копия — сброшюрованная в 9 тетрадей и включающая лишь 14 книг без последнего 15-го тома, а также «Начального свитка» [Канэко, 2009, с. 283]. Именно этот список содержит упомянутый выше колофон, в котором Гю:ити относит себя к вассалам Сиба, *сюго* провинции Овари.

«Синтё: ки» («Записи о Нобунага») из библиотеки Университета Тэнри (список Тэнри — Тэнри бон 天理本) включают «Начальный свиток» а также 15 книг «основного текста». Листы рукописи сброшюрованы в 10 тетрадей. В конце каждой тетради указано имя переписчика. Копия, вероятно, была создана в начале годов девиза правления Канъэй (1624–1645). Ее уникальность определяется в первую очередь особой и, по-видимому, наиболее ранней редакцией «Начального свитка» [Кирино, 2012, с. 39–40] [34].

В 1965 г. издательством «Синдзинбуцу о:райся» были опубликованы, а в 1997 г. переизданы «Записи о князе Нобунага» с комментариями Кувата Тадатика [Синтэй «Синтё:-ко: ки», 1997], их основой стал список из собрания Матида Хисанари (Матида бон 町田本). Именно он был издан в 1881 г. в сборнике исторических источников «Гадзикангасё» (我自刊我書), а затем повторно увидел свет в издании серии исторических источников «Кайтэй сисэки сю:ран» в 1901 г. Эта рукопись была скопирована со списка Такэисао, видимо, в годы Канъэй (1624–1645) [Синтэй «Синтё:-ко: ки», 1997, с. 2]. Как и список из книгохранилища Ё:мэй, данный вариант «Записей» насчитывал 16 книг, сброшюрованных в 3 тетради вместе с «Начальным свитком». В настоящее время его местонахождение неизвестно.

Наконец, список «Записей о князе Нобунага» из книгохранилища Ё:мэй бунко[35] (Ё:мэй бунко-бон; 陽明文庫本) состоит из «Начального свитка» и 15 книг «основной части», которые сброшюрованы в 16 отдельных тетрадей. Гипотетический генезис этого варианта текста представляется следующим образом. До 1692 г. Ода Нагадзуми (1662–

[34] Хирано Акио и Вада в отличие от Кирино и Канэко [Канэко, 2009, с. 392] полагают, что наиболее ранняя версия «Начального свитка» — это список Ё:мэй, а не список Тэнри [Хирано, 2016, с. 5; Вада, 2012, с. 25]. Хирано считает, что текст списка Ё:мэй более лаконичен, а значит, появился раньше.

[35] Ё:мэй бунко (陽明文庫) — собрание книг и документов дома Коноэ с эпохи Хэйан до периода Мэйдзи, расположенное в Киото. Коноэ — ветвь дома Фудзивара и один из пяти «регентских домов», отпрыски которых назначались на должности *кампаку* (канцлера) при императорском дворе. Ё:мэй (陽明) — другое наименование дома Коноэ.

1722), правителю княжества Кайдзю:, от Ханабуса Масацугу, прямого вассала сёгуна, был передан автограф О:та Гю:ити (по-видимому рукопись святилища Такэисао из 15 томов). После этого весной 1692 г. Нагадзуми также получил от О:та Уситэру, потомка Гю:ити, рукопись, которую считают впоследствии утраченным подлинником «Начального списка» [Танака, 1947, с. 138; Кодзима, 1969, с. 548; Канэко, 2009, с. 322]. По-видимому, в 1697 г. Нагадзуми передал оригиналы двух рукописей для копирования Коноэ Иэхиро (1667–1736), киотоскому аристократу, занимавшему высшие посты при императорском дворе. К 1699 г. с рукописи, известной как список святилища Такэисао, а также с не сохранившегося подлинника «Начального свитка» были сняты копии, осевшие в книгохранилище Ё:мэй бунко [Канэко, 2009, с. 241–242][36]. Вероятно, именно так появился список Ё:мэй бунко, который был положен в основу публикации «Записей» издательством «Кадокава сётэн» с комментариями и послесловием Окуно Такахиро (1904–2000) и Ивасава Ёсихико в 1969 г. Книга эта выдержала множество переизданий [«Синтё:-ко: ки», 1996].

Японские ученые выдвинули некоторые правдоподобные гипотезы относительно возможного времени появления первых набросков и «окончательных» версий «Записей о князе Нобунага». Первые свои заметки О:та Гю:ити, видимо, начал делать еще при жизни Ода Нобунага. Как уже было сказано, «Дневник Адзути» из библиотеки Сонкэйкаку, в котором зафиксированы события 6 и 7-го годов девиза правления Тэнсё: (1578–1579), предположительно является одним из ранних по времени происхождения фрагментов, который впоследствии вошел в текст «Записей» из 15 книг.

Вада предположил, что «Дневник» был создан уже в 1579 г. [Вада, 2012, с. 27]. Танака думал, что «Дневник» появился незадолго до смерти или сразу же после гибели Нобунага. При этом ученый не исключил, что первые дневниковые записи, которые потом легли в основу хроники о Нобунага, О:та Гю:ити стал делать уже в 1568 г., когда он последовал за армией своего господина в Киото [Танака, 1947, с. 150, 157]. Возможно, окончательное складывание текста «Записей» можно отнести к рубежу XVI–XVII вв. Во-первых, об этом может свидетельствовать сообщение из дневника Гиэн (1558–1626), настоятеля храма Дайгодзи, датируемое 17-м днем 3-й луны 1598 г.: «Приходил О:та Матасукэ. [Он] сделал записи от [правления] князя Нобунага до нынешнего времени. Немного декламировал [наизусть]»[37]. Вероятно, Гю:ити по памяти читал отрывки из своего сочинения, хотя Гиэн не приводит его названия. Во-вторых, в 1-й книге «Записей» списка дома О:та содержится примечательный колофон, согласно которому их автор — О:та Идзуми-но ками Гю:ити, которому исполнилось больше 70-ти лет. Поскольку Гю:ити родился в 1527 г., протограф этого списка можно датировать началом годов девиза правления Кэйтё: (1596–1616) [Канэко, 2009, с. 287], а значит, он появился раньше рукописи дома Икэда (1610 г.).

По мнению ряда исследователей, вполне возможно, что в 1598 г., последнем году правления Тоётоми Хидэёси уже сложился текст «Записей о князе Нобунага» из 15 книг [Танигути, 1980, с. 38; Накамура, 2013, с. 72] Вада полагает, что составление «Синтё: ки» видимо было закончено до 1598 г. [Вада, 2012, с. 26]. Однако Мацуда более осторожен.

---

[36] Оригиналы обоих рукописей были возвращены Ода Нагадзуми.

[37] Дайгодзи — храм школы Сингон (Киото). Одним из первых на это сообщение из дневника Гиэн обратил внимание Мацуда Осаму. Перевод сделан по фрагменту дневника, цитируемому в его статье [Мацуда, 1961, с. 813].

Он считал, что сообщение из дневника Гиэн, датированное 1598 г., говорит не об окончательном складывании текста 15 книг, а скорее о процессе составления отдельных частей «Записей» [Мацуда, 1961, с. 813].

Сугисаки был проведен анализ частоты упоминаний некоторых действующих лиц из сочинения Гю:ити: подсчитано количество столбцов текста, в которых фигурировали их имена, оценен размер соответствующих сообщений. Оказалось, что из вассалов Нобунага чаще всего встречается имя Тоётоми Хидэёси. Вместе с тем весьма пространные сообщения относились и к Токугава Иэясу. Тем самым Гю:ити испытывал особый интерес к описанию деяний Хидэёси и Иэясу [Сугисаки, 2012, с. 96]. Из этого следует вывод: большая часть «Записей» была зафиксирована уже после гибели Нобунага во время правления Хидэёси и последующего возвышения Иэясу [Сугисаки, 2012, с. 100]. Следует напомнить, что список дома Икэда из 15 книг датируется 1610 г. Исходя из этого кажется логичным датировать завершение генезиса текста «Записей» из 15 книг рубежом XVI–XVII вв. (примерно первой половиной годов девиза правления Кэйтё:).

Как уже было отмечено, «Начальный свиток», повествующий о деяниях Нобунага до 1568 г., по мнению некоторых ученых, был отдельным произведением, впоследствии добавленным к некоторым спискам из 15 книг. Давно уже был поднят вопрос о времени создания «Начального свитка», высказывалось мнение, что оснований для утверждений о его позднем происхождении нет, этот текст, возможно, возник раньше «основной части» из 15 книг [Кодзима, 1969, с. 566; Вада, 2003, с. 184; Фудзимото, 2003, с. 44]. Однако многие ученые склонны считать, что эта часть «Записей» была написана позднее формирования корпуса из всех 15 книг [Исида, 1980, с. 59]. Текст «Начального свитка» не столь хорошо упорядочен и отшлифован как 15-книжные «Записи». Видимо, Гю:ити написал «Сюкан» достаточно поздно и не успел обработать его текст [Накамура, 2013, с. 77]. Можно констатировать, что эта проблема остается дискуссионной.

Неясно, когда появилась редакция «Записей» из 16 книг. Список Ё:мэй бунко, судя по всему, сформировался в конце XVII в. после присоединения «Начального свитка» к 15 книгам. Но есть и другие рукописи из 16 книг. Вада Ясуюки склонен думать, что версия из 16 книг, включавшая «Сюкан», была составлена уже самим Гю:ити и до его смерти не распространялась, а хранилась у него. В то же время Гю:ити исключил «Начальный свиток» из «Записей», предназначенных для «широкой аудитории», тем самым при его жизни «тиражировались» списки из 15 книг [Вада, 2003, с. 184–185]. Кодзима Хиродзи и Вада Ясухиро, основываясь на колофонах в некоторых списках «Записей», также не исключали, что О:та Гю:ити сам добавил «Начальный свиток» к 15-ти книгам «основной части» [Кодзима, 1969, с. 566; Вада, 2018, с. 8–9].

В целом, далеко не на все вопросы, касающиеся хронологии списков «Записей о князе Нобунага», даны четкие и однозначные ответы. Это в немалой степени связано с вопросом о том, как О:та Гю:ити работал над созданием «Записей».

«Записи» состоят из 15 книг, в каждой из которых описывается один год жизни и деяний Ода Нобунага после его прибытия в Киото (1568–1582). В 1-й книге списка из библиотеки Ё:мэй содержится следующий колофон: «Записал здесь [события] жизни князя Ода Дандзё:-но тю: Нобунага с 11-го года [девиза правления] Эйроку, дракона и старшего брата земли» [«Синтё:-ко: ки», 1996, с. 83]. В «Начальном свитке» списка Ё:мэй

поставлена такая приписка: «Это записи [о том, что было] до прибытия Нобунага в столицу» [«Синтё:-ко: ки», 1996, с. 17]. Тем самым в части, предпосланной 15 книгам, в основном излагаются события из жизни Нобунага до его похода на Киото в 1568 г.

По всей вероятности, еще при жизни своего господина О:та Гю:ити время от времени составлял заметки о тех или иных событиях. Неясно, в какой именно момент он решил объединить свои материалы и создать на их основе погодное жизнеописание Нобунага. Вряд ли он ставил перед собой подобную цель с самого начала.

Ученые строят догадки, почему О:та Гю:ити приступил к составлению «Записей о князе Нобунага». Исида считает, что Гю:ити захотел поведать о своем господине, оставившем столь яркий след в истории Японии, после его гибели в храме Хонно:дзи в 1582 г. [Исида, 1980, с. 58, 60]. Гю:ити, усердно ведя день за днем свои заметки, первоначально не помышлял о создании большого произведения. Вполне возможно, что бывший высокопоставленный вассал Нобунага или иной известный деятель периода Адзути-Момояма побудили его приняться за работу [Накамура, 2013, с. 72, 75].

Сочинение «Записи О:та Идзуми-но ками» («О:та Идзуми-но ками ки») — автограф Гю:ити, датируемый 1609 г. В нем изложены события от битвы при Сэкигахара в 1600 г. до 1607 г. Рукопись содержит интересный авторский колофон, где говорится, что эта книга возникла «естественным образом» из «дневниковых записей» (*никки,* 日記), делавшихся при удобном случае [Фудзимото, 2003, с. 20]. Похожий колофон обнаруживается в 13-й книге списка дома Икэда [Накамура, 2013, с. 67]. Канэко поясняет, что в данном случае слово *никки* не дневник в общепринятом смысле, не ежедневная фиксация увиденного и услышанного. Одни сообщения могли составляться «по горячим следам», другие позднее [Канэко, 2009, с. 18–19, 24]. В определенный момент Гю:ити их сводил воедино и обрабатывал, иногда добавляя сведения, почерпнутые из других источников. Таким образом, труд Гю:ити — это объединенные и отредактированные позднее описываемых событий разновременные записи; при всей своей достоверности, как подчеркивают японские историки, его хроника всё же не равноценна источникам «первого класса» — документам или дневникам [Вада, 2012, с. 3; Танигути, 1980, с. 38]. Заметки, включавшиеся в «итоговое» сочинение, подвергались правке в разной степени. Вместе с тем текст в книгах Гю:ити как правило организован в хронологическом порядке: от более ранних к более поздним событиям.

Существует предположение, что вначале 15 книг, описывавших 15 лет правления Нобунага, были отдельными самостоятельными произведениями как и «Начальный свиток» [Сугисаки, 2007, с. 15]. Так, «Записи одиннадцатого года Эйроку», один из уцелевших автографов Гю:ити, соответствует первой из 15 книг, рассказывающей о деяниях Нобунага в 1568 г. По форме это самостоятельное сочинение, переписанное Гю:ити по заказу. В эпоху Муромати небольшие произведения, посвященные отдельным происшествиям и событиям, были не редкостью. Возможно Гю:ити вначале написал отдельные книги, описывавшие тот или иной год жизни Нобунага [Фудзимото, 2003, с. 43, 46]. О:та Цугио также склонен думать, что книги писались одна за другой, постепенно превращаясь в сочинение из 15-ти томов. В начале каждой книги стоит приписка: «О:та Идзуми-но ками сложил это». Однако в самом конце всего текста нет «завершающего колофона». Ученый также обращает внимание на неунифицированность текста книг, входящих в «Записи о князе Нобунага» [О:та, 1963, с. 109].

Фудзимото обосновал концепцию создания текста «Записей о князе Нобунага». По его мнению, Гю:ити использовал своего рода «систему карточек»: он объединял «карточки» (записи), созданные в разное время, располагал их в хронологической последовательности, постепенно составляя отдельные книги. Записи были разные по объему — от нескольких строк, до небольших законченных повествований. Некоторые записи Гю:ити правил, другие оставлял в неизменном виде. По этой причине форма сообщений в «Записях» не единообразна. Так, к имени Нобунага в одних фрагментах присоединяется почетное титулование, а в других нет. Гю:ити мог нарушать хронологический порядок при упорядочивании «карточек» [Фудзимото, 2003, с. 60–61]. Канэко, не отвергая напрочь соображений Фудзимото, полагает, что в действительности Гю:ити не записывал разные сообщения на отдельных листах бумаги («карточках»), они могли располагаться и на одном листе, разделенные линиями [Канэко, 2009, с. 387].

Создав некогда первую версию из 15 книг, О:та Гю:ити, откликаясь на пожелания своих читателей — воинов, ученых монахов и столичной знати, желавших ознакомиться с рукописью, приступил к созданию ее копий. Как считают ученые, он не переписывал изначальный текст в точности, а вносил в него исправления, иногда что-то опускал или добавлял. Видимо, на руках у самого Гю:ити было несколько вариантов «Записей», которые он мог одалживать для копирования и чтения. Часть его автографов, возможно, перешла к другим [Фудзимото, 2003, с. 27–29, 38]. Особенность творческой манеры Гю:ити заключалась в том, что при создании новых списков он мог обращаться не только к самым последним редакциям своей хроники, но и к самым ранним. Иными словами, Гю:ити, судя по всему, не отбраковывал прежние версии «Записей», сохранял их, периодически что-то в них подправлял и использовал при создании новых версий. Именно этим объясняется отсутствие единообразия в дошедших вариантах текста его хроники. Даже в последних списках этого сочинения можно найти весьма ранние по своему происхождению отрывки [Канэко, 2009, с. 384–385]. Не исключено, что Гю:ити и не стремился к выработке «финального», «окончательного» варианта «Записей» [Фудзимото, 2003, с. 63; Вада, 2012, с. 5–6].

Таким образом, к настоящему моменту японским ученым удалось установить основные вехи жизненного пути О:та Гю:ити и скрупулезно исследовать сохранившиеся списки «Записей о князе Нобунага». Однако остаётся немало неразрешенных вопросов, ответы на которые, вероятно, могут быть даны лишь после обнаружения новых источников.

Литература / References

Боги, святилища, обряды Японии. Энциклопедия Синто. Под ред. И. С. Смирнова. М., 2010 [*Japan: Gods, Shrines, Rites. Encyclopedia of Shinto.* Smirnov I. S. (ed.). Moscow, 2010 (in Russian)].

Коваленко О. *Самурайські хроніки: Ода Нобунага.* К.: Дух і Літера, 2013.

Elisonas J. S. A. and Lamers J. P. *Introduction* // *The chronicle of Lord Nobunaga* by Ōta Gyūichi. Translated and edited by J. S. A. Elisonas and J. P. Lamers. Boston, Leiden, 2011. Pp. 17–47.

Вада Ясуюки **和田恭幸**. *Синсюцу сансацу-бон «Синтё:-ко: ки» сё:ко:. Кинсэй сё:сэцу-но ё:ранки* **新出三冊本 信長公記 小考 – 近世小説の揺籃期** // Кокубунгаку кэнкю: сирё:кан киё: **国文学研究資料館紀要**. 2003. № 29. С. 171–187.

Вада Ясухиро 和田裕弘. *Гю:ити-но суйко: ни цуитэ. Сюкан ни окэру дэмпонкан-но идо: о тю:син ни* 牛一の推敲について – 首巻における伝本間の異同を中心に// «*Синтё: ки» то Нобунага, Хидэёси но дзидай*. Канэко Хираку хэн. 信長記と信長 秀吉の時代. 金子拓 編. Токио, 2012. С. 3–36.

Вада Ясухиро 和田裕弘. *Нобунага-но итидайки «Синтё: ки» ва иканару сёмоцу ка* 信長の一代記信長記はいかなる書物か // *Нобунага кэнкю:-но сайдзэнсэн*. 2. 信長研究の最前線 2. Ватанабэ Даймон хэн 渡邊大門編. Токио, 2017. С. 54–70.

Вада Ясухиро 和田裕弘. *«Синтё:-ко: ки»-но сёхон* 信長公記の諸本 // *«Синтё:-ко: ки» о ёму*. 信長公記を読む. Хори Син хэн 堀新編. Токио, 2009. С. 56–63.

Вада Ясухиро 和田裕弘. *«Синтё:-ко: ки». Сэнгоку хася-но иккю: сирё:* 信長公記. 戦国覇者の一級史料. Токио, 2018.

Вада Ясухиро 和田裕弘. *«Синтё: ки» кэнкю:-но кадай* 信長記 研究の課題// *«Синтё: ки» то Нобунага, Хидэёси но дзидай* 信長記と信長 秀吉の時代. Канэко Хираку хэн 金子拓 編. Токио, 2012. С. 69–74.

Ивасава Ёсихико 岩沢愿彦. *Кайсэцу* 解説// *«Синтё:-ко: ки»* 信長公記. Ивасава Ёсихико, Окуно Такахиро ко:тю: 岩沢愿彦　奥野高広 校注. 9-е изд. Токио, 1996. С. 453–478.

Ивасава Ёсихико 岩沢愿彦. *«Синтё:-ко: ки»-но сакуся О:та Гю:ити-но сэкай* 信長公記の作者太田牛一の世界// Сисо: 史叢.1983. 32. С. 1–17.

Исида Ёсихито 石田善人. *«Синтё: ки»-но сэйрицу то соно иги* 信長記の成立とその意義 // *Ода Нобунага-но субэтэ* 織田信長のすべて. Окамото Рё:ити хэн 岡本良一 編. Токио, 1980. С. 47–72.

Канэко Хираку 金子拓. *Ода Нобунага то йу рэкиси. «Синтё: ки»-но каната э* 織田信長という歴史 – 信長記の彼方へ. Токио, 2009.

Канэко Хираку 金子拓. *Сирё: сё:кай. «Бэппон годайдай гунки»* («О:та Гю:ити кю:ки») 史料紹介. 別本御代々軍記（太田牛一旧記）// *«Синтё: ки» то Нобунага Хидэёси-но дзидай* 信長記と信長 秀吉の時代. Канэко Хираку хэн 金子拓 編. Токио, 2012. С. 301–326.

Кирино Сакудзин 桐野作人. *Сайко: — Окэхадзама кассэн. Тэнри, Кодзиндзо:-бон о тю:син ни* 再考 – 桶狭間合戦. 天理 個人蔵本を中心に // *«Синтё: ки» то Нобунага, Хидэёси но дзидай* 信長記と信長 秀吉の時代. Канэко Хираку хэн 金子拓 編. Токио, 2012. С. 37–68.

Кодзима Хиродзи 小島広次. *Гю:ити бон «Синтё: ки Сюкан»-но сэйкаку ни цуитэ* 牛一本信長記 巻首の性格について// *Киёсу тё:си* 清須町史. Нагоя, 1970. С. 541–570.

Кувата Тадатика 桑田忠親. *«Тайко: ки»-но кэнкю:* 太閤記の研究. Токио, 1965.

Мацубаяси Ясуаки 松林靖明. «*Синтё:-ко: ки*» 信長公記 // *Сэнгоку гунки дзитэн. То:ицу хэн* 戦国軍記事典. 天下統一編. Осака, 1997. С. 6–12.

Мацуда Осаму 松田修. «*Синтё: ки» рон* 信長記 論 // *Нихон бунгаку* 日本文学. 1961. 10. С. 812–818.

Накамура Нацуми 中村 名津美. *О:та Гю:ити «Синтё:-ко: ки» хэнсан катэй-но кэнкю:* 太田牛一 信長公記編纂過程の研究 // *Рю:коку дайгаку дайгакуин бунгаку кэнкю:ка киё:* 龍谷大学大学院文学研究科紀要. 2013. № 35. С. 66–82.

О:та Цугио 太田次男. *Найкаку бунко дзо: гэмпон «Синтё: ки» ни цуитэ* 内閣文庫蔵原本信長記について // *Сигаку* 史学.1963. 36 (2 3). С. 209–228.

«Синтё: ки». Т. 1. 信長記 上. Аманэ Кангори ко:тю: 神郡周 校注. Токио, 1981.

«Синтё:-ко: ки» 信長公記. Ивасава Ёсихико, Окуно Такахиро ко:тю: 岩沢愿彦　奥野高広 校注. 9-е изд. Токио, 1996.

«Синтё:-ко: ки» о ёму 信長公記を読む. Хори Син хэн 堀新編. Токио, 2009.

«Синтё: ки» то Нобунага, Хидэёси но дзидай 信長記と信長 秀吉の時代. Канэко Хираку хэн 金子拓 編. Токио, 2012.

Синтэй «Синтё:-ко: ки» 新訂 信長公記. Кувата Тадатика ко:тю: 桑田忠親 校注. Токио, 1997

Сугисаки Юми 杉崎友美. *О:та Гю:ити то «Синтё: ки» хэнсан* 太田牛一と信長公記 編纂// *Комондзё кэнкю:* 古文書研究. 2007. № 63. С. 1–24.

Сугисаки Юми 杉崎友美. «*Синтё: ки» хэнсан-но ё:кэн – Этидзэн Икко:-икки о итогути тоситэ* 「信長記」 編纂の要件 – 越前 一向一揆を糸口として// *«Синтё: ки» то Нобунага, Хидэёси но дзидай* 信長記と信長 秀吉の時代. Канэко Хираку хэн 金子拓 編. Токио, 2012. С. 75–106.

«*Тайко: сама гунки-но ути*» 大かうさまくんきのうち// *Тайко: сирё:-сю:* 太閤史料集. Кувата Тадатика ко:тю: 桑田忠親 校注. Токио, 1965. С. 147–224.

Танака Хисао 田中久夫. *О:та Гю:ити «Синтё:-ко: ки» сэйрицу ко:* 太田牛一信長公記 成立 考// Тэйкоку гакусиин кидзи 帝國學士院紀事.1947. 5 (2-3). С. 137–157.

Танигути Кацухиро 谷口克広. *Ода Нобунага касин дзиммэй дзитэн* 織田信長家臣人名事典. 2-е изд. Токио, 2010.

Танигути Кацухиро 谷口克広. *Ода Нобунага кассэн дзэнроку* 織田信長合戦全録. Токио, 2002.

Танигути Кацухиро 谷口克広. *О:та Гю:ити тё: «Синтё: ки»-но симпё:сэй ни цуитэ: хидзукэ-но ко:сё о тю:син тоситэ* 太田牛一著 信長記の信憑性について – 日付ケの考証を中心として// *Нихон рэкиси* 日本歴史. 1980. 389. С. 38–51.

Танигути Кацухиро 谷口克広. *«Синтё:-ко: ки»* 信長公記// *Ода Нобунага дзитэн* 織田信長事典. 2-е изд. Окамото Рё:ити хэн 岡本良一編. Токио, 1991. С. 350–358.

Фудзимото Масаюки 藤本正行. *Нобунага-но сэнсо:* 信長の戦争. Токио, 2003.

Хираяма Ю: 平山優. *Такэда-си мэцубо:* 武田氏滅亡. Токио, 2017.

Хирано Акио 平野明夫. *Окэхадзама-но татакаи* 桶狭間の戦// *Нобунага икуса-но кассэн-си* 信長軍の合戦史. 1500–1582. Ватанабэ Даймон хэн 渡邊大門編. Токио, 2016. С. 1–23.

Хори Син 堀新. «*Синтё:-ко: ки» то соно дзидай* 信長公記とその時代 // *«Синтё:-ко: ки» о ёму* 信長公記を読む. Хори Син хэн 堀新編. Токио, 2009.С.1–37.

Ябэ Кэнтаро 矢部健太郎. «*Тайко: сама гунки-но ути»-но сиппицу мокутэки то Хидэцугу дзикэн* 大かうさまくんきのうちの執筆目的と秀次事件 // *«Синтё: ки» то Нобунага, Хидэёси но дзидай* 信長記と信長 秀吉の時代. Канэко Хираку хэн 金子拓 編. Токио, 2012. С. 147–192.

О РОЛИ ГОРОДОВ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ХОРЕЗМА И КОЧЕВЫХ ПЛЕМЕН ДЕШТ-И КЫПЧАКА В КОНЦЕ XI–XII ВВ. НА ПРИМЕРЕ ДЖЕНДА

© 2019

Д. М. Тимохин*

Статья посвящена анализу сообщений источников относительно значения города Дженд для экономических и политических взаимоотношений между Хорезмом и кочевыми племенами Дешт-и Кыпчака в конце XI–XII вв. Начиная с первого независимого правителя из династии Ануштегинидов, Ала ад-Дина Атсыза, хорезмшахи укрепляли свое господство в этом городе и прилегающих к нему территориях и именно через Дженд осуществляли взаимодействия с кочевыми тюркскими племенами. При этом правителе Хорезма известно как минимум два крупных похода хорезмийской армии с целью подчинить Дженд и прилегающие к нему земли. Описываемый процесс только усиливается при Ала ад-Дине Текише и Ала ад-Дине Мухаммаде, когда переход на хорезмийскую службу тюркских племен и кочевой аристократии становится обыденным явлением. Значимость города Дженд для Хорезмийской державы подчеркивает и тот факт, что в качестве наместников хорезмшахи оставляли в нем своих старших сыновей. Таким образом, именно Дженд являлся главным центром торгового и политического взаимодействия между Хорезмом и кочевыми племенами восточного Дешт-и Кыпчака. Именно успешность этого взаимодействия во многом обусловила дальнейшее расширение Хорезмийской державы, которая накануне монгольского нашествия по праву становится одним из крупнейших держав исламского Востока. Однако помимо положительных последствий переход на хорезмийскую службу большого количества тюркской кочевой аристократии породил раскол внутри военной и политической элиты Хорезма, что стало одной из главных причин успеха монгольских войск в войне с этим государством.

Ключевые слова: Хорезм, Дженд, арабо-персидские источники, Дешт-и Кипчак.

ON THE ROLE OF CITIES IN INTERACTION OF KHOREZM AND THE NOMADIC TRIBES OF THE DASHT-I QIPCHAK AT THE END OF XI–XII CENTURIES ON THE EXAMPLE JAND

Dmitry M. Timokhin

The article aims at the analysis of the messages of historical sources regarding the importance of Dzhend for economic and political relations between Khorezm and nomadic tribes of the Desht-i Kypchak at the end of 11th–12th centuries. Starting from the first independent ruler of the Anushteginid dynasty, Ala ad-Din Atsyz, the Khorezmshahs strengthened their dominance in this city and adjacent territories and through Jand carried out interaction with the nomadic Turkic tribes.

* Дмитрий Михайлович ТИМОХИН, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; horezm83@mail.ru

Dimitry M. TIMOKHIN, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental studies RAS, Moscow; horezm83@mail.ru

In the times of this Khorezmian ruler there were at least two major marches of Khorezmian army in order to subdue Jand and the vicinity. The tendency intensified under Ala al-Din Tekish and Ala al-Din Muhammad, when the defection of Turkic tribes and nomadic aristocracy to Khorezm becomes a commonplace. The importance of Jand for the Khorezmian rulers is emphasized by the fact that the khorezmshakhs placed their eldest sons as the governors of Jand. Thus, Jand was the main center of trade and political interaction between Khorezm and the nomadic tribes of East Desht-i Kipchak. It was the success of this interaction that determined the further expansion of the Khorezm state, which on the eve of the Mongol invasion became one of the largest powers of the Islamic East. Hovewer besides positive consequences, the defection of a large number of Turkic nomadic aristocracy to Khorezm created a split within the military and political elite of Khorezm, which proved to be one of the main reasons for the success of the Mongolian armies in the war with this state.

Keywords: Khorezm, Jand, the Arab-Persian sources, Dasht-i Qipchak.

Пограничные города всегда были важнейшими центрами торговли кочевых и оседлых народов, а также играли значимую политическую и военную роль в этом взаимодействии. История Хорезма с момента начала формирования в нем династии Ануштегинидов, а именно с конца XI — начала XII вв., была неразрывно связана с кочевыми тюркскими племенами восточного Дешт-и Кыпчака. Именно они составляли основу военной мощи этого государственного образования, выходцы из тюркской среды занимали ведущие позиции в военной и административной системе Хорезма, а сами хорезмшахи нередко заключали династийные браки с представителями кочевой аристократии. В связи с этим особую роль в Хорезмийском государстве играли северные, пограничные с Дешт-и Кыпчаком, территории, составлявшие важнейшую зону контактов между кочевыми и оседлыми культурами, а города этого региона становились центрами экономического, политического, культурного и военного взаимодействия. Именно они, с одной стороны, являлись проводниками хорезмийского влияния на Дешт-и Кыпчак, а, с другой — позволяли правителям этого государства поддерживать контакты и при необходимости принимать на службу новых выходцев из кочевой среды. Последние, в свою очередь, перманентно пополняли ряды хорезмийской армии и, увеличивая ее мощь, становились важнейшим фактором успеха военной активности и территориального роста Хорезмийской державы на рубеже XII–XIII вв. В связи со всем вышесказанным представляется важным выделить ту роль, которую играли городские центры во взаимодействии Хорезма и кочевых тюркских племен восточного Дешт-и Кыпчака на конкретном примере.

Одним из важнейших городов в составе Хорезмийской державы с точки зрения взаимодействия кочевых и оседлых культур накануне монгольского вторжения следует признать город Дженд. Его экономическую значимость подчеркивают уже средневековые арабо-персидские авторы: в частности, в анонимном сочинении «‘Аджа’иб ад-дунйа» («Диковинки мира») [Аджаиб ад-дунйа, 1993], составленным между 1220–1221 и 1230–1231 гг. [Аджаиб ад-дунйа, 1993, с. 26], можно найти следующее описание этого города. Дженд — «это город в Туркестане. Его товары: лошади, мулы, колчаны, хорошие футляры для луков, древесина белого тополя, соболь, белка, горностай, рабы и рабыни, соколы, белые соколы, соколы “тугрил”, костяные шарики» [Аджаиб ад-дунйа, 1993, с. 195]. Однако политическое значение данного города в составе государства Хорезмшахов до сих пор практически не было предметом

специального исследования, хотя, как мы попытаемся показать ниже, с самого начала своего правления династия Ануштегинидов имела крепкие связи именно с этим городом и прилегающими к нему территориями. При этом именно Дженд становится одной из главных центров взаимодействия, политического, военного и экономического, между Хорезмом и кочевыми тюркскими племенами восточного Дешт-и Кыпчака, что было прервано лишь монгольским вторжением.

Среди исследователей бытует мнение, что накануне монгольского нашествия Дженд оставался независимым от Хорезма, поэтому цель настоящей статьи состоит в попытке показать на материале источников беспочвенность этого мнения. В качестве примера описанной историографической тенденции вспомним статью А. А. Бурханова «Золотоордынские города бассейна Сырдарьи», где автор указывает: «в начале XIII века Дженд был столицей кыпчакского объединения» [Бурханов, 2009, с. 90], но не подкрепляет свое утверждение свидетельствами исторических источников. Однако есть и другая точка зрения, согласно которой, Дженд и прилегающие территории были завоеваны уже первыми правителями Хорезма из династии Ануштегинидов и входили в состав их державы до начала монгольского вторжения [Ахинжанов, 1995, с. 210–211]. В частности, Ала ад-Дин Атсыз, ставший первым независимым правителем Хорезма из династии Ануштегинидов, в том числе, для того чтобы продемонстрировать свою самостоятельность, совершил поход на север и захватил в 1145 г. этот город с прилегающими к нему землями. «Для этой цели он занял местности, именно Дженд, т. е. низовья Сырдарьи и полуостров Мангашлык. Из Дженда он совершил поход вглубь Туркестана и одержал победу над «царем и предводителем, который среди неверных пользовался самым большим уважением» [Бартольд, 1963, с. 388].

Если захват Дженда можно подтвердить дополнительными сведениями из исторических источников и некоторыми другими фактами, о которых будет сказано ниже, то дальнейший поход хорезмшаха в земли, расположенные севернее Дженда, требует некоторого внимания. Этот же поход со ссылкой «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» упоминает и З. М. Буниятов, при этом не указывая источника, из которого брались сведения. «Однако хорезмшах нарушил этот приказ и захватил земли подвластных Сельджукидам тюрок по нижнему течению Сырдарьи, включая город Дженд, и продвинулся на север, присоединив к своим землям Мангышлак» [Буниятов, 1986, с. 9]. В работе Бартольда о походе Ала ад-Дина Атсыза и победе над тюркским правителем сообщается на основании трех источников, первый из которых — относительно позднее сочинение Йакута ал-Хамави [Йакут ал-Хамави, 1939, с. 435], а из ранних памятников — труд Ибн ал-Асира и анонимный персидский текст 1133 г. В труде же Ибн ал-Асира указывается лишь на завоевание Ала ад-Дином Атсызом Мангышлака как о событии, происшедшем еще при жизни его отца, Кутб ад-Дина Мухаммада [Бартольд, 1963, с. 388]. О том же, в принципе, свидетельствует и приводимый Бартольдом анонимный персидский текст 1133 г. [Бартольд, 1898, с. 37], а из сочинения Йакута ал-Хамави вообще сложно определить время завоевательного похода Ала ад-Дина Атсыза — там подтверждается лишь сам факт этого события. «Сказал (стихи) Абу-л-Му'айяд ал-Муваффак ибн Ахмед ал-Мекки ал-Хорезми и написал их своему сыну ал-Му'айяду, в то время как тот уехал в Манкашлаг. [Далее приведены стихи.] У него также стихи в прославление хорезмшаха Атсыза, который завоевал его (Манкашлаг)» [Йакут ал-Хамави, 1939, с. 435]. Как видно из этой цитаты,

информация и в данном памятнике по интересующему нас событию достаточно скудная и неточная. Таким образом, поход Ала ад-Дина Атсыза севернее Дженда — весьма слабо подтвержденный историческими источниками факт, который, тем не менее, укладывается в общее русло политики хорезмшахов из династии Ануштегинидов, которые старались не только укрепить свои северные границы в районе Дженда и прилегающих территорий, но и всеми возможными способами пополнить ряды своего войска представителями тюркских кочевых племен. Возможно, упомянутая победа Ала ад-Дина Атсыза способствовала переходу части побежденных на его сторону, однако данный факт все еще требует дополнительных подтверждений.

Будучи формально зависимым от сельджукского султана Санджара, захватив Дженд в 1145 г., Ала ад-Дин Атсыз вынудил султана собрать силы и пойти войной против правителя Хорезма, поскольку тот «не счел нужным испросить у султана соизволения и пролил кровь мусульман в Дженде и Мангышлаке, жители которых являются верными защитниками земли ислама и постоянно сражаются с неверными (куффар)» [Буниятов, 1986, с. 10]. Последнее требует некоего разъяснения, поскольку напрямую затрагивает проблему взаимоотношений Хорезма и тюркских кочевых племен восточного Дешт-и Кыпчака. Надо отметить, что уже при отце Ала ад-Дина Атсыза, правителе Хорезма Кутб ад-Дине Мухаммаде, бывшего гораздо более лояльным власти султана Санджара, был совершен поход вглубь территорий севернее Дженда, о чем сообщает Ибн ал-Асир. «Потом один из тюркских государей собрал войска и направился в Хорезм в то время, когда Мухаммад отсутствовал там. Тогрул-тегин Икинчи, отец которого раньше был хорезмшахом, находился у султана Синджара, бежал от него, присоединился к тюркам [и пошел с ними] на Хорезм. Когда хорезмшах Мухаммад услышал об этом, он поспешил в Хорезм и послал [людей] к Синджару, прося у него помощи. Синджар был в Нишапуре и выступил с войском к нему. Но Мухаммад не стал ожидать его, и когда он приблизился к Хорезму, тюрки ушли в Мангышлак, а Тогрул-тегин также отправился [оттуда, уйдя] в Хандахан, и хорезмшах избавился от их злонамеренных действий» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 232; Буниятов, 1986, с. 10]. Однако перед нами скорее разовая и вынужденная военная акция со стороны Хорезма, кроме того, о завоевании каких бы то ни было территорий, в том числе и Дженда ранее 1145 г. в источниках нет никаких сведений, в связи с чем сообщение из «фатх-намэ» султана Санджара, цитируемое в работе З.М. Буниятова, не следует принимать всерьез — хорезмшах разгромил не подданных султана Санджара и уж тем более не мусульман.

Несмотря на все вышесказанное, в связи с захватом Дженда Ала ад-Дину Атсызу пришлось доказывать лояльность Санджару и, по всей видимости, на время потерять независимость от его власти [Hamdallah Qazvini, 1903, p. 373]. Однако при этом Хорезму удалось сохранить Дженд под своей властью, а после того как султан Санджар попал в плен к огузам в 1153 г., хорезмшах усиливает экспансию на территории, расположенные севернее этого города. Опираясь на труд Джувейни, С. М. Ахинжанов подчеркивает значительные успехи Ала ад-Дина именно в северном направлении. «В то же время Атсыз не переставал вести борьбу на северных границах с кыпчаками и в этом направлении его дела шли более успешно. В борьбе со степными племенами вступил в союз с правителем Дженда Кемаль-ад-Дином из династии Караханидов» [Ахинжанов, 1995, с. 211]. Подобное сообщение Ахинжанова лишь на первый взгляд вносит

некоторую путаницу: подчинение Дженда хорезмийской власти действительно произошло в 1145 г., однако это вовсе не означало, что город стал непосредственно управляться администрацией Ала ад-Дина Атсыза — там вполне могла сохраниться местная правящая династия, которая удерживала власть в городе за собой до того момента, пока была лояльна Хорезму. Собственно, ровно об этом и сообщает нам Джувейни, на сочинение которого в данном случае опирается Ахинжанов. «После этого Атзиз несколько раз ходил в походы против неверных и одерживал над ними победы. В то время правителем Дженда был Камал ад-Дин, сын Арслан-хана Махмуда, и между ними была большая дружба. Когда Атзиз покорил большую часть тех земель, он в месяце мухарраме 547 года [апрель–май 1152] отправился в Сугнак и другие земли [за ним], намереваясь проследовать туда вместе с Камал ад-Дином. Когда он достиг окрестностей Дженда, Камал ад-Дин испугался и бежал со своим войском в Рудбар. Когда Атзиз узнал о его панике и бегстве, он послал к нему вельмож и военачальников, чтобы успокоить его заверениями и приставить к нему охрану. Камал ад-Дин пришел к нему, и он приказал заковать его в цепи, в которых тот и оставался до самой смерти» [Джувейни, 2004, с. 196]. Таким образом, можно отметить две даты — 1145 г., в котором Хорезму удалось подчинить себе Дженд, и 1152 г., когда там окончательно утвердилась власть династии Ануштегинидов, а последний караханидский правитель города был закован в цепи.

Что касается Дженда, то к концу правления Ала ад-Дина Атсыза там окончательно утвердилась хорезмийская власть, а значимость города в политическом и экономическом смысле для Хорезма подчеркивает тот факт, что наместником в нем был оставлен старший сын Ала ад-Дина Атсыза — Абу-л-Фатх Ил-Арслан [Буниятов, 1986, с. 23]. «И когда Дженд был очищен от мятежников, Атзиз послал туда Абуль-Фатха Иль-Арслана и поставил его над той областью» [Джувейни, 2004, с. 197]. Если бы это был разовый случай в истории правления в Хорезме династии Ануштегинидов, то можно было бы не делать каких-то далеко идущих выводов, однако и сам хорезмшах Абу-л-Фатх Ил-Арслан отправляет в Дженд наместником своего старшего сына. «После него стал править сын его Султан-шах Махмуд, а делами государства и войск стала распоряжаться его мать [Туркан]. Старший же сын его [Иль-Арслана] Ала ад-Дин Текиш находился в Дженде, который дал ему отец в надел. Когда он узнал о смерти отца и возведении на престол его младшего брата, то вознегодовал на это, направился к царю хитаев, попросил у него помощи против своего брата, возбудив его алчность богатствами и сокровищами Хорезма» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 270–271]. У нас нет точных данных о том, что тоже самое сделает и Ала ад-Дин Текиш, а именно передаст Дженд своему старшему сыну, Ала ад-Дину Мухаммаду, однако это не отменяет того, что перед нами весьма любопытная тенденция, которую следует пояснить.

Безусловно, отправка старших сыновей в качестве наместников сразу несколькими правителями Хорезма подряд может означать нестабильность власти в Дженде и потенциальную возможность бунта. Однако, с нашей точки зрения, это делалось исходя из значимости самого города для экспансии хорезмийских сил на север, а также по той причине, что Дженд имел огромное значение для экономического и политического взаимодействия с кочевыми тюркскими племенами восточного Дешт-и Кыпчака. Одним из важнейших аспектов данного взаимодействия станет переход целого ряда тюркских племен и представителей кочевой аристократии на

хорезмийскую службу. Данный процесс начинается как раз в годы правления Абу-л-Фатха Ил-Арслана и его можно проиллюстрировать следующим примером из арабо-персидских источников. «Что касается Инанджа, то хорезмшах Ил-Арслан отправил к нему большую часть своего войска и приказал провести весну в Джурджане, пока кони не будут откормлены, а затем двинуться в Ирак. Он назначил командиром войск Шамс ал-Мулка сына Хусайна ‘Аййар-бека — одного из карлукских эмиров и кочевников Мавераннахра. Его отец захватил Самарканд, а затем подвергся нападению кочевников хитаи. В сражении он был убит, а этот его сын бежал в Хорезм. Хорезмшах встретил его с честью и почетом, окружил его вниманием и милостью. Он выдал за него свою сестру и сделал его командующим своих войск» [ал-Хусайни, 1980, с. 131–132].

Другой хорезмшах, также бывший до начала своего самостоятельного правления наместником Дженда, Ала ад-Дин Текиш, продолжает данную традицию: арабо-персидские источники указывают на то, что переходящих на хорезмийскую службу представителей кочевых тюркских племен хорезмшах приказывал расселять именно в районе Дженда. В частности, в одном из документов приводятся сведения о том, что кыпчаки, поскольку «всякий из них пределов и границ (расселения в пределах Хорезмийской державы. — *Д. Т.*) не получил и, после исчисления их силы, тех из них, кто в безвыходном положении находится, отправились бы в услужение в пределы Дженда» [al-Bagdadi, 1937, p. 158]. Не удивительно, что именно с этим городом будут постоянно связаны как успехи хорезмшахов из династии Ануштегинидов в деле взаимодействия с кочевыми тюркскими племенами восточного Дешт-и Кыпчака, так и отдельные неудачи. В качестве иллюстрации успешных действий Хорезма можно привести события 1181 г., когда покорность Хорезму выражает кыпчакский хан Алп Кара Уран или Эврен[1], а на службу к Ала ад-Дину Текишу переходит сын этого хана, Кыран или Акран — данный исторический факт также связан с городом Дженд [Ахинжанов, 1995, с. 214–215]. А в качестве неудачных действий можно вспомнить поражение войск Ала ад-Дина Текиша, который пытался подавить бунт Кайир Буку-хана, связанный также с Джендом, Сыгнаком и прилегающими территориями, однако был разбит и сам едва спасся. «Когда подошла к концу зима 591 года (1194/1195 гг.), он отправился в Сугнак и те земли, чтобы напасть на Кайир-Буку-хана. Когда султан со всеми своими полками достиг Дженда, Кайир-Буку-хан, узнав о его приближении, повернул поводья и бежал; и султан поспешил вдогонку за ним. А в армии султана было много оранов (которые обычно служили аджамами[2]), которые прислуживали султану. И эти люди тогда послали Кайир-Буку-хану письмо, в котором говорилось, чтобы он проявил твердость и что когда обе армии сойдутся, они отвернут свои лица и покажут спины. Положившись на эти заверения, Кайир-Буку возвратился, и две армии выстроились в боевом порядке в пятницу, 6-го дня месяца джумады II того года (7 февраля 1195 г.). Ораны султана покинули центр войска и разграбили обоз. Армия ислама потерпела сокрушительное поражение; многие погибли под ударами меча, а еще больше умерло в пустыне от зноя и жажды. Сам султан прибыл в Хорезм через восемнадцать дней» [Джувейни, 2004, с. 212].

---

[1] См.: [Тимохин, Тишин, 2018].

[2] В комментариях к изданию труда Джувейни (со ссылкой на [Gibb, Bowen, 1950, p. 329, note 4]) данный термин объясняется как «варвары, в том числе в том смысле, который вкладывали в это слово греки» [Джувейни 2004, с. 608].

В годы правления хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада значимость Дженда как пограничного города и центра взаимодействия Хорезма и кочевых тюркских племен восточного Дешт-и Кыпчака будет столь же высокой. В частности, арабо-персидские историки указывают, что в качестве одной из причин, по которой хорезмшах собирает армии и в итоге сталкивается с монголами в битве на Тургайской равнине, будет желание обезопасить Дженд и прилегающие к нему территории. «(В это время) настигло его (т. е. хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада) известие, что один из военачальников Туркестана, именуемый Тугта-хан, двигается в направлении канглы, которые проживали в округе Дженда. На основании этого (известия) собрал полки храбрецов, сопровождавших его, и отправился в направлении Дженда. И во время этого пути постоянно получал он известия о том, что Джучи-хан, сын падишаха Чингиз-хана, с многочисленным войском вслед за Тугта-ханом на небольшом расстоянии двигается. Тогда, соблюдая осторожность, он вернулся в Самарканд и к уже имеющимся у себя силам присоединил оставшиеся (там) войска, снова в сторону Дженда направился. И обеспечив себя благополучием, достиг Дженда и, когда прошел ту землю, то увидел большое количество мертвых тел, разбросанных по земле» [Khondamir, 1954, p. 649].

Подводя итоги проведенного исследования, хотелось бы обратить внимание на несколько важных сюжетов. Прежде всего, город Дженд имел ключевое значение во внешнеполитических планах Хорезма, начиная с правления первых независимых правителей из династии Ануштегинидов. Уже хорезмшах Ала ад-Дин Атсыз, завоевав данный город, прилагает все усилия, для того чтобы удержать его под своей властью и даже оставляет там в качестве наместника старшего сына, что становится традицией вплоть до правления Ала ад-Дина Мухаммада. Экономическая и политическая значимость Дженда обусловлена, прежде всего, теми взаимоотношениями, которые выстраивают правители Хорезма с кочевыми тюркскими племенами: речь идет не только о взаимовыгодном экономическом обмене, но и о военном и политическом союзе, который четко просматривается в средневековых арабо-персидских исторических сочинениях. Окончательное формирование этого союза происходит при хорезмшахах Ала ад-Дине Текише и Ала ад-Дине Мухаммаде, однако определенные предпосылки были заложены и более ранними правителями. Безусловно, именно Дженд становится той точкой соприкосновения кочевого и оседлого мира, который позволяет хорезмшахам подпитывать собственное военное и политическое могущество за счет кочевых тюркских племен, переходящих на их службу. Недаром столько усилий было затрачено правителями Хорезма, для того чтобы обезопасить Дженд от любой внешней угрозы, о чем неоднократно свидетельствуют источники. Таким образом, именно Дженд будет иметь ключевое значение для выстраивания взаимоотношений между Хорезмом и племенами восточного Дешт-и Кыпчака в конце XI–XII вв., а также накануне монгольского нашествия.

Литература / References

Аджаиб ад-дунйа (Чудеса мира). Критич. текст, пер. с перс., введ., коммент. и указатели Л. П. Смирновой. М., 1993 [*Adzhaib ad-dunja (Wonders of the world).* Critical. the text, translated from Persian., in., comment. and pointers L. P. Smirnovoj. Moscow, 1993 (in Russian)].

ал-Асир ибн. *Ал-Камил фи-т-тарих (Полный свод по истории). Избранные отрывки.* Пер. П. Г. Булгаков, Ш. С. Камолиддин. Ташкент, 2006 [al-Asir ibn. *Al-Kamil fi-t-tarih. (Complete history). Selected passages.* Trans. P. G. Bulgakov, Sh. S. Kamoliddin. Tashkent, 2006 (in Russian)].

Ахинжанов С. М. *Кыпчаки в истории средневекового Казахстана.* Алматы, 1995 [Ahinzhanov S. M. *Kipchaks in the history of medieval Kazakhstan.* Almaty, 1995 (in Russian)].

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. *Сочинения.* Т. 1. М., 1963 [Bartol'd V. V. Turkestan during the Mongol invasion // Bartol'd V.V. *Compositions.* Moscow, 1963. Vol. 1 (in Russian)].

Бартольд В. В. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Тексты.* Ч. 1. СПб., 1898. С. ۲۳–۶۷ [Bartol'd V. V. *Turkestan during the Mongol invasion.* Texts. Part 1. Saint Petersburg, 1898. Pp. ۶۷–۲۳].

Бурханов А. А. Золотоордынские города бассейна Сырдарьи // *История и современность.* 2009. № 2. С. 78–101 [Burhanov A. A. Golden Horde cities of Syrdarya basin // *History and modernity.* 2009. 2. Pp. 78–101 (in Russian)].

Буниятов З. М. *Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов, 1097–1231.* М., 1986 [Bunijatov Z. M. T*he State Of Khorezmchahs-Anushteginid, 1097–1231.* Moscow, 1986 (in Russian)].

Джувейни. *Чингиз-хан. История завоевателя мира.* Пер. Е. Е. Харитонова. М., 2004 [Dzhuvejni. G*enghis Khan. History of the world conqueror.* Transl. by E. E. Haritonov. Moscow, 2004 (in Russian)].

Тимохин Д. М., Тишин В. В. *Очерки истории Хорезма и Восточного Дешт-и Кыпчака в XI — начале XIII вв.* М., 2018 [Timohin D. M., Tishin V. V. *Essays on the history of Khorezm and East Desht-i Kipchak in the XI — early XIII centuries.* Moscow, 2018 (in Russian)].

Йакут ал-Хамави. Китаб му'джам ал-булдан // Волин С. Л., Ромаскевич А. А., Якубовский А. Ю. (ред.). *Материалы по истории туркмен и Туркмении. Арабские и персидские источники.* Т. I. М.–Л., 1939. С. 409–438 [Jakut al-Hamavi. Kitab mu'dzham al-buldan // Volin S. L., Romaskevich A. A., Jakubovskii A.Ju. (eds.). *Materials on the history of Turkmens and Turkmenistan. Arabic and Persian sources.* T. I. Moscow, Leningrad, 1939. Pp. 409–438 (in Russian)].

Садр ад-Дин 'Али ал-Хусайни. *Ахбар ад-Даулат ас-Селджукиййа* (*Зубдат ат-таварих фи ахбар ал-умара ва-л-мулук ас-селджукиййа*) (*Сообщения о Сельджукском государстве* (*Сливки летописей, сообщающих о сельджукских эмирах и государях*)). Пер. З. М. Буниятова. М., 1980 [Sadr ad-Din 'Ali al-Husajni. *Ahbar ad-Daulat as-Seldzhukijja (Zubdat at-tavarih fi ahbar al-umara va-l-muluk as-seldzhukijja) (Reports of Seljuk state (Cream of Chronicles, telling about the Seljuk emirs, and the lords)).* Transl. by Z. M. Bunijatov. Moscow, 1980 (in Russian)].

Baha ad-Din Mohammad ibn al-Bagdadi. *at-Tavassul ila at-Tarassul.* Tehran, 1937 (in Persian).

Gibb H. A. R., Bowen H. *Islamic Society and the West.* Vol. I. *Islamic Society in the Eighteenth Century.* Part I. London, New York, Toronto, 1950.

Khondamir. *Tarih-e habib.* J. 1–3.Tehran, 1954 (in Persian).

Hamdallah Qazvini. *Tarihi gouzide.* Trad. Y. Le Strange. Paris, 1903.

БАВАРЧИ, *КХАНСАМАН* И *КХИДМАТГАР*: СЛУГИ НА КУХНЕ И В СТОЛОВОЙ КОЛОНИАЛЬНОГО БУНГАЛО В ИНДИИ

© 2019

С. Е. Сидорова*

Статья посвящена одной категории домашних работников, которая отвечала за организацию будничных и праздничных трапез, составлявших важный элемент повседневности английских колониальных домов XIX в. в Индии. Корпус источников представлен мемуарами, травелогами, отражавшими личный опыт общения британцев с челядью в Индии, а также руководствами по ведению хозяйства в колонии. На основе их анализа исследуется конфликтная природа взаимоотношений белых господ и туземных слуг, которые разворачиваются в двух символически противопоставляемых друг другу помещениях — кухне и столовой. До середины XIX в. слуги не только полновластно хозяйничали на кухне, но и обеспечивали ярко выраженный восточный колорит английским трапезам в столовой путем привнесения специфических запахов, вкусов, визуальных образов. Английский дом в Индии, призванный быть территорией консервативности, спокойствия, неизменности и напоминать о покинутой родине, был непроизвольно захвачен «другими» в лице домашних помощников, поддерживавших порядок и функционирование хозяйства сообразно привычным им, местным практикам. В последующий период колониальное бунгало заметно европеизировалось за счет вытеснения слуг в сугубо технические и хозяйственные зоны и вторжения туда английских хозяек. Так, на локальном уровне колониального домохозяйства выстраивались пространственные отношения между своим и чужим миром. В статье затрагиваются темы вкусовых пристрастий англо-индийского общества, принятого столового этикета, меню, методов приготовления пищи и используемой утвари, что вкупе позволяет восстановить особенности английского быта в Индии.

Ключевые слова: Индия, слуги, хозяйка, *мемсахиб*, повар, *кхидматгар*, *кхансаман*.

---

* Светлана Евгеньевна СИДОРОВА, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; veta.sidorova@mail.ru

Svetlana SIDOROVA, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; veta.sidorova@mail.ru

Публикуется в рамках проекта «Под небом Южной Азии. Слуга и хозяин: региональная специфика подчинения и доминирования в контексте социокультурной гетерогенности» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России», подпрограммы «Культурно-сложные общества: понимание и управление». В рамках этого же проекта см. статью Е. Ю. Ваниной «Служанка в Индии: обзор-рецензия с размышлениями и переводом » [Ванина, 2018, с. 222–235].

Published as a part of the research project “Under the Skies of South Asia. Servant and Master: Regional Specificity of Submission and Domination Within the Context of Cultural Heterogeneity” within the Fundamental Research Program “Social and Humanitarian aspects of Sustained Development and Support of Strategic Breakthrough of Russia”, subprogram “Cultural Complex Societies: Understanding and Governance” by the Presidium of the Russian Academy of Sciences.

BAVARCHI, *KHANSAMAN*, *KHIDMATGAR*: NATIVE SERVANTS IN THE KITCHEN AND DINING-ROOM OF COLONIAL BUNGALOW IN THE 19TH CENTURY INDIA

Svetlana Sidorova

The paper aims to examine one category of the domestic servants in the nineteenth century India, who were responsible for preparation and organization of everyday meal and formal dinner parties in the English colonial bungalows. The wide range of colonial narratives — memoirs, travelogues, housekeeping handbooks and manuals — provides factual information for analysis of the contentious character of the relations between white masters and native servants. The conflict that has a spatial dimension is displayed in two symbolically opposable premises — kitchen and dining-room. Till the middle of the nineteenth century the Indian servants not only enjoyed full rights in the bungalow kitchens but created noticeable oriental atmosphere in the dining-rooms through introduction of specific tastes, smells and visual objects. The English home in India intended to be a territory of tranquility, conservatism, constancy and to reproduce the left motherland had been involuntarily captured by the "others" that is the servants who run the masters' households in accordance with their native habitual practices. During the following period the colonial bungalow has been Europeanized to a certain extent by means of pushing out the servants into utility rooms and incursion of the white memsahibs into these premises. This microhistory case shows the mechanism of encounter with alien world on the local level of private home. The article covers the issues of Anglo-Indian gustatory habits, adopted table etiquette, menu, methods of cooking, kitchen utensils, that taken together allows to restore the routine of everyday colonial life.

Keywords: India, servants, mistress, *memsahib*, cook, *khidmatgar*, *khansaman*.

Дом и домашнее хозяйство были важной составной частью британской колониальной жизни в Индии. Они были территорией частного бытования, на уровне которого в малом масштабе репродуцировались имперские властные отношения. Поэтому дом играл существенную роль в обеспечении стабильности английского присутствия на субконтиненте. Флора Анни Стил и Грейс Гардинер, авторы «Полного руководства для хозяйки и повара в Индии», указывали, что управлять колониальным хозяйством следует «мирно, с достоинством и авторитетом, как Индийской империей» [Steel, Gardiner, 1893, p. 10]. Бесперебойное функционирование английского колониального дома зависело от деятельности многочисленных слуг[1]. В статье речь пойдет о той категории домашних работников, которая отвечала за организацию будничных и праздничных трапез, составлявших важный элемент повседневности колониальных домов в XIX в. С одной стороны, как отмечали Ф. А. Стил и Г. Гардинер, «половина комфорта» жизни европейцев в колонии зависела от «чистой, полезной и удобоваримой еды» [Steel, Gardiner, 1893, p. 10], а с другой, трапеза была важным аспектом публичности. Званые / парадные обеды были способом показать себя и свой статус, местом обмена информацией и сплетнями, площадкой для обрастания связями, а также своеобразной репликой английских коллективных застолий и, таким образом, механизмом привнесения и сохранения английскости в далекой и чужой земле. О том, как и что ели / пили, как был

[1] Подробнее о количестве слуг в английских домах в Индии и связанных с этим проблемах см.: [Сидорова, 2018].

организован процесс питания, есть достаточно сведений. Однако в первой половине XIX в. специальных текстов о слугах немного. Зато авторы мемуаров, путевых записок, писем довольно подробно описывали эпизоды из своей жизни, способы адаптации к колониальному быту, делились житейской мудростью. Слуги в нарративах этого типа нередко являются действующими лицами, главными или второстепенными участниками конкретных, уникальных или, напротив, типичных ситуаций, из которых можно почерпнуть много полезных сведений по интересующим нас вопросам. В середине XIX в. начали публиковаться книги по домоводству для европейских хозяек в Индии с упорядоченной информацией, содержавшей перечень необходимых помощников по дому и закрепленных за ними обязанностей, мер поощрения и наказания, указания о размере вознаграждения и т. п. Вкупе тексты ситуативного и нормативного характера составляют корпус источников для данного исследования.

Среди слуг, обеспечивавших приготовление и подачу пищи, процесс ее приема, содержание кухни и уход за утварью, были повар (в ранних текстах его иногда называют *бабачи*[2]), *масалчи* (тот, кто измельчал специи, мыл посуду и отвечал за разжигание ламп во время трапез[3]), *бхисти* (водонос, снабжавший кухню свежей, чистой водой), *аюбдар* / *абдар* (человек, охлаждавший напитки), *кхансаман* (дворецкий, глава всех слуг и распорядитель во время обедов), *кхидматгар* (официант, прислуживавший за столом), слуги, стоявшие с опахалами рядом с едоками для создания прохлады и отгона насекомых или слуга в соседней комнате, приводивший в движение *панкха*[4], располагавшуюся над столом. А если принять во внимание, что на протяжении большей части XIX в. курение трубки-*хукки* было неотъемлемым элементом трапезы, то около стола находился еще и *хука-бардар*, который тут же налаживал трубки.

Слуги, имевшие отношение к пище, в большинстве своем принадлежали двум разным территориям — кухне и столовой, которые в пространстве дома европейцы не только конструктивно отделяли, но и символически противопоставляли друг другу. Далее речь пойдет о специальных отношениях между европейскими хозяевами и индийскими слугами на уровне колониального домохозяйства.

Понимание разграниченности столовой и кухни следует из текстов, демонстрирующих, что в движении по дому белые господа старались обходить последнюю стороной, заглядывали туда украдкой и с опаской. В описании европейцев это помещение, как правило, неопрятное, грязное, беспорядочно обустроенное, где разворачивалось действо, часто несообразное с их представлениями о том, как должна готовиться пища. Томас Уильямсон, проведший на военной службе в Индии 20 лет (1778–1798)[5], в книге-наставлении об образе жизни в колонии рассказывал о приготовлении жаркого и смазывании мяса маслом с помощью пучка связанных перьев только что убитой птицы: «Я не знаю ничего более некомфортного для деликатных желудков, чем созерцание этой процедуры, разве что очень распространенный способ

---

2 Искаж. от bāvarci (хинди) — повар.

3 *Масалчи* также назывались слуги, которые в темное время суток сопровождали экипажи, паланкины с факелами или лампами для освещения дороги.

4 *Панкха* — деревянная рама с натянутой на нее тканью, которая подвешивалась под потолком. Слуга, который сидел в соседнем помещении или на улице, с помощью веревки раскачивал ее, создавая движение воздуха.

5 Подробнее о нем см.: [Edwards, 1980].

приготовления тостов, когда растопленное масло размазывается по хлебу тем же пучком, а то и вовсе куском старой тряпки! Что до процеживания супа через грязные лоскуты, то это — в порядке вещей. Поэтому, если считать, что все идет своим чередом, а суп хорошо пахнет, то протесты сведутся к минимуму. Несмотря на такую *неприглядную* готовку, если поданный ужин на вид и вкус хорош, тогда пускай разыгравшийся аппетит остановит вас от мысленного путешествия на кухню. Хотя в соусе вы все равно найдете некоторое количество насекомых, что даст вам повод начать выяснять, как они туда попали. Эти отвратительные визитеры редко упускают возможность посетить владения *бабачи*, где они собираются тучами, облепляя не только мусор, который лежит тут же, но и мясо, забираясь в сотейники, где они свариваются или застывают в подливе. Однако насекомых можно выловить, чего нельзя сказать о слое пыли, накапливающейся целый день и превращающей ужин в совершенно несъедобный» [Williamson, 1810, p. 238–239].

Мария Грэм, жена морского офицера, путешественница и писательница, которая жила в Индии с 1809 по 1811 гг., делилась такими воспоминаниями: «Покидая столовую, вы можете услышать, как недалеко от двери кто-то моет посуду, а повара ссорятся из-за чаевых. Если они вдруг окажутся в поле зрения, то вы увидите пару грязных португальцев (чернокожих, употребляющих свинину и носящих бриджи), раздающих указания полудюжине еще более грязных парий, которые счищают руками с блюд и тарелок остатки пищи и этими же немытыми лапищами откладывают в сторону еду для завтрашнего ланча своих хозяев [Graham, 1813, p. 30].

В 1859 г. вышла книга Джорджа Франклина Аткинсона с рассказом об индийском быте и иллюстрациями в авторском исполнении. Глава «Наша кухня» построена на контрасте и начинается с витиеватого и подробного описания типичного помещения для готовки в Англии, которое сравнивается с лабораторией, где все блестит, сияет, стоит симметрично и ровными рядами. Аткинсон задается вопросом: «Есть ли все это в нашей ссылке?». Ответив отрицательно, он обращается к читателю: «Посмотрите на восточную кухню. Если вы окончательно не ослепли от чада, если ваш взгляд в состоянии проникнуть в темноту, зайдите в лачугу и понаблюдайте, как готовится ваш обед. Столом и буфетом служит Мать-Земля, потому что у ниггеров, я имею в виду азиатов, есть особенность, характерная для человекообразных обезьян и кенгуру: они могут стоять прямо лишь время от времени. Оставьте ниггера одного, и он тут же сядет на корточки с той же радостью, что и презренная обезьяна на наших улицах, после того как она закончит исполнение польки. Приготовление вашего обеда происходит на земляной площадке, как и все на Востоке… Во главе нашей кухни не слишком привлекательный почтенный человек с серебристыми локонами… И когда мы смотрим на его развевающиеся на ветру волосы, мы надеемся, что они не проникнут в кастрюлю» [Atkinson, n.d., n. p.]. Завершал образ восточной кухни замечание о том, что она очень проста с точки зрения оснащения: «вертел, две кастрюли местной модели, ковш и нож составляют весь набор инструментов» [Atkinson, n.d., n. p.].

Наконец, объясняя полезность и нужность упомянутой выше книги по домоводству, в предисловии к первому изданию (1888 г.) Стил и Гардинер, сравнивали индийскую кухню с «черной дырой[6] и сточной канавой». «Единственный слуга,

[6] Не исключено, что Стил и Гардинер намеренно использовали это выражение (black hole), отсылая читателей к известному эпизоду из истории британского завоевания Индии. «Черная дыра» — название маленькой тюремной камеры на территории Форта Уильям в Калькутте, где в ночь с 19 на 20 июня 1756 г.

который снизойдет до того, чтобы навести чистоту, окажется не более чем увиливающим от работы дикарем с тростниковой метлой, создающим удушающую и подтачивающую здоровье привычную для него обстановку, в которой как в пуховой перине гаснут силы» [Steel, Gardiner, 1893, p. vii]. Авторы порицали хозяек, которые предпочитали мириться с неопрятностью и грязью и объясняли свое попустительством тщетностью усилий научить чему-нибудь местных слуг. Авторы писали о таких госпожах: «Они никогда не заглядывают на кухню, чтобы не испортить себе аппетит перед завтраком зрелищем кхидматтара, использующего пальцы ног в качестве подставки для тостов (факт), или не отбить желания пообедать созерцанием бульона, процеживаемого через ткань засаленного тюрбана» [Steel, Gardiner, 1893, p. 2].

На кухне с точки зрения ее функционального предназначения — приготовление еды — главными акторами были именно слуги. А с учетом дистанцирования европейцев от этого места слуги хозяйничали там в прямом и переносном смыслах слова, навязывая этому подсобному, будничному, технологичному пространству привычные им местные, традиционные кулинарные практики, превращая его за счет активного и почти единоличного присутствия в зону индийскости. Вид помещения, утварь, процесс готовки определялись слугами, которые устанавливали правила, часто регулировали меню и заставляли хозяев приспосабливаться к предлагаемым ими обстоятельствам. Эмма Робертс, английская писательница и путешественница, в 1830-х гг. дважды побывавшая в Индии, сообщала, что *кхансаман* определял меню званого обеда в соответствии с «представлениями азиатов, считавших, что обилие еды является признаком роскоши», и не имевших представления об «утонченности современной европейской трапезы». Она делилась наблюдением: «часто проще принять новые обычаи, чем спорить с предрассудками, так как в таком случае придется столкнуться не только с сопротивлением слуг, но и всего [англо-индийского. — *С. С.*] сообщества, слишком давно привыкшего к ломящимся от еды пиршественным столам, чтобы испытывать удовольствие от легких яств, подававшихся в Лондоне» [Roberts, 1837, p. 72].

В противоположность кухне в столовой — парадной и публичной части дома, где происходил прием пищи, — главными действующими лицами были белые господа, пытавшиеся внедрить в этом пространстве свои порядки и имитировать английский образ жизни, что, по крайней мере, до середины XIX в. у них получалось не очень успешно. В это помещение активно просачивалась и выплескивалась Индия с помощью запахов, вкусов, визуальных образов, приносимых и привносимых теми же слугами. Если говорить о вкусовых интервенциях, то на столах англичан долгое время стояли блюда мусульманской и индусской кухонь[7], а званый обед вошел в англо-индийский лексикон как *бурра-кхана* (большая трапеза), словом, заимствованным из хиндустани.

Что касается слуг, присутствовавших на таких обедах, то это были *кхансаман*-дворецкий и *кхидматгары*-официанты, принадлежавшие дому, где проходила трапеза. Кроме того, гости прибывали в сопровождении своих слуг-*кхидматгаров*. Упомянутый

погибли от удушья и ран 123 из 146 заключенных туда британцев. Они были пленены навабом Бенгалии Сирадж-уд-Даулой, который захватил Калькутту в ответ на ее укрепление британцами, нарушившее тем самым достигнутые ранее договоренности.

[7] Так как разбор англо-индийских меню и диеты не входит в задачи данного исследования, то более подробную информацию можно почерпнуть в: [Chaudhuti, 1992; Burton 1994; Zlotnick, 1996; Leong-Salobir, 2011; Сидорова, 2018a].

выше Томас Уильямсон сообщал, что за исключением Калькутты, во всех других частях Бенгалии, следовало, получив, приглашение на обед, выслать вперед *аюбдара*, а также *кхидматгара* «с двумя тарелками, одной для супа, другой для костей, стаканом и двумя бокалами для кларета и мадеры, одной столовой, одной, а то и двумя десертными ложками, двумя-тремя ножами и вилками и салфеткой». Далее он описывал саму трапезу: «За столом *кхидматгар* стоит за стулом своего хозяина и меняет тарелки, которые чистятся на улице. Он также создает ему прохладу с помощью ручного опахала из пальмового листа или отгоняет насекомых метелкой *чоури*, сделанной из бычьего хвоста, перьев павлина или травы кус-кус. Иногда этим занимается носильщик, который для этой цели стоит тут же, за спиной хозяина. После обеда *кхидматгары* отправляются к себе домой и, если хозяева задержались в гостях на ужин, то возвращаются на закате и вновь обслуживают их за столом, после чего уже без всяких церемоний отправляются спать по домам» [Williamson, 1810, p. 214–215].

Мария Грэм описывала типичный обед на другом конце субконтинента, в Бомбее, который не особенно отличался от калькуттского: «Каждый гость привозит с собой слугу, а то и двух-трех. Они, как правило, парсы или мусульмане. Для новичка совершенно необычно видеть за стулом каждого белого человека темнокожего, длиннобородого человека в тюрбане, который обычно стоит так близко к хозяину, что усугубляет и без того невыносимую жару обеденной залы. Если бы не *панкха* (большая деревянная рама с натянутой тканью), которая обычно располагается над каждым столом и раскачивается, чтобы создать движение свежего воздуха, было бы невозможно высидеть во время неспешного индийского обеда» [Graham, 1813, p. 29].

В 1824 г. Фанни Паркс с мужем, чиновником гражданской службы Ост-Индской компании, пригласили на обед друзей. Несмотря на то, что их было вместе с гостями восемь человек, их обслуживали двадцать три слуги. Каждый джентльмен прибыл со своими слугами числом от одного до шести, каждая леди имела при себе служанку, которая исполняла ее прихоти. В то время в Калькутте было принято курить хуку: еще до окончания обеда за стулом каждого мужчины стояла трубка. Обычно табак был хорошим, и запах нельзя было назвать неприятным, если только вы случайно не оказывались рядом с гостем из мофуссила, когда запах специй, использовавшихся его хука-бардаром при приготовлении табака, становился отталкивающим и невыносимым» [Parks, 1850, p. 46–47].

Эмма Робертс, оказавшаяся в Калькутте в начале 1830-х гг., предлагала такую зарисовку: «Блюда не приносят по очереди и не уносят со стола, вся еда выставляется сразу. Когда гости рассаживаются, подается суп. Причина долгого обслуживания… весьма любопытна. Все гости приезжают со своими слугами, которые собираются около кухни, чтобы помогать носить кушанья в столовую. Но если суп подается первым, то слуги бросаются к стульям хозяев, и растерянный *кхансаман* остается со своими блюдами, не имея возможности перенести их на стол с помощью *масалчи* меньше, чем за час» [Roberts, 1837, p. 73].

Джеймс Кэмпбелл, имевший возможность посетить обед на Цейлоне, также писал о раскаленной из-за огромного числа раздражавших его слуг, горячей еды и тепла масляных ламп атмосфере. «Еще более невыносимой делает обстановку привычка местных слуг втирать в кожу по всему телу кокосовое масло, которое испаряется и наполняет воздух отвратительным для европейцев зловонием» [Campbell, 1843, p. 68].

В результате обильно заполненные яствами столы, специфический состав трапезы, непривычные вкусовые ощущения, запахи, духота, жара, столпотворение, своеобразный этикет, обслуживание, практики поведения, создаваемые именно индийскими слугами, придавали трапезе англичан в колониальном бунгало ярко выраженный налет восточности. В качестве особенной черты Востока многие британцы часто упоминали сочетание роскоши и убогости. Эта характеристика оказалась актуальной и для англо-индийского застолья, которое Эмма Робертс сравнивала с «варварским великолепием» [Roberts, 1837, p. 74], прибегая к расхожей характеристике Индии как страны, населенной дикарями, в кого, судя по косвенным намекам, готовы были превратиться и ее соотечественники.

Бурра-кхана, типичные для английских домов в Индии примерно до середины XIX в., были свидетельством относительно тесной спайки между колонизаторами и местными жителями. Причина тому крылась в относительной малочисленности британцев на субконтиненте, высокой степени зависимости их каждодневного бытования от индийцев. Английских женщин, как правило, заправлявших домашним хозяйством, было и того меньше. Мария Грэм, описывая общество, собравшееся на ужин в Бомбее, сообщала, что на одну женщину приходилось по три мужчины [Graham, 1813, p. 27]. Последние, занятые строительством империи, выполнением служебных обязанностей в качестве чиновников и военнослужащих Ост-Индской компании, не уделяли достаточно внимания домохозяйству, отдавая эту сферу жизни на откуп *кхансаману* и его подопечным слугам. Привыкавшие к навязываемому им образу жизни англичане часто находили в нем много рационального и хорошего. Поэтому описания негативных сторон кулинарных практик индийцев нередко соседствовали с весьма комплиментарными отзывами. Т. Уильямсон отметил, что пучок перьев для смазывания жиром птицы был *чистым*, выделив это слово курсивом [Williamson, 1810, p. 238]. Аткинсон после нелицеприятной презентации восточной кухни подытоживал: «Если западные повара, имея более дорогую и разнообразную утварь, с презрением насмехаются над грубыми инструментами своих восточных коллег, то пусть последние победно посмеются, когда покажут, как с их помощью они приготовят обед лучше всяких ожиданий. В чаду и копоти, предпочитая землю столу, с помощью примитивных приборов и незамысловатых методов он может и таки изготавливает обед в палатке или под открытым небом, как будто у себя дома на кухне, с такой ловкостью и сноровкой, что сердце эпикурейца, застигнутого в дороге, радуется, а путешественник может быть уверен, что получит самую лучшую еду, которая когда-либо украшала его стол на западной земле» [Atkinson, n. d., n. p.]. Эмма Робертс также признавала: «Местные люди — отличные повара, их легко можно научить изощренному искусству кулинарии, но так как их собственные рецепты сильно отличаются от наших, то приобрести знания о европейском меню они могут только у своих работодателей: приготовленные местными поварами рагу, тушеные блюда, фасоль прекрасны, однако большое число англо-индийцев имеют предубеждение против черных, которые, по их мнению, не могут делать ничего, кроме своих пловов, и испытывают некую смесь ужаса, отвращения, глупой и бесполезной тревоги по поводу того, чисты ли слуги и не будет ли кто-нибудь возражать против карри» [Roberts, 1837, p. 73]. Средством борьбы с этими страхами, как упоминалось, было бегство из кухни.

Во второй половине XIX в. ситуация начала меняться. Сипайское восстание 1857–1858 гг. заставило британцев ужаснуться незамечаемой ими до поры до времени пропасти между ними и индийцами, начать отдаляться и ограждаться от местной жизни и активно насаждать английскость повсеместно, в том числе в пространстве дома. Последней тенденции в немалой степени способствовал усилившийся приток английских женщин в колонию, взявшихся за ведение хозяйства. Если раньше индийские слуги, заполнив кухню, массово вторгались и в столовую, то теперь началось движение в обратном направлении: прислуга постепенно вытеснялась из господского помещения, там оставались *кхансаман* и небольшое число *кхидматгаров*. А белые *мэмсахибы*, напротив, начали активно претендовать на участие в кухонной деятельности.

Это было время, когда, по мнению многих исследователей, произошли серьезные подвижки в диетических пристрастиях британцев в Индии. На смену экзотическим индийским яствам, активно представленным в рационе колонистов раннего времени, пришло относительно пресное и чопорное европейское меню. Изменился и способ подачи блюд. В 1871 г. Эдмунд Халл в «Путеводителе для англо-индийцев» писал: «Индийский званый обед мало чем отличается от того, к чему мы привыкли дома. В восемь часов гости собираются в гостиной, а затем разбитые хозяином по парам леди в сопровождении мужчин переходят в столовую. Здесь их встречает армия местных слуг; большая панкха раскачивается над столом, украшенным цветами и фруктами *á la Russe*. Блюда подаются одно за другим, начиная с супа и заканчивая десертом, с математической точностью» [Hull, 1871, p. 174]. Лиззи Коллингхэм в книге «Карри: история поваров и завоевателей» так суммировала новые тренды эпохи: «К 1870-м годам прибывший из Англии человек не находил ничего необычного в англо-индийской трапезе. Так же, как и в Британии, обед подавался в семь или восемь часов вечера, мужчины и женщины облачались в вечерние туалеты, еда сервировалась на лучшем веджвудском фарфоре, привезенном из Стаффордшира, и поглощалась с помощью элегантного столового серебра, шампанское или кларет разливались в тонкие хрустальные бокалы. Один или два предупредительных официанта меняли посуду, как только новое блюдо появлялось на столе. Несмотря на экзотическое окружение, англо-индийский обед в конце XIX в. достоверно воспроизводил рацион и столовый этикет городской буржуазии в Британии. Любые намеки на бурра-кхана были искоренены. Толпы слуг, которые так удивляли в 1820-х гг. Фанни Паркс, были существенно сокращены. С 1830-х гг. в углу приглашений на обед начали писать "Курение трубок запрещено", и к 1870-м уже не было слышно размеренного бульканья трубок за каждым стулом» [Collingham, 2006, p. 157–158].

Чтобы добиться всего этого, английским белым госпожам пришлось вторгнуться в индийскую кухню. В это время стали появляться тексты, в которых прописывалась теория их взаимоотношений с местной обслугой. Это были книги по домоводству в Индии, в которых создавались образы идеальных хозяйки и слуги и скрупулезно перечислялись обязанности того и другого. Стил и Гардинер уговаривали мэмсахиб отказаться от «страусиной» тактики былых времен игнорирования кухни [Steel, Gardiner, 1893, p. 2]. Они наставляли их наведываться туда каждый день по два раза, чтобы удостовериться в ее чистоте, или уже не ходить никогда. Им вменялось в обязанности следить за порядком, учить слуг готовить, добиваться от них беспрекословного повиновения и следования установленным правилам. В новой парадигме

взаимоотношений со слугами хозяйка боялась не войти на кухню, а, напротив, отвернуться, потому что, как только она ослабит контроль, предупреждали книги, челядь сразу обратится к старым методам. «По правде говоря, индийский слуга учится быстро и с готовностью, — писали Стил и Гардинер, — но хозяйке достаточно несколько дней отсутствовать или пренебрегать своими обязанностями, чтобы он немедленно вернулся к вековой привычке разводить грязь» [Steel, Gardiner, 1893, p. 2]. Они утверждали, что «даже если кухня содержится в порядке, это не значит, что еда будет готовиться с соблюдением правил чистоты, поэтому хозяйка должна быть всегда начеку и готова дать отпор пристрастию к грязи, свойственному туземному повару. Самый строгий утренний осмотр не остановит его от размешивания яйца в рисе с помощью пальца, однако реальный пример того, что такая практика является порочной и пагубной, может дать хороший результат» [Steel, Gardiner, 1893, p. 77].

Необходимость держать все под контролем потребовала устранения посредников в виде дворецкого и прямого вторжения на кухню. Артур Кенни-Герберт, бывший на военной службе в Мадрасе с 1859 по 1892 гг., увлекался написанием под псевдонимом кулинарных заметок для газет "The Madras Mail", "Madras Atheneum", "The Daily Mail", которые в 1878 г. вышли отдельной книгой, пережившей впоследствии семь изданий. Он настаивал: «Те из вас, кто не обладает терпением, физически слаб, имеет важные дела вне дома, не обладает способностями руководить кулинарными процессами, поступят правильно, если передадут управление кухней в чужие руки. Но все те, для кого эта задача посильна, должны взять штурвал в свои руки, помня старинную поговорку: "если хочешь, чтобы что-то было сделано хорошо, сделай это сам"» [Wyvern, 1878, p. 9]. И далее он уточнял свою позицию: «Есть два способа донести до вашего туземного повара пожелания по меню: один — через дворецкого, другой — самостоятельно. По многим причинам я ратую за второй. Некоторые повара игнорируют вмешательство дворецких, во многих домах повар и дворецкий тянут одеяло каждый на себя. Также дворецкие часто предпочитают притвориться, что поняли, чего вы от них хотите, чем признаться в обратном… поэтому я предпочитаю застать повара в одиночестве и поговорить с ним ласково на его *наречии*. Я поощряю его вежливой манерой, и если мне нужно пожурить его за прошлые ошибки, я делаю это с улыбкой… В таком случае он испытывает к вам доверие и быстро учится» [Wyvern, 1878, p. 10–11].

Реакции хозяйки, вступавшей в тесный контакт со слугами, многократно описанные в текстах, хорошо известны: раздражение, страх, недоверие, усталость, брезгливость, отвращение [8]. Иногда, объясняя суть разногласий с челядью, авторы текстов давали «высказаться» и противоположной стороне, записывая услышанные или подслушанные разговоры слуг, присваивая им те или иные мысли и слова, что, впрочем, не добавляло ничего нового к укоренившемуся образу ленивого работника. В конце XIX в. в газете *The Times of India* выходили фельетоны, пользовавшиеся большой популярностью у читателей. В одном из них автор Э. Г. Эйткен, скрывшийся за псевдонимом, в ироничной манере передавал типичное проявление недовольства кхансамана, покинувшего после нескольких лет службы дом англичанина, который

[8] Об эмоциональных реакциях мемсахиб на слуг см.: [Сидорова, 2018б].

женился и привел хозяйку, взявшую бразды правления в свои руки. В этом отрывке автор заодно дает представление и о разных подходах к ведению хозяйства:

«Увы! За несколько недель, что мэмсахиб провела в доме, атмосфера изменилась, и дворецкий начинает чувствовать дискомфорт — не физический, а душевный, который он некоторое время терпит, но, в конечном итоге, просит увольнения и оправляется домой. Его новая хозяйка не нуждается ни в нем, ни в хозяине… недолгому царствованию дворецкого приходит конец, и он уходит, сокрушаясь по поводу столь неудачной женитьбы хозяина. Почему бы столь великодушному и обладающему широкими взглядами сахибу не оставаться холостым и продолжать осенять своей щедростью тех, кто был счастлив верно служить ему, вместо того чтобы взять в спутницы *мадам*, от которой нет покоя ни днем, ни ночью? Он сидит со своими безработными друзьями, утешаясь никогда не подводившей бири[9], и ведет рассказ о том, как сварливая леди постоянно беспокоилась о незначительной пыли в углах мебели, будто оседать на мебели не в природе пыли; как она заставляла мыть окна, до тех пор никогда не мывшиеся; о ее скаредности, с которой она подсчитывала расход масла, молока, дров, чем никогда не интересовался сахиб; о ее недостойной и оскорбительной манере запирать кладовки и ежедневно скупо выдавать оттуда продукты, не говоря уже о необходимости использовать коровье молоко только в ее присутствии. Эти постыдные вещи происходили на глазах других слуг и заставили его просить об увольнении. Лалла, сидящий рядом с ним, замечает, что у всех разный нрав. “Если бы мне посчастливилось остаться в услужении у полковника Баллунпила, мои дни протекали бы в мире и спокойствии, но он вышел на пенсию и уехал в Англию. Нет слов, чтобы описать безмятежность и добросердечность *мадам*. Она никогда ни о чем не спрашивала. Она отдала ключи в руки дворецкого, и когда он просил денег, никогда не отказывала. У всех разный нрав”. “Это правда, — отвечает экс-дворецкий, — но сахибы лучше, чем мэмсахибы. Сахибы вспыльчивы и иногда впадают в гнев, но у них в услужении можно есть полной ложкой. С мэмсахибами одно сплошное беспокойство. Почему здесь так грязно? Кто разбил эту тарелку? Когда треснул тот стакан? Увы! Почему сахибы женятся на таких женщинах?”. Старый Рамджи, вынув бири изо рта, объясняет: “Видишь ли, в Англии очень мало женщин, из-за чего так много сахибов холосты. Поэтому когда сахиб едет на родину за женой, он должен выбирать из того, что есть”» [Eha, 1897, p. 37–39].

Так, на локальном уровне колониального домохозяйства выстраивались пространственные отношения между своим и чужим миром, складывались практики тесного и непростого общежития английских господ и индийских слуг. Выходившие во второй половине XIX в. книги по домоводству настраивали хозяев на воинственный лад. Но если в европейских изданиях они уподоблялись главнокомандующим армиями, то в индийских текстах их взаимоотношения со слугами описывались как непрекращающаяся борьба, то и дело появлялись слова «заговор» и «подвох», челядь сравнивалась с парфянами и мидянами. Английские сахибы и мэмсахибы в Индии зачастую находилась со слугами по разные стороны от линии фронта, которая в пространстве дома пролегала где-то между кухней и столовой.

[9] Бири / биди — вид сигарет, скрученных вручную из табачного листа.

Литература/References

Ванина Е. Ю. Служанка в Индии: обзор-рецензия с размышлениями и переводом // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 4. С. 222–235 [Vanina E. Yu. Maid in India: A Review with Contemplation and Translation // *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN* (*Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*). 2018. 4. Pp. 222–235 (in Russian)].

Сидорова С. Е. Суп *маллигатони*: опыт гастрономической мимикрии // Карачкова Е. Ю., Прокофьева И. Т. (ред.). *Вкус Востока: гастрономические традиции в истории, культуре и религиях народов Азии и Африки*. Москва, 2018(а). С. 200–211. [Sidorova S. Soup *mulligatawny*: case of gastronomic mimicry // Karachkova E. Y., Prokifyeva I. T. (eds.). *Taste of the Orient: Gastronomic Traditions in History, Culture and Religions of Asian and African Peoples*. Moscow, 2018(a). Pp. 200–211 (in Russian)].

Сидорова С. Е. Опиум в молоке и брань на языке: недоверие и страх в английских детских колониальной Индии XIX в. // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2018(б). Т. 9. Вып. 9 (73). Без пагинации [Sidorova S. Toxic Milk and Bad Language: Corrupted Practices in the English Nurseries in the Nineteenth Century India // *The Journal of Education and Science "History"*. 2018(б). Vol. 9, iss. 9 (73). W.p. (in Russian)].

Atkinson G. F. *Curry and Rice on Forty Plates or, The Ingredients of Social Life at "Our Station" in India*. 3rd ed. London, no date.

Burton D. *The Raj at Table: A Culinary History of the British in India*. London, 1994.

Campbell J. *Excursions, Adventures, and Field-Sports in Ceylon; Its Commercial and Military Importance, and Numerous Advantages to the British Emigrant*. Vol. I. London, 1843.

Chaudhuri N. Shawls, Jewelry, Curry, and Rice in Victorian Britain // Chaudhuri N., Strobel M. (eds.). *Western Women and Imperialism*. Bloomington, Indianapolis, 1992. Pp. 231–246.

Collingham L. *Curry: A tale of cooks and conquerors*. Oxford, 2006.

Edwards O. Captain Thomas Williamson of India // *Modern Asian Studies*. 1980. 14.4. Pp. 673–682.

Eha. *Behind the Bungalow*. London, 1897.

Graham M. *Journal of a Residence in India*. Edinburgh, 1813.

Hull E. C. P. *The European in India, or, Anglo-Indian's Vade-Mecum: a Handbook of Useful and Practical Information for Those Proceeding to or Residing in the East Indies, Relating to Outfits, Routes, Time for Departure, Indian Climate and Seasons, Housekeeping, Servants, etc., etc.: also an Account of Anglo-Indian Social Customs and Native Character*. London, 1871.

Leong-Salobir C. *Food Culture in Colonial Asia: A Taste of Empire*. London, New York, 2011.

Parks F. *Wanderings of a Pilgrim, in Search of the Picturesque, During Four-and-Twenty Years in the East; with Revelations of Life in Zenana*. Vol. I. London, 1850.

Roberts E. *Scenes and Characteristics of Hindostan, with Sketches of Anglo-Indian Society*. Vol. I. London, 1837.

Steel F. A., Gardiner G. *The Complete Indian Housekeeper and Cook. Giving the Duties of Mistress and Servants, the General Management of the House, and Practical Recipies for Cooking in All Its Branches*. London, 1893.

Williamson T. *Vade-Mecum or, Complete Guide to Gentlemen Intended for the Civil, Military, or Naval Service of the Hon. East India Company*. Vol. I. London, 1810.

Wyvern. *Culinary Jottings for Madras. A Treatise in Thirty Chapters on Reformed Cookery for Anglo-Indian Exiles, with Twenty-Five Menus for Little Dinners Worked out in Detail*. Madras, 1878.

Zlotnick S. Domestication Imperialism: Curry and Cookbooks in Victorian England // *Frontiers: A Journal of Women's Studies*. 1996. 16.2/3. Pp. 51–68.

СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ ГОРОД В ТЕКСТАХ XVIII–XX ВВ.: ЗАРОЖДЕНИЕ УРБАНИСТИЧЕСКОГО ДУХА В ОПИСАНИЯХ АРХИТЕКТУРЫ И СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ

© 2019

А. А. Космарский*

В работе критически рассматривается эволюция принципов описания городов Средней Азии, прежде всего, — периода нового и новейшего времени (XVIII–XX вв.), в различных исследовательских жанрах — начиная от путевых записок и кончая академическими трудами (российскими, западными и советскими). Цель исследования — показать, как меняется оптика авторов XVIII–XX вв., и как от описания архитектурных черт происходит переход к осмыслению социальной структуры городов, явленной в их физической среде. Представляется важным увидеть и описать именно меняющийся образ города у людей, находящихся вне современной парадигмы урбанизма — тех, для кого было трудно осмыслить феномен города как сложно организованного явления, действующего на нескольких уровнях (от физической инфраструктуры до культурных образов). В статье описываются основные вехи эволюции урбанистического языка: подробные, каталожные описания природы и внешнего вида в колониальный период, археологический и этнографический подход авторов советского периода, а также ностальгический поворот в 1990–2000-е гг. Демонстрируется взаимосвязь образов города и исторических процессов (колониальная экспансия, освоение восточных территорий, советская модернизация, работа с древним наследием в СССР). Среди текстов среднеазиатской урбанистической культуры в фокус исследования попали прежде всего работы о Ташкенте, однако текстам о других городах в представленном материале также уделяется внимание.

Ключевые слова: урбанизм, колониализм, образ города, нарративы, Средняя Азия, Ташкент.

NARRATIVES OF CENTRAL ASIAN CITIES IN 18–20TH CENTURIES: THE BIRTH OF URBANISTIC SPIRIT, ORIGINATING IN THE DESCRIPTIONS OF ARCHITECTURE AND SOCIAL ENVIRONMENT

Artyom Kosmarski

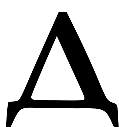
This paper critically examines the evolution of the narratives describing the cities of Central Asia of early modern and modern eras (18th–20th centuries), in genres — from travelogues to academic works (Russian, Western, and Soviet). The aim of the research is to show how the optics of the authors of the 18th–20th centuries are changing and how the description of architectural features leads to the transition of understanding of the social structure of cities, manifested in their physical environment. It is important to see and describe the changing image of the city for those who stood outside

* Артем Анатольевич КОСМАРСКИЙ, научный сотрудник Институт востоковедения РАН, Москва; artyom.kosmarski@gmail.com

Artyom A. KOSMARSKI, Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; artyom.kosmarski@gmail.com

the modern paradigm of urbanism — for whom it was difficult to understand the phenomenon of the city as a complex phenomenon, operating on several levels (from physical infrastructure to cultural images). The article describes the main milestones in the evolution of the urban language: detailed, catalogued descriptions of nature and peoples in the colonial period, the archaeological and ethnographic approach of the authors of the Soviet period, as well as the nostalgic turn in the 1990–2000s. The interrelation of images of the city and historical processes (colonial expansion, development of eastern territories, Soviet modernization, and work with the ancient heritage in the USSR) is demonstrated. Among the texts of the Central Asian urban culture, the focus of the study was primarily on Tashkent, but the texts on other cities in this work are also analyzed.

Keywords: urbanism, colonialism, image of the city, narratives, Central Asia, Tashkent.

ОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ОПИСАНИЯ: ОРИЕНТАЛИСТСКАЯ И КОЛОНИАЛЬНАЯ ОПТИКА

Первые описания городов Средней Азии, приближающиеся к современному стандарту научности, — это доклады и отчеты купцов, посланников, военных инженеров и пр. Путешественников, посетивших регион в XVIII в. Город как таковой в этих текстах не проблематизируется, видится в первую очередь местом на карте, элементом своего государства. Записки, в основном, носят утилитарный характер, представляя собой нечто среднее между трактатом по экономике, топографии и этнографии.

Для примера можно взять записанные в Уфе в 1735 г. показания сарта Нурмухаммеда Алиева: «Ташкент-город стоит по здешнюю сторону от Сырдарьи-реки день езды… окружен стеною кирпичною на четыре угла; в него въезжих ворот с башнями тридцать двое… Строение мечетей и домов все кирпичное, и почти у всякого дому над воротами башни жилыя, палаты в одно, в два и три жилья… Мечетей соборных в городе — 40, т. е. в коих по вся пятницы на молитву собираются; а прочих малых мечетей сколько, о том неизвестен. Улицы большия, прямыя — от городских ворот до других ворот, а малые переулки есть всякие… В самом Ташкенте в садах и около Ташкента в садах же, также вместо деревень при хуторах в уезде имеют: виноград, шепталу, биги (подобно сливы), нак и нашвату» [Добросмыслов, 1900, с. 58].

Описывается количество улиц, ворот; какие есть сады, что в них растет, какие продаются товары, в чем упражняются обыватели. Иногда приводятся и сведения об архитектуре. Важно, что подобная схема описания не зависит от происхождения автора: горные чиновники Бурнашев и Поспелов, посетившие Ташкент в начале XIX в., писали буквально по той же схеме. «Вид города Ташкента, — сообщают авторы, — издали представляется глазам обширнейшим садом, кой, скрывая низкая здания, сам делается виден, несмотря на окружающую стену… Он обнесен стеною, имеющую высоту до 26-ти, в толщину сверху до 3-х, а в низу до 6 футов, в окружности же около 18 верст… Порядок в расположении улицами домов отчасти приметен, но более оные смешаны без всякого разбору. Улицы же чрезвычайно узки и неровны; ездят по обыкновению только на верховых лошадях, не имея никакого рода возков или телег» [История Узбекистана, 1988, с. 148–149].

Таким образом, в описаниях городов сочетается характерный для западных авторов ориенталистский топос некрасивости, грязи, хаотичности восточного города — дурной копии рациональных европейских городов, и количественный подход (город как сумма технических перечислений того, что в нем содержится). Что касается

этнографии, то в духе ренессансной этнографической парадигмы, описанной С. Н. Абашиным [Абашин, 2007, с. 76–81], «народ» исчерпывается описанием его физического облика.

Однако в те же годы, задолго до включения Средней Азии в орбиту Российской империи, зародился крайне важный и доживший до нашего времени образ: «Ташкентское владение граничит к северу и западу с Бухариею, к югу с хребтом Кындыртауских гор, а к востоку с черными закамененными киргизами… В сем месте самый лучший климат и, можно сказать, почти вечное лето. Земля производит все то, что может удовлетворять вкусу и взору самого роскошнейшего человека. Проезжая владение сие, везде видишь виноградники и фруктовые сады, в коих гранатовые, апельсиновые, персиковые и фиговые дерева сгибаются под тяжестию плодов своих, а безпрестанно встречаемые ключи, речки и искусственные водопроводы, осеняемые высокими тополями, кажется, призывают путешественника к прохладным струям своим. Ташкенцы здоровы, безпечны, роскошны, преданы до чрезвычайности веселостям, разнежены, любят музыку, ласковы и страстны к женщинам. Въезжая в города, встречаешь жителей, безпрестанно толпящихся на улицах, пляшущих у ворот или увеселяющихся в садах своих музыкою; там кажется вечное празднество» [Назаров, 1968, с. 25].

Этот фрагмент — одно из первых выражений дожившего до сего дня мифа о «вечном лете» Средней Азии, очаровавшем пришельцев с Севера. Причем никто не видит проблемы в том, что «грязь и хаос» и «роскошь природы» мирно уживаются на страницах этих описаний. Так или иначе, чувство города / места в текстах, написанных до колониальной эпохи, было ограничено личными впечатлениями путешественников, а описание «иного» — среднеазиатской реальности — сводилось к представлению каталога вещей и свойств.

Ситуация изменилась после 1860-х гг., когда Ташкент, наряду с другими территориями бывшего Кокандского ханства, вошел в состав Российской империи. Появляются десятки новых источников. Врачи, чиновники, военные, ученые пишут о Ташкенте уже не как о чужом восточном городе, а как о «своем» (хотя бы частично) пространстве. Основные работы того периода — «Ташкент в прошлом и настоящем» А. И. Добросмыслова и «Азиатский Ташкент» П. Маева.

П. Маев, хотя и продолжает упомянутую выше традицию описания восточных городов, распадающихся на отдельные объекты, — «каталоги» рек, ворот, арыков, обычаев, праздников, блюд, посвящает отдельную главу непосредственно городу как целому [Маев, 1876, с. 287–300]. Эта глава примечательна тем, что руководствуется не словарно-энциклопедическими принципами, а следует логике движения человека в городе. Автор словно предлагает читателю совершить прогулку по Ташкенту и в ходе этой прогулки рассказывает о том, что якобы неожиданно попалось на глаза — как местные жители запирают свои двери, каковы ташкентские индийцы и евреи, и т. д.

Город как будто «оживает» в обращениях провожатого к спутнику, во внимании к шумам и запахам города, в личных мнениях автора. Вот характерный пример: «Душно и пыльно в этих узких и кривых переулках, и побывавшему в азиатском городе становится понятно, почему жители строят дома окнами во внутрь двора. Почти в каждом доме имеется если не сад, то два-три раскидистых дерева, на которые гораздо приятнее смотреть, чем на улицу. Войдите на крышу какого-нибудь медресе и вам представится

куча глиняных сакель, лепящихся друг подле друга, небольшие дворики с группами старых раскидистых дерев и тесные улицы. Откуда-то донесутся до вас звуки бубен и барабанов, верно где-нибудь справляют свадьбу; увидите на улице кучу сартят, несущих ветку с наклеенными на ней бумажными цветами, это тоже несут в дом невесты (коллярым) в виде поздравления, за что и получат по халату… Я вас свел в мечеть Ходжа-Ахрар-Вали, в надежде, что вы не брюзгливы и не нервны; если же вы за себя не ручаетесь, то лучше и не ходите на зикры джагрие. Узкие, решетчатые окна мечети пропускают мало света и воздуха, а открытые двери заслонены толпящимися у входа сартами» [Маев, 1876, с. 288, 300].

Однако как бы подробно и живо ни описывал П. Маев жизнь азиатского Ташкента, он все равно смотрел на него взглядом чужого. Лавки, кельи, медресе, зикры, — все это открыто любопытству европейского путешественника. Проблема закрытой от чужаков жизни, которая может не показывать себя европейскому взору, для автора не существует. Наконец, воображаемое сообщество[1] автора и читателей, с одной стороны, и объекта текста (горожан) не совпадает, автор и читатели — гости, наблюдатели[2].

Этого нельзя сказать о другом ключевом труде имперского периода — книге А. И. Добросмыслова, герои которой одновременно являлись и ее читателями. Книга вышла спустя 50 лет после завоевания города Россией и ставила своей целью подвести итог тому, что случилось с Ташкентом за этот период.

Здесь нужно отметить, что из военно-опорного пункта в административно-хозяйственный центр русского Туркестана Ташкент начинает превращаться лишь в конце 1860-х гг., с приездом в край генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана. Именно тогда начинается разделение Ташкента на старый («азиатский») и новый («европейский»), что на сто лет (до сталинской реконструкции и особенно землетрясения 1966 г.) стало основополагающей чертой города.

Территориально «европейский» Ташкент располагался к востоку от старого города, отделенный от него каналом Анхор. По плану, принятому военными инженерами-топографами, была снесена крепость Урда, на ее месте возвели казармы и небольшой форт, что позволяло войскам в случае необходимости выдвинуться в старый город. До конца XIX в. застройка нового города была очень неплотной, дома и особняки утопали в садах [Нильсен, 1988, с. 36–40].

---

[1] О том, как описание повседневной жизни городов, упоминание узнаваемых топонимов, кафе и других мест помогало посредством романов, авторы и читатели которых радовались опознанию «своих» пространств создавать нации, см. классическую работу: [Андерсон. 2001, с. 50 и сл.].

[2] Парадоксальным образом только после распада Российской империи люди «туземных городов» получили возможность выразить в едином общественном пространстве свой взгляд на «чужих». Речь идет об автобиографических романах классиков узбекской и таджикской литературы, показывающих жизнь среднеазиатских городов начала XX в глазами подростков. — прежде всего «Минувшие дни» Абдуллы Кадыри и «Воспоминания» Садриддина Айни. Хотя контакты местных жителей и русских переселенцев показываются в несколько идеалистическом свете (например, в повести Камила Икрамова «Улица оружейников» мальчик встречает доброго красноармейца, который учит его фотографировать, посылает в школу и т. д.), некую картину жизни получить можно. Более того, эти тексты кардинально отличаются от, например, книги П. Маева «Азиатский Ташкент» — они рассказывают о «туземной жизни» не чужим, а как раз своим, членам одного воображаемого сообщества, живущим в описываемой реальности. Только читатели отделены от героев не пространством или культурой, а временем. Характерно предисловие Абдуллы Кахара к классическому роману «Сказки о былом», где он указывает, что пишет для комсомольцев Узбекистана, чтобы показать, какой жизнь была в старые годы.

Важнейшим элементом образа Ташкента стало то, что город с самого начала стал своего рода витриной — символом того, что Россия оправилась от поражений, нанесенной ей европейскими государствами во время Крымской войны, и становится мощной современной империей. Ташкент — Петербург Туркестана, был призван продемонстрировать европейскость и «цивилизаторскую миссию» России трем аудиториям: местным жителям, гостям из Европы и русским метрополии. Строительство собора и других «парадных» зданий, разбивка многочисленных парков и скверов, строительство водопровода и канализации, не говоря уж о таких действах, как парады и торжественные встречи губернатора Туркестанского края с аксакалами старого города — все это показывало мощь и прогрессивную роль российского присутствия в регионе.

Книга А. И. Добросмыслова действовала внутри этой парадигмы: показать аудитории ее же достижения. Хотя автор начинает с доступных ему источников по археологии, древней и средневековой истории, его интересует прежде всего Ташкент европейский — административные учреждения, городское самоуправление, благоустройство, учебные заведения, пресса, медицина и т. д. И город снова распадается на множество институций и связанных с ними зданий — от городской думы до управления водного хозяйства.

Однако уже тогда образ Ташкента в России был двусмысленным. С одной стороны, «туркестанцы» — блестящие интеллектуалы, общественники, активисты научного изучения края, основатели Политехнического общества, астрономической обсерватории и т. д. С другой стороны, «господа ташкентцы», ославленные на всю Россию М. Е. Салтыковым-Щедриным. Многие солдаты и чиновники рассматривали свою отправку в Ташкент либо как ссылку, либо как повод обогатиться не самыми честными способами. Эту прослойку новых ташкентцев отличало казнокрадство, пьянство, склонность к азартным играм и полное равнодушие к местному населению и интересам региона. Тем не менее до царствования Александра III власть и общество в Ташкенте были едины в своем западничестве, в пафосе строительства форпоста Европы в Азии. Но еще в XIX в., к ужасу имперских ревнителей чистоты, «туземцы» модернизировались и начали претендовать на ведущие роли в торговле и товарном земледелии, а массы неквалифицированных трудовых мигрантов из Центральной России своими трущобами роняли достоинство белого города [Sahadeo, 2007, p. 108–162].

Впрочем, размывание и кризис европейского «нового города» в русской Средней Азии, его слияние со «старым», туземным обсуждались в достаточно узких кругах местных жителей. Что же касается массовой литературы XIX — начала XX вв. (огромного количества путевых заметок, статей в популярных журналах), то они главным образом воспроизводят один топос: два города — два мира. Характерный пример: «Но вот наконец и самый Ташкент, первое впечатление от которого, благодаря богатым окрестностям, утренней прохладе (23°) и тенистой, только что политой улице к весьма недурной гостинице, и чистой ванне в последней — отличное. Оно не ухудшается особенно резко и далее. Ташкент подробно описывался неоднократно, и поэтому я ограничусь общим утверждением, что и в июле здесь можно жить не без приятности. Жара умеряется тенью, водою, искусственным льдом, а без жгучего солнца разве может быть сильна вся эта старая Азия, упорно цепляющаяся за право на современную жизнь в старом, туземном Ташкенте? “Новый” Ташкент — это Ташкент

русский, с дворцом генерал-губернатора, собором, домиком Черняева, памятником Кауфману, огромными магазинами, театрами, кинематографом "Хивою" и проч. Это, словом, Европа с ее культурой и внешностью. И везде, во всех городах края проводится такое различие между кварталами "новым" и "старым"» [Вощинин, 1914, с. 11–12].

Движение к прогрессу, цивилизации, озеленению Туркестана [Keating, 2017], казалось, невозможно было остановить. В этом смысле образы колониальных городов Российской империи избежали «катастрофического» урбанизма конца XIX в., характерного для французской и британской империй (города становятся неуправляемыми, перенаселенными, угрожающими революцией) и оставались ближе оптимистическому прогрессивистскому урбанизму молодых США.

Советские описания городов: изученное прошлое, невидимое настоящее

При установлении советской власти и, отчасти, деколонизации Средней Азии, вышеописанные модели описания городов (или каталоги экзотического и тяжелого чужого быта или рассказы о достижениях европейской цивилизации) ушли в прошлое. Появилось множество текстов о городах, и фундаментом их стали находки масштабных археологических экспедиций. Главный метод — комплексное использование данных археологии и письменных источников. Появились капитальные труды по истории Мерва, Бухары, Самарканда, городов Ташкентского оазиса и др.; вышло немало работ по исторической топографии, ремеслам и керамике, динамике развития городских поселений [Пугаченкова, Ремпель, 1954; Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981; Гулямов, 1969–1975]. В итоге к 1970–1980-м гг. стало возможным перейти на следующий этап — написание фундированной социально-экономической истории городской жизни Средней Азии [Анарбаев, 1981; Беленицкий. Бентович. Большаков, 1973; Филанович, 1983]. В книге А. М. Беленицкого, И. Б. Бентовича и О. Г. Большакова была сформулирована важнейшая характеристика исторической топографии — трехчастное деление поселений на цитадель (арк), внутренний город (кухендис) и пригород (рабат). Показано, как нарастает, начиная с эпохи Саманидов, автономизация квартальных общин, замыкание граждан в рамках своих кварталов, индикатором чему выступало запирание ворот на ночь — как форма защиты от нарастающего политического хаоса. Вторая важная черта: все более ощущаемая беззащитность города и его жителей перед властью хана или эмира, который проживает в городе, но чужд ему. Политическое бессилие города, вкупе с квартальной обособленностью, ослабляет городскую идентичность как таковую.

Однако все эти работы затрагивали лишь относительно далекое прошлое. Современный среднеазиатский город оказался в зоне умолчания — вести исторические исследования и писать на эту тему для ученых было не только безопасно, но и престижно, тогда как современность виделась, с одной стороны, скучной, банальной. С другой стороны, исследование современных городских проблем могло вступить в конфликт с официальной позицией о триумфальном движении к социалистическому образу жизни. По идее, изучением современного города должны были заниматься социология и этнография, однако советскую социологию среднеазиатский город не интересовал, а в этнографии ему уделялось крайне ограниченное внимание. Это связано прежде всего с парадигмой советской этнографической науки: ее основной задачей

считалось описание уходящих в прошлое традиций, «пережитков», в частности, религиозных обычаев, одежды, традиционного жилища. И поэтому основная работа этнографов велась либо в сельской местности, либо в «традиционных» кварталах городов. Сами же сложные взаимоотношения «традиции и современности», разных этнических групп, были выведены на периферию и лишь в конце 1980-х гг. попали в поле зрения нового междисциплинарного направления — этносоциологии.

Значимым исключением является серия книг этнографа О. А. Сухаревой о Бухаре [Сухарева, 1958; 1963; 1976]. Хотя материалы для этих работ были собраны лично автором во время экспедиций 1947–1950 гг., посвящены они реконструкции жизни «позднефеодальной» Бухары (конец XIX — начало XX вв.), т. е. опять же безопасному прошлому. Тем не менее они повествуют именно о внутреннем строе города, его структуре и о «смычке» городского и социального. Наиболее важна в этой связи последняя книга серии — «Квартальная община позднефеодального города Бухары». Тут О. А. Сухарева поднимается над локальным бухарским материалом и подробно рассматривает феномен квартала (махалли) — его границу, организацию, соотношение трансквартальной, общегородской и внутриквартальной идентичностей. Исследователь дает не потерявшее своей актуальности описание семейных обрядов с участием населения квартала — когда и по каким поводам они проводились, в чем причина тяжести этих обрядов, как происходит переход от соседской взаимопомощи (и сплачивающих людей ритуалов) в выполнении этих обрядов к состязанию, статусной гонке расходов, разоряющей жителей махалли.

В 1960–1970-е гг. также выходит серия монографий по новой истории среднеазиатских городов, прежде всего, Ташкента [Азадаев, 1959; Рашидов, 1962; 1966; Соколов, 1965]. Там концептуализируются некоторые важные элементы города: Ташкент как периферийная локация между степью и оазисами, уникальная четверичная система городского самоуправления, конфликты между царской администрацией и локальными сообществами. Однако когда авторы переходят к советскому периоду, их изложение городских особенностей становится прямым и беспроблемным, полностью укладываясь в «прокрустово ложе» советской прогрессистской историографии. История города описывается как триумф социализма, формирование кадров рабочих, советской интеллигенции, расширение города, создание промышленности, успешное разрешение всех социальных противоречий, раздиравших город до революции, укрепление дружбы народов и т. д.

Тем же недостатком грешат и работы справочного и научно-популярного характера о городах региона, в изобилии появлявшиеся начиная с 1960-х гг. [Зотов и др., 1960; 1965; Тиллаходжаев, Юлдашев. Гафуров, 1977]. История каждого города показана канонически, очищена от проблем; советский период описывается как путь от хорошего к лучшему, память о следах прошлого замалчивается. Однако эконом-географическая составляющая этих книг очень сильна.

Достаточно оживленная и свободная от идеологических шор дискуссия разворачивалась в архитектурной среде [Маньковская, 1980; Проблемы современной архитектуры Узбекистана, 1981] — что сносить, что сохранять, что такое традиция, как надо понимать национальное в архитектуре; осторожно ставился под вопрос императив тотальной реконструкции городов. Венцом этих споров можно считать монографию Ш. Д. Аскарова [Аскаров, 1988], полную множества идей, а также не лишенную

понимания того, что город — это единая архитектурно-социально-культурная среда (ландшафт), которую можно исправлять только ограниченно и которая представляет собой бесконечную сложность. Увы, эта книга и связанные с ней дискуссии появились уже на излете советского проекта, и существенного влияния на понимание городской жизни в республиках Средней Азии не оказали.

Постсоветский урбанизм: ностальгия и прыжок в будущее

После распада СССР, в условиях экономического кризиса и становления новых независимых государств, советская модель описания городов также ушла в прошлое. Любопытно, что исследования славного прошлого (особенно доисламского) городов региона продолжились, хотя и с меньшим размахом — новые правящие элиты, а также западные ученые оказались заинтересованы в них, поскольку такого рода изыскания придают легитимность новой власти (строящей свой авторитет на связях с досоветским и доколониальным прошлым). Научные попытки осмысления современной городской культуры Средней Азии пока очень немногочисленны, фрагментарны и остаются на периферии общественной дискуссии.

Зато в 1990–2010-е гг., практически впервые (!), произошла концептуализация городов региона как целого, их стиля, их особого образа жизни (а не просто суммы отдельных зданий, учреждений, достижений). И эта работа по осмыслению городской культуры идет в любительских ностальгических текстах-воспоминаниях. Например, существует огромный массив такого рода текстов о советском Ташкенте. Их минусами являются «розовые очки», замалчивание и игнорирование узбекской жизни (потому что пишут их в основном «европейцы»); воспроизводство мифов (теплый, дружный, многонациональный город, который стал холодным, злым и мононациональным). Но есть и явные плюсы — цепкость на уникальные детали жизни и быта; взгляд снизу, по своему пафосу и оптике резко отличающийся от того образа городской реальности Средней Азии, который дают официозные советские монографии. Видна неформальная жизнь, конфликты между молодежными группировками, неофициальные формы досуга и т. д. Есть и цельные литературные тексты, вырастающие из «концентрированных» воспоминаний и мифов такого рода — например, роман Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы» о послевоенной жизни в Ташкенте.

В 2000-е гг. появляется и новый источник — воспоминания представителей титульных национальностей о советском времени. Такого рода тексты выходят из-под пера в основном представителей узбекской элиты, по экономическим причинам оказавшихся не у дел после 1991 г.. Утрату привилегированного положения они отчасти пытаются компенсировать наращиванием символического капитала, рассказывая о славных достижениях своих родителей, однако одновременно дают очень живые примеры того, как была устроена городская жизнь [Гуламова, 2007; Тохтаходжаева, 2008].

Наконец, начинает возрождаться жанр краеведения, в рамках которого выходят труды не только о средневековой культуре региона (особенно о не получавших особого освещения в советское время мечетях, мазарах и других религиозных памятниках), но и о городской жизни XIX–XX вв. — не для того чтобы восхвалить или официозно изложить историю, а чтобы спасти от забвения то, что в самом городе неизбежно

умирает: «Вместе с названием исчезает и старый город, напоминая о себе прямолинейной планировкой улиц, тенистыми парками, журчащими арыками, редкими строениями прошлых веков и оплывшими холмами древних крепостей… С 1991 года у города новое имя – Бишкек. И это уже совсем другой город. С базарно-торговыми комплексами и бесчисленными комками-бутиками, окольцованный безликими жилмассивами, лишенными элементарных условий для проживания» [Петров, 2008, с. 95].

Однако в самое последнее время (конец 2010-х гг.) и эта картина начала меняться. Если после 1991 г. доминантой городских образов в регионе выступало прошлое (как предмет ностальгии, открытия краеведами забытых имен и культур или как туристический «маркетинг» древности), то сейчас на передний план выходит будущее. Как я выяснил в ходе исследований в Ташкенте в 2018 г., дискурс об утраченном советском рае сходит на нет, и город — как в представлениях, так и в градостроительной политике — ориентируется на потребительский урбанизм глобальных мегаполисов. Идеалом выступают красивые торговые центры, современные жилые комплексы, продвинутая городская инфраструктура — с оглядкой на Москву, Амстердам, Стамбул. Вероятно, отчасти переориентации с образов прошлого на образы будущего помогло бурное развитие новой столицы Казахстана — Астаны (Нур-Султана), с ее современными достопримечательностями.

Литература / References

Абашин С. Н. *Национализмы Средней Азии: в поисках идентичности*. СПб., 2007 [Abashin S. N. *Central Asia's Nationalisms: In search of Identity*. Saint Petersburg, 2007 (in Russian)].

Азадаев Ф. *Ташкент во второй половине XIX века*. Ташкент, 1959 [Azadaev F. *Tashkent in the 2nd Half of the 19th Century*. Tashkent, 1959 (in Russian)]

Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. *Позднесредневековый Отрар (XVI–XVIII вв.)*. Алма-Ата, 1981 [Akishev K. A., Baypakov K. M., Yerzakovich L. B. *Late Medieval Otrar, 16th–18th cc.* Alma-Ata, 1981 (in Russian)].

Анарбаев А. *Благоустройство средневекового города Средней Азии (V — начало XIII вв.)*. Ташкент, 1981 [Anarbaev A. *Development of Medieval Cities of Central Asia (5th — early 13th cc.)*. Tashkent, 1981 (in Russian)]

Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М., 2001 [Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Moscow, 2001 (in Russian)].

Аскаров Ш. Д. *Регион — пространство — город*. М., 1988 [Askarov Sh. D. *Region — Space — City*. Moscow, 1988 (in Russian)].

Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. *Средневековый город Средней Азии*. Л., 1973 [Belenitskiy A. M., Bentovich I. B., Bolshakov O. G. *Medieval City of Central Asia*. Leningrad, 1973 (in Russian)]

Вощинин В. П. *Очерки нового Туркестана: Свет и тени русской колонизации*. СПб., 1914 [Voschinin V. P. *Essays on New Turkestan: Light and Shadows of Russian Colonization*. Saint Petersburg, 1914 (in Russian)].

Гуламова Ф. Я. *Мой отец Ялкин Туракулов*. Ташкент, 2007 [Gulamova F. Ya. *My Father Yalkin Turakulov*. Tashkent, 2007 (in Russian)].

Гулямов Я. (ред.). *Афрасиаб*. Вып. 1–4. Ташкент, 1969–1975 [Gulyamov Ya. (ed.). *Afrasiab*. Vol. 1–4. Tashkent, 1969–1975 (in Russian)].

Добросмыслов А. И. *Материалы по истории России*. Т. 2. Оренбург, 1900 [Dobrosmyslov A. I. *Materials Related to the History of Russia*. Orenburg, 1900 (in Russian)].

Зотов А., Раимов Т., Смирнов Н., Якубов Б. *Города Узбекистана.* Ташкент, 1965 [Zotov A., Raimov T., Smirnov N., Yakubov B. *Cities of Uzbekistan*. Tashkent, 1965 (in Russian)].

Зотов А., Якубов Б., Смирнов Н., Чабров Г. *Города Ферганской долины*. Ташкент, 1960 [Zotov A., Yakubov B., Smirnov N., Chabrov G. *Cities of Ferghana Valley*. Tashkent, 1966 (in Russian)].

История Узбекистана в источниках. Известия путешественников, географов и ученых XVI — первой половины XIX в. Сост. Лунин Б. В. Ташкент, 1988 [*History of Uzbekistan in Historical Sources. Reports of Travelers, Geographers and Scholars, 16th c. — early 1800s*. Tashkent, 1988 (in Russian].

Маев П. Азиатский Ташкент // *Материалы для статистики Туркестанского края.* Под ред. Н. А. Маева. Вып. IV. СПб., 1876. С. 260–313 [Maev P. Asian Tashkent // *Materials for the Statistics of the Turkestan Region*. Ed. N. A. Maev. Vol. 4. Saint Petersburg, 1876. Pp. 260–313 (in Russian)].

Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии. Ташкент, 1980 [Mankovskata L. Yu. *Typological foundations of Central Asian architecture*. Tashkent, 1980 (in Russian)].

Назаров Ф. *Записки о некоторых народах и землях средней части Азии.* М., 1968 [Nazarov F. *Notes about Some Peoples and Lands in the Middle Part of Asia*. Moscow, 1968 (in Russian)].

Нильсен В. А. *У истоков современного градостроительства Узбекистана (XIX — начало XX вв.).* Ташкент, 1988 [Nielsen V. A. *At the Roots of Contemporary Urban Planning in Uzbekistan (19th — early 20th cc.).* Tashkent, 1988 (in Russian)].

Петров В. Г. *Пишпек исчезающий (1825–1926).* Бишкек, 2008 [Petrov V. G. *Disappearing Bishkek*. Bishkek, 2008 (in Russian].

Проблемы современной архитектуры Узбекистана. Вып. 315. Ташкент, 1981 [*Problems of contemporary architecture of Uzbekistan.* Vol. 315. Tashkent, 1981 (in Russian)].

Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. *Бухара.* М., 1954 [Pugachenkova G. A., Rempel L. I. *Bukhara.* Moscow, 1954 (in Russian)].

Рашидов Г. К. *История социалистического Ташкента.* Т. 1–2. Ташкент, 1962–1966 [Rashidov G. K. *The History of Socialist Tashkent.* Vol. 1–2. Tashkent, 1962–1966 (in Russian)].

Соколов Ю. *Ташкент, ташкентцы и Россия.* Ташкент, 1965 [Sokolov Yu. T*ashkent, Tashkenters and Russia.* Tashkent, 1965 (in Russian)].

Сухарева О. А. *К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки).* Ташкент, 1958 [Sukhareva O. A. *On the History of Bukhara Khanate (Essays in History and Ethnography).* Tashkent, 1958 (in Russian)].

Сухарева О. А. *Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX века. Ремесленная промышленность.* Ташкент, 1963 [Sukhareva O. A. *Late Feudal Bukhara (Late 19th — Early 20th cc). Crafts.* Tashkent, 1963 (in Russian)].

Сухарева О. А. *Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов*). М., 1976 [Sukhareva O. A. *Quarter Communities of the Late Feudal City of Bukhara (in Their Connection with the History of the Quarters).* Moscow, 1976 (in Russian)].

Тиллаходжаев С., Юлдашев Т., Гафуров А. *Фергана.* Ташкент, 1977 [Tillakhojaev C., Yuldashev T., Gafurov A. *Ferghana*. Tashkent, 1977 (in Russian)].

Тохтаходжаева М. (сост.). *XX век в воспоминаниях, устных историях, письмах и дневниках женщин Узбекистана.* М., 2008 [Tokhtahojaeva M. (ed.). *Memories, Oral Histories, Letters, and Diaries of Uzbekistan Women, 20th Century*. Moscow, 2008 (in Russian)].

Филанович М. И. *Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры.* Ташкент, 1983 [Filanovich M. I. *Tashkent. Origins and Development of the City and Urban Culture*. Tashkent, 1983 (in Russian)].

Keating J. 'There are Few Plants, but They Are Growing, and Quickly': Foliage and the Aesthetics of Landscape in Russian Central Asia, 1854–1914 // *Studies in the History of Gardens & Designed Landscapes*. 2017. 37.2. Pp. 174–189.

Sahadeo J. *Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923*. Bloomington, Indianapolis, 2007.

Г. И. ЛУКЬЯНОВ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

© 2019

В. В. Беляков*

Статья посвящена Григорию Ивановичу Лукьянову (1885–1945) — видному представителю русской эмигрантской общины Египта. По первому высшему образованию он был математиком, однако в начале Первой мировой войны поступил на археологическое отделение Московского археологического института. В 1918 г. бурные революционные события забросили археолога на Дальний Восток. Там он вернулся к своей первоначальной профессии и в 1919 г. занял в университете Владивостока должность профессора математики. В конце того же года местное правительство назначило его в торговое агентство в Югославии. Однако по пути в Белград Лукьянов остановился в Египте, где он три года работал секретарем посланника Чехословакии. Затем в течение двух десятилетий занимался продажей египетских древностей в западные музеи. В 1930 г. Лукьянов был избран членом русского Археологического института в Праге. В 1932 г. посетил Синайскую обитель. В 1936 г. опубликовал в Праге расшифровку надписей на пяти щитах, прибитых в серебряной раке русской работы для мощей Св. Екатерины. В 1944 г., во время Второй мировой войны, когда продавать египетские древности в западные музеи было невозможно, Г. И. Лукьянов предложил продать свою коллекцию египетских древностей Советскому Союзу. Однако в коллекции оказалось мало реально значимых предметов, и к тому же ее цена была слишком высока. Поэтому покупать ее отказались, и ныне судьба коллекции неизвестна. Видимо, ей распорядилась жена Лукьянова Елизавета.

Ключевые слова: Египет, Лукьянов, египтология, Билибин, Коростовцев.

GREGORY LUKIANOFF: TRAITS OF PERSONALITY

Vladimir V. Belyakov

The article covers the life and work of Gregory Lukianoff (1885–1945) who was the eminent representative of Russian community in Egypt. By his first education he was a mathematician. At the beginning of World War I he entered archaeological faculty of the Moscow Archaeological Institute. 1917 Revolution pushed him to the Far East. In 1918 he became Professor of Mathematics at the Vladivostok University. The same year he was appointed by local government to the trade office in Yugoslavia, but during the trip Lukianoff stopped in Egypt. There he worked for three years as a secretary for the Ambassador of Czechoslovakia. After that for 20 years he traded in Egyptian antiquities to the Western museums. In 1930 he joined Russian Archeological Institute in Prague. In 1932 he visited the Sinai monastery. In 1936 he published inscriptions from the five shields on the Russian silver shrine for the relics of Saint Catherine. During World War II it was impossible to sell Egyptian antiquities to Western museums, so in 1944 Lukianoff offered them to the Soviet Union.

* Владимир Владимирович БЕЛЯКОВ, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; beliakov2007@yandex.ru

Vladimir V. BELYAKOV, DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies PAS, Moscow; beliakov2007@yandex.ru

But there proved to be few really valuable objects in his collection and its price was too high, so the USSR government refused to buy it. The destiny of collection remains unknown, probably it stayed with his wife.

Keywords: Egypt, Lukianoff, Egyptology, Bilibine, Korostovsev.

Имени "Gregory Lukianoff" нет в авторитетном справочнике "Who was Who in Egyptology". Однако сам Григорий Иванович Лукьянов (23.11.1885, Москва — 12.07.1945, Каир) считал себя египтологом, по крайней мере, последнюю четверть века своей жизни, которую он провел в Египте, и даже именовал себя «профессором».

Профессором Г. И. Лукьянов действительно избирался в 1912 г., но не египтологии, а аэродинамики, в Императорском техническом училище (Политехникуме) в Москве. По образованию он был математик, закончил сначала Московский университет, а затем и Политехникум. Работал в области авиации, как это следует из его автобиографии, у знаменитого Жуковского, выезжал в европейские столицы на стажировку [АВПРФ. Ф. 87. Оп. 2. П. 3. Д. 12. Л. 3].

Казалось бы, молодой преуспевающий ученый, занимающийся исследованиями в передовой области знаний, должен был бы и дальше идти по этой стезе. Однако в 1914 г. Г. И. Лукьянов поступил на археологическое отделение Московского археологического института. Не исключено, что желание вновь стать студентом было вызвано начавшейся войной и не слишком приятной перспективой быть призванным в армию. Все экзамены в институте он сдал с оценкой «отлично», в том числе и по египтологии, которую преподавали на первом и втором курсах. Но тема дипломной работы Лукьянова, «Московский Слободской дворец», к египтологии отношения не имела. Диплом за № 389 он получил 3 декабря 1916 г. [Смирнов, 2014, с. 51].

В Московском археологическом институте Григорий Иванович познакомился со своей будущей женой, Елизаветой Сергеевной Елагиной (23.09.1888, Москва — 12.9.1967, Монреаль), изучавшей искусство Византии. В 1915 г. они поженились.

Бурные революционные события забросили новоявленного археолога в конце 1918 г. на Дальний Восток. Там он вернулся к своей первоначальной профессии, заняв в 1919 г. в университете Владивостока должность профессора математики. В конце того же года колчаковское правительство назначило Г. И. Лукьянова атташе при торговом агентстве России в Югославии. Вскоре они с женой отправились на пароходе вокруг Азии к месту назначения, сделали остановку в Египте, где и решили остаться, по словам Лукьянова, «из-за здоровья жены» [АВПРФ. Ф. 87. Оп. 2. П. 3. Д. 12. Л. 4].

В Каире в течение трех лет Г. И. Лукьянов работал личным секретарем посланника Чехословакии. Согласно автобиографии, написанной по просьбе Советской миссии в Каире в 1944 г., по окончании Московского археологического института ему была предоставлена командировка в Грецию, Турцию и Египет для изучения египтологии и византийской древности. В 1920–1923 гг. он в соответствии с этой командировкой изучал иероглифы «вместе с проф. Голенищевым» [АВПРФ. Ф. 87. Оп. 2. П. 3. Д. 12. Л. 4].

Действительно ли Лукьянов работал вместе с В. С. Голенищевым или нет, сказать невозможно. Но он, несомненно, углублял свои знания в области египтологии, завел знакомства с европейскими египтологами, и даже ездил в лагерь Донского

кадетского корпуса, находившийся возле Исмаилии, чтобы рассказать им о египетских древностях.

Один из кадетов, М. Герасимов, вспоминал впоследствии поездку в Каир на Рождество 1922 г. «О пирамиде Хеопса мы уже подробно все знали из лекций русского ученого египтолога профессора Лукьянова, приезжавшего в Исмаилию… Археологический музей в то время не был открыт для публики, но нам удалось там побывать, благодаря содействию проф. Лукьянова… Профессор Лукьянов запросто читал иероглифы на барельефах саркофагов и переводил содержание папирусов» [Воспоминания, 1974, с. 173].

Проверить правильность перевода кадеты, конечно, не могли, но тот факт, что Лукьянов смог договориться об экскурсии в Египетский музей в неурочное время, свидетельствует о том, что он завоевал известный авторитет среди европейских египтологов, возглавлявших в ту пору Службу древностей Египта. Об этом говорит также тот факт, что Г. Картер разрешил ему осмотреть гробницу Тутанхамона в первый же полевой сезон после ее открытия. Лукьянов побывал в гробнице 24 февраля 1923 г., причем сопровождал его сам Картер. Свои впечатления Григорий Иванович изложил в восторженном письме директору Московского археологического института А. И. Успенскому [Смирнов, 2014, с. 52].

Лукьянов был, по-видимому, человеком довольно умным и ярким, с восточными кровями (его мать была грузинкой), умевшим «найти подход» к нужным людям, но с сильно завышенной самооценкой. И характер у него был скверным, о чем можно судить по истории его отношений с художником Иваном Яковлевичем Билибиным, тоже жившим в начале 1920-х гг. в Каире. Сперва они подружились и даже зимой 1921 г. вместе ездили в Луксор. В письмах ученице и помощнице Л. Е. Чириковой, когда она отсутствовала в Каире, Билибин не раз упоминал Лукьяновых — сначала доброжелательно, а затем с осуждением. Впрочем, как египтолога он ценил Григория Ивановича не слишком высоко, а слово «профессор» даже ставил в кавычки. Возможно, потому, что художник был хорошо знаком с В. С. Голенищевым.

2 сентября 1921 г.: «Лукьяновы Вам очень кланяются; я снял его у его стелы, а он смотрел мечтательно куда-то вверх».

24 июня 1922 г.: «Вечер закончил у Лукьяновых».

17 июля 1922 г.: «Не помню, писал ли я Вам про одну свою беседу с нашим здешним знаменитым Голенищевым у Гроппи (популярная кондитерская, существующая и сейчас. — *В. Б.*) за мороженым о поэме Пентаура.

Я ему рассказал, что приступил к этой вещи. Тогда он спросил меня: “Значит, Вы будете оживлять Древний Египет и давать ему плоть и кровь?” “Нет, — ответил я, — я буду строго придерживаться канона”. “Тогда это будет, значит, точная копия?” “Нет, не копия. Будет строгий канон, но вещь будет абсолютно моя”. “Ну, тогда я ничего не понимаю”.

Я не старался объяснить ему дальше, ибо все эти археологи от самых вершин до самых мелких фитюлек вроде нашего “профессора”, Лукьяши, ни черта, в сущности, не смыслят».

24 июля 1922 г.: «Лукьяш все что-то язвит, но пока мы еще держимся и не поссорились, но он может довести отношения до разрыва. Я и не понимаю, что ему

нужно, но всегда со своим тоненьким тенорковым смешком он отпускает колкости. Я, конечно, отвечаю тем же».

30 июля 1922 г.: «Только что вернулся от Лукьяновых. Боже мой, какие неприятные характеры. Шпильки без конца. В общем я ужасно не люблю мужчин с писклявыми теноровыми голосами.

Когда же Лукьянова, говоря на бесцельную и нудную тему о том, кто будет спасать Россию (она, очевидно, с дворянами-монархистами), сказала: "Всякая там гниль вроде Ваших инженеришек Венедиктовых…", я встал и стал прощаться, спросив ее, достаточно ли она знает моего знакомого, "инженеришку" Венедиктова, чтобы так называть его. Она сказала: "Поверьте, нам все известно". Что — все, не знаю. Расстались вежливо, но сразу. Дело близится к войне.

Во всяком случае, каков бы Венедиктов не был, но он мой знакомый, и Лукьяновы это знают. Хамство это».

16 августа 1922 г.: «Лукьяновы не кажут носа. Очевидно, решили обидеться после того казуса, который я Вам описывал».

И, наконец, 11 января 1923 г.: «Врагов у меня в Каире нет. Со всеми мир; только с Лукьяновыми как-то совершенно раззнакомился. Так, это знакомство само отмерло. Не видел их месяца четыре» [Билибин, с. 79, 129, 153, 164, 172-173, 185, 236].

В 1930 г. Г. И. Лукьянов был избран членом Археологического института Н. П. Кондакова в Праге. А через два года посетил Синайскую обитель. В книге посетителей монастыря Св. Екатерины Григорий Иванович оставил следующую стихотворную запись:

У подножия Горы Скрижалей,
Где Господь явил законы Моисею,
Зажжена рукой Юстиниана
Пред престолом Вышнего лампада.
Берегут ее неугасимой
И доныне старцы-синаиты,
И гора святая осеняет
Каждый вечер их своею тенью.
Купина, символ явленья неземного,
Мы несем тебе свои печали.
Возвести Руси благое слово
И сомкни разбитые скрижали [Беляков, 2004, с. 4].

Научным результатом паломничества к синайским святыням стала небольшая статья с расшифровкой надписей на пяти щитах, прибитых к серебряной раке русской работы для мощей Св. Екатерины. Она была опубликована в издании Археологического института в Праге *Seminarium Kondakovianum* (Issue VIII, 1936). Оттиск статьи Г. И. Лукьянов подарил в 1944 г. советскому посланнику Н. В. Новикову [ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 19. Д. 72. Л. 2–4 с об.].

В автобиографии Г. И. Лукьянов обошел вопрос о том, чем он занимался после трех лет работы у чехословацкого посланника. Указал только, что в марте 1944 г. греческий православный патриарх Александрийский Христофор II назначил его на

должность главного хартофилякса (архивариуса) патриархии [АВПРФ. Ф. 87. Оп. 2. П. 3. Д. 12. Л. 4].

О Г. И. Лукьянове автор, будучи уже знаком с этим именем из писем И. Я. Билибина, спрашивал в Каире пожилого бельгийского археолога Фернана Дебоно в начале 1990-х гг. «Супруги Лукьяновы считались известными историками, — ответил он. — Профессор считался знатоком в египтологии, а чтобы подзаработать, приторговывал древностями. Жена его специализировалась на византийской культуре. В молодости я не раз встречался с ними, ходил на их лекции» [Беляков, 2008, с. 177–178].

В автобиографии Г. И. Лукьянов не упомянул, что в Каире он преподавал в университете. Видимо, лекции, о которых вспомнил Ф. Дебоно, носили разовый характер и к образовательному процессу отношения не имели. А вот о том, что Григорий Иванович торговал египетскими древностями, писал 14 сентября 1945 г. В. В. Павлову из Каира М. А. Коростовцев. Уже защитив докторскую диссертацию и получив звание профессора, Коростовцев, признанный египтолог, был назначен в 1944 г. первым корреспондентом ТАСС в Египте. «…о Лукьянове точно знаю, что он занимался продажей древностей — профессия, преследуемая законом в этой стране, если антиквар не зарегистрирован официально как таковой и не находится под контролем надлежащих властей. Именно к этой нелегальной категории и принадлежал Лукьянов» [ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 19. Д. 72. Л. 9].

Механизм торговли древностями был, по-видимому, таков. Иностранные археологические миссии имели право оставить себе часть находок. Какие именно — решал инспектор Египетской службы древностей, а инспекторами в ту пору были европейцы. По должности они должны были оставить в Египте наиболее ценное, но не всегда делали это. Хорошо известно, например, что француз Г. Лефевр 20 января 1913 г. разрешил от имени Египетской службы древностей немецкому археологу Л. Борхарду вывезти «покрашенный гипсовый бюст принцессы» — ставший вскоре всемирно известным скульптурный портрет Нефертити [Беляков, 2011, с. 20–21]. Несмотря на многочисленные попытки египтян, вернуть бюст на родину так пока и не удалось.

Не все артефакты, оставленные европейским археологам, имели научную ценность. Часть из них, вероятно, они готовы были продать, в том числе и для того, чтобы финансировать дальнейшие раскопки. Самим заниматься этим не пристало, нужен был посредник. Скорее всего, Г. И. Лукьянов, наладив связи с европейскими египтологами, и выступал в этом качестве. Так что, видимо, М. А. Коростовцев был не прав, когда писал, что Лукьянов торговал древностями нелегально. Что-то доставалось и ему самому: к концу жизни Григория Ивановича его коллекция насчитывала почти 900 предметов [ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 19. Д. 72. Л. 37].

Посредничество в торговле древностями определенно сделало Лукьянова состоятельным человеком. Об этом говорит не только тот факт, что между 1923 и 1944 гг. он не занимал никакой официальной должности. Григорий Иванович похоронен на греческом православном кладбище в Старом Каире в отдельной могиле, а это очень дорого. Практически все остальные русские эмигранты, включая известного египтолога В. М. Викентьева, ученика В. С. Голенищева, который почти 40 лет занимал

должность профессора в Каирском университете, покоятся в общем склепе [Беляков, 2001].

В письме от 11 октября 1944 г. советскому посланнику Н. В. Новикову, предлагая продать свою коллекцию крупному музею в СССР, Г. И. Лукьянов указывал: «Моими клиентами были музеи: Британский, Лувр, Метрополитен, Брюссельский и особенно часто Берлинский» [ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 19. Д. 72. Л. 33].

Решение продать коллекцию (как и поступление на службу в греческую патриархию) было скорее всего вызвано тем, что в годы Второй мировой войны и фашистской оккупации Европы покупать египетские древности было некому, и финансовое положение Лукьянова пошатнулось. Возможно также, что, получив сразу крупную сумму, он рассчитывал обеспечить себе приближающуюся старость.

О предложении Лукьянова сообщили в Москву, откуда поступила просьба прислать о нем сведения. Вот тут-то Григорий Иванович и написал не раз цитировавшуюся автобиографию, где пребыванию в Египте было отведено ровно 10 строк. В конце 1944 г. советская миссия отправила в Москву справку о Лукьянове, в которой отмечалось, что он пользуется репутацией патриота и опубликовал несколько положительных статей об СССР в местных франкоязычных газетах. Далее, однако, шла следующая характеристика: «Среди каирских журналистов, русских эмигрантов и в среде каирской интеллигенции ходит много слухов, характеризующих Лукьянова отрицательно: он характеризуется как ловкий и образованный, нечестный интриган и приспособленец. …Старый русский ученый Голенищев, якобы, не терпел Лукьянова и не считал его серьезным ученым». Впрочем, автор справки добавлял, что «все эти слухи мы пока не имели возможности проверить и полностью им пока доверять нельзя» [АВПРФ. Ф. 87. Оп. 7. П. 5. Д. 11. Л. 22–23].

Пока в Москве думали, а в Каире проверяли справку, Григорий Иванович Лукьянов скончался. Через некоторое время в советскую миссию с тем же предложением — продать коллекцию — обратилась его жена, Елизавета Сергеевна. Пространное письмо на имя посланника Н. В. Новикова начиналось так: «Есть два рода ученых; одни доходят до намеченной цели путем долгих и усидчивых трудов, другие, подобно орлам, с высоты полета проникают в самые глубины научных тайн. Таким был П. Н. Павлов, таким был и профессор Григорий Иванович Лукьянов. Это был человек блестящих и крайне разнообразных дарований, которыми он украшал и прославлял среди ученых всего мира имя России» [ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 19. Д. 72. Л. 40]. Прочитав это, в советской миссии пожали плечами: сравнить Лукьянова, с которым успели до его кончины познакомиться, с самим Павловым?

Предложение Е. С. Лукьяновой отправили в Москву, а там поручили М. А. Коростовцеву осмотреть коллекцию. Вывод он сделал такой: «Ценность предметов с научной точки зрения очень различна, и число ценных экземпляров сравнительно очень невелико. …К тому же цена в десять тысяч фунтов совершенно явно очень преувеличена» [ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 19. Д. 72. Л. 37]. Сделка не состоялась, судьба коллекции неизвестна.

Предлагая продать свою коллекцию в СССР, Г. И. Лукьянов представил в советскую миссию, кроме автобиографии, список из 60 научных трудов [АВПРФ. Ф. 87. Оп. 2. П. 3. Д. 12. Л. 5–8]. О научных заслугах покойного мужа с пафосом писала Н. В. Новикову Е. С. Лукьянова. Записку передали М. А. Коростовцеву. К этому

времени он уже освоился в Каире и основательно изучил местные издания по египтологии. «На странице 3 в записке говорится, что Лукьянов издал открытый им неизвестный текст поэмы Пентаура о битве при Кадеше, — отмечал Коростовцев в письме во Всесоюзное общество культурных связей с зарубежными странами 12 сентября 1946 г. — Эта работа представляет собой брошюру в 24 страницы с французским переводом текста, но без иероглифического оригинала и без филологического комментария, т. е. работа без соблюдения совершенно необходимых условий при издании нового текста. Таким образом, это и не издание текста, и не исследование».

Письмо М. А. Коростовцев закончил таким утверждением. «Скажем прямо: Лукьянова никто не считал египтологом-специалистом и его имя как ученого мировой науке не известно, что вполне естественно и закономерно» [ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 19. Д. 72. Л. 38]. Возможно, будущий академик был слишком категоричен в своих суждениях. Но факт остается фактом: в справочнике “Who was Who in Egyptology” Г. И. Лукьянов отсутствует.

Литература / References

Беляков В. В. *Российский некрополь в Египте*. М., 2001 [Beliakov V. V. *Russian Necropolis in Egypt*. Moscow, 2001 (in Russian)].

Беляков В. В. *Сокровища Синая*. М., 2004 [Beliakov V. V. *Treasury of Sinai*. Moscow, 2004 (in Russian)].

Беляков В. В. *Русский Египет*. М., 2008 [Beliakov V. V. *Russian Egypt*. Moscow, 2008 (in Russian)].

Беляков В. В. Вещественные доказательства // *Восточная коллекция*. Весна 2011. С. 16–22 [Beliakov V.V. Material Evidence // *Vostochvaya Collecelchia*. Spring 2011. Pp. 16–22 (in Russian)].

Билибин И. Я. в Египте. 1920–1925. Письма, документы и материалы. М., 2009 [*Ivan Ya. Bilibine in Egypt. 1920–1925. Letters, documents and materials*. Moscow, 2009 (in Russian)].

Воспоминания кадет Донского корпуса. Мадрид, 1974 [*Memories of Don's Corps Cadets*. Madrid, 1974 (in Russian)].

Смирнов А. С. Русский в гробнице Тутанхамона // *Восточный архив*. 2014. № 1 (29). С. 51–60 [Smirnov A. S. Russian in Tutanchamon's Tomb / *Vostochniy Arhiv (Oriental Archive)*. 2014. 1 (29). Pp. 51–60 (in Russian)].

Архивные документы / Archive documents

Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ) [Archive of Foreign Politics, Russian Federation]. Фонд 87. Опись 7. Папка 5. Дело 11.

АВПРФ. Фонд 87. Опись 2. Папка 3. Дело 12.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) [State Archive of Russian Federation]. Фонд 5283. Опись 19. Дело 72.

В ПОИСКАХ ЭМОЦИЙ ПОД НЕБОМ ЮЖНОЙ АЗИИ, ИЛИ ПРИГЛАШЕНИЕ К «АФФЕКТИВНОМУ ДИСКУРСУ». ЧАСТЬ III. ЭКСКУРС В ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКУЮ ПРАГМАТИКУ

© 2019
И. П. Глушкова[*]

Памяти
д-ра Ашока Келкара (1929–2014)

В обзорной статье из пяти эпизодов представлены основные теоретико–методологические подходы в области emotional / affective studies, популярных в западной академической науке и малозаметных в отечественной. Предваряя публикацию 5-го тома междисциплинарного проекта «Под небом Южной Азии» (ПНЮА), прокладывающего дорогу к анализу эмоциональных парадигм южноазиатского ареала, статья одновременно задается вопросом: каким образом дискурс об эмоциях в одной культуре может быть приложим к другой? Первый эпизод с опорой на классические труды по философии и психологии ставил вопрос о терминологических дефинициях (в том числе, относительно «чувства», «эмоции», «настроения» и т. д.) и, с учетом доминирования англо-саксонской школы, о смысловых коррелятах из других языковых и культурных систем. Второй эпизод, черпая из трудов социальных и культурных антропологов по исследованию «экзотического чужого», продемонстрировал расхождение универсалистской концепции, утверждающей одинаковость эмоций для разных культур и времен, и конструктивистской, считающей их культурно обусловленными и/или социально конструируемыми. Третий — предлагаемый ниже — эпизод посвящен преимущественно двум основным подходам к лингвистическому описанию эмоций — метафорическому и смысловому и их знаменитым авторам, в числе которых, Джордж Лакофф, Золтан Ковечеш, Анна Вежбицкая и Виктор Шаховский. Выполненные на конкретном материале эти гомогенные — с точки зрения культурно-языковой локализации — исследования добавляют новые аргументы в позиции универсалистов, одновременно придавая импульс анализу конкретных эмоций. В качестве параллели в этом эпизоде ставится вопрос о сходной проблематике на примерах из языков Южной Азии, эмоциональная сфера которых только сейчас становится самостоятельным объектом исследования.

Ключевые слова: эмоциональный / аффективный поворот, лингвистика, вербализация чувств, метафора, метаязык, семантические примитивы, универсальные компоненты, лексический эмотив, синтаксическая парадигма, региональное чувствование.

[*] Ирина Петровна ГЛУШКОВА, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН; iri_glu@hotmail.com

Irina GLUSHKOVA, PhD (Linguistics), DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; iri_glu@hotmail.com

IN SEARCH OF EMOTIONS UNDER THE SKIES OF SOUTH ASIA, OR AN INVITATION TO THE 'AFFECTIVE DISCOURSE'. PART III. AN OVERVIEW OF THE LINGUO-EMOTIONAL PRAGMATISM

Irina Glushkova

In remembrance of
Dr Ashok Kelkar (1929–2014)

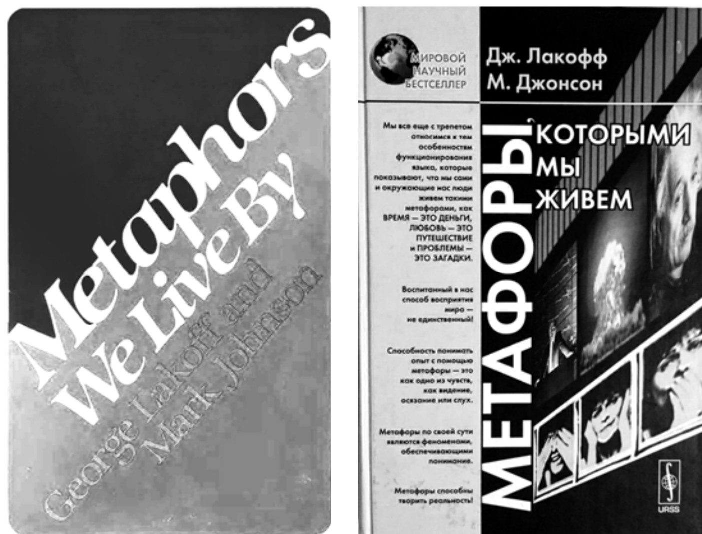
This five-episode survey deals with main theoretical and methodological approaches within the field of emotional / affective studies, well established in the Western academic scholarship but are still of unspectacular character in Russia. Briefly prefacing a publication of the 5th volume of the "Under the Skies of South Asia" project (USSA) which starts the road to the analysis of the emotional paradigms of the South Asian milieu, the paper also asks us if a discourse on emotions in one cultural model can be applicable to another? The first episode drawing from classical works in philosophy and psychology dealt with terminological definitions (including the nuances of 'feeling', 'emotion', 'mood' etc.), and, taking into account the domination of Anglo-Saxon school of thought, dwelt on semantic correlates from alien linguo-cultural contexts. The second episode, drawing from the studies of social and cultural anthropologists of an "exotic other," demonstrated the divergence of a universalist concept that affirms the sameness of emotions for different cultures and times, and a constructivist one that considers them culturally conditioned and / or socially constructed. The following 3d episode primarily focuses on two principal approaches – metaphorical and semantic – towards description of the linguistics of emotions, and to their promoters, including George Lakoff, Zoltan Kövecses, Anna Wierzbicka and Victor Shakhovsky. Conducted within a well-defined data base these homogeneous in terms of their cultural-linguistic localization studies add new arguments to the position of Universalists, while giving impetus to the analysis of specific emotions. Simultaneously, an attempt is made to hint at similar problems on the example of the South Asian languages and its emotional sphere yet not a subject of consistent academic scrutiny.

Keywords: emotional / affective turn, linguistics, verbalization of emotions, metaphors, meta-language, semantic primitives, universal components, lexical emotives, syntactic paradigm, regional feelings.

Энциклопедический труд Яна Плампера, историография, библиография и критика, а также «навигационный прибор» и «ариаднина нить», без которых неразумно вторгаться в бушующий аффективными «войнами» дискурс [Plamper, 2015], мог бы стать введением к тому «Под небом Южной Азии. Стыд и гордость». Однако мой интерес к эмоциям возник задолго до появления этой работы, в конце 1970-х — начале 1980-х гг., когда «эмоциональное брожение» только начиналось, и Плампер еще не отправился на поиски амигдалы. Оказавшись в плотном контакте с «другими», хотя и не столь экзотичными, как инуиты, таитянцы, иллонготы и бедуины, я столкнулась с проблемой (не)различения семантики и синтаксиса конструкций чувствования в маратхи. Это выпадение из концептуально понятного пространства русского языка и культуры стало заметным еще в начальный период моего изучения маратхи в среде его распространения в городе Пуне (Махараштра, Индия) в условиях неизбежного эмоционально-чувственного погружения в историко-политические реалии, усвоения невербальных форм манифестации смущения, стыда, гордости, восторга и т. д. и перенимания бытового опыта положительного, отрицательного и нейтрального реагирования на звук, цвет, запах, вкус, прикосновение.

Однако глубина разрыва между сферами чувствования в русском и маратхи была осознана (но не преодолена) позднее, в процессе преподавания маратхи и связанной с этим неизбежностью его лингвистического препарирования в лишенных махараштранских ароматов аудиториях Института стран Азии и Африки МГУ. Позднее мы обсуждали «эмоциональные» вопросы с д-ром А. Келкаром, который на протяжении четырех десятилетий нашего тесного знакомства вызывал во мне множество разнообразных чувств — от страха и возмущения до умиления и восхищения, а в последние годы его жизни — сострадания, но точнее эта гамма выражается словом *āsthā*, сочетающим благоговейный трепет и заботливую нежность. Все эти десятилетия д-р Келкар руководил моим чтением в области лингвистики, направляя (в соответствии с тематикой обращенных к нему вопросов) к трудам Джорджа Лакоффа (Лейкофф, Лаков), Золтана Ковечеша (Кёвечес), Анны Вежбицкой (Вежбицка) и других[1]. К этим фигурам Пламппер, будучи приверженцем «истории эмоций» (как будто история обходится без вербализации и независима от интерпретации языковых источников), проявил равнодушие, коснувшись языковых нюансов только в той степени, в какой они были зафиксированы в работах антропологов (Джан Л. Бриггз, Роберта Леви, Мишель З. Розалдо, Катерины Лац, Лилы Абу-Лагход) и, упомянув Лакоффа, Ковечеша и Вежбицкую скороговоркой, хотя именно они являются самыми яркими представителями двух подходов к описанию эмоций в лингвистике — смыслового и метафорического. «Как правило, в тех случаях, когда прямое объяснение какого-либо явления по той или иной причине невозможно, говорящий использует различные окольные пути, обращаясь при этом к тем знаниям, которые, по его предположению, уже имеются в опыте адресата. Наиболее употребительными, а может быть, и единственно возможными являются следующие два приема объяснения: либо говорящий указывает на известную адресату ситуацию, в которой обычно возникает данное явление, либо он сравнивает это явление с похожим на него другим явлением, знакомым адресату» [Апресян, Апресян, 1993, с. 27].

«Метафоры, которыми мы живем» (*илл. 1*) — интеллектуальный бестселлер Джорджа Лакоффа в соавторстве с философом Марком Джонсоном [Lakoff, Johnson, 1980] — перевел

Илл. 1. «Метафоры, которыми мы живем» Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона — издание в оригинале (1980) и в русском переводе (2004)

[1] «Других» (за небольшим исключением) в этом введении не упомяну и я, однако любые публикации вышеназванных лингвистов, в особенности Ковечеша, плодовитого венгро-американского ученого, содержат огромное количество полемических ссылок на множество работ в области лексической семантики, важных для понимания «эмоционального дискурса» в целом.

метафору из эксклюзива поэтической речи в повседневность, признав ее инструментом освоения окружающего мира[2], в том числе, его эмоционального компонента. Анализ семантических конструкций выявил в эмоциях «вещность» и «сущность», собственную физическую основу, подвижность в пространственных траекториях, гибкость внутрителесного размещения и другие параметры, что, в частности, позволило включить их в общую понятийную структуру семантико-концептуального подхода и дезавуировать миф об их субъективизме. Дальнейший шаг Дж. Лакофф проделал совместно с Золтаном Ковечешем, определив когнитивную структуру *anger* через метафоры и метонимии американского варианта английского языка [Lakoff, Kövecses, 1987][3]. Соавторы проанализировали более 300 примеров из знаменитого «Тезауруса Роже» (Thesaurus of English Words and Phrases)[4], связанных с физиологическими эффектами, которые свидетельствуют о наличии жара (*heat*): повышении температуры тела и его покраснении (Billy is a hothead, he got red with anger), росте мышечного напряжения и кровяного давления (When I found out, I almost burst a blood vessel), внешнего возбуждения (She was shaking with anger) и нарушения ориентации (I was so mad I couldn't see straight) [Lakoff, Kövecses, 1987, p. 196–197]. Структура эмоциональных концептов в моделях Лакоффа и Ковечеша, например, *anger*, представляет собой последовательность из пяти «событий» (*event*): 1) причина, 2) нарастание, 3) попытка контроля, 4) утрата контроля, 5) воздаяние [Lakoff, Kövecses, 1987, p. 210–212]. Выявленное в результате «обывательское восприятие», или *folk model*, т. е. «неадекватная, рожденная обыденным воображением, картина реальности»[5], тем не менее подтверждается на телесном уровне учащением пульса, горячностью кожного покрова и т. д. Концептуализация состояний *anger*, т. е. онтология эмоции, укрепляемая примерами из других культур, и является ее буквальным значением, в то время как метафоры (перенос по сходству) и метонимии (перенос по смежности) представляют собой способ вербализации [Lakoff, Kövecses, 1987, p. 218]. Тем самым гомогенное — с точки зрения культурно-языковой локализации — исследование с неожиданной стороны подтвердило позиции универсалистов и придало импульс анализу конкретных эмоций[6].

---

[2] «В языке закреплен опыт тысячелетней психологической и культурной интроспекции его носителей, данные которого по своей надежности никак не уступают данным экспериментальных исследований» [Апресян, 1993, с. 27]. В этой же статье кратко отмечены недостатки методологий Лакоффа, Ковечеша и Вежбицкой. См. также [Апресян, 1995а] и др. работы представителей Московской семантической школы и Сектора теоретической семантики Института языкознания РАН, вдохновителем которых является российский языковед Ю. Д. Апресян.

[3] Эта статья была впервые опубликована в 1983 г., перепечатывалась с уточнениями и в дальнейшем неоднократно появлялась в виде главы как в книгах Дж. Лакоффа, так и З. Ковечеша.

[4] Один из первых идеографических словарей, созданных врачом, натуралистом и лексикографом Питером Марком Роже еще в начале XIX в., но Лакофф и Ковечеш, вероятно, использовали его усовершенствованную современную версию, поскольку сочетание «Тезаурус Роже» превратилось в торговую марку.

[5] Культурным моделям в сфере языка и мысли, в том числе концепции *folk model*, была посвящена одна из важнейших коллективных работ конца 1980-х гг., см., например [White, 1987; D'Andrade, 1987; Lakoff, Kövecses, 1987]. Позднее Ковечеш определяет *folk models* как «соразмерные человеку, т. е. уточняемые не большим и не меньшим числом признаков, которыми пользуются обычные люди в повседневной сфере для описания опыта из конкретной области» [Kövecses, 1990, p. 17].

[6] См. несколько наиболее известных работ по отдельным эмоциям [Gilbert, Andrews, 1998; Miller, 1993; 1996 (Shame)], [Clanton, Smith, 1987 (Jealosy)], [Smith, 2008 (Envy)], [Miller, 1995 (Humiliation)], [Plamper,

В единоличных крупных трудах Ковечеш фактически решает одни и те же вопросы, детально разбирая / критикуя новые теории в антропологии, психологии, философии и лингвистике и каждый раз поднимаясь на новый уровень аргументации: «как люди понимают эмоции?», «какова в этом роль эмоциональных концепций?», «какое место в том, что мы думаем об эмоциях, занимают метафоры и другие фигуры речи?», «отражают ли они фактическую реальность или конструируют наш эмоциональный мир?» [Kövecses, 1986; 1988; 1990; 2000 и т. д.]. Уточняя диапазон тропов («симптоматической лексики»), моделирующих, например, *anger* / *heat* [«жар»], *fire* [«пламя»], *heat of a fluid in a container* [«горячая жидкость в контейнере»], (*илл. 2*) *burden* [«тяжесть»], *dangerous animal* [«опасное животное»], *insanity* [«безумие»]), Ковечеш в дальнейшем выводит разговор об эмоциях за пределы нескольких десятков лексем (*anger, fear, love, pride, joy* и т. д.), продолжая называть соответствующие главы книг именно этими словами, и приходит к анализу лексических единиц из разных регистров от междометий (*wow, alas, oh, yuck* и т. д.) до пейоративов / дерогативов и мелиоративов с выражением презрения, умиления и т. д. и выстраивая «гнезда» из основных (*more basic, prototypic*) эмоций (например, *anger*) и второстепенных (*less basic*, применительно к *anger* — *annoyance, wrath, rage, indignation*) [Kövecses, 2000].

Илл. 2. Anger — это heat
(по: Nordquist R. Complex Metaphor. Glossary of Grammatical and Rhetorical Terms // *ThoughtCo*. 28.02.2019. URL: https://www.thoughtco.com/what-is-complex-metaphor-1689886
(дата обращения 09.09.2019))

Поиск выражений, соответствующих параметрам *heat* / «жар», например, в маратхи сразу приводит к лексеме *tāp* «жар», «лихорадка» и ее дериватам: *tāpṇe* «нагреваться» / «сердиться», *tāpaṭ* «вспыльчивый» и др. и к многочисленным идиомам: *nāk phurphuṇe*, «раздувать ноздри»; *tiḷpāpaḍ hoṇe* «разбухать [от *anger* подобно] хлебцу [с семенами] кунжута, [когда его бросают в кипящее масло]», *aṅgāt māṅg śirṇe* «в тело манг вселяется»[7], что не снимает вопроса о маратхском аналоге *anger*, т. е. о правильном выборе эмотивной лексемы. «Современный студенческий англо-англо-маратхский словарь» с упоминанием «жара» поясняет: “Anger — hot displeasure; *rāg*, *krodh*…” [Students’ Modern Dictionary, 1973, p. 31], в то время как составленный почти 200 лет назад «Маратхи-английский словарь» Дж. Т. Моулсворта описывает *rāg* и *krodh* единообразно как *anger*, *rage* и *passion* [Molesworth 1975, p. 189, 687], а лексему *roṣ*, не фигурирующую в интерпретации *anger*, как *anger* и *wrath* [Molesworth 1975, p. 703]. «Образцовый словарь маратхи[-маратхи]» объясняет *rāg* посредством лексем *krodh*, *santāp* (все та же лексема *tāp* с санскритским префиксом *saṃ-*) и *kop* [Joshi 1970, p. 1028], предлагая для *roṣ* все то же *rāg*, а также *rusvā*, *krodh*, *nākhuśī* и *santāp* [Joshi 1970, p. 1053]. «Новый стандартный словарь»

Lazier, 2012 (Fear)]. Изучение «отвращения», например [Menninghaus, 2003; Miller, 1997; Miller 2004; Lateiner, Spatharas, 2017 и т. д.)] создало отдельное направление — дисгастологию (Disgustology).

[7] Манг — низшая каста из среды бывших неприкасаемых, ее представители ассоциируются с чрезмерным жаром. В настоящее время употребление этой идиомы считается неполиткорректным.

Г. Д. Кханолкара, например, определяет *santāp* как *excessive or vehement heat* «чрезмерный жар» и *burning or inflamed state* «горение» и, помимо уже присутствующих в синонимичном ряду *krodh* и *rāg*, добавляет *dveṣ* и *āveś* [Khanolkar 1985, p. 2424]. У д-ра А. Келкара, ученого с интеллектом наивысшей пробы, обычно скупого на эмоции (*bhāvnāñcyā bābtīt jarā rūkṣac*), наш с ним общий друг режиссер и литератор Арун Кхопкар подметил «вспышки» (*kaṅgore*) «быстрой гневливости» (*śīghrakopī*), т. е. «вспыльчивости», «обжигавшие» тугодумного собеседника, когда д-р Келкар «забывал, что отнюдь не все вокруг ашокикелкары, и потому начинал сердиться (*rāgvāycā*)», что, впрочем, по признанию Кхопкара, лично на себе он никогда не испытал [Khopkar, 2014, p. 6].

Нейропсихологические и нейрофизиологические исследования Лаборатории аффекта и мозга (Северо-Восточный университет, Бостон, США) в целях нейровизуализации акустически проявленных эмоций (*anger, disgust, fear* и т. д.) и их влияния на сцепку элементов на пересечении конкретных участков мозга, ответственных как за чувствование, так и язык, накопили множество убедительных свидетельств о конструирующей роли последнего [Lindquist, Satpute, Gendron, 2015]. Отдельный раздел статьи об экспериментах по оценке эмоций американцами, герероязычным племенем банту и китайцами подтвердил факт культурного релятивизма, т. е. различного восприятия даже устоявшихся на Западе базовых концептов: «В то время как англоязычные участники разложили [предложенные изображения] по категориям *angry* (сердитый), *disgusted* (испытывающий отвращение), *fearful* (испуганный), *sad* (печальный), *happy* (довольный) и нейтральные, гереро никак не отозвались на этот “универсальный” набор. Даже предварительная маркировка / клеймение (*labeling*) категорий переводом эмоциональных слов с английского на гереро никак не помогла» [Lindquist, Satpute, Gendron, p. 102–103]. Один из авторов статьи, руководитель Лаборатории Аджай Сатпуте, этнический маратх, родившийся и получивший образование в США, но владеющий бытовым маратхи, на мой вопрос, какая лексема, равнозначная *anger*, могла бы быть задействована при постановке подобных экспериментов среди маратхов, признался, что ответа не знает[8].

В свою очередь Я. Плампер настойчиво предупреждает о разных эпистемологиях в нейронауках и истории: гипотезы в первых верифицируются многолетним / многократным воспроизводством эксперимента и логикой бинарного противопоставления — истинный (*true*) / ложный (*false*), т. е. могут быть отклонены при сбоях в результатах, что представляет опасность для исторических исследований, чья интерпретация привязывается к той или иной отвергнутой впоследствии позиции [Plamper, 2015, p. 298–299]. Если даже «слово для *anger* имеется в культурах по всему миру, это еще не доказывает, что *anger* означает одно и то же, что он проявляется одинаково, что с ним отождествляются одни и те же ситуации и что он сходным образом функционирует внутри отношений»[9]. Об этом свидетельствует, например, язык индейского племени каинганг (Бразилия), где выражение эмоций в наибольшей степени связано с синтаксисом, а *to ñu* (*anger*) синтезировано со страхом (*fear*), являясь его

[8] Электронные письма автору от 10.05 и 14.05 2018 г.

[9] Батья Гомес де Мескита (Batja Gomes de Mesquita, директор Центра социальной и культурной психологии, Лёвен, Бельгия). Цит. по: Hard Feelings: Science's Struggle to Define Emotions // *The Atlantic*. 24.02.2015. URL: https://www.theatlantic.com/health/archive/2015/02/hard-feelings-sciences-struggle-to-define-emotions/385711 (дата обращения 09.09.2019).

манифестируемым завершением (*fear — anger, one emotion with two facets*) [Henry, 1936, p. 255]. «*Anger* в одной местности может быть центральным и высоко ценимым концептом с множеством оттенков, а в другой аналогичное понятие может обозначать нечто узкое, устрашающее, подавляемое и отрицаемое» [Reddy, 1997, p. 335]. В конце концов, если признан «Американский страх: причины и последствия повышенного беспокойства» [Stearns 2006], то существуют и другие географически и национально укорененные страхи, в том числе, индийский. Выступая (на английском языке) в сентябре 2018 г. на Литературном фестивале в Ути / Udagamandalam (Тамилнаду, Индия) как реципиент премии «За честь и достоинство», бомбейский журналист-патриарх Шанта Гокхле назвала Индию в целом «республикой страха» для мыслящих людей: «На протяжении последних лет в нас нарастает страх, что если мы напишем то, что видим и о чем думаем, мы можем нанести глубокое оскорбление какой-нибудь группе людей и тем самым навлечь на себя судебные последствия»[10]. Вслед за ней тот же диагноз поставила Наянтара Сегхал, 92-летняя писательница, лауреат премии Литературной Академии Индии (1986) и племянница первого премьер-министра независимой Индии Джавахарлала Неру: «Человеческая цена этой трагической ситуации заключаются в том, что многие индийцы пребывают в атмосфере страха и горя и не чувствуют себя в безопасности, проживая выбранную ими жизнь и отправляя собственную религию, как они это делали и имеют право делать»[11]. Помимо общенациональных существуют и «региональные» страхи, например — маратхский, хотя вопрос о том, какой именно лексемой он должен быть представлен — *bhay*, *bhītī* или другой, остается открытым. А

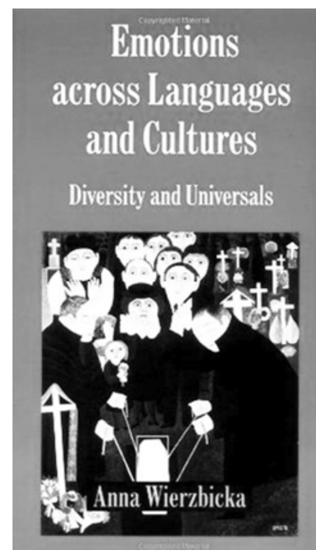
Илл. 3. Автовизуализация пакистанского гнева / anger (по: Pakistan. 10th angriest country in world survey // *Pakistan Today*. 30.04.2019. URL: https://www.pakistantoday.com.pk/2019/04/30/pakistan-10th-angriest-country-in-world-survey/ (дата обращения 09.09.2019))

[10] Полный текст выступления Шанты Гокхле см.: India has become ‘a republic of fear for thinkers and writers’: Critic and novelist Shanta Gokhale // *Scroll.in*. 19.09.2018. URL: https://scroll.in/article/894819/truth-tellers-are-arrested-imprisoned-writer-shanta-gokhale-on-fear-censorship-in-todays-india (дата обращения 09.09.2019).

[11] Наянтара Сегхал (1927 г. р.), чей отец был этническим маратхом (Ranjit Sitaram Pandit), в январе 2019 г. была приглашена в качестве почетного гостя на 92-ю Всеиндийскую конференцию по литературе маратхи, однако за три дня до ее открытия Оргкомитет отозвал приглашение, опасаясь критических выпадов гостя в адрес действующей власти. Публичные чтения текста несостоявшегося выступления Сегхал (см.: Nayantara Sahgal’s speech for Marathi Sahitya Sammelan: In some cases, our duty to hurt sentiments // *The Indian Express*. 08.01.2019. URL: https://indianexpress.com/article/opinion/nayantara-sehgal-marathi-sahitya-sammelan-speech-5527383/ (дата обращения 09.09.2019)) стали актом протеста гражданского общества против попрания свободы слова и цензуры.

недавние исследования «злости» (*anger*) выявили, что 10-е место среди *angriest countries* занимает Пакистан (*илл. 3*).

Илл. 4. Фотография Анны Вежбицкой и обложка одной из ее книг (по: Вежбицкая, Анна // *Энциклопедия Кругосвет*. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/VEZHBITSKAYA_ANNA.html (дата обращения 09.09.2019))

Отсутствие в русском языке эквивалента *āsthā*, сложно-составного чувства, которое я испытывала по отношению к д-ру А. Келкару, необнаружение в маратхи и в английском языке эмотивного аналога «брезгливости», исключительно важного в моем мировосприятии концепта, а также — в целом — лексикографическая драма, вынуждающая (за отсутствием в природе маратхи-русских и русско-маратхских словарей) прибегать к посредничеству английского, стали причиной моего раннего увлечения трудами А. Вежбицкой (*илл. 4*), выбравшей смысловой подход. В самом свежем (на момент написания этих строк) выпуске *Emotion Review*, во Введении к спецразделу «Язык и эмоция» Сатпуте как раз напоминает, что первый номер этого авторитетного журнала (2009) открылся статьей А. Вежбицкой «Язык и метаязык: Ключевые вопросы в исследовании эмоций» [Satpute, 2018]. Несмотря на многолетнее проживание в Австралии, не принадлежащая полностью англо-саксонскому миру или его англо-австралийскому варианту вследствие польского происхождения и профессии слависта, Вежбицкая разработала теорию семантических примитивов, формирующих «естественный семантический метаязык» (Natural Semantic Metalanguage) [Wierzbicka, 1972, 1999]. Она отрицает универсальность так называемых базовых человеческих эмоций, в том числе, критикует экмановское привязывание мимического портрета к называнию конкретных эмоций, а не выделению нейтральных признаков («выпученные глаза» могут свидетельствовать как об ужасе, так и об удивлении, а англ. *happy* меркнет по силе по сравнению с нем. *glücklich*, фр. *heureux*, итал. *felice* и рус. «счастливый»). И, наоборот, признает культуроспецифичность эмоций, в том числе их зависимость от наличия / отсутствия соответствующей вербальной единицы, и встроенности в

когнитивные сценарии (*cognitive scenario*). Например, «радость», «грусть» и «тоска» значимы для русской культуры, в то время как в английской модели «грусти» и «тоски» нет, хотя «Оксфордский словарь русского языка» предлагает для «грусти» *sadness* и *melancholy*, в то время как близкая, но не тождественная «грусти», «печаль» соединяется с *grief*, «огорчением», и *sorrow*, «скорбью». Также *anger* никак не коррелирует с русским «гневом», по семантике близкому нечастому в разговорной речи *wrath*, но его смысл обычно выражается другой частью речи — глаголом «сердиться» (что в целом характеризует «активную», через глаголы действия, артикуляцию эмоций в русской грамматике[12] в отличие от синтаксического контроля над ними в английском) [Wierzbicka, 1995, p. 26; 1998]. В то же время *żal*, «непереводимая» польская эмоция широкого диапазона, объяснение которой А. Вежбицкая и ее соавтор извлекают из нарративов польских иммигрантов в Австралии, не сопоставима ни с *sadness*, ни с *sorrow*, ни с *grief*, хотя в определенных контекстах приближается к негативному оттенку английского *grudge* [Besemeres, Wierzbicka, 2009], в русском переводе объясняемого как «недовольство», «недоброжелательность» и «зависть». Тщательный лексико-прагматический разбор английской, польской, немецкой, русской и японской конкретики с экскурсами во французский, итальянский и испанский языки («все же у нас нет доступа к эмоциям других, кроме как через слова») обнаруживают многочисленные этнолингвистические расхождения, которые Вежбицкая преобразует в «культурные сценарии» (*cultural scripts*)[13] [Wierzbicka, 1999; 2001, p. 9–43]. В качестве основы для сопоставления эмоциональных концептов, порождаемых тем или иным «культурным сценарием (*script*)», Вежбицкая предлагает «слова, которые были бы интуитивно понятны и не являлись бы сами именами эмоций и эмоциональных состояний» [Wierzbicka, 1999, p. 275–276]. Их список она задает по категориям «субстантивы» (я, ты, некто...), «детерминаторы» (этот, тот же, другой...), «ментальные предикаты» (думать, хотеть, знать и т. д.), «оценки» (хороший, плохой) и т. д., используя их для написания когнитивного сценария (*coginitive scenario*) для каждой конкретной эмоции — будь то *sadness, żal, anger* или «грусть»: (a) X нечто чувствует (b) иногда человек думает нечто вроде этого: (c) случилось нечто плохое (d) это плохо (e) если бы я знал, что это произошло, я бы сказал: «Я этого не хочу» и т. д. [Wierzbicka, 1999, p. 49–122; 2001, p. 22, 28–30 и др.] (полный перечень элементарных концептов и примеры их применения доступны практически в любой работе автора).

Одним из важных — универсальных (в отличие от дискутируемой «эмоции») — компонентов своей стратегии А. Вежбицкая называет ментальный предикат *to feel*, «чувствовать», хотя связанные с ним англ. *feeling*, рус. «чувство», нем. *Gefühl*, фр. *sentiment* и

[12] А. Вежбицкая, неоднократно обращавшаяся к русскому языку, отмечает центральность эмоций для русской культуры в целом и цитирует одного из своих коллег, обнаружившего, что главное для русских — *pouring out one's soul,* т. е. «излить душу». Вместе с другими она выделяет русский как обладающий несопоставимым ни с каким другим языком количеством суффиксов с аффективным значением и разнообразным телесным поведением, демонстрирующим диапазон и силу чувств [Wierzbicka, 1998].

[13] В предисловии к изданию А. Вежбицкой на русском языке, Алексей Шмелев указывает на «культурные предписания», «ценностные установки культуры» или предложенный самой Вежбицкой вариант «культурные скрипты» как более удачные варианты перевода (во избежание путаницы с *cognitive scenario*, «когнитивным сценарием») [Шмелев, 2001, с. 12]. Дальнейшие вариации на основе методологии Вежбицкой, в том числе, относительно характеристики эмоций в русскоязычной картине мире см.: [Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2012].

т. д.[14] семантически неоднозначно отображают физические и душевные ощущения. Настаивая на создании мета-языка, Вежбицкая не устает напоминать: «Слово эмоция (*emotion*) не такое непроблемное, как кажется, и, используя его как стартовую позицию, мы с самого начала можем оказаться в заложниках у этноцентрической перспективы, сформированной нашим собственным или доминирующим в этой области языком, вместо того чтобы занять максимально свободную и культурно-независимую позицию... Английское слово эмоция, однако, с характерным для него сочетанием трех компонентов (связанных с чувствованием [*feeling*], мышлением [*thinking*] и телом) не обладает точными соответствиями в других языках. На самом деле оно воплощает концепт, который сам по себе является артефактом английского языка. В гипотетическом наборе универсальных человеческих концептов, отрегулированных автором и коллегами на протяжении многих лет кросс-культурных исследований, конечно же, "чувствую" (*feel*) является одним из компонентов, а "эмоция" — нет» [Wierzbicka, 1999, p. 24].

Характер «чувствования», в свою очередь, зависим от навыков мышления, так или иначе определяемых культурными параметрами, в число которых входит языковое описание мира. Предложенный Вежбицкой семантико-сопоставительный анализ ряда лексем из хорошо изученных языков (английский, русский, немецкий и др.), обладающих многоуровневой лексикографией, включая частотные и комбинаторные словари, в действительности выявляет мельчайшие признаки (не)сходства разных культур при признании доказываемой не только нейронауками, но и данными лингвистики, непосредственной и универсальной связи чувства, тела и мысли. Однако лингвистическое обеспечение такого объема и качества отсутствует даже для самых крупных языков Индии, Пакистана, Бангладеш (*илл. 5*), Непала, Бутана, Шри-Ланки и Мальдив, что сигнализирует о неготовности южноазиатской лингвистики пойти по предложенному Вежбицкой и ее коллегами пути. Помимо отрицательной наукометрии, маратхи, например, не имеет в своем арсенале такого лексикализованного элемента из перечня Вежбицкой, как «чувствовать» (как, впрочем, и «хотеть») и (до недавнего времени) соответствующего ему субстантива «чувство» и тем более «эмоции»; в нем отсутствует метапредикат «мочь», а эмоционально-коммуникативные смыслы порождаются синтаксическим конструированием с использованием глаголов-«пустышек», т. е. лишенных собственной семантики.

Илл. 5. Вербальные аналоги чувств: бенгальский и английский (по: *SmartEnglishBD (Vocabulary, Sentiment)*. URL: https://smartenglishbd.com/archives/861# (дата обращения 09.09.2019))

Безразличие Я. Плампера к трудам лингвистов тем более распространяется на работы российских ученых, в том числе, Ю. Д. Апресяна и В. И. Шаховского, не попавших в мейнстримовый дискурс и / или малоизвестных за пределами России (хотя

[14] Кажется, все подвластно аналитическому упорству А. Вежбицкой — см., например, о различиях между фр. *émotion*, итал. *emozione* и исп. *emoción* [Wierzbicka, 1995, p. 21–22].

Пламепер владеет русским языком). Если для Апресяна эмоции не стали основной темой научных исследований [15], то Шаховский является последовательным разработчиком эмотиологии как фундаментальной и непротиворечивой концепции лингвистической теории эмоций, которые он считает мотивационной основой сознания, мышления и социального поведения [Шаховский, 1983; 2008; 2009 и т. д.]. Хотя эмоциональная информация выражается единицами всех языковых уровней — от фонетического и просодического [16] до синтаксического, первым по значимости Шаховский признает лексический. Он выделяет языковую категорию эмотивности («имманентное свойство языка выражать психологические [эмоциональные] состояния и переживания человека» [Шаховский, 2008, с. 5]), отличая ее от психологической категории эмоциональности, и эмотивы, специальные языковые средства, функцией которых является эмоциональное самовыражение и эмоциональное воздействие (на реципиента). В его трактовке эмотив имеет статус гиперонима по отношению к аффективам (междометия, бранные слова, ругательства: «фу», «как последняя дура», «шляется, где хочет», «не мужик, а черт-те что» и т. д.), не описывающим эмоции, а сообщающим об эмоциональном состоянии субъекта, коннотивам, или словообразовательным дериватам разных типов (зоонимы, сравнения и метафоры с анималистическим компонентом, архаизмы, диминутивы и т. д.), и нейтральной, неэмотивной лексике, способной к функциональной эмотивности в определенных эмоциональных обстоятельствах. Т. е. фактически Шаховский исключает из состава эмотивов слова, называющие эмоции и чувства, так как они передают идею переживания, но не его непосредственное выражение. Поскольку Шаховский планомерно развивает свои взгляды на протяжении почти 50 лет, окружая эмотиологию родственными направлениями (лингвокультурология эмоциональных фрагментов национальных картин мира, эмоциональный дейксис вербального поведения человека, эмотивная лингвоэкология и т. д.), то результатом этого упорства становится создание

Илл. 6. Ашок и Диша Келкары
(*фото Нишада Келкара*)

[15] Взгляды Ю. Д. Апресяна изложены преимущественно в статьях и затронуты в главах его общих работ, посвященных семантике [Апресян 1974; 1995а]; изучение «эмоциональной» составляющей продолжает В. Ю. Апресян [Апресян 1995б и др.].

[16] Интонационный рисунок и тембр говорящего великолепно описаны в уже цитированной статье об индийцах-каинганг на примере воспроизводства членами племени истории, рассказанной исследователем [Henry, 1936].

мощной и сложно-разветвленной методологической базы, активно внедряемой его российскими учениками и последователями на материалах различных европейских языков, как правило, имеющих богатую лексикографическую традицию. В то же время другие отечественные исследователи предлагают свои семиотические концепции — как снимающие наложенные Шаховским ограничения на эмотивный фонд, так и предлагающие иные способы классификации экспрессивности, выходящие за пределы эмотивов. Концептуально-терминологические трудности российского дискурса возникают не только из-за внутренних расхождений, но и из-за проблем стыковки отечественных понятий с интернациональными, например, с эмоциологией / эмоционологией Кэрол и Питера Стёрнсов (или Стирнзов) или эмотивами Уильяма Редди. И то, и другое используется в принципиально новой истории эмоций, хотя этот факт не ликвидирует омонимический ступор и необходимость переключать не только языковой, но и академический регистр. Замечательный лингвист д-р А. Келкар, уходя от мирового признания, намеренно избрал языком своих многосложных трудов последних десятилетий не международный английский, а родной маратхи, пытаясь укрепить в нем терминологическую базу, необходимую для современного научного дискурса. Прокладывая этот путь в одиночку, он малоэмоционально фиксировал: «Я пессимист и не могу быть так беспричинно счастлив, как моя жена», хотя на одной из фотографий в моей коллекции (*илл. 6*) — в день 60-летия ученого — они оба хохочут во весь рот.

Литература / References

Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // *Вопросы языкознания.* 1993. № 3. С. 27–35 [Apresyan V.Y u., Apresyan Yu. D. Metaphor in the semantic representations of emotions // *Topics in the Study of the Language*. 1993. 3. Pp. 27–35 (in Russian)].

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М., 1974 [Apresyan Yu. D. *Lexical Semantics (Synonymous Language Means)*. Moscow, 1974 (in Russian)].

Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография // Апресян Ю. Д. *Избранные труды*. Т. II. М., 1995(а) [Apresyan Yu. D. The Integral Language Description and Systematic Lexicography // Apresyan Yu. D. *Selected works.* Vol. II. Moscow, 1995(a) (in Russian)].

Апресян В. Ю. Эмоции: современные американские исследования // *Семиотика и информатика.* 1995(б). № 34. С. 82–97 [Apresyan V. Yu. Contemporary American Research in Emotions // *Semiotics and Informatics*. 1995(б). 34. Pp. 82–97 (in Russian)].

Вежбицкая А. *Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики.* М., 2001 [Wierzbicka A. *Comparing Cultures Through Lexis and Pragmatics*. Moscow, 2001 (in Russian)].

Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. *Константы и переменные русской языковой картины мира.* М., 2012 [Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Constants and Variables in the Russian Language World Picture*. Moscow, 2012 (in Russian)].

Зализняк А. А. Юмор и остроумие в европейской культурной перспективе // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. *Константы и переменные русской языковой картины мира.* М., 2012. С. 419–427 [Zaliznyak A. A. Humour and Wit in the European Cultural Perspective // Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Constants and Variables in the Russian Language World Picture*. Moscow, 2012. Pp. 419–427 (in Russian)].

Шаховский В. И. *Эмотивный компонент значения и методы его описания*. Волгоград, 1983 [Shakhovsky V. I. *Emotive Component of the Meaning and Methods of Its Description*. Volgograd, 1983 (in Russian)].

Шаховский В. И. *Лингвистическая теория эмоций*. М., 2008 [Shakhovsky V. I. *Linguistic Theory of Emotions*. Moscow, 2008 (in Russian)].

Шаховский В. И. *Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка*. М., 2009 [Shakhovsky V. I. *Categorization of Emotions in the Language Lexical and Semantic System*. Moscow, 2009 (in Russian)].

Шмелев А. Взаимодействие языка и культуры: от словаря до языкового облика морально-религиозной проповеди // Вежбицкая А *Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики*. М., 2001. С. 9–13 [Shmelev A. Language and Culture Interaction: From the Vocabulary to the Linguistic Shaping of the Moral and Religious Preaching // Wierzbicka A. *Comparing Cultures through Lexis and Pragmatics*. Moscow, 2001. Pp. 9–13 (in Russian)].

Joshi P. N. *Ādarś Marāṭhī śabdkoś* [*An Ideal Marathi Dictionary*]. Pune, 1970 (in Marathi).

Besemeres M., Wierzbicka A. The Verbalization of Emotions in Social and Cultural Aspects // *Вестник Волгоградского государственного университета*. 2009. Сер. 2: *Языкознание*. № 1. С. 94–105 [*Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009. *Lingustics*. 1]. Pp. 94–105.

Clanton G., Smith L. G. (eds.). *Jealousy*. Lanham, Maryland, 1987.

D'Andrade R. A Folk Model of the Mind // Holland D., Quinn N. (eds.). *Cultural Models in Language and Thought*. Cambridge, 1987. Pp. 112–148.

Gilbert P., Andrews B. (eds.). *Shame. Interpersonal Behavior, Psychopathology, and Culture*. New York, Oxford, 1998.

Henry J. The Linguistic Expression of Emotion // *American Anthropologist*. New Series. 1936. 38. 2. Pp. 250–256.

Khanolkar G. D. *The New Standard Dictionary. Marathi–English–Marathi*. Vol. III. Bombay, 1985.

Khopkar Arun. Aśok Keḷkar (1929–2014) // *Āple vāṅmay vṛtt* [*Our Literary News*)]. 2014. 3. October. Pp. 1–11 (in Marathi).

Kövecses Z. *Emotion Concepts*. New York, 1990.

Kövecses Z. *Metaphor and Emotion. Language, Culture, and Body in Human Feeling*. Cambridge, Paris, 2000.

Kövecses Z. *Metaphors of Anger, Pride, and Love: A Lexical Approach to the Structural Concepts*. Amsterdam, Philadelphia, 1986.

Kövecses Z. *The Language of Love. The Semantics of Passion in Conversational English*. Lewisburg, 1988.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, London, 1980.

Lakoff J., Kövecses Z. The Cognitive Model of Anger in American English // Holland D., Quinn N. (eds.). *Cultural Models in Language and Thought*. Cambridge, 1987. Pp. 195–221.

Lateiner D., Spatharas D. (eds.). *The Ancient Emotion of Disgust*. New York, 2017.

Lindquist K. A., Satpute A. B., Gendron M. Does Language Do More Than Communicate Emotion? // *Current Directions in Psychological Science*. 2015. 24. 2. Pp. 99–108.

Menninghaus W. *Disgust. Theory and History of a Strong Sensation*. Transl. by Eiland Howard and Golb Joel. Albany, 2003.

Miller S. B. *The Shame Experience*. Hillsdale, 1993.

Miller S. B. *Shame in Context*. Hillsdale, 1996.

Miller S. B. *Disgust: the Gatekeeper Emotion*. Hillsdale, 2004.

Miller W. I. *Humiliation: And Other Essays on Honour, Social Discomfort, and Violence*. Ithaca, 1995.

Miller W. I. *The Anatomy of Disgust*. Cambridge, London, 1997.

Molesworth J. T. *Molesworth's Marathi–English Dictionary*. Preface to reprint: Dr. N. G. Kalelkar. Poona, 1975.

Plamper J., Lazier B. (eds.). *Fear: Across the Disciplines*. Pittsburgh, 2012.

Plamper J. *The History of Emotions. An Introduction*. Translated by Keith Tribe. Oxford, 2015.

Reddy W. M. Against Constrictivism: The Historical Ethnography of Emotions // *Current Anthropology*. 1997. 38.3. Pp. 327–351.

Satpute A. B. Introduction to the Special Issue on Language and Emotion // *Emotion Review*. 2018. 10.2. Pp. 99–100.

Smith R. H. (ed.). *Envy: Theory and Research*. New York, 2008.

Stearns P. N. *American Fear: The Causes and Consequences of High Anxiety*. London, 2006.

Students' Modern Dictionary. English–English–Marathi. Mumbai, 1973.

White G. M. Proverbs and cultural models: an American psychology of problem solving // Holland D., Quinn N. (eds.). *Cultural Models in Language and Thought*. Cambridge, 1987. Pp. 151–172.

Wierzbicka A. *Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals*. Cambridge, 1999.

Wierzbicka A. Everyday conceptions of emotion: A semantic perspective // Russell J. A., Fernández-Dols J-M., Manstead A. S. R., Wellenkamp J. C. (eds.). *Everyday Conceptions of Emotion: An Introduction to the Psychology, Anthropology and Linguistics of Emotion*. Dordrecht, 1995. Pp. 17–47.

Wierzbicka A. Russian Emotional Expression // *Ethos. Journal of the Society for Psychological Anthropology*. 1998. 26.4. Pp. 456–483.

Wierzbicka A. *Semantic Primitives*. Frankfurt am Main, 1972.

Электронные ресурсы / Electronic Sources

Вежбицкая, Анна // *Энциклопедия Кругосвет*. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/VEZHBITSKAYA_ANNA.html (дата обращения 09.09.2019).

Hard Feelings: Science's Struggle to Define Emotions // *The Atlantic*. 24.02.2015. URL: https://www.theatlantic.com/health/archive/2015/02/hard-feelings-sciences-struggle-to-define-emotions/385711 (дата обращения 09.09.2019).

India has become 'a republic of fear for thinkers and writers': Critic and novelist Shanta Gokhale // *Scroll.in*. 19.09.2018. URL: https://scroll.in/article/894819/truth-tellers-are-arrested-imprisoned-writer-shanta-gokhale-on-fear-censorship-in-todays-india (дата обращения 09.09.2019).

Nayantara Sahgal's speech for Marathi Sahitya Sammelan: In some cases, our duty to hurt sentiments // *The Indian Express*. 08.01.2019. URL: https://indianexpress.com/article/opinion/nayantara-sehgal-marathi-sahitya-sammelan-speech-5527383/ (дата обращения 09.09.2019).

Nordquist R. Complex Metaphor. Glossary of Grammatical and Rhetorical Terms // *ThoughtCo*. 28.02.2019. URL: https://www.thoughtco.com/what-is-complex-metaphor-1689886 (дата обращения 09.09.2019).

Pakistan. 10th angriest country in world survey // *Pakistan Today*. 30.04.2019. URL: https://www.pakistantoday.com.pk/2019/04/30/pakistan-10th-angriest-country-in-world-survey/ (дата обращения 09.09.2019).

SmartEnglishBD (Vocabulary, Sentiment). URL: https://smartenglishbd.com/archives/861# (дата обращения 09.09.2019).

РОССИЯ И ИРАН В СИРИИ: ФАКТОР СИЛЫ

© 2019

В. М. Ахмедов[*]

В статье исследуются актуальные вопросы развития сирийского кризиса. Автор уделяет особое внимание деятельности Ирана и России в Сирии и изучает сирийские силовые структуры как объект конкуренции за влияние на них России и Ирана. Дается краткая характеристика истории развития отношений России и Ирана с Сирией. Показана роль и место Ирана в сирийском обществе и политических структурах Сирийской Арабской Республики (САР) накануне сирийских событий. В статье представлена позиция сирийского руководства в сложившейся ситуации и его возможности влиять на ее развитие. Анализируются последние шаги Ирана по созданию в рамках сирийских вооруженных сил подконтрольных ему подразделений, дан обзор этих подразделений с точки зрения их национального состава и религиозной идеологии, описаны основные боевые операции, проведенные этими подразделениями. Автор исследует противостояние Ирана и Израиля в Сирии, предоставляя хронику последних налетов израильской авиации на сирийские и иранские объекты. Показаны результаты действий Израиля и их эффективность с точки зрения оказания влияния на Иран. Особое внимание уделено действиям России, которая стремится взять под контроль сирийские органы безопасности. Отмечены усилия, предпринятые российскими военными по выполнению этой задачи. В статье оцениваются шансы России и Израиля вынудить Иран отвести из Сирии свои воинские формирования и отряды шиитских милиций с учетом роли, которую Иран играет в сирийском конфликте, и его места и роли в сирийском социуме.

Ключевые слова: Россия, Иран, Сирия, Израиль, армия, спецслужбы.

RUSSIA AND IRAN IN SYRIA: FORCE FACTOR

Vladimir M. Akhmedov

The article focuses on the latest developments in Syria. The author's prime attention is paid to Russia's and Iran's activities in this Arab country. The author gives a brief characteristic of the development in Russian-Syrian and Iranian-Syrian relations against historical background, showing the place and role of Iran in Syrian society and political institutions on the eve of the Syrian crisis. The views of the Syrian establishment with regards of the given situation and its ability to influence its development are analyzed as well. The author focuses on Syrian military and security forces as the object of influence and concurrence between Moscow and Tehran, showing the latest developments of Iranian penetration in the Syrian military structure through the new regiments under Iranian control which obtained official status due to the Iranian pressure on the Syrian president Basher al-Assad. The author studies these military entities from the point of their battle activity, ethnic and religious compositions. The main instances of the Israeli and Iranian military confrontation in Syria are analyzed; the results of Israeli strikes of the Iranian objects in Syria and their efficiency in view of ability to make influence on Iran are studied. The author pays main attention to the latest Russian actions to reform

[*] Владимир Муртузович АХМЕДОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; arabist@live.com

Vladimir M. AKHMEDOV (PhD), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; arabist@live.com

Syrian military and security bodies in order to take them under Russian control and oust Iranian elements from its ranks, showing the efforts made by Russian military to implement this task. He gives his estimate of Russian and Israeli chances to force Iran to extract its military forces and Shiite militias from Syria in view of the role that Iran plays in Syrian conflict and its place in Syrian society.

Keywords: Russia, Iran, Syria, Israel, army, security services.

На протяжении последних 40 лет Сирия играла важную роль в политике России и Ирана на Ближнем Востоке. Россию связывали с Сирией давние отношения дружбы и сотрудничества, пик которых пришелся на 1970–1980-е гг. За это время российские военные и гражданские специалисты фактически помогли сирийцам отстроить современную военную и гражданскую инфраструктуру.

В гражданских и военных ВУЗах СССР / России прошло обучение более 100 тыс. сирийцев. По некоторым данным в сирийских вооруженных силах на офицерских должностях служило около 35 тыс. сирийцев, прошедших обучение в СССР / РФ, многие из которых были женаты на гражданках России.

Москва владела на правах российской собственности рядом важных объектов в различных районах Сирии. В Сирии по некоторым данным проживала 250–300 тысячная российская диаспора, включая выходцев с Северного Кавказа, большинство представителей которой имели российское гражданство[1].

После распада СССР Россия продолжила отношения с Сирией. Однако их характер заметно изменился, и не в лучшую сторону. Прежние многосторонние и многоуровневые связи отошли в сторону. Российско-сирийские отношения сократились, ограничившись в основном поставками российского оружия и запчастей к нему.

Прежнее место России в Сирии фактически заместили Иран и Турция. Они активно конкурировали друг с другом за влияние в этой арабской стране в различных отраслях сирийской экономики и торговли, на рынке вооружений и в культурно-социальной сфере. В конечном счете, по оценке многих экспертов, Иран одержал неоспоримую победу. Анкара, конечно, продолжала развивать свои отношения с Дамаском, но их масштаб и характер явно уступал иранскому влиянию.

Иранские представители прочно закрепились в социальной ткани сирийского общества, свободно чувствовали себя в коридорах сирийской власти, пытаясь оказывать возрастающее влияние на принятие важных политических решений, активно действовали в торгово-экономической и военной сферах[2]. В этой связи не вызывает удивления тот факт, что начало сирийского кризиса в марте 2011 г. было с обеспокоенностью встречено в Москве и Тегеране. Однако реакция на сирийские события заметно отличалась в России и Иране.

До начала операции российских ВКС в Сирийской Арабской Республике (САР) в сентябре 2015 г. Москва ограничивалась в основном политической поддержкой сирийского руководства в ООН и на других международных площадках. В тоже время

[1] Подробнее о развитии российско-сирийских и сирийско-иранских отношений см.: [Ахмедов, 2011, с. 207–219].

[2] Подробнее об истории развития современных отношений Ирана и Турции с САР см.: [Ахмедов, 2011, с. 152–173].

Россия последовательно выполняла свои прежние контрактные обязательства по поставкам САР оружия и запчастей к нему, оказывала гуманитарную помощь пострадавшим районам.

С самого начала сирийских событий Иран принял в них активное участие. ИРИ оказала мощную поддержку сирийскому режиму в удержании власти в стране и противодействии вооруженной и политической оппозиции. Наряду со снабжением сирийских властей оружием, бойцами и советниками, финансами и предоставлением политической поддержки, Иран доставил в Сирию из Афганистана, Ирака и Ливана солдат, из которых в дальнейшем были сформированы милицейские отряды, сражавшиеся на стороне правящего режима.

В целом позиции сторон по ключевым вопросам урегулирования в Сирии совпадали. Россия рассматривала Иран как своего союзника в Сирии. Тегеран связывал с Москвой успех осуществления своих планов в Сирии и в целом в Леванте. Однако по мере развития сирийского кризиса различия между Москвой и Тегераном в подходах и методах его разрешения, конечных целях и тактических задачах стали проявляться все заметнее. Москва явно не могла разделять иранскую доктрину о создании и укреплении «оси сопротивления» по линии Багдад, Дамаск, Бейрут и Газа, которая по мысли иранских клерикалов и националистически настроенных военных должна была своим острием упираться в «сердце» Израиля. А само Государство Израиль должно было быть уничтожено.

Россия была обеспокоена также активными попытками Тегерана вмешиваться в механизм работы сирийских вооруженных сил и органов безопасности. Москва явно не приветствовала действия Корпуса стражей исламской революции (КСИР) по созданию в составе сирийской армии подразделений, подконтрольных Ирану личный состав которых и его идеологические взгляды формировались на религиозной основе. А обилие шиитских милиций в САР, находившихся под контролем Ирана, серьезно осложняло усилия России по налаживанию условий для политического транзита в Сирии[3].

Москва последовательно выступала за сохранение светского характера сирийских силовых структур и отрицала саму возможность создания на сирийской территории конфессиональных анклавов, поддерживая идею сохранения территориальной целостности Сирии.

В 2019 г. роль Ирана в Сирии заметно усилилась. Стратегия ИРИ в сирийском кризисе перешла в новую фазу, которая характеризовалась набором лояльных правящему режиму сирийцев в вооруженные формирования, действующие под прямым административным и оперативным контролем КСИР с опорой на Силы местной обороны (СМО) и вновь сформированные милицейские бригады.

Силы национальной обороны (СНО) были созданы в 2012 г. при непосредственном участии Ирана в качестве вспомогательных вооруженных формирований национальной сирийской армии. В конце 2017 г. в восточных районах Алеппо (Халеба) были образованы схожие вооруженные формирования — Силы местной обороны (СМО). В состав СМО вошли несколько мелких милицейских формирований, действовавших под непосредственным управлением Ирана. В тоже

[3] Подробнее о разногласиях Москвы и Тегерана в Сирии см.: [Ахмедов, 2018, с. 134–152].

время СМО не имели какого-либо легального статуса в Сирии. Чтобы избежать ранее допущенных ошибок при создании СНО, Иран структурно связал СМО с национальной армией САР. Недавно СМО обновили свой статус и официально вошли в состав национальных вооруженных сил САР. Однако до этого срок службы в составе СМО им не был засчитан.

6 апреля 2017 г. президент Сирии Б. аль-Асад подписал представленный ему административно-организационным управлением ВС САР с подачи иранцев документ в виде специального меморандума с предложениями по формализации статуса гражданских и военных лиц из числа сирийских граждан, активно сотрудничавших с Ираном в период сирийского кризиса[4]. Этот документ подписали также начальник административно-организационного управления А. М. Абду, начальник Генерального штаба вооруженных сил (ГШ ВС) САР Али Айиюб и министр обороны САР Ф. Д. аль-Фрейдж. В упомянутом документе были прописаны различные аспекты деятельности СМО. Это касалось права на компенсацию семьям в случае гибели бойца как «борца за веру»[5], амнистии призывникам, пытавшимся избежать службы в армии, и дезертирам. Общий состав СМО, подразделения, которых предлагалось дислоцировать во всех провинциях Сирии, составил около 89 тыс. человек. Помимо этого примерно 52 тыс. человек составляли бывшие дезертиры и уклонисты от призыва, сотрудничавшие с иранцами. Из их числа предлагалось сформировать отдельные подразделения. Общая численность гражданских специалистов, которые на протяжении последних двух лет сотрудничали с иранцами, составила немногим более 37 тыс. человек, которых также предлагалось включить в состав СМО.

Общее командование СМО осуществлялось непосредственно иранскими военными в координации с Министерством обороны (МО) САР. При этом материальную компенсацию семьям раненых, убитых, пропавших без вести обеспечивала иранская сторона. Таким образом, общий состав СМО, включая аффилированные с ними провинциальные отряды должно было составить свыше 170 тыс. человек.

Наиболее активное участие бойцы СМО в количестве 45 тыс. человек принимали в боевых действиях против вооруженной сирийской оппозиции, особенно в районах юга Алеппо весной 2018 г. Это иранская бригада «аль-Бакир», «Джейш аль-Махди», бригады «Имама аль-Хусейна» и «Асъад Алла аль-Галиба», состоявшие из сирийцев и сражавшиеся преимущественно в районах Алеппо, Дейр эз-Зора, Дамаска с пригородами и Латакии. Характерно, что за исключением бригады «аль-Бакир», идеология бойцов которой базировалась на племенных верованиях, остальные исповедовали шиитское учение имама М. ас-Садра. Наряду с ними в районах северного Алеппо сражались милицейские формирования «ан-Нубул» и «аз-Захра», также состоявшие из сирийцев, исповедовавшие идеологию, основанную на учениях имама аль-Хомении.

---

[4] Jawad Al-Tamimi A. Administrative Decisions on Local Defense Forces Personnel: Translation & Analysis // *Pundicity*. 03.05.2017. URL: https://goo.gl/ngXYKc (дата обращения 12.08.2019).

[5] Данный аспект косвенно может свидетельствовать о том, что личный состав подразделения формируется в мировоззренческом плане на религиозной основе и ведет войну за веру, то есть религиозную войну. — *В. А.*

В начале 2018 г. к СМО присоединились наиболее боеспособные части: бригады «Дошка», «ас-Сафира», «аль-Берри», «аль-Хикма», а также другие подразделения «ан-Найраб», «Исламское сопротивление в Сирии», «ар-Рида», «ар-Радван», «Сукур ад-Дахер», «Хан аль-Асаль», «Бригада 313», «Христианские силы аль-Гадаб», «Имам Зайюб аль-Абидин», группа «аль-Кирш». В основном они состояли из сирийцев и незначительного числа ливанцев и иракцев, и действовали в районах Алеппо, Хама, Хомс, Ракъа, Идлиба, Пальмиры, Латакии. В результате проведенных ими операций, в том числе и против ИГИЛ (запрещена в РФ), они смогли контролировать значительную территорию от юго-восточных районов Дейр эз-Зора, южных пригородов Ракъа до восточных кварталов Алеппо.

Несмотря на международные соглашения об ограничении присутствия Ирана на юге Сирии, ИРИ продолжила расширять свой контроль над этим районом[6]. В ноябре 2017 г. по инициативе КСИР в составе южного фронта ВС САР была создана «Бригада 313». В этом же году в городе Изръа (провинция Деръа) ею был открыт вербовочный пункт по набору бойцов. За короткий период времени им удалось привлечь в свои ряды более 200 сирийцев, которым были выданы документы с эмблемой КСИР, что позволяло им беспрепятственно проходить через все посты сирийской армии. Штаб квартира «Бригады 313» располагалась в 30 км от границы с Иорданией и 45 км от границы с Израилем. Это нарушало ранее достигнутые в Гамбурге соглашения между Москвой и Вашингтоном[7]. Однако данный факт, по-видимому, нисколько не смущал Иран, и он продолжал наращивать силы этого подразделения за счет привлечения новых бойцов, в том числе из Ливана, Ирака и Афганистана.

Подобная активность Ирана не могла долго оставаться незамеченной в Израиле и США. 10 февраля 2018 г. израильские вертолеты перехватили иранский летательный аппарат, вторгшийся на Голанские высоты. Вслед за этим израильская авиация нанесла серию ударов по иранским объектам на сирийской авиабазе «Т4». Один из израильских самолетов был подбит силами 16-ого полка сирийских ПВО, находившегося под контролем Ирана. Вслед за этим израильская авиация нанесла серию ударов по иранским объектам в пригородах Дамаска, Деръа и Кунейтры. Объектом израильского авиаудара стали, прежде всего, подразделения «Бригады 313» дислоцированные в городке Димас и по трассе Дамаск–Бейрут. В результате израильских авиаударов были уничтожены три батареи сирийских ПВО и четыре иранских военных объекта.

Весной 2018 г. Израиль нанес несколько ударов по территории Сирии в районе Хомса, в основном по базе «Т4», в результате уничтожив ряд военных сирийских и иранских объектов. 8 мая 2018 г. Израиль нанес удар по 1-ой бронетанковой дивизии ВС САР в районе Кисва (пригород Дамаска). По косвенным данным в результате удара оказались уничтожены иранские установки «Фаджр-3». Не случайно в этот же день иранский генерал КСИР Хишам Абдул Рассол, разработчик «Фаджр-3», посетил ряд районов в Забадане и Международного Дамасского аэропорта. 9 мая 2018 г. Иран выпустил 20 ракет по израильским позициям на Голанских высотах. В ответ израильская

[6] The Russian-American "Hamburg Agreement" on Syria: Its Objectives and Implications // *Arab48.com*. 11.07.2017. URL: https://goo.gl/hW4Gar (дата обращения 12.08.2019).
[7] The Russian-American "Hamburg Agreement" on Syria: Its Objectives and Implications // *Arab48.com*. 11.07.2017. URL: https://goo.gl/hW4Gar (дата обращения 12.08.2019).

авиация атаковала иранские цели в районах Дамаска, Кунейтры и Деръа, нанеся более дюжины ударов по военным объектам Ирана и «Хезболлы».

Зимой 2018 г. ирано-израильское противостояние продолжилось. 25 декабря 2018 г. Израиль нанес серию авиаударов по Дамаску и его пригородам, главной целью которых стали склады с оружием, принадлежащие контролируемым Ираном силам в Сирии. Характерно, что это был второй израильский авиаудар, после того как сирийские власти объявили о размещении на своей территории российского ПЗРК «С-300». Данное обстоятельство дало повод некоторым экспертам утверждать, что между Москвой и Тель-Авивом восстановлено общее понимание необходимости сокращения иранского военного присутствия в Сирии. С другой стороны, Израиль продемонстрировал, что, несмотря на объявленный США вывод американских войск из Сирии, он продолжит наносить удары по иранским военным целям и инфраструктуре сирийской армии. Так, 20–21 января 2019 г. Израиль нанес удары по десяти объектам КСИР и сирийской армии в районе Дамаска в ответ на запущенную в сторону Израиля с сирийской территории ракету «земля-земля».

Весной 2019 г. израильские налеты на Сирию продолжились. 27 марта 2019 г. Израиль нанес очередной удар по северным районам Алеппо, причинив ощутимый ущерб, по данным сирийской оппозиции, иранским складским помещениям и инфраструктурным объектам аэропорта, которым активно пользовалась «Хезболла»[8]. В иранских социальных сетях прошла информация, что данный налет был согласован с Турцией, желавшей руками Израиля очистить от шиитских формирований городские поселки ан-Нубул и аз-Захръа, чтобы таким образом завершить создание «суннитского» пояса в районе Идлиба.

13 апреля 2019 г. Израиль нанес удар по городу Хама с целью уничтожить военные объекты КСИР в районе лагеря «ат-Талъа». Возможно, Израиль, таким образом, решил спровоцировать на ответные действия не только Иран, но и США и Россию. В случае ответных действий Ирана Москве и Вашингтону пришлось бы серьезнее отнестись к вопросу возобновления диалога на уровне военных экспертов по вопросу о военном присутствии Ирана в САР. В то же время израильские удары по иранским объектам в Сирии могли остановить иранскую экспансию в восточные районы Сирии, где в последнее время стало заметно усиливаться российское присутствие.

Несмотря на то, что израильские и американские удары по иранским объектам в Сирии продолжаются до сих пор, они не могут ощутимо повлиять на прочность иранских позиций в этой арабской стране. Подконтрольные Ирану территории не сокращаются, а скорее наоборот, имеют тенденцию к росту и отмечены разной степенью глубины проникновения в местные сферы безопасности, общественной инфраструктуры, экономики.

Решить «иранский вопрос» силовым путем сегодня вряд ли возможно, избежав при этом большой войны на Ближнем Востоке, что на деле не отвечает ни интересам Израиля, ни тем более США и России.

В тоже время Россия не собиралась спокойно взирать на укрепление иранских позиций в силовых структурах Сирии и последовательно продолжала линию на

[8] Location of the raid // *Wikimapia.org*. URL: http://wikimapia.org/m/#lat=36.2631&lon=37.255325&z=11&l=36&m=b (дата обращения 12.08.2019).

создание современных сирийских ВС на светской основе. Однако в связи с активизаций развития событий в САР в последние три–четыре месяца Москва была вынуждена принять более решительные меры по укреплению своего влияния в сирийских силовых структурах[9].

В первых числах июля 2019 г. начальник Управления контрразведки Противовоздушных сил (ПВО) САР генерал-майор Д. аль-Хасан был внезапно снят со своего поста, несмотря на то, что недавно срок его пребывания в должности был продлен еще на один год. Это произошло в результате провала его переговоров с израильтянами, проводившихся по инициативе российских военных в конце июня 2019 г. вместе с рядом высших офицеров из состава 5-ого корпуса сирийской армии.

По данным ряда источников сирийской оппозиции[10], Россия поставила Дж. аль-Хасана перед выбором: либо принять условия израильтян относительно иранского военного присутствия в Сирии и остаться еще на год на посту, который он занимал последние 10 лет, либо в случае отказа уйти в отставку.

По тем же данным, суть поддержанных Россией израильских предложений сводилась к тому, чтобы ввести 5-ый корпус в состав правительственных вооруженных сил, а также провести специальные операции, целью которых стал бы вывод иранских военных и подконтрольных им шиитских милиций с территории Сирии. Однако сирийский генерал не только отверг российско-израильские предложения, но и провел ряд карательных операций против мирного населения Кунейтры и Деръа, пытаясь оказать на них давление, чтобы убедить их относиться к иранским военным и шиитским формированиям как союзникам, открыто назвав их «нашими сирийскими братьями».

Отставка Д. аль-Хасана стала звеном широкомасштабных перестановок в высшем руководстве сирийских спецслужб, которое проводится по инициативе России и с одобрения Б. аль-Асада. Так, недавно с поста начальника Управления военной контрразведки (УВКР) был отправлен в отставку генерал-майор Диб Зейтун, считавшийся близким другом и соратником сирийского президента. На посту его заменил генерал-майор Х. Лука. Однако главным событием в процессе проводимых Россией чисток в высшем звене сирийских органов безопасности стала недавняя отставка начальника Бюро национальной безопасности (БНБ) САР генерал-майора Али Мамлюка.

За последние три месяца Москва инициировала серьезные перестановки в высших эшелонах управления четырьмя основными сирийскими спецслужбами. Список лиц, подлежащих увольнению, был составлен российскими военными, и в конце июня — начале июля 2019 г. доложен президенту Б. аль-Асаду. После этого состоялась закрытая встреча российских представителей с группой упомянутых в этом списке высших офицеров Генерального штаба ВС САР и ключевых служб безопасности, включая Али Мамлюка.

Одновременно с этим Россия сталкивается с известными сложностями в процессе проведения глубокой зачистки сирийских органов безопасности от

[9] Подробнее о сирийских спецслужбах см.: [Зияде, 2013].

[10] Салим ан-Нахас. Аль-Мамлюк ва кадат-аль-истихбарат аль-джудуд: Русия таналь хиссат-аль-Асад // *Almodononline*. 08.07.2019. URL: https://bit.ly/2JpNnfM (дата обращения 12.08.2019). В названии «аль-Мамлюк и новое руководство спецслужб: Россия берет долю Асада» содержится игра слов: Асад в переводе с арабского — лев, т. е. «Россия, берет львиную долю».

сторонников Ирана. Москва испытывает острую нехватку в опытных, квалифицированных, а главное — проверенных кадрах, на замену отправленных в отставку офицеров. В этой связи Россия скорее может осуществить частичные реформы паллиативного характера, заменяя уволенных офицеров «временщиками» типа Х. Лука, аль-Али и Исмаила, которые никогда бы не могли занять высокие посты в сирийских органах безопасности без поддержки из Москвы.

Любопытно, что весной 2019 г. автор данной статьи встречался в Берлине[11] и Москве с немецкими и французскими экспертами по сирийскому кризису, а также представителями французского филиала зарубежной сирийской оппозиции. В ходе состоявшихся дискуссий немецкие эксперты и особенно французские собеседники проявили неподдельный интерес к проблеме сирийских органов безопасности. В целом, они позитивно оценивали и поддерживали усилия Москвы взять под контроль ключевые подразделения сирийских вооруженных сил и органов безопасности. Характерно, что именно французские эксперты предрекли скорую отставку Али Мамлюка и поделились своими соображениями относительно возможных фигур, которые могли бы в будущем занять высокие посты в силовых структурах Сирии.

Складывается впечатление (необходимо уточнять и проверять его далее), что Франция[12] готовится занять серьезные позиции в Сирии, и Москва достаточно благосклонно относится к этому, видя в ней некую альтернативу США, с которыми России весьма сложно договариваться, тем более рассчитывать на какие-либо американские гарантии и обещания по Сирии.

Литература / References

Ахмедов В. М. *Сирийское восстание. История. Политика. Идеология.* М., 2018 [Akhmedov V. M. *Syrian Uprising. History. Politics. Ideology*. Moscow, 2018 (in Russian)].

Ахмедов В. М. *Современная Сирия. История. Политика. Экономика*. М., 2011 [Akhmedov V. M. *The Modern Syria. History. Politics. Economy*. Moscow, 2011 (in Russian)].

Зияде Р. *Ас-султа ва-ль-истихбарат фи Сурийя* (*Власть и спецслужбы в Сирии*). Бейрут, 2013 [Ziyade R. *Power and Security Services in Syria*. Beirut, 2013 (in Arabic)].

[11] DOC expert speaks at a roundtable on Syria, organized by SETA Foundation and Deutsche Orient-Stiftung // *DOC Research Institute*. 12.04.2019. URL: https://doc-research.org/2019/04/doc-expert-speaks-about-the-syria-conflict-and-its-implications/ (дата обращения 12.08.2019); Syrian crisis // *DOC Research Institute*. April 2019. URL: https://doc-research.org/wp-content/uploads/2019/04/DOC-expert-speaks-at-a-roundtable-on-Syria.pdf (дата обращения 12.08.2019).

[12] Напомним, что с 1920 по 1944 гг. нынешние территории Ливана и Сирии находились под французским мандатом. Именно Франция инициировала создание так называемой «Дополнительной армии», личный состав которой преимущественно состоял из представителей сирийских конфессиональных и этнических меньшинств.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Салим ан-Нахас. Аль-Мамлюк ва кадат-аль-истихбарат аль-джудуд: Русия таналь хиссат аль-Асад (аль-Мамлюк и новое руководство спецслужб: Россия берет долю Асада) // *Almodononline*. 08.07.2019. URL: https://bit.ly/2JpNnfM (дата обращения 12.08.2019).

DOC expert speaks at a roundtable on Syria, organized by SETA Foundation and Deutsche Orient-Stiftung // *DOC Research Institute*. 12.04.2019. URL: https://doc-research.org/2019/04/doc-expert-speaks-about-the-Syria-conflict-and-its-implications/ (дата обращения 12.08.2019).

Jawad Al-Tamimi A. Administrative Decisions on Local Defense Forces Personnel: Translation & Analysis // *Pundicity*. 03.05.2017. URL: https://goo.gl/ngXYKc (дата обращения 12.08.2019).

Location of the raid // *Wikimapia.org*. URL: http://wikimapia.org/m/#lat=36.2631&lon=37.255325&z=11&l=36&m=b (дата обращения 12.08.2019).

Syrian crisis // *DOC Research Institute*. April 2019. URL: https://doc-research.org/wp-content/uploads/2019/04/DOC-expert-speaks-at-a-roundtable-on-Syria.pdf (дата обращения 12.08.2019).

Аль-амирикий ар-русий иттифак «Хамбург» хауля сурия: ахдафуху ва тада'иятиху. Аль-марказ аль-арабий ли-ль-абхас ва дираса ас-сиясат (Российско-американское «Гамбургское соглашение» по Сирии: его цели и предназначение). Арабский центр политических наук и исследований // *Arab48.com*. 11.07.2017. URL: https://goo.gl/hW4GAr (дата обращения 12.08.2019).

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ВОКРУГ СИРИЙСКОГО КРИЗИСА: ТУРЦИЯ, ЛИВАН, САУДОВСКАЯ АРАВИЯ, КАТАР

© 2019

Н. М. Горбунова, И. И. Иванова*

В статье рассмотрены острые конфликтные ситуации, охватившие в последний период страны ближневосточного региона и связанные с затяжным сирийским кризисом. В задачу авторов входит анализ ситуаций конфликтного характера, возникших по разным причинам по периметру сирийских границ в сопредельных арабских государствах и в Турции в последние годы. В статье используются различные источники информационного характера, а также заявления официальных лиц, касающиеся рассматриваемой темы исследования. Поскольку сирийский конфликт из национального быстро перешел в региональный, необходимо было рассмотреть вопросы, связанные с политической, социальной и конфессиональной драмой, развернувшейся в последние годы на рубежах соседних с Сирией государств. Интерес представляет военный аспект конфликта, который, возможно, станет решающим в обозримом будущем. Действия главных акторов, влияющих на ситуацию в Сирии, составляют основу данной статьи. При этом отношение Израиля к проблеме дается в общих чертах, а акцент делается на политику Турции по вопросу о курдах, Ливан, Иран и Саудовскую Аравию. Политические интересы стран, участвующих в той или иной степени во внутренних сирийских конфликтах, тесно переплетаются с их экономической заинтересованностью в ослабленной Сирии. Это касается, прежде всего, Ирана, Турции и Саудовской Аравии. Стремление Ирана стать доминирующей силой в будущей Сирии наталкивается на сопротивление турецких властей, желающих установить полный контроль над северными курдскими районами. В свою очередь, Саудовская Аравия использует финансовые и иные способы давления на различные политические силы в этой стране. В статье рассмотрены конфликтные отношения, возникшие на фоне сирийского кризиса между Катаром и Саудовской Аравией. Более подробно освещается участие ливанского шиитского движения Хизбалла[1] в вооруженной борьбе между правительственными силами Сирии и оппозиционными Башару Асаду группировками. Исход борьбы за Сирию в настоящее время предсказать невозможно, учитывая, что в ней в разной степени участвуют глобальные игроки — США, Россия и страны Западной Европы. Однако, по мнению авторов, сохранение сирийского государства или его распад на ряд частей в конечном счете будет зависеть от внутрисирийских и региональных политических сил.

Ключевые слова: Сирия, Турция, Ливан, Саудовская Аравия, Катар, Ближний Восток, сирийский кризис, региональные конфликты.

---

* Наталья Максовна ГОРБУНОВА, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; nigorbunov@mail.ru

Natalia M. GORBUNOVA, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; nigorbunov@mail.ru

Инесса Ильинична ИВАНОВА, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, доцент МГИМО ГУ МИД РФ, Москва; INIV2016@mail.ru

Inessa I. IVANOVA, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS; Assistant Professor, Moscow State University of Foreign Affairs, Moscow; INIV2016@mail.ru

[1] Авторы статьи используют арабский вариант произношения названия данного движения. Наряду с ним в литературе и СМИ используется название «Хезболла». – *Прим. ред.*

REGIONAL CONTRADICTIONS OVER THE SYRIAN CRISIS: TURKEY, LEBANON, SAUDI ARABIA, AND QATAR

Natalia M. Gorbunova, Inessa I. Ivanova

The article analyzes conflict situations of different backgrounds along Syrian borders in neighboring Arabian states and in Turkey. The article is based on different informational sources as well as official statements concerning the research topic. Since the Syrian conflict has transformed from national into regional it is necessary to consider political, social and confessional problems. In this regard the military aspect of the conflict that could be crucial in the nearest future is of main interest. The special attention is paid to the main actors affecting the situation in Syria with special accent on Turkey and its attitude to the Kurds, as well as Lebanon, Iran and Saudi Arabia. The actions of the main actors influencing the situation in Syria form the basis of this article. While Israel's attitude towards the issue is given in general terms the emphasis is made on Turkey's policy concerning the Kurds, Iran, Lebanon and Saudi Arabia. The political interests of the countries involved are closely intertwined with their economic interest in a weakened Syria. This applies, first and foremost, Iran, Turkey and Saudi Arabia. Iran's desire to become a dominant force in the future of Syria has met the resistance from the Turkish authorities wishing to establish complete control over the northern Kurdish region. In turn, Saudi Arabia uses the financial and other means of pressure on various political forces in the country. The article describes the conflict relations that have arisen amid Syrian crisis between Qatar and Saudi Arabia. The article highlights actions of Lebanon's movement Hezbollah in fighting between Government forces and the opposition of Syria's Bashar Al-Assad. It is impossible to predict the outcome of the struggle for Syria at the present time, given that, such global actors as USA, Russia and Western Europe are involved in it. However, authors consider that the preservation of the Syrian State or its disintegration in a number of parts will ultimately depend on the inter-Syrian and regional political forces.

Keywords: Syria, Turkey, Lebanon, Saudi Arabia, Qatar, the Middle East, the Syrian crisis, regional conflicts.

К началу 2019 г. внутренний вооруженный конфликт в Сирийской Арабской Республике, переросший в полномасштабную гражданскую войну, продолжается уже долгие семь лет. Борьба оппозиционных групп сирийского населения с режимом президента Башара Асада, позиции и противоборство многочисленных вооруженных группировок с ИГИЛ (запрещенной в РФ) и между собой не являются целью данной статьи. Свой интерес авторы фокусируют на разнородных и примечательных событиях вокруг этого конфликта, участниками которых выступают Турция, Ливан, Саудовская Аравия и Катар.

Отношение Турции к конфликту в Сирии во многом определяется как ее прозападной ориентацией, так и стремлением к лидерству на региональном уровне. Весной 2017 г. Турция в результате референдума, проведенного в соответствии с Конституцией страны, перешла от парламентской к президентской форме правления. Сама Конституция при этом претерпела соответствующие значительные изменения, укрепившие власть президента Реджепа Т. Эрдогана. Поэтому внешнеполитический курс Анкары, в целом, не поменялся, но получил бóльшую определенность. В первую очередь, это касается отношения к Сирии, ее руководству и стремлению к контролю над ее северной границей.

Турция здесь выступает в качестве основного игрока, имеющего стратегический интерес в затянувшемся сирийском конфликте. При этом за ее действиями внимательно следят такие заинтересованные его участники, как США, ЕС и Россия. В ближневосточном регионе Турция успешно балансирует между Ираном и Саудовской Аравией в период, когда военная и политическая обстановка здесь быстро меняется. У Турции, где преобладают сунниты, сложились тесные связи с Саудовской Аравией на основе религиозного родства и совместного неприятия сирийского правительства. Отметим, что и Турция, и Саудовская Аравия — это две суннитские страны, которые традиционно считаются союзниками американцев. Но в силу того, что в период президентства Б. Обамы роль США в регионе пошла на убыль, а роль России, напротив, возросла и стала серьезным фактором, обе страны по разным причинам начали с осени 2017 г. выстраивать отношения с Москвой на новой основе. Об этом свидетельствуют неоднократные взаимные официальные визиты лидеров Турции, Саудовской Аравии и России, во время которых важным вопросом переговоров было положение в Сирии и ее будущее.

«Еще недавно, — писало британское издание The Spectator, — Эр-Рияд и Анкара стремились установить в Дамаске суннитский режим, создать буфер между Тегераном и ливанской “Хизбаллой”, чтобы разорвать так называемую шиитскую ось. Теперь Турция и Иран активно участвуют в создании четырех зон деэскалации в Сирии» [2]. Аналитики и эксперты по Ближнему Востоку часто предусмотрительно называют союзы и соглашения между заинтересованными сторонами по решению сирийского кризиса «тактическими альянсами» или «тактическими союзами», поскольку общие цели и задачи, которые их объединяют, как правило, носят временный характер.

Нестабильность этих связей мы наблюдаем даже в казалось бы прочных отношениях между Саудовской Аравией и Катаром. Эти отношения стали враждебными из-за того, что суннитские эмиры Катара в последние годы стали вести независимую от Саудовской Аравии политику, открыто поддерживать Турцию и Иран в их ближневосточных притязаниях. Анализ причин такого поворота не входит в задачу данной статьи. Но, скорее всего, здесь просматриваются экономические интересы нефтегазовой отрасли Катара, а также его отказ признать «Братьев-мусульман» и Хамас террористическими организациями. Власти Катара контролируют медийное пространство не только ближневосточного региона, но и влияют на многие мировые СМИ (например, «Аль-Джазира», финансируемая властями Катара и поддерживающая «Братьев-мусульман»). В результате между Саудовской Аравией и рядом арабских стран, с одной стороны, и Катаром, с другой, в январе 2014 г. возник дипломатический кризис: они заявили о разрыве отношений с Катаром.

Это подтолкнуло Катар к более тесному сотрудничеству с Турцией. В 2014 г. обе страны подписали совместное соглашение об обороне, а в мае 2017 г. турецкий парламент одобрил размещение войск на турецкой военной базе в Катаре. Здесь было дислоцировано 3000 турецких военнослужащих. А уже 7 августа 2017 г. турецкая и катарская армии провели совместные военные учения[3]. Таким образом, Катар взял на

[2] Тарасов С. Саудовская Аравия и Турция вступают в «русское уравнение» // *Regnum.ru*. 07.10.2017. URL: https://regnum.ru/news/polit/2331366.html (дата обращения 07.09.2019).

[3] Erdogan her krizde Katar’da // *Evrensel.net*. 15.11.2017. URL: https://www.evrensel.net/haber/338045/erdogan-her-krizde-katarda (дата обращения 07.09.2019).

себя роль «стратегического баланса» между Турцией и Ираном. Эта ситуация позволила некоторым наблюдателям сделать вывод о том, что Катар, Турция и Иран достигли наилучших отношений, чем когда-либо, но при этом они никогда не смогут быть союзниками. Катар пытается стать заметной силой в регионе, и его отношения с Турцией (и Ираном. — *Н. Г.*, *И. И.*) являются определенным препятствием для Саудовской Аравии, которая стремится стать самой влиятельной страной на Ближнем Востоке. Многое зависит от того, насколько сильны эти связи и насколько США будут поддерживать Саудовскую Аравию[4].

Назначение 31-летнего принца Мухаммада бин Салмана, сына короля Саудовской Аравии Салмана ибн Абдул-Азиза аль-Сауда, в июле 2017 г. наследником престола добавило в картину ближневосточного и, в частности, сирийского кризиса много красок и породило новые проекты решения проблем. Вашингтон решил поддерживать назревающее укрепление отношений между Израилем и Королевством. Но, поскольку на одной враждебности к Ирану прочный израильско-саудовский альянс, с возможным включением в него ряда суннитских стран региона, не выстроишь, президент США Дональд Трамп предложил в качестве фундамента такого антииранского союза заключить так называемую «большую сделку». Краткая суть ее заключается в корректировках Арабской мирной инициативы 2002 г. с учетом изменений ближневосточных реалий за прошедший период. Для Израиля важным элементом здесь являлась бы отмена пункта о возвращении Голан Сирии и признание за ним суверенитета над Голанскими высотами, контроль над которыми израильская армия получила после выигранной более 50 лет назад «шестидневной войны». Такое признание явилось бы хорошим решением задачи для обеих стран разрушить сложившуюся «шиитскую ось» от западных границ Ирана до ливанского побережья Средиземного моря[5]. Этой цели способствуют договоренности о создании на юго-западе Сирии зоны деэскалации. Такая «буферная зона» в сирийских провинциях Кунейтра, Сувейда и Дераа обеспечивала бы безопасность на восточных границах Израиля. Предполагается, что эта зона протянется на 50 км к востоку от Голан до городов Дераа и Сувейда[6]. Об активном продвижении этого проекта говорит признание Дональдом Трампом 21 марта 2019 г. суверенитета Израиля над Голанскими высотами и подписание им соответствующего указа.

У Израиля и Саудовской Аравии в Ливане имеется один общий враг — шиитское движение Хизбалла. С опорой на него иранцы влияют на всю линию соприкосновения Израиля с Ливаном и Сирией. Трасса Дамаск — Бейрут находится под совместным контролем иранских «военных советников», бойцов Хизбаллы и сирийской армии. Таким образом, общая враждебность к Ирану, сирийскому режиму, ливанской Хизбалле, а также к иракскому шиитскому ополчению «Хашд аль-Шааби»,

---

[4] Will there be a triple alliance between Turkey, Iran and Qatar against Saudi Arabia? // *Quora.com*. 23.06.2017. URL: https://www.quora.com/Will-there-be-a-triple-alliance-between-Turkey-Iran-and-Qatar-against-Saudi-Arabia (дата обращения 07.09.2019).

[5] Израиль — Саудовская Аравия: альянс с «принцем мечты» // *EurAsia Daily*. 09.07.2017. URL: https://eadaily.com/ru/news/2017/07/09/izrail-saudovskaya-araviya-alyans-s-princem-mechty/ (дата обращения 07.09.2019).

[6] Израиль — Саудовская Аравия: альянс с «принцем мечты» // *EurAsia Daily*. 09.07.2017. URL: https://eadaily.com/ru/news/2017/07/09/izrail-saudovskaya-araviya-alyans-s-princem-mechty/ (дата обращения 07.09.2019).

йеменским повстанцам-шиитам и исламистской организации «Братья-мусульмане» открывает путь к диалогу и координации действий между Израилем и Саудовской Аравией по переформатированию карты Ближнего Востока[7].

В этом контексте можно рассматривать некоторые последствия решения США признать Иерусалим столицей Израиля. Вопреки лидеру Хизбаллы Хасану Насралле, который объявил проблему палестинцев первостепенной задачей, ему не удалось организовать кампанию «по изоляции Израиля». С призывом блокировать Израиль выступил и иранский парламент (Меджлис). Глава одного из спецподразделений Корпуса стражей Исламской революции генерал Касем Сулеймани выразил готовность предоставить палестинцам посильную помощь и с оружием в руках защищать мечеть Аль-Акса, находящуюся на Храмовой горе в Иерусалиме.

Эти призывы шиитских центров силы на Ближнем Востоке были услышаны и в Европе. Французский министр по делам Европы и иностранных дел Жан-Ив Ле Дриан в декабре 2017 г. заявил, что его страна выступает против усиления влияния Ирана в регионе: «Мы говорим решительное “нет” иранскому присутствию [в Сирии], поддержке этой страной группировки Хизбалла и ее стремлению создать ось от Тегерана до Средиземного моря». По оценке эксперта Российского совета по международным делам Антона Мардасова, эту ситуацию Хизбалла, как и все другие, использует в популистских целях. Он не отрицает, что время Хизбаллы в Сирии вышло. «Она должна все-таки выйти из Сирии, и это констатация факта, — считает Мардасов. Многим в Хизбалле участие в сирийской кампании не нравится из-за погибших, количество которых уже перевалило за тысячу человек. На момент активного вмешательства Хизбаллы в сирийский конфликт на эту операцию были полярные точки зрения в руководстве организации». Заявление Х. Насраллы лишь отражает настроения, царящие в организации, заключил аналитик [Субботин, 2017б].

После ракетных ударов США и его союзников по коалиции (Франции и Великобритании) по правительственным объектам Сирии 15 апреля 2018 г., произведенным в ответ на применение химоружия в Думе и Восточной Гуте сирийскими войсками, Турция заняла выжидательную позицию в отношении президента Б. Асада, отставки которого она активно добивалась. Ей приходится делать непростой выбор между Вашингтоном и Москвой. Балансировать между ними без урона для двусторонних отношений Р. Эрдогану чрезвычайно сложно. Меняющаяся обстановка усложняет договоренности о будущем устройстве Сирии.

И тут Анкара упирается в курдский вопрос, который в последнее время снова выходит на первый план. В разгар борьбы с ИГИЛ Турция мирилась с тем, что США взяли в «союзники» курдские боевые формирования, в том числе входящие в партию «Демократический союз» (PYD) — сирийскую ветвь «Рабочей партии Курдистана». Хотя турецкое руководство считает ее террористической организацией, оно с явной заинтересованностью следило за тем, как Соединенные Штаты активно привлекали сирийских курдов к военному решению важной для Анкары проблемы, а именно: освобождению города Ракка от исламистов.

---

[7] Израиль — Саудовская Аравия: альянс с «принцем мечты» // *EurAsia Daily*. 09.07.2017. URL: https://eadaily.com/ru/news/2017/07/09/izrail-saudovskaya-araviya-alyans-s-princem-mechty/ (дата обращения 07.09.2019).

В последние годы курдские боевые отряды получали помощь и поддержку от американских военных, а также от России. Примером этого служит тот факт, что Турция была вынуждена прекратить направленную против курдов операцию «Щит Евфрата» после того, как подразделения США и России закрыли дорогу турецкой армии [8]. Спустя несколько месяцев, 20 января 2018 г., тщательно подготовившись, турецкие войска начали новую операцию «Оливковая ветвь», нанеся удар по курдскому ополчению из ранее занятого района Азаза. Ее целью стала ликвидация курдского анклава Африн. Используя боевую авиацию и реактивную артиллерию, Анкара развернула наступление на силы YPO в Западном Курдистане на севере Сирии [Шарковский, 2018]. 18 марта военная операция была приостановлена после занятия турецкими войсками и отрядами Свободной сирийской армии Африна и ряда населенных пунктов[9].

Однако официальная Анкара не оставляет планов проведения дальнейших операций в регионе и открыто заявляет об этом. Общей целью ее является воспрепятствование объединению курдских районов в административное территориальное образование у своих границ. По мнению турецкого эксперта Керима Хаса, существует возможность того, что укрепивший свои позиции президент Эрдоган ускорит решение стратегических задач не только в Сирии, но и в Ираке, в первую очередь, контроль над городом Киркук. Во многом это будет зависеть от реакции США и договоренности с Москвой[10]. Пока, как известно, турецкая армия воздерживается от боевых операций в этих курдских районах. Ранее вооруженные силы Турции взяли под свой контроль курдские анклавы на севере и северо-западе Сирии. По этому поводу Эрдоган заявил: «С одной стороны, Турция открыла свои двери для наших сирийских братьев, а с другой — начала вести дипломатическую деятельность для завершения конфликта. Процесс, начатый с Россией и Ираном, с которыми мы серьезно расходимся во мнениях, помог решить ряд проблем сирийцев. Так же, как в Идлибе, мы не оставили сирийцев один на один с режимом Асада и использовали все возможности для предотвращения массового убийства» [Субботин, 2018].

Намерение Турции взять под свой контроль сирийскую провинцию Идлиб связано с вопросом создания ею так называемых зон безопасности, которые могут быть распространены на север Сирии, в курдские районы [11]. Однако под предлогом создаваемой «зоны безопасности» в Идлибе официальные власти Сирии под свои гарантии создали специальные «коридоры», по которым беженцы из других районов страны или прибывающие из лагерей сирийских беженцев других стран попадали в Идлиб. В итоге такой политики в идлибском котле оказались самые различные

---

[8] Хас К. Новая. Жаркая. Своя. Внешняя политика Анкары после референдума // *Россия в глобальной политике.* 18.04.2017. URL: https://globalaffairs.ru/global-processes/Novaya-Zharkaya-Svoya-Vneshnyaya-politika-Ankary-posle-referenduma-18684 (дата обращения 07.09.2019).

[9] Шац Э. Курдская проблема и гражданская война в Сирии // *Континент.* 05.04.2018. URL: https://kontinentusa.com/kurdskaya-problema-i-grajdansjaya-voyna-v-sirii/ (дата обращения 07.09.2019).

[10] Хас К. Новая. Жаркая. Своя. Внешняя политика Анкары после референдума // *Россия в глобальной политике.* 18.04.2017. URL: https://globalaffairs.ru/global-processes/Novaya-Zharkaya-Svoya-Vneshnyaya-politika-Ankary-posle-referenduma-18684 (дата обращения 07.09.2019).

[11] Хас К. Новая. Жаркая. Своя. Внешняя политика Анкары после референдума // *Россия в глобальной политике.* 18.04.2017. URL: https://globalaffairs.ru/global-processes/Novaya-Zharkaya-Svoya-Vneshnyaya-politika-Ankary-posle-referenduma-18684 (дата обращения 07.09.2019).

участники вооруженного конфликта: и бойцы Свободной сирийской армии, и остатки ИГИЛ, и «Ан-Нусра», и «Ахрар аш-Шам» (запрещенные в РФ), а также их семьи и другие беженцы, которым отказали в праве на возвращение в родные места. Эту ситуацию обозреватели «Новой газеты» оценили так: «Недавние политические заявления, сделанные сразу после саммита России, Турции и Ирана по поводу последнего «оппозиционного анклава» в Сирии, говорят о том, что этих террористов использовали в роли “отложенной мишени”, и Идлиб совсем скоро может разделить судьбу Алеппо или Ракки, на фоне которых можно снимать фильм о Сталинградской битве... Если учесть, что в Идлибе сейчас сконцентрировано до 3 млн. человек, становится ясно, какую по сложности проблему предстоит решать» [Эль-Хайек, Милашина, Боброва, 2019, с. 11–13].

В большой степени влияние на турецкую политику на Ближнем Востоке (в Сирии, Ливане) оказывает иранский фактор. Впрочем, постоянное соперничество с Ираном не мешает Турции вступать с ним в деловое и политическое взаимовыгодное сотрудничество. Позиции Тегерана и Анкары в отношении будущего Сирии сильно расходятся: Иран безоговорочно поддерживает Б. Асада и единство Сирии, в то время как Турция желает смены Асада после переходного периода и федерализации, децентрализации государства. Поскольку позиции Ирана здесь достаточно сильны, Турции приходится вести с ним т. н. «ситуативное партнерство», или сбалансированную политику ради собственных региональных интересов.

«Сирийский кризис продолжает оказывать глубокое влияние на турецко-российский диалог, очерчивая все новые оси невыраженного противостояния», — считает Керим Хас. В этом контексте предложение России о новой конституции и выделении на территории Сирии курдских «автономий» вызывает озабоченность Турции и может повлечь за собой развитие событий по негативному сценарию. На подобные региональные вызовы страна, скорее всего, отреагирует новыми военно-политическими решениями. Тем не менее, эксперт отмечает позитивный эффект от переговоров представителей России, Турции, Ирана и сирийских противоборствующих сил в Астане , несмотря на различия в подходах сторон; Анкара заинтересована в продолжении таких переговоров[12]. В рамках Астанинского процесса состоялось уже восемь раундов трехсторонних переговоров. Они признаны участниками «эффективной международной инициативой», которая придала импульс Женевскому процессу переговоров и поискам политического решения сирийского конфликта.

Вопрос о «вмешательстве Ирана во внутренние дела стран региона» рассматривался на экстренном заседании Лиги арабских государств, прошедшем в Каире в ноябре 2017 г. на уровне министров иностранных дел. Единственный, кто проигнорировал встречу в Египте, был глава ливанской дипломатии Джебран Басиль. Ливан традиционно бойкотирует те заседания ЛАГ, где речь заходит о Хизбалле, не желая «обсуждать внутренние дела этой организации». Члены ЛАГ, по словам ее генерального секретаря Ахмеда Абу аль-Гейта, собрались не с целью объявить войну Ирану, а лишь для сигнала международному сообществу и выработке единой позиции по отношению к действиям Тегерана. Именно на «консолидацию позиции в

[12] Хас К. Новая. Жаркая. Своя. Внешняя политика Анкары после референдума // *Россия в глобальной политике.* 18.04.2017. URL: https://globalaffairs.ru/global-processes/Novaya-Zharkaya-Svoya-Vneshnyaya-politika-Ankary-posle-referenduma-18684 (дата обращения 07.09.2019).

разделенном арабском регионе» рассчитывал глава саудовской дипломатии. По мнению политолога Григория Косача, в Ливане Саудовская Аравия пытается оказать давление на Хизбаллу. «Речь идет о том, что группировка должна на сегодняшний день хотя бы разоружиться. Эта идея, конечно, неосуществима, но движение в этом направлении будет продолжаться» [Субботин, 2017а].

19 декабря 2018 г. президент США Дональд Трамп внезапно объявил об уходе американских войск с северо-востока Сирии в связи с тем, что над террористами ИГИЛ «одержана полная победа», а «США больше не хотят быть мировым жандармом»[13]. Это заявление вызвало шок у вовлеченных в конфликт сил. Одни восприняли это заявление положительно, другие — с тревогой или недовольством. Но всем потребовалась корректировка в оценке ситуации и конкретных действиях, в том числе военного характера. Двухтысячный американский воинский контингент находится в Сирии с 2014 г.[14]

В наиболее сложном положении оказались сирийские курды. Для них возникла угроза потерять своих главных покровителей и союзников. Для того чтобы не оказаться в изоляции, они решили представить свою «дорожную карту» России. 14 декабря 2018 г. после объявления об уходе американцев из курдских зон Сирии курдские ответственные руководители прибыли в Москву, где обратились с просьбой о российском посредничестве создать «общую систему обороны против внешних угроз» и защитить границу с Турцией на востоке от Евфрата. Другим пунктом «дорожной карты» было обещание выполнить требование Турции о роспуске «Сирийских демократических сил» (FDS) — альянса, включающего арабов, но где преобладающее влияние имеют курдские воины[15].

Курды надеются сохранить часть своей автономии, которую им гарантировала бы новая Конституция Сирии. В Манбидже они хотят установить «нейтральную зону» с помощью российской военной полиции, которая придет на смену американской[16]. Однако нежелание американских военных покидать завоеванные позиции на сирийской территории, вероятно, продлит их пребывание здесь на неопределенный срок (по словам Д. Трампа, на четыре месяца). О полном разгроме ИГИЛ пока говорить еще рано. Свидетельством этому послужило наступление ее бойцов в декабре 2018 г. в провинции Дейр эз-Зор, а в январе 2019 г. ИГИЛ взяло на себя ответственность за нападение на американских военных в Манбидже [Тарасов, 2019].

В конце января 2019 г. президенты Р. Т. Эрдоган и В. В. Путин обсудили в Москве вопросы борьбы с терроризмом и разделе зон влияния в Сирии. По мнению обозревателя газеты *Der Standard* Андре Баллена, «объявленный уход США [из Сирии] оба президента оценили как положительный шаг… Турция хочет усилить свое присутствие в Северной Сирии. Россия понимает беспокойство Турции по поводу безопасности, однако у солидарности узкие границы. Кремль, использовавший курдов в

[13] Трамбле Ж.-Л. Ключи для понимания реванша Башара Асада // *Le Figaro*. 18.01.2019. URL: https://www.inopressa.ru/pwa/article/18Jan2019/lefigaro/damask.html (дата обращения 07.09.2019).

[14] США приняли «тактическое решение» о выводе войск из Сирии, сказал Майкл Помпео // *NEWSru.com*. 21.02.2019. URL: https://www.newsru.com/world/21feb2019/pompeo.html (дата обращения 07.09.2019).

[15] Мальбрюно Ж. Оказавшиеся в изоляции курды представляют свою «дорожную карту» России. *Le Figaro*. 09.01.2019. URL: https://polpred.com/?ns=1&ns_id=2868344 (дата обращения 07.09.2019).

[16] Мальбрюно Ж. Оказавшиеся в изоляции курды представляют свою «дорожную карту» России. *Le Figaro*. 09.01.2019. URL: https://polpred.com/?ns=1&ns_id=2868344 (дата обращения 07.09.2019).

качестве партнеров и военной силы в борьбе против ИГИЛ, пока всегда отрицательно относился к крупной наступательной операции Турции в регионе»[17].

Курдская тема по понятным причинам стала одним из объединяющих мотивов альянса Турции с ее стратегическим противником Ираном. Главной задачей Тегерана на нынешнем этапе является завершение сирийского кризиса в свою пользу, и Анкара может сыграть при этом важную роль. Турция имеет рычаги давления на некоторые группы, которые Иран считает террористическими. Это, в частности, бывшая «Джибхат ан-Нусра» (запрещена в РФ) — «Хайят ат-Тахрир аш-Шам». Согласно турецкой газете «Сабах», в рамках Астанинского диалога 8–9 августа 2017 г. в Тегеране было достигнуто соглашение по Идлибу. По просьбе Анкары саммит в Тегеране прошел без осведомления СМИ[18].

Не секрет, что территория к востоку от реки Евфрат считается американской сферой влияния. Турецкий политолог Керим Хас выразил сомнение, что «Соединенные Штаты могут полностью сдать территорию Восточного Евфрата, так как их пребывание там с военной и геополитической точек зрения само по себе несет стратегическую важность для Вашингтона». Трудно представить, что турецкие власти могут достичь договоренности с курдскими отрядами самообороны о «сосуществовании» [Субботин, 2018]. В то же время возможное продвижение подконтрольных Турции сил на восток от реки Евфрат может вызвать конфликт не только с США, но и с Саудовской Аравией и ОАЭ, которые также стремятся укрепиться в этом районе и ведут соответствующие переговоры с местными этническими группами. Саудовцы, по их признанию в августе 2018 г., уже затратили около 100 млн. долларов на «проекты по стабилизации» Северной Сирии, которые пошли на восстановление инфраструктуры и помощи сирийским беженцам, и обещают дальнейшую финансовую поддержку [Субботин, 2018].

Роль Ирана в сирийском конфликте трудно переоценить. Усиление шиитского фактора происходило в течение длительного времени как в самой Сирии, так и в соседнем Ливане. Инструментом иранского влияния в Ливане еще со времени гражданской войны было движение Хизбалла, которое набирало все большую силу с ростом численности шиитской общины и по мере нарастания напряженности в стране. Иран принимал активное участие в создании этого шиитского движения и всячески содействовал укреплению его влияния в политической жизни Ливана. В 2005–2006 гг. после вывода сирийских вооруженных сил из Ливана Хизбалла активизировала свои действия на приграничной с Израилем территории. 12 июля 2006 г. в ответ на похищение ее боевиками двух израильских военных Израиль начал военные действия на территории юга Ливана. После ливано-израильской войны 2006 г. Иран принимал активное участие в работах по восстановлению южных районов Ливана, разрушенных бомбардировками израильской авиации [Мохамад, 2013, с. 70–76].

Ливано-иранские отношения существенно зависят от внутриполитической ситуации в самом Ливане. Это прослеживается в затянувшейся борьбе различных сил за пост президента страны в 2010-е гг. Тогда два противоборствующих блока

---

[17] Баллен А. Путин и Эрдоган ищут точки соприкосновения в Сирии // *Der Standard.* 24.01.2019. URL: https://www.inopressa.ru/article/24jan2019/standard/turkey.html (дата обращения 07.09.2019).

[18] Саркисян И. В. К вопросу о создании коалиции Иран–Турция–Катар // *Институт Ближнего Востока.* 12.09.2017. URL: http://www.iimes.ru/?p=37628 (дата обращения 07.09.2019).

политических партий в парламенте в течение нескольких лет не могли собрать кворум и прийти к соглашению о кандидатуре президента, главным образом, из-за позиции Хизбаллы. Соглашения удалось достичь лишь в 2016 г., когда парламент утвердил новым президентом Ливана маронита[19] Мишеля Ауна, чья партия входит в единый с Хизбаллой политический блок.

Это шиитское движение все последние десятилетия являлось катализатором обострения ливано-израильских отношений. Рост его влияния внутри страны привел к тому, что ливанское правительство фактически перестало контролировать как саму Хизбаллу, так и территории, на которых она базируется [Мохамад, 2013, с. 70–76]. Благодаря Ирану уровень подготовки и вооружения Хизбаллы за время сирийской кампании настолько вырос, что эту группировку уже можно считать скорее полноценной армией, нежели ополчением, считают многие эксперты[20].

Таким образом, ливанские официальные власти не могут препятствовать вооруженным отрядам боевиков Хизбаллы участвовать во внутреннем сирийском конфликте на стороне Б. Асада. Однако они не устают повторять, что Ливанская республика занимает нейтральную позицию в отношении этого конфликта. Причины этого вполне понятны. Никто не мог предположить, что гражданская война в Сирии продлится столь долго и что перевес сил, в ней участвующих, будет кардинально меняться. Как пишет французский аналитик Ж.-Л. Трамбле, «восемь лет спустя при поддержке Ирана и России глава Дамаска отвоевывает две трети территории, выступает в роли спасителя для курдов и нормализует свои дипломатические отношения… В военном отношении такое изменение ситуации наделяет его правом, вооружившись терпением, продолжать свое завоевание национальной территории… и вступать в те зоны, куда доступ ему был закрыт в течение шести лет»[21].

Надо признать, что в создавшейся ситуации руководство Ливана занимает единственно правильную позицию нейтралитета в отношении Сирии, стремясь сохранить безопасность страны. Ведь среди внутриливанских проблем особенно остро стоят вопросы не только политического, но и конфессионального характера, а именно: противостояния движения Хизбалла различным суннитским силам, не желающим дальнейшего укрепления позиций проирански настроенных шиитов. Ситуация осложняется тем, что избранный президентом Ливана в октябре 2016 г. генерал Мишель Аун, призванный сохранить баланс сил в стране, в то же время активно сотрудничает с Хизбаллой и сильно от нее зависит.

Острота этой проблемы особенно ярко проявилась в ноябре 2017 г., когда премьер-министр Ливана Саад Харири неожиданно прилетел в Эр-Рияд и сообщил, что уходит в отставку в знак протеста против иранского вмешательства во внутренние дела Ливана. Свое решение он аргументировал тем, что Хизбалла готовит против него заговор с целью убийства. С. Харири обвинил Иран в том, что посредством Хизбаллы он стремится установить контроль над Ливаном. Этим визитом он ясно обозначил свои тесные связи с руководством Саудовской Аравии и поддержал ее в противостоянии

[19] *Марониты* — ливанские христиане, признающие главой своей церкви Папу Римского.

[20] Саудовская Аравия и Иран: борьба за власть на Ближнем Востоке // *BBC News. Русская служба*. 11.11.2017. URL: https://www.bbc.com/russian/features-41953451 (дата обращения 07.09.2019).

[21] Трамбле Ж.-Л. Ключи для понимания реванша Башара Асада // *Le Figaro*. 18.01.2019. URL: https://www.inopressa.ru/pwa/article/18Jan2019/lefigaro/damask.html (дата обращения 07.09.2019).

Ирану на Ближнем Востоке. Заявление С. Харири чуть не вызвало политический кризис в Ливане. Ведь пост премьер-министра Харири получил с согласия Хизбаллы и прекрасно знал о деятельности Ирана в регионе. Утверждения Хизбаллы о том, что к отставке Харири принудила Саудовская Аравия, звучали довольно убедительно, хотя ее лидер Хасан Насралла часто выступает с нападками на саудовские власти.

После того как страны Запада, в первую очередь Франция, потребовали от Эр-Рияда освободить С. Харири, предполагая, что его насильно удерживают в стране, он довольно быстро вернулся в Бейрут, а затем встретился в Париже с президентом Франции Э. Макроном. После консультаций с президентом М. Ауном он вновь приступил к своим обязанностям премьер-министра, но так и не объяснил, чем была вызвана его отставка. По всей видимости, саудовское руководство посчитало, что конфликт в Ливане приведет к сокращению присутствия Хизбаллы в Сирии и ослабит власть Асада. Эту ситуацию Турция предпочла рассматривать как вопрос внутренней политики Эр-Рияда. Обе страны не стали усугублять двусторонние отношения из-за ливанского кризиса. Для Турции ослабление Хизбаллы в Ливане и Сирии может создать благоприятную конъюнктуру для борьбы против курдской организации PKK/YPG. Все эти факторы вынуждают турецкую дипломатию на всех направлениях вокруг сирийского кризиса предпринимать осторожные шаги[22].

Среди экспертов существует мнение, что Саудовская Аравия использует направленную против Ирана и Хизбаллы риторику для того, чтобы завуалировать борьбу за власть в стране, а угрозы войны в адрес Ливана означают нечто большее, чем небольшой конфликт, призванный доказать силу Мухаммада бин Салмана[23]. Эту силу молодой и могущественный наследный принц демонстрирует, воюя против повстанцев-хуситов в Йемене, которым, по мнению саудовских властей, оказывает всяческую поддержку Иран. Кроме того, Саудовская Аравия поддерживает повстанцев в Сирии и добивается свержения Башара Асада, главного союзника Ирана. При этом надо учитывать, что «вооруженные силы Саудовской Аравии — одни из мощнейших в регионе, а Эр-Рияд стоит в ряду основных мировых импортеров оружия. Саудовская армия насчитывает 227 тыс. человек», а само королевство является главным покупателем американских вооружений[24].

Поскольку главной проблемой региона в последние годы являлся сирийский кризис, Ливан не привлекал к себе особого внимания. Однако эти события заставили обратить взор заинтересованных сторон на сложное положение в самом Ливане. Ситуация в Сирии позволила Ирану расширить зону влияния и в Ливане. Это сильно

---

[22] Догач Ипек Д. Что последует за событиями в Саудовской Аравии и отставкой премьер-министра Ливана. Ближний Восток: взгляд из Турции // *TRT.net*. 16.11.2017. URL: https://www.trt.net.tr/russian/blizhnii-vostok-vzghliad-iz-turtsii/2017/11/16/chto-poslieduiet-za-sobytiiami-v-saudovskoi-aravii-i-otstavkoi-priem-ier-ministra-livana-848389 (дата обращения 07.09.2019).

[23] Саудовская Аравия и Иран: борьба за власть на Ближнем Востоке // *BBC News. Русская служба*. 11.11.2017. URL: https://www.bbc.com/russian/features-41953451 (дата обращения 07.09.2019); Догач Ипек Д. Что последует за событиями в Саудовской Аравии и отставкой премьер-министра Ливана. Ближний Восток: взгляд из Турции // *TRT.net*. 16.11.2017. URL: https://www.trt.net.tr/russian/blizhnii-vostok-vzghliad-iz-turtsii/2017/11/16/chto-poslieduiet-za-sobytiiami-v-saudovskoi-aravii-i-otstavkoi-priem-ier-ministra-livana-848389 (дата обращения 07.09.2019).

[24] Саудовская Аравия и Иран: борьба за власть на Ближнем Востоке // *BBC News. Русская служба*. 11.11.2017. URL: https://www.bbc.com/russian/features-41953451 (дата обращения 07.09.2019).

беспокоит Израиль, который отчасти доволен тем, что Хизбалла занята Сирией, но считает, что число враждебных ему проирански настроенных боевиков, находящихся по соседству, многократно возросло. Проблемой для него является то, что события в Сирии укрепили позиции Хизбаллы. Эта военизированная организация в большой степени контролирует места массовых скоплений и лагеря сирийских беженцев на территории Ливана. Учитывая примерную численность самих ливанцев в 4 млн. человек и 2–3 млн. бежавших от войны сирийцев, большинство которых составляют сунниты, нетрудно представить, какое бремя ложится на власти, чтобы обеспечить их всем необходимым. Ливанское правительство кровно заинтересовано в их возвращении к родным местам, но оно наталкивается на действия сирийских властей, обусловивших их возвращение целым рядом малоприемлемых условий. В некоторые пограничные с Ливаном населенные пункты беженцам возвращаться не разрешают. Например, в сильно разрушенном городе Кусейра Хизбалла начала строить укрепленную военную базу [Эль-Хайек, Милашина, Боброва, 2019, с. 11–13].

В начале 2019 г. ливанское правительство предприняло важную попытку найти коллективное решение всех арабских стран в рамках ЛАГ по сирийскому кризису. Как известно, членство Сирийской Арабской Республики в Лиге арабских государств было заморожено в ноябре 2011 г. после начала внутреннего вооруженного конфликта. Ливан выступил организатором нового саммита ЛАГ по экономическому и социальному развитию, который прошел в Бейруте в январе этого года. Однако приглашение на саммит Дамаск не принял. Сирийский посол в Бейруте заявил, что Сирия чувствует себя комфортно, потому что «одержала важную военную, политическую и дипломатическую победу, а расчеты Запада и ряда арабских государств, развязавших против нее войну, потерпели провал»[25].

Хозяева форума — ливанцы — старались убедить участников перешагнуть через таможенные барьеры к единому экономическому пространству, но, прежде всего, отказаться от взаимной враждебности, которая очень дорого обходится населению. Генсек ЛАГ Ахмед Абу аль-Гейт по этому поводу заявил, что вопрос о возвращении Дамаска в ЛАГ переносится на будущее, поскольку консенсус по нему среди арабских министров еще не созрел. Ливанская сторона предлагала свое посредничество для налаживания процесса послевоенной реконструкции Сирии. Этому способствуют исторические связи и географическая близость к ней, собственный богатый опыт послевоенного восстановления и развитая банковская система[26].

Сложную, противоречивую картину разновекторных союзов, скрытой и явной борьбы всех сторон, заинтересованных в судьбе Сирии, в ноябре 2017 г. дополнило сообщение ливанской газеты «Аль-Ахбар» о тайных переговорах между Саудовской Аравией и Израилем с участием США об установлении дипломатических отношений и создании коалиции против Ирана. Газета процитировала письмо саудовского министра иностранных дел Аделя аль-Джубейра наследному принцу Мухаммаду бин Салману, где, в частности, говорилось: «…совместимость израильских технологий с экономической мощью стран Персидского залива с учетом размера их рынков и потенциала арабского

[25] Зеленин Д. К итогам саммита в Бейруте // *ТАСС*. 22.01.2019. URL: https://tass.ru/opinions/6026313 (дата обращения 07.09.2019).

[26] Зеленин Д. К итогам саммита в Бейруте // *ТАСС*. 22.01.2019. URL: https://tass.ru/opinions/6026313 (дата обращения 07.09.2019).

населения могут развязать скрытые возможности Ближнего Востока и добиться процветания, стабильности и мира». В письме предлагалось перевести внимание с израильско-палестинского конфликта на «главную угрозу безопасности на Ближнем Востоке, а именно — угрозу Ирана»[27].

Еще один международный скандал, сильно ударивший по имиджу Саудовской Аравии и принцу Мухаммаду бин Салману, разразился в начале ноября 2018 г. в связи со зверским убийством известного оппозиционного саудовского журналиста Хашогги в здании консульства Королевства в Стамбуле. Это произошло накануне крупнейшего саудовского инвестиционного форума *Future Investment Initiative.* В результате многие западные и, в частности, американские компании отказались от участия в форуме. Шок, испытанный мировым сообществом от этого убийства, заметно укрепил позиции Турции и Катара как конкурентов Саудовской Аравии [Делягин, 2018].

Клубок региональных проблем, связанных с сирийским кризисом, практически невозможно подробно описать и проанализировать в рамках одной статьи. Они серьезно влияют на положение во всех странах Ближнего Востока и находятся в центре внимания многих других стран. Поэтому столь важен комплексный анализ причин и последствий этого кризиса.

Подводя итог нашему исследованию, сделаем акцент на следующем моменте: ряд специалистов, и среди них, например, Джемиль Догач Ипек, высказывают мнение, что «сложная политическая структура [Ливана] делает страну уязвимой к внешнему вмешательству. В связи с этим некоторые западные страны, Саудовская Аравия и Иран способны вмешиваться во внутренние дела Ливана. Иран использует для этого Хизбаллу, а Саудовская Аравия — семью Харири»[28]. Такое утверждение, по нашему мнению, необъективно. Глядя на Сирию с ее ригидной иерархичной структурой власти, на то, что с ней происходит, находим гораздо больше стран, непосредственно вмешивающихся в ее внутренние дела и оказывающих большое влияние на само ее существование. Так что сложность или простота политической структуры любой страны не могут быть критерием способности внешних сил к вмешательству в ее дела. Что касается Ливана, то внимательный исследователь отметит: именно сложность демократического государственного устройства, опирающегося на национальные и конфессиональные особенности населения страны, позволяют каждый раз с большим или меньшим успехом выходить из кризисов и восстанавливать ее экономику. Справедливо мнение эксперта Владимира Сотникова, который заявил: «Можно сказать, что ливанцы в последние годы начали очень дорожить политическим консенсусом и стабильностью. Период ожесточенной борьбы за власть между представителями разных конфессий ушел в прошлое»[29].

---

[27] Саудовская Аравия тайно ведет переговоры с Израилем о его признании // *EurAsia Daily*. 15.11.2017. URL: https://eadaily.com/ru/news/2017/11/15/smi-saudovskaya-araviya-tayno-vedet-peregovory-s-izrailem-o-ego-priznanii (дата обращения 07.09.2019).

[28] Догач Ипек Д. Что последует за событиями в Саудовской Аравии и отставкой премьер-министра Ливана. Ближний Восток: взгляд из Турции // *TRT.net*. 16.11.2017. URL: https://www.trt.net.tr/russian/blizhnii-vostok-vzghliad-iz-turtsii/2017/11/16/chto-poslieduiet-za-sobytiiami-v-saudovskoi-aravii-i-otstavkoi-priem-ier-ministra-livana-848389 (дата обращения 07.09.2019).

[29] Алексеева Н. Отставка с последствиями: к чему может привести отказ ливанского премьера от своего поста // *RT*. 12.11.2017. https://russian.rt.com/world/article/448925-livan-saudoskaya-araviya-premier-ministr (дата обращения 07.09.2019).

На нынешнем этапе положение в Сирии многими наблюдателями и специалистами по Ближнему Востоку оценивается как вышедшее на заключительную стадию, когда необходимо помогать сирийскому режиму во главе с Б. Асадом восстанавливать разрушенную инфраструктуру и экономику страны, возвращать беженцев в свои дома и налаживать мирную жизнь. Однако уверенности в таком развитии событий, кажется, нет ни у кого. Лишь в марте 2019 г. комиссия ООН пришла к выводу, что на возвращение в страну беженцев мало надежды. Корреспондент *Tagesspiegel* Кристиан Бёме в статье «Что станет с Сирией Асада?» пишет: «Сирийская драма все еще не закончилась, хотя, по крайней мере, Исламское государство [запрещенное в РФ] кажется побежденным в военном аспекте... Что сегодня ясно, так это то, что Башар Асад… хотя и не смог окончить войну, решил ее в свою пользу». Далее К. Бёме высказывает предположение, что нынешние союзники Асада — Россия и Иран — будут и далее использовать Сирию в качестве базы для расширения своего влияния на Ближнем Востоке. Сирии необходимо экономическое и социальное восстановление. Однако причины, вызвавшие восстание в 2011 г., никуда не исчезли, а диктатура Асада еще более укрепилась. Многие беженцы находятся в списках разыскиваемых лиц, и они не могут вернуться в страну, по крайней мере, пока президентом остается Асад, — говорится в статье. Единство Сирии и сегодня находится под вопросом. Не исключено, что она распадется на четыре части: территорию Асада под контролем режима и его союзников, автономного региона курдов на северо-востоке, территорию, занятую Турцией, и суннитскую зону на востоке[30].

Российскую позицию по сирийской проблеме высказал посол в Ливанской Республике Александр Засыпкин в интервью «Новой газете»: «…Давайте посмотрим на перспективу. Первое — невозможно представить, что Сирия, одержав победу над терроризмом, изменит политический курс в обмен на гранты и кредиты. Второе — вопрос о президенте состоит в том, что он должен играть роль гаранта сохранения государства. Президент Башар Асад является таким гарантом в глазах миллионов сирийцев. Может ли быть альтернатива в этом плане — решать сирийскому народу на выборах, а не внешним силам» [Засыпкин, 2019, с. 8].

Предварительные итоги многолетней внутрисирийской борьбы и вовлеченности в нее других ближневосточных и иных стран позволяют увидеть лишь проступающие контуры той новой карты Ближнего Востока, которая появится в будущем.

Литература / References

Делягин М. Убийство журналиста Хашогги готовилось как провокация против наследного принца Саудовской Аравии? // *Независимая газета.* 06.11.2018 [Delyagin M. The murder of a journalist Khashoggi was prepared as a provocation against the crown prince of Saudi Arabia? // *Nezavisimaya gazeta* (*Independent newspaper*). 11.06.2018 (in Russian)].

Засыпкин А. Следует признать, что Россия спасла не только Сирию, но и Ливан // *Новая газета.* 15.03.2019. № 28. С. 8 [Zasypkin A. It should be recognized that Russia saved not only Syria, but also Lebanon // *Novaya gazeta* (*New newspaper*). 03.15.2019. No.28. P. 8 (in Russian)].

[30] Бёме К. Что станет с Сирией Асада? // *Tagesspiegel.* 15.03.2019. URL: https://www.inopressa.ru/article/15mar2019/tagesspiegel/syria.html (дата обращения 07.09.2019).

Мохамад С. М. Основные направления и особенности внешней политики Ливана в 1989–2019 гг. // *Журнал международного права и международных отношений.* 2013. № 2. С. 70–76 [Mohamad S. M. The main directions and features of the foreign policy of Lebanon in 1989–2019 // *Journal of international law and international relations*. 2013. 2. Pp. 70–76 (in Russian)].

Субботин И. На Северо-Восточную Сирию претендуют как Анкара, так и Эр-Рияд // *Независимая газета.* 24.09.2018 [Subbotin I. Both Ankara and Riyadh claim to the North-Eastern Syria // *Nezavisimaya gazeta* (*Independent newspaper*). 09.24.2018 (in Russian)].

Субботин И. Саудовская Аравия призывает соседей к объединению вокруг общей «угрозы» // *Независимая газета.* 21.11.2017(а) [Subbotin I. Saudi Arabia calls on neighbors to unite around a common "threat" // *Nezavisimaya gazeta* (*Independent newspaper*). 11.21.2017(a). (in Russian)].

Субботин И. Шиитские центры силы переводят фокус с Сирии на Палестину // *Независимая газета.* 13.12.2017(б) [Subbotin I. Shiite power centers shift focus from Syria to Palestine // *Nezavisimaya gazeta* (*Independent newspaper*). 12.13.2017(b) (in Russian)].

Тарасов А. Опыт частного сопротивления // *Новая газета.* 21.01.2019. № 6 [Tarasov A. Experience of private resistance // *Novaya gezeta* (*New newspaper*). 01.21.2019. No.6 (in Russian)].

Шарковский А. Вторжение в Африн готовилось Анкарой на протяжении долгого времени // *Независимая газета.* 22.01.2018 [Sharkovsky A. The invasion of Afrin was prepared by Ankara for a long time // *Nezavisimaya gazeta* (*Independent newspaper*). 01.22.2018 (in Russian)].

Эль-Хайек В., Милашина Е., Боброва О. Один дома. Почему Башар Асад не хочет возвращения сирийских беженцев на родину, хотя на этом настаивает Россия // *Новая газета.* 06.03.2019. № 25. С. 11–13 [El-Hayek V., Milashina E., Bobrova O. Alone at home. Why Bashar al-Assad does not want the return of Syrian refugees to their homeland, although Russia insists on this // Novaya gazeta. (*New newspaper*). 03.06.2019. No.25. Pp. 11–13 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

Алексеева Н. Отставка с последствиями: к чему может привести отказ ливанского премьера от своего поста // *RT.* 12.11.2017. https://russian.rt.com/world/article/448925-livan-saudoskaya-araviya-premier-ministr (дата обращения 07.09.2019).

Баллен А. Путин и Эрдоган ищут точки соприкосновения в Сирии // *Der Standard.* 24.01.2019. URL: https://www.inopressa.ru/article/24jan2019/standard/turkey.html (дата обращения 07.09.2019).

Бёме К. Что станет с Сирией Асада? // *Tagesspiegel.* 15.03.2019. URL: https://www.inopressa.ru/article/15mar2019/tagesspiegel/syria.html (дата обращения 07.09.2019).

Догач Ипек Д. Что последует за событиями в Саудовской Аравии и отставкой премьер-министра Ливана. Ближний Восток: взгляд из Турции // *TRT.net.* 16.11.2017. URL: https://www.trt.net.tr/russian/blizhnii-vostok-vzghliad-iz-turtsii/2017/11/16/chto-poslieduiet-za-sobytiiami-v-saudovskoi-aravii-i-otstavkoi-priem-ier-ministra-livana-848389 (дата обращения 07.09.2019).

Зеленин Д. К итогам саммита в Бейруте // *ТАСС.* 22.01.2019. URL: https://tass.ru/opinions/6026313 (дата обращения 07.09.2019).

Израиль — Саудовская Аравия: альянс с «принцем мечты» // *EurAsia Daily.* 09.07.2017. URL: https://eadaily.com/ru/news/2017/07/09/izrail-saudovskaya-araviya-alyans-s-princem-mechty/ (дата обращения 07.09.2019).

Мальбрюно Ж. Оказавшиеся в изоляции курды представляют свою «дорожную карту» России. *Le Figaro.* 09.01.2019. URL: https://polpred.com/?ns=1&ns_id=2868344 (дата обращения 07.09.2019).

Саркисян И. В. К вопросу о создании коалиции Иран–Турция–Катар // *Институт Ближнего Востока*. 12.09.2017. URL: http://www.iimes.ru/?p=37628 (дата обращения 07.09.2019).

Саудовская Аравия и Иран: борьба за власть на Ближнем Востоке // *BBC News. Русская служба*. 11.11.2017. – URL: https://www.bbc.com/russian/features-41953451 (дата обращения 07.09.2019).

Саудовская Аравия тайно ведет переговоры с Израилем о его признании // *EurAsia Daily*. 15.11.2017. URL: https://eadaily.com/ru/news/2017/11/15/smi-saudovskaya-araviya-tayno-vedet-peregovory-s-izrailem-o-ego-priznanii (дата обращения 07.09.2019).

США приняли «тактическое решение» о выводе войск из Сирии, сказал Майкл Помпео // *NEWSru.com*. 21.02.2019. URL: https://www.newsru.com/world/21feb2019/pompeo.html (дата обращения 07.09.2019).

Тарасов С. Саудовская Аравия и Турция вступают в «русское уравнение» // *Regnum.ru*. 07.10.2017. URL: https://regnum.ru/news/polit/2331366.html (дата обращения 07.09.2019).

Трамбле Ж.-Л. Ключи для понимания реванша Башара Асада // *Le Figaro*. 18.01.2019. URL: https://www.inopressa.ru/pwa/article/18Jan2019/lefigaro/damask.html (дата обращения 07.09.2019).

Хас К. Новая. Жаркая. Своя. Внешняя политика Анкары после референдума // *Россия в глобальной политике*. 18.04.2017. URL: https://globalaffairs.ru/global-processes/Novaya-Zharkaya-Svoya-Vneshnyaya-politika-Ankary-posle-referenduma-18684 (дата обращения 07.09.2019).

Шац Э. Курдская проблема и гражданская война в Сирии // *Континент*. 05.04.2018. URL: https://kontinentusa.com/kurdskaya-problema-i-grajdansjaya-voyna-v-sirii/ (дата обращения 07.09.2019).

Erdogan her krizde Katar'da // *Evrensel.net*. 15.11.2017. URL: https://www.evrensel.net/haber/338045/erdogan-her-krizde-katarda (дата обращения 07.09.2019).

Will there be a triple alliance between Turkey, Iran and Qatar against Saudi Arabia? // *Quora.com*. 23.06.2017. URL: https://www.quora.com/Will-there-be-a-triple-alliance-between-Turkey-Iran-and-Qatar-against-Saudi-Arabia (дата обращения 07.09.2019).

ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПАКИСТАНА. К ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ СЛОЖНЫМ ОБЩЕСТВОМ. ЧАСТЬ I

© 2019

В. Я. Белокреницкий*

В статье дан анализ территориальной и демографической структуры Пакистана с позиции ее этнического состава и меняющейся административно-политической композиции. В агрегированном виде с использованием недавно опубликованных результатов переписи населения 2017 г. представлены сведения об основных провинциях федеративного государства, ее столичном округе и присоединенных территориях, судьба которых тесно связана с более чем 70-летней историей Кашмирской проблемы. Автор уделяет внимание полосе племен, которая до недавнего времени имела особый административный и судебно-правовой статус. Рассматривается вопрос о национальной консолидации и этнических движениях в стране. В первой части статьи основное внимание уделено северным и восточным областям страны. Освещаются особенности формирования и политико-административного состояния управляемых Пакистаном, но юридически ему не принадлежащих областей — Азад (свободного) Джамму и Кашмира и Гилгит-Балтистана. Рассмотрено центральное место в этнотерриториальной структуре государства провинции Панджаб с примыкающей к ней столицей Исламабадом. Особое внимание уделено социоэкономическому отставанию Южного Панджаба с населением, говорящим на языке сирайки. В статье отмечается, что доля панджабиязычного населения неуклонно снижается, растет пропорция лиц, чьим родным языком являются синдхи, пушту, сирайки и балучи. Такой процесс наблюдается и в городах, в том числе крупнейших, таких как Карачи — столице южной провинции Синд. Межэтнические трения и переуплотнение превратили этот первый по численности пакистанский мегалополис в один из самых опасных и мало удобных для проживания городов мира. Между тем, сельский Синд является оплотом полупатриархальных отношений, где сохраняется бесправие и нищета крестьянских масс.

Ключевые слова: федерация Пакистан, Азад Кашмир, Панджаб, Синд, Белуджистан, Хайбер-Пахтунхва, консолидация и этнические движения.

* Вячеслав Яковлевич БЕЛОКРЕНИЦКИЙ, доктор исторических наук, профессор, зав. Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, Москва; enitsky@yandex.ru

Vyacheslav Ya. BELOKRENITSKY, DSc (History), Professor, Head of the Centre for the Study of Near and Middle Eastern Countries, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; enitsky@yandex.ru

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России (подпрограмма «Культурно-сложные общества: понимание и управление»)»

ETHNO-TERRITORIAL STRUCTURE OF PAKISTAN. TO THE PROBLEM OF UNDERSTANDING AND ADMINISTERING OF A COMPOSITE SOCIETY. PART I

Vyacheslav Ya. Belokrenitsky

A brief analysis of territorial and demographic structure of Pakistan from the viewpoint of its ethnic and changing politico-administrative composition is presented in the article. Taking into account the just published results of the Population census of 2017, it contains some basic facts and figures about the provinces of the federation, its capital district and controlled territories, whose fate is closely linked to the history of the Kashmir problem which lasts for more than 70 years. The author pays attention to the tribal belt that till recently had a special administrative and juridical status. In the conclusion he touches upon the issue of national consolidation and ethnic movements in the country. The first part of the article is dedicated mainly to the northern and eastern regions of the country. Highlighted are the peculiar features of coming into being and politico-administrative system of Azad (free) Jammu and Kashmir and Gilgit-Baltistan, which are administered by Pakistan but do not belong to it *de jure*. The central place of the Punjab province along with the adjacent capital Islamabad in the ethno-territorial structure of the state is analyzed. Special attention the author pays to the socio-economic backwardness of South Punjab with population speaking Seraiki language. The article reveals that the proportion of population speaking Punjabi is contracting constantly, while the weight of those whose mother tongue is Sindhi, Pushto, Seraiki and Baluchi is growing. This process goes on in the cities, even the most populous, like Karachi, the capital of the southern province of Sind. Interethnic tensions and overcrowding turned this largest Pakistani megalopolis into one of the most dangerous and unfit for living cities in the world. Meanwhile, the rural Sind remains the stronghold of semi-patriarchal relations where peasantry suffers from lawlessness and poverty.

Keywords: Federation of Pakistan, Azad Kashmir, Punjab, Sind, Baluchistan, Khyber-Pakhtunkhwa, national consolidation, ethnic movements.

Исламская Республика Пакистан — относительно молодое государственное образование, хотя и со своей уже немалой историей. Как независимый доминион в составе Содружества наций (британского) Пакистан появился 14 августа 1947 г., вместе с рождением (в ночь с 14 на 15 августа) суверенной Индии. Уход англичан оставил Кашмирскую проблему, весьма острую до сих пор. До последнего времени она сводилась к спору двух соседних государств Южной Азии из-за бывшего княжества Джамму и Кашмир. Несколько раз Пакистан и Индия вступали в вооруженные конфликты из-за Кашмира, но итоги первого из них (войны 1947–1948 гг.), разделившего княжеские владения на севере субконтинента на индийскую и пакистанскую части, остались в основных чертах неизменными.

Принятое в августе 2019 г. решение Индии лишить свою половину княжества особого политико-юридического статуса и, ликвидировав штат Джамму и Кашмир, создать вместо него две союзные территории (Джамму и Кашмир; Ладакх) вносит существенные коррективы в ситуацию в Кашмире и вокруг него и заставляет по-новому взглянуть и на положение контролируемых Пакистаном частей бывшего княжества. Фактическое их присоединение к нему при отсутствии решения о постоянном статусе придает географической конфигурации страны специфические черты. Они стали особенно существенными в связи с проложенным через контролируемые районы

Каракорумским шоссе, соединившим Пакистан с Китаем, и начавшейся в последние годы реализацией многомиллиардного проекта «Китайско-пакистанский экономический коридор» как части международной программы инфраструктурных инвестиций, запущенной Пекином и рекламируемой ныне под названием «Инициатива поясов и путей» (*Belts and Roads Initiative*, BRI).

Предпринятое в статье рассмотрение административно-политической структуры федеративного Пакистана в сочетании с анализом основных этнонациональных зон и регионов позволит, как представляется, лучше понять особенности пакистанского общества и оценить проблемы управления им.

Азад Кашмир и Гилгит-Балтистан

Начнем с того, что является наиболее спорным в территориальной композиции современного Пакистана, а именно с упомянутых выше регионов, фактически присоединенных, но *де-юре* не признанных в качестве пакистанских. Если в индийском сегменте бывшего княжества существовало до последнего времени одно административное образование — штат Джамму и Кашмир [1], то в пакистанском их изначально было два — Азад (Свободный) Джамму и Кашмир и область Гилгит. Истоки первого из них уходят в октябрь 1947 г., когда спустя месяц после начала конфликта между доминионами по поводу судьбы княжества [2] противники присоединения провозгласили создание временного правительства «свободного (азад) штата Джамму и Кашмир» [Ali, Rehman, 2001, p. 120; Lamb, 1994, p. 126–128]. Под «свободным» в названии правительства имелась в виду свобода от Индии. После окончания вооруженного конфликта между двумя соседями и подписания в июне 1949 г. соглашения о прекращении огня Пакистан передал временному правительству контроль над полосой земли площадью в 13 тыс. кв. км, примыкающей на севере к Кашмирской долине, а на юге к области Джамму (*илл. 1*). В дальнейшем самопровозглашенное государство Азад Джамму и Кашмир, или коротко Азад Кашмир, сохраняло формальную самостоятельность, но, признавая зависимость от Пакистана в вопросах обороны, следовало за пакистанскими конституционными и политико-юридическими изменениями. Так, в 1960 г. там — вслед за Пакистаном, проводившим после первого военного переворота 1958 г. эксперимент с непрямой многоступенчатой демократией — была учреждена система выборов в органы «базовой демократии». Позднее от нее, как и в Пакистане, отказались, а в 1974 г. приняли действующий до сего времени временный конституционный акт (указ), устанавливающий систему управления опять же по пакистанскому образцу [Ali, Rehman, 2001, p. 121–125]. Подчеркнем, что все законодательные указы не случайно носили временный характер. Не признавая законность присоединения княжества Джамму и Кашмир к Индии, Пакистан не желал юридически закреплять его раздел.

В соответствии с актом 1974 г., в «свободном штате Джамму и Кашмир» вводилась должность президента, избираемого взрослым населением, Законодательное

[1] Подробнее о штате Джамму и Кашмир в системе индийского федерализма см.: [Шаумян, 2012, с. 537–541].

[2] Конфликт спровоцировало поддержанное Пакистаном наступление отрядов пуштунских племен на столицу княжества Сринагар и последующее подписание правителем Хари Сингхом акта о присоединении Джамму и Кашмира к Индии.

собрание, избираемое тем же прямым путем (раз в пять лет), учреждались Высший и Верховный суды и некоторые другие органы. Важно, что все эти институты могли функционировать лишь в условиях подчинения властям Пакистана, что находило четкое отражение в учреждении «Совета Азад Джамму и Кашмира» во главе с премьер-министром Пакистана и президентом «государства в государстве» как его заместителем. [Ali, Rehman, 2001, p. 120–121]. Штаб-квартира Совета и его секретариат располагаются в Исламабаде, а столицей Азад Кашмира стал город Музаффарабад. У Азад Кашмира имеются не только собственный флаг и гимн, но и свой бюджет и отдельная финансово-налоговая система.

Илл. 1. Карта Кашмира (по: Political Map of Kashmir // *Nations Online Project*. URL: nationsonline.org/oneworld/map/Kashmir-political- map.htm (дата обращения 27.09.2019))

В эпоху правления в Пакистане армии в 1977–1988 гг. президентом Азад Кашмира назначались военные, но с 1991 г. регулярно проводились выборы в легислатуру на партийной основе при существовании общепакистанских и местных

партий. Избираемый законодательным собранием премьер формировал правительство. Последний раз выборы проводились в 2016 г.[3]

Согласно опубликованным в печати сведениям о населении Азад Кашмира по переписи 2017 г., численность жителей там равнялась 4,5 млн. человек [4]. В административно-политическом отношении Азад Кашмир состоит из 10 округов (дистриктов), объединенных в три области (дивижин). Плотность населения превышает 300 человек на кв. км. Основная масса (1,6 млн. человек) приходится на самую крупную по площади южную область Мирпур. В северной области Музаффарабад проживает немногим более 1 млн. человек, остальное население обитает в средней между ними области Пунч, исторический центр которой, одноименный город, расположен в индийской части Джамму и Кашмира.

Основное занятие населения — сельское хозяйство. Благодаря дождям, выпадающим как летом, так и зимой, земледелие возможно без искусственного орошения, но на ограниченной площади. Урожаи в целом невысоки, а уровень жизни большинства остается низким, хотя и несколько более высоким, чем во многих других районах страны. Азад Кашмир превосходит их в частности по развитию системы начального образования и грамотности (школу посещает более 90 % мальчиков и девочек). Вместе с тем, он отстает от средних для Пакистана показателей по доле лиц с высшим образованием. Потому, видимо, велико стремление людей, особенно молодых, уехать в крупные города Пакистана и за границу.

С конца 1960-х гг. в Англии резко выросла община эмигрантов — выходцев из Мирпура. Старый город под этим названием был затоплен водохранилищем крупной плотины Мангла на реке Джелам. Часть жителей города, получивших компенсацию, использовали ее для переезда в Англию. Цепная миграция (цепь родственников) привела к укоренению выходцев из Азад Кашмира в Европе и их активному лоббированию кашмирского вопроса на международной арене[5].

Между тем, большинство жителей Азад Кашмира не являются кашмирцами по языку (к ним принадлежит лишь меньшинство жителей долины реки Нилам; в Индии ее называют Кишанганга). Основная часть говорит на диалектах панджабского языка. Имеются также носители дардских языков — помимо кашмирцев, это, прежде всего, шина. Этническими в определенном смысле можно считать различия между людьми по кастам, т. е. по традиционному роду занятий, социальному положению и самоидентификации. Выделяются высокие касты, такие, как судханы (пуштунского происхождения), раджпуты, мугхалы (моголы) и аббаси, а также средние земледельческие касты джатов и аванов, и более низкие — горные, скотоводческие (гуджары, кашмири)[6].

---

[3] Azad Jammu and Kashmir // *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Azad_Kashmir (дата обращения 29.07.2019); Prime-Minister of Azad Kashmir // *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Prime_Minister_of_Azad_Kashmir (дата обращения 29.07.2019).

[4] Census 2017: AJK population rises to over 4 m // *The Nation*. 13.08.2017. URL: https://nation.com.pk 27-Aug.2017/census-2017-ajk-population-rises-to-over-4m (дата обращения 13.08.2017).

[5] Подробнее об обсуждении Кашмирского вопроса на международном уровне и деятельности многочисленных правозащитных организаций, опирающихся в немалой степени на поддержку диаспоры из Азад Кашмира см.: [Шаумян, 2012, с. 557–560].

[6] Azad Jammu and Kashmir // *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Azad_Kashmir (дата обращения 29.07.2019).

Азад Кашмир практически является частью Пакистана. Каких-либо движений или общественных настроений за отделение от Пакистана и создание собственного кашмирского государства там не наблюдалось и не наблюдается. Это существенно отличает ситуацию в пакистанской части Джамму и Кашмира от положения на индийской территории бывшего княжества[7].

Появление отдельной от Азад Кашмира политико-административной единицы, нынешней области Гилгит-Балтистан (долгое время носила название «Федерально-управляемые Северные территории») связано с существованием зависимой от правителя Джамму и Кашмира высокогорной местности к северо-западу от Кашмирской долины. Англичане помогли кашмирским правителям утвердить сюзеренитет над наследственными владетелями Хунзы, Нагара, Астора и других мест в стратегически значимом для них регионе, где сходились границы Российской империи, Китая и Афганистана. В целях контроля над регионом они образовали Гилгитское политическое агентство. Расквартированные там полувоенные формирования осенью 1947 г. объявили о присоединении Гилгита к Пакистану [Lamb, 1994, p. 118–120]. В апреле 1949 г. пакистанские власти заключили соглашение с правительством Азад Кашмира о принятии на себя обязанностей управления Гилгитом, в состав которого тогда входила и расположенная к востоку от него область Балтистан, населенная тибетоязычными балтами [Ali, Rehman, 2001, p. 136].

Таким образом, федеральный центр Пакистана с самого начала отделил бывшее агентство Гилгит от Азад Джамму и Кашмира. Предпринятая в 1974 г. попытка определенных сил в Азад Кашмире оспорить законность такого отделения в местных судебных инстанциях натолкнулась на жесткий отпор Исламабада [Ali, Rehman, 2001, p. 126–128]. Там в полной мере оценили особое экономическое и стратегическое значение обширного высокогорного края, через который уже началось сооружение Каракорумского шоссе, соединившего Пакистан с Синьцзян-Уйгурским автономным районом КНР. В том же 1974 г. пакистанское правительство ликвидировало Хунзу — последнее из остававшихся в стране княжеств. Претензии его правителей традиционно распространялись на область по восточному склону Каракорумского хребта. Это подтвердило заявленный еще в 1963 г. отказ Пакистана в пользу Китая от территорий, обозначаемых на колониальных и постколониальных индийских картах как принадлежащие Индии [Белокреницкий, Москаленко, Шаумян, 2003, с. 68]. Построенное при активном участии китайской стороны Каракорумское шоссе было торжественно открыто в 1978 г., но эксплуатируется до сих пор лишь в летнее время года. Из столичной агломерации Исламабад-Равалпинди шоссе ведет к местечку Чилас,

[7] Недовольство мусульман порядками, которые установили в Кашмире индийские власти, нарастало постепенно. Поначалу в Конституции Республики Индия имелись не только статьи 370 и 35А, отмененные в августе 2019 г. парламентом Индии по предложению правительства *Бхаратия джаната парти*, но и некоторые другие статьи, дававшие штату знаки автономности и уважения его мусульманского большинства. Они были отменены в начале 1960-х гг., тогда как еще в 1952 г. индийский лидер Дж. Неру, выступая в парламенте, заявлял: «Я хочу подчеркнуть, что только народ Кашмира может решить будущее Кашмира. Это не просто слова, которые мы сказали Объединенным нациям и народу Кашмира: это наше убеждение и мы подтверждаем это политикой, которую проводим не только в Кашмире, но и повсюду». Цит. по: [Шаумян, 2012, с. 536–537]. О, как далеко от нас ушли те времена, когда кашмирцам давали понять, что они хозяева в своем доме.

затем к Гилгиту и далее к перевалу Хунджраб через Каракорум, расположенному на высоте 4693 м над уровнем моря.

Более тесная привязка области к Пакистану проявилась, в частности, в том, что военное положение при генерале М. Зия уль-Хаке (1977–1985 гг.) вводилось в Северных территориях, но не в Азад Кашмире [Ali, Rehman, 2001, p. 138]. После отмены военного положения представители Северных территорий получили статус наблюдателей в пакистанском парламенте. В 2009 г. Пакистан предоставил региону права автономии, переименовав его в Гилгит-Балтистан. В результате реформы там появились премьер-министр и избираемый населением законодательный орган, однако реальную власть сохранил назначаемый Исламабадом губернатор. Регион превратился в «полупровинцию», не представленную в пакистанском парламенте.

Площадь Гилгит-Балтистана в шесть раз больше Азад Кашмира — 73 тыс. кв. км, а население уступает ему чуть более чем вдвое, составляя, по оценкам на 2015 г., 1,8 млн. человек[8]. Административно регион подразделяется, как и Азад Кашмир — по чистому совпадению — на 10 округов и три области — Гилгит, Балтистан, с центром в Скарду, и Диамир (Чилас).

Высокогорная область традиционно отличалась редким населением, Горцы говорят по преимуществу на языках дардской группы (шина, ховар, кохистани). Число жителей быстро растет по экономическим и политическим причинам. Последние, в частности, были связаны с политикой пакистанских властей при Зия уль-Хаке, который стремился «разбавить» на 85 % шиитское — имамитское и исмаилитское — население суннитами, поощряя их миграцию. Ныне поголовно мусульманское население, включая тибетское по языку, принадлежит к последователям суннизма (30 %), шиизма (39 %) и исмаилизма (24 %; к последнему близки верования отдельной группы нурбахши[9]) [Ali, Rehman, 2001, p. 141–143].

Столичный округ и Панджаб

Переходя к основной, никем не оспариваемой территории Пакистана, площадь которой по разным оценкам колеблется в районе 800 тыс. кв. км, следует начать, наверное, со столичного округа. В течение 12 первых лет он был расположен на юге страны в Карачи. В 1959 г. после военного переворота власти приняли решение о переносе столицы на север, временно в Равалпинди. Рядом с этим гарнизонным городом в 1970-х гг. обосновалась постоянная столица под символическим названием «город ислама» — Исламабад. Площадь столичного федерального округа равна 1,2 тыс. кв. км, городская часть при этом составляет 906 кв. км, а ее население по переписи 2017 г. равно 1,1 млн. человек. Столица разместилась в северо-западном углу Панджаба

[8] Хотя перепись населения в 2017 г. проводилась и в Азад Кашмире и в Гилгит-Балтистане, их результаты не были представлены на рассмотрение Совета общих интересов (*Council of Common Interests*, CCI), учрежденного Конституцией как парламентский орган для рассмотрения межпровинциальных проблем. Собравшийся в мае 2018 г. Совет решил воздержаться от объявления об окончательных итогах переписи до проведения выборов в июле того года, но скорректированные цифры по численности жителей и данные о языковом составе по провинциям стали достоянием гласности. См.: CCI defers approval of census results until elections // *Dawn, Today's Paper*. 28.05.2018. URL: https://www.dawn.com/news/1410447 (дата обращения 20.09.2019).

[9] Gilgit-Baltistan // *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Gilgit-Baltistan (дата обращения 29.07.2019)

по соседству с провинцией Хайбер-Пахтунхва (долгое время известной как Северо-Западная пограничная). Расположенная на возвышенности (Потварском плато) в предгорьях Гималаев, она отличается умеренным климатом и близостью горных курортов, самый популярный из которых — Марри. Исламабад отличается наивысшим уровнем грамотности взрослого населения (95 %) и наличием большого числа университетов и научных учреждений (около 30). В столичном округе преобладает население, чьим родным языком является панджаби, но его доля снизилась между 1998 и 2017 гг. с 72 до 52 %. При этом пропорция говорящих на пушту выросла с 10 до 19 %, а на урду — с 10 до 12 %. В столице расположена третья по обороту фондовая биржа страны и штаб-квартиры основных компаний, занятых развитием высоких технологий, прежде всего, информационно-коммуникационных[10].

Илл. 2. Карта Пакистана
(по: Map of Pakistan // *Mapsworld.com*. URL: mapsworld.com/Pakistan (дата обращения 27.09.2019))

Панджаб является, без сомнения, главной провинцией Пакистана, его душой и сердцем (*илл. 2*) На площади, составляющей примерно 26 % всей территории

[10] CCI defers approval of census results until elections // *Dawn, Today's Paper*. 28.05.2018. URL: https://www.dawn.com/news/1410447 (дата обращения 20.09.2019); Islamabad Capital Territory // *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Islamabad_Capital_Territory (дата обращения 29.07.2019).

государства (205 тыс. кв. км), проживает, согласно переписи 2017 г., 110 млн. человек, т. е. более половины населения (53 %). Основная часть жителей состоит из тех, кто считает родным языком панджаби (в письменной форме используется шрифт шахмукхи на основе арабской графики, что характерно и для всех остальных местных языков, включая урду). В то же время на северо-западе провинции родным языком для основной части населения является потхохари (потварский), а на юге и юго-востоке — сирайки. Долгое время сирайки считался диалектом панджаби, однако в 1970-е гг. в южных областях провинции развернулось движение за его признание самостоятельным языком, и с переписи 1981 г. он стал учитываться как таковой. В 2017 г. панджабский язык родным назвали 70 % жителей провинции (по переписи 1998 г. — 75 %) , сирайки — 21 % (в 1998 г. — 17 %), урду — 5 %, прочие языки (пушту, белуджский, синдхи) — 3 % (потварский учитывался, очевидно, как диалект панджаби)[11].

В административном отношении провинция состоит из 10 областей и 36 округов. Последние делятся на 146 *техсилов* (уездов) и 7,6 тыс. соседских общин, имеющих избираемый совет (*Union Council*). Выборы в местные органы власти проходят в Панджабе, как и в других провинциях, не одновременно с парламентскими выборами. Это особая форма низовой демократии, утвердившаяся на государственном уровне с начала 1960-х гг. (см. выше) Система местного самоуправления в сочетании с назначаемыми сверху чиновниками претерпевала со временем различные изменения, но не принципиального характера. Она уходит корнями в существование в деревнях и городских кварталах *панчаятов*, местных советов из наиболее авторитетных членов общины. Сочетание власти выборных и назначаемых должностных лиц не всегда складывается гладко и проходит, как правило, при доминировании сверху. Тем не менее, система сохраняется в Пакистане, Индии и других странах Южной Азии и служит немаловажным инструментом согласования при решении местных проблем.

Субстратным институтом панджабского социума, его подосновой, надо считать *бирадари* (братства). Члены бирадари имеют, как правило, общую «фамилию» (джанджуа, ватту, кияни и т. д.) и относятся к высшим (*раджпутским*) или средним (*джатским*) этнокастовым группам. Помимо деления на эти группы, имеет некоторое значение связь по происхождению из профессиональных каст, например, *араинов* (огородников), деревенских ремесленников и «слуг общины» («*камми*») [Белокреницкий, 1993, с. 229; A History of Pakistan, 2004, p. 203–204].

Основная масса населения Панджаба (почти 70 млн. человек) проживает в сельской местности. На города приходится 37 % жителей (40 млн.). С точки зрения демографического роста провинция отстает от других и в целом от страны. Между 1998 и 2017 гг. среднегодовой прирост в провинции равнялся 2,1 %, в то время как в Пакистане был равен 2,4 %[12]. Городское население Панджаба увеличивалось в среднем на 2,7 % в год, а сельское — на 1,8 %. Причины необычно высоких для нынешнего времени темпов увеличения числа жителей Пакистана уже становились предметом рассмотрения в нашей научной литературе [Каменев, 2018]. Не затрагивая здесь этот вопрос, ограничимся указанием на более низкие по сравнению со страной в целом

[11] CCI defers approval of census results until elections // *Dawn, Today's Paper*. 28.05.2018. URL: https://www.dawn.com/news/1410447 (дата обращения 20.09.2019).
[12] Census-2017 Pakistan. Table 1. Provisional Province Wise Population by Sex and Rural/Urban // *Pakistan Bureau of Statistics*. URL: https://www.pbs.com.pk (дата обращения 12.07.2019).

темпы прироста панджабских сельских жителей (почти на 0,5 %). Это свидетельствует, вероятно, о более высоком уровне жизни в панджабской деревне, поскольку в условиях Пакистана, да и других стран Южной Азии, он обычно обратно коррелирует с демографическим давлением.

Касаясь уровня жизни и распространения бедности, следует иметь в виду характерные для Панджаба глубокие региональные различия. Его северо-восточные, восточные и центральные области (Гуджранвала, Шейхупура, Лахор, Фейсалабад, Сахивал и отчасти Саргодха) относятся к экономически более богатым и развитым, будучи расположены в зонах искусственного орошения. Пакистан, заметим, обладает крупнейшей в мире единой системой ирригации на базе одного речного бассейна, охватывающей площадь примерно в 20 млн. га (200 тыс. кв. км) [Gilmartin, 2015, p. 237–239]. Эффективно вода Инда и его притоков используется как раз в центральных и восточных районах Панджаба. Кроме того, на северо-востоке, в предгорьях Гималаев, в округах Сиялкот и Наровал области Гуджранвала, выпадает достаточно осадков в период муссонных дождей и возможно неполивное (богарное) земледелие. Доля бедняков там самая низкая в стране (менее 10 %). Северо-запад и запад провинции, область Равалпинди и расположенные к югу от нее округа области Саргодха отличаются засушливостью, в целом характерной для большей части территории Пакистана. Уровень жизни сельского населения в этих местах ниже, но более всего он низок в южных областях — Мултане, Бахавалпуре и Дерагазихане. На них, между тем, приходится более половины площади провинции (110 тыс. кв. км) и примерно треть жителей (35 млн. человек).

Южный Панджаб находится в зоне среднего течения Инда в регионе слияния с ним основных левобережных притоков, образующих короткие русла Тримаб и Панджнад. Эту часть Панджабской равнины характеризует особая засушливость и жесточайшая жара (45–50 градусов по Цельсию в мае–июле). Ирригационные сооружения позволяют оросить и использовать для земледелия лишь относительно небольшую площадь. Все это сказывается на жизни людей — уровень бедности в наиболее неблагополучном округе Раджанпур области Дерагазихан превышает 60 % (по национальной шкале)[13].

Панджабский юг заселен в основном носителями языка сирайки. Это обстоятельство и отмеченные социально-экономические особенности региона давно породили стремление к отделению от Панджаба и образованию отдельной провинции. Осуществлению этих планов мешает нежелание панджабской элиты из северных областей потерять господствующее с точки зрения демографии положение провинции, а также наличие на юге двух центров политического влияния — Мултана (древнего культурно-религиозного центра) и Бахавалпура, столицы бывшего княжества, вошедшего при разделе колониальной Индии в состав Пакистана. Вопрос о южнопанджабской автономии и новой провинции глубоко и всесторонне рассматривался в нашей литературе [Ганковский, 1993, с. 178–183; Филимонова, 2016, с. 689–698]. В мае 2019 г., одобрив 26-ю поправку к Конституции, нижняя палата пакистанского парламента предложила спикеру создать комиссию для рассмотрения

[13] Punjab, Pakistan // *Wikipedia.* URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Punjab,_Pakistan (дата обращения 02.08.2019).

вопроса о создании отдельной провинции на юге Панджаба[14]. Стоит отметить, что южные панджабские районы отличает не только невысокая плотность населения, но и слабая урбанизированность. В Дерагазихане в городах проживает менее пятой части, а в Бахавалпуре и Мултане — около четверти населения[15].

Самой «городской» панджабской областью является Лахорская — 13 млн. жителей из 19 проживают в городах (68 %). Причем население Лахора, второго по величине пакистанского города, растет стремительно, с 5,2 млн. в 1998 г. до 11,1 млн. человек в 2017 г. (среднегодовой прирост 4,1 %). Этот известный со средневековья город при шахах Акбаре и Джехангире несколько десятилетий был столицей Могольской империи, а затем почти век — главным городом сикхского государства. Ныне он быстро обновляется, превращаясь в ведущий промышленный, финансовый и образовательный центр Пакистана.

Военной столицей страны считается другой панджабский город — Равалпинди. Там расположены штаб-квартиры армии, других видов вооруженных сил, военные образовательные учреждения. Вместе с находящимся рядом Исламабадом он образует, по сути, единую городскую агломерацию с числом жителей в 3,2 млн. человек. Ровно такое же количество обитателей последняя перепись зарегистрировала в Фейсалабаде[16]. В отличие от Исламабада-Равалпинди город Фейсала — не административный, а промышленный и сельскохозяйственный центр провинции и всей страны. Население еще двух панджабских городов, Гуджранвалы и Мултана, колеблется в районе 2 млн., а по доле горожан после Лахорской лидируют области Равалпинди, Фейсалабад и Гуджранвала[17].

Синд и главный город Карачи

Основной провинцией юга страны является Синд. Его площадь, охватывающая Синдскую низменность, т. е. нижнюю часть течения Инда и его дельту, равна 141 тыс. кв. км. Синд уступает Панджабу порядка 60 тыс. кв. км, а вместе они покрывают почти всю равнинную часть Пакистана (более двух пятых его территории). Количество жителей Синда, согласно последней переписи, — 48 млн. человек, и это единственная провинция, где городское население (25 млн.) превышает сельское. Демографический рост между переписями 1998 и 2017 гг. был близок к общепакистанскому, а численность горожан увеличивалась незначительно более высокими темпами, нежели сельских жителей[18]. Зафиксированные в 2017 г. пропорции сложились раньше и связаны в основном с существованием в дельте Инда крупнейшего населенного пункта страны — города-порта Карачи.

---

[14] NA unanimously passes 26th Amendment Bill // *The Express Tribune*. 13.05.2019 URL://http://www.tribune.com.pk/1971995/1-un-unauimously-passes-26th-Amendmen-Bill (дата обращения 02.09.2019).

[15] Census-2017 Pakistan. Table 1. Provisional Province Wise Population by Sex and Rural/Urban // *Pakistan Bureau of Statistics*. URL: https://www.pbs.com.pk (дата обращения 12.07.2019).

[16] Назван в честь короля Саудовской Аравии Фейсала, убитого в 1975 г. своим молодым родственником.

[17] Census-2017 Pakistan. Table 1. Provisional Province Wise Population by Sex and Rural/Urban // *Pakistan Bureau of Statistics*. URL: https://www.pbs.com.pk (дата обращения 12.07.2019).

[18] Sindh // *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Sindh (дата обращения 28.08.2019).

Преобладание одного городского центра над остальными не является специфической чертой Пакистана. Более того, согласно последней переписи оно стало заметно меньше, поскольку население Лахора увеличилось более чем на 200 %, а Карачи только на 60 %, с 9,3 до 14,9 млн. человек[19]. И хотя абсолютный разрыв между ними остался прежним (4 млн. человек), относительное превосходство Карачи сократилось со 180 до 130 %.

Обнародование данных о переписи населения Карачи вызвало бурю протестов. Согласно предварительным прикидкам, его численность должна была достигнуть или даже превысить 20 млн. человек[20]. Предположения строились на том, что город в последние десятилетия рос как за счет собственной инерции, так и благодаря миграции из пуштунских и панджабских районов. Переписные данные (а им, видимо, в целом можно доверять) не подтвердили худшие опасения, поскольку ожидавшийся бурный рост, и без того явно перегруженной жителями агломерации, усугубил бы ее проблемы. Заметим, что население Карачинской области оценивается переписью в 16 млн. человек, таким образом, свыше 1 млн. отнесено к жителям сельских населенных пунктов. Именно в этой пригородной зоне наблюдался в межпереписной период близкий к рекордному для страны среднегодовой прирост — 5,6 %[21].

При всех своих проблемах Карачи — главный мотор пакистанской экономики. Помимо крупнейшей фондовой биржи, намного опережающей вторую по размерам лахорскую, в городе имеется несколько промышленных зон с десятками крупных текстильных, автосборочных, химических предприятий, мощный морской порт и аэропорт мирового значения. Карачи — единственное место в стране, где число людей, занятых в организованном секторе, превосходит, пусть и ненамного, работающих в неформальном (малого масштаба) производстве товаров и услуг.

Присутствие Карачи в составе Синда выводит провинцию на первое место в стране по многим экономическим и социальным показателям. Однако оно же создает и немало проблем для провинции. Дело в том, что ее коренное население, синдхи, составляют менее 10 % жителей города, более половины приходится на *мухаджиров* — переселенцев из Индии после 1947 г., а в большинстве своем уже их потомков, чьим родным языком является урду. Небольшую часть мухаджиров составляют гуджаратцы, выходцы из соседнего с Синдом индийского штата, но именно из их среды происходит едва ли не большинство ведущих промышленников и предпринимателей Синда и Пакистана, принадлежащие, как правило, к торгово-кастовым общинам бохра, ходжа и мемонов. Растущая доля обитателей Карачи состоит из панджабцев и особенно пуштунов, в том числе из полосы племен, а также переселенцев из Афганистана.

Борьба за городскую недвижимость между представителями различных этнических групп, прежде всего между мухаджирами и пуштунами, сделала крайне криминогенной обстановку в городе, особенно в начале 2010-х гг., когда туда перебралась часть афганских талибов. После 2013 г. властям удалось заметно снизить

---

[19] Census-2017 Pakistan. Table 1. Provisional Province Wise Population by Sex and Rural/Urban // *Pakistan Bureau of Statistics*. URL: https://www.pbs.com.pk (дата обращения 12.07.2019).

[20] Census missed city's population by 7m: Kamal // *The Express Tribune*. 02.07.2018. URL: https://tribune.com.pk/story/1747396/1-census-missed-city's-population (дата обращения 10.09.2018).

[21] Census-2017 Pakistan. Table 1. Provisional Province Wise Population by Sex and Rural/Urban // *Pakistan Bureau of Statistics*. URL: https://www.pbs.com.pk (дата обращения 12.07.2019).

уровень преступности, но город остался все же одним из самых опасных мест в Пакистане.

Чужеродность Карачи и второго по величине города Синда, Хайдерабада, вследствие доминирования там «новых синдхов» не раз на протяжении истории Пакистана приводила к острым политическим коллизиям. Провинция четко делится на сельскую территорию, где большинство составляют синдхи, и городскую, где они в меньшинстве. Деревенский Синд принадлежит к одному из самых бедных регионов страны. Это объясняется многими причинами, среди которых крайне тяжелые климатические условия, особенно в северной части провинции на стыке с югом Панджаба и западом Белуджистана. Именно этот район, где дневные температуры в мае-июле зашкаливает за 50 градусов и не хватает влаги, породил, как утверждается в литературе, местную поговорку «О Аллах, зачем было тебе, сотворив Севистан (северную часть Синда. — *В. Б.*), беспокоиться еще об аде?» [Спейт, 1957, с. 480].

Более мягкий, благодаря влиянию океана, климат нижней дельтовой части Синда не избавил ее от засух и наводнений. От построенных в 1930–1960-х гг. плотин на Инде веером расходятся оросительные каналы постоянного и паводкового заполнения. Они не только несут воду на поля, но и повышают уровень грунтовых вод, приводя к заболачиванию и засолению огромных участков обрабатываемой земли — от этого бедствия страдает до 80 % всей площади [Морозова, 1991, с. 184–185].

Еще одна причина бедности — социальный строй в деревне, где по-прежнему большую роль играет крупное землевладение, а в социальном плане господствуют, нередко с помощью грубой силы и настоящего террора, местные помещики — *вадеро*. Среди крестьянства велика прослойка бесправных арендаторов, известных под именем *хари*.

Такова в целом этнотерриториальная структура основных по численности населения, центральных и восточных областей современного Пакистана. Вторая часть статьи будет посвящена западным провинциям, Белуджистану и Хайбер-Пахтунхва, а также национально-государственной интеграции и этнонационалистическим движениям.

Литература / References

Белокреницкий В. Я. Этносоциальная структура населения Пакистана // *Западная Азия: этнополитическая ситуация*. Отв. ред. М. С. Лазарев. М., 1993. С. 221–230 [Belokrenitsky V. Ya. Ethno-Social Structure of Pakistani Population // *Western Asia: Ethnopolitical Situation*. M. S. Lazarev (ed.). Moscow, 1993. Pp. 221–230 (in Russian)].

Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н., Шаумян Т. Л. *Южная Азия в мировой политике*. М., 2003 [Belokrenitsky V. Ya., Moskalenko V. N., Shaumian T. L. *South Asia in the World Politics*. Moscow, 2003 (in Russian)].

Ганковский Ю. В. Национальные движения в современном Пакистане // *Западная Азия: этнополитическая ситуация*. М., 1993. С. 157–188 [Gankovsky Yu. V. National Movements in Today's Pakistan // *Western Asia: Ethnopolitical Situation*. Moscow, 1993. Pp. 157–188 (in Russian)].

Каменев С. Н. Демографические процессы в Пакистане // *Восток (Oriens)*. 2018. № 3. С. 133–147 [Kamenev S. N. Demographic Processes in Pakistan // *Vostok (Oriens)*. 2018. 3. Pp. 133–147 (in Russian)].

Морозова М. Ю. Сельское хозяйство // *Пакистан. Справочник*. Отв. ред. Ю. В. Ганковский. М., 1991. С. 180–220 [Morozova M. Yu. Agriculture // *Pakistan. A Reference Book*. Yu. V. Gankovsky (ed.). Moscow, 1991. Pp. 180–220 (in Russian)]

Спейт О. Х. К. *Индия и Пакистан*. М., 1957 [Spate O. H. K. *India and Pakistan*. Moscow, 1957 (in Russian)].

Филимонова А. Л. Бахавалпур, Сераикистан, Южный Панджаб: центробежные устремления в пакистанском Пятиречье // *Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность*. Отв. ред. А. В. Бочковская. М., 2016. С. 676–699 [Filimonova A. L. Bahawalpur, Seraikistan, Southern Punjab: Centrifugal Tendencies in the Pakistani Punjab // *Under the Sky of South Asia. Territory and Sense of Belonging*. A. V. Bochkovskaya (ed.). Moscow, 2016. Pp. 676–699 (in Russian)].

Шаумян Т. Л. Проблема Джамму и Кашмира // *Этничность и религия в современном конфликте*. Отв. ред. В. А. Тишков, В. А. Шнирельман. М., 2012. С. 519–569 [Shaumian T. L. Problem of Jammu and Kashmir // *Ethnicity and Religion in Contemporary Conflicts*. V. A. Tishkov, V. A. Shnirelman (eds.). Moscow, 2012 (in Russian].

A History of Pakistan and Its Origins. Ed. C. Jaffrelot. London, 2004.

Ali S. S., Rehman J. *Indigenous Peoples and Ethnic Minorities in Pakistan. Constitutional and Legal Perspectives*. Richmond, 2001.

Gilmartin D. *Blood and Water. The Indus River Basin in Modern History*. Oakland, 2015.

Lamb A. *Birth of A Tragedy. Kashmir 1947*. Hertingfordbury, 1994.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Azad Jammu and Kashmir // *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Azad_Kashmir (дата обращения 29.07.2019).

CCI defers approval of census results until elections // *Dawn, Today's Paper*. 28.05.2018. URL: https://www.dawn.com/news/1410447 (дата обращения 20.09.2019).

Census 2017: AJK population rises to over 4 m // *The Nation*. 13.08.2017. URL: https://nation.com.pk 27-Aug.2017/census-2017-ajk-population-rises-to-over-4m (дата обращения 13.08.2017).

Census missed city's population by 7m: Kamal // *The Express Tribune*. 02.07.2018. URL: https://tribune.com.pk/story/1747396/1-census-missed-city's-population (дата обращения 10.09.2018).

Census-2017 Pakistan. Table 1. Provisional Province Wise Population by Sex and Rural/Urban // *Pakistan Bureau of Statistics*. URL: https://www.pbs.com.pk (дата обращения 12.07.2019).

Gilgit-Baltistan // *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Gilgit-Baltistan (дата обращения 12.07.2019).

Islamabad Capital Territory // *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Islamabad_Capital_Territory (дата обращения 29.07.2019).

Map of Pakistan // *Mapsworld.com*. URL: mapsworld.com/Pakistan (дата обращения 27.09.2019)

NA unanimously passes 26th Amendment Bill // *The Express Tribune*. 13.05.2019. URL://http://www.tribune.com.pk/1971995/1-un-unauimously-passes-26th-Amendmen-Bill (дата обращения 02.09.2019).

Political Map of Kashmir // *Nations Online Project*. URL: nationsonline.org/oneworld/map/Kashmir-political- map.htm (дата обращения 27.09.2019)

Prime-Minister of Azad Kashmir // *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Prime_Minister_of_Azad_Kashmir (дата обращения 29.07.2019).

Punjab, Pakistan. *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Punjab,_Pakistan (дата обращения 02.08.2019).

Sindh // *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Sindh (дата обращения 28.08.2019).

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СУДОХОДСТВА В СТАМБУЛЬСКОМ КАНАЛЕ

© 2019

А. В. Болдырев*

В настоящее время морской транспорт доминирует по общему объему международных перевозок грузов. В силу своей мобильности, сравнительной доступности цен и возможности доставить груз в любую точку планеты морские перевозки остаются наиболее часто используемым видом транспортировки. Черноморские проливы Босфор и Дарданеллы играют в этом отношении ключевую роль, обеспечивая странам региона кратчайший путь в Средиземное море и Мировой океан. Однако в 2011 г. президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган анонсировал проект Стамбульского канала — искусственного водного пути, призванного стать альтернативным трафиком для увеличивающегося грузопотока через «турецкие» проливы. В статье дается прогноз относительно правового режима судоходства в Стамбульском канале — крупнейшего мегапроекта современной Турции. На сегодняшний день Турция не создала правовую модель регулирования судоходства в канале «Стамбул». По сути, Анкара сталкивается с серьезной дилеммой. Игнорирование конвенции Монтрё приведет к тому, что Россия и другие участники конвенции, а также Международная морская организация ООН (ММО) могут поставить вопрос о статусе «Второго» Босфора. Поэтому, по мнению автора, режим канала «Стамбул» будет определяться «духом Монтрё» с максимальным использованием национального законодательства Турецкой Республики. Это избавит Стамбульский канал от гипотетической оппозиции России и, возможно, привлечет ее в качестве соинвестора в его строительстве. Автор согласен с теми исследователями, которые считают, что участие России в постройке Стамбульского канала даст ей возможность влиять на судоходство в этой новой волной артерии. Турция, однако, не допустит Россию к непосредственному управлению грузопотоками. Неизвестно также, хочет ли сама Турция, чтобы Россия участвовала в реализации проекта.

Ключевые слова: Проект Стамбульского канала, конвенция Монтрё, конвенция ООН по морскому праву 1982 г., правовое регулирование судоходства, Россия, Турция.

ON THE LEGAL REGULATION OF SHIPPING IN THE ISTANBUL CANAL

Andrey V. Boldyrev

Currently, sea transport dominates the total volume of international cargo transportation. Due to its mobility, relatively affordable prices and the ability to deliver goods to anywhere in the world, shipping remains the most commonly used mode of transportation. The Black Sea straits of the Bosphorus and Dardanelles play a key role in this regard, providing the countries of the region with the shortest access to the Mediterranean Sea and the World Ocean. However, in 2011, Turkish President Recep Tayyip Erdogan announced the project of the Istanbul Canal — an artificial waterway designed

* Андрей Викторович БОЛДЫРЕВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; boldirew.andrei2011@yandex.ru

Andrey V. BOLDYREV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; boldirew.andrei2011@yandex.ru

to become an alternative traffic for increasing cargo through the "Turkish" straits. The article provides a forecast regarding the legal regime of shipping in the Istanbul Canal — the largest megaproject in modern Turkey. In fact, Ankara faces a serious dilemma. Ignoring the Montreux Convention will lead to the fact that Russia and other parties to the Convention, as well as the International Maritime Organization of the United Nations (IMO) may raise the issue of the status of the Istanbul channel. Therefore, according to the author, the Istanbul Canal regime will be determined by the "Montreux Spirit" with the maximum use of the national legislation of the Republic of Turkey. This will save the Istanbul Canal from the hypothetical opposition of Russia, and maybe even attract it as a co-investor in its construction. The author agrees with those researchers who believe that Russia's participation in the construction of the Istanbul Canal will enable it to influence shipping in this new water artery. Turkey, however, will not allow Russia to directly control the cargo flows. It is also unknown whether Turkey itself wants Russia's participation in the project.

Keywords: Istanbul Canal Project, Montreux Convention, 1982 UN Convention on the Law of the Sea, legal regulation of shipping, Russia, Turkey.

В настоящее время морской транспорт доминирует по общему объему международных перевозок грузов. В силу своей мобильности, сравнительно доступных цен и возможности доставить груз в любую точку планеты морские перевозки остаются наиболее часто используемым видом транспортировки. Черноморские проливы Босфор и Дарданеллы играют в этом отношении ключевую роль, обеспечивая странам региона кратчайший доступ в Средиземное море и Мировой океан. Однако в 2011 г. президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган анонсировал проект Стамбульского канала — искусственного водного пути, призванного стать альтернативным трафиком для увеличивающегося грузопотока через «турецкие» проливы. В планы президента Турецкой Республики входит также строительство канала, параллельного Дарданеллам, — из Эгейского моря в Мраморное [Современная Турция, 2019, с. 48]. Однако в данной статье автор будет касаться лишь Стамбульского канала — давно анонсированного и разрабатываемого проекта.

Цель постройки Стамбульского канала, который будет проходить параллельно существующему Босфору, состоит в экологической разгрузке проливов и перенаправлении наиболее опасных грузов (прежде всего, нефтяного транзита) в канал, спроектированный специально для этих целей. Немаловажную роль играет и финансовая сторона вопроса. В отличие от принятой в 1936 г. конвенции Монтрё, регулирующей режим Черноморских проливов, судоходство через Стамбульский канал будет платным и сумма эта немалая — около 44 долларов США за тонну груза, что в 10 раз выше нынешней цены в Босфоре[1]. В первую очередь это ударит по интересам России, поскольку более 93 % поставок российской нефти в западном направлении приходится на европейские страны, и проливы играют здесь ключевую роль. Однако проблема платного трафика через «Второй» Босфор для России и других стран — Азербайджана, Казахстана, Украины, а также Греции и Республики Кипр — гипотетическая, поскольку сам канал пока еще находится в стадии проектной разработки. Несмотря на то, что Стамбульский канал был широко разрекламирован как подарок населению Стамбула к столетней годовщине Турецкой Республики — 2023 г.,

[1] Дузь С. Канал «Стамбул» может изменить расклад сил в регионе и отменить Договор Монтрё от 1936 г. // *Versia.am*. 27.04.2013. URL: http://www.versia.am/cannal-stambul-mojet-izmenit-rasklad-sil-v-regione/ (дата обращения 15.08.2019).

реальные работы по его строительству пока не начались — в 2018 г. на маршруте были проведены лишь предварительные земляные работы (17 тыс. куб. м), чтобы выяснить потенциальное экологическое воздействие [Болдырев, 2018, с. 127]. По итогам работ Министерством транспорта и инфраструктуры был подготовлен благоприятный Отчет о влиянии на окружающую среду (ОВОС) — последний этап, перед тем как будет объявлен тендер. Официальные сроки сдачи Стамбульского канала в эксплуатацию, перенесены с 2023 на 2025 г.[2]

Реализации планов турок мешает правовая сторона вопроса, поскольку попытка перенаправить водный транспорт в искусственный пролив есть не что иное как изменение действующей конвенции Монтрё 1936 г. (далее — КМ-36), на что у Анкары нет исключительного права (другая сторона — финансовая, еще более острая для турок)[3]. На сегодняшний день неясна даже географическая сфера действия новых правил. Еще в 2014 г. директор Исследовательского центра морского права и преподаватель юридического факультета Стамбульского университета Долунай Озбек справедливо отметила, что проект канала охватывает только часть маршрута, поскольку новый пролив доходит лишь до Мраморного моря. По ее словам, применимость национального трафика к «неканальной» части Монтрё может создать проблемы и даст повод обвинить Турцию в одностороннем нарушении КМ-36[4]. Что же касается правовой базы будущего судоходства, то по информации газеты *Sözcü*, в конце 2018 г. в ответ на парламентские запросы правительство заверило, что «условия прохода будут определяться исключительно авторитетом нашей страны». Министр транспорта и инфраструктуры Турции Мехмет Джахит Турхан заявил, что в отличие от Босфора, военного трафика через Стамбульский канал не будет[5]. Заявление Турхана, однако, не соответствует действительности. По данным ИМЭМО, пока теоретически, но с согласия турецких властей нахождение любого иностранного военного корабля водоизмещением не более 10 тыс. тонн, не заходящего в акваторию Черного моря, в новом турецком канале уже может быть не ограничено конвенционным лимитом в 21 сутки [Современная Турция, 2019, с. 49]. В начале 2019 г. турецкий министр, объявив о завершении проектных работ, сказал, что «второй Босфор» будет открыт для морских перевозок без какого-либо нарушения положений КМ-36[6]. Тем самым де-факто было признано временное распространение действия конвенции на будущий канал.

23 марта 2016 г. в Великое Национальное Собрание Турции (ВСНТ) был передан пакет законов, разработавших юридическое положение Стамбульского канала,

---

[2] Kanal İstanbul 2025'te tamamlanacak! // *Emlakkulisi.com*. 22.03.2019. URL: http://www.emlakkulisi.com/kanal-istanbul-2025te-tamamlanacak/602117 (in Turkish) (дата обращения 06.09.2019).

[3] Подробнее о финансовых проблемах Стамбульского канала см.: [Соснов, 2018].

[4] The "transit law" requirement for Kanal Istanbul // *Railly News*. 10.11.2014. URL: https://raillynews.com/2014/11/The-Law-of-Istanbul/ (дата обращения 15.08.2019).

[5] Channel Istanbul's Legal Status Announced // *Railly News*. 06.12.2018. URL: https://en.rayhaber.com/2018/12/kanal-istanbulun-hukuki-statusu-aciklandi/ (дата обращения 15.08.2019).

[6] 3 Storey Grand Istanbul Tunnel and Canal Projects in Istanbul OK // *Railly News*. 07.02.2019. URL: https://raillynews.com/2019/02/3-multiplied-by-big-Istanbul-tunel-and-canal-in-Istanbul/ (дата обращения 15.08.2019).

в результате чего последнему присвоен статус «водного пути»[7]. В 2017 г. законопроекты, легализующие статус Стамбульского канала, были приняты турецким парламентом. В отличие от Босфора, который в соответствии с КМ-36 считается «международным водным путем», канал «Стамбул» получил юридический статус «внутреннего водного пути»[8]. Напомним, однако, что, в отличие от проливов, каналы являются искусственно созданными морскими путями; правовой режим каналов, используемых для международного судоходства, обычно определяется международными соглашениями[9]. Формально это не является обязательным, поскольку согласно конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (далее — КМП-82), ничто не затрагивает «правового режима проливов, проход в которые регулируется в целом или частично давно существующими и находящимися в силе международными конвенциями, которые относятся специально к таким проливам» (ст. 35 КМП-82)[10]. Тем не менее, по мнению специалистов ИМЭМО, Стамбульский канал в этом случае может перейти в категорию водных путей с международным судоходством, что согласно КМП-82, сделает его свободным для торгового и военного транзита без всяких ограничений [Современная Турция, 2019, с. 48–50]. Свои выводы авторы доклада базируют на прецедентах с Суэцким, Панамским и Кильским каналами, национальные регламенты которых, делают проливы открытыми для прохода судов всех наций[11].

Это не соответствует планам Анкары, имеющей богатый опыт регулирования грузопотоков через Босфор и Дарданеллы с использованием национального законодательства. В 1994, 1998, 2002, 2005 гг. Турция фактически навязала черноморским (и не только черноморским) государствам разрешительный порядок судоходства через проливы [Суржин, 2011, с. 19], что противоречит принципам Монтрё: ст. 1 КМ-36 гарантирует свободу торгового судоходства через проливы[12]. Таким образом, принятие законопроектов о Стамбульском канале лишь легализовало проект. Правовая база для судоходства создана не была. По сути, основополагающим актом принятого Пакета стал Закон № 3996, разработавший юридическую схему

---

[7] Kanal İstanbul'un yasal düzenlemesi mecliste1 // *Liderhaber*. 23.11.2016. URL: http://www.liderhaber.org/kanal-istanbulun-yasal-duzenlemesi-mecliste1-352h.htm (in Turkish) (дата обращения 06.09.2019).

[8] Channel Istanbul's Legal Status Announced // *Railly News*. 06.12.2018. URL: https://en.rayhaber.com/2018/12/kanal-istanbulun-hukuki-statusu-aciklandi/ (дата обращения 14.08.2019).

[9] Понятие и правовой режим международных проливов // *Lib.sale*. URL: https://www.lib.sale/mejdunarodnoe-pravo-besplatno/ponyatie-pravovoy-rejim-mejdunarodnyih.html (дата обращения 06.09.2019).

[10] Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву // *United Nations*. С. 35. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения 06.09.2019).

[11] Значение международных каналов и проливов с точки зрения современного международного права, их правовой режим // *Megalektsii.ru*. URL: https://megalektsii.ru/s32605t9.html (дата обращения 06.09.2019).

[12] Конвенция о режиме проливов (г. Монтрё, 1936) // *Викитека*. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%BE_%D1%80%D0%B5%D0%B6%D0%B8%D0%BC%D0%B5_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%B2%D0%BE%D0%B2_(%D0%B3._%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B5,_1936)#%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_I (дата обращения 06.09.2019).

строительства канала[13]. Декларируя примат национального законодательства в вопросе о судоходстве, турецкая сторона в итоге признала отсутствие подвижек в этом вопросе. Как уже отмечалось, в случае успеха задуманного вплоть до введения национальных правил в канале «Стамбул» будет установлен «переходный режим» — режим КМ-36[14].

Перспектива введения новых правил судоходства ставит под вопрос судьбу самого Монтрё. Появление нового водного пути, прохождение через который будет определяться законодательством Турции, создает условия для легитимации в Черном море двух параллельных правовых режимов — КМ-36 и Национального Регламента Турецкой Республики. Поэтому возникновение на карте региона канала «Стамбул» — это юридический повод для того, чтобы КМ-36 была скорректирована. В документе нет ни одного положения, касающегося того, как именно Турция собирается распределять судоходное движение при появлении альтернативных маршрутов следования между Мраморным и Черным морями[15]. С другой стороны, несмотря на то, что в разработке регуляторов проливного судоходства у Анкары богатый опыт [Болдырев, 2009, с. 8–14], подготовка Регламента, сравнимого по своему значению с КМ-36 и Лозаннской конвенцией 1923 г., вызвала среди турецких экспертов сомнения в его целесообразности. Главная претензия состоит в том, что неопределенный международный правовой статус будущего канала создает опасную юридическую пустоту. По мнению турецких политологов Менсура Акгюна и Сильвии Тирьяки, «коллапс конвенции Монтрё, которая защищает интересы Турции, является одним из возможных результатов проекта Стамбульского канала». Акгюн и Тирьяки утверждают, что осуществимость проекта действительна только после внесения изменений в КМ-36. Это чревато тем, что «может привести к тому, что подписавшие его лица будут ставить под сомнение законность конвенции в нынешних условиях»[16]. Иными словами, режим КМ-36 может быть заменен принципом права свободы прохода и мореплавания в Проливах, что согласно ст. 28 КМ-36, устанавливается навечно[17]. Если учесть, что в ст. 1. КМ-36 не проводится различий между военными кораблями и коммерческими судами, то «можно сказать, что в случае краха конвенции Монтрё принцип свободы

[13] Kanal İstanbul' projesi için özel yasal düzenleme geliyor // *Sol Haber Portali*. 23.07.2018. URL: http://haber.sol.org.tr/turkiye/kanal-istanbul-projesi-icin-ozel-yasal-duzenleme-geliyor-243542 (in Turkish) (дата обращения 06.09.2019).

[14] Channel Istanbul's Legal Status Announced // *Railly News*. 06.12.2018 URL: https://en.rayhaber.com/2018/12/kanal-istanbulun-hukuki-statusu-aciklandi/ (дата обращения 15.08.2019).

[15] Для кораблей НАТО может появиться новый путь. Канал «Стамбул» может разрушить режим безопасности в регионе // *MK.RU: Московский комсомолец*. 24.03.2019. URL: https://www.mk.ru/politics/2019/03/24/dlya-korabley-nato-mozhet-poyavitsya-novyy-put.html?%20utmsource=pulse_%20mail_%20ru&utm%20_referrer=%20https%3A%2F%%202Fpulse.mail.ru (дата обращения 06.09.2019).

[16] Akğün M., Tiryaki S. The Political Feasibility of the Istanbul Canal Project // *Global Political Trends Center* (*GPoT*). 2011. 27. P. 1–6. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/132972/PB27_2011_IstanbulCanalProject_Akgun_Tiryaki.pdf (дата обращения 06.09.2019).

[17] Конвенция о режиме проливов (г. Монтрё, 1936) // *Викитека*. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%BE_%D1%80%D0%B5%D0%B6%D0%B8%D0%BC%D0%B5_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%B2%D0%BE%D0%B2_(%D0%B3._%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B5,_1936)#%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_I (дата обращения 06.09.2019).

транзита также будет применяться к военным кораблям во времена мира»[18]. При этом коммодор турецких ВМС Турции в отставке, военный юрист Али Курумахмут подчеркивает, что «если конвенция будет прекращена, а новая конвенция не согласована», Турция, сохранив полномочия регулятора проливов, не сможет влиять на ситуацию в Черном море вне своих территориальных вод — иными словами, ситуация вернется к временам Лозанны (в период действия конвенции о проливах, приложенной к Лозаннскому договору 24 июля 1923 г., доступ в Проливы был открыт для неприбрежных государств без серьезных ограничений. — *А. Б.*)[19].

В США не скрывают, что, в случае создания дополнительного рукава в Черное море, они намерены усилить там свое присутствие. В начале мая 2019 г. в американском аналитическом журнале *The National Interest* была опубликована статья обозревателя и конгрессмена Майкла Маккола, в которой автор утверждал, что Соединенным Штатам пора на регулярной основе обеспечить беспрепятственный проход кораблей ВМС США в Черное море[20]. Подобная ситуация весьма неприятна для турок. Автор настоящей статьи имеет все основания утверждать, что для турецких военных экспертов (в прошлом многие из них имели адмиральское звание) она подобна тому кошмару, который во второй половине XIX в. испытывала российская общественность по поводу возможного повторения крымской коалиции [Болдырев, 2019, с. 12–15].

Между тем необходимость ревизии КМ-36, принятой более 80 лет назад, в силу анахронизмов многих ее положений осознается как в Турции и России, так и в других странах региона. По мнению А. А. Салимгирея — директора Института государства и права Казахского национального университета, в настоящее время правовые режимы Балтийского, Черного, Азовского и Каспийского морей нуждаются в переформатировании [Салимгирей, 2012, с. 127]. А. С. Суржин, исследовавший в свое время международно-правовой режим Черного моря, пришел к выводу, что многие положения КМ-36 «необходимо привести в соответствие с реалиями сегодняшнего дня согласно процедуре, установленной Конвенцией, с учетом интересов всех прибрежных государств и по согласованию с Международной морской организацией (ИМО)» (далее — ММО ООН) [Суржин, 2011, с. 10]. Оба исследователя исходят из необходимости не допускать одностороннего толкования Турцией КМ-36 и введения национальных регламентов без согласования с остальными участниками конвенции. Речь идет, прежде всего, о попытке введения турецкого Регламента о судоходстве в 1994 г. и вызвавшего возражения со стороны заинтересованных государств — прежде всего, Греции, Республики Кипр и России. В самой Турции склонны преподносить это не как нарушение КМ-36, а как пересмотр внутренних правил для своих национальных

---

[18] Akğün M., Tiryaki S. The Political Feasibility of the Istanbul Canal Project // *Global Political Trends Center (GPoT)*. 2011. 27. P. 1–6. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/132972/PB27_2011_IstanbulCanalProject_Akgun_Tiryaki.pdf (дата обращения 06.09.2019).

[19] Kurumahmut A. The Montreux Convention, the Turkish Straits and the Black Sea // Oral N., Öztürk B. *The Turkish Straits, Maritime Safety, Legal Environmental Aspects. Turkish Maritime Research Foundation.* 2018. 25. P. 20. URL: http://tudav.org/wp-content/uploads/2018/04/turkish_straits_tudav.pdf (дата обращения 06.09.2019).

[20] Карюков В. Авианосцы ВМС США нашли обходной путь к берегам Крыма // *Soldat.pro*. URL: https: // https://soldat.pro/2019/05/17/avianoscy-vms-ssha-nashli-obhodnoi-pyt-k-beregam-kryma/ (дата обращения 15.08.2019).

служб[21]. Поэтому, переработав в 1998 г. Регламент о судоходстве в более либеральный концепт, сам принцип регулирования морских коридоров турки оставили без изменений. Несмотря на ввод в эксплуатацию в 2013 г. железнодорожного подводного тоннеля «Мармарай», ограничения, введенные турками на проход крупнотоннажных судов через Босфор, не были отменены. После того как 1 сентября 2018 г. в связи со строительством моста через Дарданеллы Минтранс Турции ввел очередные ограничения на прохождение крупнотоннажных судов через Босфор и Дарданеллы, график экспорта российской нефти и нефтепродуктов оказался под угрозой срыва. Введенные ограничения привели к длительным простоям танкеров и повышению стоимости перевозки нефти, а время прохождения нефтеналивных судов через Босфор к началу октября достигло уже 13 суток (в противовес прежним 10 часам)[22]. Согласно информации газеты *Yeni Yaşam,* к началу февраля 2019 г. время ожидания увеличилось до 16 дней. Основной причиной простоев было введение новых правил прохода — в частности, обязательной буксировки судов[23]. На первый взгляд, все это говорит о том, что постепенно Анкара «выдавливает» грузопоток из Босфора, поскольку прокладка искусственного водного пути через свою территорию позволит ей включить «турецкий фильтр» уже на базе собственного законодательства. И хотя турецкие правоведы призывают переключить судоходство в Стамбульский канал «мирными» средствами — у экспертов нет сомнения, что юридических оснований для закрытия Босфора нет[24] — бесплатный трафик через проливы, гарантированный КМ-36, и необходимость окупить затраты на строительство канала, заставляет турок задействовать административный ресурс.

Для этого у них есть и юридические основания — конвенция ООН по Морскому праву, принятая в 1982 г. и введенная в действие в ноябре 1994 г. В соответствии с этим документом, Турция как прибрежное государство имеет право регулировать движение судов, устанавливать морские коридоры, в частности, в отношении танкеров, судов с ядерными двигателями и судов, перевозящих ядерные и другие опасные или ядовитые по своей природе вещества или материалы; предписывать схемы разделения движения для судоходства в проливах; требовать от военного корабля покинуть турецкие территориальные воды в случае, если игнорируются правила прибрежного государства (ст. 22, 41 КМП-82)[25]. Указанные преимущества дали основание некоторым исследователям полагать, что «оптимальное сочетание интересов стран, пользующихся международными проливами, и прибрежных к ним государств»

[21] Правовое положение и статус Черноморских проливов на современном этапе // *Флот3000*. URL: http://flot3000.com/ru/history/1387 (дата обращения 06.09.2019).

[22] Турция стремится переписать результаты Первой мировой войны // *Energyland.info*. URL: http://www.energyland.info/interview-show-582 (дата обращения 06.09.2019).

[23] Hatay, İzmir ve Tekirdağ'da LNG tehdidi // *Yeni Yaşam Gazetesi*. 28.02.2019. URL: https://yeniyasamgazetesi.com/hatay-izmir-ve-tekirdagda-lng-tehdidi (in Turkish) (дата обращения 06.09.2019).

[24] Yılmaz M. E. İstanbul Canal project to open debate on Montreux Convention // *Sea News Turkey (International Shipping Magazine)*. 08.10.2010. URL: https://www.seanews.com.tr/istanbul-canal-project-to-open-debate-on-montreux-convention/39748/ (дата обращения 06.09.2019).

[25] Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву // *United Nations*. С. 37, 46–47. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения 06.09.2019).

нашло отражение в конвенции ООН 1982 г. [26] На сегодняшний день Турция действительно активно использует свое ограниченное участие в КМП-82, однако не спешит передавать регулирование судоходства через проливы под юрисдикцию ООН. Причина этого проста: большинство своих мероприятий, в том числе и регулирование военного трафика, Турция в этом случае будет вынуждена согласовывать с ММО ООН (ст. 22, 41–42 КМП-82)[27]. Как отмечают авторы доклада ИМЭМО, «режим Конвенции Монтрё дает Анкаре гораздо больше полномочий по регулированию (контролю) судоходства в Проливах, чем конвенция ООН по морскому праву 1982 года» [Современная Турция, 2019, с. 48]. И это именно так. Отказ Турции «адаптировать» КМ-36 к режиму КМП-82 был связан, прежде всего, с тем, что согласно ст. 17–19, 24, 32, 41–42 КМП-82, Турция теряла значительную часть своих полномочий по регулированию судоходства, особенно в том, что касается морского транзита (в КПМ-82 транзит подразумевается как для гражданских, так и для военных судов)[28]. Как отмечает в своей статье Али Курумахмут, «общий режим прохождения через международные проливы в основном построен на принципе свободы навигации… Основополагающий принцип свободного и непрерывного международного морского транзита в проливах, используемых для международного судоходства, еще больше ограничивает права прибрежных государства… Прибрежное государство может приостановить или остановить навигацию судна, чтобы предотвратить мирный проход через его территориальное море, в соответствии с правилами LOSC (КМП-82. — *А. Б.*), или оно может принять определенные меры, предусмотренные его внутренним законодательством. Тем не менее прибрежные Государства не имеют права приостанавливать или прекращать транзитный проход». По мнению Курумахмута, принципу непрерывного транзитного прохода противоречит правовое положение «турецких» проливов, так как последние «не образуют международной проливной системы. Плавание между этими двумя морями (Средиземным и Черным. — *А. Б.*) требует перехода… через Стамбульский пролив (Босфор. — *А. Б.*) и Чанаккале (Дарданеллы. — *А. Б.*), которые по отдельности квалифицируются как национальные проливы, и Мраморное море, которое является внутренним морем Турции»[29]. Такая трактовка судоходной зоны проливов дает Турции основание использовать в будущих каналах национальное законодательство [Современная Турция, 2019, с. 48]. Таким образом, распространение режима КМП-82 на Стамбульский канал, как и ревизии

[26] Значение международных каналов и проливов с точки зрения современного международного права, их правовой режим // *Megalektsii.ru*. URL: https://megalektsii.ru/s32605t9.html (дата обращения 15.08.2019).
[27] Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву // *United Nations*. С. 37, 46–47. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения 06.09.2019).
[28] Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву // *United Nations*. С. 34–35, 38, 42, 46–47. URL: https://www.un.org /depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения 06.09.2019).
[29] Kurumahmut A. The Montreux Convention, the Turkish Straits and the Black Sea // Oral N., Öztürk B. *The Turkish Straits, Maritime Safety, Legal Environmental Aspects. Turkish Maritime Research Foundation*. 2018. 25. P. 18. URL: http://tudav.org/wp-content/uploads/2018/04/turkish_straits_tudav.pdf (дата обращения 06.09.2019).

Монтрё, на ее базе невозможна. В Турции даже сторонники пересмотра КМ-36 признают, что, открыв ящик Пандоры, нельзя узнать «к чему это может привести»[30].

Заключение

Таковы в целом проблемы правового регулирования мореплавания в Стамбульском канале. «Безумный и блистательный» проект президента Турции Реджепа Эрдогана имеет целью с седьмой попытки реализовать грандиозный замысел, известный с эпохи османских падишахов (первая попытка постройки канала была предпринята в период правления Сулеймана I Кануни — Сулеймана Великолепного). В статье не были рассмотрены правовые аспекты статуса Черного моря, поскольку это дискуссионная проблема, не влияющая непосредственно на формирование режима нового канала[31].

На сегодняшний день у Турции нет новой правовой модели регулирования судоходства в Стамбульском канале (если, конечно, он будет построен). По сути, Анкара стоит перед серьезной дилеммой. Регулирование судоходства исключительно в рамках национального законодательства не является препятствием для турок, за последние 25 лет поднаторевших в создании внутренних морских коридоров, не выходя чрезмерно за рамки КМ-36. Однако именно это станет проблемой для Анкары, в том случае, если «дух Монтрё» будет полностью проигнорирован в «проливном» законодательстве нового канала. В подобной ситуации Россия и другие участники КМ-36, а также ММО ООН могут поставить вопрос о статусе канала «Стамбул», исходя уже из собственных интересов. Именно опасение оставить национальный пролив без какой-либо юридической базы заставило Анкару временно сохранить там режим КМ-36. Неизвестно, однако, насколько затянется «переходный период», поскольку выработать новый правовой статус, отвечающий интересам Турции и не противоречащий — во всяком случае, слишком явно — международным нормам, задача непростая. Это отлично понимают и сами турки. В начале марта 2019 г. в Стамбуле на форуме «Канал "Стамбул" с точки зрения международного права» ведущие юристы-международники столичных ВУЗов, призвали согласовать внутренний режим «Второго Босфора» с международными нормами. Одна из участниц симпозиума — сотрудник Анкарского университета Кюбра Йылмаз, предложила заключить в отношении Босфора, Дарданелл и канала «Стамбул» специальный «международный контракт», который обеспечит «эффективное и удобное использование канала» и гарантирует права сторон, его подписавших[32].

Однако такая перспектива ставит на повестку дня ревизию КМ-36, в силу того, что многие положения этой конвенции необходимо привести в соответствие с реалиями сегодняшнего дня. Такая перспектива — не лучшая не только для России, но

---

[30] Öğütçü M. Status quo, Revision of the Montreux Convention to Avoid the Ship traffic and Energy Transit or What? // *Bilgesam. Wise Men Center for Strategic Studies*. 24.04.2018. URL: http://www.bilgesam.org/en/incele/6782/-status-quo--revision-of-the-montreux-convention-to-avoid-the-ship-traffic-and-energy-transit-or-what-/#.XXmKji4zbm4 (дата обращения 17.08.2019).

[31] Подробнее о дискуссиях по поводу статуса Черного моря см.: [Салимгирей, 2012].

[32] "Kanal İstanbul", uluslararası hukuka göre ele alındı // *Memleket.com.tr*. 06.03.2019. URL: http://www.memleket.com.tr/kanal-istanbul-uluslararasi-hukuka-gore-ele-alindi-1676385h.htm (in Turkish) (дата обращения 06.09.2019).

и для Турции, которая не захочет поставить под сомнение свой суверенитет над проливами. Именно поэтому конвенция ООН по морскому праву неприемлема для Анкары. Скорее всего, ситуация вернется на «круги своя» — основа конвенции 1936 г. будет сохранена в новом Регламенте, а права турок максимально расширены. Это избавит Стамбульский канал от гипотетической оппозиции России, а может быть и привлечет ее в качестве соинвестора к реализации самого грандиозного мегапроекта современной Турции. Автор согласен с теми исследователями, которые считают, что участие России в постройке Стамбульского канала даст ей возможность влиять на судоходство в этой водной артерии [33] . Турция, однако, не допустит Россию к непосредственному управлению грузопотоками. Неизвестно также хочет ли сама Турция, чтобы Россия участвовала в реализации проекта.

Литература / References

Болдырев А. В. К вопросу о географии Стамбульского канала // *Восточная аналитика*. 2018. № 3. С. 120–132 [Boldyrev A. V. On the Geography of the Istanbul Canal // *Eastern Analytics*. 2018. 3. Pp. 120–132 (in Russian)].

Болдырев А. В. Проект Стамбульского канала в контексте российско-турецких отношений: геополитика и экономика // *Внешнеполитические интересы России: история и современность*. Самара, 2019. С. 10–26 [Boldyrev A. V. The Istanbul Canal Project in the Context of Russian-Turkish Relations: Geopolitics and Economics // *Russia's Foreign Policy Interests: History and Present*. Samara, 2019. Pp. 10–26 (in Russian)].

Болдырев. А. В. Черноморские проливы в политике России и Турции в 1992–2008 гг. // *Ближний Восток и современность*. Вып. 40. М., 2009. С. 5–25 [Boldyrev. A. V. The Black Sea Straits in the Politics of Russia and Turkey in 1992–2008 // *Middle East and Modernity*. Vol. 40. Moscow, 2009. Pp. 5–25 (in Russian)].

Салимгирей А. А. Международно-правовой режим замкнутых и полузамкнутых морей: некоторые актуальные вопросы // *Современное право*. 2012. № 9. С. 127–134 [Salimgirey A. A. International Legal Regime of Closed and Semi-Enclosed Aeas: Some Topical Issues // *Modern Law*. 2012. 9. Pp. 127–134 (in Russian)].

Современная Турция: тренды развития и значение для России: Научный доклад. М., 2019 [*Modern Turkey: Development Trends and Importance for Russia: A Scientific Report*. Moscow, 2019 (in Russian)].

Соснов С. И. Мегапроекты Турции: на пути к процветанию или кризису? // *Проблемы национальной стратегии*. 2018. № 5 (50). С. 187–199 [Sosnov S. I. Megaprojects of Turkey: Toward Prosperity or Crisis? // *Problems of National Strategy*. 2018. 5 (50). Pp. 187–199 (in Russian)].

Суржин А. С. *Международно-правовой режим Черного моря (включая Азово-Керченскую акваторию и проливы). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук*. М., 2011 [Surzhin A. S. *The International Legal Regime of the Black Sea (Including the Azov-Kerch Water Area and Straits). Abstract of PhD Dissertation*. M., 2011 (in Russian)].

[33] Для кораблей НАТО может появиться новый путь. Канал «Стамбул» может разрушить режим безопасности в регионе // *MK.RU: Московский комсомолец*. 24.03.2019. URL: https://www.mk.ru/politics/2019/03/24/dlya-korabley-nato-mozhet-poyavitsya-novyy-put.html?%20utmsource=pulse_%20mail_%20ru&utm%20_referrer=%20https%3A%2F%%202Fpulse.mail.ru (дата обращения 06.09.2019).

Электронные ресурсы / Electronic sources

Для кораблей НАТО может появиться новый путь. Канал «Стамбул» может разрушить режим безопасности в регионе // *MK.RU: Московский комсомолец*. 24.03.2019. URL: https://www.mk.ru/politics/2019/03/24/dlya-korabley-nato-mozhet-poyavitsya-novyy-put.html?%20utmsource=pulse_%20mail_%20ru&utm%20_referrer=%20https%3A%2F%%202Fpulse.mail.ru (дата обращения 06.09.2019).

Дузь С. Канал «Стамбул» может изменить расклад сил в регионе и отменить Договор Монтре от 1936 г. // *Versia.am*. 27.04.2013. URL: http://www.versia.am/cannal-stambul-mojet-izmenit-rasklad-sil-v-regione/ (дата обращения 15.08.2019).

Значение международных каналов и проливов с точки зрения современного международного права, их правовой режим // *Megalektsii.ru*. URL: https://megalektsii.ru/s32605t9.html (дата обращения 06.09.2019).

Карюков В. Авианосцы ВМС США нашли обходной путь к берегам Крыма // Soldat.pro. URL: https: // https://soldat.pro/2019/05/17/avianoscy-vms-ssha-nashli-obhodnoi-pyt-k-beregam-kryma/ (дата обращения 15.08.2019).

Конвенция о режиме проливов (г. Монтрё, 1936) // *Викитека*. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%BE_%D1%80%D0%B5%D0%B6%D0%B8%D0%BC%D0%B5_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%B2%D0%BE%D0%B2_(%D0%B3._%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B5,_1936)#%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_I (дата обращения 06.09.2019).

Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву // *United Nations*. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения 06.09.2019).

Понятие и правовой режим международных проливов // *Lib.sale*. URL: https://www.lib.sale/mejdunarodnoe-pravo-besplatno/ponyatie-pravovoy-rejim-mejdunarodnyih.html (дата обращения 06.09.2019).

Правовое положение и статус Черноморских проливов на современном этапе // *Флот3000*. http://flot3000.com/ru/history/1387 (дата обращения 06.09.2019).

Турция стремится переписать результаты Первой мировой войны // *Energyland.info*. URL: http://www.energyland.info/interview-show-582 (дата обращения 06.09.2019).

Akğün M., Tiryaki S. The Political Feasibility of the Istanbul Canal Project // *Global Political Trends Center* (*GPoT*). 2011. 27. P. 1–6. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/132972/PB27_2011_IstanbulCanalProject_Akgun_Tiryaki.pdf (дата обращения 06.09.2019).

Channel Istanbul's Legal Status Announced // *Railly News*. 06.12.2018. URL: https://en.rayhaber.com/2018/12/kanal-istanbulun-hukuki-statusu-aciklandi/ (дата обращения 15.08.2019).

Hatay, İzmir ve Tekirdağ'da LNG tehdidi // *Yeni Yaşam Gazetesi*. 28.02.2019. URL: https://yeniyasamgazetesi.com/hatay-izmir-ve-tekirdagda-lng-tehdidi (in Turkish) (дата обращения 06.09.2019).

Kanal İstanbul 2025'te tamamlanacak! // *Emlakkulisi.com*. 22.03.2019. URL: http://www.emlakkulisi.com/kanal-istanbul-2025te-tamamlanacak/602117 (in Turkish) (дата обращения 06.09.2019).

Kanal İstanbul' projesi için özel yasal düzenleme geliyor // *Sol Haber Portali*. 23.07.2018. URL: http://haber.sol.org.tr/turkiye/kanal-istanbul-projesi-icin-ozel-yasal-duzenleme-geliyor-243542 (in Turkish) (дата обращения 06.09.2019).

Kanal İstanbul'un yasal düzenlemesi mecliste1 // *Liderhaber*. 23.11.2016. URL: http://www.liderhaber.org/kanal-istanbulun-yasal-duzenlemesi-mecliste1-352h.htm (in Turkish) (дата обращения 06.09.2019).

"Kanal İstanbul", uluslararası hukuka göre ele alındı // *Memleket.com.tr*. 06.03.2019. URL: http://www.memleket.com.tr/kanal-istanbul-uluslararasi-hukuka-gore-ele-alindi-1676385h.htm (in Turkish) (дата обращения 06.09.2019).

Kurumahmut A. The Montreux Convention, the Turkish Straits and the Black Sea // Oral N., Öztürk B. *The Turkish Straits, Maritime Safety, Legal Environmental Aspects. Turkish Maritime Research Foundation*. 2018. 25. URL: http://tudav.org/wp-content/uploads/2018/04/turkish_straits_tudav.pdf (дата обращения 06.09.2019).

Öğütçü M. Status quo, Revision of the Montreux Convention to Avoid the Ship traffic and Energy Transit or What? // *Bilgesam. Wise Men Center for Strategic Studies*. 24.04.2018. URL: http://www.bilgesam.org/en/incele/6782/-status-quo--revision-of-the-montreux-convention-to-avoid-the-ship-traffic-and-energy-transit-or-what-/#.XXmKji4zbm4 (дата обращения 17.08.2019).

The "transit law" requirement for Kanal Istanbul // *Railly News*. 10.11.2014. URL: https://raillynews.com/2014/11/The-Law-of-Istanbul/ (дата обращения 15.08.2019).

Yılmaz M. E. İstanbul Canal project to open debate on Montreux Convention // *Sea News Turkey (International Shipping Magazine)*. 08.10.2010. URL: https://www.seanews.com.tr/istanbul-canal-project-to-open-debate-on-montreux-convention/39748/ (дата обращения 06.09.2019).

3 Storey Grand Istanbul Tunnel and Canal Projects in Istanbul OK // *Railly News*. 07.02.2019. URL: https://raillynews.com/2019/02/3-multiplied-by-big-Istanbul-tunel-and-canal-in-Istanbul/ (дата обращения 15.08.2019).

ПОВЫШЕНИЕ УСТОЙЧИВОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КНР И СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОГО РЕЙТИНГА

© 2019

Д. Б. Графов*

В статье исследуется поиск новых подходов в консолидации китайского общества с институтами власти и обоснования легитимности руководящей роли Коммунистической партии Китая (КПК). Китайская политическая система необычайно креативна в производстве смыслов и языковых структур манипуляции обществом. Идеологические традиции «китаизации марксизма», построения «социализма с китайской спецификой», получившие развитие в докладе председателя КНР и лидера компартии Си Цзиньпина на последнем XIX съезде КПК в октябре 2017 г., сочетаются с новейшими инструментами контроля за личностью, появившимися в цифровую эпоху. И, если политические концепты и конструкты, развиваемые теоретиками КПК, работают на идеологическое оформление курса партии и авторитета власти, то система социального рейтинга или система социального доверия (社会信用体系; шэхуэй синьюн тиси), анонсированная как техническая система мероприятий в сфере финансовой дисциплины — кредитования, уплаты налогов, штрафов, исполнения решения судов — на самом деле трансформировалась в инструмент принуждения к лояльности власти. По сути, вызовы рыночной экономики, порождавшие в китайском обществе либеральную парадигму поведения, власти КНР использовали для повышения «цены» нелояльного поведения. В статье делается вывод о возможностях дальнейшего развития системы социального рейтинга, а также применения других коммуникативных стратегий и технологий, направленных на нейтрализацию либеральной модели поведения и придание большей устойчивости политической системе КНР. Однако реакцией индивидуума могут быть различные модели поведения, которые формально будут удовлетворять требованиям системы социального доверия, но не укреплять политическую стабильность, а быть притворными и «приспособленческими».

Ключевые слова: Китай, система социального рейтинга, лояльность, Си Цзиньпин, XIX съезд КПК, легитимность, модерирование общества, консультативная демократия.

“SOCIAL CREDIT SYSTEM” AND OTHER APPROACHES TO STRENGTHEN STABILITY OF CHINA’S POLITICAL SYSTEM

Dmitry B. Grafov

The article endeavored to explain new approaches of Chinese communist’s party (CCP) to strengthen the stability of political system. According to China’s leader Xi Jinping report to the 19th CCP Congress the main problem is the contradiction between the Chinese people’s dreams of a beautiful life, including justice, democracy, the rule of law, on the one hand, and the underdevelopment of Chinese society and State, on the other hand. But the real challenge is liberal demands of society

* Дмитрий Борисович ГРАФОВ, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; graftvc@mail.ru

Dmitry B. GRAFOV, PhD (Political science), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; graftvc@mail.ru

that are triggered by market economy. The ruling party behavior indicates attempts to shape a public opinion and to find new approaches to institutional changes, named as new conceptions of development. The author concluded that there are a lot of theoretical models of just society but put them into practice of CCP is difficult. The ruling party may hold the power in the future by shaping public opinion and gaining legitimacy by different means. One of them is suppressing liberal individual activity by extending the Social Credit system to all spheres of Chinese life. People and companies can be rewarded or punished by the Social Credit system, according to their scores. But citizens face the greatest consequences. The system uses big data analysis technology. In reality, the Social Credit system exacerbates undemocratic political system of China, enhancing surveillance and punishment outside the court on the basis of social credit system data. However, individuals can choose different models of behavior. Social Credit system does not inevitably create loyal citizens. On the one hand, individuals may formally satisfy the requirements of the government, but, on the other hand, their behaviour may be a kind of sham and fake. Political stability will not be strengthened but political uncertainty will only increase.

Keywords: Chinese communist's party, Xi Jinping, social credit system, the 19th CCP Congress, legitimacy, shaping of society, consultative democracy.

РУКА РЫНКА И РУКА КПК: ВЗАИМНЫЕ И ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Вопреки ожиданиям Запада, будто рыночная экономика должна подтолкнуть к изменению политическую систему КНР в направлении либерализации и демократии, Китай остается впечатляющим примером симбиоза рыночной экономики и авторитарной политической системы, не предполагающей политической конкуренции. Ни одной другой стране не удалось добиться жизнеспособного скрещивания авторитарной надстройки и либерального базиса. Либо со временем происходит дрейф в сторону либерализации политической системы (Южная Корея), либо в экономике усиливается огосударствление (Россия), либо эффективная экономика оказывается в руках «коллективной монархии», представляющей группы бизнес-интересов (Сингапур).

Так называемая «глобальная теория демократического транзита», сформулированная С. Хантингтоном, говорит о неизбежности транзита власти даже в авторитарных политических системах, если экономика становится рыночной. Во-первых, усматривается устойчивая зависимость между ростом уровня жизни индивидуума, обеспечиваемого рыночной экономикой, и требованием уважения прав и свобод со стороны индивидуума к государству. Фаза демократических преобразований вызревает, когда уровень ВНП на душу населения достигает 500–1000 долларов США[1] [Huntington, 1993]. Во-вторых, свобода рынка катализирует политическую свободу, экономическая власть становится независимой от политической, и в условиях рынка частные интересы становятся противовесом государственным. В третьих, «рынок устраняет источник принуждения со стороны власти. Мощь экономических интересов становится ограничителем политической власти, если она не находится в тех же руках, что и политическая» [Фридман, 2006, с. 33].

Однако не только китайская авторитарно-рыночная экономика, но и практика других нелиберальных режимов (Турция, Венесуэла) демонстрирует, что авторитарная надстройка может эксплуатировать рыночный базис. Рыночная экономика дает

[1] В ценах 1980–1990-х гг.

правящим группам интересов больше ресурсов для поддержания собственной власти через инструменты формирования общественного мнения, которые работают на ее «популяризацию». Кроме того, экономический потенциал может быть использован на подкуп определенных групп (населения, бизнеса, элиты) в качестве «социальной опоры». Подобный симбиоз авторитарной власти и групп бизнес-интересов существует в Сингапуре. «Если авторитарная власть умеренна в налогах, стабильна, обладает преемственностью, охраняет частную собственность, то может быть более предпочтительной, чем неустойчивая демократия, особенно для крупного бизнеса» [Олсон, 2010, с. 167–182].

Хотя «глобальная теория демократического транзита» признается многими несовершенной и даже опровергаемой некоторыми исключениями [2], тем не менее, порождаемые рынком изменения в китайском обществе беспокоят власти Китая. На предпоследнем XVIII съезде КПК обозначились проблемы с конвергенцией социализма и капитализма не только на идеологическом уровне. Партийная верхушка столкнулась с трудностью проведения «центристской» линии: любое отклонение грозило дестабилизацией и необходимостью закручивания гаек для укрепления вертикали власти [Лузянин, 2013, с. 57]. Генсек КПК констатировал необходимость *«защищать безопасность политической власти и социальную стабильность»*[3]. А на XIX съезде Си Цзиньпин подвел черту под «шатаниями», заявив о *«порочности лозунга смены знамен»*. Доклад Си Цзиньпина свидетельствует о попытках найти иную, не либеральную, парадигму развития китайского общества и страны, которая бы позволила КПК и дальше править без закручивания гаек (в силовом понимании) и даже без политической оппозиции в условиях значительной экономической свободы.

На XIX съезде КПК в докладе Си Цзиньпина было признано основное противоречие китайского общества: *«противоречие между постоянно растущими потребностями народа в прекрасной жизни и неравномерностью и неполнотой развития, определяют необходимость осуществлять концепцию развития, в которой народ занимает центральное место, необходимость непрерывно способствовать всестороннему развитию человека и достижению всеобщей зажиточности народа»*[4].

Основное противоречие можно было бы сформулировать более прямолинейно. Рыночная экономика дает возможность удовлетворения возрастающих потребностей — материальных. Но желающим перемен невозможно предоставить *«прекрасную жизнь»* из-за несовершенства общества (*«неравномерность и неполнота развития»*). Поэтому КПК предлагает удовлетвориться *«центральным местом»* народа в планах партии, думать о близкой *«всеобщей зажиточности»* пока невозможна *«прекрасная жизнь»*.

Китайские политики и раньше отличались изобретательностью на ниве политической мысли, следуя конфуцианским канонам и основываясь на равновесии

---

[2] Прежде всего, Сингапур и КНР.

[3] Доклад Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина на III Пленуме ЦК КПК 18-го созыва, «Решение Пленума ЦК КПК по вопросу о комплексном углублении реформ». Совокупность проблем Си Цзиньпин оценил следующими словами: «Китай стоит перед двойным давлением: с одной стороны, необходимо защищать суверенитет, безопасность и интересы в области развития во вне, а с другой — защищать безопасность политической власти и социальную стабильность внутри...». URL: http://russian.cntv.cn/special/18thcpcsession/index.shtml (дата обращения 16.06.2019).

[4] Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на XIX съезде КПК // *XINHUANET.com*. 11.03.2017. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения 12.08.2019).

европейского опыта и китайской специфики. Сунь Ятсен, один из отцов китайской республики, предлагал «конституцию пяти властей» [Сунь Ятсен, 1985]. К трем известным ветвям демократической власти Сунь Ятсен предлагал добавить контрольную и экзаменационную (селективную). При этом он понимал, что реализация на китайской почве «правительства из народа» невозможна без контроля и «духовного окормления» этого народа. Сунь Ятсен не прояснил, как формируются органы контрольной и селективной власти. Сам «конституционный этап» планировался создателем партии Гоминьдан после «периода военного правления» и «периода политической опеки», в течение которых предполагалось «успокоить», «накормить» и «воспитать» народ.

Разрешение «основного противоречия» с использованием традиционного коммуникативно-идеологического менеджмента

Почему партийное руководство не может удовлетворить чаяния народа в первых четырех пунктах: *«демократии, законности, равенстве, справедливости»*[5]? Во-первых, китайская партноменклатура до сих пор изучает гибель СССР в процессе «демократизации». Во-вторых, в конкурентной саморегулирующейся политической системе нет гарантий для монополии КПК. И речь идет не о каких-то диссидентах и инакомыслящих; события на площади Тяньаньмэнь не ушли в историю. Как внутри Китая, так и за его пределами отмечают тенденцию отхода от коллективного управления КПК в сторону авторитарного [Портяков, 2018, с. 142]. Антиправительственные плакаты «Не мой президент» (Xi's Not My President) на английском и китайском языках появились на стенах нескольких западных университетов и в китайских соцсетях после массовых протестов китайских студентов, обучающихся за границей. Вполне благополучные студенты выступили против решения Всекитайского собрания народных представителей снять ограничение в два пятилетних срока на правление Си Цзиньпина в должности председателя КНР и сделать его теоретически бессменным правителем[6]. Пока проблема нарождающейся оппозиции решается зачислением студентов в черные списки «политически активных граждан», а наиболее активных инакомыслящих — отправкой в лагеря перевоспитания[7].

За пределами лозунговых форм лежат меры, сформулированные в виде *«четырехаспектной всесторонней стратегической концепции»:* построение среднезажиточного общества, всестороннее углубление реформ, обеспечение верховенства закона, устрожение партийного контроля. Реализация *«четырехаспектной концепции»* направлена на укрепление политической системы:

[5] «Изо дня в день растет потребность народа в благополучной жизни, выражающаяся не только в более высоких материально-культурных потребностях, но и в постоянно растущих запросах, находящихся на уровне демократии, законности, равенства, справедливости, безопасности, экологии и т.д.». Полный текст доклада Си Цзиньпина на XIX съезде КПК (ч. I. Работа и исторические преобразования за истекшее пятилетие) // *XINHUANET.com*. 11.03.2017. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения 12.08.2019).

[6] Mao F. Xi Jinping: "Not my president" posters emerge outside China // *BBC News*. 12.03.2018. URL: http://www.bbc.com/news/world-australia-43339804 (дата обращения 23.04.2019).

[7] China: Don't Legalize Incommunicado Detentions // *Human Rights Watch*. 12.03.2012. URL: https://www.hrw.org/news/2012/03/12/china-dont-legalize-incommunicado-detentions (дата обращения 12.08.2019).

через легитимацию власти с помощью «демократических» элементов социализма с китайской спецификой; обоснование руководящей роли КПК как гаранта законности, равенства и справедливости;
через обоснование руководящей роли КПК чрезвычайными обстоятельствами (негативными вызовами — трудности проекта Великого Китая, происки врагов, занавес неведения будущего) и грандиозностью задач национального развития, (позитивными вызовами — цифровой Китай, зеленый Китай, сообщество единой судьбы[8]);
через модерирование общества путем подавления либерального импульса поведения и поощрения следованию «установленным правилам» («система социального рейтинга»).

По замыслу партийных идеологов конструкт[9] *«народ занимает центральное место»* является центральным элементом в обосновании легитимности Компартии Китая. Клятва *«Народ — это центр»* наделяет легитимностью КПК через служение народу и представительство его интересов. *«Без руководства Компартии Китая возрождение нации неизбежно стало бы утопией»*[10]. Здесь выстраивается прямая и обратная связь, в которой партия играет роль регента при неокрепшем политически незрелом народе. Это та же идея «политической опеки», высказанная Сунь Ятсеном: сначала «накормить» народ, а потом «воспитать». От регента КПК отличает лишь то, что партия еще и «опирается» на народ. Постоянно упоминается 800 миллионное сельское население, которое лишено плодов экономического процветания (*«постоянно растущие потребности народа в прекрасной жизни и неравномерность и неполнота развития»*).

Однако КПК готовится к ответу на вопрос о легитимности своей власти не со стороны диссидентов, а со стороны народа, который видит, что партия представляет собой бюрократическую надстройку, дает возможность обогащения и обворовывания страны. За время прихода Си Цзиньпина к власти в КПК Китай узнал о смещении с постов за непотизм и коррупцию крупнейших функционеров и чиновников[11]. Центральная комиссия по проверке дисциплины накануне XIX съезда сообщила: с 2012 г. до конца июня 2017 г. к ответственности были привлечены 1,343 млн.

---

[8] 3138. 近平提的“命运共同体”是怎样一种外交理念？—报道–人民网. (Какую дипломатическую концепцию представляет собой «Сообщество судьбы» // *Народная сеть — Сеть новостей Коммунистической партии Китая*). URL: http://cpc.people.com.cn/xuexi/n/2015/0610/c385474-27133972.html (дата обращения 23.06.2019).

[9] Концепт обладает «единицей смысла», а также суггестивностью [Степанова, 2007]. Концепт переживается в отличие от «понятия», которое понимается. Конструкт представляет собой «механическое» соединение более простых и ранее известных понятий и концептов.

[10] Полный текст доклада Си Цзиньпина на XIX съезде КПК // *XINHUANET.com*. 11.03.2017. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения 12.08.2019)

[11] Сняты с постов и возбуждены дела по обвинениям в коррупции: 2012 г. — Бо Силай, секретарь партийной организации города центрального подчинения Чунцин; 2013 г. — Чжоу Юнкан, министр общественной безопасности КНР, бывший председатель Политико-юридической комиссии ЦК КПК и член Политкомитета Политбюро; 2014 г. — Лин Цзихуа, бывший начальник Канцелярии ЦК КПК — один из ближайших соратников бывшего генсека Ху Цзиньтао; генерал Сюй Цайхоу и генерал Го Босюн — заместители председателя Центрального военного совета КНР; 2017 г. — Сунь Чжэнцань, секретарь партийной организации города центрального подчинения Чунцин (Антикоррупционная кампания Си Цзиньпина и ее последствия // ТАСС. URL: http://korruptsiya-china.tass.ru/borba-s-korrupciey/ (дата обращения 12.08.2019).

чиновников низового и среднего уровня[12]. В народе партийно-бюрократическую коррупционную карьеру называют «те фань вань» 铁饭碗 — «железная чашка риса», или в образном переводе «верный кусок хлеба». Хотя, во времена Мао «железной чашкой риса» называли совершенно противоположные коррупции вещи. А именно — членство в трудовой коммуне (территориальной рабочей ячейке — «даньвэй» (单位). Для КПК «даньвэй» были строительными блоками китайского общества, а для простого китайца — вторым гражданством, удовлетворявшим все потребности, прожить вне трудовой коммуны было невозможно[13].

С вызовом «коррупции» должен бороться концепт «верховенства закона» или «клетки закона». Он призван убедить, что в правовом государстве партия правит по праву, является хранителем закона, его гарантом и требует подчинения ему всех граждан и своих членов в первую очередь. В призыве «править по закону», который КПК с гордостью относит к себе самой, подчеркивается лишь один смысл — борьбы с коррупцией (здесь главное слово «борьба», а не «коррупция»). Вопросы о том, как и кем может изменяться меняться этот закон, может ли в этом процессе быть выражена воля гражданского общества, остаются фигурой умолчания. То, что власть закона — это закон власти КПК, не обсуждается. Обсуждается борьба с коррупцией как процесс. Власти создали музей борьбы с коррупцией. В партийных документах появилась образность этой борьбы — объявлена охота на «тигров» и «мух». Затем добавилась «охота на лис». Объявляется, что к партийным функционерам, заподозренным в коррупции, вместо меры *«в назначенное время и в назначенном месте дать разъяснения»* будет просто применена *«мера задержания»*. Эта бесконечная кампания имеет лишь одну задачу — сфокусировать внимание именно на борьбе партии с коррупцией, а не на ее «партийных» истоках.

«Диктатура закона» — это еще и проверенный инструмент борьбы с внутрипартийными конкурентами[14], и мобилизация (*«быть единым целым, чтобы дать отпор»*) против сепаратизма и религиозного экстремизма, и консолидация вокруг партии против посягающих на строй сторонников либеральных путей развития. Объявление политики строжайшего подчинения всех и вся закону позволяет поддерживать в обществе напряжение чрезвычайного положения, конструирует парадигму «крепости, окруженной врагами», «лодки, которую нельзя раскачивать».

Китайские партийные идеологи не забыли и другие традиционные рецепты. Известная еще из работ В. И. Ленина идея рабочего контроля [Ленин, 1970, с. 383–388] на XIX съезде КПК звучала как *«Шестикратный контроль: совмещать партийный контроль и внутрипартийный контроль с контролем со стороны государственных органов, демократическим*

---

[12] Антикоррупционная кампания Си Цзиньпина и ее последствия // *ТАСС*. URL: http://korruptsiya-china.tass.ru/borba-s-korrupciey/ (дата обращения 12.08.2019).

[13] Рабочие были привязаны к своей ячейке практически на всю жизнь. Со всеми вопросами китайцы обращались к руководству своего «даньвэя»: выделение жилья, медицинская помощь, обеспечение товарами и едой [Bray, 2005].

[14] К внутрипартийной дисциплине относится концепт «три строгости и три честности», он раскрывается как строгость в работе над собой, строгость в использовании властных полномочий и строгая самодисциплина; реалистичный подход в планировании дел, реализм в начинаниях, честность и реализм в поведении.

контролем, судебным контролем, контролем со стороны народных масс и общественности»[15]. Задача состоит в привлечении народа к правлению так, чтобы он был не опасен власти своим волеизъявлением. В китайской реинкарнации ленинский концепт раскрывается как призыв *«выявлять обеспечивающую связь с народными массами — роль мостов и скрепов»*. Сейчас проводится эксперимент по «народному контролю» за контролирующими[16].

Еще один традиционный прием — представление проблем в виде процесса их преодоления властью — из несовершенного настоящего в лучшее будущее. В докладе Си Цзиньпина легитимация власти происходит через миссию и цель. Миссия обоснована мудрым руководством на пути к гигантским достижениям китайской нации, признаваемым всем миром. Цель — достичь «прекрасной жизни», миновав неразвитость, экономические вызовы, внешние и внутренние угрозы. Химия политических концептов заключается в изменении бытия — через процедуру рефлексии — через влияние на политическое сознание. Для простого китайца обещание КПК вести Китай дорогой возвышения к среднезажиточному обществу «саокян» в 2021 г. (100-летие создания КПК), и сделать первой сверхдержавой в 2049 г. (100-летие создания КНР) — это все о справедливости, общественном благе, национальном процветании, личном достатке, которые уже близко. Но эти обещания не что иное, как апелляция к классическим типам легитимности: традиционному, харизматическому, рационально-легальному [Weber, 2015, p. 137–138]. КПК спасла народ от угнетения, КПК вела народ путем побед, КПК создала общество достатка и правит на основе Конституции. Традиционный тип легитимности для Китая включает идеологический, технократический, структурный и онтологический способы обоснования легитимности («Партия ведет от победы к победе» — удача благосклонна к партии).

Другой испытанный китайский идеологический инструмент — консультативная демократия. Партия не только направляет, но и «консультируется», не допуская политической конкуренции. Мнение народа в данной конструкции учитывается только в той степени, в какой оно может затруднить проведение политики партии. «Консультация» в большей степени означает: знать — упредить — выслушать — поправить. «Консультация» компартии — это консультация власти с самой собой под видом традиционного для системы управления многовековым Китаем принципа патернализма. Однако рыночная экономика как раз разрушает патерналистское сознание, т. к. дает индивиду возможность опоры на собственные силы. Действие «институтов консультативной демократии» передается в процессе, который начался, продолжается и — что важно! — не завершается потому, что совершенствуется: *«усовершенствование института собраний народных представителей, института многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК, института национальной*

---

[15] Полный текст доклада Си Цзиньпина на XIX съезде КПК // *XINHUANET.com*. 11.03.2017. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения 12.08.2019).

[16] Создана новая «властная вертикаль» в системе ЦКПД (Центральный комитет партийной дисциплины), позволяющая местным органам по проверке дисциплины функционировать независимо от местных парткомов, что повышает статус местных комиссий и усиливает контроль Центральной комиссии. Создается межрегиональная прокуратура по служебным преступлениям. В порядке эксперимента в Пекине, провинциях Шаньси и Чжэцзян местные Советы народных представителей избирают комитеты контроля.

районной автономии, институтов самоуправления масс на низовом уровне» [17]. Политическая система имеет недостатки, но она улучшается с каждым днем. Та же политическая технология лежит в основе конструкта *«придерживаться новой концепции развития»*. Имеющее недостатки настоящее уже отправляется в прошлое и объявляется властью устаревшим. Оснований для критики нет. Но и «нового» еще нет, оно есть только как совершенный образец, фигурирующий в планах, воплощаемых партией, перманентно ускользающий в будущее проект.

Неким заимствованием из советского идеологического менеджмента является концепт о «триедином представительстве». Это одна из самых первых попыток легитимации КПК. Еще на XVI съезде Компартии Китая в докладе Цзян Цзэминя было объявлено, что коммунисты представляют не только пролетариат, но и все производственные силы, передовую китайскую культуру и интересы самых широких слоев китайского населения. По сути, это симулякр [18] демократического представительства через свободные выборы. На практике представители от прочих групп, если и не оказываются на поверку коммунистами, все равно попадают в матрицу, созданную КПК. Хотя здесь есть полезное для КПК зерно: интересы одной группы на пропагандистских весах уравновешивались интересами другой. Через признание верховенства общенародной государственной воли над волей групп и индивидуумов решается главная задача — пресекается автономность отдельных субъектов. Это путь к идентитарной демократии, которая основывается на модели социально-гомогенной структуры общества.

Система социального рейтинга — лояльность в обмен на бонусы

Однако в поисках опор стабильности общества КПК не связывает себе руки известными идеями. Совершенно новые возможности дает «система социального рейтинга». Если соединить концепты *«мечты китайского народа о прекрасной жизни»* с *«верховенством / клеткой закона»*, то можно прийти к идее обмена счастливой жизни на лояльность и послушание и предложить подданным выбор: получать больше благ в обмен на ограничение индивидуальной свободы, точнее той свободы, которая не укладывается в установленные властью рамки. С 2014 г. в Китае тестируется система социального рейтинга SCS (*Social Credit System;* 社会信用体系; шэхуэй синьюн тиси)[19]. Поведение каждого гражданина оценивают по поступкам, фиксируемым в электронном виде. Система основана на технологии анализа больших данных (big data analysis technology). Ее задача не только собрать информацию о социальных связях граждан и оценить их поведение по шкале лояльности, но также сконструировать рычаг влияния на тех, кто выходит за установленные властью рамки.

Информация в национальную базу данных попадает из многочисленных источников и характеризует поведение человека во множестве ситуаций. Данные от налоговой службы, дорожных камер, исправность уплаты штрафов, кредитная история,

[17] Полный текст доклада Си Цзиньпина на XIX съезде КПК // *XINHUANET.com*. 11.03.2017. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения 12.08.2019).
[18] Симулякр — репрезентация того, что на самом деле не существует. [Baudrillard, 1981, p. 4–6].
[19] Meissner M. China's Social Credit System. A big-data enabled approach to market regulation with broad implications for doing business in China // *Mercator Institute for China Studies*. 24.05.2017. URL: www.merics.org (дата обращения 23.04.2019).

покупки, поведение в Интернете (в том числе распространение негативной информации и *fake news*), доносы, посещение нерекомендуемых мест, участие в общественной работе, контакты с лицами из черных списков — все, что может зафиксировать компьютер или камера. Планируется, что к 2020 г. система социального рейтинга начнет действовать в полном объеме и охватит всех китайцев. Хотя полный функционал системы социального рейтинга властями не раскрывается, возможности использования ее для влияния на общество выглядят многообещающе. Цель системы сформулирована в документе «О планировании строительства системы социального кредита (2014–2020)», разработанным Государственным советом в целях «полной реализации концепции научного развития и построения социалистического гармоничного общества, важного средства улучшения социалистической рыночной экономической системы, укрепления и внедрения инноваций в социальном управлении, а также повышения целостности социальных членов и создания хорошей кредитной среды»[20].

Специальная комиссия при Политбюро ЦК КПК следит за реализацией системы социального рейтинга в четырех областях: *«честность в государственных делах, коммерческая целостность, общественная целостность, судебная достоверность»*. Изначально система задумывалась как мера экономическая, для установления рейтинга доверия при выдаче гражданам кредитов и кредитных карт. Однако, понятие «доверия» быстро переросло узкий финансовый смысл и образовало связь с санкцией за поведение. В упомянутом документе говорится: «Добродетель является внутренним требованием, а механизм вознаграждения и наказания основан на надежности и ненадежности гражданина с целью повышения целостности и уровня кредитоспособности всего общества». Такая формулировка достигает необъятной универсальности смыслов. Мостик перекидывается между «добродетелями» (здесь слышится гуманистическое звучание) с вознаграждением-наказанием, которое увязывается с «надежностью» с точки зрения власти.

Так, в сверхскоростном поезде Пекин–Шанхай пассажиры предупреждаются, что плохое поведение будет зафиксировано в «индивидуальной информационной системе доверия»[21]. Если рейтинг индивидуума высокий, значит, у него будут привилегии при покупках, кредитах, скоростной Интернет, выезд за границу, доступ к социальным услугам, права на вождение авто, разрешение завести животное, скидки на квартплату, продвижение по службе. Низкий рейтинг означает все то же самое со знаком минус. Отказ в билетах, в гостинице, невыгодные тарифы в банке, ограниченный Интернет-трафик, отказ в приеме детей в престижное учебное заведение, отказ в приеме на работу в госучреждения или на позицию управленца, портрет на доске позора[22]. Эти нововведения Австралийский институт стратегической политики

[20] 国院关于印社会信用体系建　　划要（2014—2020 年) (Уведомление Государственного совета по печати и распространению проектов построения системы социального кредита (2014–2020 гг.) // *Gov.cn*. 14.06.2014. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2014-06/27/content_8913.htm (дата обращения 12.08.2019).

[21] Видеосвидетельство очевидца (James O'Malley @Psythor) // *Twitter*. URL: https://twitter.com/Psythor/status/1056811593177227264 (дата обращения 26.03.2019).

[22] China has started ranking citizens with a creepy "social credit" system — here's what you can do wrong, and the embarrassing, demeaning ways they can punish you // *Business Insider*. 29.10.2018. URL:

назвал социальным менеджментом, создающим новую реальность, которая должна распространиться и на бизнес (не только китайский), с тем чтобы заставить его помогать государству в борьбе за порядок.

Теперь и любая иностранная компания, зарегистрированная в КНР, обязана получить номер в единой системе социального рейтинга[23]. Этому требованию обязаны подчиниться профсоюзы и общественные организации, иначе их ждут штрафы, закрытие счетов в банках и прочие издержки. Привлечение к модерированию в интересах власти крупных компаний (таких, как *Alibaba Group*) и бизнеса вообще открывает поистине неограниченные возможности превращения частной жизни в «цифровую тюрьму». В начале 2017 г. Верховный суд КНР проинформировал, что 6,15 млн. китайских граждан получили отказ в приобретении авиабилетов «за социальные проступки», выявленные системой социального рейтинга[24]. А уже в 2018 г. покупка авиабилетов была запрещена 17,5 млн. китайцев и отказано в перемещении по железной дороге 5,5 млн. Более того, новейшие электронные технологии стали применяться для сбора ДНК этнических меньшинств в Синьцзяне[25].

Из четырех объявленных областей, охватываемых системой социального рейтинга, две имеют непосредственное отношение к манипуляции обществом: это «честность в государственных делах» и «общественная целостность». Если с помощью *social credit system* удастся создать новую социальную матрицу, в которой интересы личности реализуются не через либеральную парадигму (что-то требовать от власти обычному китайцу уже не придет в голову, наоборот — возникает интерес угодить власти), тогда, возможно, появится «демократическое большинство» авторитарных индивидуумов[26].

В работе «Бегство от свободы» Э. Фромм описывает структуру авторитарной личности и условия, в которых она возникает [Фромм, 1990, с. 72–75]. Боязнь свободы выбора, неуверенность в будущем могут возникать не только в условиях беды (экономического кризиса, войны), но и при централизации экономики, тотальности бюрократических процедур, когда индивидуум чувствует себя винтиком несокрушимого механизма. *Social credit system* может не только дискриминировать всех, кому не нравятся правила, установленные властью, но и «приплачивать» тоталитарным индивидуумам через рейтинг. Индивидуализм будет стоить дорого, значит лучше поступать «как все». Система социального рейтинга становится инструментом противопоставления личности политической машине и обществу. Если понижение рейтинга будет

---

http://uk.businessinsider.com/china-social-credit-system-punishments-and-rewards-explained-2018-4/ (дата обращения 26.07.2019).

[23] Technology-enhanced authoritarian control with global consequences // *The Australian Strategic Policy Institute*. 28.06.2018. URL: https://www.aspi.org.au/report/social-credit (дата обращения 12.08.2019).

[24] China's New Tool for Social Control: A Credit Rating for Everything // *The Wall Street Journal*. 28.11.2016. URL: https://www.wsj.com/articles/chinas-new-tool-for-social-control-a-credit-rating-for-everything-1480351590 (дата обращения 12.08.2019).

[25] China: banned from traveling because social rating is too bad // *ECOVIS Beijing*. 07.03.2019. URL: https://ecovis-beijing.com/social-credit-system-china/ (дата обращения 13.07.2019).

[26] Авторитарное демократическое большинство легко представить, вспомнив большинство на комсомольском собрании, осуждающее за короткую юбку или отсутствие ночью в общежитии, карающее на основе демократического централизма, но не из ненависти к короткой юбке, а из желания продвинуться в глазах партийных товарищей.

переноситься и на тех, кто не разорвал отношения с политическими париями, остракизму подвергнутся и они.

Самым большим секретом системы социального рейтинга являются алгоритмы оценки поступков и поведения, за которые назначаются «ограничения». Даже в материалах 13-го пятилетнего плана говорится о сборе двух типов данных — кредитной информации и информации, связанной с кредитной (*credit-related information*), а также о совершенствовании «механизма наказания»[27]. Как начисляется «рейтинг»? Кто может вмешиваться в этот процесс на программном уровне, и может ли быть вмешательство адресным, неизвестно. Это открывает возможность преследовать неугодных не по политическим мотивам, а под видом требовательного отношения к любым проступкам без всяких обвинений в «либеральном поведении». То есть цифровая «клетка закона» может быть сконструирована как индивидуальная.

У системы социального рейтинга есть и другой механизм применения. Суды по всей стране получают доступ к «досье», собранному системой. Судьи будут руководствоваться этой «характеристикой» при вынесении решения по любым делам. В досье будет не только информация о человеке, но и оценка поведения, например, отнесение к спискам лиц (или групп) «недобросовестного поведения»[28].

Важно подчеркнуть следующее. Если прежде китайские власти провозглашали идеи (концепты), преследующие идеологические цели, которые на самом деле либо не имели референции в реальности, представляли собой пустую вербальную конструкцию, «шкатулку», в которой нет обещанного, то «система социального рейтинга» впервые сконструирована не как инструмент коммуникативного менеджмента, что-то обещающий, куда-то зовущий. Наоборот, за нейтральной вербальной оболочкой, используемой властями для обозначения рутинной меры регулирования рыночных отношений [29], теперь прячется инструмент политтехнологического менеджмента. По сути, власть выдает за обычную воду сильнодействующее лекарство[30].

Поиски новых «научных концепций развития» продолжатся, об этом говорит постоянное упоминание о «построении социализма с китайской спецификой» как о некой форме, содержание которой еще не прояснено. *«Необходимо ответить на вопрос о том, какой именно социализм с китайской спецификой нужно отстаивать и развивать в новую эпоху, и как его необходимо отстаивать и развивать»*[31]. Именно в традициях китайской общины, в доминирующих коллективистских основах китайского общества коренится приоритет группового интереса над индивидуальным. У властей КНР есть огромные возможности

[27] The 13-th Five-Year Plan for Economic and Social Development of The People's Republic of China 2016–2020. Chapter 71 Improve the Social Credibility. Section 2. Contribution to and Sharing of Credit Information // *National Development and Reform Commission (NDRC), People's Republic of China*. P. 71. URL: http://en.ndrc.gov.cn/policyrelease/201612/P020161207645766966662.pdf (дата обращения 12.08.2019).

[28] China improves social credit system // *The State Council. The People' Republic of China*. 20.03.2018. URL: http://english.gov.cn/state_council/ministries/2018/03/20/content_281476083529876.htm (дата обращения 12.08.2019).

[29] China to boost social credit system with new market regulatory measures // *The State Council. The People's Republic of China*. 12.06.2019. URL: http://english.gov.cn/premier/news/2019/06/12/content_281476712380328.htm (дата обращения 23.06.2019).

[30] Является диссимуляцией, т. е. кто-то делает вид, что у него нет того, что на самом деле есть [Baudrillard, 1981, p. 4–6].

[31] Полный текст доклада Си Цзиньпина на XIX съезде КПК // *XINHUANET.com*. 11.03.2017. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения 12.08.2019).

развивать «социализм с китайской спецификой» таким образом, чтобы именно плечо соседа затрудняло гражданскую автономность. Однако обещающая идеальный результат система социального рейтинга работает подобно административному кнуту и социальному прянику. Самой простой и эффективной реакцией населения может быть притворная, изображающая благонадежность с целью получения награды. Все признаки лояльности и подчинения правилам власть получит. В погоне за баллами социального рейтинга граждане могут сочинять и исполнять «оды партии» в Интернете, проявлять социальную ответственность, договариваясь с дальними родственниками об «уходе за ними», проявлять «массовый» активизм в официальных мероприятиях и симулировать волонтерские программы. В советском идеологическом дискурсе это явление уже с 1930-х гг. называлось «приспособленчеством», а в эпоху развитого социализма — «перерожденчеством», что и было одной из причин падения советского строя. Исходя из советского опыта, можно заключить, что есть срок — для разных обществ и политических систем он свой — за который «перерожденчество» (или развитие) меняет все общество вместе с правящей элитой. Этот процесс ускоряют внешние вызовы и смена экономических циклов: в СССР от послевоенной разрухи к сравнительно сытому застою, гонке вооружений и обнищанию 1990–1991 гг. В КНР постепенное снижение роста ВВП с 2007 г., отток капиталов за границу с 2015 г., рост госдолга, нарастающая военная и торговая конфронтация с США представляют вызовы, которые по своим каталитическим последствиям на общество сопоставимы с советскими.

Литература / References

Ленин В. И. Как нам реорганизовать Рабкрин // Ленин В. И. *Полное собрание сочинений*. Т. 45. М., 1970. С. 383–388 [Lenin V. I. How do we reorganize Rabkrin // Lenin V. I. *Complete Works*. T. 45. Moscow, 1970. Pp. 383–388 (in Russian)].

Лузянин С. Китай и XVIII съезд КПК // *Обозреватель*. 2013. № 1. С. 57 [Luzyanin S. China and the XVIII Congress of the CPC // *Observer*. 2013. 1. P. 57 (in Russian)].

Олсон М. Диктатура, демократия и развитие // *Экономическая политика*. 2010. № 1. С. 167–182 [Olson M. Dictatorship, Democracy and Development // *Ekonomicheskaya politika* (*Economic policy*). 2010. 1. Pp. 167–182 (in Russian)].

Портяков В. И. Доклад на круглом столе, проведенном 19 декабря 2017 г. в редакции журнала «Сравнительная политика» Центром комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД РФ // *Сравнительная политика*. 2018. № 9.2. С. 142 [Portyakov V. Y. Report at the round table held on December 19, 2017 in the editorial office of the journal "Comparative politics" by the Center for integrated Chinese studies and regional projects of MGIMO // *Sravnitelnaya politika* (*Comparative politics*). 2018. 9.2. Pp. 142 (in Russian)].

Степанова Ю. С. *Концепты. Тонкая пленка цивилизации*. М., 2007 [Stepanova Y. S. *Concepts. Thin membrane of civilization*. Moscow, 2007 (in Russian)].

Сунь Ятсен. *Избранные произведения*. М., 1985 [Sun Yat-Sen. *Featured Works*. Moscow, 1985 (in Russian)].

Фридман М. *Капитализм и свобода*. М., 2006 [Friedman M. *Capitalism and Freedom*. Moscow, 2006 (in Russian)].

Фромм Э. *Бегство от свободы*. М., 1990 [Fromm E. *Escape from Freedom*. Moscow, 1990 (in Russian)].

Baudrillard J. *Simulacres et simulation*. Paris, 1981.

Bray D. *Social Space and Governance in Urban China: The Danwei System From Origins to Urban Reform.* Stanford: Stanford University Press, 2005.

Huntington S. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman, 1993.

Weber M. *Weber's Rationalism and Modern Society*. Translated and Edited by T. Waters and D. Waters. New York, 2015.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Антикоррупционная кампания Си Цзиньпина и ее последствия // *ТАСС*. URL: http://korruptsiya-china.tass.ru/borba-s-korrupciey/ (дата обращения 12.08.2019).

Видео-свидетельство очевидца (James O'Malley @Psythor) // *Twitter*. URL: https://twitter.com/Psythor/status/1056811593177227264 (дата обращения 26.03.2019).

Доклад Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина на 3-м Пленуме ЦК КПК 18-го созыва. «Решение Пленума ЦК КПК по вопросу о комплексном углублении реформ». URL: http://russian.cntv.cn/special/18thcpcsession/index.shtml (дата обращения 16.06.2019).

Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на XIX съезде КПК // *XINHUANET.com*. 11.03.2017. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения 12.08.2019).

Уведомление Государственного совета по печати и распространению проектов построения системы социального кредита (2014–2020 гг.). 国务院关于印发社会信用体系建设规划纲要（2014—2020年）的通知 // *Gov.cn*. 14.06.2014. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2014-06/27/content_8913.htm (дата обращения 12.08.2019).

China has started ranking citizens with a creepy "social credit" system — here's what you can do wrong, and the embarrassing, demeaning ways they can punish you // *Business Insider*. 29.10.2018. URL: http://uk.businessinsider.com/china-social-credit-system-punishments-and-rewards-explained-2018-4/ (дата обращения 26.07.2019).

China improves social credit system // *The State Council. The People' Republic of China*. 20.03.2018. URL: http://english.gov.cn/state_council/ministries/2018/03/20/content_281476083529876.htm (дата обращения 12.08.2019).

China to boost social credit system with new market regulatory measures // *The State Council. The People's Republic of China*. 12.06.2019. URL: http://english.gov.cn/premier/news/2019/06/12/content_281476712380328.htm (дата обращения 23.06.2019).

China: banned from traveling because social rating is too bad // *ECOVIS Beijing*. 07.03.2019. URL: https://ecovis-beijing.com/social-credit-system-china/ (дата обращения 13.07.2019).

China: Don't Legalize Incommunicado Detentions // *Human Rights Watch*. 12.03.2012. URL: https://www.hrw.org/news/2012/03/12/china-dont-legalize-incommunicado-detentions (дата обращения 12.08.2019).

China's New Tool for Social Control: A Credit Rating for Everything // *The Wall Street Journal*. 28.11.2016. URL: https://www.wsj.com/articles/chinas-new-tool-for-social-control-a-credit-rating-for-everything-1480351590 (дата обращения 12.08.2019).

Mao F. Xi Jinping: "Not my president" posters emerge outside China // *BBC News*. 12.03.2018. URL: http://www.bbc.com/news/world-australia-43339804 (дата обращения 23.04.2019).

Meissner M. China's Social Credit System. A big-data enabled approach to market regulation with broad implications for doing business in China // *Mercator Institute for China Studies*. 24.05.2017. URL: www.merics.org (дата обращения 23.04.2019).

Technology-enhanced authoritarian control with global consequences // *The Australian Strategic Policy Institute*. 28.06.2018. URL: https://www.aspi.org.au/report/social-credit (дата обращения 12.08.2019).

The 13-th Five-Year Plan for Economic and Social Development of The People's Republic of China 2016–2020. Chapter 71 Improve the Social Credibility. Section 2. Contribution to and Sharing of Credit Information // *National Development and Reform Commission (NDRC). People's Republic of China*. URL: http://en.ndrc.gov.cn/policyrelease/201612/P020161207645766966662.pdf (дата обращения 12.08.2019).

3138. Какую дипломатическую концепцию представляет собой «Сообщество судьбы» // *Народная сеть — Сеть новостей Коммунистической партии Китая*. 近平　提的“命运共同体”是怎样一种外交理念？— 报道–人民网. URL: http://cpc.people.com.cn/xuexi/n/2015/0610/c385474-27133972.html (дата обращения 23.06.2019).

СТАРЫЕ ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ РЕШЕНИЯ В ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ФОРМАТА ОБОЛОЧКИ «ЛЕКСИКОТРОНИКА» ДЛЯ ЭЛЕКТРОННОГО ЯПОНСКО-РУССКОГО СЛОВАРЯ. ЧАСТЬ II

© 2019
К. И. Демич, А. В. Костыркин*

Предлагаемая часть публикации продолжает ранее начатое обсуждение ключевых лексикографических проблем [Демич, Костыркин, 2019, с. 275–291]. С разделением в цифровой среде пространства хранения и представления словарных данных, вместе с новыми возможностями для решения старых проблем возникают и новые вызовы. По мнению авторов, такое разделение не ведет к их абсолютной поляризации, а соответствует двум способам оперирования данными, благодаря чему в пространстве хранения возможно выделить несколько взаимозависимых лексикографически содержательных уровней. Верхние уровни хранения данных сильнее связаны с режимом их отображения и должны быть ориентированы на соответствующие задачи: экономию читательского внимания и усилий редактора. Осмысляя новые вызовы на заре электронной эры, Н. Ю. Шведова продолжила традицию выявления лексикографических парадоксов. В фокусе ее интереса оказались проблемные явления классного уровня языка. В следующей заключительной части публикации будут рассмотрены новые техники лексикографирования, доступные с использованием преимуществ и ресурсов электронной среды при описании этих явлений на адекватном им уровне медио-структур словаря, где возможно разрешение основных противоречий словарного жанра. Одна из техник основана на идее словарных проекций. Формулируя свои антиномии электронной лексикографии, В. П. Селегей также продолжает традицию, начатую Л. В. Щербой. В его рассуждениях особое место занимает идея словарных проекций, восходящая к работам группы М. Нагао и введенная в отечественную лексикографию В. М. Андрющенко применительно к задачам автоматизации обработки словарных данных. Как разновидность таких проекций в качестве альтернативы «адаптированным к пользователю» словарным представлениям может рассматриваться и разделение составительского и читательского представлений.

Ключевые слова: теория лексикографии, электронные словари, гипертекст, словарные проекции, словарные антитезы, эргономика.

* Кирилл Игоревич ДЕМИЧ, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; cyrlc@yandex.ru

Kyrill I. DEMICH, Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; cyrlc@yandex.ru

Александр Вячеславович КОСТЫРКИН, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kost@ivran.ru

Alexander V. KOSTYRKIN, PhD (Linguistics), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; kost@ivran.ru

OLD CHALLENGES AND NEW SOLUTIONS IN DIGITAL ENVIRONMENT: THE POTENTIAL OF “LEXICOTRONICA” JAPANESE DICTIONARY SHELL APPLICATION’S FILE FORMAT. PART II

Kyrill I. Demich, Alexander V. Kostyrkin

The present part of the paper continues the foregoing discussion of the key lexicographical contradictions [Demich, Kostyrkin, 2019, p. 275–291]. Along with the separation of storage and presentation space in digital environment new opportunities and new challenges for computational lexicography appear. In authors’ opinion, such separation is not absolute but correlates with two modes of data processing, consequently several substantial levels of lexicographical data storage can be distinguished. The upper levels of storage are more tightly bound with data presentation mode and shall be oriented to the related task of saving the user’s efforts and attention resources — both reader’s and editor’s. Continuing Leon Scherba’s tradition, N. Yu. Shvedova conceives the dictionary contradictions at the dawn of electronic age. Her point of concern is challenges of linguistic category level phenomena. In authors’ point of view these challenges can be approached with dictionary medio-level structures in order to resolve the basic lexicographic paradoxes by digital environment opportunities to full-fledged operation at the medio-level. The novel lexicographic techniques that will be introduced in the final part of the paper operate on this level. One of them employs the idea of vocabulary projections. V. P. Selegey states his antinomies for electronic dictionary the same way. The “viewpoints” or “perspectives” idea, taking central place in his argument, goes back to the Japanese dictionary researches group of M. Nagao and was introduced with aim at data processing automation to Soviet lexicography by V. M. Andryushchenko through terms of “vocabulary projections”. In this fashion detachment of author and reader perspectives can also be viewed as a kind of these projections, as well as the concept of “user-adapted dictionary view”.

Keywords: theory of lexicography, electronic dictionaries, hypertext, perspectives on lexicon; vocabulary projections, lexicographical paradox, user studies.

АНТИТЕЗЫ ЭЛЕКТРОННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Формулируя свои антитезы типологии словарей, Л. В. Щерба мыслил их как первый шаг на пути создания отсутствующей на тот момент лексикографической теории [Ступин, 1985, с. 7]. В продолжение отечественной традиции выявления лексикографических противоречий можно назвать «парадоксы» Н. Ю. Шведовой [Шведова, 1988] и «антиномии» В. П. Селегея [Селегей, 2002].

Лексикографический сборник «Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре» 1988 г., посвященный темам и актуальному на тот момент пониманию роли, задач и перспектив в «создании словарей... в разнообразных ситуациях обращения к языку достижений вычислительной техники и информатики» (с. 4), где опубликована статья Н. Ю. Шведовой, в сущности предлагает рассматривать выявленные ей противоречия с позиции и в контексте задач, стоящих перед электронной лексикографией. Обозначая вызовы, вставшие перед бумажной лексикографией на пороге электронного века, Н. Ю. Шведова по-новому ставит вопрос о единстве методов и задач словарного описания. По сути, в ее вопросе «что же за произведение словарная статья?» хорошо угадывается целый комплекс исторически сложившихся, уже названных выше противоречий, в силу которых специфика

словарного жанра становится все менее очевидной. Н. Ю. Шведова говорит о пяти парадоксах словарного описания. Остановимся на первых трех выделенных ею взаимосвязанных противоречиях:

1) всеохватность задачи *vs.* миниатюрность жанра;

2) «классоцентризм» языка *vs.* «лексикоцентризм» слова;

3) концентрированность информации словарной статьи *vs.* присущая ей потенция восстановления общей картины классов.

Можно сказать, что фокус статьи Н. Ю. Шведовой вполне в русле современных ей тенденций, связанных с повышенным вниманием к «классному» уровню словарного описания, так называемой медио-структуре — промежуточной между традиционно выделяемыми микро- и макро-структурами [Бальвег-Шрамм, Шумахер, 1983, с. 207], хотя Н. Ю. Шведова и подходит к этой проблематике только в терминах классов и не ставит ее непосредственно в ряд структурных иерархий словаря. По мысли Н. Ю. Шведовой [Шведова, 1988, с. 6–7], устоявшаяся лексикографическая практика показа принадлежности слова к каждому из классов средствами косвенной семантизации, от специальных классифицирующих помет до классификации контекста с помощью примеров и приемов гнездования, когда «типология словесных окружений» выявляется с помощью «иллюстративных речений», «отнесенность к лексико-семантическому классу — средствами толкующей части», принадлежность к части речи — «специальной классной пометой, флексиями, толкующей формулой, грамматическим видом иллюстративного речения», «принадлежность к деривационному классу выявляется через структуру гнезда» и др. — не может быть охарактеризована только в терминах типологии словарей; этот комплекс лексикографических условностей имманентно присущ микро-уровню и не может быть окончательно из него вычленен. Однако именно классы словарных слов, «внутренняя организация лексико-семантических групп, выделяемых в словнике (лексиконе) на разных основаниях (т.е. структура семантических полей, тематических групп, ассоциативных полей)» [Агрикола, 1984, с. 73] объявляются объектами рассмотрения медио-уровня. Имеющиеся на сегодняшний момент наработки в электронной лексикографии позволяют, оглядываясь назад, указать как на источник парадокса, на то обстоятельство, что типографский формат словаря не предоставляет самостоятельных и полноценных средств для описания таких медио-структур. Разнообразные приложения к словарям, призванные заниматься классами его имплицитного медио-уровня, производят впечатление фрагментов, вырванных из грамматик и других справочных изданий, и в той степени, в которой они не могут быть органично встроены в бумажный словарь, они ими и остаются. Можно сделать вывод, что полноценная и самостоятельная лексикографическая теория, как ее задумывал еще Л. В. Щерба, оказывается возможна только в электронной среде, располагающей необходимым ресурсом для работы на уровне медио-структур словаря, на котором и осуществляется разрешение основных противоречий словарного жанра.

В этом смысле на сегодняшний момент вопрос стоит не об отрыве лексикографической теории от практики [Atkins, 1996, p. 33], а об их разрыве: теория ушла в отрыв не по всему фронту, а лишь на некоторых участках, на других участках вперед выдвинулась практика, которая оказалась на передовой без теоретической поддержки. Зазор между теорией и практикой, в который как раз и попадают структуры словарного медио-уровня, не заполнен по двум причинам. С одной стороны, готовые

для обобщения внутри новой теории и отвечающие ее принципам данные, доставшиеся в наследство от бумажной лексикографии, недостаточно полны и хорошо организованы на этом уровне. С другой стороны, для проверки теоретических положений не хватает практических средств моделирования проблемных зон, попадающих в этот зазор.

С современных позиций парадоксы Н. Ю. Шведовой могут быть дополнены «антиномиями бумажной лексикографии» В. П. Селегея, который указывает на следующие три «бумажные» антиномии:

1. Чем больше объем словаря, чем полнее и доказательнее описание лексических значений, тем сложнее им пользоваться;
2. Чем полнее и глубже описание лексических значений, тем в меньшей степени словарь соответствует текущей языковой и культурной ситуации;
3. Чем интереснее собственно лексикографическая концепция словаря, чем интегральнее средства описания лексических значений, тем уже его лексическая база [Селегей, 2002].

Уже из самого названия и формулировки этих антитез видно, что В. П. Селегей понимает их как отягощающее наследие бумажной лексикографии, от которого, тем не менее, нельзя отмахнуться, поскольку их недостаточное осмысление ведет к появлению нового противоречия: «между новыми языковыми компьютерными технологиями и старым традиционным словарным содержанием, не позволяющим воспользоваться этими технологиями в полном объеме» [Селегей, 2002, с. 32].

Оставшиеся неразрешенными «бумажные» противоречия он дополняет еще одним, идущим уже из истории развития информатики и вычислительной техники: «словарь представляет собой модель языка, устроенную на совершенно иных принципах, чем те формальные модели, которые лежат в основе этих технологий» [Селегей, 2002, с. 32]. Методы автоматической обработки текста, ставшие традиционными в электронной среде, такие как морфологический анализ и полнотекстовый поиск — методы, являющиеся дополнительными, затеняют модель, по которой строится сам электронный словарь, блокируют осознание этой модели еще на этапе проектирования словаря. Более того, их доминирование не дает и полноценно осознать сущность лексикографической метазадачи.

В. П. Селегей понимает, что возможности ЭВМ позволяют решать более принципиальные вопросы, чем это виделось на заре автоматизации, и это должен быть шаг вперед по сравнению с бытовавшим в то время взглядом, согласно которому компьютер в лексикографии виделся лишь в качестве средства оптимизации рутины, когда «машина взяла на себя массу технической, однообразной, не требующей никакого творчества работы и тем самым освободила составителей от выполнения тяжелых рутинных операций, которых так много при составлении любого справочника» [Ступин, 1985, с. 115], но при этом не ставилось новых словарных задач, разрешимых в новой среде, и которые немыслимы в среде бумажной, тогда как, если говорить о роли и возможностях ЭВМ применительно к их решению, то «в пределе это должно быть единое интегральное лексико-синтактико-семантическое описание» [Селегей, 2002]. И хотя эта задача стоит со всей остротой, В. П. Селегей считает, что заимствованные из автоматического перевода теории и методы сами по себе еще не дают возможности приблизиться к ее решению.

В. П. Селегей только намечает возможные пути поиска решений, в частности, как возможности создания разных проекций содержания словарной статьи, которые становятся доступны благодаря разнице между формой хранения (*storage space*) и способами представления (*presentation space*) данных электронного словаря [Lew, 2011]. Хотя и не в терминах теории графов, соответствующих пониманию электронного словаря как гипертекстовой базы данных, В. П. Селегей, в сущности, ищет основание новой словарной модели в направлении, сходном с теорией гипертекста как средства каталогизации знаний, которое предполагает выработку «наборов правил, обеспечивающих “хорошие” смысловые свойства цепочек текстовых фрагментов, выделяемых в гипертекстовой сети» [Субботин, 1994, с. 93], поскольку по Селегею «специфика словарного ответа в том, что он дает весьма разнообразную информацию о слове или словосочетании, а не просто переводное соответствие, предполагает активный выбор пользователя из нескольких возможных хорошо обоснованных альтернатив» [Селегей, 2002, с. 32].

Такого рода решения могут оказаться добротной альтернативой созданию словарных представлений, «адаптированных к пользователю» (*user-adapted view*, см. [Müller-Spitzer, 2008]) посредством обращения либо к самым общим типологиям пользователей, либо к истории пользовательских запросов, когда при помощи технологий, заимствованных из маркетинга, словарь динамически подстраивается к определенной группе читателей и контекстам использования словаря подобно тому, как товар адаптируется к определенной группе потребителей и рыночной нише. А. Рей и С. Делесаль в 1979 г. [Рей, Делесаль, 1983, с. 270], возможно, несколько поспешили объявить «смехотворной» дихотомию «“коммерческих словарей” (иначе говоря, словарей, издаваемых фирмами, которые открыто ищут прибыли) и описаний, “не имеющих отношения к прибыли”, носящих сугубо научный характер», и полностью заменить ее противопоставлением между «сводными, компилятивными текстами с одной стороны, и текстами, построенными в соответствии с заданной целью, — с другой», поскольку не учитывали неизвестных на тот момент способов электронного представления знаний и возможного главенства в них маркетинговых стратегий и технологий. Идея фильтрации информации в таком «адаптирующемся словаре» (*adaptive*, [Müller-Spitzer, 2008]), ведущей к созданию своеобразного «информационного кокона», отсекающего пользователя от информации актуально релевантной для каждого пользовательского запроса, в действительности также заимствована из области автоматического перевода, где пользователь выключен из процесса и лишь получает готовый результат. Такой подход неадекватен справедливым и обоснованным ожиданиям читателя, обращающегося за справкой к гипертекстовой базе данных, поскольку противоречит базовым принципам доступа к информации посредством гипертекста [Субботин, 1994, с. 90–94], где «браузинг — основная форма информационного поиска» [Carmel, McHenry, Cohen, 1989, p. 35], и противостоит принципу «адаптируемого словаря» (*adaptable*, см. [Granger, 2012]), когда пользователь в режиме реального времени имеет возможность постоянно корректировать поиск. В целом, метод исключительно программной «(пред)адаптации к пользователю» лексикографического контента, как в случае с «адаптируемым», так и с «адаптирующимся» словарем ведет к тому, что, как правило, словарь, как его структура и содержание, вынужденно не отделяется ни от электронного формата данных такого

словаря, ни от ориентированной на такой формат программной оболочки, по принципу «один словарь — один формат — одна оболочка». В лучшем случае, это линейка словарей одного издательства, что отрицательно сказывается на разработке универсальных словарных форматов и соответствующего программного обеспечения.

Идея словарных проекций

Частично в той же плоскости лежит поднятый В. П. Селегеем общий вопрос о предполагаемых словарных проекциях как «изощренных возможностях показа содержания словарной статьи» [Селегей, 2002, с. 31]. Идея таких «проекций» или «перспектив» (*viewpoints*), о которых в отечественной лексикографии первым заговорил В. М. Андрющенко [Андрющенко, 1988, с. 208, 210], была инспирирована японскими исследованиями в области электронной лексикографии [Nagao et al., 1980]. Андрющенко видел будущее лексикографии в разработке методов автоматического формирования виртуальных словарных статей по пользовательскому запросу на основе универсальной словарной базы. Универсализация при этом должна достигаться за счет унификации разнородных данных разных словарей и структурного согласования их статей. Словарная проекция на этом этапе еще не мыслилась как полноценный лексикографический прием, нацеленный на решение фундаментальных лексикографических и лексикологических задач: задач классификации, выявления реальных неучтенных аспектов семантики и других лингвистических фактов. Речь шла лишь об определенных способах поиска и отображения уже зафиксированной в базах релевантной информации.

Очевидно, что полноценная реализация идеи словарных проекций не только открывает определенные перспективы, но и ставит ряд дополнительных теоретических вопросов, без решения которых такая реализация невозможна. Прежде всего, ее рассмотрение придется начать с различения фактической стороны выявляемых при лексикографировании языковых явлений как проекциях семантики слова и того, *как* зафиксированные электронным словарем факты предъявляются читателю в различных экранных представлениях. Необходимо, соответственно, различать с одной стороны те приемы, с помощью которых фиксируются первичные лингвистические факты, а с другой те, с помощью которых релевантные пользовательскому запросу словарные данные «проецируются» на экран.

Ставшее главным приобретением электронной лексикографии революционное разделение ранее единого полиграфического словарного пространства на место в памяти компьютера и пространство визуального представления данных, однако, не ведет к их абсолютной поляризации: *storage space vs. presentation space*. Со снятием ограничения на объем сохраняемой информации наибольшую актуальность приобретает не разведение двух «пространств», а выделение двух способов оперирования данными: в режиме хранения и в режиме их представления. Проблема соотношения двух типов словарного пространства, таким образом, не отпадает совершенно, а усложняется, отношения между ними становятся более гибкими.

Пространство хранения (*storage space*) в широком смысле предполагает несколько режимов оперирования данными и распадается на несколько взаимозависимых уровней: от их физического представления на самом нижнем в долговременной или оперативной памяти компьютера до содержательно осмысленной организации хранилища как

лексикографически ориентированной базы данных. Верхние уровни хранения данных сильнее связаны с режимом их отображения и ориентированы на соответствующие ему задачи: экономию читательского внимания и экономию усилий редактора. Задачей определенных уровней помимо корректной фиксации информации является обеспечение ее быстрого и точного поиска. На некоторых уровнях хранения, таким образом, основным параметром становится не объем, а формат данных и их структура, которые подлежат оптимизации.

Поскольку развернутый разговор о «словарных проекциях» как о полноценном и комплексном лексикографическом подходе предполагает уже даже не столько решение актуальной задачи экономии читательского внимания, связанной с тем, *как* предъявляется читателю содержание словаря, но прежде всего ответ на вопрос о том, *что*, какое содержание будет предъявлено читателю, т.е. вопрос об отражении фактов описываемого языка и достоверных способах их выявления, то соответственно этому, новое понимание приобретает задача экономии редакторских усилий. Последняя, в новом расширенном толковании, оказывается тесно связана с вопросом о снаряжении редактора необходимым инструментарием, способным обеспечить требуемую достоверность, об особых редакторских эвристиках и эргономических решениях, включая задачу создания системы специальных составительских, редакторских представлений.

Такая система, с одной стороны, должна быть нацелена на способы обработки и фиксации информации, в том числе и средствами словарной разметки, которые связаны с ее хранением, когда лексикографически осмысленное обращение к хранилищу (*storage space*) обусловлено необходимостью размещения в нем данных, а не только их поиском и извлечением, как в случае выполнения пользовательского запроса. С другой стороны, способы подготовки составителем словарных данных к хранению, включая различные подходы к разработке и филиации смысловой структуры слова, разные методы использования косвенной семантизации и др., отталкиваются от того же единого набора базовых лексикографических приемов и условностей, с помощью которых осуществляется репрезентация этих данных в рамках читательских представлений, но несколько под другим углом. И с этой точки зрения, на уровне лексикографически содержательного хранения в системе должно обеспечиваться единство словарных данных.

Кроме того, развитие идеи множественных словарных проекций — это еще и актуальный подход к важному и серьезному вопросу о «читателях и писателях» [Селегей, 2002, с. 32], с позиции разных, свойственных им способов обращении с визуальным пространством (*presentation space*), т. е. взгляд на редактора и составителя тоже как на читателя, но специфического, со своими особыми требованиями к визуализации данных. В электронной среде становятся различимы эти слитые в бумажном представлении точки зрения. Если раньше составитель видел то же, что и читатель словаря, то сейчас эти представления могут быть разнесены, но при условии, что единое видимое пространство бумажного словаря в электронном словаре трансформируется в скрытое единство словарных данных. Соответственно, для поддержания этого единства и идентичности данных система составительских представлений изначально должна включать в набор и такие, которые дают возможность автору взглянуть на статью

глазами конечного пользователя, обычного читателя, т.е. обладать некоторыми свойствами электронной словарной оболочки.

В теории традиционной лексикографии вопросы разницы в восприятии материала читателями и авторами словаря, особенно, в плане неявных связей его имплицитного медио-уровня, уже вскользь затрагивались [Фельдман-Конрад, 1970, с. 68, 70], поскольку и в «бумажную» эпоху автор видел несколько больше, чем читатель, под другим углом, в другом ракурсе, масштабе и перспективе, имея доступ к картотеке, но в полном объеме и всесторонне эта проблема может быть вскрыта и осмыслена только с возникновением для нее как более серьезных причин, так и средств решения.

Литература / References

Агрикола Э. Микро-, медио- и макроструктуры как содержательная основа словаря (пер. с нем.) // *Вопросы языкознания*. 1984. № 2. С. 74–82 [Agricola E. Mikro-, Medio- und Makrostrukturen als Informationen im Wörterbuch // *Voprosy yazykoznaniya* (*Linguistics Issues*). 1984. 2. Pp. 74–82 (in Russian)].

Андрющенко В. М. Автоматизация в лексикографии. Современное состояние и новые возможности. // *Советская лексикография*. М., 1988. С. 201–224 [Andryushchenko V. M. Automation in Lexicography // *Soviet Lexicography*. Moscow, 1988. Pp. 201–224 (in Russian)].

Бальвег-Шрамм А., Шумахер Л. Словарь глагольных валентностей на семантической основе // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 14. М., 1983. С. 201–226 [Ballweg-Schramm A., Schumacher H. Verbvalenz-Wörterbuch auf semantischer Basis // *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* (*New in Foreign Linguistics*). Vol. 14. Moscow, 1983. Pp. 201–226 (in Russian)].

Демич К. И., Костыркин А. В. Старые вызовы и новые решения в вычислительной среде: возможности формата оболочки «Лексикотроника» для Электронного японско-русского словаря. Часть I // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019. № 2. С. 275–291 [Demich K. I., Kostyrkin A. V. Old Challenges and New Solutions in Digital Environment: The Potential of “Lexicotronica” Japanese Dictionary Shell Application’s File Format. Part I // *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN* (*Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*). 2019. 2. Pp. 275–291 (in Russian)].

Рей А., Делесаль С. Проблемы и антиномии лексикографии // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 14. *Проблемы и методы лексикографии*. М., 1983. С. 261–300 [Rey A., Delesalle S. Problemes et conflits lexicographiques // *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* (*New in Foreign Linguistics*). Vol. 14. Moscow, 1983. Pp. 261–300 (in Russian)].

Селегей В. П. Электронные словари и компьютерная лексикография // *Новости искусственного интеллекта*. 2002. № 1 (49). С. 31–33 [Selegey V. P. Electronic Dictionaries and Computational Lexicography // *Artificial Intelligence News*. 2002. 1 (49). Pp. 31–33 (in Russian)].

Ступин Л. П. *Лексикография английского языка*. М., 1985 [Stupin L. P. *Lexicography of English Language*. Moscow, 1985 (in Russian)].

Субботин М. М. Гипертекст. Новая форма письменной коммуникации // *Итоги науки и техники. Серия «Информатика»*. Т. 18. М., 1994 [Subbotin M. M. Hypertext. New Form of Written Communication // *Results of Science and Technology. Series “Informatics”*. Vol. 18. Moscow, 1994 (in Russian)].

Фельдман-Конрад Н. И. *Вопросы японско-русской лексикографии*. Дисс. на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1970 [Feldman-Konrad N. I. *The Matters of Japanese-Russian Lexicography*. PhD (Philology) Dissertation. Moscow, 1970 (in Russian)].

Шведова Н. Ю. Парадоксы словарной статьи // *Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре*. М., 1988. С. 6–11 [Shvedova N. Yu. Paradoxes of the Dictionary Entry // *National Specifics of Language and its Reflection in the Normative Dictionary*. Moscow, 1989. Pp. 6–11 (in Russian)].

Atkins B. T. S. Bilingual Dictionaries: Past, Present, and Future // Gellerstam M. et al. *Proceedings of the 7th EURALEX International Congress*. Göteborg, 1996. Pp. 515–546.

Carmel E., McHenry W. K., Cohen Y. Building Large, Dynamic Hypertexts: How Do We Link "Intelligently"? // *Journal of Management Information Systems*. 1989. 6.2. Pp. 33–50.

Granger S. Introduction: Electronic Lexicography — from Challenge to Opportunity // Granger S., Paquot M. (eds.). *Electronic lexicography*. Oxford, 2012. Pp. 1–11.

Müller-Spitzer C. Research on Dictionary Use and the Development of User-Adapted Views // Storrer A., Geyken A., Siebert A., Würzner K.-M. (eds.). *Text Resources and Lexical Knowledge. Selected Papers from the 9th Conference on Natural Language Processing KONVENS 2008*. Berlin, New York, 2008. Pp. 223–238.

Nagao M., Tsujii J., Ueda Y., Takiyama M. An Attempt to Computerized dictionary Data Bases // *COLING 80. Proceedings of the 8th International Conference on Computational Linguistics*. Tokyo, 1980. Pp. 534–542.

Электронные ресурсы / Electronic Resources

Lew R. Space Restrictions in Paper and Electronic Dictionaries and Their Implications for the Design of Production Dictionaries // Bański P., Wójtowicz B. (eds.). *Issues in Modern Lexicography*. München. 2011. URL: https://repozytorium.amu.edu.pl/bitstream/10593/799/1/Lew_space_restrictions_in_paper_and_electronic_dictionaries.pdf (дата обращения 23.05.2019).

«ГОЛОСОВАЯ СИСТЕМА КИТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ» Ж.-М. КАЛЛЕРИ, ЗАМЕЧАНИЯ К НЕЙ О. ИАКИНФА (БИЧУРИНА), КРИТИЧЕСКАЯ ПЕРЕОЦЕНКА В. П. ВАСИЛЬЕВЫМ: ТРИ ГРАНИ ОДНОГО ВОПРОСА

© 2019

К. А. Кожа*

В статье раскрывается взаимосвязь теоретических находок трех авторов-синологов середины XIX в.: Ж.-М. Каллери — автора известного труда *Systema phoneticum scripturae sinicae* (Макао, 1841 г.), о. Иакинфа Бичурина, выполнившего перевод этой работы на русский язык и снабдившего ее обширными комментариями, и В. П. Васильева, который одним из первых сумел разглядеть теоретические перспективы постулатов, интуитивно выдвинутых Каллери. В статье анализируются отдельные фрагменты рукописи Бичурина «Голосовая система китайского языка и письма Каллери» (1842 г.) и некоторые заметки на полях, принадлежащие, как полагает автор статьи, Васильеву. В своей *Системе* Каллери разработал и предложил альтернативное видение устройства китайской письменности, идущее вразрез с общим подходом к описанию китайского языка, сложившемся в Европе на рубеже XVIII–XIX вв. Бичурин, будучи убежденным сторонником классического подхода, не принял концепцию Каллери в самой ее сути и на протяжении всего текста аргументировано отстаивал позиции традиционной китайской филологии. В. П. Васильев в работе «Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского словаря» (1867 г.) выступил в защиту системы Каллери, оценив заложенные в ней перспективы и укорив современников автора в недальновидности и предвзятости суждений в отношении этой новаторской работы. Неординарная, не воспринятая современниками работа Каллери, бесценная по охвату лингвистического материала рукопись о. Иакинфа[1], восприятие озвученных в этих текстах идей В. П. Васильевым в его академическом изложении, — уникальное в мировой синологии свидетельство формирования важного этапа лингвистической теории.

Ключевые слова: идеографизм, китайская письменность, фонетическая система, структура иероглифа.

---

* Ксения Анатольевна КОЖА, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН; ksenia.kozha@gmail.com

Ksenia A. KOZHA, PhD (Philology), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS; ksenia.kozha@gmail.com

[1] Издание рукописи готовится в настоящий момент сотрудниками Института востоковедения РАН и будет осуществлено в течение 2020–2021 гг.

"SYSTEMA PHONETICUM SCRIPTURAE SINICAE" BY J.-M. CALLERY, TRANSLATION AND COMMENTS BY FATHER IAKINF (BICHURIN), CRITICAL REVIEW BY V. P. VASILIEV: ONE MANUSCRIPT, THREE DIMENSIONS

Ksenia A. Kozha

The article explores the link between three prominent authors in the field of Chinese language studies in the mid. XIXth century — French sinologist of Italian origin J.-M. Callery, Father Iakinf Bichurin (比丘林, Father Iakinf (or Hyacinthus, 1777–1853) and V. P. Vasiliev (1818–1900). The link is based on Callery's famous *Systema phoneticum scripturae sinicae* (1841), translated into Russian by Bichurin and supplied with his extensive critical notes. Callery was seeking to present the evolution of the Chinese script through the prism of phonetics. Focusing on demonstrating the striking contrast between his novel ideas and the traditional radical-based approach, he appeared captivated by the idea of the dominant role of phonetic elements in the genesis of the Chinese script, an idea doomed to be rejected by the scholarly world at the time. A strong adherent of classical doctrine, Bichurin did not share Callery's standpoint, his critical observations of Callery's key premises were made in something of a contradictory spirit, which helps us see still further into the Russian's understanding of the Chinese language. Two decades later V. P. Vasiliev turned to Callery's work in his search for a new principle of the Chinese characters' arrangement and left some interesting marginal notes of Bichurin's unpublished translation.

Keywords: ideography, Chinese script, phonetic system.

В основе проведенного исследования лежит малоизвестная работа о. Иакинфа Бичурина (1777–1853) «Голосовая система с замечаниями, написанными для Академии наук в 1842 году»[2], представляющая собой перевод с развернутыми комментариями к книге итало-французского синолога Ж.-М. Каллери (J.-M. Callery, 1820–1862) *Systema Phoneticum Scripturae Sinicae* (Макао, 1841 г.). Книга была прислана автором российскому министру народного просвещения и президенту Академии наук С. С. Уварову (при письме от 7 октября 1842 г.)[3] из Парижа в надежде на содействие в издании последующего, весьма объемного труда г-на Каллери *Dictionnaire encyclopédique de la langue chinoise* (Париж, 1845 г.). Книга была направлена на рецензию о. Иакинфу, который не только скрупулезно перевел текст с латинского на русский, но и предоставил развернутый научный анализ этой работы.

В одной из предыдущих статей об этой рукописи автором нынешней статьи уже были рассмотрены различные аспекты ее структуры и теоретического содержания [Кожа, 2014, с. 521–532]. Настоящее исследование предпринято с целью раскрыть значение этого труда в истории формирования российской академической традиции описания восточных языков. В этой связи рассмотрим, прежде всего, научно-философский контекст появления *Системы* Каллери. Затем поговорим о том, как оценивал этот труд о. Иакинф, а чуть позже — выдающийся представитель следующего

---

[2] Голосовая система китайского языка и письма. 1842 г. Почерк писарский. Без переплета и титульного листа. НАРТ. Хрон. кат. БКДА. Ф. 10.5.847. На первом листе приписка Бичурина: «Голосовая система с замечаниями, написанными мною для Академии наук в 1842 году».

[3] РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 391 (1843 г.). Л. 3–39; НАРТ. Ф. 847. Оп. 5. Д. 10. Л. 1–95.

поколения русской синологии В. П. Васильев (1818–1900). Рассмотрим любопытные карандашные заметки на полях рукописи, оставленные, как полагает автор статьи, рукой Васильева. Все это позволит проследить пути развития лингвистической китаеведной мысли той эпохи в момент ее выхода на новый виток формирования языковой теории.

Необходимо сказать несколько слов о тексте самого первоисточника. В своей *Системе* Каллери разработал и предложил альтернативное видение устройства китайской письменности, идущее вразрез с общим подходом к описанию китайского языка, сложившемся в Европе на рубеже XVIII–XIX вв. [Breitenbach 2000; 2008; Chappell, Peyraube, 2014; O'Neill, 2016]. Стержень новой системы — фонетические компоненты иероглифов или *фонетики*, а не семантические указатели или *ключи*, бывшие предметом продолжительной эпохи исследований и поисков *clavis sinica* в Европе [Barreto, 2017]. Первенство в разработке сходных идей относительно китайской письменности принадлежит франко-американскому синологу П. Дюпонсо (P. S. Du Ponceau, 1760–1844), десятилетием ранее обосновавшим свою концепцию фонетизма как неотъемлемой сущности всякой письменности в знаковой работе о природе и свойствах китайского письма [DuPonceau, 1838]. Такое концептуальное смещение акцента в подходе к описанию языка — естественное отражение нового этапа в развитии лингвистического мышления, так называемой пост-шампольонской эры [4]. Идеи Дюпонсо широко обсуждались в научной литературе того времени [5]. Стоит заметить, что и столетие спустя идеографизм китайской письменности продолжал оставаться темой серьезных научных дискуссий (например, между Х. Крилом и П. Будбергом)[6].

По-видимому, Каллери не был знаком с работами американского единомышленника, поскольку нигде на него не ссылается. Однако практически параллельно и в соответствии с этим новым видением он предпринял попытку организации китайского словаря (всего 13921 иероглифов) по фонетикам (их он выделил 1039), а не по ключам, как это было принято в традиционной китайской лексикографии. Метод Каллери заключался в последовательном отходе от термина «идеографический» применительно к китайскому языку:

«Quod ad litteras sinicas attinet, susceptum est praesens opus ad probandum eas esse juxta systema phoneticum efformatas; idcircò concludendum non dubito, scripturam merè ideographicam in usu communi nunquàm extitisse, et omnia graphica systemata quae scripturae nomen merentur, aut umuinò phonetica fuisse, aut saltem ideo-phonetica [Callery, 1841, p. 6].

«Что касается до китайских букв, настоящий труд с той целью и предпринят, чтобы доказать, что они составлены по голосовой системе: почему с полной уверенностью могу заключить, что письма чисто идеографического никогда не было в общем употреблении, и все системы чертежные grafica systemata, заслуживающие название письма, были совершенно голосовые, или по крайней мере идео-фонетические» [Бичурин, 1842, л. 7а].

Бичурин, будучи убежденным сторонником классического подхода, не принял концепцию Каллери в самой ее сути и на протяжении всего текста аргументировано отстаивал позиции традиционной китайской филологии:

---

[4] Ж.-Ф. Шампольон (1790–1832) — французский востоковед, расшифровавший текст Розеттского камня, что создало мощнейший импульс для исследований иероглифических письменностей по всему миру.
[5] Подробнее об этом см., например, у [Barreto, 2017, с. 215–216].
[6] См.: [Lurie, 2006; DeFrancis, 1984].

«Таковою неточностью в определениях Каллери думал опровергнуть всеми признанный идеографизм китайских письмен и через то проложить себе свободный путь к тем ложным положениям, на которых предположил основать голосовую систему китайского письма» [Бичурин, 1842, л. 5].

«Невыгодное о себе мнение подаст тот синолог, который примет на себя труд судить о внутреннем достоинстве китайских словарей. Для этого нужно глубоко проникнуть в тайны китайской словесности, что и для ученнейших китайцев не совсем возможно» [Бичурин, 1842, л. 76–77].

Кроме того, комментаторский текст изобилует колкими «ненаучными» оценками, ярко демонстрирующими личную позицию переводчика:

«Далее следует самое расположение голосовой системы китайского письма — любопытное по своей новости произведение изворотливого европейского воображения» [Бичурин, 1842, л. 23].

«Суждение Каллери о порядке в начертании китайских букв совершенно правильно, но следующие за ним мнения принадлежат к странным мечтаниям, несообразным с общепринятыми правилами китайского письма» [Бичурин, 1842, л. 44].

«Таковы суть плоды европейской затейливости на почве китайской словесности» [Бичурин, 1842, л. 47].

Полемика, развернувшаяся на страницах рукописи в заочном диалоге двух синологов — автора и комментатора — раскрывает такие многогранные и зачастую неоднозначные темы, как генезис иероглифической письменности, внутреннее устройство и функции письменного знака, широкий спектр фонетических аспектов (особенности фонетического устройства китайского языка, принципиальные различия письменного и разговорного вариантов, диалекты, трудности произношения и транскрибирования). Большой раздел работы посвящен критическому разбору всех основных китайских словарей, составленных китайскими и европейскими предшественниками, рассмотрены принципы организации словарей, даны рекомендации по изучению и преподаванию языка. Несмотря на несдержанную эмоциональную окраску некоторых оценок русского китаеслова, не подлежит сомнению тот факт, что комментарии и замечания Бичурина к труду Каллери — фундаментальное изложение основ китайской филологии, изобилующее отсылками к китайским первоисточникам и свидетельствующее о глубоком понимании затронутых теоретических вопросов комментатором.

Завершая объемную комментаторскую работу, о. Иакинф выносит вердикт труду Каллери:

«Идеофонетический словарь Каллери требовал продолжительного и утомительного труда; весьма любопытен для европейских синологов, и, в заключение сказать, совершенно не нужен, потому что бесполезен для упражняющихся в китайском языке. Приискивание букв в нем, по запутанности их расположения, весьма затруднительно. Сам Каллери желающим пользоваться его словарем советует предварительно выучить их на память, между тем как в китайском ключевом словаре мальчик, учившийся в Кяхтинском училище не более четырех месяцев, легко приискивает буквы по правилу, ему показанному. Сверх того Каллери не объяснил, где он поместил 2425 букв, не принадлежащих к разряду тоносогласительных» [Бичурин, 1842, л. 95].

Оценка о. Иакинфа широко аргументирована, и вполне допустимо признать ее справедливой в контексте той филологической традиции, приверженцем которой русский синолог оставался на протяжении всей жизни. Вместе с тем очевидно, что сама

суть теоретических постулатов Каллери и уровень их проработки относят эту работу к более поздним этапам исследований по китайскому языку в Европе. О словаре Каллери — как и о его подходе в целом — еще долгое время шли дебаты на страницах европейских и американских научных журналов, его концепция многократно подвергалась критике и в итоге была вытеснена на периферию синологического лингвистического пространства вплоть до обращения к ней Б. Карлгрена в его «Аналитическом словаре» в 1923 г. [Karlgren, 1923, с. 4].

В связи с этим безусловного внимания заслуживает тот факт, что уже четверть века спустя после выхода в свет труда итальянского синолога В. П. Васильев в работе «Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского словаря» (1867 г.) выступил в защиту системы Каллери, оценив заложенные в ней перспективы и укорив современников автора в недальновидности и предвзятости суждений в отношении этой новаторской работы. Приведем здесь соответствующую цитату полностью:

«Но только в 1841 г. появился первый дельный труд по этой части. Мы разумеем китайский словарь г. Каллери Systema Phoneticum, Macao. Этот труд, кажется, не был оценен достаточно. Европейские синологи, запасшись уже хорошими словарями, изданными во Франции и Англии по ключевой системе, конечно, не могли руководствоваться словарем Каллери, о котором не было ни одной фразы. Кажется, они не старались рекомендовать этот труд и своим ученикам. Вообще, кажется, можно сказать, что приобретшие известность в Европе синологи затерли г. Каллери. Между тем, если бы метода г. Каллери (который издал не один только этот труд) продолжала разрабатываться, то теперь, через 25 с лишком лет не о чем было бы вздыхать: мы имели бы отличнейшие лексиконы.

Потому что в Европе есть лексиконы, которые могут удовлетворить, стоит только расположить их по системе Каллери, а между тем, как мы знаем, в настоящее время гг. Потье и Жульен готовят новые лексиконы по той же ключевой системе. Мы полагаем, что эта упрямая приверженность к старой рутине только может задержать успехи изучения китайского языка. Фонетическая система есть естественное обращение к изучению составных частей письменности» [Васильев 1867, с. IV].

В. П. Васильев сумел вычленить самые передовые тезисы Каллери, грамотно и аргументированно использовал их и тем сумел обеспечить развитие китаеведной лингвистической мысли в наиболее перспективном русле. Незадолго до выхода в свет «Графической системы» Васильев в «Анализе китайских иероглифов» (1866 г.) уже постулировал отход от традиционной догмы — привязки к ключевой системе:

«Это одно уже показывает, что не ключи, а фонетические знаки составляют сущность иероглифа. Некоторые называют ключи радикалами (radicals) и с последним словом составилось понятие, что ключ открывает сущность китайского иероглифа. Между тем ключ есть ни что иное, как известный лексический прием к отысканию иероглифов или расположению их в известном ряду. Это придает ему не больше значения, как, например, значение буквы «б» во всех словах алфавитного лексикона, начинающихся с этой буквы. Между тем название «радикал» предполагает, что в ключе заключается сущность значения, а все прочие части, и черты и фигуры, как бы они ни были сложны, суть в роде добавочных» [Васильев 1898, с. 39].

Благодаря интерпретации, предложенной В. П. Васильевым, становится очевидной разноплановость предметов старинного спора об идеографизме, где важной темой дискуссий, с одной стороны, выступала сама сущность и структура

иероглифического знака, а другим спорным аспектом явилось практическое устройство двуязычного словаря, ибо европейский метод расположения словарных единиц по алфавиту не годился для китайского языка, и не годился именно в силу того, что китайская иероглифика не была на тот момент кодифицирована в рамках единой фонетической системы, приемлемой для носителей западных языков. Словарь Каллери как раз и явился пионерской попыткой такой кодификации, не подхваченной или развитой, однако, другими синологами: при составлении новых европейско-китайских словарей оказалось проще принять за основу китайскую ключевую систему.

В то же время вопрос о внутреннем устройстве китайского письменного знака так и оставался неразрешенным. Проанализировать сущность этой проблемы и предложить альтернативное видение уже в середине XIX в. сумел проницательный и прозорливый научный гений В. П. Васильева. Объемная работа, проделанная Васильевым в этом направлении, увенчалась рядом замечательных и значимых итогов: сделаны важные выводы о природе китайского слова, на несколько десятилетий предвосхитившие формулирование закона о морфологической значимости слогоделения[7], предложен принцип анализа иероглифов по правой/нижней черте с опорой на фонетический компонент, задействованный уже в XX в. при составлении фундаментальных русско-китайских словарей; была переведена на новые рельсы сама методика преподавания китайского языка в России.

Интересно снова обратиться к тексту рукописи «Голосовой системы китайского языка», точнее, к пометам на полях этого текста. Короткие карандашные заметки относятся, главным образом, к разделу рукописи, содержащему анализ китайских и двуязычных словарей. Вероятнее всего предположить, что автор карандашных пометок — В. П. Васильев. После возвращения в Казань из Пекина в 1851 г. Васильев начал активную исследовательскую и научно-публицистическую деятельность и, безусловно, работал с материалами Бичурина, переданными им в библиотеку Казанской Духовной академии. Тогда же началась работа над замечательным проектом, завершившемся уже в Петербурге изданием «Анализа китайских иероглифов» (1866 г.).

О чем же говорят нам рукописные заметки? Например, на полях листа № 45, текст которого содержит бичуринские комментарии о порядке черт в китайских письменных знаках, имеется короткое замечание в карандаше «Недостаточно сих шести черточек!». Действительно, традиционно выделяемые китайцами и переходящие из работы в работу европейских авторов шесть базовых черт иероглифики были пересмотрены Васильевым в «Графической системе» и дополнены их разнописями. При этом он писал:

«Что касается до счисления черт в китайской письменности, то в этом не согласны сами китайцы. […] Однако если эти 8 черт и могут служить определением главных отделов, которые мы приняли было более десяти лет перед этим, то по внимательном рассмотрении мы убедились, что, чем более черт мы примем, тем удобнее будет приискивание и запамятование иероглифов. …Таким образом, мы приняли для распределения всей письменности 19 черт» [Васильев 1867, с. IX].

В этом отрывке мы видим, как ожила и оформилась мысль В. П. Васильева о необходимости пересмотра количества базовых иероглифических черт, некогда уже

[7] Подробнее об этом, например, см.: [Шишмарева, Готлиб, Кремнев, 2015, с. 70–85]. Также см.: [Готлиб, 2007].

запавшая в его теоретические представления при чтении рукописного перевода «Системы» Каллери и высказанная тогда мимолетно в виде короткой заметки на полях.

Эти короткие зарисовки полемического общения трех разных авторов, принадлежащих разным академическим традициям и эпохам, помогают современному исследователю увидеть и осознать, как именно зарождалась отдельная лингвистическая мысль, какие критические оценки она претерпевала, как приобретала законченное оформление и распространение. Неординарная, не воспринятая современниками работа Каллери, бесценная по охвату лингвистического материала рукопись о. Иакинфа, восприятие озвученных в этих текстах идей В. П. Васильевым в его академическом изложении, — уникальное свидетельство формирования крупицы лингвистической теории, и еще тысячи подобных ей крупиц рассыпаны по страницам текстов, в силу разных причин до сих пор не представших в печатном виде перед взором вдумчивого читателя.

Литература / References

Васильев В. П. *Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого русско-китайского словаря.* СПб., 1867 (репринтное издание 2010) [Vasiliev V. P. *Graphic system of the Chinese characters. The First Russian-Chinese Dictionary*. Reprint. Saint Petersburg, 2010 (in Russian)].

Васильев В. П. *Анализ китайских иероглифов*. Ч. 1. Издание 2-е. СПб., 1898 [Vasiliev V. P. *Analysis of Chinese hieroglyphs*. Part I. 2nd Edition. Saint Petersburg, 1898 (in Russian)].

Готлиб О. М. *Основы грамматологии китайской письменности*. М., 2007 [Gotlib O. *The Basics of Grammarology of Chinese Writing*. Moscow, 2007 (in Russian)].

Кожа К. А. У истоков традиции критического лингвистического анализа: «Фонетическая система китайской письменности» Дж. Каллери в прочтении И. Бичурина (по рукописным материалам первой половины XIX в. // *Материалы II Съезда молодых востоковедов стран СНГ*. Москва, Баку, 2014. С. 521–532 [Kozha K. A. At the Origins of the Tradition of Critical Linguistic Analysis: "The Phonetic System of Chinese Writing" by J. Callery, Read by I. Bichurin (Based on Manuscript Materials of the First Half of the 19th Century // *Materials of the II Congress of Young Orientalists of the CIS Countries*. Moscow, 2014. Pp. 521–532 (in Russian)].

Шишмарева Т. Е., Готлиб О. М., Кремнев Е. В. Идеи В. П. Васильева о категориях китайских письменных знаков. // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*. Вып. 4 (07). Иркутск, 2015. С. 70–85 [Shishmareva T. E., Gotlib, O. M., Kremnev, E. V. The Ideas of V. P. Vasiliev on the Categories of Chinese Critten Characters // C*rede Experto: Transport, Society, Education, Language*. Vol. 4 (07). Irkutsk, 2015. Pp. 70–85 (in Russian)].

Barreto C. *Clavis sinica: A Short History of the Long Battle for the Chinese Writing System in the West between the XVI and XIX Centuries*. 61 (1). Alfa, São Paulo, 2017. Pp. 197–222.

Breitenbach S. *The Biographical, Historical and Grammatical Context of the Arte de la lengua mandarina (Canton 1703) Composed by the Dominican Brother Francisco Varo (Introduction to W. South Coblin and Joseph Levi)*. Amsterdam, Philadelphia, 2000. Pp. xix–liii.

Breitenbach S. *Missionary Linguistics in East Asia: The Origins of Religious Language in the Shaping of Christianity*. Frankfurt am Main, 2008.

Callery J.-M. *Systema Phoneticum Scripturae Sinicae*. Vol. 1, 2. Macao, 1841.

Callery J. M. *Dictionnaire encyclopédique de la langue chinoise*. Paris, 1842. Réédition en 1845.

Chappell H., Peyraube A. The History of Chinese Grammars in Chinese and Western Scholarly Traditions // *Language and History*. 2014. 57.2. Pp. 113–142.
DeFrancis J. *The Chinese Language: Fact and Fantasy*. Honolulu, 1984.
DuPonceau P. S. *Dissertation on the Nature and Character of the Chinese System of Writing. American Philosophical Society. Historical and Literary Committee* (Transactions. 2). Philadelphia, 1838.
Karlgren B. *Analytic Dictionary of Chinese and Sino-Japanese*. Paris, 1923 (reprinted in 1974).
Lurie D. Language, Writing, and Disciplinarity in the Critique of the "Ideographic Myth": Some Proleptical Remarks // *Language & Communication*. 2006. 26. Pp. 250–269.
O'Neill T. M. *Ideography and Chinese Language Theory: A History*. Berlin, 2016.
Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences. Vol. 1 (May, 1846 — May, 1848), Feb. 2, 1847. Pp. 51–56.

Архивные документы / Archive documents

Бичурин И. *Голосовая система китайской письменности Каллери. Перевод и замечания, написанные для Академии наук в 1842 г.* Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Фонд 847. Оп. 5ю Д. 10. Л. 1–95 [Bichurin I. T*he voice system of Chinese writing Calleri. Translation and remarks written for the Academy of Sciences in 1842*. Clerk's hand. No cover, no front sheet. National Archive of Tatarstan Republic. Cat. 847.5.10, 1–95 (in Russian)].
Российский государственный исторический архив (РГИА) [Russian State Historical Archive]. Фонд 735. Опись 2. Дело 391 (1843 г.). Лист 3–39.

УСТНЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВАРИАНТЫ ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА НАЧАЛА XXI В.: АРХАИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ И ИННОВАЦИИ

© 2019

Е. Л. Рудницкая*

В статье сравнивается синтаксис устного и письменного (литературного) вариантов эвенкийского языка и приводятся примеры грамматических явлений, которые показывают, что в устном языке сохранились некоторые архаичные черты, которые соотносятся с устным и письменным языком в первой половине XX в. Такие данные противоречат широко распространенной точке зрения о большей сохранности и архаичности письменного языка. В письменном языке, который используется в основном для переводных и газетных текстов, эти явления не найдены или найдены в остаточном состоянии. С другой стороны, в письменном языке появились синтаксические конструкции, отсутствующие в устном языке. Не являясь кальками с русского языка, они указывают на общее упрощение синтаксической структуры письменного языка. Наше внимание концентрируется на отглагольных именах. Если типологической особенностью эвенкийского языка, сохранившейся в начале XX в., была возможность несобытийной номинализации с управляемым объектом, то в современном языке подобная конструкция почти исчезла. В современном устном языке эта конструкция все же употребляется, хотя и ограниченно — при номинализациях с одним-двумя аффиксами и в предикативной позиции. В письменном же языке произошла лексикализация данной конструкции: управляемый объект (*орон* 'олень') возможен только при номинализациях со значением 'воспитание, разведение'. Другая конструкция – употребление несобытийных номинализаций в атрибутивной позиции (как определение). Эта конструкция — инновация, в письменном языке она употребляется более широко, чем в устном. В устном языке атрибутивное употребление свойственно только отглагольным именам на *-вун* (номинализация со значением результата или инструмента действия), что можно соотнести с архаической конструкцией 'имя на *-вун* + *дярин*' (*дярин* — послелог со значением 'для'), в которой послелог *-дярин* мог выпадать. Эта конструкция существовала в некоторых говорах, на основе которых в 1920-1930-х гг. создавался литературный язык.

Ключевые слова: эвенкийский язык, устный язык, письменный язык, современный язык, архаическая черта, синтаксис.

ORAL AND LITERARY VERSIONS OF THE EVENKI LANGUAGE OF THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY: ARCHAIC PHENOMENA AND INNOVATIONS

Elena L. Rudnitskaya

In the paper, we compare syntax of the oral and written (literary) language of Evenki of the beginning of the 21st century. We argue that some archaic phenomena have been better preserved in

* Елена Леонидовна РУДНИЦКАЯ, доктор филологических наук, ведущий сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; erudnitsksya@gmail.com

Elena L. Rudnitskaya, DSc (Philology), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; erudnitsksya@gmail.com

the oral language than in the written language (the latter is used mainly for translated and newspaper texts). Our data contradicts the widespread opinion that written language is more archaic than the oral one. One specific construction with deverbal nouns was found in the oral and written language of the early 20th century. In the 21st century written Evenki the construction under consideration is not found, or just single phrases can be regarded as its traces. On the other hand, the written language has acquired certain syntactic constructions that were not attested in the early 20th century Evenki, and are marginally attested in the in the 21st century oral Evenki. These novel constructions are not just calques from Russian, which allows us to conclude that there is general tendency of syntax simplification in contemporary written Evenki. We concentrate on deverbal nouns. The typologically unique feature of the Evenki syntax (including literary language) preserved in the early 20th century was the possibility of a governed nominal complement in a non-eventive (lexical) nominalization. In the contemporary oral Evenki this construction is still used, even though its use is restricted: It is found with few deverbal affixes, and only in the predicative position. This construction is impossible in written Evenki, except for one lexicalized expression with the complement *орон* 'reindeer', governed by a deverbal noun with the meaning 'breeding'. The other phenomenon is the use of deverbal nouns in the attributive position (as a modifier). This construction is an innovation, and it is more widespread in contemporary written language than in the oral language. In the oral stories, only nouns formed with the nominalizer *-вун* (that has a 'result' or 'instrument' meaning) are used artibutively, and such a nominal modifier can be regarded as originating from the postposition construction 'noun [*-вун*] + *-дярин* 'for.POSPOS', in which *-дярин* could be omitted. The construction with *-дярин* (with and without *-дярин* omission) was attested in certain dialects on which the original (created between 1920 and 1940) literary language was based.

Keywords: Evenki, oral language, written language, contemporary language, archaic feature, syntax.

Эвенкийский язык — это множество говоров, на каждом из которых говорят в определенном поселке (см. [Василевич, 1958; Мыреева, 2004]). Говоры можно разделить на группы: северное, южное и восточное наречия (СН, ЮН, ВН) по фонетическому и географическому признакам [Василевич, 1948, с. 11–12]. Эти говоры и наречия нельзя отождествлять с литературным эвенкийским языком, созданным на основе непского, а затем полигусовского говора (говоры поселков ЮН, в терминологии Г. М. Василевич, Подкаменно-тунгусские говоры). В эвенкийско-русских словарях Г. М. Василевич и А. Н. Мыреевой в каждой словарной статье есть пометы относительно употребления заглавного слова в том или ином говоре. Между говорами много фонетических и лексических различий, есть отдельные морфосинтаксические различия. Однако в целом морфология и особенно синтаксис говоров всех трех групп сходен, и поэтому данные грамматик, основанных на одном говоре [Nedjalkov, 1997], и использующих данные разных говоров [Константинова, 1964] совпадают. Поэтому можно, говоря о синтаксисе, не выделять говоры или диалекты по «синтаксическим» признакам.

Литературный язык, созданный в 1920-1930-х гг., с одной стороны, отражает состояние говора сел районов рек Нижней Тунгуски, Подкаменной Тунгуски и Непы на указанный момент, а с другой, если брать современные тексты, в их лексике и морфосинтаксисе есть много изменений и нововведений. Они касаются не только слов и конструкций, заимствованных из русского языка, но и общего упрощения морфологических и синтаксических конструкций, а также утери типологически редких конструкций.

Сравнение устного и письменного эвенкийского языка на современном этапе практически не проводилось. Однако исследования по эволюции устного языка (сравнение устного языка начала XX в., зафиксированное Г. М. Василевич [Василевич, 1948], и устного языка начала XXI в. в работах [Казакевич, Клячко, 2013; Клячко, в печати; Рудницкая, 2019]) показывают в целом те же изменения, что и в письменном языке. Например, стирание различий между СН и ЮН, влияние лексики и грамматики русского языка, упрощение грамматики, проявляющееся в том, что многие морфосинтаксические конструкции, синтетические и типологически редкие, перестают использоваться, сокращается число употребляемых временных и других грамматических аффиксов[1].

Наше исследование основано, во-первых, на устных текстах, записанных в экспедициях 2005–2011 гг. в Эвенкийском муниципальном районе под руководством О. А. Казакевич. Эти тексты (истории из жизни, сказки) входят в корпус устных рассказов на селькупском, кетском и эвенкийском языках на сайте «Малые языки Сибири: наше культурное наследие»[2]. Во-вторых, солидная часть примеров из письменных текстов найдена на сайте «Корпусы Института этнографии и антропологии РАН» (КИЭА РАН)[3]. В числе других на этом сайте представлены написанные на литературном языке тексты из газет начала XXI в., а также некоторые переводные тексты начала XXI в.[4]

Рассмотрим первую из упомянутых конструкций — несобытийная номинализация с управляемым дополнением. Эта конструкция упоминается в работах [Василевич, 1940, с. 135–136; 1948, с. 54]. Примеры, приводимые Г. М. Василевич (1а-б), показывают возможность управления отглагольным именем на *-кит/кūт* и *-вун*[5] имени в винительном падеже.

(1) а. *мо-л-**ва*** *хуна-**кит***
дерево-PL-**ACC** пилить-**NMLZ.LOC** «лесопилка» (место для пилки леса)
б. *иктэ-л-**ва*** *та-си-**вун***
зуб-PL-**ACC** убирать-INCEP-**NMLZ.RES** «зубная щетка» (инструмент для чистки)

---

[1] Необходимо заметить, что степень утери оригинальных морфосинтаксических конструкций варьируется среди разных носителей языка — авторов рассказов. Мы постарались привести примеры из рассказов разных носителей, однако несомненно, что у пожилых носителей и в определенных поселках (Эконда, Чиринда, Стрелка) эвенкийский язык сохранился лучше, чем в устной речи молодых эвенков и в других поселках.

[2] *Малые языки Сибири: наше культурное наследие*. URL: http://minlang.srcc.msu.ru/ (дата обращения 20.09.2019). Эвенкийская часть корпуса создана Е. Л. Клячко при участии Н. К. Митрофановой.

[3] Корпусы Института этнографии и антропологии РАН. URL: http://corpora.iea.ras.ru/corpora/texts.php (дата обращения 15.09.2019).

[4] При цитировании примеров из устного языка мы сохраняем латинскую транскрипцию, принятую в корпусе рассказов, а в примерах с сайта КИЭА РАН (письменные тексты) — нормализованное кириллическое написание, используемое в корпусе (это связано с кириллической основой литературного языка). Глоссирование используется единообразное, разработанное для корпуса устных рассказов.

[5] Аффикс *-кит/-кūт* образует номинализацию по месту действия (*булат-кит* 'охотиться-NMLZ.LOC' «охотничий участок»), но эти имена также часто обозначают абстрактное действие (NMLZ). Аффикс *-вун* образует номинализацию, обозначающую результат или инструмент действия, глоссируется как NMLZ.RES.

В архиве устных рассказов начала 1950-х гг. [Лебедева, 1952] найдены аналогичные примеры с аффиксами *-мнэ* (*-mnA*) — со значением результата действия (NMLZ.RES), сейчас употребляется редко — и *-дяк* (*-d’Ak*) – со значением места действия (NMLZ.LOC).

(2)	*bu*	*upkat*	*ičə-rə-w*
	1PL(EXCL)	весь	видеть-NFUT-1PL(EXCL)
	[*səktə-kə-r-**wə***		*koŋi-**mnə**-wə-tin*]
	ветка-INTS-PL-**ACC**		отгрызть-**NMLZ.RES**-ACC-PS.3PL
	i	[*səktə-**lə**-**d’ək**-wə-**tin***	*lalbuka-l-**wa***]
	и	подстилка[6]-**VBLZ.OBJ**-**NMLZ.LOC-ACC-PS.3PL**	мох-PL-**ACC**

«Мы все увидели, что **ельник обгрызен** [результат того, что кто-то обгрыз ельник] и **место, где она собирала для подстилки мох**».

В корпусе рассказов управляемые дополнения с отглагольными именами на *-кит/кӣт*, *-вун*, *-мнэ*, *-дяк* почти не употребляются (найден только один пример (3г), аналогичный (1б)), зато данная конструкция более распространена с отглагольными именами деятеля (на *-мни/-мнӣ*)[7]:

(3) а. *hō-dih* — *tarə*
сильный(о.проявлении.качества)-SUPERL — тот.ACC
[*oror-**wo*** — *tahi-kta-**mni-tin***] — *ərə* — *jəkəŋdə-won*
[олень-PL-**ACC** — гнать-DSPRS-**NMLZ.AG**-PS3PL] — этот — Эконда-RESID
«Он лучший пастух оленей в Эконде» (букв. «этот экондинец»)

б. [*s’ūkə-l-**ba*** — *olgī-**mńi***] — *bi-sō-n* — *tar* — *ahi*
[трава-PL-**ACC** сушить-**NMLZ.AG**] — быть-PST-3SG — тот — женщина
«Травы сушила эта женщина»

в. [*təti-γə-l-**wə*** — *bū-**mńi***]
[надеть-NMLZ-PL**-ACC** — дать**-NMLZ.AG]**
(В Туре я работала в интернате… была кастеляншей) «Вещи выдавала»

г. [*doγinŋəkta-l-**wə*** — *həlgī-**wun***]
гриб-PL-**ACC** — сушить-**NMLZ.RES**
«грибосушилка» (инструмент для сушки)

Заметим, что употребление имен на *-мни/-мнӣ* с управляемым дополнением в рассказах ограничено: во всех найденных примерах имя на *-мни/-мнӣ* стоит в предикативной позиции. В примере же (4г) имя на *-вун* (*-wun*) употреблено изолированно.

[6] *Сэктэ* — двузначное слово, обозначает и «ветка», и «подстилка».

[7] Конструкция с управляемым дополнением при имени деятеля обнаружена также в якутском языке [Baker, Vinokurova, 2009]. Хотя якутский язык (в отличие от эвенкийского) относится к тюркским, а не к тунгусским языкам, эвенки уже давно живут на территории Якутии, так что указанные конструкции с управляемым дополнением могли возникнуть в результате языковых контактов — этот вопрос изучен недостаточно.

В письменных текстах наблюдается несколько другая ситуация: объект в винительном падеже при отглагольном имени встречается только один – *oron-mo/oro-r-wo* ‘олень-ACC/олень-PL-ACC’ «олен(и)», — и отглагольное имя при этом любое со значением «деятельность или деятель, связанные с разведением оленей», например, (5а-в). В рассказах единичные конструкции такого типа также встречаются, ср. (5г):

(5) а. …*эр* *гиркилэ-вун* [*оро-р-**во***
этот дружить-NMLZ.RES олень-PL-**ACC**
*ирги-чи-**мни**-л-ду*] *аят* *эбэлэ-дэрэ-н*
воспитывать-DUR-**NMLZ.AG**-PL-DAT хорошо помочь-PRS-3SG
(у оленеводов появились друзья-помощники) «Эта дружба сильно помогает оленеводам»

б. «*оро-р-**во*** *ирги-чи-**мни**-л*»
олень-PL-**ACC** воспитывать-DUR-**NMLZ.AG**-PL «Оленеводы» (песня)

в. «*Север-га-р* *оро-р-**во*** *игри-де-**кӣт***»
север-RESID-PL олень-PL-**ACC** воспитывать-IPFV-**NMLZ.LOC**
«Оленеводство для оленей Севера» (заповедник, открытый для этнотуризма)

г. *oləńiwodi-l huŋtu* *ism'ińi=* *ism'ińi-rə-Ø*
оленеводы-PL другой изменили.SLIP изменить-NFUT-3PL
[*oron**-Ø-mi*** *irgi-**hīt**-pə*]
олень-**ACC**-**RFL** воспитывать-**NMLZ(.LOC)-**ACC
«Другие оленеводы изменили “воспитание оленей”»

Исходя из приведенных данных, можно сделать вывод, что в современном языке, и письменном, и устном, сохранились следы продуктивной конструкции «отглагольное несобытийное имя с управляемым дополнением». В письменном языке эта конструкция употребляется с именами на *-мни/-мнӣ* и *-кит/-кӣт*, однако она лексикализовалась и используется только в связи с оленеводством. В устном языке такой лексикализации не произошло, приведенные примеры с *-вун* и *-мни/-мнӣ* можно считать не лексикализованной синтаксической конструкцией, употребление которой ограничено. Таким образом, в синтаксисе устного языка сохраняется архаичная синтаксическая конструкция, которая представлена в письменном языке только в лексикализованном виде.

Теперь рассмотрим те же отглагольные имена в атрибутивной функции. Г. М. Василевич в грамматике литературного эвенкийского языка не упоминает об определениях, выраженных отглагольными несобытийными именами [Василевич, 1940, с. 135–136]. В грамматике [Nedjalkov, 1997], которая основана только на устном языке ЮН, такая конструкция тоже не зафиксирована. Зато в работе [Колесникова, 1966, с. 154], написанной на материале письменного языка XX в., даются примеры такого употребления (8б-в)[8].

[8] Если следовать той же работе [Колесникова, 1966, с. 152–155], только несколько небольших групп имен эвенкийского языка могут стоять в атрибутивной позиции и быть определениями. В текстах с сайта КИЭА РАН найдено еще меньшее число морфологических моделей имен, которые могут выступать в этой конструкции, а в устных рассказах эти модели вообще не встречаются в атрибутивной позиции. Вместо

Г. М. Василевич [Василевич, 1948, с. 127] приводит примеры употребления имен на *-вун(э)* (*-wūn(ə)*) как имен со значением «цели конечного действия» (а не инструмента, как в примерах (1б) и (3г), а также (6в) — *пэктīрə̄-wӯн-э* 'ружье'), которые получили распространение в подкаменно-тунгусских говорах (на которых основан литературный язык) с послелогом *дярин* (*ǯ'арин*[9]), ср. (6а). Г. М. Василевич отмечает, что послелог *дярин* при имени на *-вун* (*-wӯн*) может выпадать, как в (6б)[10]. Подобные конструкции (имя на *-вун* [+ выпавший послелог *-дярин*]) встречаются в устных рассказах как определение к имени, ср. (6в-г) (в (6в) определение контрастно выделенное и поэтому препозитивное). При этом конструкция типа (6в-г) встречается в экондинском говоре СН, а не в говорах ЮН — это подтверждает давние активные контакты между эвенками, говорящими на ЮН и СН [Василевич, 1948, с. 109].

(6) а. *бэјӯ-р-вэ* *вā-вки-л* *улӣ-**wӯнэ**-wэр* ***ǯ'арин***
дикий.олень-PL-ACC убивать-PTCP.HAB-PL кормить-**NMLZ.RES**-RFL.PL **для**
«Зверей бьют **для пропитания** себе»

б. *пэктīрə̄-wӯн-э* *га-ø-м* *улумӣ-**wӯнэ**-wи* *ø*
стрелять-NMLZ.REZ-PART брать-NFUT-1SG охотиться.на.белку-**NMLZ.RES**-R [для]
«Ружье взял для белкования себе»

в. *ekspeďitsija-l-dū* *hawali-**wunə*** *oro-r*
экспедиция-PL-DAT работать-**NMLZ.RES** олень-PL
«Олени **для работы** в экспедициях»

г. *in-ďə-**wun**=tə=luwər* *oro-r-ďī=luwər*
жить-IPFV-**NMLZ**=FOC=FOC олень-PL-INST=FOC
iń-ďə-Ø-p
жить-IPFV-NFUT-1PL(INCL)
(Олени) «**для жизни** ведь, оленями же живем»

В письменных текстах засвидетельствовано достаточно значительное количество имен на *-кит/-кӣт*, *-вун* и *-дяк* в атрибутивной функции (см. (7а-в), причем в некоторых случаях имя в атрибутивной позиции проявляет морфологические свойства прилагательного — определение в СН и ЮН (факультативно) согласуется с определяемым именем в числе и/или падеже (ср. (8а-в) и (9а-в)).

По аналогии с наблюдением Г. М. Василевич о возможности опущения *-дярин* после имени на *-вун*, Б. В. Болдырев [Болдырев, 2000, с. 15] предлагает считать атрибутивное употребление имен на *-кит/-кӣт* и на *-дяк* приименной послеложной конструкцией с выпавшим послелогом *дярин* 'для', например, *авгара-**кит** ~~**дярин**~~ училища-**т*** (школу назвали) «училищем для медицины» в (7б).

имен как атрибутивы используются прилагательные, образованные от имен с помощью специальных аффиксов.

[9] В примерах Г. М. Василевич мы стараемся передавать особенности ее орфографии (латинские символы в дополнение к кириллице).

[10] В современном эвенкийском языке есть деепричастие назначения, или намерения на *-вӯнА* (CVB.INT), которое многими авторами соотносится с упомянутым Г. М. Василевич именами на *-вун* (*-wӯн*) (ср., например, [Константинова, 1964, с. 219–220]).

(7) а. [*нуӈан балды-**дяк*** *тӯрэ̄-**р-ди-н***] *тӯрэ̄т-чэрӣ-вэ-тын*
он/она родиться-**NMLZ.LOC** язык-**PL-INST-PS.3SG** говорить-PTCP.SIM-ACC-PS.3PL
(Каждый слышал, что апостолы) «говорят на его **родном** языке» [букв. ‘на родных языках’]

б. [*авгара-**кит*** *училища-**т***]
лечить-**NMLZ** училище-**INST**
«(школу назвали) **медицинским** училищем»

в. *статья-ли* [*«Ха-**вун*** *дотация-**л**»*]
статья-PROL добавить-**NMLZ** дотация-**PL**
(Расходы на оленеводство увеличили) «в [законодательной] статье “**Добавочная** дотация”»

(8) а. *ани-**вун-ма*** *альбом-**ва***
присылать.подарки-**NMLZ-ACC** альбом-**ACC**
(Каждому ученику И. В. Мукто вручил) «**подарочный** альбом» (и значок о жизни Туры)

б. *ирэмэ̄т-**кӣт-ъе*** *дептылэ̄-**е-вун***
угощать-**NMLZ.LOC-PART** еда-**PART-PS.1PL**
(мать собрала) «нам еду **для угощения**» [Колесникова, 1966, с. 154]

в. *иру-**дяк-тула̄*** *хокто-**ло̄***
тащить-**NMLZ.LOC-ALL** дорога-**ALL**
(мы вышли) «на дорогу **со [старой] колеей**» [Колесникова, 1966, с. 154]

(9) а. *о-дя-ӈки-тын* *ая-**л-ду*** *дуннэ-**л-ду***
стать-IPFV-PSTITER-3PL хороший-**PL-DAT** земля-**PL-DAT**
(постоянные стойбища) «становились хорошими землями»

б. ***эвэ-ды-вэ*** *праздник-**ва***
эвенк-ATR**-ACC** праздник**-ACC**
(люди встречали) «эвенкийский праздник» (начало лета и нового года)

в. *Би* *ая-т* *са-ча-в* ***эвэ-ды*** *композитор-**ва***
я хороший-ADVZ знать-PST-1SG эвенк-ATR композитор-**ACC**
«Я хорошо знал эвенкийского композитора» (и певца Олега Чапогира)

В отношении атрибутивной функции отглагольных имен можно сделать вывод, что эта функция появилась в эвенкийском языке недавно. Возможно, ее появление связано с расширением сферы категориально недо-определенных слов и аффиксов, о которых писала еще Г. М. Василевич [Василевич, 1940, с. 42–43, 61]. Мы видим, что в настоящее время это расширение коснулось письменного языка в большей степени, чем устного.

Итак, мы показали, что в эвенкийском языке, который является примером языка малого народа, в письменном варианте в настоящий момент утрачены определенные типологически редкие конструкции и синтаксические характеристики, и появляются

новые конструкции. Это говорит об эволюции и упрощении письменного языка. Устный язык подвержен аналогичным изменениям, однако данные изменения устного языка коснулись в меньшей степени[11].

Глоссы / Glosses

1 — 1-е лицо
2 — 2-е лицо
3 — 3-е лицо
ACC — аккузатив
ADVZ — адвербализатор
ALL — аллатив
ANT — (причастие) предшествования
ATR — атрибутив
CVB — конверб (деепричастие)
DAT — датив
DSPRS — дисперсив
DUR — дуратив
EXCL — эксклюзивное (множественное число)
FOC — энклитика (частица), маркирующая фокус или коммуникативное выделение
HAB — хабитуалис (аспект) или хабитуальное (причастие)
INCEP — инцептив (смысл начала действия)
INCL — инклюзивное (множественное число)
INST — инструменталис
INT — назначительное (деепричастие)
IPFV — имперфектив
NFUT — небудущее (время)
NMLZ — номинализатор
NMLZ.AG — номинализатор, образующий имя деятеля
NMLZ.LOC — номинализатор, образующий имя со значением места действия
NMLZ.RES — номинализатор, образующий имя со значением результата действия
PART — партитив
PL — множественное число
POSTPOS — послелог
PROL — пролатив
PRS — настоящее (время)
PS — посессивный (аффикс)
PST — прошедшее (время)
PSTITER — прошедшее итеративное (время)
PTCP — причастие
RESID — уроженец
RFL — рефлексив
SIM — (причастие) одновременности
SG — единственное число
SLIP — оговорка
SUPERL — превосходная форма (прилагательного)
VBLZ.OBJ — показатель вербализации при образовании глагола от имени, обозначающего предмет, который является объектом действия

Литература / References

Арманд Е. Е. Местоименные энклитики в современном персидском языке в исторической перспективе. Доклад на конференции «*Востоковедные чтения 2019. Языки Юго-Западной Азии и Северной Африки*» (Москва, ИВ РАН, 24–25 апреля 2019 г.) [Armand E. E. Pronominal Enclitics in the Contemporary Persian in the Historical Perspective. Paper presented at the conference "*Orientalistic Readings 2019. Languages of South-West Asia and North Africa*" (Moscow, IOS RAS, April 24–25, 2019) (in Russian)].

Болдырев Б. В. *Эвенкийско-русский словарь*. Ч. 1. Новосибирск, 2000 [Boldyrev B. V. *The Evenki-Russian Dictionary*. Vol. 1. Novosibirsk, 2000 (in Russian)].

Василевич Г. М. *Очерки грамматики эвенкийского (тунгусского) языка*. Л., 1940 [Vasilevich G. M. *Essays on Evenki (Tungus) Grammar*. Leningrad, 1940 (in Russian)].

Василевич Г. М. *Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка*. Л., 1948 [Vasilevich G. M. *Essays on Evenki (Tungus) Dialects*. Leningrad, 1948 (in Russian)].

[11] Материал, который независимо подтверждает наши выводы, рассматривается в докладе [Арманд, 2019], посвященном современному персидскому языку.

Василевич Г. М. *Эвенкийско-русский словарь*. М., 1958 [Vasilevich G. M. *The Evenki-Russian Dictionary*. Moscow, 1958 (in Russian)].

Казакевич О. А., Клячко Е. Л. Создание мультимедийного аннотированного корпуса текстов как исследовательская процедура // *Труды Международной конференции «Корпусная лингвистика – 2013»*. Санкт-Петербург, 2013. С. 292–300 [Kazakevich O. A., Klyachko E. L. Research while Creating a Multi-Media Annotated Corpus // P*roceedings of the International Conference "Corpus linguistics – 2013"*. Saint-Petersburg, 2013. Pp. 292–300 (in Russian)].

Клячко Е. Л. Диалектные особенности публикуемых текстов (Предисловие) // Казакевич О. А., Будянская Е. М., Галямина Ю. Е., Клячко Е. Л. *История страны в рассказах о жизни кетов, селькупов и эвенков* (в печати) [Klyachko E. L. Dialect Features of the Texts Published (Forword) //Kazakevich O. A., Budyanskaya E. M., Galyamina Yu. E., Klyachko E. L. *History of Our Country in the Ket, Selkup, and Evenki Lifestories* (in print) (in Russian)].

Колесникова В. Д. *Синтаксис эвенкийского языка*. М., 1966 [Kolesnikova V. D. *The Syntax of Evenki*. Moscow, 1966 (in Russian)].

Константинова О. А. *Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология*. М. 1964 [Konstantinova O. A. *The Evenki Language. Phonetics. Morphology*. Moscow, 1964 (in Russian)].

Лебедева Е. П. Тексты на эвенкийском языке, записанные в экспедиции 1952 г. // *Архив ИЛИ РАН*. С. 1010707–1010716, 1010206–1010562 [Lebedeva E. P. Texts in Evenki Recorded in Expeditions // *Archive of ILR RAN*. Pp. 1010707–1010716, 1010206–1010562 (in Russian)].

Мыреева А. Н. *Эвенкийско-русский словарь*. Новосибирск, 2004 [Myreeva A. N. *The Evenki-Russian Dictionary*. Novosibirsk, 2004 (in Russian)].

Рудницкая Е. Л. *Общая характеристика морфосинтаксиса устного эвенкийского языка начала XXI века*. СПб., 2019 [Rudnitskaya E. L. I*ssues in Morphosyntax of the Oral Evenki from the Beginning of the 21st Century*. Saint-Petersburg, 2019 (in Russian)].

Baker M., Vinokurova N. On Agent Nominalizations and Why They Are not Like Event Nominalizations // *Language*. 2009. 85 (3). Pp. 517–556.

Nedjalkov I. *Evenki*. London, New York, 1997.

Nikolaeva I. Between Nouns and Adjectives: The Constructional View // *Lingua*. 2008. 118 (7). Pp. 969–996.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Корпусы Института этнографии и антропологии РАН (КИЭА РАН). URL: http://corpora.iea.ras.ru/corpora/texts.php (дата обращения: 15.09.2019).

Малые языки Сибири: наше культурное наследие. URL: http://minlang.srcc.msu.ru/ (дата обращения: 20.09.2019).

ТОХАРСКАЯ А РУКОПИСЬ №№ 144–211 ИЗ ШОРЧУКА: НОВЫЕ ДАННЫЕ. II

© 2019

И. Б. Иткин*

Статья продолжает цикл исследований, посвященных тохарской А рукописи №№ 144–211 из монастырского комплекса Шорчук (Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая). Первая часть статьи содержит критическую републикацию листа A 169, дополненную за счет небольшого фрагмента IOL Toch 287, относящегося к другой копии того же текста. Выдвигается предположение, что текст листа A 169 содержал упоминание об истории царевича Упананды, лишившегося жизни из-за чрезмерной жадности. Кроме того, на основании метрического анализа стихотворной части текста и наличия повторяющегося сочетания *kentsi āṣāṃ* «называться достоин» показано, что неопубликованный фрагмент THT 2388, скорее всего, представляет собой верхнюю часть листа, следующего после листа A 169. Во второй части приводится републикация листов A 175 и A 178. Как нам удалось установить, эти два текста в действительности принадлежат к одному и тому же листу (A 175ext), к которому с той или иной степенью надежности могут быть отнесены также четыре ранее не публиковавшихся тохарских A фрагмента — THT 2410, THT 2518, THT 2530 и THT 2968.g. Благодаря соединению между собой нескольких фрагментов значительно полнее, чем раньше, восстанавливается текст четверостишия, содержащего восхваление Будды и его брата Нанды. Специальное внимание уделяется нестандартному написанию сочетания *ññ* в виде *ṃñ*, обнаруживаемому в нижней строке лицевой стороны листа (A 175ext a6). Это написание интерпретируется как особый ранее неизвестный графический прием, позволяющий писцу избежать написания лигатуры слишком близко к нижнему краю листа.

Ключевые слова: тохарский A язык, тохарские рукописи, буддийская литература.

TOCHARIAN A MANUSCRIPT №№ 144–211 FROM ŠORČUQ: THE NEW DATA. II

Ilya B. Itkin

The article continues a series of works dedicated to the Tocharian A manuscript №№ 144–211 from the Šorčuq temple compound (Xinjiang Uygur Autonomous Region of China). The first part of the article contains a critical republication of the leaf A 169, extended by a small fragment IOL Toch 287, which belongs to another copy of the same text. We propose that the text of the leaf A 169 contained a mention of the prince Upananda's story, who lost his life because of excessive greediness. Besides, basing on the metrical analysis of the verse part of the text and the repetition of the collocation *kentsi āṣāṃ* "worth been called", we show that the unpublished fragment THT 2388 is most likely an upper part of the leaf which followed the leaf A 169. In the second part of the article the leaves A 175 and A 178 are republished. As we have established, these two texts actually belong to

* Илья Борисович ИТКИН, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, доцент НИУ "Высшая школа экономики", Москва; ilya.borisovich.itkin@gmail.com
Ilya B. ITKIN, PhD, Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Senior Lecturer, National Research University "Higher School of Economics", Moscow; ilya.borisovich.itkin@gmail.com

the same leaf (A 175ext), which may also include, with more or less degree of certainty, four earlier unpublished Tocharian A fragments — THT 2410, THT 2518, THT 2530, and THT 2968.g. Joining several fragments allows for a fuller reconstruction of the stanza, which contains the praise of Buddha and his brother Nanda. Special attention is paid to the peculiar spelling of the combination *ññ* as *ṃñ*, which is found in the bottom line of the recto of the leaf (A 175ext a6). This spelling is interpreted as a specific previously unknown graphical device, which allows the scribe to avoid putting the ligature too close to the bottom edge of the leaf.

Keywords: Tocharian A language, Tocharian manuscripts, Buddhist literature.

Настоящая работа продолжает цикл статей, посвященных тохарской А рукописи №№ 144–211 из монастырского комплекса Шорчук (Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая), начатый статьей [Itkin, in print]. Эта рукопись представляет собой пьесу (натаку), посвященную одному из очень популярных в буддизме сюжетов — обращению принца Нанды, двоюродного брата Будды Щакьямуни.

Статья содержит критическое переиздание трех листов рукописи №№ 144–211, опубликованных в издании [Sieg, Siegling, 1921], — A 169, A 175 и A 178 (последние два в действительности являются частями одного и того же листа) — и публикацию пяти ранее не публиковавшихся фрагментов, относящихся к той же рукописи: THT 2388, THT 2410, THT 2518, THT 2530 и THT 2968.g. В качестве параллели привлекается также небольшой тохарский А фрагмент IOL Toch 287, ныне хранящийся в Британской библиотеке в Лондоне.

1. Отцом называться достоин: лист A 169 и вокруг

1.1. Лист A 169

Лист A 169 никогда не был предметом специального внимания исследователей. Это вполне объяснимо: размер утраченного текста настолько велик, что связный перевод уцелевшей части невозможен. Кроме того, сохранившийся фрагмент не содержит никаких (кроме, может быть, названия Ньягродхарама) значимых указаний на то, какой именно эпизод истории Нанды в нем отразился.

Тем не менее републикация данного листа представляется целесообразной в связи с дополнительной информацией, которую дают для понимания его содержания и структуры фрагменты IOL Toch 287 и THT 2388. Текст приводится с некоторыми дополнениями и уточнениями по сравнению с изданием (большая их часть взята из [Siegling, PK, p. 87]). Положение отверстия для шнурка отмечено знаком ○. Чтения издателей, требующие, на наш взгляд, корректировки, отмечены серой заливкой:

a1: – – – – – – – – my[o] mā knā – – – – – – – – – – ṣ[o]maṃ träṅki(ñc) ////
a2: – späntāll anac wlyepa ra(k)e – – – – – – – – – – – cami cmol ko ////
a3: cär was ākṣiññams=äm ○ – – – – ñomā śākkiṣi mäś(k)i(t) //// (ptā)
a4: ñkät käṣṣi sne praṣṭ wla ○ lune pälkoräṣ //// (nyagro)
a5: dhārām saṅkrāmaṃ yeṣ ♦ tmaṃ ptāñkät käṣṣi krī mā krī – //// (pä)
a6: ltsäṅkāmāṃ saṃ nyagrodhārām saṅkrā(maṃ) wañi mā kälpā //// (täm ka)
b1: klyuṣūräṣ wiraṃ k_{u}lewāñ träṅkiñc oy klop tä ////
b2: ṣ ♦ tmäṣ ṣomaṃ nandeṃ pälkoräṣ puk śākkis päll[o] ////
b3: ñc ♦ ote täpreṃ parno na ○ [ṣt] śākkiśśi nātäk [| |] ////

b4: naṣ nu taṃ ne wkäṃnyo puk ○ – – – – lye ṣeñc mänt ne tñi – ////
b5: – m ◆ naṣ nu tan ne wkänyo pki – – – – – – – – – – •e tñi sewāñ ////
b6: – – – – – – – [p]ācar keṃtsy a – – – – – – – – – s ◆ parno ////

1.2. IOL Toch 287

Тох. А фрагмент IOL Toch 287 из Британской библиотеки, найденный в Яр-Хото (Турфанский оазис, к северо-востоку от Шорчука), издан в электронном виде М. Перо [Peyrot, 2007, № 287] и воспроизведен им на сайте [CEToM]. Наша транслитерация отличается от транслитерации М. Перо лишь небольшими деталями; при этом, однако, recto и verso поменяны местами. У фрагмента сохранился нижний край:

a1: //// – ////
a2: //// – ke kāswa ////
a3: //// (ś)[ā]kkiṣi ma[śki](t) ////
a4: //// •[yā] ptāñkat kaṣ[ṣ]i ////
b1: //// •[p]•lyi ṣeṣ\ [t]•– ////
b2: //// (ka)[k](l)yuṣuras\ – ////
b3: //// (na)ndeṃ palko[ra](ṣ) ////
b4: //// – ////

1.3. THT 2388

Фрагмент THT 2388 по почерку однозначно определяется как принадлежащий к рукописи №№ 144–211. Экспедиционный номер — T III Š 90. Нумерация строк, принятая в [Tamai, 2007], изменена на (предполагаемую нами) фактическую (a1-2 → b5-6; b1-2 → a1-2). Фрагмент представляет собой правый верхний угол листа:

a1: //// [ñ]om kentsi āṣāṃ ◆ mṣapantiṃ pe
a2: //// – (...) [s]• kets[y] ā
a3-6: deficiunt
b1-4: deficiunt
b5: //// – (...) •m•l sa[s]\
b6: //// – ka[ṣ] tsa (...) [t]raṅklune

На стыке строк a2-3 на основании параллели со строкой a1 с уверенностью восстанавливается сочетание *kets*[*y*] *ā*(*ṣāṃ*) «называться достоин».

В строке b5, возможно, представлено существительное [*c*]*m*[*o*]*l* «рождение», в строке b6 — сочетание Abl с глаголом *tsälp-* «переходить, освобождаться», но ни то, ни другое не вполне надежно.

1.4. Комментарии

1.4.1. A 169 и IOL Toch 287

Ранее не отмечался тот факт, что листы A 169 и IOL Toch 287 содержат один и тот же текст. Об этом свидетельствуют следующие дословные совпадения:
śākkiṣi mäś(*k*)*i*(*t*) (169 a3) ~ (*ś*)[*ā*]*kkiṣi mä*[*śki*](*t*) (IOL Toch 287 a3)
(*täm ka*)*klyuṣūräṣ* (169 a6-b1) ~ (*täm ka*)[*k*](*l*)*yuṣuräṣ* (IOL Toch 287 b2)

nandeṃ pälkoräṣ (169 b2) ~ (*na*)*ndeṃ pälko*[*rä*](*ṣ*) (IOL Toch 287 b3).

Как показывает сравнение строк 169 b1 и 169 b2, с одной стороны, и IOL Toch 287 b2 и IOL Toch 287 b3 — с другой, строки рукописи из Яр-Хото примерно на 6 акшар (слоговых знаков) длиннее строк рукописи №№ 144–211, т. е. состоят из 48 акшар или несколько больше, причем это соотношение исключительно строго выдерживается для всех сопоставляемых строк.

<u>Строка 169 a2 + IOL Toch 287 a2</u>. Строка IOL Toch 287 a2 подтверждает конъектуру *wlyepa-ra*(*k*)*e* «мягкоречивый»; акшара, предшествующая *ke*, вполне допускает чтение [*r*](*a*). Что касается следующего слова, можно думать, что оно представляет собой аналогично устроенное bahuvrīhi с первой частью *kāswa-* «хороший, благой» — вероятнее всего, *kāswa-*(*pältsäk*) «имеющий благие мысли»: этот композит известен по форме N Pl *kāswa-pälskāñ*.

<u>Строка 169 a4 + IOL Toch 287 a4</u>. С учетом соотношения длин строк двух рукописей расстояние между концом строки 169 a4 и началом строки IOL Toch 287 a2 составляет около 12 акшар. Перед *ptāñkät käṣ*[*ṣ*]*i*, возможно, следует восстанавливать оборот (*taṃ ne ti*)[*ryā*] «таким способом», но это не слишком надежно.

<u>Строка 169 a5-6 + IOL Toch 287 b1</u>. Предложенная М. Перо [CEToM] конъектура (*kro*)[*p*](*a*)*lyi* палеографически невозможна: *p* образует нижнюю часть лигатуры, верхней частью которой, по-видимому, является *l*. Исходя из имеющихся примеров, наиболее вероятной для данной словоформы выглядит конъектура (*śa*)[*lp*](*a*)*lyi* N Sg f от I AV глагола *tsälp-* «переходить, освобождаться». Теоретически, однако, не исключены и другие варианты — как минимум, речь может идти о форме одного из AV редкого глагола *ālp-* «ощупывать (?)». Кто из женских персонажей буддийского канона имеется в виду — жена Нанды Сундари, жена самого Будды Ящодхара или кто-либо еще, — остается неясным.

Строка IOL Toch 287 b1 должна встык или почти встык сходиться со строкой 169 a6. Действительно, следы акшары, стоящей после [*t*], как кажется, допускают чтение [*pä*], что соответствует конъектуре (*pä*)*ltsäṅkāmāṃ*. Если это верно, для [*t*]·естественной выглядит конъектура [*ta*](*ṃ*) «так».

Судя по тому что все три сохранившиеся строки фрагмента IOL Toch 287 имеют одинаковую длину, листы рукописи из Яр-Хото должны были состоять не менее чем из 8 строк (возможно, даже больше).

1.4.2. A 169 и THT 2388

В строке 169 b6 в составе стихотворного монолога представлена словоформа *keṃtsy* Inf от *ken-*/ «звать». Та же словоформа, и снова в стихах, дважды представлена в сочетании *kentsi āṣāṃ* «называться достоин» во фрагменте THT 2388 (см. выше). Для строки 169 b6 Э. Зиг и В. Зиглинг дают чтение *keṃtsy a* –\, однако не только сравнение с фрагментом THT 2388, но и палеографические соображения свидетельствуют в пользу того, что это чтение должно быть изменено на *keṃtsy ā*(*ṣāṃ*). Поскольку строка 169 b6 — последняя строка листа, а строки фрагмента THT 2388, включающие сочетание *kentsi āṣāṃ*, могут быть двумя первыми строками, весьма вероятным кажется предположение, что перед нами один и тот же стихотворный монолог, начинающийся на листе A 169 и продолжающийся на листе THT 2388. Попробуем подтвердить или опровергнуть это предположение метрическим анализом.

Сохранившийся текст строк 169 b4 и 169 b5 почти одинаков, различаются лишь формы местоимения «весь, все» — N-Acc *puk* в строке b4 и, по-видимому, G *pki*(*s*) в строке b5. Поскольку в строке b5 форма *naṣ* стоит в начале пады (стихотворной строки), скорее всего, так же обстоит дело и в строке b4. Строка b3 заканчивается надежно читаемым (несмотря на то, что в [Sieg, Siegling, 1921, p. 87] он заключен не в квадратные, а в круглые скобки) знаком ||. За этим знаком должны следовать название мотива и первая пада монолога. Утраченная часть строки b3 содержит 22 акшары или несколько больше; соответственно, для рассматриваемого монолога можно предполагать один из трех размеров — 4 x 18 слогов (метрическая схема 4/3/4/3/4), 4 x 17 (метрическая схема 5/7/5) или 4 x 17 (метрическая схема 6/6/5).

Первый вариант маловероятен: если его принять, получается, что цезура разбивает такие тесные синтаксические единства, как *tan ne wkänyo* и — *lye ṣeñc*. Второй вариант исключен: в строке b5 пятый и шестой слоги пады приходятся на одну и ту же словоформу *wkänyo*. Напротив, третий вариант хорошо соответствует наблюдаемым данным. В этом случае три пады, занимающие левую часть строк b4-6, на уровне слогов предстают в следующем виде:

строка b4: (◆) naṣ nu taṃ ne wkäṃnyo ¦ puk – – – lye ṣeñc ¦ mänt ne tñi – (– ◆)

строка b5: ◆ naṣ nu tan ne wkänyo ¦ pki(s) – – – – – ¦ – •e tñi sewāñ (◆ 1)

строка b6: (◆) – – – – – – ¦ – pācar keṃtsy ā(ṣāṃ) ¦ – – – – – s ◆

Что касается строки THT 2388 a1, последовательность [*ñ*]*om kentsi āṣāṃ* как раз укладывается в 5-сложный колон.

Утраченная правая часть строки 169 b6 включает в себя около 18 акшар, так что пада, начинающаяся с *parno* ////, заканчивается у самого края листа A 169. Тем самым, положение знака ◆ в строке THT 2388 a1 — в четырех акшарах от правого края листа и, соответственно, примерно в 37 акшарах от его левого края — вполне соответствует ожидаемому.

1.4.3. A 169: прочие комментарии

<u>Строки a2–3</u>. В строке a2 возможна конъектура *cami cmol ko*(*tär*) «его рождение и семья», ср. *cami nu āṣānikyāp taṃ ne tiryā cmol kotär ṣeṣ* (19 a3) «У этого же архата таковы рождение и семья были...».

Обрывочное *-cär* в начале строки a3 наверняка представляет собой окончание 2 Pl M презентной серии. В качестве возможной конъектуры можно предложить, в частности, (*mar śura*)*cär* «не беспокойтесь».

Поскольку в строке a3 фигурирует принц Щакьев, а в строке a4 упоминается «безвременная кончина», не исключено, что в этой части текста речь идет об Упананде — брате Нанды, лишившемся жизни из-за чрезмерной жадности. Как установил С. В. Малышев [Malyshev, 2019, с. 84–86], фрагменты истории Упананды в том виде, как она изложена в “Mūlasarvāstivāda-Vinaya”, приведены в тох. A рукописи №№ 452–456, представляющей собой санскритско-тохарскую билингву. Крохотный сохранившийся фрагмент третьей из четырех утраченных акшар, как кажется, не противоречит конъектуре (*Upa*)[*n*](*ande*).

<u>Строки a6 и b1</u>. Конъектуры *kälpā*(*t*) [Siegling, PK, p. 87; CEToM] и *tä*(*preṃ*) [CEToM] возможны, но, на наш взгляд, недостаточно надежны (особенно вторая).

<u>Строки b2–3</u>. Чтение *päll*[*o*] //// соответствует палеографии, но в любом случае нуждается в корректировке: в тох. А нет слов, начинающихся на *pällo*-, а контекст явно свидетельствует в пользу конъектуры *päll*(*ānträ*) «славят». Как кажется, сохранившаяся левая часть диакритики *o* слегка затерта: возможно, писец начал писать *o*, но сам исправил его на *ā*.

Конечное -*ñc* в начале строки b3 практически точно принадлежит словоформе (*träṅki*)*ñc* «говорят». Подлежащим этой фразы должно быть местоимение *ṣomaṃ* «некоторые, одни (женщины)», соотносительное с другим *ṣomaṃ*, сохранившимся в левой части строки b2. При этом оно, разумеется, могло стоять не прямо перед сказуемым, а левее.

Под *ṣomaṃ*... *ṣomaṃ*... очевидно, имеются в виду *wiraṃ k*$_{u}$*lewāñ* «молодые женщины», фигурирующие в строке a1.

<u>Строки b4–5</u>. Не только общий смысл, но даже синтаксическая структура обеих пад, начинающихся с *naṣ nu*, остаются неясными; в частности, непонятно, к чему относится связка 3 Sg Pr *naṣ* и чем обусловлено различие между *puk* и *pki*(*s*). Тем не менее в строке b5 можно с уверенностью восстановить союз (*mä*)[*n*](*t n*)*e*. Следует ли в строке b4 подобным же образом восстанавливать форму [*s*](*ewāñ*), не столь очевидно.

1.4.4. THT 2388: прочие комментарии

В строке 169 b6 перед оборотом «называться достоин» стоит слово *pācar* «отец», а в строке THT 2388 a1 — слово [*ñ*]*om* «имя»; очевидно, структура соответствующих синтагм могла быть не единообразной. С опорой на строку 169 b6 в строке THT 2388 a2 можно предполагать конъектуру [*s*](*e*) «сын»; но это совсем ненадежно. Добавим еще, что в каждом из трех случаев обороту *kentsi āṣāṃ* теоретически может предшествовать отрицание.

Какое место внутри пады занимает сохранившаяся часть строки THT 2388 a2, точно определить нельзя.

1.5. A 169 (= IOL Toch 287), THT 3288 recto: сводный текст (с конъектурами) и перевод

Акшары и их части, сохранившиеся в составе фрагмента IOL Toch 287, выделены жирным шрифтом. Все конъектуры и исправления, добавленные в текст по сравнению с п. 1, даны курсивом. Менее надежные восполнения в оригинале и в переводе подчеркнуты пунктиром. При реконструкции стихотворной части текста указывается количество утраченных слогов (**не** акшар) — там, где оно известно. Место знака ♦, завершающего пады 2a и 2c, относительно края строки указано условно.

a1: – – – – – – (*tä*)my[o] mā knā – – – – – – – – – ṣ[o]maṃ träṅki(ñc) //// <≈ 18 акшар> ////

a2: – späntāll anac wlyepa **r**a**ke kāswa** (*pältsäk*) – – – – cami cmol ko(*tär*) //// <≈ 13 акшар> //// (*mar śura*)

a3: cär was ākṣiññams=äm (*Upa*)[*n*](*ande*) ñomā ś**ākkiṣi mäś**[**k**]**i**(t) //// <≈ 17 акшар> //// (ptā)

a4: ñkät käṣṣi sne praṣṭ wlalune pälkoräṣ //// <≈ 9 акшар> //// (taṃ ne ti)[ryā] **ptāñkät käṣ[ṣ]i** //// <≈ 5 акшар> //// (nyagro)
a5: dhārāṃ saṅkrāmaṃ yeṣ ♦ tmaṃ ptāñkät käṣṣi krī mā krī – //// <≈ 17 акшар> //// (ṣa)[**lp**](a)**lyi ṣeṣ** [**ta**](ṃ) [**pä**]
a6: ltsäṅkāmāṃ saṃ nyagrodhārāṃ saṅkrā(maṃ) wañi mā kälpā //// <≈ 22 акшары> //// (täm ka)
b1: **klyuṣūräṣ** w**i**raṃ $k_u$lewāñ träṅkiñc oy klop tä //// <≈ 25 акшар>
b2: ṣ ♦ tmäṣ ṣomaṃ na**ndeṃ pälkoräṣ** puk śākkis päll(*ānträ*) //// <≈ 21 акшара> //// (*träṅki*)
b3: ñc ♦ ote täpreṃ parno na[ṣt] śākkiśśi nātäk [||] (NM || <17 слогов> ♦$_{1a}$)
b4: naṣ nu taṃ ne wkäṃnyo puk – – – – lye ṣeñc mänt ne tñi – (– ♦$_{1b}$) <16 слогов>
b5: – m ♦$_{1c}$ naṣ nu tan ne wkänyo pki(*s*) – – – – – – (*mä*)[*n*](*t n*)e tñi sewāñ (♦ 1) <17 слогов> (♦$_{2a}$ –)
b6: – – – – – – [p]ācar keṃtsy *ā*(*ṣāṃ*) – – – – – s ♦$_{2b}$ parno (– – – – – – – – – – – – – – – – ♦$_{2c}$)
2388 a1: <17 слогов> (♦ 2 – – – – – – – – – – – – –) [ñ]om kentsi āṣāṃ ♦$_{3a}$ mṣapantiṃ pe
2388 a2: //// <≈ 33 акшары> //// – (...) [s]· kets[y] ā
(2388 a3: (ṣāṃ))

a1: ...поэтому, не зная (?)... одни (женщины) говорят...
a2: ...доверять следует ему, мягкоречивый и имеющий благие (мысли)... его рождение и семья... (Не беспокойтесь),
a3: мы вам расскажем: по имени (Упананда) принц Щакьев...
a4: ...Будда-бог учитель, безвременную кончину видя... (Таким) способом Будда-бог учитель...
a5: в монастырь Ньягродхарама пришел. Там Будда-бог учитель волей-неволей... должна была освободиться. Так
a6: размышляя, он в монастыре Ньягродхарама умиротворения (букв. «удовольствия») не обрел (?)... (Это)
b1: услышав, молодые женщины говорят: «О горе!..»
b2: ...Тогда одни (женщины), Нанду увидев, всех Щакьев славят... (другие (букв. «одни»))...
b3: говорят: «О, сколь ты сияющ, господин Щакьев!» || (на мотив ... ||)
b4: «...Есть же таким образом весь (?)... были, словно твои...
b5: ...Есть же таким образом у всех (?)... словно твои сыновья.
b6: ...отцом называться достоин... Сияющий...
2388 a1: ...именем ... называться достоин. Полководец же (?)...
2388 a2: ... называться достоин...»

2. Солнце, месяц и звезды: лист А 175ext

2.1. A 175 + A 178

A 175 — маленький четырехстрочный фрагмент, примыкающий справа и снизу к отверстию для шнурка. Также небольшой, но сохранивший все 6 строк фрагмент A 178 соединяется с фрагментом A 175 по строкам a5 и b2 [Itkin, in print]. В других строках разрыв между двумя фрагментами также невелик (не более двух акшар).

Как будет ясно из дальнейшего, соотношение recto и verso для обоих фрагментов установлено издателями верно.

2.2. THT 2968 fgm. g

Документ THT 2968 состоит из 8 маленьких фрагментов (a-h), написанных почерком рукописи №№ 144–211. Экспедиционный номер неизвестен. Фотографии всех 8 фрагментов отсутствуют на сайте TITUS, но доступны на сайте idp.bl.uk. Ни один из фрагментов ранее не публиковался. Ниже приводится текст фрагмента THT 2968.g; нумерация строк фактическая:

a1-2: deficiunt
a3: //// retwe tma – ////
a4: //// ñ$^{\text{ä}}_{[\backslash]}$ sa(·)[k]· ////
a5: //// ·(·)[e] ////
a6: deficit
b1: deficit
b2: //// (·)[t]· ////
b3: //// [m]punt$_{\backslash}$ ñ(·)· ////
b4: //// lam [w](c)ac ·· ·(·)i ////
b5-6: deficiunt

Фрагмент THT 2968.g примыкает справа (с небольшим разрывом) к строкам a3–5 и b2–4 фрагмента A 178. Об этом свидетельствует, в частности, восстанавливаемая на стыке отрезков 178 b3 и THT 2968.g b3 словоформа *wā*[*m*]*punt* «украшенные» (ср. конъектуру *wā*(*mpunt*) [Siegling, PK, p. 90]).

2.3. Лист A 175 + 178 + 2968.g: предварительный сводный текст

Текст фрагментов A 175 и A 178 дается в соответствии с [Sieg, Siegling, 1921, p. 189, 90] (незначительные расхождения не оговариваются). Текст фрагмента THT 2968.g выделен жирным шрифтом:

A 175ext (= A 175 + A 178 + THT 2968 fgm. g):
a1: //// t ś(a)lpaträ ♦ t[m]ä ////
a2: //// [ñc] ṣome nandeṃ päl(k)o ////
a3: //// ○ t käṣyāp t(ā)skm(āṃ) – (–) ikṣvākuy sarkaśś(äl) **retwe tmä** – ////
a4: //// (kapi) ○ lavāstu riyaṃ (–) [lä]ntäsmāṃ tri tmāṃ śolyāk·**ñ sä**(·)[**k**]· ////
a5: //// – – täpreṃ kāsu kus ne ārkiśoṣṣaṃ k(ā)wältune ciñcroneṣi wākä(m) ·[**e**] ////
a6: //// ś || śakkariñcenaṃ || [k]oṃ [ñ](kä)[t](t) oki p[t]ā – (–) ṣṣi ārkiśoṣṣaṃ ♦ maṃñ oki – ////
b1: //// s ♦ yśe kraṃś yśe kraṃ[ś] ·y· – s yäk (– –) pr· tärne ♦ 1 || tmäṣ sne yä(r)m śr· ////

b2: //// (na)ndenäṣṣ aci letkār ṣāmnāśśi yärka[nt] ypeñc || tpär wākmtsaṃ penu ṣ**t**ā ////
b3: //// ○ nä – wkäṃ viciträ (wa)mpeyntuyo yetunt wā[**m**]**punt ñ**(·)· ////
b4: //// ○ k toräṣ (na)ndeṃ ṣä (–) [s]m· karemāṃ akmalyo – **lam** [**w**](**c**)**ac** ·· ·(·)**i** ////
b5: //// – caṣi [p]ācar māca(r) n· – ////
b6: //// t(rä)ṅkiñc mā w· ////

2.4. Лист A 175 + 178 + 2968.g: комментарии

Строка a3. Как отмечено в [Siegling, PK, p. 90], сочетание *ikṣvākuy sarkaśśäl* «с родом Икшваку» встречается также в строке 153 a3:

//// (ote) täpreṃ ciñcrone klyomune ote täpreṃ ptāñkät käṣyāp tāskmāṃtsune ote täpreṃ ikṣvākuy sarkaśśä(l) //// «(О,) такая нежность и благородство! О, такое с Буддой-богом учителем сходство! О, такое с родом Икшваку...».

Параллелизм между строкой A 175ext a3 в ее более полном виде и строкой A 153 a3 выглядит еще убедительнее. Однако напрашивающаяся конъектура *t(ā)skm(āṃtsune)* палеографически невозможна: акшара, следующая за *skm(āṃ)*, частично сохранилась и может быть прочитана исключительно как [*k*]. Таким образом, получается, что не только abstractum *tāskmāṃtsune* «сходство», но и собственно союз *tāskmāṃ* «подобно» способен, помимо Comit, управлять также G.

Некоторым подтверждением для такого вывода может служить строка 331+1414.c b4 (принадлежность фрагмента THT 1414.c к листу A 331 установлена нами): *//// nätwāśśi [tā]sk[m]āṃ näm – ////*. Наличие после *tāskmāṃ* глагола-связки дает основания думать, что это слово употреблено здесь не как союз, а в роли имени: «...(нечто,) X-ам подобное (или: “X-ам подобие”?), есть у нас/вас/их». Атрибутивная интерпретация возможна и для другого примера сочетания «G + *tāskmāṃ*»: *ālak penu märkampalis tāskmāṃ märkampal* (353 a4) «...другая же <этой?> дхарме подобная дхарма (?)». Не исключено, что нечто похожее имеет место и в строке A 175ext a3. К сожалению, надежно восполнить лакуну между отрезками 175 a3 и 178 a3 не удается.

Сочетание существительного *retwe* «соединение, сочинение» с формой Comit представлено в строке 263 "a"3: *//// yaśśäl retwe*. Возможно, в строке A 153 a3 также следует восстанавливать синтагму *ikṣvākuy sarkaśśä(l retwe)*.

Строка a4. С учетом формы [*lä*]*ntäsmāṃ* «выходя» чтение *riyaṃ* «в городе» должно быть скорректировано в пользу *riy*[*ä*](*ṣ*) «из города». Аналогичное написание акшары *yä*, при котором одна точка расположена над центром знака для *y*, а другая значительно смещена вправо, см., в частности, в строке 184 b2.

За написанием *śolyāk(ā)ñ*, несомненно, стоит форма N Pl лексемы *ṣolyāk** «спутник (?)». Аналогичное решение явно было имплицитно принято уже в [Thomas, 1964, p. 147], где заголовок соответствующей словарной статьи имеет вид “**śolyāk (ṣolyāk)**”. Написание *ś* на месте обычного *ṣ* почти наверняка представляет собой просто описку, но теоретически не исключена и какая-то нестандартная вариативность.

Следующее слово мы восстанавливаем как *sä*(*r*)[*k*](*i*): послелог *särki* «после, вслед за» часто употребляется адвербиально.

Строка a5. В начале строки a5, скорее всего, следует восстанавливать частотное восклицание [*ot*](*e*) *täpreṃ*.

Сочетание *k(ā)wältune ciñcrone-ṣi* «красоты и нежности» представляет значительный интерес. Это единственный на данный момент достаточно надежный пример

существования в тох. А «групповой деривации» — оформления двух или более однородных существительных единым адъективирующим суффиксом [Курицына, 2017]. Для тох. В «групповая деривация» достаточно обычна, ср., например, *kektseñ reki* [*p*]*älskoṣṣe* (B PK AS 7L a2) «относящийся к телу, речи и мысли» [Курицына, 2017].

В конце строки представлено существительное *wākä*(*m*) «отличие, особенность», здесь употребленное скорее в значении «образец, эталон», со связкой 3 Sg Ipf (*ṣ*)[*e*](*ṣ*), ср. ближайшую параллель:

//// (*ā*)*rkiśoṣṣaṃ kāswoneṣi wākäm ṣeṣ* ♦ (YQ-44[III.3] b5) “(who) was the paragon of virtue in the world”[1].

<u>Строка a6</u>. В левой части строки утрачено 4 или 5 акшар. Сколько-нибудь убедительной конъектуры для слова, оканчивающегося на *ś*, предложить не удается: (*poṃ*)*ś* «все»? (*kraṃ*)*ś* «<люди> добрые»?

Конъектура *p*[*t*]*ā*[*ñ*](*kät kä*)*ṣṣi* «Будда-бог учитель» очевидна. Будучи восстановлена целиком, первая пада стихотворного монолога показывает, что нигде более не встретившееся название мотива *śakkariñcenaṃ* соответствует размеру 4 x 12 слогов с метрической схемой 4/4/4. Во второй паде, очевидно, развивается мысль о том, что на фоне Солнца-Будды Нанда подобен месяцу.

Слово, следующее за *maṃñ oki*, должно быть односложным; акшара после *ki* частично сохранилась и допускает чтение [*n*](*u*) «же».

С учетом количества слогов, утраченных во второй и третьей падах, получается, что строка a6 была несколько длиннее обычного: она содержала не менее 46 акшар.

<u>Строка b1</u>. Второй колон четвертой пады на основании как палеографических соображений, так и несомненной параллели со строкой b2 надежно восстанавливается в виде [*p*]*y*(*ā*)[*mä*]*s yä*(*r*)*k*(*ant*) «окажите почтение» (букв. «сделайте почтения»). Третий колон, безусловно, представляет собой самое интригующее место текста. К сожалению, с учетом утраты начальной акшары и неразличимости написаний *rne* и *rte* количество возможных интерпретаций слишком велико (пометки В. Зиглинга, относящиеся к данной словоформе, плохо различимы; возможно, одна из них читается как “2 pl?”). Можно лишь предположить, что, поскольку сочетание *yärkant y-/yp-/yām-* требует генитива, речь идет о форме G Du с окончанием *-n-e* либо самого слова *pracar* «брат», либо слова со значением «≈ доводящийся братом», как-то связанного со знаменитыми западнотохарскими формами *omprotärcci* (B 108 a8) и *omp*(*r*)*o*[*t*](*r*)*iṃ* (B PK AS 6A a7) «братья между собой». Может ли не менее знаменитая тох. А форма *pratri* «два брата (?)», также встретившаяся в рукописи №№ 144–211, ср. *kṣatriṃ pratri tim* (144 "a"2) «кшатрии-братья эти двое», быть напрямую сопоставлена с рассматриваемой формой, остается не вполне ясным. Соотношение N Du *pratri* ~ G Du *pr*(*a*)*tärne* выглядит крайне необычным, однако следует учитывать, что наши сведения о тох. А формах двойственного числа чрезвычайно скудны.

В конце строки речь, возможно, идет о жителях Щравасти; не исключено также повторение сравнения Щакьев со звездами, предположительно представленного в конце строки a6 (см. ниже). Ни то, ни другое ненадежно.

<u>Строка b2</u>. Для правого края строки b2 вероятна конъектура *ṣ*[*t*]*ā*(*ṅkṣ·*) «во дворцах» (о падежной форме см. ниже): при слове *ṣtāṅk* «дворец» часто встречается

[1] Перевод по: [Ji, Winter, Pinault, 1998, p. 157].

упоминание о высоте, ср., например, *tpär ṣtāṅkaṃ* (66 a4) «высоко во дворце». Если эта конъектура верна, форма N-Acc Pl f *wākmtsaṃ* показывает, что лексема *ṣtāṅk* (Sg m) относится к переменному роду.

Строка b3. Акшара, следующая после *nä*, очень сильно повреждена, однако как будто допускает чтение [*ntw*]·. Это позволяет предложить для слова, предшествующего *wkäṃ*, конъектуру (*wimā*)*nä*[*ntw*]· «во дворцах» (ниже для разграничения двух синонимов со значением «дворец» лексема *wimāṃ* условно переводится как «чертог»). При присоединении к основе слова *wimāṃ* (и некоторых других заимствованных лексем с исходом на [n]) показателя Pl *-ntu* может происходить гаплология, ср. N-Acc Pl *wimāntu* (187 b1), Loc Pl *wimāntwäṣ* (58 a6) и др. [Sieg, Siegling, Schulze, 1931, p. 97]. Это явление, однако, факультативно, ср. N-Acc Pl *wimānäntu* (301 a7) [Sieg, Siegling, Schulze, 1931, p. 97]. Последовательное упоминание «дворца» и «чертогов» представлено в другом тексте, относящемся к рукописи №№ 144–211, ср.:

ekapuṇḍarik vaijayant ṣtāṅkaṃ ñäkcyāṣ wimāntwaṃ (156 (< 171ext) a1) «В чудесном (?) дворце Вайджаянта, в божественных чертогах...».

Неожиданную трудность представляет падеж. Для названий помещений в подобных контекстах, конечно, ожидается форма Loc, ср. только что приведенный пример. Однако очертания верхней части акшары, следующей после *nä*, как кажется, не только исключают чтение (*wimā*)*nä*[*ntwaṃ*], но и достаточно определенно свидетельствуют в пользу чтения (*wimā*)*nä*[*ntwā*]. Если это чтение верно, остается неясным, имеем ли мы дело просто с нестандартным выражением внутренне-местного значения или употребление формы Perl обусловлено тем, что персонажи, о которых идет речь в данном пассаже, действительно находятся не в, а «на» дворцах и чертогах, т. е. смотрят на происходящее с крыш. Последнее предположение не кажется невероятным — ср., например, выполненную неварскими художниками иллюстрацию к одному из эпизодов «Лалитавистары», на которой царь Щуддходана, держащий на руках младенца Сиддхартху, «стоит на плоской крыше здания, т. е. он принимает гостя (мудрого отшельника Аситу. — *И. И.*) на крыше своего дворца» [Васильков, 2014, с. 144].

Сочетание *wkäṃ viciträ*, состоящее из тох. А слова *wkäṃ* «способ» и неосвоенного санскритского заимствования, по-видимому, представляет собой устойчивое выражение: оно встретилось точно в таком же виде в строке A 315+316 a5 (наше внимание на это обратила А. В. Курицына). Значение этого выражения не вполне ясно: на сайте [CEToM] оно переведено просто как “in many ways”, однако более вероятным — в соответствии с семантикой скр. *vicitra-* — выглядит перевод «пестрый, разноцветный».

Формы *yetunt* и *wā*[*m*]*punt*, несомненно, представляют собой не Acc Sg m, а N-Acc (синтаксически — N) Pl f (это ясно хотя бы из того, что «дворцы» и «чертоги» упоминаются в тексте именно во мн. ч.). С учетом этого обстоятельства для правой части строки b3 очень вероятной выглядит конъектура типа *ñ*(*äkcyāñ aptsarāntu*) «божественные апсары» или даже просто *ñ*(*äkteññāñ*) «богини». Поскольку общее содержание эпизода неясно, речь может идти как о настоящих богинях, так и о земных женщинах. Во втором случае перед нами сравнительный оборот *ñ*(*äkteññāñ oki*) «(словно) богини».

Ср. похожий пример, в котором «украшенные женщины» также наблюдают за героем повествования (на этот раз — бодхисатвой Майтрейей):

ṣṭāṅksaṃ treśālsaṃ tpär pātsäṅkāsaṃ yetunt k_u*lewāñ klawantr oky āñc tkanäṣ nu sliñc orto* (253 b3) «во дворцах и зданиях из трех комнат высоко в окнах украшенные женщины словно падают вниз и с пола (букв. “с земли”) взлетают вверх».

Строка b4. Предложенная в [Siegling, PK, p. 89] (со знаком вопроса) конъектура (*ṣi*)*k toräṣ* «шагнув (букв. “шаг поставив”)», основанная на параллели со строкой 328 a2, возможна, но, действительно, ненадежна. Отметим, что в тох. А имеется и «слитное» *ktoräṣ* (239 b6) — Abs от *kät-* «рассыпать».

На стыке отрезков A 175 b4 и A 178 b4, скорее всего, следует восстанавливать словоформу *ṣä*(*rpä*)[*s*]*m*(*āṃ*) «указывая», ср. отчасти похожий пример:

nirmitṣinās ris ṣärpäsmāṃ träṅkiñc (254 b3) «...на воображаемые города указывая, говорят...».

Несмотря на то, что от слова, следующего за местоимением [*ā*]*lam* [*w*](*c*)*ac* «друг друга», сохранилась только гласная *i*, оно с высокой вероятностью восстанавливается в виде (*träṅk*)*i*(*ñc*) «говорят»: ср., например, *ālam wcac träṅkiñc* (15 a1).

2.5. THT 2530

Экспедиционный номер неизвестен; по почерку фрагмент однозначно идентифицируется как принадлежащий к рукописи №№ 144–211. Нумерация строк по сравнению с [Tamai, 2007] изменена на (предполагаемую нами) фактическую (a1-2 → a5-6), имеется и ряд отличий в чтениях. У фрагмента сохранился нижний край:

a1-4: deficiunt
a5: //// – [t]ra tma –$_{\backslash}$ ////
a6: //// [ñ] oki śā – ////
b1: //// – panwo – ////
b2: //// – kro[pa] kro(p̱)$_{[\backslash]}$ ////
b3: //// ·(·)i ////
b4-6: deficiunt

Самая левая акшара в строке b1 может быть прочитана как [*trä*], самая правая более всего напоминает [*ṣś*] (!), однако оба чтения ненадежны.

По нашему мнению, фрагмент THT 2530 со значительной вероятностью является частью листа A 175ext. В пользу этого говорят следующие соображения:

- для сравнения «Будда — как солнце, Нанда — как месяц...» естественно предполагать третий член: «Щакьи — как звезды». Левая часть строки THT 2530 a6 может быть восполнена в виде (*śreṃ*)[*ñ*] *oki* (обоснование именно такой конъектуры см. ниже), а слабые следы акшары, следующей после *śā*, не противоречат чтению [*k*](*k*)[*i*], т. е. речь может идти о форме *śā*[*k*](*k*)[*i*](*ñ*) или *śā*[*k*](*k*)[*i*]-(*ṣiñi*);

- строка, обозначенная нами как THT 2530 a6, аналогично строке A 175ext a6, является нижней;

- самая левая акшара строки THT 2530 a5 допускает чтение [*lp*], что позволяет сопоставить эту строку со строкой A 175ext a1, в которой представлена последовательность *ś*(*a*)*lpaträ* ♦ *t*[*m*]*ä* //// — форма 3 Sg Pr M глагола *tsälp-* «переходить, освобождаться» и начинающее следующее предложение слово *t*[*m*]*ä*(*ṣ*) «тогда, потом» или, менее вероятно, *t*[*m*]=*ä*(*k*) «сразу же» (отсутствие в строке THT 2530 a5 пунктуационного знака ♦ может быть случайной небрежностью).

Основной аргумент против данной гипотезы — «неудобное» соотношение сочетания (*śreṃ*)[*ñ*] *oki* с метрической схемой 4/4/4: это сочетание состоит из трех слогов и, соответственно, может быть только концом первого колона третьей пады, так что эта пада должна открываться односложным словом, нарушающим параллелизм с двумя первыми падами, в начале которых стоят слова [*k*]*oṃ* [*ñ*](*kä*)[*t*](*t*) «Солнце» и *maṃñ* «луна, месяц».

Если наше предположение все же верно, фрагмент THT 2530 занимает место у самого края листа, в 1–2 акшарах от правого поля.

2.6. Загадка одной анусвары

Написание *maṃñ oki* вместо *maññ oki* необычно: в отличие от [n], которое в позиции удвоения действительно часто отображается как *ṃn*, конечное *ñ* в таких случаях всегда передается именно в виде *ññ*. В [Бурлак, Иткин, 1999, с. 75] написание *maṃñ oki* сопоставлено с написанием *ñäkcyāṃñ aptsaräntu* (312 b3) «божественные апсары». Это, однако, недоразумение: в строке 312 b3 представлено раздельное написание, при котором вокалический или консонантный анлаут слова, следующего за конечным *-ñ*, не имеет никакого значения. Судя по всему, автор рукописи №№ 312–331 вообще имел некоторую склонность записывать конечное *-āñ* как *-āṃñ*, ср. *swāñcenāṃñ* (314 b6) «лучи», (////) *r-ṣṣāṃñ* ⬧⬧ (323"a"3) N Pl f какого-то прилагательного с суффиксом *-ṣi*.

Таким образом, написание *maṃñ oki* оказывается не просто редким, а абсолютно уникальным на всем ныне известном тох. А материале и требует объяснения. Мы полагаем, что ключом к разгадке служит номер строки: писец прибег к написанию *ṃñ*, поскольку счел, что лигатура *ññ* будет располагаться слишком близко к нижнему краю листа. Соответственно, в случае //// [*ñ*] *oki* (THT 2530 a6) следует предполагать не ошибку (одиночное *ñ* вместо двойного), а использование того же приема и написание (*śreṃ*)[*ñ*] *oki*, как это и сделано выше. Близость двух написаний с *ṃñ* служит косвенным подтверждением гипотезы о том, что фрагмент THT 2530 a6 и A 178 a6 — части одной строки, однако наше объяснение сохраняет свою силу и в том случае, если *-ñ* в строке THT 2530 a6 относится не к словоформе *śreñ* «звезды», а к какой-либо другой словоформе, а сама эта строка является нижней строкой не листа A 175ext, а какого-то другого листа.

В строке 456.b b3 встретилась синтагма *pärskāl anäṣ* «бояться следует его» — со слитным написанием, но без удвоения *l*, которое перед местоименной клитикой *anäṣ*, как и перед союзом *oki*, должно происходить обязательно. С учетом сказанного выше представляется любопытным, что эта строка также является самой нижней. Правда, на наш взгляд, между согласным *l* и краем листа A 456.b вполне достаточно места для еще одного *l*, однако автор рукописи №№ 452–456 мог придерживаться иного мнения на этот счет.

2.7. A 175 + A 178 + THT 2968 fgm. d + THT 2530: сводный текст (с конъектурами) и перевод

Принципы подачи сводного текста — те же, что выше (см. раздел 1.5). Точка перехода от строки a6 к строке b1 выбрана условно, однако она почти наверняка отличается от фактической не более чем на один слог.

A 175ext (= A 175 + A 178 + THT 2968 fgm. g (+ THT 2530?)):

a1: //// t ś(a)lpaträ ♦ t[m]ä ////
a2: //// [ñc] ṣome nandeṃ päl(k)o(*räṣ*) ////
a3: //// (*ote täprem ptāñkä*) ○ t käṣyāp t(ā)skm(āṃ) [*k*]· (–) ikṣvākuy sarkaśś(äl) retwe tmä – ////
a4: //// (kapi) ○ lavāstu riy[*ä*](*ṣ*) [lä]ntäsmāṃ tri tmāṃ śolyāk(*ä*)ñ sä(*r*)[k](*i*) ////
a5: //// [*ot*](*e*) täpreṃ kāsu kus ne ārkiśoṣṣaṃ k(ā)wältune ciñcroneṣi wākä(m ṣ)[e](*ṣ*) //// //// (*śa*)[*lp*](*a*)[*t*]*rä tmä* – (–)
a6: //// ś || śakkariñcenaṃ || [k]oṃ [ñ](kä)[t](t) oki p[t]ā[*ñ*](*kät kä*)ṣṣi ārkiśoṣṣaṃ ♦♦$_{1a}$ maṃñ oki [*n*](*u*) (– – – – – – – – – ♦♦$_{1b}$ – (*śrem*)[*ñ*] *oki śā*[*k*](*k*)[*i*] –
b1: – – – – –) s ♦♦$_{1c}$ yśe kraṃś yśe kraṃ[ś] (*p*)y(*ä*)[*mä*]s yä(*r*)k(*ant*) (–) pr·tärne ♦♦ 1 || tmäṣ sne yä(r)m śr· //// //// – *pänwo* – (–)
b2: //// (na)ndenäṣṣ aci letkār ṣāmnāśśi yärka[nt] ypeñc || tpär wākmtsaṃ penu ṣ[t]ā(*ṅks*·) //// //// – *kro*[*pa*] *kro*(*p*) (–)
b3: //// (*wimä*) ○ nä[*ntw*]· wkäṃ viciträ (wa)mpeyntuyo yetunt wā[m]punt *ñ*(*äkteññāñ*) //// //// ·(·)*i* (–)
b4: //// (*ṣi*) ○ k toräṣ (na)ndeṃ ṣä(*rpä*)[s]m(*āṃ*) karemāṃ akmalyo [*ä*]lam [w](c)ac (*träṅk*)*i*(*ñc*) ////
b5: //// – caṣi [p]ācar māca(r) n· – ////
b6: //// t(rä)ṅkiñc mā w· ////

a1: «...освобождается». Тогда (?)...
a2: ...Некоторые, Нанду увидев...
a3: «...(О, такое Будде-богу) учителю подобное... с родом Икшваку соединение!» Тогда (?)...
a4: ...из города Капилавасту выходя, 30000 спутников (?) следом...
a5: «...О, сколь благ <тот,> кто в мире красоты и нежности образцом стал... освобождается». Тогда (?)...
a6: ... || На мотив Щ. || Словно Солнце Будда-бог в мире, словно месяц же (Нанда)... словно звезды — Щакьи...
b1: ...Эй, <люди> добрые, эй, <люди> добрые, окажите почтение двум братьям (?) (или: «тому, кто доводится братом <Будде>» (?))! || Тогда без меры... натянуты (?)...
b2: ...начиная с Нанды по очереди монахам почтение оказывают. || А высоко (в) великолепных (дворцах)... толпами...
b3: ...(в) чертогах разноцветными (?) украшениями убранные и украшенные (богини)...
b4: ...шагая, на Нанду указывая, со смеющимся лицом друг другу говорят...
b5: «...у него отец и мать...»
b6: ...говорят: «Нет...»

Глагол *pänw-* «тянуть, тащить» в строке b1, возможно, употреблен метафорически, ср. гипотетически похожий пример:

♦ *täm pälkoräṣ pänwo=oky aci ñäktas napenä(śśi pä)lskan<t> tākar* ♦ || (312 a3) «При виде этого (букв. “Это увидев”) словно натянутые (?) у богов и людей мысли сделались» (употребление формы N Sg m от PP *pänwo* вместо ожидаемой формы N-Acc Pl f *pänwont** неясно).

2.8. THT 2518 + THT 2410

Фрагменты THT 2518 (экспедиционный номер неизвестен) и THT 2410 (экспедиционный номер T III Š 95), относящиеся к рукописи №№ 144–211, надежно соединяются друг с другом, образуя единый фрагмент. Ниже приводится текст этого фрагмента; нумерация строк (предполагаемая нами) — фактическая. Верхний край сохранился:

a1: //// [w]r(a)sañ$^{\ddot{a}}_{\backslash}$ (we)[y](eṃ) [nāṃ]tsuṣ ṣo[m]e ////
a2: //// (tra)ṅk[i]ñc$^{\ddot{a}}_{(\backslash)}$ palkāc palkāc$_{\backslash}$ [k](ra)ṃś · – ////
a3: //// (tra)[ṅ]kiñc$^{\ddot{a}}_{\backslash}$ saṃn aśśi – ////
a4: ...
a5-6: deficiunt
b1-2: deficiunt
b3: ...
b4: //// oy n[ā]śśāñ$^{\ddot{a}}_{\backslash}$ sa ////
b5: //// [m](ro)skluneyo aś[ś]i [sa]s$_{\backslash}$ wa[ṣ]ta[ṣ la] ////
b6: //// – pinwāt$_{\backslash}$ (–) – palko[n]t$_{[\backslash]}$ [e] – ////

Конъектуры (*we*)[*y*](*eṃ*) и [*k*](*ra*)*ṃś* практически надежны. Сочетание *weyeṃ nāṃtsuṣ* «изумлены стали» встречается в тох. A текстах неоднократно, ср., например, *ṣuliñi ñäktañ weyeṃ nāṃtsuṣ träṅkiñc* (75 a1) «горные боги, изумлены будучи, говорят...». То же касается и восклицания *pälkāc pälkāc kraṃś* «Смотрите, смотрите, <люди> добрые!»: оно представлено, в частности, в строке 29 a6. Наличие в данном фрагменте редкого междометия *oy* отмечено в [Carling, 2009, p. 91].

В конце строки b4, скорее всего, представлено какое-то указательное местоимение м.р. — *säm* или *säs*. Второй вариант более вероятен — ср. [*sä*]*s* в строке b5.

В строке b5 вопросительно-усилительная частица *aśśi* стоит после полнозначного существительного, что весьма необычно. Аналог такой конструкции обнаруживается (правда, в стихах) в строке 9 a1, и тоже в составе прямой речи: *tuṅkyoo=śśi tsit śomināṃ wekat yaṃtär*. В [Carling, 2009, p. 18–19] этот пример по ошибке пропущен; Ж.-Ж. Пино переводит *tuṅkyo=śśi* (метрическая аттракция из *tuṅkyo aśśi*) как “Par amour assurément” [Pinault, 2008, p. 261], однако не вполне очевидно, способна ли вопросительная частица выражать значение уверенности. Мы предлагаем для этого места следующий предположительный перевод: «Из-за любви, верно, коснулся он <механической> девушки, и развалился механизм».

В конце данной строки, вероятно, следует восстанавливать форму 3 Sg Pt A *lä*(*c*), но не исключен и какой-то более сложный синтаксис.

2.9. THT 2518 + THT 2410: перевод

a1: ...люди изумлены. Некоторые...
a2: ...говорят: «Смотрите, смотрите, <люди> добрые!..»
a3: ...говорят: «Он же...?»...
b4: ...«Ох, госпожи! Этот (?)...»
b5: ...«Из-за отвращения к миру, верно (?), он из дома ушел (?)...»
b6: ...подаяние... видевшего (или: «видевшие»)...

2.10. Лист A 175ext и THT 2518+2410

На наш взгляд, фрагмент THT 2518+2410 с высокой степенью вероятности может рассматриваться как относящийся к правой части листа A 175ext. Строго доказать это предположение в данный момент не представляется возможным, поскольку во всех строках имеются разрывы, однако фрагмент THT 2518+2410 очень хорошо соответствует достаточно нестандартной структуре эпизода, представленного на листе A 175ext: этот эпизод включает в себя множество последовательных реплик, лишь одна из которых имеет стихотворную форму.

Согласно нашему предположению, наименьшее расстояние между частями (только одна полностью утраченная акшара) имеет место в строках a3 и b4; примечательно, что в обоих случаях «пострадавшей» оказывается одна и та же словоформа *träṅkiñc* «говорят».

Приведем сводный текст строк a1-3 и b4-6 с некоторыми комментариями:

a1: //// t ś(a)lpaträ ♦ t[m]ä //// <≈ 6 акшар> //// [w]r(a)sañ (we)[y](eṃ) [nāṃ]tsuṣ ṣo[m]e ////
a2: //// [ñc] ṣome nandeṃ päl(k)o(räṣ) //// <3 акшары> //// (trä)ṅk[i]ñc pälkāc pälkāc [k](ra)ṃś [–] ////
a3: //// (ote täpreṃ ptāñkä) ○ t käṣyāp t(ā)skm(āṃ) [k]· (–) ikṣvākuy sarkaśś(äl) retwe tmä – (trä)[ṅ]kiñc saṃn aśśi – ////
b4: //// (ṣi) ○ k toräṣ (na)ndeṃ ṣä(rpä)[s]m(āṃ) karemāṃ akmalyo [ā]lam [w](c)ac (träṅk)i(ñc) oy n[ā]śśāñ sä ////
b5: //// – caṣi [p]ācar māca(r) n· – //// <3 акшары> //// [m](ro)skluneyo aś[ś]i [sä]s wa[ṣ]tä[ṣ lä] ////
b6: //// t(rä)ṅkiñc mā w· //// <≈ 5 акшар> //// – pinwāt (–) – pälko[n]t e – ////

В строке a2, возможно, утрачено взаимное местоимение *ālam wcac* «друг другу» (ср. строку b4).

В строке a3 восстанавливается сочетание *tmä[ṣ]* (*trä*)[*ṅ*]*kiñc* «Потом говорят» с опущенным подлежащим, тождественным подлежащему предыдущего предложения. В других текстах это сочетание не засвидетельствовано, однако имеется несколько примеров сочетания *tmäṣ träṅkäṣ* «Потом говорит», отличающегося от данного только числом, — ср. 116 a2, 188 a2 и др. Правда, во всех известных нам случаях сочетание *tmäṣ träṅkäṣ* вводит стихотворный монолог, однако это лишь еще раз подчеркивает характерную для листа A 175ext необычно высокую долю прозаических реплик.

В строке b4 обращение «госпожи» хорошо согласуется с тем фактом, что с начала листа A 175ext и до середины строки b2 описывается поведение мужчин, а с середины строки b2 — поведение женщин.

В строке b5 речь, возможно, идет о том, что родители Нанды пребывают в добром здравии, так что его решение уйти в монахи не имеет очевидных оснований. Однако конъектура *n*(*e*)[*ñ*](*c*) «(они) есть» палеографически маловероятна.

В строке b6 восстановить какой-либо связный текст не представляется возможным. В связи с упоминанием подаяния для начала реплики можно предполагать, скажем, *mā w*(*aṣt*) «нет дома» или *mā w*(*aste*) «нет прибежища», но это совсем ненадежно.

Даже в таком существенно дополненном виде лист A 175ext остается трудным для понимания. Мы, однако, надеемся, что полученные нами результаты послужат основой для дальнейших исследований в этой области.

Сокращения и условные обозначения / Abbreviations and convention

2 — второе лицо
3 — третье лицо
скр. — санскритское
A — активный залог
Abl — аблатив
Abs — абсолютив (деепричастие предшествования)
Acc — аккузатив
AV — глагольное прилагательное (герундив)
Comit — комитатив
Du — двойственное число
f — женский род
G — генитив
Inf — инфинитив
Loc — локатив
m — мужской род
M — медиальный залог
Ipf — имперфект
N — номинатив
N-Acc — номинатив-аккузатив
Perl — перлатив
Pl — множественное число
PP — причастие прошедшего времени
Pr — презенс
Pt — претерит
Sg — единственное число
//// — край строки оборван
"a" — сторона листа, в [Sieg, Siegling, 1921] обозначенная как recto, но в действительности представляющая собой verso

Литература / References

Бурлак С. А., Иткин И. Б. Удвоение конечных согласных в тохарском А языке // *Типология и теория языка: от описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика*. М., 1999. С. 73–87 [Burlak S. A., Itkin I. B. Gemination of the final consonants in the Tocharian A language // *Typology and language theory: From description to explanation*. Moscow, 1999. P. 73–87 (in Russian)].

Васильков Я. В. Неварский свиток с рисунками на темы «Лалитавистары» из коллекции И. П. Минаева в собрании МАЭ РАН: «одомашнивание» классической буддийской сутры // Альбедиль М. Ф., Васильков Я. В. (отв. ред.). *Зографский сборник*. Вып. 4. СПб., 2014. С. 128–169 [Vasil'kov Ya. V. Nevarskh scroll with pictures on the topic of "Lalitavistara" from I. P. Minaev's collection in the collection of MAE, RAS: "domestication" of the classical Buddhist sutra // Al'bedil' M. F., Vasil'kov Ia. V. (eds.). *Zograf collection*. Vol. 4. Saint-Petersburg, 2014. P. 128–169. (in Russian)].

Курицына А. В. Групповая флексия и групповая деривация в тохарских языках // *Доклад в Институте языкознания РАН (Москва) 7 ноября 2017 г.* [Kuritsyna A. V. Group inflexion and group derivation in the Tocharian languages // *Contribution at the Institute of linguistics, RAS (Moscow), 7th of November, 2017*. (in Russian)].

Dictionary and thesaurus of Tocharian A. Vol. 1: *A–J*. Compiled by Gerd Carling in collaboration with Georges-Jean Pinault and Werner Winter. Wiesbaden, 2009.

Itkin I. B. Tocharian A manuscript №№ 144-211 from Shorchuk: the new data. I (in print).

Ji Xianlin (in collaboration with W. Winter and G.-J. Pinault). *Fragments of the Tocharian A Maitreyasamiti-Nāṭaka of the Xinjiang Museum, China* (Trends in Linguistics. Studies and Monographs. Vol. 113). Berlin, New York, 1998.

Malyshev S. V. A Sanskrit–Tocharian A bilingual text of the Vinayavastu // *Tocharian and Indo-European studies*. Vol. 19. Copenhagen, 2019. P. 71–92.

Pinault G.-J. *Chrestomathie tokharienne. Textes et grammaire*. Leuven, Paris, 2008.

Sieg E., Siegling W. (Hrsg.). *Tocharische Sprachreste*. Bd. 1. Die Texte. Berlin, Leipzig, 1921.

Sieg E., Siegling W. *Tocharische Grammatik*. Im Auftrage der Preussischen Akademie der Wissenschaften bearbeitet im Gemeinschaft mit W. Schulze. Göttingen, 1931.

Thomas W. *Tocharisches Elementarbuch*. Bd. 2. Heidelberg, 1964.

Электронные ресурсы / Electronic sources

CEToM. A Comprehensive Edition of Tocharian Manuscripts. URL: http://www.univie.ac.at/tocharian (дата обращения: 09.08.2019).

Peyrot M. *An edition of the Tocharian fragments IOL Toch 1 — IOL Toch 822 in the India Office Library*. London, 2007. URL: http://idp.bl.uk/database/oo_cat.a4d?shortref=Peyrot_2007 (дата обращения: 09.08.2019).

Siegling, PK — *Personal and annotated copy of [Sieg, Siegling 1921] by Wilhelm Siegling. Scanned by Douglas Q. Adams with the technical assistance of Michael Tarabulski and Kevin Dobbins*. URL: http://www.univie.ac.at/tocharian/?Siegling, pers. copy (дата обращения: 09.08.2019).

Tamai T. *A preliminary edition of unpublished texts from the Berlin Turfan Collection*. URL: http://titus.fkidg1.uni-frankfurt.de/texte/tocharic/thtframe.htm (дата обращения: 09.08.2019).

РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ «ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ВОСТОК»

© 2019

В. Я. Белокреницкий*

Вниманию читателей предлагается рецензия на вышедшую в мае 2019 г. коллективную монографию «Вторая мировая война и Восток» (отв. ред. Н. Г. Романова, Т. А. Филиппова. М.: ИВ РАН, 2019). Монография соотносится в рецензии с выпущенной Институтом востоковедения РАН в 2010 г. книгой «СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны». Высоко оценивая новое издание, рецензент выделяет наиболее интересные, по его мнению, аспекты монографии, подчеркивая неразрывность событий Второй мировой и Великой Отечественной войн. Его особое внимание привлекли материалы, касающиеся отношений между СССР и Китаем, СССР и Японией, в частности, трагизм судьбы попавших в советский плен японских военнопленных. Отмечает он также хорошо показанный динамизм, присущий японо-германским отношениям в годы войны, некоторое отставание Японии от Германии в военно-технической сфере. Большой интерес вызывают главы, посвященные роли Ближнего Востока, прежде всего Ирака и Турции, накануне вторжения нацистской Германии в Советский Союз. Новыми по сравнению с монографией 2010 г. являются разделы книги, посвященные участию народов СССР, прежде всего кавказских, в Великой Отечественной войне. Отношение Москвы к набору военнослужащих из регионов Кавказа и Средней Азии прослежены в книге весьма детально и позволяют лучше оценить особенности национальной политики СССР в острый драматический период его существования. Отличительной стороной работы, как замечает рецензент, стало использование многочисленных иллюстраций — фотографий и плакатов военных лет.

Ключевые слова: Восток, СССР, мировые войны XX в., участие народов СССР в войне.

WORLD WAR II AND THE ORIENT. REVIEW

Vyacheslav Ya. Belokrenitsky

Following is a review article of the collective monograph “World War II and the Orient” which was published in May 2019 by the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (editors: Natalia G. Romanova and Tatiana A. Filippova). The author compares the book with the monograph issued by IOS RAS in 2010 under the title “The USSR and Eastern Countries on the Eve and in the Years of World War II”. He expresses a high opinion of the reviewed book, singles out aspects which seemed most interesting to him while emphasizing links between the events of World War II and the Great Patriotic War. The reviewer emphasizes the analysis of the Soviet-Chinese and Soviet-Japanese relations, particularly of the tragic fate of Japanese prisoners of war in the Soviet Union. He singles out the treatment of the dynamism which characterized the relations between Japan and Germany during World War II and notices Japan lagging somewhat behind Germany in the field of military technology. Chapters dedicated to the role of Near East, primarily such countries as Iraq

* Вячеслав Яковлевич БЕЛОКРЕНИЦКИЙ, доктор исторических наук, профессор, зав. Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, Москва; enitsky@yandex.ru

Vyacheslav Ya. BELOKRENITSKY, DSc (History), Professor, Head of the Centre for the Study of Near and Middle Eastern Countries, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; enitsky@yandex.ru

and Turkey, on the eve of Nazi Germany's invasion of the USSR are of profound interest. In contrast to the book published in 2010 the reviewed monograph presents the analysis of totally new themes like the participation of the peoples of the Soviet Union, primarily Caucasian, in the Great Patriotic War. The attitude of Moscow to the recruitment of members of ethnic groups from the Caucasus and Central Asia is described with considerable precision which makes it possible to better understand peculiarities of the national policy of the USSR during the critical dramatic period of its history. As stated in the review article, the remarkable feature of the book is the use of numerous illustrations in the form of photographs and posters of the war years.

Keywords: Orient, USSR, World Wars of the 20th century, participation of the peoples of the USSR in the war.

Тема Востока и великих войн XX в. (Второй мировой и Великой Отечественной) претерпевает со временем парадоксальную эволюцию, как и освещение этих войн в отечественной историографии. Перепады при этом следуют за динамикой государственной политики по формированию в обществе стереотипов исторической памяти. Представители ныне живущего старшего поколения хорошо помнят, что через несколько лет после окончания войны в 1945 г. о ней стали вспоминать как о большом, но не самом выдающемся событии. Майские праздники начинались в СССР с Первомая — Дня солидарности рабочих и трудящихся всех стран, затем шли один за другим такие не являвшиеся выходными праздничные дни, как День печати (5 мая), День радио (7 мая) и День победы (9 мая). Сегодня это покажется непривычным, а кому-то и малоправдоподобным, но так было вплоть до середины 1960-х гг., когда День победы стал отмечаться как великий всенародный праздник «со слезами на глазах». Соответственно с этой тенденцией раскрывалась в нашей исторической литературе и роль Востока в шестилетней мировой битве XX в. Причем траектория интереса к событиям середины прошлого столетия и в дальнейшем не отличалась прямолинейностью, имея свои взлеты и падения. Мы живем ныне в эпоху крутого подъема общественного и политического внимания ко Второй мировой и Великой Отечественной войнам, которые напоминают «русскую матрешку» тем, что «вкладываются» по времени одна в другую, завершаясь в один и тот же исторический момент и открывая десятилетия «длинного мира», не прекращающегося скоро уже три четверти века.

Проблематика участия стран и народов Востока в мировой войне 1939–1945 гг., без сомнения, затрагивалась в нашей научной литературе разных периодов, но речь шла обычно об отдельных регионах и государствах Азии и Северной Африки. Как я себе представляю, впервые системно и достаточно полно рассмотрел тему Востока и Второй мировой войны Р. Г. Ланда в пятом томе вышедшей под его редакцией Истории Востока [История Востока, 2006, с. 107–130]. С 2009 г., когда директором Института востоковедения РАН стал В. В. Наумкин, на проблематику минувших войн и участия в них СССР и народов Востока обратили особое внимание. К 65-летию окончания Великой Отечественной и Второй мировой войн была подготовлена коллективная монография «СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны» [СССР и страны Востока, 2010].

Через пять лет, к 70-летию Великой победы, главным образом по инициативе Н. Г. Романовой, в Институте была организована научная конференция, в которой активное участие приняло большое число сотрудников, в том числе молодых.

Одновременно, в основном на базе Отдела истории Востока, развернулась работа по изучению роли Востока в Первой мировой войне, которая, по мнению большинства историков, «проложила дорогу» ко Второй мировой. Подготовленный в рамках этой работы сборник статей «Первая мировая война в "восточном измерении"» [Первая мировая война, 2014] послужил еще одной ступенькой для создания рецензируемой монографии.

Не хотел бы брать на себя задачу сравнения двух книг о Востоке и Второй мировой войне, вышедших с перерывом в девять лет. Но необходимо все же отметить, что при определенном сходстве их отличают существенные различия. Первая книга (отв. ред. В. В. Наумкин) отличается единым планом и структурной стройностью. Речь в ней идет в основном об отношениях между СССР и государствами Азии в период с рубежа 1920–1930-х гг. до середины 1940-х гг. Один раздел, состоящий из пяти глав, посвящен советско-монгольским, советско-японским и советско-китайским отношениям, а другой (семь глав) — связям СССР с Афганистаном, Ираном, Турцией, а также его политике по курдскому вопросу и влиянию на североафриканскую кампанию 1940–1943 гг. Все главы отличаются системным фундированным характером, опираются на большое число первичных и литературных источников. Отличающий первую монографию глубокий исследовательский анализ, наличие в отдельных главах, например, по советско-японским взаимосвязям, ряда небесспорных акцентов[1] не означают, что вторая книга, являющаяся предметом данной рецензии, написана в ином, неисследовательском ключе. Но прежде чем переходить к ней, замечу, что значительная часть первой монографии была написана внешними для Института востоковедения авторами, сотрудниками Института Дальнего Востока РАН и ряда других учреждений. Во второй книге доля написанного сотрудниками ИВ РАН существенно выше, что свидетельствует о прогрессе, которого добился Институт в освоении исключительно востребованной проблематики.

При этом коллектив рецензируемой монографии ставил перед собой задачи, отличающиеся от тех, что решались в книге «СССР и страны Востока». Наряду с исследованием отношений СССР со странами Востока в период войны и в предвоенный период, ставились цели осветить положение и политику других активных участников Второй мировой, в том числе крупнейших стран Востока, таких как Япония, Китай, Турция. В поле зрения авторского коллектива попала Корея, находившаяся в колониальной зависимости от Японии, неазиатская по населению, но принадлежащая геополитически дальневосточному региону Австралия, а также государства Ближнего и Среднего Востока, игравшие подчиненную роль в игре «грандов» мировой политики. К новым по сравнению с книгой 2010 г. задачам относится рассмотрение таких вопросов, как участие народов СССР в Великой Отечественной войне, интернирование в СССР японских военнопленных, судьбы русской эмиграции в Китае и Марокко, репатриация взятых в плен на западном театре военных действий советских военнослужащих. К необычным задачам относится также изучение советской сатиры в военные годы. С ней связано наличие в монографии цветных иллюстраций, придающих книге привлекательный вид. Тому же способствуют фотографии, иллюстрирующие советско-монгольское сотрудничество в годы войны и очерк о жизни и деятельности

[1] См. рецензию М. С. Мейера в журнале «Новая и новейшая история» [Мейер, 2010, с. 146–153].

В. И. Пентковского — одного из патриотически настроенных русских эмигрантов в Китае.

Трудно выделить все наиболее интересные сюжеты, затронутые в большой (32,5 п. л.) многоплановой книге. Позволю себе остановиться лишь на некоторых моментах, имеющих, как правило, определенное значение для не потерявших актуальности проблем международной жизни. Таков, например, вопрос о советско-японском нейтралитете и судьбе японских военнопленных.

В главе 1 (СССР и Китай) первого раздела монографии (автор — Ю. В. Чудодеев), дающей четкое представление об этапах советско-китайских отношений, начиная с необъявленной, но длительной и ожесточенной войны Японии против Китая, характеризуются и перипетии советско-японских взаимосвязей. В книге подчеркивается значение неудачных для Японии военных конфликтов с советской армией у озера Хасан (1938 г.) и на реке Халхин-Гол (1939 г.) для выбора правящими кругами не северного (на Монголию и СССР), а южного направления военно-политической экспансии — на Индокитай, Индонезию, Филиппины и американские владения в Тихом океане. Ю. В. Чудодеев справедливо отмечает стремление Токио, начавшего в 1940 г. свою экспансию на юг, обезопасить себя со стороны СССР, предложив Москве заключить пакт о ненападении. Советское руководство не пошло на этот шаг, но заключило в апреле 1941 г. пакт о нейтралитете (с. 36). Все это достаточно известные факты. Не является откровением и то, что, объявив войну Японии в августе 1945 г., СССР фактически денонсировал пакт 1941 г. о нейтралитете. Менее принимается в расчет то обстоятельство, что Япония, как указывает Ю. В. Чудодеев, рассчитывала на посреднические усилия Москвы в деле выхода из войны и заключения мира, «который бы предусматривал сохранение императорской системы». Выясняется, что «японские правящие круги, понимая, что война проиграна, тем не менее, сопротивлялись безоговорочной капитуляции, рассчитывая на посредничество Москвы», поскольку Потсдамская декларация о безоговорочной капитуляции Японии была принята США, Англией и Китаем без участия СССР, хотя в день объявления войны Японии (15 августа 1945 г.) Москва к ней присоединилась. Фактическое нарушение советским руководством пакта о нейтралитете, отмечается в монографии, ухудшило атмосферу, в которой в дальнейшем формировались отношения между странами (с. 43–44).

Не менее тяжелый осадок остался у японской стороны и от того, как разрешилась проблема взятых советскими войсками в плен солдат и офицеров Квантунской армии. Автор первой главы третьего раздела монографии Е. Л. Катасонова подчеркивает, что растянувшийся на долгие 11 лет «сибирский плен» до сих пор воспринимается в Японии как национальная трагедия (с. 418). О ее масштабах можно судить по тому, что она коснулась судьбы более чем 600 тысяч бывших военнослужащих расположенной в Китае (Манчжурии) армии, которые в результате капитуляции Японии добровольно сдались в плен советским войскам. При этом более 60 тысяч из них погибло, прежде чем после подписания в декабре 1956 г. совместной Советско-японской декларации последний корабль с осужденными в СССР японцами покинул его пределы (с. 418).

В монографии подчеркивается, что все материалы, касающиеся японских военнопленных, долгие годы хранились в отечественных архивах под грифом

«совершенно секретно». Лишь в конце 1980-х гг. они стали достоянием широкой общественности (с. 420). Тогда же остро встал вопрос, что побудило советское руководство отправить японцев на принудительные работы. Сформулированный несколько иначе, он звучит еще более жестко — почему Советский Союз, присоединившись к Потсдамской декларации, через несколько дней пошел на ее нарушение, поскольку статья 9 декларации гарантировала, что «японским вооруженным силам после того, как они будут разоружены, будет разрешено вернуться к своим очагам с возможностью вести мирную трудовую жизнь»[2].

Несмотря на кажущуюся простоту ответа, Е. Л. Катасонова находит много нюансов и скрытых пружин принятия решения об интернировании японцев не на родину, а в Сибирь. Прежде всего, она указывает на логистическую сложность отправки такой массы пленных в Японию и их нежелание сдаваться в плен китайской стороне. Далее автор останавливается на главной причине решения, которое принял не кто иной, как Верховный главнокомандующий И. В. Сталин. Согласно договоренностям, достигнутым им с президентом США Ф. Рузвельтом в Ялте в феврале 1945 г., советские войска должны были принять участие в разгроме японцев не только на Южном Сахалине и Курильских островах, но и на севере японского острова Хоккайдо. Более того, на 23 августа 1945 г. была намечена высадка советских войск на острове, и все было готово для этого. Однако к тому времени вместо скончавшегося Ф. Рузвельта президентом был уже Г. Трумэн. Он нарушил обещания, данные Сталину Рузвельтом. Высадка была в самый последний момент отменена, и в тот же день (23 августа) Сталин подписал постановление «об отправке японских военнопленных на принудительные работы в СССР» (с. 432).

Сама по себе такая мера, как использование труда пленных в качестве репараций (платы за агрессию) обговаривалась союзниками и активно использовалась Москвой в отношении пленных немцев. США отказались от применения труда японских военнопленных, но не возражали против того, чтобы это делал СССР, полагая, видимо, что это законная компенсация за отказ от оккупации северной части Хоккайдо.

Приводятся в монографии и аргументы в пользу того, чтобы считать часть правящих кругов Японии косвенно виноватой в трагедии, случившейся с их соотечественниками. В своем желании спасти императора от привлечения к судебной ответственности за развязывание войны некоторые видные политические деятели страны соглашались с тем, что в качестве отступного победители могли использовать принудительный труд военнопленных (с. 437–438).

Продолжая японскую тему, коснусь еще двух моментов — сотрудничества между Японией и Германией и корейского сопротивления. Что касается первого вопроса, то в нашем общественном сознании укоренилась, как мне кажется, точка зрения о тесном и бесконфликтном союзничестве двух военных держав, действующих на западе и востоке Евразии. Между тем, как с наглядностью вытекает из монографии (глава 2 первого раздела, автор – Д. А. Милеев) картина японско-германского сотрудничества представляется куда более сложной и динамичной. Начать нужно с того, что Япония отрицательно восприняла заключение между Москвой и Берлином договора в августе 1939 г. («пакта Молотова — Риббентропа»), а затем отказалась поддержать Германию в

[2] Цит по: [Вторая мировая война и Восток, 2019, с. 421].

начатой ей войне в Европе. Японское правительство 4 сентября (спустя несколько дней после нападения нацистов на Польшу) подписало специальную декларацию о невмешательстве в европейскую войну. Берлину пришлось убеждать Токио, что его война не помешает разрешить главный для Японии на тот момент «китайский вопрос», т. е. выбраться из ситуации, связанной с затянувшимися военными действиями в Китае (с. 48).

В отличающейся четкостью и последовательностью изложения главе показано, как неоднозначно порой складывались отношения сотрудничества между Японией и Германией, как они претерпевали изменения в зависимости от смены правительств в Японии и складывающейся международной обстановки. В главе отмечено, что только после побед Германии в Европе летом 1940 г. общественное мнение в Японии стало меняться и возобладало стремление «вскочить в поезд». С приходом тогда к власти кабинета принца Коноэ Фумимаро Япония встала на путь создания тройственного союза (пакта) с Германией и Италией. Но и после этого, разделив сферы влияния между собой и европейскими союзниками, Токио сохранил свободу действий, заботясь в первую очередь о собственных геополитических интересах. Об этом свидетельствует заключение уже упоминавшегося пакта о нейтралитете с СССР. Из ознакомления с монографией складывается впечатление, что как Япония, так и Германия старались не просчитаться, используя друг друга в своих целях. Бесстрастный анализ усилий обеих сторон, приводимые в монографии оценки и суждения японских и немецких дипломатов, ставшие известными, разумеется, лишь много позднее, невольно соразмеряешь с теми последствиями, которые имели принимаемые геополитические решения для судеб людей, народов и стран.

В монографии хорошо прослежено, как развивалось японо-германское сотрудничество, приобретшее новое качество после заключения ряда соглашений в конце 1941 и в начале 1942 г. Они превратили державы оси (Японию, Германию и Италию, заключившие еще в сентябре 1940 г. Тройственный пакт) из идейных партнеров, сторонников «нового мироустройства», в военно-политических союзников. При этом основные участники пакта, Япония и Германия, все более прибегали не только к согласованным, но и, по сути, совместным действиям. Пик такого сотрудничества — 1942–1944 гг., когда достигнутые Берлином и Токио на первых этапах мировой войны успехи сменились неудачами и поражениями. Характерно, что лишь в конце 1942 г. Токио предложил Берлину использовать свои порты в Индонезии в качестве баз немецких подводных лодок. Летом следующего года Берлин направил в Индийский океан группу подлодок, поставленных в оперативное подчинение немецкому военному атташе в Японии (с. 70–71). Это знаменовало практически совместные боевые действия и наведение «подводного моста» между Европой и Юго-Восточной Азией. По произведенным позднее подсчетам, атакам германских подлодок в Индийском океане подверглись около 200 судов противника (с. 72). «Мост» служил не только военным, но и транзитным целям — по нему, добавлю от себя, переправили для войны с англичанами известного индийского политического деятеля С. Ч. Боса. Позднее из терпящей крах нацистской Германии на подлодках вывозили японских специалистов в кораблестроении и авиастроении. Япония, судя по приводимым Д. А. Милеевым данным, много позаимствовала у Германии в военно-промышленной

области, быстро ликвидировав, например, отставание в радиолокации и оснастив свой военно-морской флот подлодками разнообразных видов (с. 73).

Обращаясь к корейской теме, следует заметить, что автор главы 4 первого раздела Л. В. Овчинникова коротко затронула весь комплекс проблем, связанных с колониальным японским господством в Корее, причем не только во время войны, но и в предшествующие годы. Небезынтересным представляется акцент на разнообразие позиций различных слоев корейского общества по отношению к японским колонизаторам и стремление японцев укрепить «корейский тыл», пойдя на некоторые уступки и послабления. Предпринимались властями и попытки приобщить корейское общественное мнение к идее построения «Великой Восточной Азии». В монографии отмечается, что «антияпонские, антивоенные настроения» были не у всех корейцев, а японская идеологическая машина добивалась определенного результата (с. 98–99). При этом в главе не упоминается получившая ныне широкую огласку тема корейских секс-рабынь и лишь вскользь отмечается существование корейского подполья.

Очень интересны главы, касающиеся событий на Ближнем Востоке. Привлекает внимание, прежде всего, написанная И. Х. Миняжетдиновым глава об англо-иракской войне мая 1941 г. Она написана во многом на источниках из рассекреченных советских архивов и с использованием ряда недавно изданных отечественных и зарубежных исследований. Автор справедливо замечает, что «тридцатидневная война», приведшая к оккупации английскими войсками Иракского королевства с целью отстранения от власти правительства поднявшего антибританское восстание Р. А. аль-Гайлани, незаслуженно считается незначительным эпизодом Второй мировой войны. Между тем, оно было частью сложной игры, которую вели Берлин и Лондон против Москвы. При этом спровоцировавшие восстание немцы пытались с его помощью усилить антибританские настроения в советском руководстве. Автор исходит из того, что в соответствии с «планом Барбароссы» Гитлер стремился усыпить бдительность Сталина, прибегая к дезинформации и стремясь создать у Кремля впечатление, что Англия, оккупировав Ирак, готова развивать наступление на Кавказ.

С основными выводами автора нельзя не согласиться. «Англо-иракскую войну» он считает отвлекающим маневром перед нападением Гитлера на СССР. Правильно и то, что «гитлеровская “постановка” в Ираке, которую Москва приняла за чистую монету» способствовала успеху фашистов на первом этапе Великой Отечественной войны (с. 199).

К сожалению, автор несколько раз допускает неточность, создающую впечатление, будто Великобритания в 1941 г. могла действовать совместно с Францией (с. 191, 198), между тем как последняя была разгромлена Гитлером в июне 1940 г. Другое дело, что до разгрома, в первой половине того года, французы могли участвовать в разработке совместных с англичанами планов нападения на СССР.

Значительный интерес вызывает написанная А. В. Болдыревым глава о советско-турецких отношениях в 1940 г. и попытках гитлеровской дипломатии «вбить клин» между Турцией и Великобританией, с одной стороны, Турцией и СССР, с другой. Автор использовал при этом опубликованный в Москве в 1991 г. сборник документов и материалов о контактах между СССР и Германией в 1939–1941 гг. [Оглашению подлежит, 1991]. С опорой на этот сборник в монографии под авторским углом зрения подробно освещена поездка В. М. Молотова в Берлин и его переговоры с

И. Риббентропом и А. Гитлером 12 и 13 ноября 1940 г. (с. 206–215)[3]. В центре внимания переговоров была возможность присоединения Советского Союза к Тройственному пакту, а в перспективе подключения к нему Турции, которая на тот момент была связана договором о взаимопомощи 1939 г. с Англией и Францией, а после поражения Франции в 1940 г. — турецко-английским договором (с. 203). В монографии отмечается, что в ноябре того года в беседе Молотова с германским послом в Москве Шуленбургом была выражена готовность Москвы присоединиться к Тройственному пакту и занять более жесткую позицию в отношении Турции. А. В. Болдырев отмечает, что такая позиция была вызвана, очевидно, стремлением оттянуть время вступления в войну с Германией, побудив ее выполнить данные Москве обещания вывести свои войска из Финляндии и учитывать интересы СССР на юго-востоке Европы, гарантировав нейтралитет Болгарии (с. 217–219). Хотя немцы, как отмечает автор, могли использовать эту информацию для ухудшения, в частности, советско-турецких связей, в их характере изменений не произошло. В то же время предложения Молотова не помешали Германии, закрепив позиции в Румынии, в марте 1941 г. оккупировать Болгарию, вплотную приблизившись к Турции и Черноморским проливам (с. 223–224).

Обращаясь к главам второго раздела, посвященного участию народов СССР в Великой Отечественной войне, еще раз хочется подчеркнуть, что это совершенно новая проблематика по сравнению с монографией 2010 г. В первой главе раздела (автор — А. Ш. Кадырбаев) дан обзор вклада каждой из республик Средней Азии в общую победу. В главе рассмотрено участие призывников из Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизстана и Туркменистана в вооруженных силах СССР, отмечены героизм и стойкость воинов из среднеазиатских регионов, роль последних как тыла, куда эвакуировались промышленные предприятия и государственные учреждения. Автор особо отмечает значение Средней Азии для сохранения научных кадров, перечисляя имена выдающихся ученых, в том числе историков и востоковедов, трудившихся там во время войны. Наибольший интерес вызывает, пожалуй, заключительный раздел главы, в котором автор характеризует пропагандистскую политику СССР (все более персонифицируемую после войны в личности И. В. Сталина) как отказ от концепции о роли русского народа как первого среди равных в пользу его «дореволюционного видения» как «народа-просветителя и покровителя» (с. 331). Но даже при учете этого обстоятельства, утверждает А. Ш. Кадырбаев, кровь, пролитая в совместной борьбе против фашизма, «и поныне все еще продолжает служить мощным фактором братства бывших советских народов» (с. 331).

Сложность затронутой в монографии проблематики трудно не заметить, сопоставив первую главу второго раздела со следующей за ней, где говорится о «легионе Туркестан» в составе вермахта и различных подходах в освещении этого вопроса в современной историографии (авторы — Д. Д. Васильев и А. Д. Васильев). В главе отмечается, что образование на месте бывших республик СССР независимых государств сделало актуальным для местных исследователей проблему оценки деятельности национальной эмиграции. Наряду с ней в поле зрения современных историков попали эмигранты не только из Центральной Азии, но и тюрки из Крыма и

[3] Документы о переговорах В. М. Молотова в Берлине в ноябре 1940 г., помещенные в этом издании, использованы также в книге [Системная история международных отношений, 2000, с. 395–396].

Урало-Поволжья. Если в советской историографии, как отмечают авторы, сотрудничество советских граждан с фашистскими властями замалчивалось, то в западной литературе оценки численности коллаборационистов колебались от 700 тыс. до 1,5 млн. человек. Что касается советских граждан тюркского происхождения, то их число одним из современных немецких авторов оценивается в 200–300 тыс. человек (с. 335). Как можно судить из главы, носящей в основном обзорно-историографический характер, «туркестанский легион» — это образное выражение для обозначения разнообразной антисоветской деятельности тюрок-мусульман, оказавшихся на службе у Гитлера. Заключая главу, авторы отмечают, что за фактами коллаборационизма почти всегда видны трагедии человеческих судеб, физическая и моральная гибель людей, «испытавших разрыв с единокровным сообществом» (с. 345).

Безусловный интерес вызывает короткая глава о битве за Кавказ, написанная А. Ю. Безугольным. Глава убедительно демонстрирует, что бои за овладение гитлеровцами Кавказом были самым длительным и ожесточенным сражением Великой Отечественной войны, во многом предопределившим ее исход (с. 349). Весной 1942 г., читаем в монографии, после неудач советских войск стратегическая инициатива вновь перешла к немцам. План летней кампании, разработанный в ставке Гитлера, включал овладение Кавказом. В случае успеха он грозил колоссальными потерями для СССР. На первых порах нацистским войскам сопутствовал успех. Но после взятия Ростова-на-Дону Гитлер совершил стратегический просчет. Он изъял из состава наступавшей на Кавказ армии девять дивизий, перебросив их на Сталинградское направление (с. 351). Советское командование, между тем, хорошо подготовилось к решающим схваткам с противником. Помимо организационно-технических мероприятий удалось повысить моральный дух, чему способствовал в частности визит в регион представителя Государственного Комитета Обороны, наркома внутренних дел Л. П. Берии (с. 353–354). Героизм, проявленный советскими частями в боях за Владикавказ, Моздок, «поразительные», как пишет автор, подвиги бойцов 392-й грузинской стрелковой дивизии, спасшей положение прижатой к горам 37-й армии, способствовали тому, что наступление немцев захлебнулось. С начала 1943 г. они стали отступать, но сумели закрепиться на Таманском полуострове вплоть до осени того года, оказав ожесточенное сопротивление. В боях за Северный Кавказ было уничтожено около 275 тыс. солдат и офицеров вермахта, свыше 6 тыс. попали в плен (с. 358).

Из других глав второго раздела монографии привлекает внимание глава об «этнонациональных коллизиях» в советских воинских подразделениях (автор — Л. С. Гатагова). В ней рассматривается история формирования национальных войсковых соединений и их роспуск. Автор замечает, что всеобщая мобилизация, начавшаяся 23 июня 1941 г., столкнулась с неоднозначной реакцией в некоторых южных и восточных регионах, где обнаружилось значительное число уклонистов от призыва (с. 398). Помимо этого, призыв выявил проблему незнания местным населением на Кавказе, в Центральной Азии и даже Поволжье русского языка. И хотя задолго до войны формирование войсковых соединений по национальному признаку было признано непригодным для Красной Армии, из-за проблемы языка ее пришлось пересмотреть. В ноябре 1941 г. вышло постановление ГКО о создании национальных войсковых соединений. Из текста главы следует, что к концу первого года войны были быстро созданы 2 стрелковых национальных корпуса, 21 стрелковая дивизия, 20

кавалерийских дивизионов, 15 отдельных стрелковых бригад и др. общей численностью в 770 тыс. человек (с. 400). Но уже в 1942 г. значительное число этих формирований было ликвидировано. Этому способствовали, как пишет автор, снятие остроты языковой проблемы, благодаря налаженной работе по изучению русского языка, и нарастание коллизий на этнонациональной почве внутри соединений.

Следует подчеркнуть, что призыв в национальные формирования, созданные из представителей северокавказских народов, как и вообще призыв представителей кавказских народов в армию, осуществлялся исключительно на добровольной основе. Этот момент оказался упущенным в главе Л. С. Гатаговой, но отмечен в главе П. И. Тахнаевой, посвященной Дагестанскому кавалерийскому эскадрону и национальной политике СССР в 1941–1945 гг. Как отмечает П. И. Тахнаева, еще в 1939 г. в нарушение Закона о всеобщей воинской повинности нарком обороны запретил прием в армию представителей тех национальностей, «чья лояльность социалистическому Отечеству в условиях осложнения международной политики считалась сомнительной» (с. 362). Альтернативой отмененному обязательному призыву стало добровольчество. Именно на этой основе были созданы упомянутые выше национальные формирования. П. И. Тахнаева подробно, основываясь в основном на опубликованных монографических исследованиях, рисует сложную и противоречивую картину национальной политики на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны. Заканчивая рассказ о добровольческих северо-кавказских соединениях, она отмечает, что из них «только дагестанской и адыгейской частям удалось дойти до Дня Победы» (с. 373). Нельзя в то же время не согласиться с Л. С. Гатаговой, которая подчеркнула, что тяготы войны сделали больше для сближения народов, чем многолетние пропагандистские усилия властей. Этнонациональный облик страны оказался «в некотором роде размыт и гомогенизирован» (с. 411). Впрочем, не упускает она из вида и такой момент, как проведенные в разгар войны в 1943–1944 гг. «беспрецедентные по размаху и масштабам» депортации народов Северного Кавказа и Крыма (с. 397).

Заканчивая рецензию, приятно отметить высокий профессиональный уровень, на котором выполнена данная книга. Отдельные неточности и несогласованности не снижают общего впечатления о работе как о совместном труде большого коллектива авторов (почти 30 человек), посвятивших себя раскрытию тем и сюжетов, достойных пристального внимания, важнейших с точки зрения как истории нашего Отечества, так и его сегодняшнего дня.

Выступая на презентации монографии в стенах Института востоковедения РАН 15 мая 2019 г. ее ответственный редактор Н. Г. Романова справедливо отметила большое значение проблематики войн XX в. и Востока в преддверии 75-летней годовщины Победы, отмечаемой в будущем году. Она выразила надежду, что к этой дате будет приурочена научная конференция, которая послужит основой для новой монографии, посвященной Востоку, СССР, Второй мировой и Великой Отечественной войнам. Одновременно, кстати, была представлена другая книга «Война и память» (автор-составитель Н. Г. Романова) [Война и память, 2019], и перед собравшимися выступили участники диалогов, которые легли в основу книги — ветераны ИВ РАН Анатолий Захарович Егорин, Анна Петровна Муранова и Нина Дмитриевна Гаврюшина.

Понятно, что эта книга, сделанная в ныне популярном жанре «устной истории», заслуживает отдельной рецензии.

Литература/References

Война и память. Автор-сост. Н. Г. Романова. М., 2019 [*War and Memory.* Author and compiler N. G. Romanova. Moscow, 2019].

Вторая мировая война и Восток. Отв. ред. Н. Г. Романова, Т. А. Филиппова. М., 2019 [*World War II and the Orient.* Romanova N. G., Filippova T. A. (eds.). Moscow, 2019].

История Востока в шести томах. Том V. *Восток в новейшее время (1914–1945 гг.).* Отв. ред. Р. Г. Ланда. М., 2006 [*History of the East in Six Volumes.* Vol. V. *The East in Modern Time (1914–1945).* Landa R. G. (ed.). Moscow, 2006].

Мейер М. С. Рец. на «СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны» // *Новая и новейшая история.* 2010. 5. С. 146–153 [Meyer M. S. Review of the book "USSR and the Orient on the Eve and in the Years of World War II // *Novaya i noveyshaya istoriya (New and Recent History).* 2010. 5. Pp. 146–153].

Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941. Документы и материалы. М., 1991 [*Open for Review: USSR and Germany 1939–1941. Documents and Materials.* Moscow, 1991].

Первая мировая война в «восточном измерении». Отв. ред. Д. Д. Васильев, Т. А. Филиппова. М., 2014 [*World War I in the "Eastern Dimension".* Vasiliev D. D., Filippova T. A. (eds.). Moscow, 2014].

Системная история международных отношений в четырех томах. 1918–2000. Под ред. А. Д. Богатурова. Том I. М., 2000 [*Systemic History of International Relations in Four Volumes. 1918–2000.* Bogaturov A. D. (ed.). Vol. 1. Moscow, 2000].

СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны. Отв. ред. В. В. Наумкин. М., 2010 [*USSR and the Orient on the Eve and in the Years of World War II.* Naumkin V. V. (ed.). Moscow, 2010].

ДВЕ ВЫСТАВКИ ИСКУССТВА ДОГОНОВ (РЕСПУБЛИКА МАЛИ) В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ ВОСТОКА

© 2019

Д. В. Ванюкова, П. А. Куценков[*]

Одной из задач выставки «Пленники Сириуса. Путешествие в Страну догонов», проходившей в Государственном музее Востока (Москва) с 23 мая по 12 июня 2019 г., была демонстрация разнообразия художественной традиции догонов с XV (возможно, с X) по XXI вв. – от эпохи предшественников догонов, теллем, до современного изобразительного и декоративно-прикладного искусства из нескольких деревень на юге (Энде и Багуру) и на севере (Тинтан) Нагорья Бандиагара. До двух выставок в ГМВ в России искусство догонов выставлялось только один раз: в сентябре и октябре 2016 г. в Липецком музее народного и декоративно-прикладного искусства прошла выставка «Таинственная Африка», где экспонировались вещи из частного собрания А. Клокова. Более того, до самого последнего времени в российских музеях хранилось небольшое количество памятников традиционного искусства этого народа — даже в МАЭ им. Петра Великого в коллекциях выдающегося отечественного африканиста В. Р. Арсеньева, привезенных из Республики Мали в 1970-х–1980-х гг., искусство догонов было представлено лишь немногочисленными памятниками. Экспонаты выставки полностью выпадают из общепринятых представлений о традиционном искусстве как о лишенном всяких признаков индивидуальности и не подверженном никаким изменениям в течение веков, что делает выставку в Государственном музее Востока заметным событием не только культурной, но и научной жизни. Выставленные экспонаты позволяют, по крайней мере, серьезно усомниться в истинности устоявшихся представлений о традиционной культуре догонов, и в какой-то степени — в истинности представлений о традиционном искусстве всей Африки.

Ключевые слова: догоны, Мали, Институт востоковедения РАН, Государственный музей Востока, выставка, традиционное искусство.

TWO EXHIBITIONS OF DOGON ART (REPUBLIC OF MALI) IN THE STATE MUSEUM OF ORIENTAL ARTS

Darya V. Vanyukova, Petr A. Kutsenkov

One of the objectives of the exhibition “Sirius Captives. Travel to the Dogon Country”, held at the State Museum of Oriental Arts (Moscow) from May 23 to June 12, 2019, was a demonstration of the diversity of the Dogon art tradition from the XV (possibly X) to the XXI century. These are

[*] Дарья Владимировна Ванюкова, кандидат искусствоведения, научный сотрудник Государственного музея Востока, Москва; darya-29@yandex.ru

Darya V. Vanyukova, PhD (History of Art), Research Fellow, The State Museum of Oriental Art, Moscow; darya-29@yandex.ru

Петр Анатольевич Куценков, кандидат искусствоведения, доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; pkutsenkov@gmail.com

Petr A. Kutsenkov, PhD (History of Art), DSc (Culturology), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; pkutsenkov@gmail.com

objects from the era of the precursors of the Dogon, Tellem, to modern fine and decorative art from several villages in the south (Endé and Bagourou) and in the north (Tintan) of the Bandiagara Highlands. Before two exhibitions at the State Museum of Oriental Arts, in Russia the Dogon art of was exhibited only once. In September and October 2016, the Lipetsk Museum of Folk, Decorative and Applied Arts hosted the exhibition "Mysterious Africa", which exhibited items from the private collection of A. Klokov. The exhibits of the State Museum of Oriental Arts completely fall out of the generally accepted notions of traditional art as being devoid of any signs of individuality and not subject to any changes over the centuries, which makes the exhibition a noticeable event not only cultural but also scientific. The items of the exhibition, at least, seriously doubt the truth of the established ideas about the traditional Dogon culture, and to some extent the truth of the ideas about the traditional art of the whole of Africa.

Key words: Dogon, Mali, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, State Museum of Oriental Arts, exhibition, traditional art.

С 23 мая по 12 июня 2019 г. в Государственном музее Востока (ГМВ) проходила выставка «Пленники Сириуса. Путешествие в Страну догонов», состоявшая из экспонатов, собранных малийской экспедицией под эгидой ИВ РАН в 2015–2019 гг.[1] на Нагорье Бандиагара[2] (*илл. 1–2*). Для Государственного музея Востока это не первое обращение к предметам искусства и художественного ремесла жителей Республики Мали: с 28 марта по 18 апреля 2018 г. здесь проходила выставка «Догоны: небезымянное искусство», в состав которой также вошли предметы, отобранные в ходе работы экспедиции для пополнения фонда африканского искусства Музея.

Нужно отметить, что выставки африканского искусства неоднократно проходили в ГМВ, начиная с 1961 г. [Войтов, 2006, с. 538], однако Музей не имел представительной коллекции африканского искусства. Основным источником поступлений в фонды музея были разрозненные предметы, полученные от граждан СССР и России, посещавших Африканский континент, и, за редчайшими исключениями, атрибуция новых поступлений страдала неполнотой и неточностью. В музей поступило и некоторое количество вещей, имевших статус «дипломатических даров»[3]. Кроме того, фонды пополнялись после проведения в Музее крупных выставок: материалы, предоставляемые зарубежными музеями, посольствами африканских стран,

[1] Начиная с 2017 г. в экспедиции участвуют сотрудники Государственного музея Востока, и одной из основных задач в ходе полевой работы является сбор предметов для пополнения фонда Музея.
[2] В рамках выставки также были представлены четыре предмета искусства догонов, переданные в фонды Государственного музея Востока в 1970-е гг. семьей летчика гражданской авиации В. П. Буданцева, работавшего на территории Республики Мали.
[3] Именно таким образом в Государственный музей Востока были переданы из Музеев Московского Кремля наградной венец военачальника и щит (Эфиопия, народ амхара, конец XIX в., инв. № 4699 II, 4544 II), поступившие как дипломатический дар по случаю визита негуса Эфиопии Хайле Селассие I в СССР в 1959 г.

общественными организациями[4] и т. д. входили в состав музейного фонда по актам дарения[5].

Наиболее масштабные выставочные проекты Музея были организованы при участии Художественного музея города Абомей и Этнографического музея города Порто-Ново (Республика Бенин, выставка «Искусство Дагомеи», 1966 г.), Национального музея города Конакри (выставка «Искусство Гвинеи», 1974 г.), Национальной галереи города Хараре (выставка «Скульптура Зимбабве. К Дню независимости Республики Зимбабве», 1989 г.) [Войтов, 2006; 2015]. Позднее в Музее экспонировались и предметы из частных коллекций. Так, в год 90-летия Музея была организована выставка «Африканская коллекция Эдди Новарро» (10.09.2008–5.10.2008), представлявшая «своего рода «африканский рынок», неторопливо прохаживаясь по которому и внимательно его обойдя, каждый посетитель обязательно возвратится к наиболее полюбившемуся ему уголку или предмету»[6].

Таким образом, оба выставочных проекта Государственного музея Востока, связанных с работой российской экспедиции в Республике Мали, серьезно отличаются от предшествующих выставок уже тем, что экспонаты отбирались из фонда африканского искусства, значительно пополнившегося благодаря полевой работе, либо были предоставлены отечественными коллекционерами.

Что касается предметов искусства догонов, то до двух выставок в ГМВ в России они выставлялись только один раз: в сентябре и октябре 2016 г. в Липецком музее народного и декоративно-прикладного искусства прошла выставка «Таинственная Африка», где экспонировались вещи из частного собрания А. Клокова. Больше того, до самого последнего времени в российских музеях хранилось небольшое количество произведений традиционного искусства этого народа — даже в МАЭ им. Петра Великого в коллекциях выдающегося отечественного африканиста В. Р. Арсеньева, привезенных из Республики Мали в 1970-х–1980-х гг., искусство догонов было представлено лишь немногочисленными памятниками. Следует отметить, что среди них имеются вещи выдающегося художественного качества (например, скульптуры МАЭ №№ 6711-184, 6711-185, 6711-188, 6711-189). Положение начало меняться с 2017 г., когда благодаря организованным ИВ РАН экспедициям собрание Кунсткамеры пополнилось состоящей из четырнадцати предметов коллекцией № 7662. В ней представлены произведения традиционного декоративно-прикладного искусства (дверные засовы), железная скульптура, изделия традиционного ремесла, а также предметы, связанные с магией.

[4] Так, в подготовке выставки «Искусство Тропической Африки» (1965 г.), наряду с Министерством культуры СССР, Институтом этнографии АН СССР, Институтом Африки АН СССР, Комиссией СССР по делам ЮНЕСКО, принимала участие Советская Ассоциация дружбы с народами Африки [Войтов, 2006, с. 542]; она же явилась организатором выставки «Искусство художников Ганы» (1978 г.) [Войтов, 2015, с. 524]

[5] Наиболее крупное поступление такого рода — работы мастеров художественной школы Пото-Пото (Конго, Браззавиль), принятые по Акту № 19 от 1970 г.

[6] Из пресс-релиза к открытию выставки: *Государственный музей Востока. Выставки.* URL: http://www.orientmuseum.ru/exhibitions/archive/-item=10.aspx (дата обращения 18.08.2019); Выставка «Африканская коллекция Эдди Новарро» в музее искусства народов Востока // *Новости музеев*. URL: http://www.museum.ru/N34704 (дата обращения 07.09.2019).

Илл. 1. Открытие выставки «Пленники Сириуса». Слева направо: председатель Комиссии по этнокультурному развитию Совета по делам национальностей при правительстве Москвы А. Ф. Бердников, посол Буркина-Фасо в Российской Федерации Его превосходительство Антуан Сомда, генеральный директор Государственного музея Востока А. В. Седов, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН П. А. Куценков, научный сотрудник Государственного музея Востока Д. В. Ванюкова (*фото А. В. Полевого*)

Илл. 2. Выставка «Пленники Сириуса». Маски бамбара и догонов (*фото П. А. Куценкова*)

В ноябре 2017 и 2019 гг. в экспедиции ИВ РАН в Мали вместе с П. А. Куценковым (ИВ РАН) приняли участие Д. В. Ванюкова (ГМВ) и Н. В. Лаврентьева (ГМИИ им. А. С. Пушкина), а также волонтер Н. М. Жилин — биолог, фотограф и кинооператор экспедиции. Привезенные ими объекты культуры и искусства догонов и были выставлены в Государственном музее Востока в рамках выставочных проектов «Догоны: небезымянное искусство» и «Пленники Сириуса. Путешествие в Страну догонов».

Задачей первой выставки было представить цельный художественный мир традиционной деревни догонов и продемонстрировать, сколь насыщен он первоклассными произведениями искусства и ремесла, показать, насколько велика в традиционной культуре роль мастера, имеющего индивидуальный творческий почерк. В пределах выставочного пространства металлопластика и традиционные деревянные замки, выполненные кузнецом Ансамой Сеиба, сопоставлялись с деревянными скульптурами Сейду (Жюстена) Гиндо. Работы скульпторов и кузнецов из деревень Энде, Тинтан, Багуру были представлены в контексте изделий художественного ремесла догонов: на выставке экспонировались ткани, кожевенные изделия и керамика.

Вторая выставка, следуя логике экспедиционной работы, позволяет проследить эволюцию традиционного искусства уже целого региона — это округ Банкасс региона Мопти Республики Мали и деревни округа Бандиагара, расположенные неподалеку от Энде на Нагорье, входящие в одну и ту же культурно-историческую область Камбари, а также две деревни на севере Страны догонов — Догани-Бере и Тинтан (округ Бандиагара).

Для выставки 2018 г. было выбрано камерное пространство, удачно подходящее для размещения небольших вещей: в деревнях эти предметы абсолютно соразмерны человеку и органично «обрамляют» его повседневное существование. Фото- и видеоматериалы, фиксирующие в деталях процессы создания художественных произведений, позволили создать еще один акцент: ценностно-этический, связанный с представлением самих догонов о личности мастера, ценности авторства и, шире, индивидуальности в целом в культуре догонов. Кстати, только это обстоятельство ставит под сомнения общепринятые представления о том, что традиционное искусство полностью лишено индивидуальности.

Выставка 2019 г. была выстроена иначе: в двух залах представлены тематические группы предметов, скомпонованные в соответствии с направлениями работы экспедиции. Стилистическая преемственность предметов от теллем к догонам ясно видна в формах ритуальных топориков и подголовников; наличие разных школ бронзового литья иллюстрируют как крупные вещи, так и амулеты. В коллекции «фетишей» представлены как личные, так и имеющие общедеревенское значение ритуальные объекты, а отобранные для выставки маски догонов сопоставлены в выставочном пространстве с масками-наголовниками бамбара и бобо. Кроме того, ряд предметов позволяет судить об особенностях функционирования современного художественного рынка в Стране догонов — рынка, где уникальные по художественным характеристикам вещи соседствуют с имитациями и предметами, авторы которых творчески перерабатывают традиционное художественное наследие.

В рамках выставки 2019 г., в соответствии с ее задачами, было представлено значительно большее количество предметов, и расширена этническая география

экспозиции: кроме скульптуры и масок догонов здесь демонстрировались маски бамбара и бобо — причем, последняя происходит с территории Буркина-Фасо.

Предположительно, со слов информантов, несколько предметов, вошедших в состав выставки 2019 г., датируются X–XVI вв. Особый интерес представляют три подголовника и ритуальный топорик теллем — предшественников догонов на Нагорье Бандиагара. Один из подголовников, который был датирован в Институте географии РАН по AMS ^{14}C, относится к 1437–1489 гг.[7]

Тут следует особо отметить, что возможность приобрести эти предметы появилась у участников экспедиции исключительно благодаря самым искренним дружеским отношениям с жителями деревни Энде, где базировалась экспедиция. Именно доверительное отношение деревни Энде стало хорошей рекомендацией при контактах с соседними деревнями. В этом отношении показателен случай в деревне Бенемату. Местный антиквар Мишель Того предложил П. А. Куценкову ритуальный догонский топорик: согласно пояснениям жителя деревни, Даниэля Сагара, такие топорики молодые люди втыкали в свои пышные прически и танцевали с ними, аккомпанируя себе на свистульках во время деревенских праздников [Ванюкова, Куценков, 2019, с. 20, кат. № 7]. Топорик датируется началом прошлого века, и цена его оказалась достаточно высока. Необходимой суммы у П. А. Куценкова с собой не было, а банкоматов на Нагорье Бандиагара нет. Между тем, приобретение топорика было критически важно, поскольку два подобных предмета уже имелись в коллекции, и третий позволял выстроить достаточно убедительный типологический ряд. К удивлению П. А. Куценкова, Мишель предложил оплатить покупку позже, через Вестерн Юнион прямо из Москвы (что и было сделано незамедлительно после возвращения в Россию).

Что касается подголовника теллем, для которого теперь, впервые в истории отечественной африканистики, установлена прямая датировка, то значение этого факта трудно переоценить: полученные данные полностью подтверждают устные исторические предания догонов, согласно которым теллем населяли Нагорье Бандиагара с X по XVI вв., а также являются доказательством честности наших информантов. Последнее очень важно, поскольку принято считать, что продавцы произведений традиционного искусства всегда завышают цену и для этого сообщают покупателю ложные сведения[8].

Согласно устным историческим преданиям, сбор которых был одной из задач экспедиции, теллем («[те] кого [мы] нашли» — яз. тенкан семьи догонских языков макросемьи нигер-конго), пришли на Нагорье Бандиагара около X в. н. э., и покинули его в начале XVI в. после миграции туда догонов. Однако в тех же устных преданиях и рассказах жителей деревень (информант Сейду (Жюстен) Гиндо, ноябрь 2017 г.)

---

[7] Первые «фетиши» теллем и скульптура догонов XVII(?) – начала XX вв. были привезены еще в 2017 г. и экспонировались на выставке 2018 г.; однако «фетиши» выполнены из железа, и поэтому прямые датировки в этом случае невозможны.

[8] Здесь нужно отметить, что для участников экспедиции наибольший интерес представляют вещи, имеющие этнографическую достоверность и/или художественную ценность. Не имея нужды гнаться за «старыми вещами», мы последовательно проявляем интерес к высокохудожественным произведениям, или тем, что типичны для данного региона и культуры догонов в целом. Что касается методов получения сведений о предмете, то вопрос о возрасте той или иной вещи обычно задается уже *после* ее покупки. Это позволяет продавцу быть предельно откровенным без опасения упустить выгоду.

содержатся сведения, позволяющие сделать вывод о том, что на самом деле большая часть теллем осталась на месте и была ассимилирована догонами. К тому же, на севере Нагорья Бандиагара, в деревне Тинтан культурно-исторической области Бондум, современная керамика полностью идентична древней керамике теллем. В ходе экспедиционного сезона 2019 г. эта информация получила еще одно подтверждение: на выставке «Пленники Сириуса» экспонировался «фетиш» *ankanja dumbo* из деревни Йуга (Yuga, сельская коммуна Сангхаи, округ Бандиагара региона Мопти Республики Мали), созданный в конце 1930-х – начале 1940-х гг. [Ванюкова, Куценков, 2019, с. 21, кат. № 8]. Стиль этой фигуры разительно отличается от любого регионального стиля догонов. По словам информанта, Мишеля Того, фетиш был сделан в семье теллем Ганаме (Ganamé), которая сохраняет свою этничность на протяжении нескольких сотен лет. Клановые имена Ганаба и Ганаме бытуют также у народа курумба в провинции Лорум на севере Буркина-Фасо, причем, считается, что многие курумба по происхождению именно теллем, покинувшие Нагорье Бандиагара (Плато Догон) после прихода туда догонов. Вероятно, стилистическое своеобразие этого предмета объясняется именно его связью с культурой теллем.

Не менее интересны, чем артефакты теллем, три скульптуры из квартала Огоденгу деревни Энде. По словам их владельца, Сейду (Жюстена) Гиндо, возраст двух из них не менее 300 лет (т. е. они относятся ко второй половине XVII–XVIII вв). Косвенно такая датировка подтверждается высокой степенью дегидратации дерева. Статуэтки выполнены из плотных пород (один из многочисленных видов палисандра), чей удельный вес довольно высок, но две старые статуэтки из Энде очень легкие, даже по сравнению с третьей, выполненной, по словам Сейду (Жюстена) Гиндо, не ранее конца XIX — начала XX вв. Особый же интерес представляет экспонировавшаяся на первой выставке небольшая статуэтка из деревни Кани-Бонзон (ГМВ КП 57448), откуда, согласно устной традиции, догоны в начале XVI в. расселились вдоль скального уступа Нагорья Бандиагара и по прилегающей к нему с юга долине Сено. Ее стиль вообще не находит аналогий среди «хрестоматийных» образцов искусства догонов.

На выставках также было широко представлено современное изобразительное и декоративно-прикладное искусство из нескольких деревень на юге (Энде и Багуру) и на севере (Тинтан) Нагорья Бандиагара. Выбор именно этих поселений отчасти обусловлен тем, что они расположены на прямо противоположных краях Нагорья, что позволяет сравнить различные школы изобразительного искусства догонов. Именно возможностью такого сравнения и обусловлена академическая ценность выставок: дело в том, что представленные на ней экспонаты создают такую картину искусства догонов, которая заметно расходится с общепринятыми представлениями о нем. Прежде всего, крайне редко в атрибуциях к памятникам традиционного искусства догонов указывается культурно-историческая область, откуда они происходят, еще реже деревня, и практически никогда — авторство. Такие детали начали привлекать внимание исследователей только относительно недавно[9]. Так, даже в каталоге Национального музея в Бамако обычно указывается только название народа; и только в описаниях, сделанных уже после 2010 г., появились названия тех деревень, откуда происходят эти вещи.

[9] См., например, монументальную монографию Элен Лелуп, во многом посвященную региональным стилям догонов [Leloup, 2011].

Как показала полевая работа в деревнях Энде, Багуру, Тинтан и др. жители деревни обычно прекрасно помнят, кто и когда сделал дверные засовы, широко представленные в ГМВ в 2018 г., дверки зернохранилищ и особенно, — круглую скульптуру. Что касается последней, то имя автора помнят в течение трех поколений; относительно более ранней скульптуры люди обычно вполне уверенно сообщают, из какой семьи происходил ее автор. Другим результатом исследований, также проиллюстрированном представленными на выставке экспонатами, стало хорошо документированное различие между «стилями кузнецов» и «деревенскими стилями»: первые обнаруживают заметное сходство композиционных схем по всей Стране догонов. Это относится, прежде всего, к керамике, изготовлением которой заняты жены кузнецов, и к железной кованной скульптуре, но также и к таким произведениям декоративно-прикладного искусства, как дверные засовы. Напротив, круглая скульптура отличается поразительным стилистическим разнообразием — как уже говорилось выше, ее образцы, представленные в рамках выставок 2018 и 2019 гг., могут быть весьма далеки от «хрестоматийных» примеров искусства догонов. Объясняется это социальной структурой деревень. Кузнецы и другие ремесленники у догонов (как и у других народов Мали) принадлежат к «людям каст» (nyamakala – *яз. бамананкан*). Они не являются членами общины, не имеют земельных наделов и живут только платой за свой труд. Поэтому кузнецы могут свободно мигрировать по всей Стране догонов, и тем способствуют унификации традиций во всех ремеслах, связанных с применением огня и металла (так, дверные засовы имеют железные кованные детали и, к тому же, обжигаются раскаленным железом). К примеру, кузнецы Сеиба пришли в деревню Энде около 150 лет назад из деревни Сонго, которая находится примерно в 15 км к северо-западу от города Бандиагара и является одним из старых ремесленных центров Страны догонов.

В отличие от ремесленников, догоны-земледельцы, принадлежащие к сословию «благородных» (hɔrɔnw – *яз. бамананкан*), привязаны к своим деревням. Их навыки не переносятся мигрантами на значительные расстояния, и поэтому «деревенский» стиль круглой скульптуры обычно сохраняет своеобразие. Следует при этом отметить, что индивидуальные стили можно проследить и по представленным на выставке в ГМВ изделиям кузнецов. Тут, кстати, мы имеем возможность оспорить распространенные представления о том, что традиционное искусство полностью лишено индивидуальности — все экспонаты обеих выставок опровергают это мнение самим фактом своего существования. Даже на примере небольшого количества выставленных вещей видно, что применительно к традиционному искусству догонов можно говорить об индивидуальных, семейных и деревенских стилях. Первые в 2018 г. были представлены работами кузнеца Ансама Сеиба (деревня Энде), Малика Карамбе (деревня Багуру) и Сейду (Жюстена) Гиндо (деревня Энде). Что касается последних, то в результате работы экспедиций в Стране догонов уже удалось определить стили деревень Санга, Тели, Энде, Кани-Бонзон и Тинтан и семейную школу бронзового литья кузнецов Зороме из деревни Йаджанга, расположенной в нескольких километрах западнее города Коро.

Еще один миф об искусстве догонов, опровергаемый выставками в ГМВ — гибель традиционного искусства. Бесконечные рассуждения об этом не

прекращающиеся, по крайней мере, с конца 1960-х гг., хотя уже тогда раздавались голоса, подвергавшие эти утверждения обоснованным сомнениям[10].

Тема сосуществования туризма и традиционной культуры заслуживает отдельного упоминания. Несмотря на то, что туристы посещали Страну догонов начиная с конца 1950-х гг., на протяжении нескольких десятилетий их число было невелико. Положение резко изменилось только после либерализации экономической политики Мали в начале 1990-х гг. Национальные и европейские туристические агентства немедленно ею воспользовались, и уже в 2001 г. на Нагорье Бандиагара работали 47 гостиниц и кемпингов[11]. Если до 1990 г. в Мали приезжало примерно 40 тыс. туристов в год, то к 2005 г. их было уже 200 тыс., причем, большинство отправлялось в путешествие по «Золотому кольцу» Республики Мали: Дженне — Тимбукту — Страна догонов[12].

Общепринятой является точка зрения, согласно которой развитие туризма исключительно негативно повлияло и на традиционную культуру догонов в целом, и на их искусство в частности: качество произведений искусства упало, все они воспроизводят старые образцы, производятся исключительно на продажу и не имеют спроса среди самих догонов. Отчасти такие суждения не лишены оснований — больше того, этому немало способствовали и ЮНЕСКО, и сами малийские власти. Так, в 1993 г. ЮНЕСКО и правительство Мали основали культурную миссию в Бандиагара. Одной из ее целей было заявлено «превращение культуры конкретных деревень в туристический ресурс» [Ciarcia, 2001, p. 114], для чего члены миссии распространяли публикации с изображениями тех типов скульптуры, которые уже были забыты, причем, желательно, с постройками, элементами пейзажа или людьми, которые могли быть легко распознаны жителями этих деревень как «свои». Так догонов побуждали к искусственному воспроизведению «утраченных практик». Таким образом, по остроумному выражению Анн Гог, с самого начала имело место «использование этнографического дискурса в туристических целях»[13].

Тем не менее традиционное искусство догонов живо и продолжает пользоваться спросом среди самих носителей традиционной культуры. Двери домов и маленькие дверки зернохранилищ (одна из них экспонировалась в 2018 г.), и особенно резные засовы пользуются спросом среди деревенских жителей (последние имеются в каждом доме). По-прежнему догоны в быту наряду с фабричными стульями используют традиционные резные табуреты (два из них были представлены на выставке «Догоны: небезымянное искусство»), которые мало подходят для продажи туристам из-за своего солидного веса и связанных с ним трудностей транспортировки. Другое дело, что традиционное искусство динамично развивается: так, наряду с табуретами старинной круглой формы стали появляться прямоугольные скамейки (оба типа были представлены на выставке в ГМВ).

---

[10] См., например: [Willett, 1971, p. 264].

[11] Gaugue A. Du savoir ethnologique au produit touristique // *Géographie et cultures*. 2009. 70. URL: http://gc.revues.org/2333 (дата обращения 07.09.2019).

[12] Walther O., Renaud T., Kissling J. Heaven on Earth? The development of tourism in the Dogon Country and the Hombori Mountains (Mali) // *Articulo. Journal of Urban Research*. 2008. 4. URL: http://articulo.revues.org/index417.html (дата обращения 07.09.2019).

[13] Gaugue A. Du savoir ethnologique au produit touristique // *Géographie et cultures*. 2009. 70. URL: http://gc.revues.org/2333 (дата обращения 07.09.2019).

В заключение отметим, что с вопросом об изменчивости традиционного стиля связан еще один миф, который может быть основательно поколеблен экспонатами выставок: долгое время общепринятой была точка зрения, утверждавшая неизменность традиционной художественной культуры в течение едва ли не тысячелетий. Между тем, скульптуры из деревни Энде XVII — начала XX вв. полностью ее опровергают: они не только разные по стилю, но они также обнаруживают явную эволюцию от условности к натурализму. Самая поздняя из них датируется временем не позднее первой четверти XX в., когда никаких туристов на Нагорье Бандиагара еще не было и в помине, т. е. невозможно говорить о каких-либо европейских влияниях. Таким образом, экспонаты выставок в ГМВ наглядно показывают такую картину эволюции традиционного искусства, по крайней мере, одной догонской деревни, что полностью выпадает из ставших уже общепринятыми представлений о нем как о неизменном и лишенном всяких признаков индивидуальности монолите, не подверженном никаким изменениям в течение веков. Это делает выставки 2018 и 2019 гг. в Государственном музее Востока заметным событием не только культурной, но и научной жизни: их экспонаты позволяют, по крайней мере, серьезно усомниться в истинности устоявшихся представлений о традиционной культуре догонов, и в какой-то степени — в истинности представлений о традиционном искусстве всей Африки.

Литература / References

Ванюкова Д. В., Куценков П. А. *Пленники Сириуса. Путешествие в Страну догонов. Каталог выставки.* М., 2019 [Vaniukova D. V., Kutsenkov P. A. *Prisoners of Sirius. Travel to the Country of Dogon. Exhibition Catalog.* Moscow, 2019 (in Russian)].

Войтов В. Е. *Материалы по истории Государственного музея Востока. 1951–1970. Люди. Вещи. Дела.* М., 2006 [Voitov V. E. *Materials on the Pistory of the State Museum of the East. 1951–1970. People. Things. Affairs.* Moscow, 2006 (in Russian)].

Ciarcia G. Exotiquement vôtres. Les inventaires de la tradition en pays dogon // *Terrain.* 2001. 37. Pp. 105–122.

Leloup H. *Dogon.* Paris, 2011.

Willett F. African art: An introduction. London, 1971.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Выставка «Африканская коллекция Эдди Новарро» в музее искусства народов Востока // *Новости музеев.* URL: http://www.museum.ru/N34704 (дата обращения 07.09.2019).

Государственный музей Востока. Выставки. URL: http://www.orientmuseum.ru/exhibitions/archive/-item=10.aspx (дата обращения 18.08.2019).

Gaugue A. Du savoir ethnologique au produit touristique // *Géographie et cultures.* 2009. 70. URL: http://gc.revues.org/2333 (дата обращения 07.09.2019).

Walther O., Renaud T., Kissling J. Heaven on Earth? The development of tourism in the Dogon Country and the Hombori Mountains (Mali) // *Articulo. Journal of Urban Research.* 2008. 4. URL: http://articulo.revues.org/index417.html (дата обращения 07.09.2019).

СВЯЗИ КРЫМА СО СРЕДИЗЕМНОМОРСКИМ РЕГИОНОМ И СТРАНАМИ ВОСТОКА

© 2019
В. В. Лебединский, Ю. А. Пронина[*]

Статья посвящена международной научной конференции «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока», которая проходила 6–8 июня 2019 г. в Севастополе на базе Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Данное научное мероприятие было приурочено к 200-летию Института востоковедения РАН и пятой годовщине воссоединения Крыма с Россией. Конференция была включена в «Комплекс мер по восстановлению исторической справедливости, политическому, социальному и духовному возрождению армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов, подвергшихся незаконной депортации и политическим репрессиям по национальному и иным признакам» Правительства Российской Федерации. Мероприятие широко совещалась в средствах массовой информации. В обзоре представлены основные тезисы докладов участников конференции, в которых обсуждались такие вопросы, как межнациональные и политические взаимоотношения народов Крыма, история и эпиграфика Крыма, археология и морская археология, историография и картография Черноморской и Средиземноморской акватории, торговые и культурные связи Крыма с государствами Средиземноморского региона и странами Востока в древности, средневековье, новое и новейшее время. Разнообразие тематики докладов показало актуальность данного научного симпозиума, в котором приняли участие специалисты и исследователи из России, Казахстана, Абхазии, Китая, Англии, Венгрии, Германии, Швейцарии. В рамках данного научного мероприятия состоялась фотовыставка, на которой были представлены фотографии, посвященные совместным подводно-археологическим исследованиям в Крыму Института востоковедения РАН, Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» и Севастопольского государственного университета.

Ключевые слова: Крым, Средиземноморье, Восток, история, культура, археология, подводная археология.

RELATIONS OF THE CRIMEA WITH THE MEDITERRANEAN REGION AND THE COUNTRIES OF THE ORIENT

Victor V. Lebedinski, Julia A. Pronina

[*] Виктор Викторович ЛЕБЕДИНСКИЙ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; v_lebedinski@mail.ru

Victor V. LEBEDINSKI, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; v_lebedinski@mail.ru

Юлия Александровна ПРОНИНА, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; julia_pronina@mail.ru

Julia A. PRONINA, Junior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; julia_pronina@mail.ru

Конференция проведена при финансовой поддержке РФФИ, договор № 19-09-20073/19.

In this review we analyze a complex scientific event — the International Scientific Conference "Historical, cultural, interethnic, religious and political relations of the Crimea with the Mediterranean region and the countries of the Orient", which was held in Sevastopol at the State Historical and Archeological Museum-Reserve "Chersonesos Taurica" from June 6 — to June 8, 2019. This scientific event was dedicated to the 200th anniversary of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences and the fifth anniversary of the reunification of the Crimea with Russia. The conference was included in the "Set of measures to restore historical justice, political, social and spiritual revival of the Armenian, Bulgarian, Greek, Crimean Tatar and German peoples who were subjected to illegal deportation and political repression on ethnic and other grounds" of the Government of the Russian Federation. The event was widely deliberated in the media. In the review are presented the main theses of the reports of the conference participants, which discussed such issues as inter-ethnic and political relations of the peoples of Crimea, history and epigraphy of the Crimea, archeology and maritime archeology, historiography and cartography of the Black Sea and Mediterranean waters, trade and cultural ties of the Crimea with the states of the Mediterranean region and the countries of the East in Antiquity, Middle Ages, New and Modern times. A variety of topics of reports showed the relevance of this scientific symposium, which was attended by experts and researchers from Russia, Kazakhstan, Abkhazia, China, England, Hungary, Germany, Switzerland. As part of this scientific event, a photo exhibition was held, on which photographs were presented devoted to joint underwater archeological research in the Crimea of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, the State Historical and Archaeological Museum-Reserve "Chersonesos Taurica" and the Sevastopol State University.

Keywords: Crimea, Mediterranean, Orient, history, culture, archeology, underwater archeology.

6–8 июня 2019 г. в городе Севастополе состоялась Третья международная научная конференция «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока». Это уникальное научное мероприятие было подготовлено Институтом востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН) совместно с Государственным историко-археологическим музеем-заповедником «Херсонес Таврический» и Севастопольским государственным университетом (СевГУ). Конференция была включена в «Комплекс мер по восстановлению исторической справедливости, политическому, социальному и духовному возрождению армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов, подвергшихся незаконной депортации и политическим репрессиям по национальному и иным признакам» Правительства Российской Федерации.

Конференция была посвящена 200-летию Института востоковедения РАН и пятой годовщине воссоединения Крыма с Россией. Пленарное заседание открылось приветствиями председателя Законодательного собрания города Севастополя *Е. Б. Алтабаевой*, директора Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» *Е. А. Морозовой*, ректора Севастопольского государственного университета *В. Д. Нечаева*, заместителя директора Института востоковедения РАН *А. К. Аликберова*, директора Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета *И. А. Чихарева*, заместителя директора по научной работе Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» *Л. В. Седиковой*. Заместитель директора Института востоковедения РАН *Н. Г. Романова* зачитала приветственное слово участникам конференции от имени научного руководителя

Института востоковедения РАН, академика РАН, профессора *В. В. Наумкина* и директора Института востоковедения РАН, профессора *В. П. Андросова*.

В заседаниях конференции, проходившей в Государственном историко-археологическом музее-заповеднике «Херсонес Таврический», приняли участие представители Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета (ИОНМО СевГУ), Института археологии Крыма РАН, Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа, Института всеобщей истории РАН, Института археологии РАН, Института языкознания РАН, Оксфордского университета, Университета Женевы, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Кыргызского национального университета им. Жусуп Баласагына, Уральского федерального университета им. Первого президента России Б. Н. Ельцина, Донского государственного технического университета, Северо-Кавказского федерального университета и др.

Участниками научного симпозиума стали исследователи и молодые специалисты (более 110 человек) из 37 учреждений Российской Федерации, ближнего и дальнего зарубежья. Конференция широко совещалась в средствах массовой информации.

В зависимости от тематики доклады были объединены в группы и разделены по шести секциям.

Секция 1: Развитие национальных культур, политических связей, языков и исторических концепций Крыма и Средиземноморского региона; межнациональные и политические отношения народов Крыма в прошлом и настоящем — единство в многообразии.

Секция 2. Империи в борьбе за Крым (Римская, Византийская, Золотая Орда, Османская, Российская).

Секция 3. Письменные источники по истории Крыма, Средиземноморского региона и стран Востока; историография и картография Черноморской и Средиземноморской акватории.

Секция 4. Политические, торговые и культурные связи Крыма с государствами Средиземноморского региона и странами Востока в древности, средневековье и новое время; Крым и Великий шелковый путь.

Секция 5. Археология, подводная археология, нумизматика и эпиграфика Крыма: артефакты международных экономических и культурных связей.

Секция 6. Морская археология: развитие подводно-археологических исследований у берегов Крыма, результаты и перспективы.

В *первой секции* (модераторы И. А. Чихарев, А. К. Аликберов) среди прочих были представлены следующие доклады.

Доктор политологических наук Севастопольского государственного университета *А. А. Ирхин* в своем докладе «Россия, США и Турция в Черноморско-Средиземноморском регионе: интересы, противоречия, перспективы» затронул проблему внешнеполитических интересов данных субъектов в Черноморском и Средиземноморском регионах, в том числе на основании анализа таких основополагающих американских внешнеполитических доктринальных документов как Стратегия национальной безопасности-2017 и Национальная оборонная стратегия-2018, турецкой доктрины «Стратегическая глубина», Конвенции Монтрё.

Доклад *И. А. Чихарева* (ИОНМО СевГУ) был посвящен теме «Восточное Средиземноморье: новые подходы к конструированию региона и места в нем России». Автор пришел к заключению, что Россия занимает ключевое место в Большом Средиземноморье по историческим, географическим, геополитическим, геоэкономическим и геокультурным причинам.

Динь Ле Хонг Занг (ИОНМО СевГУ) выступил с докладом «Инициатива КНР “Пояс и путь”: перспективы и выгоды для Российской Федерации». На основании SWOT-анализа автор излагает комплексную оценку данной проблемы, рассматривая преимущества, возможности, угрозы и невыгодные положения для России в рамках Инициативы «Пояс и путь».

А. К. Аликберов (Институт востоковедения РАН) выступил с докладом «От Крыма до Волжской Булгарии: о проблеме этнополитической дифференциации хазар и тюрков».

Н. Г. Жантелиева (Кыргызский национальный университет имени Жусуп Баласагына) сделала доклад «А. Н. Бернштам и Крым». А. Н. Бернштам, будучи еще школьником, с 1925 по 1928 гг. начал работать в Севастопольском музее краеведения. Именно в эти годы произошло становление и выбор специализации будущего крупного востоковеда и археолога, изучавшего Среднюю и Центральную Азию.

Во *второй секции* (модератор А. Д. Васильев) были заслушаны доклады:

Д. В. Конкин (Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского) в своем сообщении «“Слухи, скандалы, расследования”: крымско-турецкие связи и противодействие им российских властей в первой половине XIX в.» рассмотрел случаи распространения информации о готовящихся мусульманами агрессивных действиях в Крыму в начале XIX в. Автор отмечает, что российская власть отслеживала подобные случаи, проверяла их достоверность и устраняла. Однако случаев фактической подготовки каких-либо заговоров среди крымско-татарского населения или спланированных провокаций со стороны Турции в тот период выявлено не было.

А. Е. Катюшин (Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского) посвятил свой доклад «Крымская война: к вопросу о тыловых коммуникациях» первой обороне Севастополя в период Крымской войны, когда русская армия в течение 349 дней героически защищала черноморскую базу, но вынуждена была покинуть город. Одним из негативных факторов, повлиявшим на исход войны, стала, по мнению автора, очень сложная система доставки грузов к войскам и перевозки раненых.

А. Д. Васильев (Институт востоковедения РАН) выступил с докладом «Взаимодействие Шейбанидов и Османских султанов в середине — второй половине XVI в. (в контексте борьбы с Сефевидским Ираном)». На основании данных турецких архивов XVI в. автор исследует историю взаимоотношений между Османской империей и государствами Центральной Азии.

В *третьей секции* (модератор Т. П. Кущ) среди представленных докладов интересен доклад доктора политологических и исторических наук Кубанского государственного университета *А. В. Баранова* «Межэтнические и политические взаимоотношения народов Крыма в современных условиях (по итогам анкетных опросов 2017–2018 гг.)», основанный на данных пилотажного опроса в Республике Крым и городе Севастополе молодежи от 16 до 35 лет.

Т. М. Калинина (Институт всеобщей истории РАН) в своем докладе «Танаис и Борисфен (по данным арабских географов X в.)», исследуя сочинения таких арабских ученых, как ал-Хорезми, ал-Баттани, Ибн Русте, ал-Мас‘уди, ал-Бакри, ал-Хараки и других, пришла к выводу, что они имели сведения только о реке Танаис, опираясь на античную традицию.

Т. В. Кущ (Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б. Н. Ельцина), выступила с докладом «Пиратство в Восточном Средиземноморье в XV в.». Проблема пиратства в этот период, по мнению автора, претерпела значительные изменения, прежде всего, по составу участников пиратских рейдов, форме разбоя и методам борьбы с ними.

В *четвертой секции* (модераторы Ю. М. Могаричев, Н. В. Жилина) было представлено набольшее количество докладов по разным аспектам заданной темы (двадцать докладов):

В своем докладе *А. В. Аргун* (Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа) «Материальная культура раннесредневековой Анакопии в пространстве севера Византийской ойкумены» на основании сравнительных данных археологических раскопок Анакопийской крепости и поселений Крыма приходит к заключению, что в период IX–XI вв. эта обширная территория представляла собой общее торгово-экономическое пространство с доминирующим значением ведущих экономических центров Византии.

В. А. Нюшков (Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа) представил доклад по схожей тематике более раннего периода «Торгово-экономические контакты Древней Абхазии с Северным Причерноморьем в I–VI вв. н. э.». Данные керамического и нумизматического материала, обнаруженного на территории Абхазии, по мнению автора, подтверждают торгово-экономические связи Северной Колхиды и Северного Причерноморья.

Доклад *П. Армстронг* (Оксфордский университет) был посвящен теме «Керамика группы “Zeuxippus ware” и археологические свидетельства о торговле Херсонеса в XII–XIII вв.».

Сотрудники Северо-Кавказского федерального университета *А. А. Кудрявцев* и *Е. А. Кудрявцев* выступили с докладом «Северный Кавказ и Крым в геополитических и экономических планах России и Турции на Кавказе во второй половине XVI — начале XVII вв.». Противостояние Русского государства и Османской империи в этот период в борьбе за влияние на Кавказе показало, что Османская империя не смогла решить эту важную геополитическую задачу.

В докладе *Н. В. Гинькут* и *Е. В. Колесник* (Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический») «Ближневосточная керамика с голубой поливой из раскопок Г. Д. Белова на Северном берегу Херсонесского городища как пример торговых взаимоотношений» на основе данных археологических раскопок в этом районе 1930–1940-х гг. был проведен анализ так называемой восточной поливной керамики.

Н. В. Жилина (Институт археологии РАН) в докладе «Зооморфные мотивы средневекового орнамента по крымским и славяно-русским материалам. Параллели, связи и своеобразие» рассмотрела входящие в состав орнаментальных композиций или

воспроизводящиеся отдельно такие зооморфные мотивы, как мотив хищной птицы — орла, мотив павлина, мотив шагающей птицы, мотив льва.

В докладе «Транскультурные взаимодействия в храмовой архитектуре Крыма и Северного Причерноморья периода Средневековья» *В. В. Пищулина* (Донской государственный технический университет) на основании исследований средневекового христианского зодчества пришла к заключению об интенсивности взаимодействия Таврики и Северного Кавказа.

В *пятой секции* (модератор В. В. Майко, А. В. Сазанов) также приняло участие большое количество исследователей:

Л. В. Седикова (Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический») выступила с докладом «Поливная полихромная керамика с орнаментом sgraffito из Херсонеса». Анализируя данные полихромной сграффити керамики из раскопок Херсонеса автор заключает, что пока не представляется возможным отнести эту группу гончарных изделий к какому-либо из известных центров производства и связывает ее появление в Херсонесе с торговлей венецианских купцов.

В совместном докладе *М. Ю. Меньшиковой* (Институт археологии РАН), *А. А. Волошинова* (Институт археологии Крыма РАН), *Н. В. Гинькут* и *Е. С. Лесной* (Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический») «Керамический комплекс золотоордынского поселения Кырк-Азизлер. Предварительный обзор» по данным керамического материала (пифосов, амфор, поливной керамики) авторы пришли к предварительному выводу, что время существования поселения Кырк-Азизлер приходится на конец XIII — середину XIV вв.

В. В. Майко (Институт археологии Крыма РАН) в докладе «Новое в изучении археологии генуэзской Газарии» провел историографическое исследование данного вопроса и пришел к заключению, что изучение генуэзских памятников Крыма и их связей со Средиземноморским регионом успешно продолжается в настоящее время.

А. А. Евдокимова (Институт языкознания РАН) представила доклад «Византийские надписи Крыма, формулы и лингвистические особенности». Анализ формул в погребальных и молитвенных надписях Крыма, по мнению автора, показывает их аналогичность с надписями на греческом в Египте, Сирии, Нубии.

Независимый исследователь из Бонна *М. Ю. Трейстер* в докладе «Позднеэллинистические литые в формах стеклянные сосуды и их фрагменты из погребений кочевников Азиатской Сарматии» представил детальный анализ интересных находок сосудов мозаичного стекла из сарматских погребений Нижнего Подонья и бассейна реки Есауловский Аксай.

В последней, *шестой секции* (модератор В. В. Лебединский), среди прочих были представлены следующие доклады:

В совместном докладе *В. В. Лебединского* (Институт востоковедения РАН), *Ю. А. Прониной* (Институт востоковедения РАН), *Н. В. Гинькут* (Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»), *Д. Б. Татаркова* (Севастопольский государственный университет), *В. И. Двухшерстного* (Севастопольский государственный университет) «Подводно-археологическая разведка кораблекрушения византийского периода в районе Балаклавы» авторами были представлены результаты обследования кораблекрушения, обнаруженного возле населенного пункта Балаклавы административной территории города Севастополя. В ходе доклада были

продемонстрированы фрагменты фото-видео съемки останков корабля, фотограмметрический план и 3D-модель.

В. В. Вахонеев (Черноморский центр подводных исследований) сделал доклад «Археологические исследования парохода “Веста” — участника русско-турецкой войны 1877–1878 гг.», в котором автор рассказал об истории сооружения парохода и его гибели.

В завершении работы данной секции была организован *дискуссионный круглый стол для магистрантов* Севастопольского государственного университета, в котором приняло участие около 30 молодых исследователей. Студенты получили возможность не только прослушать выступления ученых, но и принять участие в обсуждении актуальных вопросов, связанных с морскими исследованиями у берегов Крыма.

По итогам конференции участниками были приняты следующие решения:

- научное мероприятие было организовано и проведено на высоком уровне;
- решено проводить конференцию ежегодно;
- представленные на конференции доклады сделаны на высоком научно-методическом уровне;
- учитывая, что данный симпозиум имеет большое научное значение, а также общественно-политический резонанс, была высказана просьба государственные и общественным структурам поддержать проведение данного научного мероприятия.

В рамках научного мероприятия состоялась *фотовыставка* (автор концепции *В. В. Лебединский*, составитель *Ю. А. Пронина*), в экспозиции которой были представлены фотографии, посвященные совместным подводно-археологическим исследованиям в Крыму Института востоковедения РАН, Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» и Севастопольского государственного университета.

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА РОСТИСЛАВА БОРИСОВИЧА РЫБАКОВА

(28.03.1938–07.08.2019)

7 августа 2019 г. на 82-м году жизни после тяжелой и продолжительной болезни скончался Ростислав Борисович Рыбаков. Ростислав Рыбаков родился в 1938 г. Вся научная, общественная и организационная деятельность Р. Б. Рыбакова, видного индолога, посвятившего свою жизнь исследованию проблем индуизма и его роли в развитии индийского общества на разных этапах его исторического развития, связана с Институтом востоковедения Российской академии наук, где он работал с 1966 г., прошел путь от аспиранта и младшего научного сотрудника до директора Института с 1994 по 2009 гг.

Закончив в 1963 г. Институт восточных языков при МГУ, Р. Б. Рыбаков определил сферу своих научных интересов и активно продолжал научные исследования, уделяя первостепенное внимание проблемам индуизма и его реформации, связям религиозно-реформаторских течений с жизнью и социальным развитием индийского общества как до, так и после достижения Индией независимости. В 1981 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Буржуазная реформация индуизма (начало XIX века — 1947 год)», в 1991 г. — докторскую

диссертацию «Роль религиозного фактора в социально-политическом развитии Индии в новое и новейшее время».

Значительное внимание в исследовательских работах Р. Б. Рыбакова уделяется проблемам современной Индии и роли в ней индуизма как господствующей религии, играющей сегодня особую роль в политическом развитии страны, где у власти находится коалиция, возглавляемая индуистской националистической партией «Бхаратия Джаната парти». Опубликованные исследовательские труды Р. Б. Рыбакова посвящены основным чертам и функциям индуизма, его буржуазной реформации и социально-регулятивной роли, а также таким выдающимся религиозно-философским и общественным деятелям Индии, как С. Вивекананда, Рамакришна Парамаханса, Сарада Деви, М. Ганди и др.

Научные исследования Р. Б. Рыбакова отличаются глубиной и последовательностью, высоким профессионализмом, искренней преданностью избранной профессии, прекрасным знанием истории, философии, идейных воззрений индийских философов и религиозных деятелей, реалий современной индийской жизни. В целом ряде публикаций Р. Б. Рыбаков выступил как новатор, представивший свою собственную интерпретацию сложных и противоречивых проблем идеологии, философии и политики, базирующихся на индуистских принципах и подходах.

Работы Р. Б. Рыбакова сыграли большую роль в ознакомлении российского читателя с историей, философией и религиями Индии. Его статьи регулярно публиковались в крупнейших научных и научно-популярных изданиях как в России, так и за рубежом. Им было опубликовано более 120 научных работ, включая монографии, разделы в коллективных работах, многочисленные статьи.

Р. Б. Рыбаков вел активную научно-организационную деятельность, связанную с распространением знаний в российском обществе об Индии и востоковедении в целом. Он являлся членом нескольких академий, в том числе международных, возглавлял редакционные коллегии ряда многотомных научных изданий, в том числе таких, как «История Востока», «Страны Востока — XX век», альманах «Восточная коллекция» и др., являлся президентом XXXVII Международного конгресса по азиатским и североафриканским исследованиям (ICANAS), который состоялся в Москве в 2004 г.

Значительное внимание уделял Р. Б. Рыбаков научно-педагогической деятельности. Он являлся одним из инициаторов создания Восточного университета, учрежденного Институтом востоковедения РАН. Под его руководством работали аспиранты и соискатели, он выступал с лекциями, участвовал в многочисленных научных семинарах и конференциях в университетах России, Индии, других стран Востока и Запада.

Работы Р. Б. Рыбакова широко известны в Индии, где они неоднократно публиковались и неизменно вызывали широкий интерес в научных, общественных и религиозных кругах страны. Он вносил ощутимый личный вклад в развитие российско-индийских научных связей, являясь сопредседателем Российско-индийской комиссии по сотрудничеству в области общественных наук.

Большой теоретический интерес представляют исследования Р. Б. Рыбакова в области таких проблем, как синтез модернистского и традиционного в религиозно-культурной сфере, формы воздействия религии на политический процесс в условиях массовой религиозности, параметры развития религиозной ситуации, соотношение

конфессионального и этнического факторов в многонациональном и поликонфессиональном обществе.

Р. Б. Рыбаков неоднократно представлял отечественную науку за рубежом: выступал с докладами в Китае, Японии, Индии, Франции, Турции, Монголии, руководил работой российской делегации на многих международных научных форумах.

Ростислав Борисович отличался самым широким кругозором, разносторонней образованностью, выходящей далеко за рамки его профессиональных знаний, истинной интеллигентностью, доброжелательностью и готовностью делиться своими познаниями с друзьями и коллегами.

Коллектив Института востоковедения, российские индологи приносят соболезнования родным и близким покойного. Светлая память!

Коллектив Института востоковедения РАН

ПАМЯТИ ТЮРКОЛОГА, КОЛЛЕГИ И ДРУГА
ШАРИП ШАРИПОВИЧ АХМЕДОВ
(27.10.1937–16.08.2019)

16 августа 2019 г. в Москве на восемьдесят втором году жизни скончался Шарип Шарипович Ахмедов — президент Межрегиональной общественной организации «Национально-культурное объединение уйгуров» Москвы, Московской области и Санкт-Петербурга, писатель и публицист, поэт, знаток уйгурской истории, культуры и родного языка. Замечательный человек, патриот своей Родины и народа, хранитель традиций и культурного наследия российской уйгурской диаспоры.

Шарип Шарипович Ахмедов родился 27 октября 1937 г. в городе Кашгаре, тогдашней китайской провинции Синьцзян. В пятилетнем возрасте он вместе с родителями переселился в город Шихо, где закончил среднюю школу. Затем, по окончании подготовительных курсов в Урумчи и после успешной сдачи отборочных

экзаменов, в 1957 г. юноша в числе пяти учащихся направляется из Урумчи в Москву и поступает в Московский горный институт. Это были первые студенты-уйгуры из Синьцзяна.

В 1962 г., после окончания Горного института, он возвращается в Урумчи, но попадает под репрессии со стороны тогдашней маоистской администрации района. Чудом ему удается выехать в СССР, благодаря тому, что он еще в студенческие годы женился на русской девушке, и у них была годовалая дочь.

Несколько лет Шарип-ака трудился на шахте в Экибастузе и, вернувшись в Москву, стал сотрудником Горного института, где проработал и руководил отделом до самого выхода на пенсию.

Шарип Шарипович был знатоком уйгурского фольклорного наследия, собирал и подготовил к изданию поэтические произведения — уйгурские мукамы и другие памятники уйгурской литературы. Ему принадлежат многочисленные собственные стихотворения, связанные с прошлой и настоящей культурой уйгуров — народа, который внес огромный цивилизационный вклад в историю народов Востока. Он всегда считал и никогда не скрывал, что смысл своей жизни видит в служении многострадальному уйгурскому народу и неустанно воспитывал и призывал нас — молодых друзей и соратников — следовать этим принципам. Все его поэтические произведения, публикации в интернете, выступления в прессе и на научных конференциях были посвящены заботам о насущных проблемах своего народа, его истории.

Отлично владея уйгурским литературным языком, он мечтал создать в Москве школу для детей диаспоры по обучению родному языку. И, возможно, осуществил бы свой замысел, будь у него больше времени и здоровья. Он был работоспособным и трудолюбивым человеком, и поражал знавших его людей своей продуктивностью. Но он не думал о своем здоровье и своем благополучии.

Шарип Шарипович не ограничивался культурно-просветительной и литературной деятельностью. На ниве практической общественной работы он сделал очень многое для ознакомления российской общественности с уйгурами, с их традиционной культурой и историческим связями с народами СССР, участвуя в работе Московского Дома Национальностей, Конгресса национальных объединений России, Департамента по национальным вопросам Правительства Москвы, а также сотрудничая в ряде мероприятий с Институтом востоковедения РАН. Во многом благодаря его активной поддержке и непосредственному участию, ИВ РАН успешно провел в 2016 г. в Звенигороде под Москвой масштабную международную уйгуроведческую конференцию «Уйгуры — история, культура, общество», в которой приняли участие ученые из России, США, Австралии, Германии, Норвегии, Швейцарии, Франции, Великобритании, Индии, Тайваня, Турции, Канады, Казахстана, Кыргызстана. В программе конференции были не только доклады участников, но также и выставка картин профессиональных уйгурских художников из Казахстана, выступления артистов уйгурских фольклорных коллективов, презентация уйгуроведческих книжных изданий.

Ушел из жизни замечательный и талантливый человек с глубокими востоковедческими знаниями, самоотверженный патриот, убежденный в счастливом будущем своего народа. Его знали и уважали во всех странах, где существует разветвленная уйгурская диаспора.

Коллеги-тюркологи приносят соболезнование его супруге Арзигуль, всем детям, многочисленным внукам и правнукам дорогого Шарипа-ака, хранителя культурного наследия уйгуров, нашего друга и наставника.

Д. Д. Васильев, Р. Т. Садыков[*]

* Дмитрий Дмитриевич ВАСИЛЬЕВ, кандидат исторических наук, профессор, заведующий Отделом истории Востока Института востоковедения РАН, Москва; dmivas46@mail.ru
Dimitry D. VASILIEV, PhD (History), Professor, Chair of the Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; dmivas46@mail.ru
Рафкат Турсунович САДЫКОВ, председатель Национально-культурного объединения уйгуров Москвы, Московской области и Санкт-Петербурга, Москва; Sadykov_rt@mail.ru
Rafkat T. SADYKOV, Chairman of the National Cultural Association of the Uyghurs of Moscow, Moscow Region and Saint Petersburg, Moscow; Sadykov_rt@mail.ru

Подписано в печать 04.10.2019. Формат 60x84/8
Бумага офсетная 80 г/м2. Печать цифровая
Тираж 500 экз. Гарнитура Garamond
Объем 28,2 печ.л.
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корпус 5.
Тел: 8 (495) 322 38 31
www.t8print.ru

Фото 1. Скальная гробница Кахерптаха (G 7721) в Гизе (*фото С. В. Ветохова*)

Фото 2. Рельефы на пилларах скальной гробницы Кахерптаха в Гизе (*фото С. В. Ветохова*)

Фото к статье С. В. Ветохова «Сердаб в древнеегипетской скальной гробнице Кахерптаха (G 7721) в Гизе: новые данные»

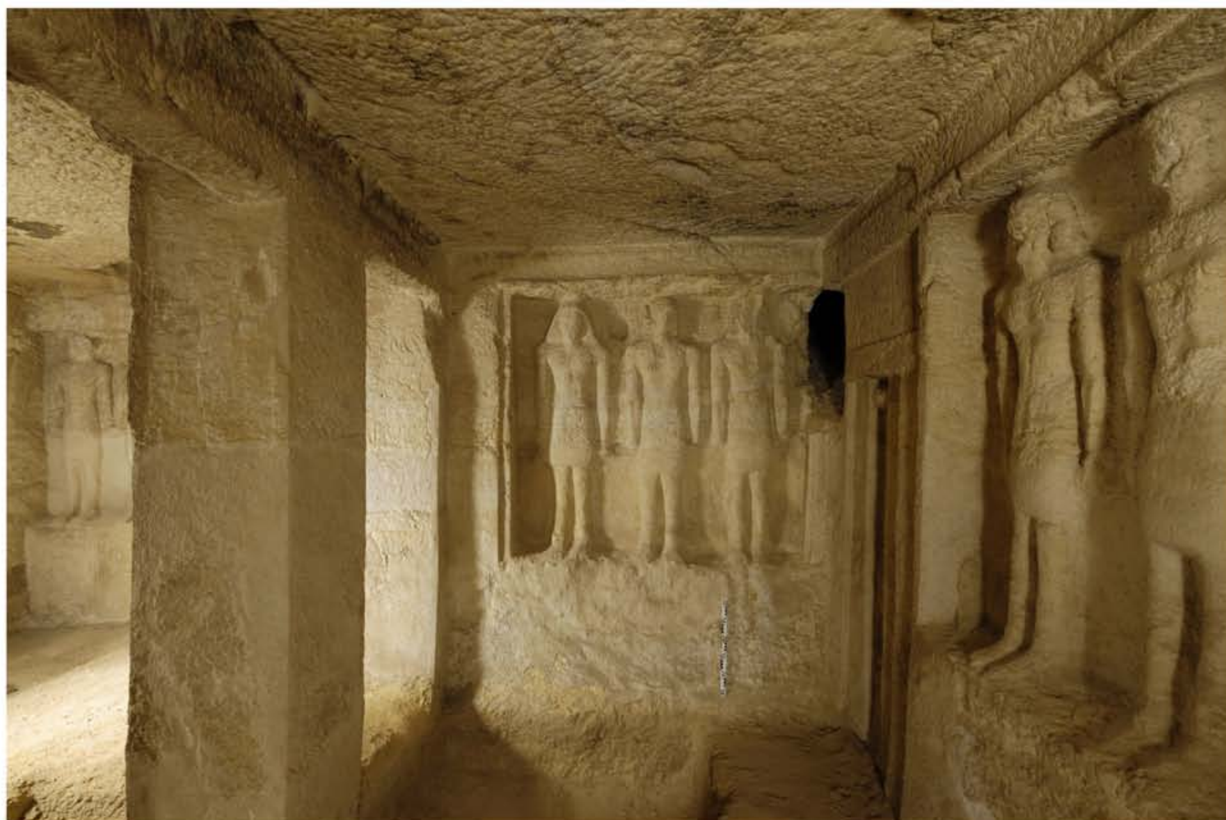

Фото 3. Южная стена помещения B в гробнице Кахерптаха (*фото С. В. Ветохова*)

Фото 4. Западная стена помещения B в гробнице Кахерптаха (*фото С. В. Ветохова*)

Фото 5. Наофорный алтарь в помещении 35 храма в Абу Эртейле (*фото С. В. Ветохова*)

Фото 6. Фрагмент сосуда AE16/II-40/4 (*фото С. Е. Малых*)

Фото 7. Кувшин из Фараса
(AMB Nr20856)

Фото 8. Кувшины из Каранога (по: [Woolley, Randall-MacIver, 1910, pl. 44, 46-47])

Фото к статье Н. В. Александровой «Конь без всадника и дерево джамбу: к интерпретации рельефа на восточных воротах большой ступы в Санчи»

Фото 9. Рельеф на среднем архитраве восточных ворот Ступы № 1 в Санчи (*фото Н. В. Александровой*)

Фото 10. Прощание с Бодхисаттвой. Рельеф на архитраве восточных ворот, деталь (*фото Н. В. Александровой*)